

5798

ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ,
ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ

*Под общей редакцией
И. Т. Смильги*

Ж.-П. МАРАТ

(1743—1793)

А С А Д Е М И А
Москва — Ленинград

Ж.-П. МАРАТ

ПАМФЛЕТЫ

Под редакцией,
со вступительной статьей и комментариями
Ц. Фридлянда

8575
X

Бібліотека
Станіславського
УЧИТЕЛЬСЬКОГО
№ 3416 Л. 821.

НБ ПНУС

5798

А С А Д Е М І А
1984

Jean Paul Marat

PAMPHLETS

Переплет и супер-обложка А. Д. Гончарова

Проспект¹

Достаточно, конечно, назвать автора работ, о которых тут сообщается, чтобы стали ясны их достоинства, и поэтому мы ограничимся лишь указанием их полезности. Они теперь требуются более чем когда бы то ни было как руководство народу, так часто вводившемуся в заблуждение частью тех, кто был призван составить его счастье, и теперь совсем недавно снова так горестно узнавшему этих людей на опыте.

Враги народа обязаны своими успехами лишь его невежеству, лишь его недостатку знаний; поэтому мы видим, с каким ожесточением тираны преследуют тех, кто эти знания распространяет и размножает, в каких красках они изображают их с целью сделать ненавистными, с какой тщательностью тираны избегают тех спасительных учреждений, которые дают юношеству надежду стать просвещенными гражданами. Но если тираны так сильно боятся влияния просвещения и сосредоточивают все свои усилия на том, чтобы его задушить, то народы должны удваивать свои старания, чтобы доставить просвещению торжество, особенно же народы республиканские, призванные одобрять или отклонять законы, наблюдать за их выполнением и за действиями правительства, а также участвовать в нем, они не могут при выполнении разных доверенных им обязанностей поддерживать невежество, подвергающее опасности отечество.

В изучении прошлого мудрый народ черпает уроки на будущее; не многие печатные труды дают такое их количество, как «Друг народа», и притом столь полезных. Номера «Друга народа», составляю-

шего, так сказать, архив революции, отличаются от других периодических листков, содержащих одни лишь факты. Марат излагал не только то, что было сделано, но и то, что следовало бы сделать. Все свои уроки он освещал светом фактов; он шаг за шагом наблюдал работу всех представительных собраний, он разъяснял, что было в ней хорошего или опасного, он всегда действовал с зондом в руках, указывал подводные камни и способы их избежать. Он дал основы законов, пригодных для свободного народа, и показал, насколько существующие или предлагаемые законы от них отклоняются или им противоречат. Он доказал, что для сохранения свободы надо быть постоянно начеку в отношении тех, кто правит, что очень легко погубить тех, кто не испытывает недоверия, и что чрезмерное спокойствие народов служит всегда предвестником их порабощения, что кощунственное властолюбие правительства побуждает его посягать на общественную свободу, но что лишь трусость народа придает власти смелость готовить ему оковы.

Говоря о свободе печати, этого оружия, пугающего тиранию, он указывает на то, что это самая драгоценная привилегия, способствующая сохранению свободы; если Национальное собрание попыталось бы покуситься на нее, то народ должен сам немедленно отомстить за себя, пренебрегая противодействием; он призывает всех рассудительных и твердых людей, всех добрых патриотов вооружиться сразу пером против Собрания и приглашает всю печать сотрудничать в этом благом деле.

Марат не ожидал революции, чтобы содействовать торжеству свободы,—он был рожден для нее, и она представляла с самого его детства его любимую и господствующую страсть. Эта непреодолимая склонность побудила его, несмотря на разные занятия*, совершенно чуждые этому призванию, воспользоваться представившимися обстоятельствами, чтобы обнаружить в работе, озаглавленной «Цепи рабства» и опубликованной в Лондоне в 1774 году, в период новых выборов в парламент, все покушения тирании на свободу народов. Эта работа, написанная сильно и смело, должна была бы служить

* Он занимался медициной и приобрел в ней большую известность особенно в области лечения глаз, в которой достиг совершенства; он является автором многочисленных работ по философии, почти неизвестных никому, кроме ученых и писателей; он создал новую систему для объяснения света и цветов, позволившую воспринимать их чувственно и разлагающую их на составные части при помощи новых и полных изобретательности способов, что раньше лишь неявно предвиделось, притом на основе ошибочных принципов. Можно было бы удивляться тому, что он оставил такое блестящее поприще, если бы не было известно, что любовь к свободе является самой повелительной страстью добрых душ.

руководством для всех тех, кто опасается угнетения и рабства; они узнали бы, как обрекается ему свободный народ, когда он не держится настороже против тайных и почти неуловимых покушений на народные права, которые правящие лица производят сначала под благовидными предложениями. Марат показывает искусство, с каким правители определяют деятельность верховного владыки и доводят тирана до того, что он больше не в состоянии проникать в дела управления, узнавать о злоупотреблениях правительства и о его посягательствах на законы; Марат показывает, каким образом народ, став чуждым государственным делам и не принимая в них больше участия, начинает проявлять безразличие к народному благу и как, перестав осуществлять свои права, он скоро перестает помнить о них.

Он показывает, какую опасность создает для свободы передача народной власти небольшому числу ее агентов и сосредоточение в их руках осуществления законов. Он неопровержимо доказывает, что *без разделения власти, без непосредственной зависимости властей от народа и друг от друга, без их взаимного равновесия и ограничения* народ неизбежно попадает в рабство.

Говоря о должностях, которыми располагает народ, он указывает, что их следует давать лишь по заслугам, к каким бы низостям ни прибегали те, кто их домогается, и что всякое иное назначение достигается только низкими путями, лестью и продажностью. Наконец, он своим прощательным и бодрствующим взглядом обзирает все подводные камни, о которые может разбиться народная свобода, и его рвение к делу народа диктует советы, которые он дает для избежания такого несчастья.

Вскоре по окончании «Цепей рабства» он начал работать над реформой уголовного уложения. Уголовный кодекс представляет почти у всех народов бесформенное скопление варварских и жестоких законов, в которых место неведомой им справедливости заступала месть; перед оскорбленной природой они являли отвратительную картину, желая обнаружить преступление, чтобы было кого карать.

Марат был тронут бедствиями, обременяющими человечество, и пытался их облегчить. В своем «Проекте уголовного законодательства» он показывает, каким путем должно следовать общество, чтобы обуздать тех, кто пытается нарушить его гармонию; всегда заботливый к судьбе несчастных, он тщательно изучает, не увеличивают ли пороки правительства их число, не создают ли плохие законы, негодные учреждения и, наконец, общественная несправедливость бедняков, не побуждают ли они их стать преступниками, лишая их насильственно того, что им дано природой и в чем отказано обществом — права на существование. Марат напоминает обществу, чем оно обязано каждому из своих членов, и доказывает, что всякий человек освобождается от

своих обязательств в отношении общества и что оно само их уничтожает, разрывает, когда не обеспечивает ему тех благ, на которые он вправе рассчитывать взамен той части своей первоначальной свободы, которую уступает обществу, подчиняясь обязательному для него договору, создающему общественные законы.

Повсюду в этой работе с живейшим участием защищаются интересы обездоленных; он доказывает, что в принимаемых мерах и в осуществляемых законах то правосудие и справедливость, которые должны были бы всегда составлять их основу, очень часто забываются и нарушаются, что целью хороших законов должно быть в такой же степени предупреждение преступлений, как и их обуздание; он энергично восстает против наказаний, не соответствующих преступлениям; против законов, поражающих самую невежественную часть народа, вследствие этого менее всего виновную. Его выводы так правильны, доводы так неопровержимы, что против них ничего нельзя возразить.

Несмотря на то, что эта работа охватывает все части уголовного законодательства, несмотря на то, что она довольно подробно касается самых неправильных и находящихся в наибольшем пренебрежении статей закона, все же приходится жалеть о ее краткости, и можно предполагать, что Марат ее значительно расширил бы, если бы происшедшая революция не открыла ему более широкого поля деятельности в интересах замышляемого им возрождения.

Едва засветили французам первые искры революции, как Марат начал раздувать огонь. Политическая арена не была еще открыта, но он взял приступом вход к ней; при первом же шаге он почувствовал, что она будет для него губительной, что он возбудит против себя всех тех, чьи интересы противоположны интересам народа, который он защищал; что страсти, предрассудки, честолюбие и интриги объединятся и будут противодействовать его великодушным усилиям. Но ничто его не останавливает: надежда отомстить за народ, который он нежно любит, помочь ему разбить свои оковы и привести его к счастью заставляет его презреть как препятствия, так и опасности.

Его задача была велика: надо было одновременно ознакомить народ с его правами, которых он даже не предполагал, указать ему тактику, которой он должен следовать для овладения ими, преодолеть его опасения, ошибки, оцепенение и беззаботность, укрепить его перешептывающую и робкую поступь; с другой же стороны — надо было воспрепятствовать проектам вероломного двора, который, уступая обстоятельствам, был вынужден отказаться от части захваченной им власти, но ждал лишь благоприятного случая, чтобы снова вернуть народ под железное ярмо. Развращенное правительство, повернувшее

и вероломные уполномоченные, подкупленные агенты власти, золото, рассыпаемое целыми пригоршнями, должны были, конечно, помешать успехам Марата.

Но, неутомимый, он, даже если и уступает на мгновение потоку, препятствующему его намерениям, то затем, еще более сильный и грозный, немилосердно настигает всех врагов народа, на котором сосредоточиваются его заботы, он гремит против наиболее прославленных из них, раскрывает их коварство, выводит на свет их самые тайные происки задолго до того, как они должны обнаружиться, и принуждает Лафайетов, Ламетов, Барнавов, Петюнов, Дюмурье и т. п. самих отбросить лживые маски, которые он с них сорвал.

Враг лести, Марат никогда не прибегал к ее соблазнительным речам, но он умел найти своим прямым и искренним словом доступ к народу. В нем, друге истины, народ признал настоящего защитника своих прав; когда преступная рука убила Марата, его сопровождали признание и сожаления народа, которому он посвятил свою жизнь и свои дарования.

Марат, всегда гонимый, вызывавший ненависть своих врагов, засыпаемый приказами об аресте, преследуемый, изгоняемый, часто не знавший, куда укрыться, испытывал самые жестокие превратности судьбы. Его враги не сумели заставить его молчать, и потому они применили против него самую жестокую меру, т. е. клевету; они решили для ослабления действия тех истин, которые он провозглашал в своих трудах, распространить под его именем его искаженное учение, в котором его принципы были извращены. Эта хитрость им удалась; они сумели примешать яд к пище свободы. Тщетно Марат сообщал в своих листках, что под его именем появляются поддельные работы,—его враги упорствовали и имели дерзость подделывать даже его протесты, вследствие чего публика, введенная в заблуждение этим коварным ухищрением, не имеет полных трудов Друга Народа.

Теперь, наконец, продолжение обмана стало невозможно, и его труды появляются, несмотря на тайные происки завистливых врагов. Поэтому это издание, которое будет содержать лишь действительно вышедшее из-под пера Марата и не сможет быть смешано с поддельными работами, обладает еще и тем преимуществом, что оно охватит большое число записок и заметок и даст все труды в их первоначальной полноте*.

* Каждому известно, и Марат сам об этом сообщал, что его произведения часто сокращались, искажались и фальсифицировались предательскими руками, которым он был вынужден доверять свои рукописи для их напечатания, так как, подвергаясь гонениям, он не мог заниматься этим сам. Его тяжелым положением пользовались для того, чтобы безнаказанно оскорблять его, искажая его сочинения.

Это издание, которое будет сделано с самой щепетильной добросовестностью, будет содержать все политические сочинения, вышедшие из-под пера Друга Народа перед революцией и в течение ее, именно:

1. «Проект уголовного законодательства».

2. «Цени рабства».

3. «Дар отечеству» с приложением.

4. Два разоблачения касательно бывшего министра Неккера.

5. «Призыв к народу».

6. 685 номеров «Друга народа» или «Парижского публициста», не считая приложений к ним. Некоторые номера не появились по причинам, которые будут объяснены.

7. 242 номера «Газеты Французской республики» с несколькими отдельными листками, которые будут включены в тома в соответствии с временем своего появления.

Для облегчения поисков материала в конце каждого тома будет дан указатель его содержания.

8. «Школа гражданина» — посмертная работа.

Вдова Марата — издательница этих работ, стремящаяся выполнить свой долг в отношении памяти Друга Народа, не пожелала доверить кому бы то ни было свою священную обязанность.

В деле раздачи этого проспекта она полагается на рвение добрых граждан, как и на народные общества, которым в особенности надлежит распространять знания. Она приглашает их следить за тем, чтобы раздача проспекта не была задержана, и передает его под их охрану.

Журналистов-патриотов также просят поместить это сообщение в их газетах.

JEAN-PAUL MARAT.

Марат
Гравюра Эда

ДО РЕВОЛЮЦИИ 1789 ГОДА

О деспотизме в Европе²

(Из романа «Польские письма»)

Глава III

Густаву-Симизмунду

В Пинск

...На дороге из Бюка в Бетц имеется уединенное место, дикий вид которого навевает глубокую меланхолию.

Зрелище это вполне соответствовало состоянию моего духа: мне нравилось созерцать его. Рассматривая местность, я заметил у подножья одной скалы бедно и по-восточному одетого человека, который макал кусок хлеба в прозрачную воду.

Сам томимый голодом, я приближаюсь к нему и прошу продать мне кусочек хлеба. Он делится со мной и отказывается принять монету, которую я ему предлагаю.

— Оставьте при себе свои деньги,— сухо ответил он мне по-французски,— вы забываетесь.

Оттолкнув мою руку, он бросил на меня гордый взор.

Я с изумлением наблюдал его. У него был живой, но растерянный взгляд, черные усы, сильный голос, нечто привлекательное в лице и незаурядное в costume.

Его меланхолический вид пленял меня. Сойдя с лошади, я попросил у него разрешения расположиться около него для скудной трапезы. Он немедленно отошел в сторону, освободив мне место.

Едва я уселся, как он внезапно обратился ко мне со следующими словами:

— Если судить по вашему виду, вас тоже постигло бедствие. В дни вашего процветания вы вызывали бы во мне негодование; теперь же вы вызываете лишь жалость.

— Вы правы,—сказал я,—в своем нерасположении к сильным; это неравенство положения почти всегда несправедливо. Я краснею за судьбу, что она так плохо распределила свои дары.

Но опасаясь, чтобы разговор не перешел на личности или не пресекся слишком скоро, я стал расспрашивать его о военных новостях.

Наша беседа оказалась столь же продолжительной, как и интересной. Привожу ее в виде диалога и бьюсь об заклад, что ты разделишь его мнения.

Я.

Друг мой, что говорят о войне в тех местах, откуда вы явились? Повидимому, русские войска одерживают все время победы над оттоманскими.

Он.

Это не должно вас удивлять. Если бы турок знал свою силу и захотел ею воспользоваться, он бы скоро стал повелевать царицей; но как бы ни повернулись дела, он будет менее ослаблен своими поражениями, чем его враг своими победами.

Я.

Вам, может быть, неизвестно, что Россия имеет большие ресурсы?

Он.

Мне неизвестно, в чем они заключаются; во-первых, ее население немногочисленно и состоит только из рабов. Несколько пушных предприятий, строевой лес, медь и селитра — вот единственные отрасли ее торговли, между тем как она лишена некоторых продуктов первой необходимости. В течение семи месяцев земля там почти везде покрыта снегом, льдом, изморозью, и даже когда она не скована морозом, она не украшается ни весенними цветами, ни осенними плодами.

Я.

Однако требуются большие богатства, чтобы вести столь разорительную войну и выставлять против врага армии на море и суше.

Он.

Царице они нужны менее, чем всякому другому государю: подданные ее сильны и закалены, они не поддаются усталости и терпеливо сносят голод; по счастливому обычаю у них не происходит восстаний, когда армия не получает припасов (что бывает не очень редко); священник внушает солдатам, что если они лишаются нескольких трапез на земле для блага своей родины, то в благодарность они получают отличный стол на небе, и легковверные люди запасаются терпением.

При этом финансовые средства императрицы довольно часто оказываются скудными, но она обладает достаточной изворотливостью, чтобы скрыть от публики это роковое обстоятельство.

Я.

Признайте по крайней мере, что если она и не очень богата, то она заслуживает богатства. У ней от природы прямая, добрая, возвышенная, благородная душа; вся Европа восхищается ее большими достоинствами и редкими добродетелями.

Он.

Повидимому, теми редкими добродетелями, которые возложили корону на ее голову!

Я.

Да, я согласен, что это — пятно на прекрасной картине, которое следовало бы стереть губкой. Но согласитесь также с тем, что, вступив однажды на трон, она достойно восседает на нем.

Он.

Я не знаю за ней никаких дел, которыми бы она заслужила бессмертие.

Я.

А ее победы над турками?

Он.

Она способствовала им не больше, чем вы или я. Превосходство европейской военной дисциплины над азиатской обеспечило некоторый успех ее армиям; она же непричастна к этим событиям, если не считать того, что они произошли в ее царствование.

Я.

Но что скажете вы о заботах, прилагаемых ею к тому, чтобы в ее государстве цвели торговля, искусство, науки, чтобы просветить свои народы, дать им свет знания и довольство, после того как они получили свободу? Разве ее взгляды не широки и таланты ее не соответствуют в полной мере занимаемому ею положению?

Он.

Правда, что благодаря тщеславию и инстинкту подражания, присущему ее полу, она провела некоторые незначительные меры, не имеющие, однако, никакого значения для счастья общества.

Например, она учредила школу для обучения французской литературе сотни молодых людей, принадлежащих ко двору; но учредила ли она общественные школы, где бы учили страху божию, общечеловеческим правам, любви к родине?

Она поощряла некоторые изящные искусства и несколько оживила торговлю; но отменила ли она обременительные налоги и дала ли она земледельцам возможность лучше обрабатывать свои земли? Далекая от того, чтобы стремиться к обогащению своего государства, она содействовала лишь его разорению, лишая землю земледельцев при помощи принудительных наборов и вырывая у остающихся тощие плоды их трудов для удовлетворения тщеславия и любви к пышности.

По ее повелению было составлено новое уложение, но позаботилась ли она о торжестве законности? Не остается ли она всемогущей вопреки законам? И основано ли само новое уложение на справедливости? Соразмерена ли в нем кара с преступлением? Не предписывает ли оно попрежнему ужасающие казни за малейшие провинности? Ввела ли она регламенты для очищения нравов, предупреждения преступлений, защиты слабого от сильного? Учредила ли она суды для наблюдения за исполнением законов и защиты частных лиц от посягательств правительства?

Она освободила своих подданных от ярма дворянства, но только для увеличения своей собственной власти. Разве они не остались попрежнему ее рабами? Не продолжает ли она воздействовать на них страхом? Не мешает ли она им попрежнему свободно дышать? Разве меч не занесен попрежнему над головой неблагоприятных? Разве вместо того чтобы служить своей мудростью счастью своих народов, она не заставляет их попрежнему служить своей нищетой ее жадности и честолюбию?

Дом, в котором родился Марат.

В этом ли заключаются те великие деяния, те героические поступки, которыми надлежит в восторге любоваться?

Вы говорили о ее талантах: они подстать ее добродетелям. Если бы она была гениальна, она бы бросила взгляд на свое обширное государство и, вместо того чтобы так ребячливо развлекаться мелкими реформами для извлечения выгод из бесплодных северных провинций, которые следует оставить на произвол судьбы, приложила бы усилия к тому, чтобы сделать производительными богатые южные провинции, так давно уже покрытые кустарником и терниями. Вместо бесплодной страны под чугунным небом, вечно овеваемой черными аквилонами, с печальным, несчастным, тупым населением, она имела бы под ласковым небом прекрасные области, покрытые цветами и плодами, с веселым, богатым, разумным населением. Природа открыла бы для нее новые источники могущества и богатства. Она была бы создателем нового народа; вместо того чтобы быть тираном своих старых подданных.

Я не люблю,— продолжал он,— предаваться высокомерной критике, но я не люблю также слушать неуместные восхваления.

Ей льстят, делают вид, что обожают ее, трепещут от всякого ее взгляда,— вот ее особые привилегии, а ее права на общественное уважение — это безграничная жажда восхвалений. Полноте! Она сама отдала себе должное: не дожидаясь, чтобы публика создала ей славу, она наняла продажные перья, которые поют ей хвалу.

Я.

Все это меня несколько поражает, но мне кажется, что вы хорошо осведомлены, и потому я бы хотел услышать ваше мнение о положении несчастной Польши.

Вы видите, что мы не хозяева у себя дома. Три державы вмешались в наши распри: одна уже в течение нескольких лет бесплодно наводит своими войсками наши области для замирения их; две другие вступили в них с военной силой, чтобы привести нас к согласию.

Он.

Вы погибли, может быть, безвозвратно; но какие бы бедствия ни постигли вас, вы их вполне заслужили!

Я.

Ради бога, объяснитесь, потому что я не понимаю вас.

В том состоянии анархии, в котором вы живете, как вам не быть жертвами друг друга или добычей ваших соседей?

У вас самое дурное правительство, какое только может существовать. Я не буду говорить о том, что в нем есть возмутительного. Если вы не отреклись от здравого смысла, вы понимаете, как и я, всю жестокость того, что труд, нищета и голод являются уделом большинства, а изобилие и наслаждения — ничтожного меньшинства.

Вы понимаете также всю чудовищность законов, которые ради горстки частных лиц лишают столько миллионов людей естественного права быть свободными и назначают цену за их жизнь. Я оставлю в сторону эту позорную сторону вашей конституции, чтобы рассмотреть только ее слабую сторону.

При здоровой политике сила государства заключается лишь в положении страны, богатстве ее почвы и численности населения, состоящего из свободных людей.

Природа довольно щедро наделила вас, но так как большая часть народа лишена у вас драгоценных благ, даваемых свободой, то все остальные ее дары оказываются бесплодными.

В Польше существуют только тираны и рабы, и поэтому родина не имеет сынов для защиты ее.

Люди склонны к труду, лишь поскольку они могут пользоваться его плодами. Будет ли земледелец у вас, где крестьяне лишены всякой собственности, трудиться над обработкой земли для наглого господина, притесняющего его? Единственное благо, которым он пользуется — это праздность; поэтому он предается лени и работает лишь с отвращением. Итак, как бы ни была плодородна земля, она будет приносить лишь очень небольшой доход.

Лишь хорошо питаемые организмы способны служить умножению рода. Как может не обезлюдеть Польша, население которой нуждается в самом необходимом?

Только на лоне свободы и в достатке могут развиваться таланты. Поэтому в Польше люди должны быть, говоря вообще, невежественны и тупы. Науки, искусства и торговля не могут поэтому процветать там.

Но какая масса других пороков в ее конституции! Выборность короля является, конечно, благом, если избиратели не одушевлены духом партийности, потому что тогда выбор падает на достойное лицо.

Но это большое зло, когда интрига, влияние и сила являются, как у вас, единственным путем, ведущим к трону. Увы! сколько раз уже повторялся у вас этот печальный опыт?

Еще хуже, когда все дела страны превращаются в дела только отдельных сообществ.

Верховная власть в Польше слаба, гражданская власть почти бессильна, та и другая осуществляются лишь под защитой оружия; или, вернее, в Польше нет, собственно, народа: горсточка влиятельных людей распоряжается там всем, разрешает все вопросы, приказывает всем, все переделывает, все ниспровергает и уничтожает. Это они распоряжаются короной, всем народом, это они создают законы. Создав же их, они им не подчиняются, а дерзко и безнаказанно их нарушают, даже вооружаются против правосудия и вырывают у него меч.

Таким образом, под суровым ярмом господ государство оказывается лишенным сынов, земля — земледельцев, города лишаются искусств, торговли, государство — богатств. Большинство народа представляет собою жалкую толпу рабов, обреченных на рабский труд и которых следовало бы опасаться, если бы они не привыкли так к своим цепям.

Раз в Польше народ не имеет никакого веса, то где же там общественная сила? Не в тех ли, которые держат его в угнетении? Возьмем самый крайний случай, когда эти поработители объединены и их вассалы в сборе; вы будете иметь кавалерийскую силу, равную самое большее корпусу, и доблесть без военного искусства; это армия, составленная из легких отрядов, пригодных для стычек, но неспособных удерживать позиции в борьбе с регулярными войсками.

Но эти мелкие тираны далеки от объединения, и между ними всегда господствуют раздоры и разногласия. Таким образом, вооруженные друг против друга, как можете вы не быть так же презираемое вонне, как вы опасны внутри?

Но, благодарение небу, наступает конец вашему господству; приближается момент, когда вы получите в своей черед властителей, которые лишат вас ваших опасных привилегий: ненавистный памятник вашего правления перестанет существовать к стыду человечества; вы не сможете больше истреблять друг друга; народ же около вас почувствует некоторое облегчение своих оков.

Я.

Что вы, что вы! Неужели вы думаете, что, пренебрегая международным правом, справедливостью и добросовестностью, наши посредники захотят стать узурпаторами? Я надеюсь, на-

оборот, что благодаря их посредничеству мы увидим скоро конец наших бедствий.

Он.

Как ваши надежды будут обмануты! Эти державы, вступившие с оружием в руки в ваши разоренные области под предлогом восстановления в них мира, желают лишь занять их и ввергнуть вас в рабство. Если бы они действительно ничего не замыслили против свободы Польши и искренно желали заморить вас, их генералы не прилагали бы столько усилий, чтобы овладеть всеми укреплениями, переправами, ущельями, которые могут открыть им доступ в сердце страны и, беззащитную, выдать ее им; они начали бы с того, что обязали бы Россию и союзников приостановить военные действия и не медлили бы так долго с заключением соглашений для установления прочного мира. Вы увидите, что они окажутся властителями, посланными прогневанными богами для покорения вас.

Я.

Вы несправедливы к ним; нет, я никогда не поверю, чтобы они могли так бессовестно изменить правилам чести!

Он.

Чести! Вы заставляете меня смеяться! Ох! Знают ли ее государи и во всяком случае многим ли из них она известна? Их великое искусство заключается в том, чтобы обольщать и обманывать. Чем больше они говорят о своих благих намерениях, тем меньше следует им верить; их министры и фавориты даже усвоили это житейское правило, что нужно ждать немилости именно тогда, когда они их больше всего ласкают. Но подождем событий, проявим немного терпения, и вы увидите, кто из нас обоих заблуждался.

Я.

Я согласен.

Он.

Хотя я и не пророк, я могу, однако, заранее предсказать вам все, что произойдет. Когда они убедятся, что вы не в состоянии сопротивляться им, и их войска укрепятся в областях, которые они жаждут захватить, они внезапно сбросят маску. Но так как не следует возмущать умы, то они попытаются прикрыть свою узурпацию благовидными предложениями. Для обольщения глупой толпы они начнут издавать манифесты, выкапывать прах предков, будут рыться в устарелых договорах,

оживлять сомнительные права; в конце концов окажется, что эти области принадлежали им, а что вы владели ими неизвестно по какому праву.

Я.

Это было бы забавно!

Он.

Не ждите, что, после того как они подчинят своей власти захваченные области, они будут пытаться восстановить мир в тех, которые вы сохраните, даже если они не ограбят вас начисто. Они с удовольствием видят у вас семена раздора и причины анархии, существующей в вашем правительстве, и они оставят их вам: может быть, они еще будут тайно пытаться умножить их, чтобы сохранить предлог для возвращения к вам, когда у них явится к тому охота.

Единственный способ вернуть вам мир — это именно сделать вас богатыми, могущественными, счастливыми. Но если бы даже такой образ действий входил в их правила, он не соответствовал бы их интересам.

Я.

Нельзя ли узнать, как осуществима эта прекрасная цель?

Он.

Намерение уничтожить между вами всякое соперничество, стереть все обиды, заглушить всякое недоверие и мелкими уловками удовлетворить все партии — это глупость и тупость: зло коренится глубоко, и средство от него должно быть сильно действующим.

Нужно подрубить самый корень. Нужно указать народу на его права и добиться, чтобы он потребовал их возвращения ему: нужно вложить ему в руки оружие, захватить по всему королевству мелких тиранов, угнетающих его, ниспровергнуть чудовищное здание вашего правительства, учредить новое на основе справедливости так, чтобы все части его правильно уравновешивали друг друга.

Это единственный способ установить внутри этой прекрасной страны мир, единение, свободу, изобилие вместо раздоров, рабства и голода, опустошающих ее.

Я.

Средство это в самом деле сильное.

Он.

Великие мира сего, полагающие, что остальная часть рода человеческого существует для того, чтобы служить их благополучию, конечно не одобряют его, но не нужно их спрашивать; следует вознаградить целый народ за несправедливость его угнетателей.

Я.

Я не имею ничего против того, чтобы крестьянин жил в большем довольстве, но я очень возражаю против лишения господ их прав, и надеюсь, что этого не будет никогда: державы-посредницы слишком справедливы, чтобы поступить с нами таким образом.

Он.

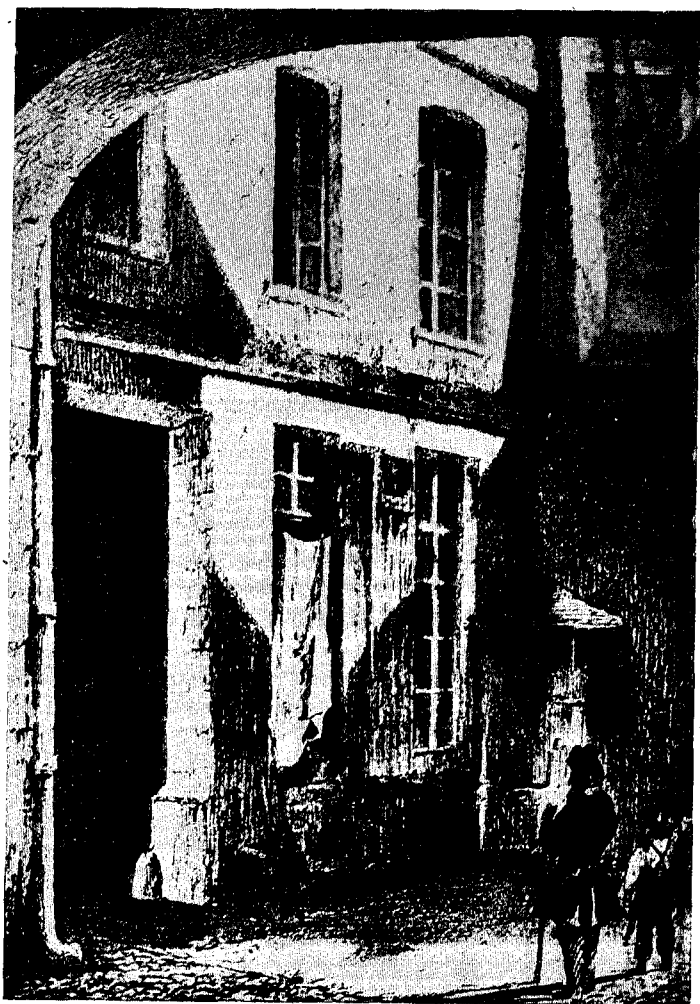
Этому противодействовало бы не их чувство справедливости, если бы даже они имели его, а их тщеславие и всегдашняя жажда господствовать при помощи силы. В самом деле, было бы очень странно, если бы они пожелали освободить вас,—они, стремящиеся лишь к тому, чтобы держать свои народы в окопах...

Я.

— Оставим польские дела,—сказал я ему,—я предпочитаю услышать от вас характеристику государей, и хотя бы она была далеко не прикрашенной, мне кажется, что вы не внесете в нее ни раздражения, ни недобросовестности. Что вы думаете о прусском короле? О нем рассказывают столько диковиц; не знаю, обоснованы ли они. Во всяком случае верно, что он храбрый полководец и великий государь.

Он.

Говорят, что его достоинства несколько сомнительны и что в сражениях он всегда тщательно избегал опасности. Не могу сказать вам, насколько это верно, но если он и не обладает неустрашимостью пренадера (которая была бы даже ему совсем не к лицу), то ему нельзя отказать в праве считаться умелым полководцем. Что касается репутации великого государя, то это другое дело. Он бы очень хотел считаться им. Желая казаться великим, он погубил свое истинное величие и не один раз стоял перед опасностью потерять свою корону. Глупцы, ослепленные его победами, могут восхвалять его, но от этого мудрые будут не меньше презирать его.

Дом Марата

Гравюра неизвестного автора

Я.

Почему это? Объясните, пожалуйста.

Он.

Истинное величие государя заключается в том, чтобы дать в своем государстве власть законам и сделать народ счастливым. Но его помыслы никогда не были направлены к этому. Нисколько не стремясь быть отрадой человеческого рода, он желает быть его устрашением. Его великое искусство — это умение истреблять людей. Поэтому под его жестокой рукой все трепещет, изнемогает, стонет. Для него это тем менее извинительно, что он не служит, как многие другие государи, орудием в руках дурных людей, что он сумел удалить льстецов, окружающих обычно трон, и что он сам познал страдания.

При таком жестоком нраве он обладает, однако, некоторыми хорошими качествами: он трудолюбив, воздержан, бережлив. Не удивительно ли, что в то время, как его пороки нашли столько поклонников, добродетели его вызывали лишь осуждение?..

Я.

Вы не восхваляете его сердце, но, конечно, скажете хвалебное слово его уму.

Он.

Он любит науки, имеет склонность к поэзии и, к несчастью для своего народа, лишен всяких предрассудков, потому что он вольнодумец.

Я.

Его считают также гением в политике.

Он.

Я не буду спорить против того, что он превосходно владеет искусством ведения переговоров, т. е., говоря яснее, искусством ловко обманывать. Но я полагаю, что вы усматриваете политическую науку не в этом. Итак, я скажу вам, что у него большие намерения, но нет больших талантов.

Терзаемый тщеславием, он помышлял до сих пор лишь о расширении своего государства и укреплении его.

Его план расширения был всегда таков: он не упускает ни одного случая вырвать у кого он только может клочок земли; когда у него появляются виды на какие-нибудь области, он ловко сеет между соседними государствами семена раздора, который

он затем тщательно разжигает, или он ждет, чтобы между ними возникли какие-либо разногласия...

Если он умеет совершать завоевания, то он не умеет извлекать из них выгод. Он понял, как необходимо золото для приобретения могущества, и не упустил ни одного способа достать его, за исключением того, что ему, впрочем, действительно следовало сделать.

Он приложил большие усилия, для того чтобы приобрести флот, и достиг того, что имеет несколько судов. Он пытался развить торговлю в своем государстве, но взялся за это таким образом, что помешал ей когда-либо расцвести там. Дело в том, что он сам вмешивается в нее, вместо того чтобы предоставить все выгоды своему народу. Впрочем, он угнетает его, руководя им согласно своим намерениям; он обременяет его налогами. Хуже того: он притесняет богатых купцов, прибегает к мошенническим проделкам, чтобы конфисковывать их товары или вымогать у них большие суммы, и нарушает свои обязательства в отношении художников и рабочих, привлеченных им при помощи лживых обещаний.

Так как сила служит ему единственной опорой и он управляет своим народом при помощи одного лишь страха, вместо того чтобы привлекать его любовью, он делает из него опасного для себя врага, всегда готового сбросить ярмо, как только к этому представится случай; как бы то ни было, он не даст изрубить себя, чтобы только избежать подчинения иноземной власти.

Если его могущество раздуто, то величие его непрочное. Оно зависит от многочисленных армий, которые он всегда держит наготове и для содержания которых он вынужден натягивать вожжи; поэтому у него все держится насильем и, следовательно, все непрочное.

Пока он будет грозен для врагов, он сохранит свои завоевания, но как только они перестанут его бояться, его в свою очередь лишат всего завоеванного им. Когда на его троне не будет больше восседать великий полководец, эта держава, вызывающая восхищение, распадется. Она представляет собой уже только печальные остатки величия, грозящего гибелью, так как тот, кто должен ему наследовать, мало (как говорят) обещает. Кто знает, не доживем ли мы до того, что увидим превращение его самого в простого мелкого Бранденбургского курфюрста?

Ведь такое предпочтение мишуры солидному не говорит о редких талантах. Как ваше мнение?

Я.

С этим я согласен...

Он.

Предоставим лести ползать при дворах, щекотать слух королей, восхвалять нравы тех, кто погиб для добродетели, и продаваться за золото пороку. Никогда такая постыдная низость не запятнает моей жизни.

Я ненавижу дурных государей, но знайте, что я поклоняюсь хорошим. Да, по моему мнению, солнце с высоты небес не видит на земле ничего более величественного, чем добродетельный и мудрый король. Но как мало таких! За десять веков едва можно найти двух, смывающих позор, которым другие покрывают трон. Даже в тех, которым поется особенная хвала, нельзя найти ни добродетелей, ни талантов, достойных славы: как ни изучай, ни углубляйся в них, каждый день испытываешь новое разочарование.

Я.

Надо прощать государям.

Он.

Я знаю: когда жалуешься на их преступления или сумасбродство, всегда слышишь в ответ лишь совет быть терпеливым. Забавный способ восхвалять их!

Я.

Вы не уловили моей идеи. Я не хочу оправдывать ни их преступлений, ни их сумасбродства; я хочу лишь извинить их ввиду трудности их ремесла.

Он.

Оно не особенно тягостно, если принять во внимание, как они берутся за него. Поверьте мне, они прилагают достаточно усилий к тому, чтобы рвать розы без шипов.

Я.

А разве не пужно жалеть королей за то, что им приходится иметь дело с множеством непокорных, развращенных, лживых людей, доставляющих столько хлопот тем, которые желают ими править?

Он.

Вы лучше бы сказали, что нужно жалеть людей, которыми правят государи, почти всегда столь глупые и столь порочные.

Я.

Надо уметь прощать им кое-что: они люди, а в этом мире всякий имеет свои недостатки.

Он.

Это житейское правило народы заимствовали у царедворцев, министров, льстецов, и они глупейшим образом повторяют его: «Надо уметь прощать кое-что государям».

Я придерживаюсь вашего мнения, но только в отношении ничтожных, слабых людей, потому что государей нельзя судить, как частных лиц, принимая во внимание влияние самых незначительных их действий на общественное благополучие.

Нельзя требовать от них талантов, если природа им не дала их. Но не заслуживают ли они порицания, отказываясь заменить их знаниями, которыми обладают мудрые, и упорствуя в своих идеях?..

Если бы еще в награду за свою лень они удовлетворялись доходом, извлекаемым ими при помощи нашего пота! Но им нужен также наш покой, наша свобода, наша кровь. Вместо того чтобы мирно управлять своими народами, они приносят их в жертву своим желаниям, своему тщеславию, своим капризам.

Всегда вооруженные, всегда возвращающие семена раздора у своих соседей и всегда призывающие на государство бедствия, они видят свою славу лишь в том, чтобы ужасать землю трагической повестью своих неистовств; не удовлетворяясь участием в их ссорах своих приверженцев, они принуждают к участию в них своих граждан, чужестранцев, даже скот.

Но как недостойно они издеваются иногда над человеческой природой! Им недостаточно побеждать и надевать на своих врагов оковы,—нужно, чтобы все гибло, утопало в крови, пожиралось пламенем и чтобы спасшееся от огня и меча не избегло еще более жестокого голода; они подобны в этом тем зловредным светилам, губительное влияние которых призывает на наши головы заразу и бедствия. Если бы еще они сами участвовали в зажженных ими войнах, по они почти всегда слишком трусливы, чтобы подвергать себя опасности.

Что я могу еще сказать вам? Вместо того чтобы быть исполнителями законов, они превращаются в их владык, желают видеть в своих подданных лишь рабов, безжалостно угнетают их и толкают их к мятежу; затем они грабят, разоряют, убивают, распространяют повсюду ужас и страх и в довершение

бедствий совершают еще надругательства над несчастными, которых они угнетают.

Таким образом, достаточно одного человека, которого небо в гневе своем посылает на землю, чтобы сделать несчастным целый народ. Поэтому разве можно, когда государи не добродетельны, чрезмерно восставать против их пороков и слишком оплакивать судьбу народов, порученных их заботам?

Цепи рабства³

Об английской конституции

(Письмо Генеральным штатам 23 августа 1789 г.)

Английская конституция давно уже слыла венцом человеческой мудрости, и, надо признаться, до конституции Соединенных штатов более совершенной не было.

Мало кто из читателей знает ее основательно, еще меньше способных судить о ней; но предубеждение в ее пользу благодаря англоманству является всеобщим. Несмотря на это, было бы жестоко, если бы она стала образцом конституции, изготавливаемой для нас; однако этого-то и приходится опасаться, если принята будет работа конституционной комиссии, ибо уверяют, что комиссия эта не находит ничего лучшего, чем рабское следование английской конституции.

Пораженный обильными недостатками, искажающими ее, я счел гражданским своим долгом раскрыть их, представить Генеральным штатам точный анализ их. Природная склонность к политике заставила меня заняться подробным изучением английского управления, а десятилетнее пребывание на месте дало мне возможность близко наблюдать скрытые пружины этого управления, следить за его ходом, уловить его преимущества и недостатки.

Обзор, ныне предлагаемый французам, был мною предложен самим англичанам в работе, изданной в 1774 году в Лондоне под заглавием «Цепи рабства». Я прошу разрешения напомнить здесь судьбу и задачу этой работы, перевод которой появился на восемнадцать лет раньше подлинника.

До омерзения ненависть деспотизм, я тревожным взором следил за распрей, возникшей между Уильксом и Сент-Джемским кабинетом; я с изумлением увидел, как общественное мнение в течение некоторого времени высказывалось против покушений со стороны министерства, как сурово оно наказывало нарушение права убежища гражданина, как оно воздвигло новую ограду вокруг храма свободы, осудив «приказы об аресте»; но это лишь отчасти исправляло общую картину.

Внимательно вглядываясь в нее, я не преминул заметить, что английская конституция, неоднократно подправленная, заключает в себе бездну недостатков, которые оставляют открытое поприще для министерских происков и отдают общественную безопасность в жертву кабинету, даже тогда, когда он не склонен проявлять властной руки. Это чудовищные недостатки, которые однако, повидимому, легко устранимы с помощью немногих законов, простых и вместе с тем разумных.

Внести эти целительные законы зависело единственно от парламента. Чтобы этого от него добиться, прежде всего было необходимо, чтобы он состоял из людей разумных и честных. Приближались выборы, и я решил, что это самый подходящий момент подумать о том, как лишить двор тлетворного влияния на выборы.

Желание поработать на защиту последнего убежища свободы, которая, казалось, укрылась на славном острове Альбиона, внушило мне намерение привлечь внимание англичан к столь серьезному предмету, призывал их к сознанию их права посредством изображения гнусных козней, употребляемых государями для порабощения народов, и тех ужасных бедствий, которые всегда ведет за собой деспотизм.

Работа была написана,—оставалось ее напечатать. Со временем обнаружатся те препятствия, какие чинил кабинет, чтобы не допустить напечатания ее до окончания выборов. Но хотя я вследствие этого и лишился возможности призвать англичан к таким выборам, которые сделали бы им честь, однако для главного вопроса—именно для преобразования коренных недостатков конституции—труды мои не совсем пропали даром.

После тщательного рассмотрения я признал, что коренной причиной подкупа, царившего в великобританском парламенте, было непосредственное влияние, оказываемое королем на выбор членов Нижней палаты, на численный состав Верхней палаты и на голосование той и другой,—путем раздачи мест, которыми он располагает, и щедрот, коих источником он может сделаться.

Спросят, конечно, какие такие щедроты может излить государь при довольно ограниченном цивильном листе, когда существует такое множество казенных должностей и притом с огромными окладами — и все это за счет того же цивильного листа. Ответить нетрудно: ведь, распоряжаясь назначением министров и лордов казначейства, король может через их посредство черпать из казны средства, необходимые для выполнения властолюбивых своих замыслов, и оттуда же черпать средства для того, чтобы воспрепятствовать членам парламента узнать про эти хищения. Ведь требование сдачи отчетов проходит большинством голосов, и король всегда в состоянии воспротивиться подобному требованию, обеспечив себе большинство голосующих.

Для устранения этих злоупотреблений и жестоких бедствий, из них вытекающих, я предложил принять в качестве основных государственных законов четыре билля:

Лишить корону права назначения депутатов, избрание которых является привилегией множества мелких местечек, и сделать это путем присоединения этих избирателей к общей массе населения соответственных графств.

Лишить корону привилегии создавать новых пэров, передав это право парламенту, ограничив его, однако, в том смысле, чтобы правом этим он пользовался исключительно по отношению к людям простого звания, оказавшим отменные услуги отечеству.

Исключать из парламента всякого пращданина, занимающего должность, зависимую от короля.

Наконец, постановить, чтобы проверка правительственной отчетности и состояния государственного казначейства производилась всякий раз, когда этого потребуют три члена Нижней палаты, подав мотивированное заявление.

Как только работа моя была обнародована, поднялось всеобщее брожение. Сразу почувствовались недостатки конституции; стали требовать ее изменения; особенно желали большего равенства в народном представительстве. Пожелание это сделалось излюбленным делом всех народных собраний. Вопрос этот поднят был в парламенте; билль был внесен и получил сильную поддержку; несколько времени спустя он прошел целиком в третий раз; быть может, и на долю остальных когда-нибудь выпадет та же участь.

Народы — друзья бедности

Если воспитание не возвысило души, а правительство не внушает презрения к золоту, бедность подавляет сердце и скло-

THE
CHAINS OF SLAVERY.

M. G. Blipton 1847
A WORK WHEREIN

¹⁰⁷
THE CLANDESTINE AND VILLAINOUS ATTEMPTS OF

PRINCES TO RUIN LIBERTY

ARE POINTED OUT,

AND THE

DREADEFUL SCENES OF DESPOTISM DISCLOSED

TO WHICH IS PREFIXED,

AN ADDRESS TO THE ELECTORS OF GREAT BRITAIN,
IN ORDER TO DRAW THEIR TIMELY ATTENTION TO THE CHOICE OF
PROPER REPRESENTATIVES IN THE NEXT PARLIAMENT.

———*Vitam impendere vero*

L O N D O N

Sold by J. ALMON, opposite Burlington House, in Piccadilly; T. PAYNE, at the
Mews Gate; and RICHARDSON & URQUHART, near the Royal Exchange.

MDCCLXXIV.

Первая страница из книги Марата «Цепи рабства»

няет к зависимости, которая всегда ведет к рабству. Как люди, придавленные нуждой, могут познать любовь к свободе? Откуда могла взяться у них отвага для сопротивления гнету и для разрушения господства могущественных людей, перед которыми они стоят на коленях?

Другое дело, если любовь к бедности внушена общественным строем.

До тех пор, пока богатства государства опраничиваются его территорию, и земля разделена приблизительно поровну между его жителями, каждый имеет одинаковые потребности и одни и те же средства для их удовлетворения; таким образом, граждане, находясь между собою в одних и тех же отношениях, являются почти независимыми друг от друга,—самое счастливое условие для пользования всей той свободой, которое правительство способно дать.

Но когда вследствие грабежей и разбоев, вследствие скупости одних и расточительности других земля переходит в руки немногих, эти отношения непременно изменяются; богатство, этот темный путь для достижения могущества, неминуемо становится путем порабощения; вскоре исчезает класс независимых граждан, и государство состоит только из господ и их рабов.

Так как искусства нужны и беднякам как заработок и богачам как наслаждение, то бедняки служат только орудием роскоши для баловней судьбы.

Изнешканные сидячими профессиями и роскошью городов, ремесленники, артисты и торговцы, жадные к наживе, становятся низкими интриганами, единственной заботой которых делается потворство страстям богачей, ложь и обман, и так как пожинать плоды этой науки они могут везде, то у них больше нет отечества.

По мере возрастания желаний борьба за существование становится более трудной, и вскоре государство состоит из простонародья, порабощенного кучкой могущественных людей.

И только те государства сохранили надолго силу молодости, которые обладали достаточной мудростью, чтобы предупредить пагубность роскоши, пагубность накопления гражданами богатств и имуществ.

У этих народов были нравы строгие, вкусы чистые и высокие установления.

Слава, плодотворный источник всего великого и прекрасного, была наградой за все услуги, оказываемые родине.

На Олимпийских играх перед собравшейся Грецией увенчивались литературные заслуги. Один среди громадной толпы кандидатов получал венок, и слава, которой он был покрыт, всегда осеняла его родню, его друзей, его родину, его колыбель.

Государство содержало великих людей на свой счет, им воздвигали статуи, их оделяли трофеями, венками, смотря по их заслугам перед родиной.

Что могут противопоставить современные народы этим великим двигателям, которыми с таким успехом пользовались некоторые народы античного мира? Золото? Но золото — это оплата льстеца, шута, проходимца, лакея, раба. Если вы добавите золото к тем божественным вознаграждениям, то, вместо того чтобы возвысить их, вы унижите их, и добродетель перестанет к ним стремиться.

До тех пор, пока народы — друзья бедности — сохраняют свой политический строй, свобода царит в государстве, и она могла бы царить так же долго, как солнце будет светить миру, если бы честолюбие вождей не угрожало разрушению этих государств.

Разъединить нацию

После того как заставили забыть родину, стараются вытравить ее из всех сердец.

Люди, объединенные свободой и для свободы, не могут быть поработаны: чтобы наложить на них цепи, надо внести разнь в их интересы; время предоставляет к этому много удобных случаев.

В нарождающемся обществе все члены государства — дети одной семьи, пользуются одними и теми же правами и не отличаются ничем, кроме своих личных достоинств. Но государь вскоре старается установить различные разряды граждан, возвышая один над другим. Когда он находит эти разряды в государстве установленными, он работает над разделением их на различные классы, которые он отличает различными привилегиями. Один класс он прикрепляет к должностям правительственным, другой к судебным, этот к военным, тот к церковным, оставляя самому низшему классу торговлю, искусства и ремесла.

Повсюду высшие презирают низших, низшие ненавидят высших; лучше сказать, всегда те, кто принадлежит к какому-нибудь классу, презирают тех, кто принадлежит к другому классу. Эти низкие страсти правители пускают в ход, чтобы разжечь раздор между членами государства.

Сервий Туллий разделил римский народ на шесть классов, которые образовали сто девяносто три центурии; он отвел первые центурии для определенного количества граждан, наиболее богатых и тем самым наименее многочисленных; в последующие он ввел известное количество граждан, менее состоятельных и поэтому всегда более многочисленных, и последнюю он предоставил всем неимущим; а так как каждая центурия обладала только одним голосом, то избирательное право, т. е. верховная власть, оказалось таким образом в руках богатых граждан.

До отступления на Священную гору в Риме только дворяне могли рассчитывать на судебные должности, и до уничтожения республики только зажиточные граждане могли носить оружие и служить в кавалерии.

Таким образом, с наиболее многочисленным классом народа не считались вовсе, и прискорбные различия, разделяющие все классы, служили вечным очагом раздоров, которыми сенат и императоры пользовались по очереди для захвата неограниченной власти.

С самого возникновения французской монархии почетные и прибыльные должности были достоянием дворян.

В середине царствования третьей династии менее значительные должности стали доступны состоятельным плебеям. При некоторых королях военные должности предоставлялись только дворянам. До Карла VII дворяне были освобождены от всех налогов, и до революции от податей, так же как и судейские чиновники, министры короли, военные, которые были на службе в течение многих лет, и т. д. И во все времена народная масса была благодаря этим оскорбительным различиям объектом презрения привилегированных, и государь никогда ничего не делал, чтобы помочь ей выйти из своего угнетенного состояния.

Чтобы возбудить ревность между подданными, Филипп II предписал указом 1586 года взаимно титуловать друг друга,—этот церемониал должен был соблюдаться сановниками, министрами, прелатами; он приказал преследовать всякого, кто осмелится не подчиниться этому указу.

Правительство Венеции выделяло одну часть граждан освобождением от налогов и особыми привилегиями; оно назначало их исключительно в столицы в секретари всех советов, оно разрешало им одежды благородных, разрешало браки с дворянами, и, наконец, время от времени присоединяло к дворянству некоторые из семей на место вымерших дворянских

родов. Таким образом оно привлекало горожан на свою сторону против народа. И, как будто этого было недостаточно, оно доводило свою политику до возбуждения озлобления между плебейми различных кварталов города, поддерживая всегда две противоположные партии, которые временами доходили до драк.

К подданным континента государь относится иначе: он обращается с народом с добротой, с благородными — со строгостью.

Власть, которая смотрела на падуанцев как на старых хозяев Венеции, старалась поддерживать разделение между ними. После того как власть извлекла из Падуи самые влиятельные семьи, она дала столько привилегий студентам университета, что возбудила сильную ревность у граждан.

Не довольствуясь разделением наций на различные классы, монархи старались посеять ревность в каждом, — путем пенсий, путем дарования званий, особыми милостями, которыми они наделяли некоторых отдельных личностей.

Римский сенат имел обыкновение включать в свой состав наиболее влиятельные плебейские семьи, чтобы явиться одним целым против народа.

Людовик XI постоянно сеял рознь между дворянами и употреблял для этого всю утонченность политики.

Венецианцы, не переставая, возбуждали раздоры между дворянами. Петр Ериза, генерал-лейтенант республики в Удине, видя, что дворяне Фриулы живут мирно друг с другом, старается поссорить их до полнейшей непримиримости. Чтобы достигнуть этого, он добился права наделять титулами графа или маркиза того, кого ему вздумается; вскоре зависть зажгла раздоры между семьями, претендовавшими на эти титулы, и семьями, получившими их.

Чтобы разъединить членов государства, государь шел иногда на подстрекательства интригами двора. Английское королевство разделилось на две партии, и когда эти партии, сделавшиеся непримиримыми благодаря посеянной между ними розни, парализовали друг друга, Карл II распустил парламент и сбросил маску. Тогда увидели с удивлением, как король, столько раз униженный сенатом и нацией и столько раз вынужденный к подчинению, как король без армии, без флота, без денег, без иностранной помощи, становится внезапно абсолютным хозяином государства, подвергает своих врагов ужасам мстительности, приносит в жертву своему злопамятству наиболее выдающихся патриотов и правит народом как тиран.

Наконец, чтобы посеять рознь между подданными, монархи почти всегда покровительствовали возникновению сект; неко-

торые из них покровительствовали даже отдельным сектантам, другие преследовали их.

Все эти хитрости так пагубны для свободы, что некоторые монархи добились власти с железным скипетром в руках.

О недостатках политического строя

Пользуясь этими недостатками, государи добились того, что поставили себя выше законов. В некоторых государствах пороки их строя развиваются вместе с расширением границ государства и неминуемо ведут народ к рабству естественным ходом событий; такими были государства всех варваров, устремившихся в Европу в конце III века и осевших, разгромив ее.

Некоторыми другими правительствами рабство было непосредственно установлено правом войны в ущерб правам человеческим; так было и у римлян и почти во всех монархиях, основанных на феодализме.

Среди множества примеров, которыми богата история, самым замечательным является пример франков; дав здесь краткий очерк их водворения в Галлии и бросив взгляд на главные недостатки их политического строя, мы получим полное доказательство этой истины.

Варвары, которые обосновались в Галлии, пришли из лесов Германии, как и все те, которые опустошали Римскую империю. Бедные, грубые, без торговли, без искусств, без ремесла, но свободные, они были связаны со своей землей только тростниковыми хижинами; они жили продуктами своих полей, своих стад, своей охоты, или же добровольно следовали за своими вождями, за военной добычей.

Вожди эти, называвшиеся герцогами и князьями, т. е. вожаками или повелителями, были простыми гражданами, отличившимися своей ловкостью, своим мужеством, а особенно своим красноречием, так как искусством убеждения главным образом они оказывали влияние на своих соотечественников.

Какое бы имя они ни носили, на них никогда не смотрели иначе, как на первых из равных; их власть была связана только с их личными заслугами; подобно обычным гражданам, они были подчинены общей воле, которая устраняла и замещала их по своему усмотрению.

Каждый начальник имел выборную рать, которая была предана ему лично, обязывалась защищать и сопровождать его всюду; это были его верные спутники; со своей стороны он им давал оружие и лошадей как часть общей добычи.

Хотя германцы, которые шли на грабежи со своим начальником, были связаны с ним только личной выгодой, и хотя они слушались его добровольно, без принуждения,—уважение, которое они питали к его личности, располагало их еще более охотно подчиняться его приказанием.

И так как они не предвидели, куда однажды может привести власть полководца, привыкшего повелевать ими, и длительная привычка следовать его приказанием, они не принимали со своей стороны никаких мер предосторожности по отношению к нему, не представляя себе, что люди, испытанные в боях и мужественные, могут когда-нибудь быть подчинены,—больше того,—порабощены, тем человеком, который первенствовал над ними по их доброй воле. Так благодаря их природной храбрости каждый возлагал на самого себя, на своих родных и друзей заботу о своей безопасности, о своей свободе и своей чести.

Эта глубокая беспечность не замедлила вызвать происки честолюбцев и политиканов.

Длительное влияние, которое оказывал на них человек, водивший их в походы и улаживавший их распри, должно было быть значительным. Оно могло только возрастать благодаря его старанию овладеть их благосклонностью, благодаря вниманию, которое он им оказывал, благодаря подаркам, которыми он их одаривал, благодаря намекам, которые он им делал, благодаря обещаниям преданности и клятвам в верности, которые он от них вымогал, когда они были разгорячены вином; при первом же удобном случае он не забывал напомнить им об этих роковых обещаниях и безрассудных клятвах. Вот принцип власти государей и королей, так как свое начало все правители и короли ведут от простых вожakov грабителей.

Почтение к отцу вызывало почтение к его детям; казалось естественным ожидать от них тех же самых услуг. Желание начальника передать свое первенствующее положение своим сыновьям и его старание заставить своих сыновей с малых лет помогать ему приучало его товарищей выдвигать их. Если его сыновья выказывали ловкость и храбрость, они попросту наследовали власть, и власть эта была увековечена в семье. Вот каково происхождение потомственного дворянства, ибо потомственное дворянство было вначале только наследованием одних и тех же достоинств в одних и тех же семьях.

Франки перенесли с собой в Галлию свои нравы и обычаи. Порабощенные завоевывают для своего начальника, а свободные люди для самих себя; все те, которые принимали уча-

ствие в завоевании, принимают участие в победе и делят между собою завоеванную землю сообразно своему положению. Земля, полученная каждым в собственность, была названа *аллодиальной*.

После завоевания, будучи вынужденными охранять новую собственность не только от прежних жителей страны, которых они ограбили, но также от внешнего врага, они старались защитить ее; это было главным делом их правления, они внесли в свой образ правления изменения, которые потребовало их новое положение. Каждый свободный человек, получая землю, обязывался выступать с оружием в руках против общего врага, подчиняясь начальнику по своему выбору, а полководец делался начальником колонии под именем короля.

С увеличением государства возрастало количество дел, а многочисленность дел, мешая нации собираться для обсуждения каждого из них, вызвала необходимость в постоянной администрации. Государь использовал постоянство администрации для увеличения своего могущества, для ограждения себя от самой нации и сделал корону наследственной.

Без сомнения, это было предметом его первых забот и, может быть, первых совещаний с армией.

В принципе правительство франков, так же как и Германии, было чисто демократическим. Высшая власть принадлежала собранию народа * и распространялась на каждую отрасль управления. После завоевания, в ведение народного собрания входили: выборы короля, установление законов, назначение субсидий, чеканка монет, заключение мира и объявление войны, искоренение общественных злоупотреблений, окончательное разрешение тяжб и пересмотр судебных дел.

Король, прославленный вождь народа,—ибо народ целиком входил в армию,—был облечен исполнительной властью, надзором за исполнением законов и за отправлением правосудия на благо государства, а для того чтобы покрыть расходы правительства, а также оплатить расходы по его дому, вместо определенного дохода королю отводилось обширное поместье. Располагая множеством земель для раздачи, он мог вознаграждать за услуги, привлекать к себе своих старых товарищей, заводить новых.

* Откроем летописи этих народов, мы увидим из них, что верховная власть принадлежала самому народу, что все законы в государстве создавались собравшимся народом и что осуществление их он поручал wybranым им агентам. Тацит уверяет даже, что требовалось согласие всех членов государства для придания силы решениям по важным вопросам.

Большая часть владений преподносилась в дар королю на определенный срок, при условии бесплатно защищать государство и отправлять правосудие, так как у германцев отправление правосудия было связано с военной службой. Эти земли, предоставленные вассалам в разное время, назывались то *фьефами*, то *бенефициями*.

Король в качестве главы народа имел под своим начальством особые чины, которым он давал звание *герцогов*, *графов* и *баронов*. Герцогам поручалось военное и судебное управление в присоединенных провинциях; графы отправляли те же обязанности в городах, а бароны — на своих землях. Эти королевские чиновники становились знатью в государстве. Бароны, подражая примеру короля, наделяли на тех же условиях частью своих земель своих солдат. Эта часть земли называлась *леном*, а владельцы подвассальных земель, также наделенные юридическими и военными обязанностями, являлись подданными *вассала*, *наместниками*, *сопниками*, *эшевенами*, и т. д. Эти низшие чины были названы с течением времени *придворными конюшими* и вместе с королевской знатью образовали особое государственное сословие, которое стало называться *дворянством*.

Основным положением феодального строя было то, что человек, подчиненный чьей-нибудь военной власти, был тем самым подчинен и его судебной власти; таким образом государи отправляли правосудие непосредственно над вассалами, вассалы над своими ленно-подданными, ленно-подданные над свободными обитателями своих земель или над своими крепостными. Но когда государь, вассалы или подвассалы исполняли обязанности судей, они никогда не судили одни: каждый имел суд, из представителей знати, и суд они чинили по обычаям германцев. Так, суд баронов ведал тяжбами подданных своего баронета; суд графа ведал тяжбами подданных данного города; суд герцога ведал тяжбами жителей данной провинции, в то время как суд короля ведал тяжбами всех баронов королевства. Таким образом, король был блюстителем высшей юридической власти; свои обязанности он выполнял при помощи королевских чиновников: великого синдика, главного судьи, конетабля, сенешала, камергера, казначея и канцлера, вместе с несколькими баронами поместья; но, опасаясь, что расходы, потеря времени и усталость, которые влекут за собой дальние поездки, могут помешать тяжущимся прибегать к княжескому суду, король устанавливает кочующих судей, которые объезжали королевство в определенное время, чтобы разбирать все подсудные им дела.

Таково было управление франков после завоевания Галлии. Так как оно покоилось на тех же принципах, на каких были основаны различные монархии, организованные германцами в Европе, его обыкновенно именуют *феодальным правлением*.

Феодальное правление, рассчитанное на маленькие народности, не могло подходить большой нации. Я не буду говорить здесь о жестокости его права, которое губительно для всякой свободы; но я отмечу, что ему недоставало самого главного — мудрого разделения властей — и что оно скрывало в себе много причин анархии, которая не замедлила развиться и привести к деспотизму. Таким образом, все затруднения произошли от того, что франки, обосновавшиеся в Галлии, объединились в одно политическое целое. Укажем здесь его главные недостатки. Законодательная власть всегда мудрее, когда она исполняет свои обязанности свободно, покойно, когда она подобна величественной реке, которая мирно несет свои воды по оплодотворяемой ею долине. Но власть исполнительная, доверенная одному лицу, подобна бурному потоку, который у самых своих источников прячется под землею, вскоре появляется на поверхности, чтобы выйти из берегов; она с шумом катит свои волны, опрокидывая все, что противится ее стремительному течению. От нее одной ведут свое начало ужасающие бедствия, которые это правительство долго причинило человечеству.

Государь, прославленный вождь народа, был облечен достоинством и властью, чтобы стоять на страже законов и справедливости на благо государства. Пока корона была выборной, она почти всегда доставалась тому, кто был наиболее достоин носить ее, но как только корона становилась наследственной, государь не делает ничего, чтобы заслужить ее, и вскоре, развращенный наслаждениями и изнеженностью, он доверяет заботу о государстве своим фаворитам. С тех пор совет не прислушивался к доводам разума, не считался с любовью к общественному благу, с тех пор и народ не видел в своем начальнике верного слугу, а очень часто находил в нем опасного врага.

В хорошо организованном государстве общественная власть должна быть разделена между большим количеством магистратур, которые были бы в полной зависимости от народа и абсолютно независимы одна от другой, взаимно уравновешивая и умеряя друг друга. Но это разделение властей — образец мудрости — было выше понимания народности, едва вышедшей из варварства. Плохо установленные границы власти монарха

незаметно привели к ухудшению строя, и так как своевременно не были приняты соответственные меры для ограничения произвола властей, то министры беспрестанно злоупотребляли этим, чтобы, наконец, сделать монарха независимым от народа самодержцем и поставить его выше закона.

Право назначать на все должности и располагать всеми налогами государства, предоставленное государю, как прерогатива трона, было следствием права начальников военных походов выбирать себе своих товарищей по оружию, так же как и право раздавать королевские земли было следствием права военных начальников раздавать часть своей добычи, которая выпадала им на долю.

Пока франки странствовали по свету и занимались только войной, эти права не могли повлечь за собой никаких затруднений, начальник не мог воспользоваться ими, чтобы поработить вооруженных людей, страстно любивших независимость. Но как только франки основались в определенном месте, как только армия была рассеяна по обширной территории, как только нация перестала быть в курсе всего происходившего и не могла больше объединяться против своих угнетателей, земли, предназначенные для вознаграждения за заслуги, оказанные государству, стали служить вознаграждением за заслуги, оказанные государю, который пользовался привилегией дарования этих земель для создания опломного числа любимцев, для увеличения своего могущества и для уничтожения народной свободы.

Предоставление государю его вассалами земель в ленное пользование вело свое начало от обязательства, даваемого товарищами военачальнику следовать за ним в его походах. Таким образом, обязательства, данные за столом, за стаканом вина, превращались в политические учреждения, которые создавали громадное количество сообщников монархам, решали участь империи и определяли судьбы Европы в продолжение долгих веков.

Основное правило феодального строя, заключавшееся в том, что все те, кто подчинялся военной власти начальника, подчинялись и его судебной власти, происходило от обычая франков брать в посредники их распрей начальника, приказанием которого они привыкли повиноваться. Так из простого благорасположения возникло политическое положение, которое отдало всю власть в руки чиновникам государя, грозную власть судить и еще более грозную военную власть, и которое наполнило всю Францию притеснениями, вымогательствами, злоупотреблениями властью, покушениями и убийствами.

Право, данное государю как прерогатива трона, созывать народные собрания, было тем же, которым пользовался военачальник, собирая свою армию. Это право не могло никогда стать опасным для маленькой народности, которая существовала доходами своих полей, своего скота, своей охоты, а также своих грабежей, потому что собственные нужды начальников часто заставляли их собирать свой народ. Но у большого народа, у которого средства существования обеспечены, где монарх владеет обширными поместьями, поводы для созыва народа гораздо более редки и затруднения созыва в нескольких местах королевства весьма велики; они привели к тому, что монарх созывал народ только в случаях крайней необходимости. Монарх делает все от него зависящее, чтобы освободиться от созыва народа даже при самых неотложных обстоятельствах. Так, после завоевания все дела оказались перенесенными из народного собрания в кабинет монарха; этим самым он сразу становился арбитром государства, в ожидании того чтобы стать его господином. Чтобы достигнуть этого, ему нужны были некоторые таланты и только немного ловкости. Во времена благоденствия народ не беспокоится за свою участь и усыплен беспечностью, в то время как государь, стоя беспрестанно на страже своих собственных интересов, завладевает всем и достигает неограниченной власти. Правда, что собрания имели право требовать удовлетворения общественных жалоб, но собрания созывались только один раз в год на сорок дней. Таким образом для прекращения злоупотреблений обуздывающая деятельность законодателя была только кратковременной, тогда как преступная деятельность правительства была постоянной.

Так как высшая власть принадлежала общему собранию народа, то эта власть не падала до тех пор, пока государство было необширным, потому что малочисленный народ всегда собирался для самоуправления. Но как только народ расселился на обширной территории, не имея больше возможности собираться в целом, он был вынужден предоставлять это своим выборным, доверить высшую власть своим представителям; с тех пор свобода осталась без оплота и без защиты, так как, за исключением небольшого числа возвышенных душ, страстно любящих самую свободу, люди дорожат ею только за выгоды, которые она им доставляет, и каждый раз, когда они видят больше выгод в ее уничтожении, чем в защите, желание увеличить свое личное благоденствие берет верх над страхом участвовать в общественном несчастье; с того времени каждый не служит больше своей родине,— он старается только стать

господином или продать ее властителю. Таким образом, вскоре после завоевания правительство франков стало представительным, и народ утерял все свои верховные права.

В маленьком государстве, почти всегда ограниченном территорией одного города или нескольких деревень, нация вся целиком является бедной и дикой народностью с одними и теми же интересами, с теми же самыми судьями, с теми же стенами, воодушевленная одним и тем же духом и создающая из свободы свое высшее благо; она держит всегда своих начальников у себя на виду; она внимательно наблюдает за их поведением и лишает их даже мысли предпринять что-либо вопреки их долгу. Но в большом государстве нация, разделенная на несколько провинций, в которых каждый кантон, каждый город, каждое местечко имеет своих чиновников, свои доходы, свои частные интересы, не представляет единого слитного целого: далеко не заинтересованный также общественными делами, народ не принимает в них большею частью никакого участия; чуждые друг другу граждане не объединены ни доброжелательством, ни уважением, ни дружбой, ни взаимными выгодами, ни общими правами, ни ненавистью к тирании, ни любовью к свободе; как же могут они проникнуться гражданским долгом, любовью к родине? С этих пор цельность нарушена в политическом обществе. Всюду появляется человек и исчезает гражданин. Когда государство достигает большой величины, представители народа не находятся больше под его контролем; постепенно они приучаются действовать, не советуясь с ним, они уже считают его ничтожеством; вскоре они бессовестно предают интересы народа и кончают безнаказанным торгом его правами.

В государстве, в котором человек становится объектом общественного признания только благодаря своей храбрости, своим добродетелям, честь быть избранным представителем народа неминуемо падала на начальника: с этого момента у народа была отнята верховная власть, которая вскоре стала достоянием знати и дворянства.

Так простым расширением государства примитивная форма правительства превратилась из демократической в аристократическую, не изменив ничего в самом государственном строе. Я должен был бы сказать, что она перешла в деспотизм; знать и дворянство являлись ставленниками двора, и государь стал единственным хозяином верховной власти.

Хотя каждый делегат имел право вносить в национальное собрание предложение, которое он считал нужным, но предсе-

дательствующему монарху дано было право устанавливать вопросы, по которым собрание должно было выносить постановления, потому что право председательствования, ставшее прерогативой короны, было естественным продолжением того права, которым пользовался начальник армии, предлагая новый поход. Впрочем, это право могло быть дано только ему одному, потому что, как только нация стала многочисленным народом, правительство приобретает массу новых связей, как внешних, так и внутренних, известных ему одному. Государю, ставшему душой всех совещаний, удавалось вскоре поработить народ, который начинал видеть только тогда, когда его первый слугитель открывал ему глаза, и начинал говорить только тогда, когда слугитель его спрашивал.

Как только государю удавалось подчинить себе волю народа, он начинал скрывать от него все тайные намерения кабинета, все злоупотребления властью правительства, все искажения законов, он оставлял за ним только свободу выслушивать его требования, удовлетворять его нужды и содействовать его честолюбивым замыслам. С этого момента государство становилось в полную зависимость от своего начальника. Таким образом это преимущество, мало опасное или почти безопасное для малочисленного народа, который всегда стоял на страже своих интересов, всегда готовый взяться за оружие, становится вскоре роковым для общественной свободы народа. Этим преимуществом пользовались часто короли первых двух династий для отвлечения внимания от преступлений правительства внешними делами государства; поэтому короли никогда не упускали случая вызвать в какой-нибудь провинции мятеж или втянуть народ в войну с внешним врагом. А так как при каждом новом походе они были вынуждены формировать новую армию, для больших же завоеваний им нужно было щедро одаривать ее, и так как все их богатство заключалось в королевских поместьях, им надо было постоянно завоевывать новые земли, отнимать их у побежденных, с тем чтобы раздаривать награбленное; отсюда — смуты, раздоры, притеснения, грабежи, разбой, которыми полны летописи этих несчастных, слабых, суровых и варварских царствований.

Переворот в форме правления, произведенный одним только расширением государства, этим не ограничивался.

До завоевания начальник армии, всегда облеченный судебной властью, являлся народным судьей. Но после завоевания судебная власть народа переходит к простой королевской комиссии: таким образом власть народного судьи была уничтожена

и передана целиком в руки монарха. Когда государь или его ставленник отправляли правосудие, суд состоял из почетных лиц. При простом правлении эти почетные лица были гражданами из народа, всегда готовыми противостоять произвольным постановлениям одного лица. Но после завоевания на эти должности стали назначаться вассалы, следовательно, ставленники монарха, всегда готовые принести ему в жертву интересы подсудимых. Таким образом правосудие, плохо отправляемое баронами, служило только тому, чтобы делать из них притеснителей.

Этот переворот удивительно перевернул нравы народа. До завоевания богатство и знатность не определяли выбора народного, но они становились наградой, дарованной народом тому, кого он облачал высоким званием; таланты же и добродетели были свойственны демократии. Но после завоевания на все главные должности чиновники стали назначаться королем: он их распределял только между своими любимцами. Для их получения не нужно было больше отличиться высоким достоинством, но нужно было нравиться, и вскоре придворные стали только заниматься изучением вкусов государя, старались использовать его слабости, удовлетворять все его капризы, потворствовать его страстям, ползать у его ног. С тех пор любовь к славе, к мужеству, к искренности, великодушию, возвышенность чувств уступили место хитрости, лести и лицемерию.

Больше того: для получения этих должностей почти всегда нужно было устранить своего конкурента; фавориты оспаривали эти должности друг у друга и вскоре стали заниматься исключительно вытеснением друг друга. С этих пор искренность, правда, прямотушие уступили место притворству, обману, вероломству, предательству.

Их сердца, всегда открытые честолюбию, закрылись для всякого великодушного чувства, чтобы открыться навстречу тысячам постыдных страстей, голос чести умолк, узы крови и дружбы порвались.

Народ, не пользуясь больше правом издавать законы и назначать должностных лиц, теряет вскоре всю свою силу; придворные лакеи, одновременно и наглые и пресмыкающиеся, гнушаются народом и гордятся своим пресмыканием перед хозяином. Так уживаются в их душах рядом с пороками, позорящими человечество, пороки, унижающие его: презрение, надменность и гордость.

Национальный характер народа не менее пострадал. Как только народ утратил высшую власть, не входил больше в

управление государством, не принимал больше участия в делах,— равнодушный к общественному благу,— он предался только своим личным интересам, и вскоре любовь к родине угасла во всех сердцах.

После того как народ лишился возможности применять свои права, он стал понемногу забывать их, и тогда он перестал защищать их от правительства, сделавшись, наконец, жертвою его.

Придворные льстецы, покрытые одновременно почестями и позором, хотели добиться общего уважения, они делались грозными, подобно тому как государь, покрытый почестями и одновременно отягощенный преступлениями, становился прозным, чтобы стать священным.

С этого момента все взаимоотношения были перевернуты: презираемый своими собственными агентами, народ окружал их уважением, и народ-самодержец, чья власть была ограблена его уполномоченными, упал к ногам своего собственного слуги и, треща, поклонялся делу его рук.

Завладев всем, деспот старался держать покоренную нацию у своих ног. Не довольствуясь тем, что он становился священным в глазах поработанного народа, государь вменял ему в преступление самую мысль о свержении ига; выступив с полной безопасностью против родины, он мог безнаказанно вести ее к гибели; с народом-самодержцем обращались как с преступником каждый раз, когда он пытался призвать к исполнению долга своего преступного представителя.

Таким образом, в жизни феодального правительства можно было беспрестанно наблюдать, как благодаря простому ходу вещей затруднения порождались затруднениями, злоупотребления злоупотреблениями, беспорядки беспорядками; наблюдать, как свобода влекла за собой своеволие, своеволие анархию, анархия деспотизм, деспотизм тиранию, тирания восстание, восстание освобождение, освобождение влекло за собой свободное, упорядоченное правительство.

Не будем заканчивать этой главы, не сказав несколько слов о жестокости военного права франков.

У современных народов завоеватель часто приносит в жертву все своему честолюбию, своей ярости, своей мстительности, и редко народы принимают участие в ссорах между законным монархом и узурпатором, мало беспокоясь о том, кто из них восторжествует; как только один из них побежден, они отдаются во власть другого, и если судьба вновь ввергает в цепи рабства их бывшего властелина, они и не думают оправдываться

перед ним; но у франков побежденных обращали в рабство, и все их имущество становилось добычей победителя*.

Рабство, созданное вооруженной рукой, породило протест со стороны народностей, пытающихся вернуть свою свободу; тогда государство подобно могучему телу, которое часто потрясает своими цепями и которое иногда ломает их. Поэтому, чтобы удержать народы в оковах, монархи стали считать более верным вести их к рабству постепенно, усыпляя их, развращая их до потери любви к свободе, воспоминания о ней и даже до утраты самой идеи свободы. Тогда государство становится большим телом, отравляемым медленно действующим ядом, телом, изнемогающим, согнувшимся под тяжестью своих цепей, телом, у которого нет больше сил, чтобы подняться.

Таковы искусственные меры, к которым прибегало правительство, чтобы повергнуть народы в ужасное состояние, которое я предполагаю специально рассмотреть в этой книге.

Противопоставить различные слои населения друг другу

Государь начинает разделять свою власть с вельможами — господами над массой. Не имея возможности обманывать их, он их привлекает на свою сторону; им почет, им уважение, им высокое звание.

Сначала монархи возвышают дворян, чтобы подавить народ; потом они возвышают народ, чтобы сокрушить дворян. Это проделывали все европейские монархи, стремясь установить правительство произвола на развалинах правительства феодального.

Вспомним политические установления германцев, франков, готов, вандалов, и мы найдем полное подтверждение этой истины.

Знать, поставленная у трона, служила опорой ему; вскоре она превратилась в орудие для подавления народа.

* Читая плачевную историю народов, подчиненных феодальной власти, с удовольствием усматриваешь из нее, что сами деспоты редко пользовались свободой, которой они лишали других. Будучи в свою очередь рабами министров и лакеев, которым они поручали выполнение своих приказов, многие из них содержались в заключении в своих замках, некоторые были свергнуты и заточены в монастырях, другие были убиты, и почти все проводили свои дни в смертельном страхе. Но зрелище тревог, в которых они жили, и страданий, которые они претерпевали, несколько утешает в ужасающих бедствиях, причиненных ими человечеству.

В силу прав завоевания варваров пленники почти всегда превращались в рабство — участь, предназначенная восстающим народам. Все бароны и все крупные королевские чиновники были ставленниками государя; в начале монархии восстания горожан и крестьян против притеснений синьоров, так же как восстания синьоров против князя, были самым обычным явлением *. И чего проще? Они горячо любили свободу и оружие было у них в руках.

Порабощая народы, правительство ошиблось в своих расчетах; оно стремилось стать абсолютным, но под ним рушились все устои.

Бросим взгляд на унижение, которому долгое время подвергали королей их придворные. Это унижение было обратной стороной бешеного честолюбия королей, созданного недостатками строя, который в своем развитии мог привести только к анархии.

Во Франции управление графов, герцогов, баронов строилось по образцу королевского, но хотя оно являлось в уменьшенном виде, ход событий гораздо сильнее увеличивал власть вассалов над арендаторами, чем власть короля над его вассалами.

Почти все крупные вассалы короля проживали на своих землях; с удалением от двора их связь с королем слабела, а связь с арендаторами крепла с каждым днем.

Они обучали их владеть оружием, они выполняли по отношению к ним долг гостеприимства, угощали их за своим столом, вовлекали их в свои развлечения, удовольствия. Такова была близость с ними! Арендаторы, не обладая никакими другими путями к успеху, кроме преданности своему патрону, ставили его милости пределом всех своих желаний, следили за ним всюду, домогались его поддержки, подчинялись его решениям все свои разногласия, советовались с ним обо всех своих предприятиях, делали его вершителем своих судеб.

Вначале земли и королевские должности были сменяемы, герцоги, графы, бароны владели ими только по доброй воле государя; но так как земля давала власть и богатство, владельцы делали все возможное, чтобы удержать ее.

* В начале эпохи Меровингов во Франции было много свободных людей как среди франков, так и среди римлян; в ней существовали корпорации среднего сословия, ремесленников и купцов, судебные корпорации, коллегии; но уже к концу периода Каролингов почти все жители городов и сел были порабощены.

При королях невежественных, слабых или трусливых знать пользовалась обстоятельствами, вынуждая государя наделять землями, а также должностями пожизненно, затем наследственно; наследственность вскоре переходила в неотчуждаемость.

Пока земли и должности были сменяемы, знать была связана с государем, но по мере превращения земель и должностей в наследственные вельможи переставали смотреть на себя как на подданных; вскоре им удалось освободиться от всякой зависимости, и государство распалось на столько мелких держав, сколько в нем было сеньориальных владений.

С тех пор крупные вассалы — неограниченные самодержцы на своих землях — получили почти всю власть; среди них были такие могущественные вассалы, как герцог Нормандский, граф Фландрский и Тулузский; они выступили против престола.

Зависть селян рознь между баронами; удалившись в свои замки, они изнуляли друг друга мелкими войнами.

Города, расположенные в поместьях короля, отдавались на произвол королевских чиновников; во всех этих городах при слабом развитии промышленности, искусств и торговли эти чиновники своими притеснениями ввергали жителей в нищету. Правосудие не отправлялось, паче всего; лишённые возможности положиться на правительство, граждане обращались за защитой к соседним баронам, патронаж которых они покупали, или же поступали к ним на военную службу, что очень сильно увеличивало могущество баронов.

Войны с соседями, суживающие или расширяющие границы в зависимости от ловкости королей, войны внутренние по поводу раздела королевства между братьями короля и вследствие распрей и мятежей баронов — вот чем является история первой династии.

История второй династии представляет собой приблизительно такую же картину.

Во время всех этих войн большинство жителей городов и деревень было вырезано. Оставшихся в живых поработали в силу ужасного права победы; таким образом, в государстве остались только рабы и их господа. Бароны властвовали над своими вассалами и над крепостными тиранически: жен насиловали, имущество конфисковывали, притесняли их всячески и кончили тем, что признали за собой право на все эти притеснения.

В начале третьей династии королевская власть была почти уничтожена; все сколько-нибудь значительные земли были пре-

вращены в баронские поместья. Герцоги, графы, бароны и другие крупные вассалы короля присваивали себе должности.

Но благодаря непредвиденному стечению обстоятельств монархия взяла в свою очередь верх: мало-по-малу королям удалось разорить баронов,—использовав знать для подавления народа, короли использовали народ для сокрушения знати.

Крестовые походы, предпринятые для того, чтобы отнять святую землю из рук неверных, представили для этого удобный случай, которого никто не предвидел, которого никто не мог ожидать от святых безумств.

Для того чтобы выступать на этих походах достойным образом, баронам за неимением других средств приходилось продавать свои фьефы; короли пользовались удобным случаем, чтобы с малыми издержками присоединить их земли к своим королевским поместьям.

Так как многие крупные вассалы погибали в крестовых походах, не оставив наследников, их фьефы возвращались к королю; отсутствие нескольких могущественных баронов, обычно контролировавших короля, помогало росту королевской власти.

Возвращение спокойствия внутри государства во время войн с неверными позволило князю развить свою деятельность; компетенция двора барона ограничивалась рассмотрением мелких проступков, все остальные дела отсылались королевскому двору, к которому апеллировали в случае отказа от разбора дела местным судом; все это побуждало как вассалов, так и народ устремлять свои взоры на государя, в руки которого они снова вернули почти всю власть.

Наконец самые главные вассалы истощили на крестовые походы, на турниры и на придворные прихоти все свои средства; государь открыл новый источник средств, разрешив жителям городов и местечек выкупать себя за определенные суммы. Деревенские жители так же возвращали себе свободу. С этих пор зависимость прекратилась; права над людьми падали, права перешли на имущество, и власть баронов оказалась чрезвычайно ослабленной.

Людовик VII один из первых предоставил народу возможность освобождения. Людовик Толстый начал давать хартии вольности городам в своих поместьях. Он уничтожил все следы крепостной зависимости; он создал корпорации, которые отдал под власть муниципальных судей; они отправляли правосудие, собирали подати и вербовали милицию для обслуживания государства. Вскоре города и местечки купили у сеньоров право избирать себе судей, и государь утвердил эту привилегию.

Наконец освобожденный народ потребовал законов. Давал их каждый барон, каждая община.

Чтобы сравняться с духовенством и дворянством, эти новые вольноотпущенники захотели иметь судей из лиц равных себе, и им дали судей того же звания, какого были подсудимые.

До сих пор забота о хлебе насущном была единственным занятием народа; но вскоре он отдался искусствам, торговле, основал мануфактуры, занялся мореплаванием; жители городов разбогатели, стали могущественными.

Народ вернул себе гражданскую свободу; тогда он стал стремиться к возвращению свободы политической. Чтобы приучить народ принимать участие в государственных делах, стали в Генеральные штаты назначать народных депутатов, наделив их совещательным голосом и считаясь с ними на совещаниях.

Впервые эти депутаты вступили в Генеральные штаты в 1304 году; с тех пор их призывали регулярно; вскоре без них не проходило ни одно заседание; так как их количество было пропорционально суммам, отпускаемым городами и общинами на общие нужды, они вскоре приобрели такое же влияние, как духовенство и дворяне. Но все влияние, которое как те, так и другие оказывали на общественные дела, сводилось к тщетным ходатайствам об удовлетворении народных жалоб, к установлению налогов, требуемых государем; эти Генеральные штаты вовсе не были теми народными собраниями, которые зародились вместе с монархией и которые были хранителями верховной власти: давно уже не существовали они, так как короли перестали созывать их; Генеральные штаты были их жалким подобием, возникшим при Филиппе Красивом для упорядочения субсидий.

С этих пор началось падение феодального правительства.

Когда народ стал свободен, когда его допустили в Генеральные штаты, когда он как бы принял участие в государственных делах, когда благодаря ремеслам он вступил на путь богатства, когда он приобрел сильную власть и образовал в государстве могущественное ядро, тогда монарх прибег к его могуществу для подавления баранов, лишь только обстоятельства дозволили ему это.

После больших усилий Карлу VII удалось изгнать англичан и бургундцев, в эпоху когда государство было на краю гибели; этот государь использовал свою славу не меньше, чем тот ужас, в который поверг неприятель все умы; под предлогом защиты государства он стал его господином.

Разоренные длительной войной, дворяне и прелаты позволили ему изменять правительство, как ему хотелось. Он уничтожил пленарные дворы, которые ежегодно собирали сеньоров, чтобы стовариваться об общественных делах, что делало власть на их землях более могущественной, более влиятельной. Он запретил турниры, которые будили воспоминания о гражданских войнах. Он изменил всю систему юриспруденции, финансов, войн, он присвоил себе всю власть, лишив дворянство главных привилегий.

С тех пор все монархи, вступившие на престол, в той или другой степени усиливали власть короны, сокрушая одновременно и знать и народ.

Порабощение нации и унижение королевской власти представляют в Англии и Испании ту же картину, что и во Франции. Восстановление некоторых народных прав и рост королевской власти зависели приблизительно от одинаковых причин; лишь причины, послужившие поводом к этим событиям, различны.

Рассматривая историю этого времени, времени притеснений и анархии, ужасаешься тем бедствиям, которым преступное властолюбие государей всегда подвергало нации; оплакиваешь ослепление народов, осужденных страдать так долго под игом тирании, не находя средств, чтобы свергнуть его; ропщешь на небо,—его хочется обвинить в несправедливости, если бы эти ужасные тираны не страдали сами от тех бедствий, которым они подвергали народ.

Во время царствования Генриха I верховная власть находилась в руках баронов; они завладели всеми крупными королевскими, военными и правительственными должностями и располагали ими по своему усмотрению, в свою пользу.

В 1209 году они вырвали у короля Иоанна великую хартию прав. При Генрихе III бароны назначили двадцать четыре комиссара, которые изменили правительство в их пользу. Они постановили следующее: каждый год владельцы фьефов избирают большинством голосов великого шерифа; парламент собирается трижды в год; каждое графство посылает туда трех рыцарей; ознакомившись с жалобами окрестного населения, они должны были добиваться удовлетворения их. Но, далекие от забот о народном благе, они преследовали только собственные интересы; а чтобы обеспечить безнаказанность своих насилий, они постановили, чтобы королевские судьи объезжали королевство только один раз в семь лет. Наконец, считая себя господами государства, они обязали народ присягать им.

После смуты, вызванной заговором Лейчестера, Генрих III для подавления наследственных баронов ввел в парламент представителей пожалованной знати, и так как количество депутатов он устанавливал по своему усмотрению, то вскоре стал господином всех решений.

Затем, чтобы еще сильнее ограничить могущество баронов, он противопоставил им народ. Чтоб привлечь его к содействию государственным нуждам, а также чтобы облегчить взимание налогов, он постановил, чтобы каждое графство посылало двух рыцарей, а каждое местечко — двух депутатов, наделенных правом присоединяться к предлагаемым им мерам. Таким образом он снискал любовь нации и обеспечил себе большинство голосов.

Эти депутаты заседали в отдельной палате, отдельно от рыцарей и баронов, относившихся с презрением к людям, которых они считали ниже себя. Таково происхождение Палаты общин.

Не успел Генрих VII вступить на престол, как составил план подавления дворян. Они только что обнаружили свое могущество в длительной гражданской войне, в течение которой свергли несколько государей. Не смея напасть на дворянство открыто, Генрих VII прибегает к помощи политики. Он разрешает баронам дробить и продавать фьефы, чтобы уменьшить количество подвластных им людей; поощряет земледелие, торговлю, мореплавание, увеличивает прерогативы общин, укрепляет правосудие и администрацию и так усиливает королевскую власть, что становится одним из самых абсолютных монархов Европы.

Власть королей аррагонских была сильно ограничена, и присяга, которую дворяне приносили королю по его волеизъявлению на престол, напоминала ему о его зависимости. Мы, которые все вместе могущественнее вас, — говорила ему Юстица от имени аррагонцев, — обещаем подчиняться вашему правительству, если вы будете признавать наши права; но откажем вам в повиновении, если вы будете нарушать их. Не довольствуясь мощными преградами и тем, что они возложили на кортесы защиту народной свободы, они под названием Юстицы учредили верховный государственный суд, подобный суду эфоров в Спарте. Истолкователь законов, защитник народа, этот суд обладал широкими полномочиями; все судьи и сам король должны были советоваться с ним и считаться с его решениями во всех сомнительных случаях; к нему апеллировали после королевских приговоров; он мог вмешиваться во все тяжбы, мог

Аллегория королевских злодеяний

Лубок неизвестного автора

строго карать правонарушителей. Природный цензор короля, он имел право пересмотреть все королевские акты, для того чтобы удостовериться в их законности, а также в том, следует ли приводить их в исполнение; он обладал правом устранения правительственных чиновников, казавшихся ему подозрительными или неумелыми, и был обязан отчетностью только перед кортесами.

После стольких мудрых мер, предпринятых против злоупотреблений королевской власти, трудно постигнуть, как ей удалось сломать все преграды и стать абсолютной. Вот какими средствами это было достигнуто.

До восшествия на престол Фердинанда несколько монархов безуспешно пытались расширить свою власть. Как только путем брака с Изабеллой Кастильской Фердинанд завладел испанским престолом, он тотчас решил следовать намерениям своих предшественников; его таланты, его ловкость и постоянство привели его честолюбивые замыслы к успеху.

Он начал с того, что вырвал согласно полученным им судебным постановлениям большинство актов унаследованных его предшественниками от их предков. Он лишил дворян руководства главными государственными делами, хотя они владели всеми высшими военными и правительственными должностями. Часто он улаживал дела величайшей важности без их содействия; до самых высоких должностей он поднимал новых, преданных ему людей. Чтобы держать дворянство на почтительном расстоянии, он усилил этикет при своем дворе; он присоединил к своей короне господство над орденом Святого Яго, Калатравы и Алкантара, сначала переданных ему рыцарями, а затем присвоенных им по распоряжению пап Иннокентия VIII и Александра VI, что значительно повысило его доходы и усилило его власть; эти ордена благодаря фанатизму крестовых походов изумительно обогатились, а звание гроссмейстера было высшим почетом, которого могла достигнуть знать, ибо оно давало право располагать всеми рыцарями.

Пока испанские провинции подвергались вторжению мавров, безопасны были только крепости, которые давали приют всем, желавшим избежать ига. И так как во время длительных войн с маврами победить их вооруженной силой, поставляемой баронами, было невозможно, королям пришлось поставить на ноги постоянные войска и в особенности легкую кавалерию. Горожане должны были отпускать средства, чтобы содержать войска, набранные для общей безопасности; для поощрения им

предоставляли различные привилегии, содействовали процветанию торговли.

После такого укрепления королевской власти Фердинанд предпринял новые меры, чтобы усилить ее еще больше.

Беспрерывные вторжения мавров и гражданские войны между баронами привели государство в беспорядок: грабежи были так часты, что торговля между различными городами прекратилась, а суды были так слабы, что ожидать от них правосудия было невозможно. Для устранения этой анархии арагонские города заключили союз под именем Святого братства. Кастильские города последовали их примеру. Делом этих союзов был набор войск для защиты путешественников и для преследования разбойников; они же учредили суды, которые судили преступников, не считаясь с пререканиями о подсудности. Дворяне восстали против этого прекрасного учреждения и отказывали в какой бы то ни было помощи королю за то, что он не уничтожил его. Фердинанд поддерживал эти союзы всеми силами и пользовался ими, чтобы ослабить юрисдикцию баронов.

Так командование большими армиями, которых требовали его большие походы, слава, которая увенчала его за завоевание Гренады, положившее конец ненавистному владычеству мавров, ловкость его министров и настойчивость, с которой он проводил свои властолюбивые планы, усилили королевскую власть; все же до Карла V она оставалась ограниченной, пока испанцы сохраняли любовь к свободе, а дворяне — к независимости.

Окружив себя всеми гражданами, способными укрепить его могущество, монарх возвышает низших, чтобы унижить высших, он покровительствует народу, которого мало боится и на который сильно надеется, а затем, чтобы сокрушить привилегированные классы, которых сильно боится и на которые мало надеется, он восстает против них народ; наконец он становится господином всех слоев государства, и когда какой-нибудь слой хочет освободиться от ига, он подавляет его всеми остальными.

О власти времени

Первый удар, который монархи наносят свободе, заключается не в дерзком нарушении законов, а в старании заставить народ забыть их. Порабощение народов начинается с усыпления их.

Пока народ воспламенен идеями свободы и пока кровавый образ тирании еще свеж в умах людей, народы полны ненависти

к деспотизму и его строю, следят обеспокоенным взором за каждым шагом правительства. Тогда боязливый государь остерегается от всяких посягательств; наоборот, он кажется отцом своих подданных и его правление — образцом справедливости. Первое время управление государством до того мягко, что кажется, будто оно стремится к увеличению свободы и что оно далеко от мысли уничтожить ее.

Не находя, за что им биться: за права, которые никто не оспаривает, или за свободу, на которую никто не нападает, граждане перестают заботливо следить за поведением своих начальников; мало-по-малу они перестают быть настороже и вскоре снимают с себя все заботы, чтобы мирно прожить под сенью законов.

Так, по мере удаления от бурной эпохи зарождения государства, свобода постепенно теряется из виду. Чтобы усыпить умы, надо только следовать ходу событий; но все же одной лишь власти времени доверяют не всегда.

О праздниках

Иногда переход к деспотизму бывает нежным, улыбающимся; это — сплошной праздник, танцы, песни. Но в этих забавах народ не видит готовящихся ему бедствий: он отдается удовольствиям, радостно напевая веселые песни.

В то время как безумцы отдаются веселью, мудрец предвидит те несчастья, которые вдали угрожают родине и от которых она должна будет погибнуть; в этих празднествах он видит первые шаги власти к деспотизму; видит увитые цветами цепи, готовые сковать руки его сограждан.

Так матросы предаются необузданной радости, видя с берега, как дыхание ветерка тихо вздувает паруса и бороздит морскую гладь, в то время как зоркий глаз кормчего внимательно следит за поднимающимся на горизонте шквалом, который вскоре взволнует море.

Развратить народ

Никакое правительство не поддерживается своей собственной конституцией, — его поддерживают гражданские добродетели, которые не дают ему вырождаться. С гибелью этих добродетелей гибнут интересы родины: вместо того чтобы содействовать общему благу, каждый стремится только к своим личным выгодам, на законы смотрит с презрением, и сами судейские чи-

новники являются их первыми нарушителями. После того как народ унижен, стремится его развратить.

Когда общественной цензуры не существует, государь стремится привить собственные нововведения для развращения нравов; все, что этому препятствует, он уничтожает; он вредит всему, что может создать добрые нравы; он так же ревностно стремится к развращению граждан, как мудрый законодатель стремится к их возрождению.

Как правило, монархи ведут народ к рабству по дороге, усыпанной цветами. Сначала они щедрой рукой устраивают ему празднества, но так как эти праздники не могут длиться вечно — на них нехватает награбленного, — то монархи стремились открыть для народа постоянные источники разврата; они стараются поощрять искусство, содействуют процветанию торговли и устанавливают материальное неравенство, что всегда влечет за собой роскошь.

Те, у кого перед глазами феодальные правительства, переродившиеся в деспотизм или в олигархию, найдут это утверждение очень странным. Монархи поощряли промышленность и торговлю, скажут они, чтобы обложить более тяжелыми налогами своих подданных, совсем не с целью их унижения; но я говорю не о поработанных народах, а о народах, которых хотят поработить; оставим в стороне усилия, сделанные несколько веков тому назад венецианцами, генуэзцами, флорентинцами, голландцами, французами, испанцами, португальцами и англичанами для поощрения промышленности, изящных искусств, торговли, и проследим все, что было предпринято правительствами свободных народов.

Древние британцы, галлы и германцы были почти независимы. Когда они, разделенные на небольшие племена, обладали только своим оружием и своими стадами, их начальники были бессильны поработить народ; для поработнения его римляне ввели ремесла, искусства, торговлю, таким образом заставив народ купить сладость довольства ценою своей свободы.

Агрикола, покорив британцев, ввел среди них искусства мирного времени, вежливость; он научил их доставлять себе жизненные удобства; он старался создать им приятные условия жизни, и народ покорился владычеству своих начальников до такой степени, что перестал совсем беспокоить их и даже утратил само понятие о своей бывшей независимости.

Я уже говорил, что, для того чтобы открыть своим подданным постоянный источник разврата, монархи содействовали процветанию торговли в своих государствах. Это предположение

не было странным, если бы я связал его с роскошью; факт, который освобождает эти предположения от сомнений, заключается в том, что роскошь являлась всегда необходимым последствием торговли.

Совершенно достоверно, что монархи не пренебрегают ничем для развития роскоши; они выставляют ее на показ и первые сеют в сердцах народа эти семена разврата*.

Если они не проповедают роскошь примером, то они все же отказываются искоренить ее. При Августе сенат несколько раз предлагал искоренение роскоши и реформы нравов, которые император должен был разрабатывать в качестве цензора и которые он обходил с большим искусством.

Некоторые монархи доходили до того, что принуждали своих подданных к роскоши. Для подчинения народа Аристомен, стараясь притупить мужество молодежи, требовал, чтобы мальчики отпускали длинные волосы, чтобы они украшали их цветами и чтобы носили подобно девушкам разноцветные длинные одежды; он требовал, чтобы в то время, когда юноши шли к своим учителям музыки или танцев, молодые женщины несли зонтики и веера; чтобы в банях они подавали им зеркала, гребни, духи; такое воспитание должно было длиться до шестнадцатилетнего возраста.

* Так как роскошь настолько очаровывает заурядных людей, что увлекает их на тысячи дорогих излишеств, которые сопровождаются разорением семейств, а иногда и государства, то часто государи, поддерживавшие сначала роскошь, бывали вынуждены затем ограничить ее. Но в силу странного противоречия они проповедывали ее своим примером в то самое время, как подавляли ее своими приказами. Людовик XIV, запрещавший генерал-лейтенантам своих армий и другим офицерам, принимавшим у себя, подавать к столу что-либо шное кроме супа, жаркого и первого блюда из убойного мяса, а также нескольких закусок, подвергший запрету легкие блюда и соуса, украшал свой стол произведениями четырех частей света. Точно определяя количество золота и серебра, которое разрешалось употреблять на посуду, мебель, экипажи, одежду и т. д., он растрачивал на роскошные излишества доходы государства. Какие бы приказы ни издавали монархи, роскошь от этого не уменьшается; самые их законы обращаются против поставленных ими целей, повышая ценность того, что ими возбраняется. Может быть, именно поэтому они их иногда издают. Любовь к удовольствиям, господствовавшая при дворе Якова I, Карла II, Людовика XIV, распространилась на все классы общества. Каждый день приносил с собою какое-либо торжество, каждая ночь — какой-нибудь маскарад, на которых присутствовали выдающиеся лица; таким образом, праздность, лень, развлеченция и роскошь вытеснили простые нравы, прилежание и просвещенность.

Торговля и роскошь всегда имели гибельное влияние на судьбы нравственно здоровых наций, мешая развитию большинства из них.

О торговле

Торговля требует сношений различных народов друг с другом, а желание установить хорошие взаимные отношения делает их общительными, смягчает их обычаи, исцеляет от слишком хорошего мнения о самих себе и от смешных предрассудков, свойственных самолюбию.

Доставляя каждому продукты разных климатов, торговля подчиняет их новым потребностям, дает им новые удовольствия, расслабляет их излишествами и развращает их наслаждениями роскоши.

Если торговля смягчает грубые нравы, то простых и чистых она развращает; если она уничтожает кое-что смешное национальное, то она приносит много смешного чужеземного; если она убивает глухие предрассудки, то она так же легко уничтожает предрассудки полезные.

В необходимых для торговли приливах и отливах, приходящих и уходящих, каждый вносит нечто от своей страны; вскоре образ жизни, обычаи, нравы, культы смешиваются; понемногу народы примиряются со всеми правительствами и забывают то, которое дало им жизнь. Торговец, привыкший жить с иностранцами, смотрит на них теми же глазами, как и на соотечественников, и кончает тем, что не отличает одних от других. Европейец, много путешествовавший, перестает быть голландцем, англичанином, французом, испанцем, несет в себе частицу от каждого из них.

Торговля смешивает не только обычаи и образ жизни, но и нравы всех стран; пьянство, роскошь, чванство, игорная страсть, распутство становятся модой, и каждый народ прибавляет к своим собственным порокам пороки других стран.

Настоящий купец является гражданином мира. Жадный к богатству, он объезжает всю землю с целью обогащения, он привязывается к тем странам, которые ему дают больше прибыли, и его родиной является та страна, где он лучше всего устраивает свои дела.

Торговец беспрерывно занят своими барышами; его голова всегда набита исключительно торговлей, доходной спекуляцией, расчетами, способами загребания золота и способами ограбления его у других. Чуждый всему остальному, он становится не-

способным на более благородные чувства, и любовь к свободе гаснет в нем вместе с любовью к родине.

Даже у самых честных людей меркантильный дух унижает душу и уничтожает любовь к независимости. В силу привычки все подчинять расчету купец доходит до того, что расценивает все: для него все продажно, и золото является ценой как хороших должностей, героических подвигов, талантов, добродетели, так и заработной платой, ценой продуктов земли и произведений искусства.

Считая и пересчитывая, строго блюдя свои интересы, он вырабатывает в себе характер суровой справедливости или скорее скупости, враждебной всякому великодушному чувству, всякому благородному поступку и душевному величию, между тем как самое высшее качество человека — жертвовать своими личными интересами во имя счастья ему подобных, во имя достоинства своего существа.

Меркантильный дух приучает смотреть на богатство как на высшее благо, жажда к золоту овладевает всеми сердцами; а когда приобретение золота не может быть достигнуто честными путями, то не пренебрегают никакой низостью и подлостью в погоне за ним.

Эти факты бросаются в глаза каждому мало-мальски проницательному человеку, а теперь приведу также и такие, которые доступны только опытному глазу.

Всякого рода спекуляция неизбежно ведет за собой образование привилегированных компаний для некоторых особых отраслей торговли. Эти компании образованы всегда в ущерб частной торговле, мануфактурам, ремеслам и искусствам, тем самым уничтожая всякую конкуренцию. Таким образом богатство, которое должно было разливаться по тысяче различных каналов для обогащения государства, концентрируется в руках нескольких ассоциаций, которые поглощают средства народа и жиреют от его пота.

Вместе с привилегированными товариществами появляются всякого рода монополии, скупка произведений искусства, продуктов природы и предметов первой необходимости; скупка в особенности делает народное существование ненадежным, находящимся в полной зависимости от министров, обычных начальников всех скупок.

По системе монополий постепенно строится управление финансами. Государственные доходы отдаются откупщикам, они вскоре становятся во главе привилегированных товариществ и обращают источники народного богатства в свою пользу.

Вскоре нация становится добычей вымогателей, финансистов, ростовщиков, взяточников, ненасытных вампиров, живущих исключительно грабежами, вымогательством и разбоем; они разоряют нацию, богатея от ограбления ее.

Вокруг товариществ купцов, финансистов, откупщиков, скупщиков появляется целая толпа маклеров, биржевиков, ажиотеров; эти рыцари промышленности заняты исключительно распространением ложных слухов в целях повышения и понижения фондов, опутыванием подданных, обманутых их позолоченными сетями и ограблением финансистов, убивающим народный кредит.

Вскоре наличие огромных богатств многочисленных авантюристов порождает вкус к спекуляции, азарт ажиотажа захватывает все слои общества, а нация представляет собой сборище алчных интриганов, учредителей банков или учетных касс, прожектеров, мошенников, плутов, занятых всегда изысканием средств ограбления глупцов, поглощенных собственным обогащением на развалинах народного благосостояния.

Из числа многочисленных интриганов, уцепившихся за колесо фортуны, большая часть находится в вечной суете: жажда золота заставляет их рисковать тем, что ими истрачено, и тем, чего у них еще нет, и вскоре нищета делает из них низких плутов, готовых всегда на предательство, готовых всегда служить делу любого хозяина.

Когда богатства сосредоточиваются в руках спекулянтов, то всей толпе купцов ничего не остается, кроме ремесла для утоления их алчности; так как роскошь породила массу новых потребностей и так как множество людей в погоне за богатствами лишило купцов возможности удовлетворить этих людей, почти все они оказались вынужденными прибегать к уловкам и обманам; с этого времени нет больше добросовестности в торговле: для самообогащения или для того, чтобы избавиться от нужды, каждый старается обмануть другого — торговцы предметами роскоши обирают запутавшихся граждан, росточительных сыновей, мотов; все товары, до съестных включительно, подделываются, появляется ростовщичество, алчность не знает узды, и мошенничеству нет пределов.

Место мягкой, благотворной добродетели, характеризующей простые, бедные и гостеприимные нации, занимают все пороки ужасного эгоизма: равнодушие, черствость, жестокость, бесчеловечность; жажда золота иссушает все сердца; они закрываются для милосердия, чувство дружбы им неведомо, родствен-

ные связи прерваны; вздыхают только по богатству и продают все, включая и человеколюбие*.

В политическом же отношении шайка спекулянтов, как и товарищества торговцев, капиталистов, откупщиков, ростовщиков, скупщиков, биржевых маклеров, ажиотеров, бездельников, вымогателей, вампиров и кровопийц народа, находятся обычно во всех странах в тесной связи с правительством и становятся его самыми ревностными сообщниками.

У нации, в которой сильно развита торговля, богачи и капиталисты которой объединены интересами с откупщиками, финансистами и ажиотерами, образуется в больших городах только два класса граждан: один из них прозябает в нищете, а другой изобилует излишками; последний является владельцем всех средств угнетения, а первый лишен всех средств защиты. Таким образом, крайнее неравенство распределения богатств в республиках ведет к тому, что весь народ попадает в рабство кучки индивидуумов. Эта участь постигла Венецию, Геную, Флоренцию, как только торговля стала засыпать эти города богатствами Азии. Этот же процесс мы можем наблюдать в Голландии, где богатые граждане, владеющие неисчислимыми богатствами, единственные хозяева республики, в то время как народной массе нехватает хлеба.

В монархических государствах и богатые и бедные слуги государя. Он набирает свои легионы наемных телохранителей среди неимущего класса; из них он формирует сухопутную и морскую армию; все это множество альгвазилов, полицейских приставов, сыщиков, прислужников, подкупных шпионов служит ему для порабощения и закрепощения народа.

Привилегированные же сословия почетных сановников, судей, магистратов и даже знатных королевских чиновников он составляет из класса богачей**; но когда дворянство, родовые земли, высокие должности, высшие чины и магистратура делаются продажными, тогда богатство становится влиятельней знатного происхождения и, перегоняя его, приближается к трону, открывает двери сената, добирается до высоких должностей

* Эти губительные последствия торгашеского духа можно наблюдать в особенности в Голландии.

** Это наблюдается в Англии, где большинство лордов имеют родоначальником какого-нибудь выскочку-кунца. Но главным образом это можно наблюдать во Франции, где почти все новые дворяне происходят от какого-либо сборщика податей, финансиста, провинциального взятчика, пившегося народной крови, или какого-нибудь лакея, выдвигшегося благодаря разорительным для государства спекуляциям; доказательством этого служат те, которых обогатила система Лоу.

власти, которая ставит низшие классы в зависимость от привилегированных сословий, в то время как последние в свою очередь находятся в зависимости от двора.

Вот каким образом торговля превращает имущих и неимущих граждан в орудие угнетения и рабства.

Торговля не только превращает почти всех своих агентов, но она еще пользуется гораздо более глубоким влиянием на все общество благодаря роскоши, которую она всегда влечет за собой.

Извратить названия вещей

Лишь немногие люди обладают здравым понятием о вещах; большинство придает значение словам. Не даровали ли римляне Цезарю под титулом императора ту власть, в которой они отказывали ему под титулом царя?

Обманутые словами, люди не гнушаются самыми гнусными вещами, разукрашенными прекрасным названием. И они стонутся самых похвальных вещей, опозоренных гнусным названием. Обычной уловкой кабинета министров является извращение смысла слов, с тем чтобы ввести народ в заблуждение; нередко опустившиеся литераторы имеют низость заниматься этим постыдным делом.

Когда дело касается политики, несколько пустых звуков ведут за собой глупую толпу, я бы сказал, ведут за собой весь мир.

Никогда не называть вещи их собственным именем! Монархи, их министры, их агенты, их льстецы, их прислужники называют «искусством править» умение истощать народ, выставлять роскошь на показ, умение всюду вызывать страх; «политика» — постыдное искусство обманывать людей; «правительство» — подлое господство тирании; «прерогативы короны» — права, отнятые у самодержавного народа; «королевское могущество» — абсолютная власть; «щедрость» — гнусная расточительность; «повиновение» — рабство; «верность» — рабское подчинение произволу; «сопротивление властям» — верность законам; «мятеж» — сопротивление притеснителям; «крамольные речи» — провозглашение прав человека; «крамола» — ядро граждан, объединившихся для защиты прав; «преступление по оскорблению величества» — меры, предпринятые для сопротивления тирании; «государственные должности» — раскрадывание казны двором и кабинетом; «налоги» — притеснения; «война и победа» — разбой с помощью войск; «умение вести крупную торговлю» — лицемерие, обман, вероломство, коварство, предательство; «государственный переворот» — тяжкие оскорбления, убийства, отравле-

ния; «королевские офицеры» — прислужники; «блюстители» — шпионы короля; «верноподданные» — опора деспотизма; «меры охраны» — инквизиторский розыск; «наказание мятежников» — резня друзей свободы.*

Вот как им удастся уничтожить ужас, внушаемый обнаженным образом тирании и ее преступлений.

О суеверии

Нельзя изучать ход власти к деспотизму, не вдумываясь в то же время в силу верований. Каково их могущество над умами?

Это они некогда заставляли неустрашимого римлянина содрогаться при виде священных щиплят, отказывающихся клевать корм.

Это они, наполняя египтянина богобоязнь, приводили его в трепет при виде идолов, которых он только что сделал.

Они заставляют последователей Магомета жить в полной апатии, полагаясь на провидение, не заботясь о настоящем, не беспокоясь за будущее, не страшась опасностей.

Это они, непрерывно сосредоточивая стойка на самом себе, окружают льдом его сердце, мешая сердцу радостно биться от удовольствий, сжиматься от пронзительного крика страдания, содрогаться от страха перед опасностями; они заставляют его жить без привязанностей и умирать, не слабая духом.

Они, баюкая ложными надеждами верующих, предоставляют их тысячам страданий, чтобы насладиться сомнительными благами; заставляя приносить в жертву тысячи реальных выгод в погоне за вымышленными, они делают их несчастными в надежде стать когда-нибудь счастливыми.

Это они, наконец, с повязкой суеверия на наших глазах клонят нас под ярмо священника, и их властью пользуются государи, чтобы поработить нас.

Окиньте взором древние народы; вы увидите, что монархи всегда провозглашают себя любимцами богов. Зороастр провозгласил свои законы именем Ормузда; Трисмегист издал свои законы именем Меркурия; Минос издал свои законы именем Юпитера; Ликург — Аполлона; Нума — Эгерии, и т. д.

И сколько раз смешное почтение народов пред богами ввергало их в рабство*? Чтобы вернуться в афинскую крепость, из

* Религия должна стремиться сделать из человека гражданина. Когда она преследует эту задачу, она превращается в один из самых сильных оплотов свободы, но, уклоняясь от нее, она влечет за собой самое суровое рабство.

которой он был изгнан, Пизистрат облачает одну из женщин Минервой, подымается с этой своеобразной богиней на колесницу и едет через весь город; держа его за руку, она кричала народу: «Вот Пизистрат! Я привожу вам его и приказываю вам принять его». Услышав эти слова, афиняне снова подчиняются тирану.

Правда, сами государи уже не разыгрывают роли посвященных, но они используют священнослужителей, чтобы подчинить подданных своему игу*. Все священники, левоверные и плутоватые, робкие и властолюбивые,—все они изображают государя как представителя бога на земле, пред которым все остальные люди должны молча падать ниц; затем, смешивая подчинение законам с раболепством, они именем богов непрестанно проповедуют слепое повиновение.

Все религии протягивают деспотизму руку помощи**, но ни одна из них не поддерживала его так сильно, как христианство.

Далекое от связи с политической системой какого бы то ни было правительства, оно не содержит в себе ничего местного, ничего свойственного одной стране более, чем другой; своим милосердием оно равно обнимает всех людей, оно опрокидывает барьеры, воздвигнутые между нациями, соединяет всех христиан в один братский народ. Таков истинный дух евангелия***.

* В виду суеверия галлов друиды пользовались у них самой широкой властью. Помимо управления алтарями, они правили семьями, руководили воспитанием молодежи, знали все гражданские и уголовные дела, являлись судьями во всех раздорах между разными племенами и удерживали народ в своей власти. Суеверное уважение магометан к султану основано на религии. На ней же основывается уважение московитов к царю.

** Религия бедуинов учила, что душа того, кто умирает за дело своего государя, переходит в более прекрасное, более здоровое, более счастливое тело, чем первое; этим догматом объясняются многочисленные жертвы, приносившиеся правительству. При помощи догмата о предопределении магометанство оказывает сильнейшую поддержку тирании, потому что если все предопределено владыкой мира, сопротивление государям является преступлением и безумием.

*** Если бы религия так же влияла на государя, как на его подданных, то дух милосердия, проповедуемый христианством, смягчил бы, конечно, проявления власти; но если принять во внимание, что уроки евангелия не могут укрепиться в сердцах, преданных развлечениям и удовольствиям, что его предписания не имеют силы против постоянно повторяемых губительных правил, против постоянно подаваемых дурных примеров, против все новых сильнейших искушений, то станет понятно, что сдерживающие начала религии существуют не для тех, кто живет при дворе. На это мне могут возразить, что тем не менее существовали религиозные государи; да, мы знаем государей богомольных, ли-

Свобода связана с любовью к родине, но царство христиан не от мира сего; их отечество на небесах; наша земля — только место паломничества для них. И могли ли бы люди, вздыхающие о небесном, принимать к сердцу земное?

Человеческие установления покоятся на человеческих страстях и держатся только ими; любовь к свободе связана с хорошим самочувствием, с любовью к мирскому благополучию; но христианство внушает нам удаляться от этих благ, ведет нас на борьбу с ними. Всецело поглощенный царством небесным, христианин далек от царствия земного.

Для сохранения свободы надо беспрестанно зорко следить за правительством, выслеживать его происки, бороться с его покушениями, обуздывать его натиск. Как могут быть недоверчивыми люди, которым религия запрещает это? Как им остановить глухие происки изменников, проскользнувших в их среду? Как обнаружить их? Доверчивые, бесстрашные, безыскусные, бесстрастные, лишённые жажды мести, истинные христиане отдаются на волю первого встречного.

Дух христианства — дух мира, кротости, милосердия даже по отношению к врагам; и последователи христианства одушевлены всеми этими чувствами. Когда их бьют по одной щеке, они должны подставлять другую. Когда у них отнимают плащ, они должны отдать и свое платье. Когда их преследуют, они должны благословлять своих гонителей. Что могли бы они противопоставить тирану? Им не разрешается защищать свою собственную жизнь. Всегда безропотные, они страдают молча, простирая руки к небу. Они смиряются пред рукой, ударяющей их, и молятся за своих палачей. Терпение, молитвы, благословение — вот их оружие.

Что бы ни делали с ними, никогда они не унижутся до мщения; как же им вооружиться против тех, кто потрясает мир государств? Как же им силой оттолкнуть своих притеснителей? Как сражаться с врагами свободы? Как оплатить кровью свой долг перед родиной?

Прибавим ко всем этим склонностям, противоречащим хорошему гражданину, твердый приказ подчиняться высшей власти — доброй или злой, — ибо она установлена богом.

демерных, фанатичных или суеверных; к тому же это были люди, которых молодость прошла под руководством священников, люди, которые по своему темпераменту не имели страстей, люди, которых сердце, уставшее от удовольствий или ставшее в силу возраста робким, как у детей, делало их боязливыми, наконец, люди, которые отделяли по примеру фарисеев нравственную сторону религии от догмы и брали в ней лишь то, что не стесняло их порочных наклонностей.

И государи всегда прибегали к евангелию как для установления своего господства, так и для придания ему священного характера *.

Союз священников с монархом

Но как будто не довольно того, что боги научили народ лобызать карающий жезл власти, священники почти всюду заключили с монархами союз, для того чтобы сделать народ рабом из принципа. Государи заимствуют божественный устав, чтобы склонить наши головы под ярмо деспотизма; священники заимствуют могущественную руку монарха, чтобы склонить наши головы под ярмо суеверия.

«Важнее всего для царей,— говорит Аристотель в своей «Политике»,— благочестие; ибо народы принимают как должное все, что исходит от государя, полного благочестия, и недовольные не смеют предпринять что-либо против того, кто, по их мнению, стоит под покровительством богов». Большинство монархов стараются казаться благочестивыми. Статуя Фортуны всегда находилась в комнате римских императоров, чтобы убеждать народ в том, что эта богиня непрерывно заботилась об их безопасности.

Чтобы расположить к себе народ, Генрих III английский проявил особое благочестие над прахом Бекона, которого он преследовал; вскоре победа над шотландцами, увенчавшая его войска славой, заставила народ смотреть на него как на любимца небес, а всякую попытку противодействовать ему считать за святотатство.

* Какие только чудеса ни творила вера в века невежества! Кто поверит, что лицемерному монаху, выросшему в праздности, тщеславии и грехе, у которого смиренный вид, таинственные слова и крестное знамение заменяют все заслуги, а четки, ключи, тиара, святая вода заменяют оружие, удалось при помощи нескольких смехотворных рассказов выдать себя за непогрешимого святого и заместника бога на земле, что ему удалось сделаться высшей властью над государствами и распорядителем тронов в одной половине земного шара, поднять и вооружить друг против друга народы, проповедуя им мир во имя неба и возбуждая их к войне, что ему удалось достигнуть власти над всеми правительствами и проявить деспотизм в отношении самих деспотов, принудить неограниченных монархов согнуть свои великодушные главы под его ярмом, что ему удалось пронизать ужасом армии и заставить народы трепетать больше, чем это могло удасться самому громовержцу, если бы он не знал силы суеверия над пошлой глупостью, считающей плута и усыпителя посланником бога, вооруженным силами неба и ада?

При королях из дома Стюартов священников обязали проповедывать деспотизм и провозглашать систему тирании священной.

В 1662 году Яков I приказал всем проповедникам любого ранга проповедывать повиновение властям, а всем своим подданным воспретил в их разговорах касаться ограничения власти, юрисдикции и прерогатив монархов, вдаваться в обсуждение государственных дел, а также разногласий между правительством и народом.

Чтобы сделать свою власть в Шотландии абсолютной, Карл I восстановил епископов; вскоре по его приказу они объявили, что власть королей абсолютна и неограниченна, подобно власти царей израильских; они запретили кому бы то ни было открывать какие бы то ни было школы без разрешения епархиального епископа; запретили вступать в какой бы то ни было орден, не расписавшись под этими постановлениями. Вскоре эти постановления стали законом для всего королевства; отказ подчиняться им карался штрафами, конфискациями, тюрьмой. Одно единственное подозрительное слово становилось преступлением в глазах судей, и виновные привлекались к верховному суду; судьи стали инквизиторами, не подчиняющимися никаким юридическим формам, ибо смутные слухи, подозрения — все являлось достаточным доказательством.

Эти инквизиторы заставляли свидетелей присягать в том, что они будут отвечать на задаваемые им вопросы; отказывавшихся бросали в тюрьму; сами государи, не стыдясь, провозглашали гнусную доктрину. «Подданным не дозволяется законом обсуждать поведение короля, изыскивать пределы его власти; это значило бы обнажать его слабости, лишать его почитания, следуемого ему как представителю бога на земле», — говорил Яков I в своей речи, обращенной к Звездной палате, когда он проводил в высшие инстанции дело против знаменитого Бэкона.

Но настоящее время чествуют под именем мученической кончины блаженного короля день казни Карла I торжественным постом, взывая к божественному милосердию о том, чтобы невинная кровь не пала на последующие поколения англичан.

Тщетные усилия народа

Между тем деспотизм прогрессирует, а цепи рабства тяжелеют. Когда тирания развивается медленно, чем суровее она становится, тем меньше народы чувствуют ее; однако наступает предел, когда они вынуждены открыть глаза. Так бывает всегда, когда монарх дерзко покушается на священные права человека, когда он попирает ногами какой-нибудь объект всеобщего по-

читания, когда он слишком часто повторяет кровавые сцены. Вот когда умы возмущаются, вздохи сменяются жалобами, жалобы — воплями; подымается смута; всюду слышен ропот, слышны мятежные крики.

Правительство с каждой минутой теряет свою власть, его приказаниями пренебрегают; все дозволено в эти моменты ломки, и кажется, что у государя остался только его пустой титул. Но сколько преимуществ еще останется за ним! Граждане доведены до отчаяния, но принимают ли они, наконец, какое-нибудь трагическое решение? Нет, они только ставят себя в нелепое положение.

Когда недовольные бунтуют и громкими криками требуют справедливости, монарх в свою очередь взывает к мятежу и выдает мятежникам допущатов, судей, своих приверженцев; он устраняет самых дерзких из них, объявляя их нарушителями общественного порядка, и мятеж утихает. Усилия, делаемые народом в защиту свободы, почти всегда тщетны. Если в эти моменты общего брожения не найдется смельчака, который стал бы во главе недовольных, чтобы сплотить их против притеснителя, не найдется сильной личности, которая подчинила бы все умы, или какого-нибудь мудреца, который руководил бы обезумевшими и неустойчивыми массами, то восстание превратится в бесплодную вспышку, которую очень легко подавить*. Становиться вождем мятежников — предприятие рискованное; это значит навлечь на себя грозу; неуверенность в успехе, страх перед превратностями судьбы почти всегда удерживает даже наиболее смелых.

Чего только ни требуется народу, чтобы побудить его к действию? Вспомним Манлий, когда он хотел освободить римлян от гнета сената. Полные рвения и смелости, пока опасность была далека, они обещали чудеса; но как только Манлий был схвачен и отведен к диктатору, пропало все мужество, вся смелость, решимость. Напрасно несчастный взывал к ним о помощи: ни вид его ран, которые он получил, защищая отечество,

* Почти во всех восстаниях простонародье берет на себя почин; зажиточные и богатые граждане высказываются лишь в конце, когда они бывают захвачены потоком; между тем чего можно ждать от обездоленных? Они никогда не бывают очень заинтересованы в том, чтобы вооружаться против тирании. Люди, составляющие простонародье, не могут также рассчитывать друг на друга. Меры, которые они принимают, бывают недостаточно обдуманы, и главное — они не умеют соблюдать тайну. В пылу своего раздражения или в порыве отчаяния народ угрожает, разглашает свои намерения и дает своим врагам время, нужное им для того, чтобы обречь народ на неудачу.

ни вид Капитолия, который он освободил от неприятеля, ни почитание храмов, которые он спас от поругания, ни его верность богам — ничто не трогает, не волнует, не возмущает их; с ледяным спокойствием взирают они на то, как ликторы ведут их вождя в тюрьму.

Если всегда много нужно, чтобы поднять народ, то иногда нужно очень мало, чтобы усмирить его.

Когда сицилийцы, утомленные гнетом вице-короля Лос-Велоса, восстали, некто Алексей из Палермо стал во главе мятежников. Но, напуганные приготовлениями испанцев, эти трусы пытались заслужить помилование убийством своего вождя.

В день первых баррикад, когда народ, сбежавшийся толпами, чтобы окружить особняк президента Моле — изменника своей родины, — начал взламывать запертые двери, сам Моле открыл их и предстал пред мятежниками. Пораженные его смелостью, они бесшумно отступают и дают обезоружить себя.

И какой из мятежей не обнаруживал подобных черт малодушия! Свиристель в мирное время, трепещущий на войне, народ при виде неприятеля тотчас смиряется и просит пощады. После того как он проявит свою нерешительность, его нападения отражают со всех сторон, его воцли заставляют умолкнуть тем самым поведением, которое вызвало их, и вражда народа утихает, изливаясь в ропоте, презираемом властями.

Но если мятежники и решительны, мятеж ни к чему не приведет, если он не станет всеобщим.

Если какой-нибудь город подымет оружие, чтобы защитить свои права, и если его примеру не последует вся нация, наемные солдаты усмирят его; тогда государь обращается с жителями как с мятежниками, и их цепи тяжелеют.

Хотя бы недовольство было всеобщим, народ редко бывает единым*. Обыкновенно государство разделено на части, и это разделение является могучей опорой тирании. Монарх уравнивает силы различных частей; используя слабость не меньше чем зависть их, он подавляет одних другими.

Если государство едино, правительство сеет раздоры, раз-

* Люди, пользующиеся властью, аристократы, дворяне, прелаты, лица, которых судьба зависит от государя, честолюбцы, которые смотрят на двор как на источник почестей, священники, академики, педанты, негодяи, ищущие счастья в общественных беспорядках, и развращенная часть народа, существующая лишь пороками сильных, прижимают обычно к партии государя и следуют за ним; люди же среднего сословия, благоразумные, мудрые люди, имеющие возвышенную душу, а потому желающие повиноваться только законам, одни только прижимают к партии свободы.

жигает распри. Когда представители венецианцев захватили верховную власть, это преступление возмутило могущественную знать; чтобы уничтожить заговор и разделить заговорщиков, узурпаторы открыли двери совета тем гражданам, которые были изгнаны из него; других они укротили обнадеживаниями, и тогда нападения остальных были отражены.

Когда города Кастилии подняли оружие, чтобы восстановить свои права, нарушенные их представителями, а также для того, чтобы отомстить за обиды, причиненные фламандскими министрами Карла V, этот государь, стремясь разъединить недовольных, разослал обращение ко всем восставшим городам, призывая их сложить оружие; городам, сохранившим верность, а также вернувшимся к ней, он обещал не требовать налога, наложенного на них народным собранием, и обязался не доверять государственных должностей иностранцам. В то же время он адресовал знати обращение, убеждающее силой защищать от народа как их права, так и корону...

В Англии во время гражданских войн обычной уловкой дома Стюартов было сеять раздоры между ториями и вигами, между англиканскими баптистами и пресвитерьянцами.

Если интриги кабинета не могут разъединить недовольных, то их разъединяют их собственные меры, к которым они прибегают для защиты своей свободы; хотя они все объединены против тирании, намерения у них разные; у каждого слоя народа свои особые требования; у провинций и даже у городов одной и той же провинции большею частью разные интересы; все это сеет раздоры.

Уступки, которые Карл V сделал городам Кастилии, поднявшим оружие против него, оказались недостаточными; его уловки для отвлечения знати от народа были безуспешны; тогда обитатели этих городов, разочаровавшись в своих собственных силах и не найдя соответственной власти на местах, подали заявление Карлу V; в нем они просили об удовлетворении своих претензий, а также о некоторых правах, обеспечивающих свободу. Но так как это заявление требовало отмены преимуществ, полученных баронами в ущерб общинам, а также обложения их земель налогами и лишения баронов права управлять городами,— знать, которая благоприятствовала народу, пока он выставлял общие требования, преисполнилась негодования и перешла на сторону монарха.

При общем восстании все выступают против тирании и все находят необходимым избрать вождя; но на ком остановить свой выбор? И кто бы мог подумать! То, что должно было бы

Уничтожение феодальных прав

Иллюстрация из старинного издания

объединять умы в пользу той или другой личности, разъединяет их, и это отсутствие согласия среди недовольных всегда губит их дело.

Когда кастильские общины подняли оружие в защиту своей свободы, среди них возникли бурные пререкания по поводу командующего армией. Один Падилья был достоин этой чести; но так как его любил народ и солдаты, то наиболее влиятельные члены совета, завидуя его репутации и его достоинствам, назначили командующим дона Педро де Гирона, всецело лишенного качеств, необходимых для этой роли; конечно, общины не замедлили пасть.

Если восставшие солидарны при выборе вождя, они все же далеки от победы — так много данных против народа.

Когда вожди не отличаются испытанной доблестью, власти стараются подкупить их, что обыкновенно удается.

Если подкуп не удастся, власти стремятся к тому, чтобы вождей выдавали их единомышленники, и сколько раз подлые предатели пытались добиться помилования с головой своего вождя в руках!

Если эти возможности отсутствуют, князья знают другие средства: яд и кинжал.

Иногда, не довольствуясь истреблением вождей, государи предают резне всю партию.

Когда преследования Карла IX довели протестантов до восстания, число мятежников возрастало с каждым днем, напуганный монарх, слишком трусливый, для того чтобы истребить их, — стоя во главе своего войска, лживыми ласками убаюкивает вождей, и в ночь на святого Варфоломея по его приказанию вырезают шестьдесят тысяч гугенотов. Говорить ли? Часто вожди народа губят его дело; старания, которые они прилагают к подавлению грабежей, распушенности, делают их ненавистными толпе; не находя более в бунте выгод, они быстро устают биться за свободу.

Если вождю нужно опасаться строгости, то еще больше он должен бояться неудач; народ, ревностно подчинявшийся вождю, пока ему везло, покидает его, как только счастье поворачивается к нему спиной; лишь редко счастье, изменяя вождю, не делает его ненавистным.

Но если судьба и покровительствует ему, он ничего не достигнет, если не сумеет использовать выгоды положения, использовать каждую случайность. Малейшее промедление губительно; единственное, что может спасти его, — это умение использовать момент. Если упустить момент, решающий победу,

все потеряно: неприятелю дается время притти в себя, подготовиться к наносимым ему ударам; в эти критические моменты партия власти сохраняет большое преимущество перед партией свободы.

Если государю нельзя напасть на народ, то, хотя он и поднял знамя против него, чтобы выиграть время, он предлагает мир; готовясь подавить народ, он жалуется на то, что ему приходится прибегать к силе; на устах у него беспрерывно забота об общественном благе; он притворяется огорченным бедствиями гражданской междоусобицы.

Народ обольщен знаками мнимого сочувствия, — привязанность к государю возвращается. И часто, подобно детям, боящимся поднять руку на своего отца, они опускают оружие. Между тем монарх со своей стороны никогда не питает отеческих чувств, в восставших подданных он видит только мятежников и чувствует себя в безопасности, лишь безжалостно подавив их.

Но использовать обстоятельства недостаточно, если действия, меры не согласованы.

Когда Карл V вступил на испанский престол, народы различных королевств его монархии еще сохраняли странное соперничество между собой; чувство длительной вражды еще не угасло; их национальная неприязнь помешала им слиться, действовать согласованно. Каждое королевство, или, вернее, различные слои каждого королевства, составило свой особый план защиты; каждая партия отдельно боролась за свою свободу, и вследствие того, что ни оружие, ни планы не были объединены, все их усилия оказались тщетными.

Но если действия и будут согласованы, победа партии свободы не всегда обеспечена. Кто поверил бы, если бы опыт не доказывал этого слишком ясно, что иногда народы сражаются за родину более трусливо, чем наемники, за деспота?

Если часто они сражаются менее смело, то почти всегда менее успешно: ущерб наносит отсутствие военной подготовки граждан и неопытность их вождей, при дисциплинированности войск и искусном командовании офицеров.

В Кастилии во время последних гражданских войн мятеж был почти всеобщим из-за позорного поведения министров, государь почти полностью утратил привязанность своих подданных, жители городов составили могущественную лигу; они искусно владели оружием; они были снабжены деньгами и боевыми припасами; живейшая любовь к свободе вложила оружие в их руки, и хотя под предводительством славного

Надильи они овладели властью, оставленной Карлом V, хотя они овладели архивами, хотя королевская казна была почти опустошена, хотя их силы еще подкрепились верой в помощь небес,— королевские войска восторжествовали над их доблестями, и усилия стольких славных граждан были разбиты искусством наемных войск и титулованных приспешников тирании,— пример слабых средств государства, погибающего за спасение жалких остатков исчезающей свободы.

И сколько еще преимуществ остается за государем! Людьями лишь редко руководит живая уверенность в их правах; они сражаются только для того, чтобы избавиться от притеснений, и поэтому никогда не хотят покупать ценных преимуществ свободы слишком дорогой ценой. Как часто мы видим, что они складывают оружие после первых легких попыток! Вскоре после междоусобных волнений они начинают вздыхать о покое, и в сонной апатии, которою им дают наслаждаться, не представляют ли они себе свободу в связи с бременем войн, в связи с военными контрибуциями, с резней? А между тем монарх, всегда воодушевленный желанием сохранить свою власть, увеличить свое могущество, сражается с испытанным упорством и защищается до последней крайности.

Попытки, которые делает бессильный народ, чтобы обеспечить себе свободу, лишь закрепляют его рабство.

А между тем монархи, даже после своего поражения, часто не теряют ничего. Победенные, сдавшиеся на милость своих сограждан, они сохраняют ту гордость, ту надменность, то высокомерие, которыми их наделила судьба; они говорят только о своих правах; они претендуют быть законодателями, и почти всегда им удается вырвать у народа плоды его побед.

А в случае победы государя какая судьба ожидает его подданных? После их попыток стряхнуть власть тирании с ними обращаются как с мятежниками; неумолимый монарх диктует им свою волю угрозами, и всегда несчастные праждане поддаются игу; многие даже идут ему навстречу, стремясь заслужить помилование позорной покорностью.

Но если и свергнут тиран, свободы добивались не только для этого. Все были против тирании; когда поднимается вопрос об установлении новой формы правительства, единству приходит конец; такова картина раздоров жителей Капуи, когда Пакувиус Аланус захватил в плен их сенат. Они хорошо знают, от чего им спасаться, но не знают, чего им искать; одни хотят установить равенство сословий; другие — сохранить свои преимущества; этим нужен один закон, тем — другой; после

долгих обсуждений одна часть овладевает верховной властью, или же все они вынуждены успокоиться на упраздненной власти, если новый господин еще не заковал их в цепи.

Когда наши отцы, возмущенные притеснениями Карла I, разбили свои оковы, они долго искали свободу, не находя ее; или, вернее, они разбились на сообщества, из которых каждое стремилось подавить остальных, захватить высшую власть в свои руки.

Как только после казни Карла I королевский престол опустел, общины издали билль об уничтожении монархии в Англии, о введении республиканского строя. Объединив власть законодательную и исполнительную, они приняли титул Парламента английской республики и организовали государственный совет, чтобы он действовал по их указаниям.

Сделавшись таким образом хозяевами государства, члены общин захватили самые прибыльные места всех отраслей правления. И вот, чуть только они вкусили высшей власти, как стали думать лишь о том, чтобы удержать ее в своих руках, несколько не заботясь о недостатках правительства, в то время как реформы были единственной целью жестокой войны, предпринятой нацией. Уверившись наконец в прочности своей власти, они воспользовались народным имуществом, поделили его между собой, обложив народ новыми налогами. Не лучше поступили они с армией; она своей доблестью, своим рвением, своими подвигами сломала иго, под которым они стояли; они распустили ее, не выполнив своих обязательств, и запретили генералам — защитникам отечества — какие бы то ни было жалобы, объявив это сопротивлением власти.

В то время как народ, возмущенный новым ярмом, переносил его с нетерпением, в то время как лорды завистливыми глазами смотрели на власть общин, в то время как торы, проклиная торжествующих вигов, вздыхали о восстановлении монархии, в то время как некоторые четолобцы, пользуясь общим недовольством, пострекали армию, — дерзкому лицемеру Кромвелю удастся стать во главе государства, которым он управляет железной рукою.

Так честолюбивые интриганы всегда оспаривают друг у друга командование, пока кто-нибудь не захватит власть в свои руки; а народная масса, готовая трусливо подчиняться победителю, терпеливо выжидает, какая партия будет коронована судьбой, чтобы признать нового господина, которому она принесет свое преклонение, свои просьбы, свой пот и свою кровь.

Самый роковой удар, который государи наносят общественной свободе,— это порабощение своих сограждан именем закона; одно из средств, к которому они для этого наиболее охотно прибегают и которое наиболее соответствует низости их характера,— это подкуп.

Усматривая в законодательном корпусе контролера их поведения, монархи только и думают о том, чтобы подчинить его. Сначала они советуются с ним, хвалят его, льстят ему и пользуются всем, чтобы развратить его уловками, перед которыми честолюбие не может устоять; горя нетерпением увидеть народ-самодержец своим рабом, монарх стремится стать господином над его представителями, и так как надо овладеть теми, кто сопротивляется его планам, государи делают все возможное, чтобы этих представителей подкупить. Одному — ласка, другому — обещания, этому — золото, тому — лента, иному — местечко для его друга. Они соблазняют скупых, честолюбивых, алчных, тщеславных — каждого сообразно его вкусам; кто хочет перейти на сторону государя, пусть только назначит свою цену; и вскоре мы видим, как народные представители разлагаются по воле монарха, продают свободу, чтобы удовлетворить свои низкие страсти; изменяют родине вопреки своим самым священным обязательствам и становятся гнусным орудием тирании.

В Спарте после избрания кого-нибудь сенатором Агезилай тотчас посылал ему в подарок быка.

Нуждаясь в деньгах, Карл V просил у кастильских кортесов о субсидии, в которой они ему отказывали. Но вскоре, используя низкую зависть знати к народу, который стремился закрепить свою свободу, Карл V, соблазняя одних обещаниями, запугивая других угрозами, подкупая третьих золотом, создал себе приверженцев, а затем вопреки основным государственным законам он обязывает кортесы предоставить ему вторую субсидию, хотя срок первой еще не истек.

Людовик XI, чтобы получить нужную ему субсидию, сеет раздоры среди членов Генеральных штатов, подкупает их золотом, привлекает на свою сторону обещаниями; обеспечив себе сильную партию, он стал хозяином собрания, и Генеральные штаты постановили все, что он хотел.

А в Англии — сколько раз пускались в ход подобные средства, слишком часто увенчивающиеся успехом, даже в наше время! В этом высоком собрании (палата общин), где нужно

было бы рассчитывать только на друзей отечества, продажность царит, как и всюду: часть народных представителей получает королевскую пенсию, другая часть стремится к этому; некоторые верны своей присяге; остальные, смотря по обстоятельствам, колеблются между долгом и алчностью; таковы отцы отечества, руководящие государством, таковы хранители свободы. Поистине нация потеряла право жаловаться на своих верных представителей, когда уже избиратели подло продают свой голос кандидатам, если они хотят купить его.

Некоторые монархи, с более сдержанным честолюбием, вначале не извлекают выгод из своего положения, и благодаря этой мнимой умеренности, покрывающей их славой, народ почти всегда на их стороне, когда впоследствии они предпринимают что-нибудь против законов.

Слишком трусливые для захвата, они как будто отказываются от верховной власти лишь для того, чтобы впоследствии получить ее из рук народа.

О малой устойчивости народных представителей против посягательств правительства

Пока государству не грозит явной опасности, члены законодательного собрания почти во всем потворствуют государю, и если некоторые возражают против происков кабинета, то лишь для того, чтобы привести его к соглашению.

Только тогда, когда правительство готово нанести свободе последний удар, члены законодательного собрания восстают против правительства.

Продажный парламент, который с такой низостью ознаменовал свою благосклонность к честолюбивым замыслам Карла II, восстал против покушения кабинета только в момент ниспровержения конституции.

Если не все представители народа-самодержца развращаются по воле государя, если не все они гонятся за местами, отличиями, милостями, если есть и такие, кто презирует подкуп,—отсутствие постоянства и стойкости у тех из них, кто противится правительству, делает их усилия бесплодными.

Когда приверженцы монарха покушаются на свободу, как бы ни был силен напор власти, партия патриотов, решив противопоставить ему силу, могла бы ослабить его ярость, если не отбить его окончательно. Но вместо того чтобы защищать дело отечества с неослабным рвением, вместо того чтобы длительными усилиями подорвать власть, робкие патриоты отступают, удовлетворяясь слабым противодействием или

простым протестом. Многие из них, обескураженные слабыми успехами, уступают поле битвы своим противникам, и вскоре государь быстрыми шагами идет к деспотизму.

О гражданской войне

Судите сами, сколько преимуществ дает государям их власть, особенно благодаря опасному умению прикрывать свои пагубные ухищрения мнимой заботой о народном благе.

Почти всегда государь для обеспечения своих замыслов пользуется приверженцами, чтобы разжечь смуту в государстве, возбудить волнения, усилить бедствиями внешней войны ужасы войны гражданской.

Тогда народ, принесенный в жертву беспорядкам анархии, раздорам смуты, отвлеченный от внешних опасностей внутренними бедствиями, предоставляет монарху безмятежно следовать своим замыслам, губить отечество своими победами или устраивать заговоры после своих поражений.

Вынужден ли народ обратиться к покровителям? Редкий из них не честолюбец, использующий свои силы для порабощения народа; редкий не изменник, предающий народ его прежним тиранам.

Находясь в оборонительном положении, народ не использует своих выгод, если даже счастье и поворачивается к нему; почти всегда народ теряет свои лавры, не умея использовать моменты; часто также в бурной вспышке отчаяния он проникается ненужной жалостью, незнакомой его неумолимым врагам, и теряет плоды своих побед.

Но что, если народ побежден? Друзья свободы, предоставленные мести своих гонителей, думают только о бегстве, и эти моменты ужаса, следующие за поражением, использует государь; подобно лютому зверю душил он, разрывая на части, плаваает в крови; затем вылавливает зачинщиков, казнит их, страхом усмиряя остальных. И долго еще инквизиторские преследования дают пищу его ярости; нужно, чтобы все было предано резне, выжжено пламенем, а если что уцелеет от огня и кинжала, оно должно быть погублено голодом, еще более ужасным. С какой жестокостью издевается он над человеком! Можно подумать, что ему доставляет жестокое удовольствие уничтожение в гражданах детских надежд, надежд на счастье.

В конце концов, каков бы ни был ход событий, народные отряды должны погибнуть в этих военных походах, где опасность всегда близка и где помощь так далека, где нельзя надеяться на пощаду, где всегда можно ожидать после успехов

гибели и где государь, несмотря на поражения, почти всегда теряет лишь то, что ему не нужно; но если тиран, опустошив государство и разгромив провинции, наконец разбит или вынужден к бегству, то все это лишь для того, чтобы его сменил новый деспот; всегда поработанный народ не извлекает других плодов из победы, кроме смены своего господина.

Взгляните на этот великолепный Рим, который опустошил землю, чтобы навязать свое иго стольким побежденным народам; к чему привели его бесчисленные победы, его блестящие триумфы? К тому, чтобы увидеть себя раздраемым тысячами тяжких смут и чтобы в конце концов стать игрушкой вольноотпущенника, добычей разбойника.

Разорить народ

Монархи идут к деспотизму двумя противоположными путями. Чтобы поработить народ, они стремятся богатых и развращенных разорить, а бедных, неиспорченных обогатить; развив в этих людях любовь к роскоши, государь лишает их возможности удовлетворять эту потребность.

Трудно быть хорошим гражданином человеку с честолюбивыми замыслами даже при средствах, превышающих жизненные потребности, совершенно невозможно быть им человеку изнеженному, удрученному потерей своих больших богатств. Люди, развращенные излишествами, покорные своим потребностям, люди, стыдящиеся своей бедности, как бы нарочно созданы для зависимости, для рабства.

Если бы народ жил в довольстве, невозможно было бы поработить его — таково одно из любимых утверждений государей.

Правительство стремится обременить народ налогами, отягощающими промышленность и торговлю, разрушающими искусство, фабрики, мореплавание. И как будто этого не достаточно, правительство среди различных мер для разорения народа прибегает к лихоимству, к ростовщичеству; не довольствуясь взиманием налогов, заведыванием общественными суммами и захватом земель побежденных народов, римский сенат считал за правило душить плебеев лихоимством.

Сенат обременил Галлию налогами; жадность прокураторов и наместников была так велика, что они грабили обеими руками; в то же время итальянцы, захватив всю торговлю, занимались ростовщичеством и давали займы под такие большие проценты, что они вскоре превышали основную сумму долга.

Не только отдельные лица были разорены, — различные на-

родности, прибегавшие к крупным займам для уплаты налогов, обремененные нагромождением процентов и новыми поборами, были вынуждены растрачивать государственные доходы.

Продление налогов на мирное время, эксцессы ростовщичества, лишение свободы неаккуратных должников привели Галлию в отчаяние, довели ее до восстания. Вынужденные лишиться всей своей собственности, многие продавались в рабство для спасения жизни.

Монополия всякого рода — также одно из средств, к которому прибегает государь для разорения своих подданных.

Каждый год папа посылает в родовые поместья св. Петра агентов для скупки всего зерна, чтобы продавать его потом в тридорога.

В России император сдает на откуп множество кабаков, где народ оставляет все свои сбережения, и так велика алчность царя, что из страха перед понижением своих доходов он запрещает женщинам и детям, которых пьяницы ввергают в нищету, приходиться за ними, чтобы вырвать их как-нибудь из кабака.

Такова была некогда политика правительства; в наше время она более утончена. Государь занимает у своих подданных под большие проценты, и эта их доверчивость является ценою, связующей их зависимость двойным узлом. С одной стороны, заем свидетельствует о покорности граждан, всегда опасющихся дать повод конфискации и банкротствам в случае отказа, с другой стороны, внесенные суммы служат правительству средством подавления тех, кто снабдил его ими.

Затем, уменьшая, задерживая проценты или в подходящий момент даже конфискуя капитал, правительство одним ударом ввергает своих подданных в нищету.

Опозорив себя недобросовестностью, правительство для восстановления доверия предлагает новые займы, обеспечивая их государственными доходами; оно прельщает заимодавцев различными выгодами, преимуществами, титулами, которые вскоре превращаются в предмет торга; создание этих титулов тесно связывает интересы капиталистов с интересами государя; благодаря всем этим сделкам у правительства всегда под рукой множество спекулянтов, перекупщиков, готовых содействовать его честолюбивым замыслам, готовых помогать ему поработать народ. И все, кто принимает участие в этом постыдном торге, делают ревностными приверженцами продажного министерства, поднимают крик против жалоб патриотов, заглушают голос народа, увлекают за собой слабых, трусливых, скурых людей

и бездельников, образуя в конце концов влиятельные сообщества на пользу деспотизма.

У англичан до этого не доходило; но все же займы прочно связывали их, ибо, когда государство стало должником, подданные, чувствуя, что все погибнет, колонии будут отняты, торговые пути захвачены, всегда готовы на новые жертвы; а эти новые займы могут обернуться против них самих. Добавим, что если бы понадобилось для обеспечения капитала и процентов наложить руку на свободу, заинтересованные лица, т. е. наиболее влиятельная часть нации, охотнее прибегнут к поддержке правительства, чем подвергнут себя риску разорения. Подобные акты не фантастические предположения, а действительность... Вспомним законы фиска.

Одно притеснение всегда влечет за собой другое, еще более жестокое. Когда доверие убито и кошелек подданных закрыт, правительство, вынужденное прибегать к займам, обращается к откупщикам, которые дают деньги лишь под большие проценты; правительство обеспечивает их государственными доходами, часто даже досрочно; иногда оно снабжает откупщиков привилегиями, направленными в ущерб торговле и ведущими нацию к гибели,— до той поры, пока правительство, нарушая свои обязательства, не овладевает фондами и не заставляет вампиров, жертвой которых пало общественное достоинство, извергнуть награбленное ими; так было во время регентства, во времена системы Джона Лоу.

Бедная Франция! Сколько раз тебя обирали подобным образом! Те, кто разорял тебя, всегда готовы, чтобы сохранить свою добычу, помочь другим людям отнять у тебя последние лохмотья, высосать последнюю каплю твоей крови.

Кабинет, вынужденный прибегать к крайним мерам, все время строит гибельные планы, чтобы отнять у народа его последние гроши; он покровительствует монополии, игре, ростовщичеству, закладу, из которых он извлекает значительные доходы; он открывает ломбарды, игорные притоны, устраивает лотереи, в недозволенных барышах которых он участвует вместе с директорами; иногда он непосредственно берет за управление ими, опускаясь до гнусной роли мелкого низкопробного мошенника.

Но все же это не самые пагубные меры, предпринимаемые монархами для разорения народа.

Иногда, для того чтобы превратить своих подданных в бедняков, овладеть их средствами, государи понижают пробу звонкой монеты, уменьшая ее внутреннюю ценность и остав-

для без изменения ценность фиктивную,— гибельная уловка, пример которой у всех нас перед глазами. Иногда граждан притесняют самым ужасным образом, ввергая их в тюрьмы, чтобы заставить их купить себе свободу крупным выкупом.

Чтобы иметь повод для ограбления своих состоятельных подданных, Генрих VII обвинял их в каком-нибудь преступлении и бросал в тюрьму, где они томились, пока не жертвовали все имущество за свое освобождение.

Иоанн португальский присуждал состоятельных евреев к лишению зубов, которые они могли сохранить лишь за большой выкуп.

Таким образом все золото, отнятое у граждан, становится добычей придворных, а миллионы подданных обречены на нищету, для того чтобы сделать жизнь горсти любимцев постыдно роскошной, что привлекает к государственной колеснице всех интриганов, честолюбцев, всех алчных людей.

Так народы постепенно переходят от довольства к бедности, от бедности к зависимости, от зависимости к порабощению, пока не падут под бременем своих денег.

План уголовного кодекса ⁴

Об общественном порядке

Это опора государства; все, что его колеблет, должно, значит, быть караемо.

При самой малой склонности к размышлению и анализу совершенно невозможно установить, что колеблет и нарушает общественный порядок, без выяснения того, в чем этот порядок заключается; но придя таким образом к выяснению общественных связей и скреп, приходится безусловно допустить наличие договора между членами общества: равные права, взаимные выгоды, взаимная помощь, — вот каковы должны быть его основы, свободы, справедливость, мир, согласие, благополучие, — вот каковы должны быть его плоды. Однако, когда я раскрываю летописи народов, то единственными вещами, которые во всех видах представляются моему разуму, являются тирания на одной стороне и рабство на другой. Пусть, скажет мне кто-либо, но ведь после нашествия и вторжения власть становится законной и право приходит на смену насилию; после того как революция оказывалась законченной, приходилось давать обществу почувствовать ее результаты, а это достигалось лишь при помощи хороших законов. Я признаю, что завоеватели, после того как они все истребили, опрокинули и захватили, боятся злоупотреблять своими завоеваниями и внешне прибегают к мягкости, чтобы сделать более терпимым свое владычество, однако верховная власть остается ведь у узурпатора, который разделяет ее со своими приспешниками. Окиньте взором все народы мира, и что вы увидите? Никого, кроме презренных рабов и властных, надменных господ. Разве не являются законы

приказаниями тех, которые управляют? И если бы еще последние уважали дело своих рук! А то ведь они умеют приводить к молчанию собственные законы; когда они этого хотят, они безнаказанно их нарушают, а для того чтобы укрыться от всякого контроля, они окружают себя священной оградой, к которой никто не смеет приблизиться.

В государствах, где произвол меньше, управляющие, если они не стоят выше закона, всегда без всякого труда обходят его; для того чтобы избежать кары, им часто приходится лишь отягощать свои преступления.

Если взять даже те страны, где подданные в отчаянии сокрушили иго, под которым они изнывали, то сколько еще в них гнусного разделения, сколько вопиющих злоупотреблений! Заслуга здесь безнаказанно попирается завистью, честный человек отдается во власть ловкого мошенника, бедный — на милость богатого, мудрец — на растерзание мерзавцу; наконец, законы, самые законы склоняются перед сильным; лишь для слабого они оказываются незыблемыми и непреклонными, и такова плачевная участь несчастных, что к невыносимо тяжелому ощущению причиняемых им обид присоединяется у них еще отчаяние, порождаемое отсутствием какой-либо надежды на окончание этих обид.

Не надо обольщаться, — этот беспорядок является принудительным. Мы рождаемся в подчиненном или в независимом положении, в богатстве или в нищете, в мраке безвестности или в знатной среде, и, несмотря на изменчивость дел человеческих, лишь небольшому числу людей удастся выбраться из того состояния, в которое они были поставлены при рождении, да и выбираются, за редкими исключениями, лишь благодаря счастливой случайности или путем интриг, низостей и плутовства.

Закон

Прежде чем думать о наказании преступлений, следует составить себе правильное представление о них.

Что такое преступление? Нарушение законов. Но существуют ли такие священные законы хоть у одного правительства мира? И можно ли рассматривать как законы установления, в которых не было участия каждого члена общества? Разве то, что называют законами, является чем-нибудь иным, кроме приказа надменного владыки? Следовательно, власть этих законов является не чем иным, как скрытой тиранией ничтожного меньшинства над большинством. Но мы сорвем завесу с этих таинственных

вещей; здесь скрывается этот мистический ковчег завета, к которому запрещено приблизиться взору простого смертного.

Не все ли в конце концов равно, кем созданы законы, лишь бы они были справедливы? Не все ли равно, кто является их служителем, лишь бы он умел заставить соблюдать их?

Чтобы быть справедливым, законы общества никогда не должны идти против законов природы*, являющихся первейшими среди всех законов. Но даже этого мало, если законы не направлены к общему благу, т. е. если они не являются общими для всех членов государства; ибо поскольку одна часть нации совершенно не ставится ни во что** в государстве, законы его становятся групповыми, пристрастными, и общество в таком случае является не чем иным, как строем угнетения, в котором человек тиранит человека. Так пусть же погибнут, наконец, эти основанные на произволе законы, созданные для благополучия нескольких индивидов во вред роду человеческому, пусть погибнут также эти гнусные различия, которые делают одни классы народа врагами других и которые приводят к тому, что массы должны негодовать и возмущаться по поводу благополучия ничтожной группы, а ничтожное меньшинство должно бояться благополучия массы!

Об уголовных законах

Можно ли было бы верить этому, если бы не слишком убедительный грустный опыт нашей действительности? В век, когда наши науки углубились, наука, наиболее важная для благополучия людей, обретается еще в колыбели. В век, когда философский разум как будто все отлил в определенные формулы и заповеди, одно правосудие предоставлено еще капризам мнения. Установления некоторых варварских народов, основанные на произволе, предписания и ордоначсы, смешные обычаи, обветшалые традиции — вот откуда служители правосудия черпают свое мерило для справедливого и несправедливого. Разве не вызывает одновременно смеха и возмущения вид важных чиновников, перелистывающих тома и нагромождающих один авторитет на другой, чтобы составить себе мнение о каком-

* Всем известно то злополучное противоречие, которое в течение столетий веков царит между естественным правом и уголовным правом всех народов.

** Повсюду бедный не считается ни во что; кажется даже, что законодатели потеряли по отношению к нему всякое чувство человечности. Они, если взять любого из них, отнюдь не являются трудовыми товарищами несчастного, который служит лишь орудием их жажды роскоши и гордыни.

нибудь преступлении, а затем решающих вопрос о свободе, чести, жизни людей на основании слов какого-нибудь непонятного законоведа или невежественного комментатора и исходящих из какого-нибудь одного несправедливого судебного решения, чтобы вынести ряд еще более несправедливых?

Что же составляет сущность справедливых и мудрых законов? Важно, чтобы в них не было ничего неопределенного, непонятного и произвольного в вопросе, в представлении о преступлениях и наказаниях, ибо важно, чтобы каждый до конца понимал законы и знал, чему он себя подвергает нарушением их: уголовный кодекс не должен бояться излишней точности.

Он не должен равным образом бояться чрезмерной простоты; законы должны иметь в виду и регламентировать только то, что совершенно очевидно связано с интересами общества; пусть же они не стесняют без пользы свободы человека. Перегружать их постановлениями, безразличными для блага общества, значило бы разрушить их власть. Когда люди находят, что законы предписывают им вещи мало полезные или запрещают вещи допустимые и дозволенные, то они привыкают рассматривать законы как нечто пустое или произвольное и кончают тем, что начинают презирать их авторитет. Но раз законы должны иметь своим предметом лишь то, что очевидно связано с интересами общества, то как только оказывается, что какой-нибудь закон не должен иметь больше силы, его следует недвусмысленно отменить, вместо того чтобы дополнять его или видоизменять новыми законами, вместо того чтобы дать ему самому по себе выйти из употребления; это всегда повлекло бы к тому неприятному последствию, что законы скоро перестали бы получать точное применение. Кроме того не следует оставлять пугало, злобность которого может только принести ущерб. Будучи составлены и отредактированы, уголовные законы должны быть обнародованы таким образом, чтобы они наилучшим образом обеспечили уважение к ним.

О наказаниях

Общество заинтересовано в том, чтобы кары всегда были соразмерны преступлениям, ибо оно заинтересовано в том, чтобы люди больше избегали преступлений, разрушающих общество, чем нарушающих его порядок.

Сурово карать легкое нарушение законов — значит впустую пускать в ход авторитет власти, ибо если она будет налагать

суровые кары на малых преступников, то что у нее останется для обуздания крупных злодеев? Взгляните на те страны*, где кары всегда являются свирепыми. Для того чтобы постоянно держать в узде людей, здесь придумываются все новые пытки и казни. Но разве эти непрерывные усилия варварства, старающегося превзойти себя, не свидетельствуют о его бессилности?

Сурово карать легкое нарушение законов — значит не только зря пускать в ход авторитет власти, это значит множить преступления, это значит толкать преступников на последние крайности**. Какое же соображение может в таком случае удерживать их: чего бы они ни натворили, хуже ведь не будет.

Почти всегда свирепость наказаний противодействует исполнению законов; ибо если кара не знает пропорций, то те, которые расправляются с каким-нибудь несчастным, который виновен лишь в мелком преступлении, вызывают омерзение; да и кроме того мало найдется таких бездушных людей, которые решатся предать этого несчастного в руки правосудия, т. е. послать его на верную смерть. Что же получается в результате? А то, что виновный почти всегда ускользает от наказания. Так как при отсутствии соразмерности кара за самые черные преступления является не более суровой, чем за самые легкие нарушения, то скоро люди начинают предаваться самым страшным злодеяниям; путем отягощения преступления можно часто обеспечить безнаказанность. «В Московии, где воры и убийцы карались одинаково, при совершении воровства всегда убивали: мертвые, мол, будут молчать». То же происходит во Франции, где грабеж на большой дороге карают не легче, чем за грабеж, сопровождающийся убийством.

Наконец, так как кара порой кажется слишком жестокой самим судьям, то они, не имея возможности ее смягчить, вынуждены давать полное прощение, а это приводит к тому, что законы становятся предметом пренебрежения. Если справедливость требует, чтобы кары были всегда соразмерны преступлениям, то человечность требует, чтобы они никогда не были жестокими: следует отдавать предпочтение наиболее мягким наказаниям, если они достигают цели.

Кара виновного, правосудие должно быть озабочено не только карами для тех, которые могли бы попытаться нарушить

* В Японии, например.

** Это наблюдается сплошь и рядом во Франции, где самая легкая домашняя кража карается смертью.

его. Как! Мы будем и впредь такими же варварами? Что мы этим выиграем? Разве преступления, наказание за которые приводит в трепет, стали от этого менее распространенными?

Заблуждением является думать, что злодея обязательно удерживает суровость угрожающей кары: воспоминание о ней очень скоро ведь испаряется, а между тем неотвязные побуждения и нужды несчастного не покидают его ни на миг. Стоит повернуться подходящему случаю, и он, слыша лишь их докучливый голос, поддается искушению. Даже самый вид казни не всегда является достаточной уздой: сколько раз у самого эшафота совершались преступления, за которые на этом же эшафоте погибали осужденные!*

Впечатление, производимое жестокими казнями, будучи всегда преходящим, со временем теряет всякую силу; сначала процедура их вселяет в умы ужас, но незаметно с ними свыкаются, и какими бы ужасными они вначале ни казались, воображение привыкает к ним и в конце концов перестает поражаться: привычка притушает все, даже страх пыток.

После того, что сказано, я могу тем, кто продолжает еще держаться за эту мнимую узду, указать еще на то, что пример умеренных кар является для людей не менее сдерживающим, чем пример кар усиленных, если эти люди не знают кар более тяжелых.

Загляните в уголовные законы разных народов. Как они щедры на смертную казнь!

Устанавливая уголовные преступления, рассчитывали усилить страх наказания, а в действительности его ослабляли. Карать смертью — значит давать мимолетний пример, а между тем следовало бы давать пример, действующий постоянно. Цель не достигалась еще и в силу другого обстоятельства: злодей, мужественно переносящий страдания, внушает отъявленным преступникам такой же восторг, какой вызывает у остальных людей презрение к смерти, обнаруживаемое каким-нибудь героем. Но допустите еще, что этот осужденный кается в своих преступлениях; преступники, видя, как он умирает с тем сокрушением сердечным, которое обеспечивает вечное блаженство в силу прощения ему прехов, грешат сами, чтобы умножить милости на том свете. Таким образом, предаваясь преступлению для удовлетворения своих гнусных наклонностей, они льстят себя надеждой на то, что смогут ускользнуть от правосудия,

* Двадцать два года тому назад в Тулузе целая банда убийц скрывалась за самой оградой виселицы.

либо удостоятся бесконечной милости на том свете в случае неудачи, тогда как наказание будет кратковременным. Зачем же продолжать вопреки воплям разума и урокам опыта без нужды проливать кровь множества преступников?

Наказание смертью должно быть редкостью*. При наложении кары дело заключается не только в том, чтобы удовлетворить требования правосудия, но и в том, чтобы исправить виновного. Если он неисправим, следует использовать необходимость покарать его в интересах общества. Пусть же отправляют его на общественные работы, на работы неприятные, нездоровые или опасные.

Преступления и наказания

По отношению к своим объектам преступления разделяются на восемь разрядов.

К первому относят преступления, клонящиеся к гибели государства.

К второму — те, которые наносят ущерб законной власти.

К третьему — те, которые направлены против личной безопасности.

К четвертому — те, которые посягают на собственность.

К пятому — те, которые оскорбляют нравственность.

К шестому — те, которые покушаются на честь.

К седьмому — те, которые смущают общественное спокойствие.

К восьмому — те, которые оскорбляют религию.

Ложные государственные преступления

С тех пор, как те, которые держат в своих руках бразды правления, стали рассматривать себя как абсолютных властителей народов, сколько появилось так называемых государственных преступлений, которые вовсе не имеют своим объектом государство!

Люди, хотевшие уничтожить свободу, боялись всего, что может ее укрепить. Однако, для того чтобы разделаться со всеми, кто имел мужество сопротивляться их покушению на

* Одно из соображений, которое должно было бы побудить законодателей отказаться от такой щедрости на смертную казнь, заключается в том, что еще не доказано, имеет ли при нынешнем порядке вещей государь право жизни и смерти в отношении своих подданных, принимая во внимание несправедливое происхождение всех правлений на земле... Но не будем разрывать завесу, — удовольствуемся тем, что приподыдем уголок ее.

свободу, необходимо было сделать их повинными в преступлении — и вот они скоро из любви к отечеству совершили преступление.

Уничтожив свободу, они стали бояться всего, что может освежить в умах память о них, и превратили в преступления отказ повиноваться их несправедливым приказам, требования прав человека, жалобы несчастных угнетенных.

Дойдя до отождествления государства с собой, они стали квалифицировать как преступления все, что роняло их престиж; повсюду тирания вырвала пропасть под ногами граждан.

Когда государь овладел верховной властью, льстецы наперебой стали осыпать его пышными титулами дая дарей, августейшего императора, священного величества. Они возвели в преступление против величества, в государственные преступления все, что им не нравилось.

Чрезмерная власть сначала льстит честолюбию, но потом превращается в тяжелое бремя.

С отчаянием убеждаясь, что его желания неизменно наталкиваются на сопротивления и противодействия, устав от собственной жестокости, будучи всегда жертвой страха и беспокойства, деспот жаждет покоя, который бежит от него, и наконец он уразумевает, что добиться покоя он может лишь при помощи суверия.

Всегда слепое, повиновение предполагает крайнее невежество; таким образом, деспот, сначала унизив и оподлив сердца, затем отупляет умы. Чтобы потуже затянуть на глазах у людей повязку заблуждения, что совершил деспот? Он стал утверждать, что насквозь знает некую «науку», что власть свою он получил от неба, что он ни перед кем не отвечает за свои действия, кроме богов, а затем он стал преследовать как преступников тех, кто осмеливался брать под сомнение этот грубый обман, кто дерзал заглянуть в государственные дела и контролировать действия деспота и его правительства.

Довольно! Слишком уж долго эти ненавистные тираны терзали и опустошали землю! Их царству придет конец. Факел философии уже рассеял густые сумерки, в которые они погрузили народ. Осмелимся же приблизиться к священной ограде, за которой окопалось самовластие, осмелимся разорвать мрачную завесу, которою оно прикрывает свои черные замыслы и посягательства, осмелимся вырвать из рук его это ужасное оружие, всегда губительное для невинности и добродетели. Пусть себе глупые рабы бледнеют от таких слов: эти слова ни в малой

мере не оскорбляют уха свободных людей. Счастливые народы, сокрушившие то тяжкое иго, под которым вы стонали, именно этой вашей смелости вы обязаны своим счастьем.

Начнем с восстановления правильных понятий о вещах.

Нет ничего возмутительнее тех ложных идей, которые выработаны нашими наемными законниками о государственных преступлениях. Они разумеют под государственными преступлениями все, что совершается против государя. Идею государственного преступления они подменили идеей преступления против величества.

Если оставить за государем титул величества, то окажется, без сомнения, что все преступления, совершаемые против него, являются преступлениями против величества, но ведь преступление против величества вовсе не является государственным преступлением.

Если титул величества относить к суверену, которому он единственно и принадлежит (а под сувереном мы всегда разумеем нацию или ее представителей), то тогда будет ясно, что все преступления против величества являются государственными преступлениями; но ведь в таком случае преступления против государя не являются больше преступлениями против величества.

Подлинные государственные преступления

За государственные преступления должно почитать следующие действия: предавать и покидать отечество,—под этим разумеется переход в лагерь его врагов; компрометировать власть и вызывать ненависть к ней злоупотреблениями по какой-нибудь должности,—под этим разумеется взяточничество и вымогательство; торговать правосудием,—под этим разумеется корыстное нарушение служебного долга; обеднять государство, расхищая общественную казну,—под этим разумеются растраты и хищения; изменять государству,—под этим разумеются махинации и тайный сговор с врагами отечества; разрушать силу и богатства государства,—под этим разумеется преднамеренный поджог кораблей, мастерских, верфей, складов, арсеналов, государственных архивов и сооружений; наконец, конспирировать, вести заговорщическую работу против государства с целью разложить армию, подкупить высшую администрацию, низвергнуть законы, поколебать государственный строй и захватить верховную власть. Чудовищные преступления! Чудовищные тем, что они благополучие массы приносят в жертву жадности и

честолюбию нескольких отдельных лиц. Но поскольку важность и значение этих преступлений бывают разные, постольку и наказания за них не должны быть одинаковы.

Преступления против собственности. О воровстве и его разных видах

Смертная казнь, в каком бы то ни было виде, за это преступление несправедлива, ибо нет абсолютно никакой соразмерности между ценностью золота и ценностью жизни.

Присуждать воров возмещать или возвращать украденное — значит принуждать их восстановить в той мере, в какой это возможно, нарушенный ими общественный порядок. Но так как не исключено, что их преступление может остаться нераскрытым до конца или недоказанным, то присуждение их к простому возмещению было бы слишком мягкой карой; пусть же они будут присуждаемы также и к штрафу в пользу государства, пропорциональному важности преступления и опасности, которой подвергается добро подданных; наконец, пусть они будут клеймены позором путем публичности их осуждения.

По отношению к различным видам воровства кара нигде не является соразмерной преступлению. Часто какой-либо несчастный, утащивший рваное тряпье, подвергается более тяжелому наказанию, чем какой-нибудь захватчик, похитивший чье-нибудь законное наследство, или растратчик, причинивший большой ущерб государству.

Почти всюду воровство карается более сурово, чем мошенничество. Я не знаю, на каком основании это делается. Если судить об этих преступлениях по опасности, которой они подвергают имущество подданных, то мошенничество является гораздо более важным преступлением, чем воровство, ибо от него гораздо труднее защититься. Если же судить о них по характеру преступника, то разница между ними оказывается еще более резкой: воровство часто бывает непредумышленным, тогда как мошенничество всегда является таковым. Какой-нибудь несчастный видит предмет, который соблазняет его на кражу; во что обходится ему порой это преступление, какую ему придется выдерживать борьбу с собой! Уже совершив преступление, он иногда спорает от стыда и, снедаемый угрызениями совести, горько сожалеет о невозможности исправить ошибку. Мошенник же, напротив, дойдя до полного подавления в себе чувства стыда, помышляет только о том, как бы обмануть других и ускользнуть от наказания.

Но ведь вор, говорят, пользуется темнотой и порой угрожает жизни. Если вор действует ночью и применяет насилие, то с ним надо обращаться по праву законной самозащиты, и убийство его является тогда вещью, допустимой по закону. Впрочем, не следует смешивать простое воровство с воровством квалифицированным, отягчаемым обстановкой.

Из сказанного выше вытекает, что если мы хотим, чтобы каждый вид воровства карался заслуженным наказанием, необходимо хорошенько различать отдельные виды воровства.

О преступлениях против нравственности

Вправе ли государство требовать целомудрия от своих членов. Это смешной вопрос, он может возникнуть и обсуждаться лишь у нации, утратившей свободу, потерявшей уже свою нравственность. Итак, будем без всяких обиняков презюмировать это право, так как оно может лишь благоприятствовать покою семьи и росту населения, а последний составляет всегда силу государств.

Кому, однако, не ясно, что закон против невоздержности должен в одинаковой степени связывать оба пола и что кара, предусмотренная для нарушителей, должна быть соразмерна преступлению; на деле, однако, происходит иначе, и всюду законодатель как будто забыл справедливость, потакаая вкусам и интересам развращенной эпохи.

Общепризнанным является, что женщины более предрасположены к нежности, чем мужчины: они больше и сильнее ощущают потребность в любви. Этой природной склонности, которая, если бы она была оставлена без узды, повлекла бы за собой в обществе всякие беспорядки, стараются с детства противопоставить стыд. Но так как все противоречиво в наших политических учреждениях, то девушки в свете всегда получают воспитание, противоречащее тому, которое они получили в отцовском доме. Чего только мы не делаем, чтобы заставить их забыть уроки мудрости! Едва только они достигают того возраста, когда они способны нас понимать, как мы спешим развить их воображение: мы направляем все их помыслы к наслаждению, путем тысячи раздражений мы заставляем говорить их чувства. А когда их молодое сердце раскрывается для любви? Слишком часто мы имеем наглость злоупотреблять их слабостью, а если они и ускользают от наших ухищрений, то лишь благодаря бдительности их матерей.

Но вот пришла пора для заключения брака. И здесь мужчина имеет преимущества: он выбирает, а женщина может только отказываться. Да и то сколько несчастных и неразум-

ных родителей приносят в жертву честолюбию счастье дочерей! Руководимые слепой нежностью, они отрывают их от мужчин, которых они любят и ценят, чтобы принудить их отдаться мужчинам, которых они ненавидят и презирают. А когда девушка в таком положении выходит замуж? Вынужденная отказаться от предмета любви, она становится неспособной полюбить другого и ожидает для себя лишь печальное будущее.

А если женщина оказалась более счастливой и избежала принуждения? Счастье ее бывает кратковременным: ласки скоро сменяются супружеской холодностью, на месте любовника перед ней оказывается господин, притязающий на тираническую власть, пренебрегающий своим долгом, рвущий все узы и не считающийся ни с чем.

А когда, убедившись в его неверности, она хочет пожаловаться? Он не слушает ее упреков и притворяется не видящим ее слез. Если, устав тщетно жаловаться, она пробует следовать его примеру, то он вопит о мести и расправляется без всякой жалости. А закон не только не приходит на помощь слабой угнетенной, но присоединяется к жестокому угнетению, и за ошибку, которая для него проходит безнаказанно, она всегда теряет свою репутацию, часто свободу, а иногда и самую жизнь. Таким образом, всюду законодатель проявляет самую ужасную тиранию в отношении пола, который больше всего нуждается в защите.

Допустимо ли, чтобы к стольким обидам присоединилось варварство предубеждения? Пока женщина кажется равнодушной к нам, мы ее оставляем в покое, но стоило ей слишком ясно проявить свою чувствительность, как мы начинаем презирать ее; как много женщин, — что является позором нашего века, — обесчещено за те же самые слабости, которые питали наше тщеславие!

А теперь рядом с обманутой женщиной представим себе соблазненную девушку. Если путем лицемерной внимательности мужчине удается тронуть сердце молодой особы, если путем лживых клятв он убеждает ее отдаться ему, то скольких горьких мук будет скоро стоить ей миг доверчивости! Она будет оплакивать его всю жизнь, и никогда слезы ее не загладят позора.

Что происходит, когда ошибка ее открывается? Вероломный соблазнитель бросает ее, она, успев привязаться к нему, обвиняет в клятвопреступлении, взывает к его жалости, но он, глухой к ее упрекам, смеется над ее стонами и издевается над ее слезами.

А если она вздумает жаловаться на негодяя? Тщетно будет она оглашать суды своими жалобами,— законы оставляют ее без защиты. Да что я говорю! Часто они карают ее за ее же беду, тогда как жестокий соблазнитель, виновник этой беды, остается безнаказанным.

Но хотя бы она встретила отклик в общественной жалости,— и здесь ее ждет только несправедливость. Общество не только не заступается за гнусно соблазненную девушку, но самым недостойным образом проявляет свое лицемерие: в то время как несчастную девушку травят, негодяй, обманувший ее, встречается у общества такой же прием, как и раньше. Если он богат, то он продолжает оставаться в прежней чести и соблазнять других девушек, еще сохранивших свою невинность.

После того как она в течение долгого времени оплакивает свою ошибку, ей наконец разрешается возвращение в общество, но это слабое утешение очень скоро кончается. Ее избегают, ей приходится прятаться, и если она не имеет средств, то ей часто не на что жить, так что ей остается только отдаться проституции.

Участь ее кажется ей невыносимой, а между тем это еще пустяк по сравнению с тем, что ее ожидает! Несчастная жертва! Очень скоро она вынуждена избегать назойливого дневного света и показываться только ночью. Измученная усталостью и вечными оскорблениями, она будет доведена нуждой, необходимостью заработать на хлеб до того, что станет продавать свою любовь первому встречному, выносить самые отвратительные ласки, самые грубые выходки и оскорбления. И словно еще недостаточно с нее измывательств, грязных распутников, ее с неумолимой неизбежностью ожидают страдания ужасных болезней, бедствия нищеты. Но ведь есть такие, которые живут в роскоши! Да, на одну живущую в довольстве приходится тысяча обреченных на самую ужасную нищету, ютящихся в страшных трущобах, валяющихся на убогих постелях, являющихся жертвами самых низменных потребностей.

При виде такого количества ловушек, расставленных под самыми ногами у молодежи, такого множества силков, подстерегающих невинность, такой массы насилий, совершаемых над слабостью, какое справедливое сердце не извинит ошибок слабого пола, на который мы наложили самые суровые обязанности! Пред лицом ужасной участи такого количества жертв нашего вероломства какое чувствительное сердце не будет охвачено жалостью!

Но не жалость, а гнев и негодование хотел бы я возбудить в сердцах. Как! Двоядушные, мошенничество, лицемерие, обман, вероломство так и не будут порицаться у мужчин, тогда как у женщин чувствительность, доверчивость и слабость будут и впредь всегда клеймиться позором? Вместо того чтобы служить им поддержкой, мы только обманываем их. И вот, после того как мы проявили себя в отношении их мерзкими соблазнительями, нам еще будет позволено быть для них подлыми тиранами! По какому же праву пользуемся мы их слабостью? По какому праву притязаем мы на тираническую власть над ними?

Мы наложили на них самые строгие обязанности; это, говорят, было необходимо, ибо распушенность женщин вызвала бы самые ужасные беспорядки в обществе. Как будто распушенность мужчин не причиняла никакого ущерба, как будто мужчины не являются всегда равными соучастниками женщин, как будто безнаказанность мужчин не являлась всегда величайшим из беспорядков! Отбросим эти глупые заповеди испорченного века; позорен предрассудок, оправдывающий их, жестоки законы, основанные на них. Да будут прокляты они навеки, раз они избавляют один пол от обязанностей быть справедливым и дают ему право развращать беззащитную добродетель, гнусную привилегию угнетать слабость! Осмелимся выступить здесь против пристрастности законов; после того как они долго служили преступлению, пусть они, наконец, станут на защиту невинности.

Распутство несомненно должно караться у обоих полов, ибо оно смущает общественный порядок, но наказание должно быть равным. Равным, сказал я! Нет, я заблуждаюсь: редко женщина бывает виновной, а мужчина невинным. Именно с мужчины всегда начинается половая распущенность. Сколько существует красивых соблазнителей, единственным занятием которых является устройство ловушек для женской добродетели! Половое распутство своим зачинщиком всегда имеет мужчину, и никогда женщина не отдается, если ее не соблазнили; следовательно, соблазнитель более виновен, чем несчастная, которую он соблазнил.

Марат

Гравюра на дереве А. Д. Гончарова

ПЕРВЫЙ ГОД РЕВОЛЮЦИИ

1789

Дар отечеству³

или речи, обращенные к третьему сословию

Первая речь

Дорогие мои сограждане!

Свершилось. Престиж разрушен.

Так вот они, наконец, эти дерзкие министры, посрамленные своею бездарностью, опозоренные своим хищничеством, ненавистные в своем произволе и заклейменные общественным негодованием. Предатели государя своего, предатели своей страны, они целым рядом преступлений подорвали авторитет власти и привели государство к краю пропасти.

Недавно еще подлые их приспешники нагло твердили, что *монархи властью своею обязаны только богу да своему мечу**,

* По слабости человеческой государи слишком склонны прислушиваться к этим пагубным утверждениям, и нередко приходится слышать, как они повторяют, что они обязаны своей властью только богу да своему мечу. И как это до сих пор не нашлось еще ни одного министра, достаточно мужественного для того, чтобы дать им почувствовать всю нелепость этой устарелой поговорки! Что мог бы сделать монарх один против целой нации, возведшей его на престол, если бы она покинула его? Станет ли он разлагать армию соблазном грабежа, чтобы заставить ее идти против своих подданных? Да и что смогла бы сделать даже самая многочисленная солдатская орава с нацией, если бы та пожелала защищаться? Но оставим эти печальные размышления. Прошли уже те времена, когда армии слепо повиновались своим государям; войны являются защитниками государства; они это знают и гордятся этим званием; теперь они уже не пойдут умерщвлять братьев своих, которые их кормят. Офицер покраснел бы при мысли, что на него смотрят как на лютого зверя, которого государь по прихоти своей натравливает на мирных гра-

что они хозяева своих подданных, как пастух — хозяин своих овец, что надо морить народ голодом, чтобы он дал им возможность жить, что надо ослепить его, чтобы держать его в повиновении, ибо чем угнетеннее он, тем он покорней. Безумцы! Они не ведали, что есть пределы терпению, что всякий великодушный народ, устав страдать, стряхивает с себя наконец иго, что стоны отчаяния сменяются приступом ярости и что из пламени мятежа всегда готовы выпряться клики свободы.

Благодаря просветительным идеям философии миновали уже те времена, когда отупелый человек считал себя рабом. Устыдившись пагубных своих утверждений, молчат приспешники тирании; со всех сторон уже раздаются голоса мудрых; они повторяют монархам, что верховная власть во всяком государстве принадлежит совокупности всей нации, что нация и есть источник всякой законной власти, что на то и поставлены были государи, чтобы соблюдались законы, что сами государи им подчинены, что все могущество их зиждется только на справедливости и что они обязаны оказывать справедливость даже самому последнему из своих подданных. Отрадные истины. И надо же, чтобы о них так быстро забывали в дни благоденствия и вспоминали лишь в дни бедствий!

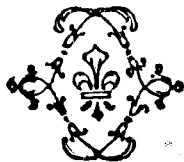
Но что за душераздирающее зрелище внезапно является очам моим! О родина моя! Ненасытные ястребы терзали тело твое, варварские руки вонзали меч в грудь твою, — обессиленная утратами, изнуренная голодом, все еще покрытая ранами и истекающая кровью, предстанешь ты предо мною.

Изнывая под бременем страданий, долго скорбела ты, но чрезмерность мук исторгла, наконец, из уст твоих вопли отчаяния; они достигли слуха твоего короля, и его отеческое сердце умилилось состраданием; он осмотрел раны твои, и душа его

ждан. Хвала небесам! Настал, наконец, день, когда даже монархи будут приведены к счастливой необходимости быть отцами своих народов, после того как в течение стольких лет они были только их тиранами. Земные владыки, отрекитесь от ненавистного уже всем самовластья; близок час, когда вы будете править только справедливостью, мудростью и кротостью. Да и какого более славного владычества могли бы вы желать, повелевая доблестными народами, которые будут считать своей обязанностью повиноваться вам? Подобно грозному льву, ласкающемуся к человеку, которого он мог бы растерзать, они склонят голову под отеческим вашим ярмом и воздадут почести вашему престолу, который в их власти было бы опрокинуть.

OFFRANDE
A LA PATRIE,
OU
DISCOURS
AU TIE-RS-ÉTAT
DE FRANCE.

Quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi.

AU TEMPLE DE LA LIBERTÉ.

1789.

Первая страница книги
Марата «Дар родине»

содрогнулась от скорби. Он спешит к тебе на помощь. Не годя на вероломных слуг своих, злоупотребивших его властью, он самолично хочет обуздать преступную дерзость тех, кто мог бы соблазниться их примером, он самолично хочет выдвинуть для тебя оплот против их ярости.

Блаженна ты, если его благотворные намерения не станут тщетными благодаря твоей жажде покоя. И еще блаженнее была бы ты, если бы грудь твою не истерзали твои же дети. Одни бесстыдные сибариты дают обет бедности и проматывают в роскоши и светских уладах достояние бедняков; они дают обет смирения и требуют отличий, ублажающих гордыню; они выдают себя за слугителей бога-миротворца и разжигают повсюду пламя распри. Другие — жалкие паладины (в прищупе какого-то умоиступления), стараясь напугать монарха и предлагая ему свою поддержку, чтобы расправиться с тобою, призывали на твою голову гибель и смерть*. Вооруженная доверием, ты отвратила грозу и силой разума восторжествовала над этими преступными партиями. Одна из них уже приведена в замешательство доблестным примером почтенного прелата**, последовать которому у нее нет сил; она хранит молчание и ждет от событий решения своей судьбы, в то время как другая, пристыженная великодушным примером славнейших мужей, усмеляет свои несправедливые притязания и старается обмануть тебя всякими проявлениями притворного великодушия.

О французы! Настал конец вашим страданиям, если вы устали переносить их; вы свободны, если у вас есть мужество быть свободными. Вся Европа рукоплещет правоте вашего дела. Убежденные в законности ваших прав, даже враги ваши, и те перестали оспаривать ваши требования, и ради одного того, чтобы вы отказались от своего намерения утвердить их в Национальном собрании, они, отнюдь не отказываясь удовлетворить нужды государства, по отношению к которому они до сих пор были только пиявками, предлагают теперь единолично покрыть всю его задолженность. Единолично покрыть всю его

* Мы не имеем в виду под этими преступными партиями первые два сословия государства, которые сохранили еще в недрах своих множество добродетельных людей, всячески достойных нашего благоговения, чьи любезные нам имена со славой перейдут к нашим потомкам.

** Жан-Жорж ле Фран де Помпийан, архиепископ города Виенны в Дофинэ, сохраняя за собою из всех доходов своего архиепископства всего лишь две тысячи экю, явил братьям своим прекрасный и достойный подражания пример, следовать которому, однако, весьма трудно.

задолженность? Но смогут ли они сделать это? Да и откуда им взять средства для заполнения этой зияющей бездны? Самонадеянные спасители! Найдется ли среди них хотя бы сто человек, не разоренных роскошествами, расточительностью, игрой, хищничеством своих управителей? Найдется ли среди них хотя бы сто человек, не обремененных долгами? Взгляните на их земли, находящиеся под судебным запретом, запущенные или продающиеся с торгов, взгляните на их имения, конфискованные или объявленные под опекой. И если бы даже они не самообольщались, если бы они действительно могли, если бы они действительно хотели спасти правительство, то и тогда великолепная их жертва была бы лишь временной поддержкой, а государство нуждается в надежной помощи. Остерегайтесь расставленных ими сетей. Они готовы заплатить однажды превыше всякой меры, чтобы потом не платить уже вовеки, и, раскошелившись один раз за всю жизнь, они остались бы победителями на поле сражения, они поработили бы вас навсегда, они отягчили бы ваши оковы и продолжали бы жиреть вашим потом и опиваться вашей кровью.

Они решили не признавать вас главным сословием нации, и хотя теперь они уже не ведут прежних разговоров, поведение их все же не изменилось. Видя во всей природе только себя одних, они мнят, что нация — это они. Так пусть же они раз навсегда возьмут на себя одних все долги и расходы государства, пусть они поддерживают его, защищают его и ведут к процветанию; пусть они заботятся о плодородии его полей, пусть они строят города, пусть они разрабатывают рудники, пусть они устраивают мастерские, управляют мануфактурами, ведут торговлю, творят суд, воспитывают юношество, строят корабли, снаряжают флот и набирают армии.

А вы, несчастные граждане, бегите, бегите, прочь от неблагодарной родины, которая всем обязана вам и тем не менее отталкивает вас от себя. Но куда заводит меня мое священное рвение? Нет, нет, не покидайте очагов своих, почувствуйте же, наконец, силу свою. Ведь вы — мощь и богатство страны. Возглавляя вас, король всегда будет могущественнейшим монархом вселенной, а без вас, возглавляя дворянство и духовенство, он был бы лишь обыкновенным сеньором среди своих вассалов и, подобно мелким владыкам империи, вынужден был бы вымаливать покровительство какого-нибудь могущественного соседа, из страха, что тот уничтожит его, и вскоре перестал бы числиться в составе великих государей. Мало того, — без вас Франция не всколосилась бы уже богатой жатвой, она обратилась бы в

пустыню; без вас иссяк бы источник ее плодородия, и сам монарх умер бы с голоду. Пусть они похваляются своими подвигами, своими заслугами,— что они по сравнению с вашими! Если бы королю пришлось выбирать между ними и вами, могли бы он колебаться хотя бы мгновение? Но, хвала небесам, он не будет доведен до столь суровой крайности, и нация не будет раздроблена, расплывлена, уничтожена. При свете разума постепенно рассеется тьма, застилающая очи ваших врагов: заглянув в себя, взвесив истинные свои выгоды, они не станут уже ополчаться против справедливости. О сограждане мои! Чрезмерность страданий ваших привела, наконец, к сознанию необходимости утolenия их. Вам представляется единственный в жизни случай вступить в свои права,— узнайте же, наконец, цену свободы, узнайте же, наконец, цену мгновения. Да руководит благоразумие каждым вашим шагом, но будьте непреклонны, и какие бы преимущества ни предлагались вам,— даже если бы враги ваши и взяли на себя все бремя налогов,— отказывайтесь, отказывайтесь от всего до тех пор, пока ваши права не будут закреплены за вами непреложным образом. Итак, в Национальном собрании и предстоит вам торжественно установить и освятить их навеки.

На что только ни имеете вы права притязать и в чем только вы ни нуждаетесь! В том состоянии, в котором вы теперь находитесь, вы должны требовать, чтобы вам предоставили возможность не только прокормиться, одеться, обзавестись квартирой, воспитывать своих детей и надлежащим образом устроить их судьбу,— вы должны обеспечить свободу своей личности против посягательств чиновничьего деспотизма судей, честь ваших жен и дочерей от покушений титулованных соблазнительей, доброе ваше имя от нападков влиятельных клеветников, вы должны добиться правосудия по отношению к вашим могущественным притеснителям и создать благоприятные условия для развития своих дарований, дабы вы могли вырастить их на благо себе. Это ваш долг по отношению к самим себе, к вашим детям, к вашей родине, к вашему королю. Это единственное средство сделать нацию благоденствующей, почитаемой, грозной и возвести на вершины славы великую честь называться французами.

Вторая речь

Увы, дорогие мои соотечественники, нет средств, которых ваши враги не пустили бы в ход, чтобы предотвратить это торжественное собрание, где вам предстоит завоевать себе звание

граждан. Что ни день, они расставляют перед вами новые сети. Вчера они пытались подчинить вас своему влиянию, сегодня они силятся разрознить вас,—бесплодны будут все их усилия до тех пор, пока в вас останется хоть капля добродетели.

Все классы третьего сословия, объединенные общими интересами, уже сплотились и пришли к соглашению.

Дорогие мои соотечественники, окиньте взглядом рать свою, не столько для того, чтобы исчислить ее (она огромна и неодолима), сколько для того, чтобы распознать мнимых своих братьев и сообразить, на кого вы можете рассчитывать.

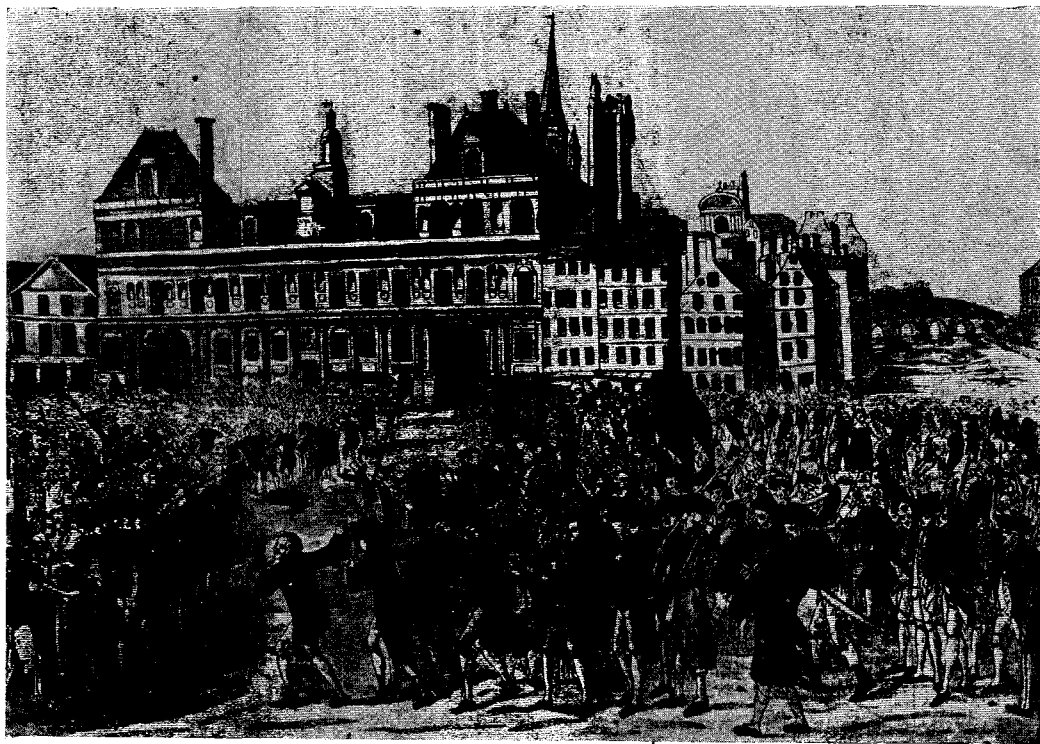
Враги ваши пытаются отделить от вашего сословия финансистов, но эти богатые люди слишком рассудительны, для того, чтобы, соблазнившись пустыми титулами, поставить себя в смешное положение, чтобы объединиться с классом и перейти на сторону партии, их презирающей, чьи тиранические требования им более чем известны.

Враги ваши пытаются отделить от вашего сословия новоиспеченных дворян, людей, состоящих на королевской службе, чиновников городских муниципалитетов, но эти почтеннейшие мужи слишком чужды мелким соблазнам тщеславия, чтобы не гордиться званием граждан, чтобы покинуть почитающих их братьев и перейти на сторону партии, чьи тиранические требования им так часто приходилось испытывать.

Враги ваши пытаются отделить от вашего сословия лиц духовного звания, но эти достойные служители церкви, которые знают, что все люди братья и беспрестанно проповедуют им смирение, не станут кичиться светскими отличиями, осуждаемыми евангелием, и не перейдут на сторону партии, чьи тиранические требования являются предметом каждодневной их скорби.

Враги ваши пытаются отделить от вашего сословия писателей, ученых, философов, но эти полезнейшие люди, которые всю свою жизнь посвящают вашему просвещению и пробуждению в вас сознания ваших прав, эти люди, которые так ревностно защищают ваши интересы и так прекрасно говорят, что человек может прославиться только своими талантами и добродетелями,—разве могут они сделаться презренными дезертирами и перейти на сторону партии, с чьими тираническими требованиями им самим приходится сражаться?

Итак, третье сословие Франции состоит из класса служащих, из классов ремесленников, рабочих, мастеровых, торговцев, стряпчих, негоциантов, хлебопашцев, земледельцев и нетитулованных рыцарей; из учителей, артистов, хирургов, врачей,

14 июля 1789 г.

Лубок неизвестного автора

писателей, ученых, законоведов, чиновников судебного ведомства, церковнослужителей, представителей армии сухопутной и морской — неисчислимый, непобедимый легион, сплотивший в недрах своих все виды просвещения, таланта, могущества и добродетелей.

Во главе этого легиона становятся уже те дворяне, магистраты, вельможи, прелаты, великодушные князья, которые забывают о своих прерогативах, делаются ярыми сторонниками вашего дела и довольствуются званием простых праждан.

Во главе этого легиона должны были бы также стать и все эти слишком уж долго восхваляемые сенаторы, которые мнят себя отцами народа и блюстителями законов; но парламенты покинули третье сословие, и третье сословие в свою очередь покинуло их.

В прошрише ли от этого третье сословие? Их упрекают в том, что они всегда мало заботились о народе, проявляя в то же время отменную ревность к некоторым патрицианским привилегиям и почестям.

Их упрекают в том, что в городе они выдают себя за защитников угнетенных, а в деревне сами угнетают тех, кто имеет несчастье быть их соседями.

Их упрекают в том, что они ни разу не решали дела в пользу кого бы то ни было, кто искал у них правосудия против того или иного, хотя бы самого ничтожного, члена их корпорации.

Их упрекают в том, что они отвергли поземельный налог только из страха, что им также придется в известной доле участвовать в общественной повинности.

Их упрекают в том, что они восстали против тайных приказов об арестах только тогда, когда эти приказы стали обрушиваться на их же головы.

Их упрекают в том, что они требовали созыва Генеральных штатов для утверждения сбора новых податей и в то же время выдавали себя — царь и духовенство — за Генеральные штаты, как только поднимался вопрос о допущении туда третьего сословия.

Их упрекают в том, что они подстрекали третье сословие выступить с требованием своих прав и заглушали его голос, когда оно пожелало, чтобы требования эти были услышаны.

Их упрекают в том, что они вынесли постановление против всякого рода сборищ, а сами втайне разжигали мятежи.

Их упрекают в том, что они неустанно ходатайствовали об освобождении двух своих сочленов, арестованных по тайному

приказу, и всего лишь один раз сделали вид, будто мстят за смерть праждан, убитых войсками.

Их упрекают в том, что они требовали свободы печати, в надежде, что их будут ублажать лестью, и потом требовали отмены этой свободы, из страха, что их будут критиковать.

Их упрекают в том, что они, смотря по обстоятельствам, принимали то сторону народа, то сторону правительства и пытались поочередно обратить монарха и народ в орудие * своей мести против тех, кто воспрепятствовал бы их тайным планам и честолюбивым замыслам.

Их упрекают в том, что они жаждут независимости и оказывают противодействие королю лишь в надежде рано или поздно разделить с ним его власть.

Их упрекают в невыносимом кастовом духе **, в гнусной пристрастности.

Их обвиняют в честолюбии, в неповиновении, в бунтарстве, в несправедливости, в деспотизме, и они не пытаются даже оправдываться ни по одному из этих пунктов. Как же истолковать это молчание? Достаточно сопоставить прекрасные их речи и ужасные поступки, их нравственные правила, столь человеческие в теории и столь суровые на практике, их политику, столь мудрую с виду и столь вероломную на деле, — какое смирение на устах и какое высокомерие в сердце, какая человечность в изречениях и какая жестокость в действиях, какие умеренные люди и какие честолюбивые магистраты, какие неподкупные судьи и какие несправедливые приговоры, — достаточно сопоставить все это, и коистине не знаешь, что и

* Верить ли слухам? Увы! Факт слишком уж достоверен. Да к вечному стыду магистратуры, ренский парламент, так возмущившийся приказом об отправке войск для усмирения народа, теперь сам послал депутацию в Версаль с требованием выслать ему на помощь войска для борьбы с третьим сословием, которое предьявляет к нему несправедливые требования. О праведное небо! И это-то отцы отечества? Преобразившись в палачей, они готовы теперь растерзать его. Маска с них сорвана, — узнай же, несчастный народ, своих покровителей, оплакивай глупую свою доверчивость и кровь, пролитую в их защиту.

** Кастовый дух — несмываемый позор даже для человека недобродетельного. Некий президент парламента, которого публика привыкла считать мудредом, несколько дней тому назад спросил издателей — собственников типографии: «Ну, а цех ваш тоже подпишется под петицией?» Хорош вопрос, нечего сказать! Пусть-ка он окинет взглядом все это множество появляющихся у нас изо дня в день патриотических сочинений, и пусть после этого сомневается еще в патриотизме этих уважаемых людей, которые во все времена способствовали распространению просвещения.

думать. И умильное звание отцов народа, которым они так кичливо похваляются, кажется уже попросту каким-то шутовским титулом, предназначенным для иронического обозначения людей, крайне опасных и бесчеловечных.

Третья речь

Я всегда с горечью вспоминаю о той нескрываемой радости, с какой публика встретила назначение архиепископа Тулузского в министерство*. «Это человек большого ума, это человек больших дарований», — то и дело восторженно твердили о нем, и на этом основывались величайшие надежды. Но достаточно ли человеку быть умным, для того чтобы стать во главе правительства, если он лишен талантов государственного мужа, если у него нет опыта в делах управления? Да и где, скажите на милость, мог этот бойкий прелат почерпнуть познания, необходимые для первого министра? В блистательных клубах, в уборных прелестниц, в интригах двора?

Впрочем, если бы он был наделен всеми талантами, которых ему нехватает, то одних талантов ведь еще недостаточно, — надо обладать добродетелями. Да и чего можно было ожидать от ловкого царедворца, от одного из тех людей, которые постоянно находятся во власти честолюбия, алчности, скупости и чьим ремеслом стало уже притворство, коварство, хищничество и предательство?

Зловещее предзнаменование! И нужно же было, чтобы события так скоро подтвердили его правильность. Вы видели его, да, вы видели его, — этого ненасытного хищника, вы видели, что первое же свое выступление в министерстве он ознаменовал стремлением утолить свою жажду наживы, повергнуть нацию в прах, вы видели, как он старался сорвать с нее последние ее лохмотья, когда голодный народ требовал у него хлеба. По какому-то беспримерному злополучию иллюзия эта длилась вплоть до самого последнего мгновения. Что же касается его самого, то судьбе угодно было, чтобы он, сознавшись наконец в своей бездарности и трепеща пред надвигающейся грозой, обратился в бегство, оставив за собою без всякого прикрытия эту новую бездну, в которую он собственными руками столкнул нацию**.

* Речь идет о Ломени де Бриенне, который занял место Калонна в апреле 1787 г. и оставался во главе министерства вплоть до возвращения Неккера в августе 1788 г.

** Говорят, что он укрылся в Риме, где он в награду за все свои преступления ждет кардинальской шляпы. Уверияют даже, что

Дорогие мои сопращдане! Да послужит вам прошлое уроком для будущего; вооружитесь благоразумием и будьте строги в выборе своих представителей в Национальное собрание, как были бы вы строги теперь в выборе министра.

Удалите с арены неосторожную и пылкую молодежь, людей, известных своим легкомыслием и веселым нравом, людей, склонных к расточительности, роскоши, распутству, скупости и честолюбию.

Знания и добродетели — вот качества, необходимые для представителей третьего сословия. Возводите в это высокое звание только людей со здравым смыслом, людей испытанной честности, одаренных подлинными талантами; людей, ревнивых к благу общественному, опытных в делах, чьи интересы были бы нераздельны с вашими; людей серьезных, достигших зрелого возраста, или стариков, чья почтенная старость венчает собою безупречно прожитую жизнь. А для того чтобы их добродетель была ограждена от всевозможных соблазнов, выбирайте людей, избавленных от нужды либо своим богатством либо своим трудом; людей, независимых по роду своих занятий, или таких, чьи должности не находятся в зависимости ни от высокого покровительства, ни от вельмож, ни от какого-нибудь министра.

От выбора ваших представителей зависит ваше счастье, ваше спасение. Забота о вашем благосостоянии, о вашей свободе, о вашей чести, любовь ваша к семье, к родине, к королю, религия и слава государства — все это сплотилось теперь, чтобы воззвать к вашему благоразумию, чтобы укрепить вашу добродетель. Когда затронуты столь высокие интересы, посмеют ли

он заручился обещаниями короля. Неужели же римскому пурпуру суждено стать наградой за бездарность, беспутство и злодейство? Да где же это такой монарх, который до такой степени был бы лишен всякого здравого смысла, что мог бы участвовать в этом гнусном деле? И говорят, будто Людовик XVI, отец народа, он-то и явил всему миру это позорище. Отвергнем эти чуждые слухи. Слишком мудрый, слишком добродетельный, для того чтобы вознаграждать злодейство, король не может не знать, что после подобного примера справедливая нация не в силах уже будет питать доверия к своему вождю. Правда, сначала он избавил виновного от наказания, и это свидетельствует об отзывчивости его доброго сердца; но теперь, когда ему все известно, он заставит своего вероломного слугу предстать пред Национальным собранием, дать отчет в своих действиях и сам потребует законного отпущения. Там же похвалялся выступать и тот другой грабитель, искавший убежища в Англии, администратор, вдвойне преступный — и тем, что отдал на расхищение государственную казну, и тем, что переправил к иностранцам плоды собственных своих грабежей. Да получают же они оба в Национальном собрании возмездие, достойное их преступлений.

мелкие страсти поднять свой голос? Горе вам, если, пренебрегая советами мудрости и прислушиваясь к нашептываниям соблазнов, вы собственноручно уготовите себе гибель! Горе вам, если дети ваши смогут когда-нибудь упрекнуть вас в том, что вы окончательно закабалили их и, сетуя на горестные последствия рабства и жалуясь на свои мучения, станут проклинать продажность своих отцов!

Четвертая речь

Благосостояние держав, равно как и благосостояние частных лиц, зависит от мудрого управления, и разорение государства, даже самого процветающего, довершается продажным министерством с такою же быстротою, с какой довершает расточитель разорение какого-нибудь богатого рода. Печальная истина, постигнутая нами недавно на столь суровом опыте!

Казалось, гений, покровительствующий Франции, вот уже двадцать лет как покинул ее и, чтобы наказать народ за слепую его покорность, безвозвратно отдал его во власть бездарных, безрассудных и хищных министров*.

Все они, начиная с того, как разорил стольких подданных** и, нарушив обязательства, поколебал национальный кредит, как будто избирались в каком-то припадке умоисступления и слабоумия.

Разве не видели мы в военном министерстве некоего Сарданапала***, лишенного всякого опыта, всяких талантов, всякого образования, который ограничивал все свои служебные обязанности только тем, что представлял, торговал должностями и забавлялся со шлюхами?

Разве не видели мы в морском министерстве человека, не имеющего ни малейшего понятия о морском деле****, человека, от роду не видавшего моря, от роду не видавшего корабля, человека, обучившегося мореходству, созерцая маневрирующий

* Не станем смешивать их с толпою людей, весьма почитаемых за их познания и добрые намерения, особенно же великого государственного мужа, талантами своими призванного к управлению финансами, равно примечательного как мудростью своих планов, так и безупречной своею честностью; он был первым и пока единственным, кто дерзнул внести свет в этот темный лабиринт, и он мог бы уже засыпать зияющие там бездны, если бы не шизкая зависть, которая так рано удалила его от нас.

** Морепа.

*** Принц де Монбарре, который был военным министром в 1777 г.

**** Габриель де Сартин, который с 1744 по 1780 год был морским министром и слыл полным невеждой в морских делах.

в бассейне бумажный кораблик *, человека, у которого, в конце концов, для того чтобы командовать нашим флотом, руководить его плаваниями, защищать наши острова и способствовать процветанию нашей торговли, не было никаких данных, кроме умения ублажать двор скандальными городскими сплетнями, и ловкости, проявленной им в поимке всяких плутов и мошенников?

Разве не видели мы в министерстве финансов состарившихся в судебных прениях законоведов **, имеющих понятие только об юридических формальностях и не умеющих считать даже до трех?

Разве не видели мы там готового лопнуть от тщеславия интригана ***, провинциального сборщика податей, разоренного долгами кичливого лихоимца, не ведающего ни стыда, ни раскаяния?

Разве не видели мы во главе совета министерства престарелого шута ****, единственным талантом которого было умение забавлять государя, а единственным занятием — злоупотреблять своей властью для удовлетворения своих мелких страстей и продвигать своих ставленников? Разве не видели мы там священника-честолюбца *****, известного своим чванством, пронырливостью, грабительством, единственной заслугой которого являлось лукавство, интриганство и мотовство?

Разве не видели мы в роли главы магистратуры и вершителя судеб печати магистрата, обвиняемого в насквилях, направленных против королевы? *****

Баловни фортуны, сколь достойными сынами такой матери проявили они себя! Но, увы! Были ли мы счастливее с теми, выбор которых, казалось, был вполне оправдан доводами разума?

Вспомните этого политического смутьяна *****, который пропитался у мусульман ядом их деспотизма. Заклятый враг сво-

* Для того чтобы занимать хотя бы низшую должность, человеку требуется подготовка. Какое ослепление заставляет государей думать, что первый встречный способен выполнять важные государственные обязанности?

** Жюли де Флери и д'Ормессон.

*** Калонн.

**** Морепа.

***** Ломени де Бриени.

***** Мипроменниль.

***** Вержени, который в 1754 г. был полномочным посланником в Константинополе, затем в 1771 г. — послом в Стокгольме и в 1774 г. назначен был министром иностранных дел.

Владелец замка Шассенон готовится к угощению для революционеров,
пришедших разрушать его замок

. Гравюра неизвестного автора

боды, едва заняв свой пост, он тотчас же замыслил прогнать ее с лица земли, удушить ее уже в самой колыбели *. Удары, нанесенные им нации, запечатлелись на ней глубокими ранами, они все еще сочатся кровью и, быть может, будут кровоточить всегда.

Замыслив сокрушить Англию, он разжигал смуту в ее колониях и вовлек Францию в злополучную войну, которая истощила ее казну и от которой ей никогда уже не оправиться. Мастер раздувать пламя раздора у тех народов, которых он желал поработить, он мало задумывался о том, не может ли этот пожар перекинуться и на нас и не будем ли мы сами погребены под развалинами. Лишенный всякой прозорливости, всякого глубокомыслия, всякой предусмотрительности, он ничего не знал о тех запасах сил, которые свободный народ всегда умеет приберечь для себя, о той энергии, которую он развертывает, восставая, и о той мудрости, с какою он искупает минутное свое безумие; ему неизвестно было великое искусство читать будущее, вычислять ход событий; он видел только удары, наносимые им самим, и не видел тех ударов, которые угрожали гибелью нам. Ограничивая все свои замыслы только стремлением вредить другим, он истощил наши силы ради того, чтобы вырвать из рук наших врагов Америку, и не подумал даже связать ее с нами дружескими узами и дать нам возможность пожать плоды этого союза. Мало того: он сделал все, чтобы возбудить к нам ненависть. Инсургенты кинулись к нам в объятия; вместо того чтобы представить нас в их глазах верными и надежными друзьями, он представил нас какими-то бессовестными авантюристами. Им нехватало боевых припасов; вместо того чтобы поручить дело снабжения их честным негодиантам, он поручил его гнусному интригану **, некоему Бомарше, светскому человеку, как бы специально со-

* Чтобы закабалить шведов, он превратил их государя в деспота. Чтобы захватить в кандалы горсть республиканцев, он двинул на них армию французов, не побоявшись, что тем самым заставит государя своего прослыть тираном. Чтобы придушить англичан гнетом самовластия, он разжигал у них смуту и пытался свергнуть их правительство.

** Утверждают, будто старый младенец, дважды управлявший Францией, будто именно он и заставил дать это поручение своему любимцу, чтобы вознаградить его за какие-то тайные услуги. Как бы то ни было, достоверно известно, что г-н Карон де Бомарше скупил все забракованные, извлеченные из французских арсеналов ружья по три ливра за штуку и продал их инсургентам по сто двадцать ливров за штуку.

зданному для того, чтобы опозорить нацию и лишить ее всех выгод, купленных ценою стольких жертв*.

Истощив наши силы, ради того чтобы унижить наших соперников, он разорил нас заключенным с ними торговым договором**,— пагубный договор, доведший до крайних пределов распространившуюся у нас англomанию, способствовавший падению нашей промышленности и повергший в нищету такое несчетное множество ценных работников.

Политики, которой он придерживался по отношению к англичанам, он придерживался также и по отношению к голландцам, и эти новые раздоры окончательно подорвали могущество нации и ее политическое значение. Чтобы лишить Англию поддержки Голландии, он посеял смуту в Соединенных Провинциях, он восстановил против Штатгальтера могущественную партию и пытался уничтожить его. Столь же недалекovidный, сколь и предприимчивый, он проглядел все ресурсы тех, кого он мнил победить. Фридрих II, будучи уже на краю могилы и боясь обесславить свои лавры, пытался восстановить положение путем переговоров. Это обстоятельство не могло связывать его преемника, которым руководила не только его привязанность к нежно любимой сестре, но и причины государственного характера, заставляющие пруссаков, голландцев и англичан объединить свои силы и укрепить их дружеский союз. Ровно ничего не было предусмотрено на случай могущего быть разрывом ни плана военных действий, ни готовой армии, ни пограничных складов, ни накопленных для военных расходов денег. Отнюдь не упорядочив финансового положения, он сам способствовал его ухудшению. Состояние полного бессилия, до которого доведена была Франция, побудило его врагов к решительному удару. И вот однажды ночью двадцать семь тысяч пруссаков проникли в Голландию; при их приближении мятежники обращаются в бегство, ворота открываются, и Штатгальтер, снова возведенный на престол, становится могущественнее, чем когда бы то ни было. Его злоба против Франции, его дружеские чувства к Англии, его благодарность по отношению к Германии вскоре создают и закрепляют тройственный союз — союз роковой для нации, который привел бы ее уже к гибели, если

* Мы не забыли еще этого оскорбительного для нации поступка. В Нантском порту стоял на якоре обильно нагруженный бостонский корабль. Мир только что был заключен, и как только известие об этом проникло на корабль, он тотчас же снимается с якоря и отправляется на рейд в Темзу.

** В 1786 г. Вержени заключил с Англией торговый договор.

бы провидение не обратило на нее милосердного своего взора и не сковало бы вражеские силы суровостью наступившей зимы и слабоумием Георга III*.

О родина моя, дорогая моя родина! Ты, кого судьбе угодно было так щедро осыпать дарами, какова же участь твоя теперь, когда лишь покровительством и интригой обусловлен выбор твоих вождей и тебе приходится завидовать народам этих диких стран, которым провидение как будто отказало во всякой милости! Ты, некогда стоявшая во главе благоденствующих и грозных наций, до какой степени унижения доведена ты теперь! Ты почти уже выбыла из политической системы Европы, и вот, обессиленная, обезволенная, лишенная всякой опоры, ты, беззащитная, предоставлена проишкам своих врагов, которые вольны безнаказанно оскорблять тебя, вольны раздирать тебя на части, вольны вычеркнуть тебя из списка великих держав. Но, видно, бремя страданий твоих недостаточно еще тяжело, если тебе угрожают все новые и новые бедствия: корпорации, которым поручено исполнение законов, стремятся к независимости, дворяне и духовенство отделяются от тебя, и с минуту на минуту тебе угрожает опасность быть растерзанной твоими же детьми и быть обреченной на ужасы гражданской войны**.

* Можно ли сомневаться в злобе англичан и голландцев и можно ли сомневаться в том, что они отняли бы уже у нас наши колонии, если бы им не помешали болезнь Георга III и суровость наступившей зимы?

** Духовенство и дворянство, связанные кровными узами и общими интересами, представляют собой сплоченную массу, единое сословие, всегда готовое выступить против народа или монарха. Гнусное сопротивление, которое они в данный момент оказывают воле народа и намерениям короля, должно было бы убедить правительство в том, сколь опасно сосредоточивать все должности в руках одного класса подданных, осыпать только его одного всевозможными милостями и наделять его, таким образом, могуществом, которое он в конце концов обратит против своих же благодетелей. И вот они уже вступили в заговор с парламентом и готовы скорее предать страну ужасам гражданской войны, чем отказаться от своих несправедливых требований. Они подсчитывают свои силы; но вместо того, чтобы подсчитать, сколько бойцов найдется в их среде, они ведут подсчет тем легионам наемников, которых они надеются привлечь на свою сторону деньгами. Хорош подсчет, нечего сказать! А что, если народ вздумает поступить с ними так же, как некогда их предки поступили с несчастными жителями захваченных ими провинций? А что, если он начнет грабить их дома и делить земли? Как не понимают они, что стоит только оборвать узду закона — и никакой вождь уже не сможет ни на мгновение рассчитывать на своих наемников, которые вольны будут пренебречь его приказаниями, придушить его самого и расхитить его добычу? Как не понимают они, что рано или поздно,

При виде стольких бедствий каким жгучим раскаянием должны терзаться сердца тех, кто приставил к тебе таких недостойных управителей! Разбуженный криками распри, с ужасом обращает к тебе взор твой властелин; он горько раскаивается в том, что предоставил заботы о государстве вероломным своим министрам; он скорбит о том, что они так злоупотребляли его властью; ему хотелось бы взять в свои руки бразды правления, но, подавленный множеством государственных дел, тяжестью дел общественных, он чувствует, что смертному не под силу выполнение священных обязанностей престола. Он чувствует, что деспотизм, который и самому себе бывает всегда в тягость, в конце концов разрушает все вокруг и что умеренный образ правления служит во времена волнений и смут прибежищем даже деспоту; он чувствует, что для того, чтобы вернуть нации ее могущество и блеск, надо вернуть ей свободу и восстановить ее в правах; он чувствует, как важно для короля, которого тщеславные министры стараются развлечь пустыми забавами, а льстец — развратить своею лестью, как важно для него окружать себя только опытными и добродетельными министрами; он чувствует, как трудно королю самолично находить среди своих верноподданных людей, наиболее достойных его доверия, и как редко при развращенном дворе удастся правде найти доступ к престолу; он чувствует, что только правда может достойно руководить его выбором и что услышать ее можно только из уст свободного народа; он чувствует, зная слабость человеческого характера, что даже самый добродетельный министр не может радеть о славе монарха и о благе нации так, как сама нация; он чувствует, что единственное средство спасти государство — это возложить заботу о его спасении на представителей народа и подчинить их контролю расходованию общественных денег; он чувствует все это и хочет,

раздавленные численным превосходством, те, кому удастся избежать смертельного меча вынуждены будут бежать подобно изгнанникам или томиться в оковах? Как не бояться они превратностей судьбы, когда перед ними воинственная нация с оружием в руках? Кто может поручиться за то, что сегодняшний собственник, в свою очередь не станет крепостным? Кто может поручиться за то, что тот или иной прелат, граф, маркиз, герцог, принц не сделается в свою очередь рабом своего лакея или конюха? Вот соображения, которые вполне могли бы повергнуть в трепет угнетателей и заставить вельмож и богачей, мирно наслаждающихся всеми преимуществами этого общественного строя, почувствовать, что нельзя же доводить до полного отчаяния огромный и мужественный народ, который требует пока только облегчения своих страданий и жаждет пока только воцарения справедливости.

Демулен призывает к восстанию в Палермо 12 июля 1789 г.

Гравюра Берто с рисунка Приера

чтобы нация отныне всегда пользовалась этими бесценными благами.

Да благословен будет лучший из королей! Надежда снова оживает в нашей груди. Отвратим же взор от наших утрат и обратим его к нашим возможностям. Нет, нет, могущественным врагам не суждено делить нашу шкуру, лютым крамольникам не суждено терзать наше сердце. Прочь от нас, раздоры и смуты! Пусть духовенство и дворянство пользуются своими почетными преимуществами, но пусть все сословия государства сблизятся, пусть сплотит нас всех забота об общем нашем спасении, пусть рассудит разум взаимные наши притязания, пусть вечная справедливость установит наши права, и пусть звание гражданина навеки объединит разрозненных членов державы.

Пятая речь

Конституция французской монархии не имеет основных законов, не имеет прочного фундамента, а между тем ей необходима непоколебимая база, которая могла бы ей служить вечной опорой. В Национальном собрании, в этом священном источнике всякой законной власти, и будет заложен фундамент.

Все потеряно, дорогие соотечественники, если нация в лице своих представителей не займется прежде всего утверждением своего суверенитета и своей независимости от всякой человеческой власти. Для этого необходимо, чтобы Генеральные штаты, надлежащим образом избранные, собрались бы по праву* в раз навсегда установленном месте и чтобы собирались они по крайней мере раз в три года.

Нация в лице своих представителей, являясь законным сувереном, верховным законодателем, сама должна создавать основные законы страны, исправлять конституцию и быть на страже созданных ею законов. Перед нею, следовательно, и ответственны министры за все дела их управления: министр иностранных дел — за заключение договоров и союзов, противоречащих народному благу**, министр военный или морской — за военные операции, наносящие ущерб народной свободе; министр финансов — за расходование народных средств, министр внутренних дел — за государственные перевороты. Нации надлежит требовать удовлетворения народных жалоб, удаления

* Т. е. не пуждаясь в соответствующем распоряжении со стороны правительства.

** Все истинные патриоты надеются, что Генеральные штаты обратят внимание на торговый договор, заключенный с Англией.

бездарных министров, наказания подкупных чиновников. Сама она и должна установить, какие вопросы подлежат ее рассмотрению, и выработать порядок своих собраний. *Это первый основной закон королевства, без которого Генеральные штаты были бы лишь пустым призраком.* Если бы они созывались только при тех или иных катастрофических обстоятельствах с целью погашения государственных долгов, то их мгновенное существование зависело бы от воли правительства и их суверенитет сводился бы к весьма сомнительной прерогативе сбегаться по зову канцлера со всех концов королевства и шарить в карманах своих доверителей, чтобы заполнить королевскую казну и поддерживать безумства администрации, хищничество царедворцев, растраты министров и мошенничество всяких управляющих и чиновников. Таким образом, чтобы упрочить свое существование, Генеральные штаты должны утверждать налоги не более чем раз в три года.

Я определил время собрания Генеральных штатов этим сроком для того, чтобы собрания эти не были ни слишком частыми, дабы не сделаться тягостными, ни слишком редкими, дабы накопившиеся за длительный промежуток дела не стали чрезмерно обременительными.

Ввиду того, что Генеральные штаты могут заботиться о спасении страны лишь в те периоды, когда они собираются, необходимо, чтобы они избрали комитет, который постоянно заседал бы в их отсутствие. Этому комитету поручено будет следить за соблюдением конституции и за исполнением законов, требовать удовлетворения народных жалоб и искоренения произвола, протестовать против всяких нарушений свободы и т. д. и т. п. Комитет этот должен быть малочисленным, но должен быть составлен из людей отменно просвещенных и добродетельных; и наконец, дабы он раз и навсегда был огражден от всяких соблазнов, никто из его членов не будет иметь права занимать какую-нибудь другую должность, и каждый из них обязан будет давать отчет в своем поведении. *Это второй основной закон королевства.*

Собрание нескольких людей не могло бы следить за целым государством и быть осведомленным обо всех покушениях, направленных против закона, если бы жалобы угнетенных не имели к нему доступа. А как найти к нему доступ всем этим жалобам несчастных, напуганных своими притеснителями, доведенных до полной нищеты, лишенных всякой поддержки или томящихся по тюрьмам, иначе, чем через посредство тех людей, у которых хватило бы мужества и великодушия на то,

чтобы обнародовать эти жалобы. Необходимо, следовательно, чтобы печать была свободна. Это третий основной закон королевства.

Я слышу уже, как восстают против этого страшного для них закона приспешники деспотизма, шарлатанства и самовластия. Чтобы умерить их вопли, я возражу им только одним простым сопоставлением.

Дело в том, что Франция, где без одобрения цензуры нельзя напечатать, что на дворе светло среди белого дня, из всех стран земного шара является страной, наиболее злоупотребляющей прессой. Какое множество непристойных книг что ни день тайно выходит у нас в свет! Явление, весьма редкое в Англии, где свободно можно печатать все, что вздумается,— столь редкое, что на сто таких гнусных произведений, поставляемых Парижем, Лондон едва ли поставит хотя бы одно.

Во Франции пресса является не только орудием скандала,— в руках ненавистников она становится орудием диффамации. Взгляните на это множество возмутительных пасквилей, которые беспрестанно ходят у нас по рукам и в которых не щадят ни трона, ни заслуг, ни добродетелей. Явление, беспримерное в Англии, где анонимные сочинения не производят ровно никакого впечатления, где доказанная клевета всегда карается, где каждый может открыто нападать на своих врагов*, если только правда, установленная доказательствами, на его стороне.

Во Франции пресса является также орудием притеснения в руках могущественных людей, сословий, самих цензоров и их друзей. Вздумается ли кому-нибудь уничтожить одинокого, бесхитростного, не имеющего никаких связей человека,— и его тотчас же оклеветают в пасквиле; затем его лишат возможности оправдаться в печати, либо пользуясь для этого авторитетом власти по отношению к типографщикам и журналистам, что случается довольно часто, либо заставляя его напрасно терять

* Если какой-нибудь, хотя бы самый ничтожный, англичанин хочет подать жалобу на своего обидчика — все равно, является ли его обидчик влиятельным лицом, министром или даже монархом, — двери трибуналов всегда перед ним открыты, и он добьется правосудия. Но так как на суде ему приходится ограничиваться только простым изложением фактов, он, если ему представляется более выгодным воспользоваться кровавым бичом мемуаров, в которых здравый смысл бичует все смешное, печатает свои мемуары; затем, прежде чем пустить их в публку, он посылает один экземпляр своему противнику с письмом, где излагаются те условия, на которых он согласен пожертвовать всем изданием, — способ, несомненно достигающий цели. Таким образом в Англии, где всегда умеют обуздать клевету, мемуары эти не вырождаются в пасквили.

время в хлопотах о разрешении, в котором ему сперва отказывают и которое ему дают лишь тогда, когда поздно уже снова привлекать внимание публики к этому вопросу, что случается еще чаще. Явление, немислимое в Англии, где невинность всегда имеет возможность высказаться, где закон обуздывает притеснителей и где общество всегда принимает сторону угнетаемых.

И наконец, пресса во Франции является орудием соблазна в руках должностных лиц и богатых интриганов. Вздумается ли им провести какой-нибудь разорительный проект,—и вот, чтобы навязать его публике, о нем объявляют в самых восторженных выражениях и затыкают рот критикам. Явление, неслыханное в Англии, где каждый гражданин имеет право подвергать обследованию намерения самих министров, разбирать по косточкам все их проекты и обличать перед нацией их ошибки.

Ко всем этим беззакониям добавьте еще одно, прискорбные последствия которого носят еще более обычный характер. Ведь во Франции пресса поощряема деспотизмом академий, которые только и делают, что преследуют выдающиеся и тем самым оскорбительные для них таланты, стараются увековечить заблуждения, помешать расцвету новых истин, удержать публику в невежестве и лишить ее плодов полезных открытий, ибо сами-то академии открытий не делают. Стоит тому или иному научному обществу взревновать к какому-нибудь блистательному изобретению, что случается нередко, и это научное общество прибирает к рукам и критиков и журналистов*, и злополучный изобретатель, пожертвовавший своим сном, здоровьем и всем своим состоянием ради того, чтобы содействовать прогрессу просвещения, изнемогает в бесплодных попытках ознакомить публику со своим трудом. Явление, поистине непостижимое в Англии, где каждый может свободно отстаивать свои права и разоблачать ученых шарлатанов.

* Правда, случается иной раз в Англии, что министры, желая предотвратить сенсацию, которую должно вызвать какое-нибудь выдающееся сочинение, направленное против их проектов, подкупают журналистов; но такого рода влияние наблюдается только в исключительных случаях, и длится оно всего лишь мгновение. Да к тому же им весьма редко удается завладеть всеми нужными документами, особенно, если автор человек бывалый и если он может перешеголять их в подкуне. Добавьте ко всему этому еще и то, что автор всегда имеет возможность пустить в продажу свое сочинение через посредство книготорговца и разносчиков и распространить объявления о нем во всех общественных местах.

Да стоит ли продолжать? Проституция прессы во Франции дошла до такой степени, что даже среди самих критиков не найдется ни одного, кто не обращал бы ее в орудие оскорбления своих врагов или поддержки своих друзей.

Не довольно ли всего сказанного, чтобы заставить умолкнуть вопли тех, кто силится увековечить все эти ужасы?

При свободе печати нечего уже будет опасаться каких бы то ни было злоупотреблений; для предотвращения произвола, достаточно будет обязать каждого автора подписывать свое имя под тем, что он издает, и сделать его ответственным за его вероломные и рискованные сообщения, обязать каждого издателя под угрозой лишения его издательских прав не выпускать в свет ни одного анонимного сочинения и, наконец, сурово наказывать всякого книготорговца и разносчика, уличенного в продаже тайно изданной литературы.

Если свобода печати не грозит нам новым произволом, то каких только выгод ни сулит она нам! Как только будет утверждена свобода печати, всякий честный гражданин станет следить за соблюдением законов и будет удерживать в границах долга людей, которым поручено выполнение законов. При первом же их нарушении каждый смелый человек забудет тревогу и потребует преследования преступника в порядке публичного обвинения.

Сколько гнусных беззаконий искоренится таким образом, сколько несправедливых приговоров будет отменено, сколько пагубных планов будет разрушено!

Но этим отнюдь не ограничиваются выгоды, связанные со свободой печати; она одним ударом уничтожит все бедствия, порожденные королевскими цензорами, этими машинами, изобретенными для того, чтобы заглушить вопли свободы против тирании, вопли невинности против угнетения, вопли разума против фанатизма, вопли благородства против шарлатанства,— эти машины, приобретенные для того, чтобы препятствовать полету мысли, появлению таланта, развитию гения.

Упрочив суверенность нации и общественную свободу, надо упрочить свободу каждого гражданина путем отмены тайных приказов об арестах* и отмены всяких чрезвычайных мер. Если

* Конечно, для спокойствия некоторых семейств весьма важно, чтобы государь мог избавлять всяких пегодиев от суда, но безнаказанность отдельных лиц становится губительной для общества, потому что она лишь усугубляет то зло, которому она мнит помочь, потому что все члены государства в равной степени должны подчиниться законам, потому что распутный образ жизни не может быть привилегией какого бы то ни было общественного класса, и меч правосудия должен карать без различия всех виновных.

при особых обстоятельствах, когда государство в опасности, государь во избежание волокиты, связанной с судопроизводством, должен будет воспользоваться своим авторитетом, то потом, в определенный срок, он все же обязан передать дело в суд для судебного разбирательства. *Это четвертый основной закон королевства.*

Недостаточно, однако, оградить свободу граждан от чрезвычайных мер, дабы увенчать великое дело законодательства,— необходимо также оградить их невинность от невежества или лихоимства судей.

Уголовный кодекс является оплотом невинности, ибо нельзя же наказывать человека, если не можешь вменить ему в проступок то или иное дозволенное действие. Но для этого необходимо, чтобы у нас были неподкупные и беспристрастные судьи, что лишь усугубляет сознание необходимости переделать наши уголовные законы и преобразовать наши трибуналы.

Три важные причины должны привести нас к упразднению наших судебных палат.

Первая причина—та, что судьи, производящие следствие при закрытых дверях, могут по прихоти своей оправдать виновного и осудить невинного.

Вторая причина—это та, что пожизненные судьи постоянным лицемерием преступлений постепенно омрачают душу и, будучи каждодневными свидетелями пыток, приучаются в конце концов к жестокости, даже в том случае, если в начале своей деятельности они и отличались характером мягким и человеческим.

А что же будет, если они по натуре своей жестоки или легкомысленны? Ведь не даром же французские парламенты слыт какими-то кровавыми судилищами.

Третья причина—та, что судьи по назначению лишены знаний, необходимых для выполнения щекотливых обязанностей магистратуры*, столь враждебных делу правосудия, что зача-

* Встревоженные тем, что нация, наконец, прозрела, и посрамленные тем, что они так низко пали, королевские парламенты предаются теперь скорби. Особенно же приуныл парижский парламент; здравомыслящие люди (а такие еще имеются в этой корпорации, и даже в большом количестве) не изменяют правилам умеренного поведения, в то время как запальчивые предаются ярости и жаждут мести. Слепая ярость! Она будет последней каплей, которая переполнит чашу терпения. Их удары слишком уже упорно направлены против нынешнего министра финансов [Неккер]. Известно, что два неистовствующих советника составили план опорочить его перед лицом своей корпорации. А за что? За то, что, использовав последние наши

Убийство Франсуа булочника

Гравюра неизвестного автора

стю сам монарх не может добиться удовлетворения. Наши департаменты явили нам тысячу подобных примеров, и чтобы привести пример, все еще памятный, я упомяну о приговоре, вынесенном по поводу пасквилей, направленных против королевы. Кто может сомневаться в том, что если бы один из председателей парламента не вынужден был вмешаться в это дело, сообщники его не были бы признаны виновными?

Упомянуть ли мне об этой ужасной коалиции королевских парламентов*, которая обнаружилась в целом ряде процессов, особенно же в деле несчастного Лалли? Можно ли представить себе зрелище более возмутительное, чем этот заговор магистратов против правосудия, заговор магистратов, скорее готовых безжалостно предать невинных жертв мечу палача, нежели заставить свое сердце не внимать голосу своих выгод или голосу своего самолюбия?

Пора положить конец этим гнусным беззакониям!

Лучшим средством пресечь их в самом корне было бы для нас принятие английского уголовного кодекса.

Если мы не введем суда присяжных, пусть по крайней мере судебное следствие производится публично; пусть у обви-

ресурсы (которыми мы обязаны исключительно тому доверию, какое внушает всем его неподкупность), поддержал пошатнувшийся кредит правительства, спас честь монарха и предотвратил на некоторое время разорение подданных, разорение всей страны. Этот гнусный план возмутил бы всех честных французов; он вызвал негодование среди почтенных членов парламента и, пресеченный в самом корне, не дерзнул уже вынырнуть на свет божий. Что же выиграли мы благодаря этому? Теперь они во мраке злоумышляют против министра, всячески достойного их восхищения, против министра, которого они почитали бы, если бы могли почитать добродетель. И они уже успели очернить его. Не сумев возбудить сомнения в его бескорыстности, они постарались внушить недоверие к его намерениям. В нелепом пасквиле (сочинение которого молва приписывает им) они исказили, изуродовали несколько цитат, извлеченных из его ценных статей, они произвольно связали эти цитаты и радовались, что в неверном этом изображении представили его самым лютым приспешником деспотизма. Подлые и безрассудные клеветники! Им на мгновение удастся потешить злобу врагов народного блага, но как внушить эту злобу друзьям отечества, как внушить ее всей нации? Как заставить нацию усомниться в намерениях мудреца, который на ее глазах, преклонив колена перед троном, требует воцарения справедливости, мудреца, все помыслы которого направлены лишь к тому, чтобы предоставить нации возможность пожать плоды благих предначертаний короля; мудреца, друга народа, опоры всех несчастных, который ради спасения родины жертвует и спом своим и покоем?

* Эта ужасная коалиция существует во всех департаментах администрации, и благодаря возмутительнейшему произволу каждый администратор сам же является судьей в собственном своем деле.

няемого будет адвокат; пусть двери тюрьмы будут открыты его родным, его друзьям; пусть не обращаются с ним как со злодеем, пока его не убедят в том, что он совершил преступление, и пусть приговор над ним будет произнесен перед лицом неба и земли. *Это пятый основной закон королевства.*

Выработав постановления по всем этим важным вопросам, надо будет заняться вопросом о налоге, по поводу которого я могу сказать одно только слово, а именно: распределение налогов должно быть пропорционально состоянию плательщиков. *Это шестой основной закон королевства.*

Таковы, дорогие мои сопращдане, основные законы*, которые должны составить фундамент конституции и которые обеспечат ваше благоденствие. Священные законы, запечатленные самой природой в сердцах мудрецов, законы, чей благостный голос внятен сердцу каждого добродетельного человека!

Да и кому захочется восстать против них, как не честолюбивым министрам, боящимся просвещения, бесстыдным прела-

* Я ограничиваюсь здесь только указанием основных пунктов первоначальной работы Генеральных штатов, ибо существует еще несколько других пунктов, которые надо будет твердо установить для усовершенствования конституции. Одним из основных пунктов является правильное разграничение различных функций государственной власти. Законодательная власть принадлежит исключительно Генеральным штатам, но множество дел, беспрестанно следующих друг за другом в большом королевстве, позволяет Генеральным штатам осуществлять эту власть только в области вопросов, имеющих общий интерес; во всем же остальном они должны доверить эту функцию монарху, которому вверена была исполнительная власть по делам политического и внутреннего управления, равно как и право назначения должностных лиц. Что же касается судебной власти в делах гражданских и уголовных, то она вверена будет судам. А королевский совет явится той инстанцией, к которой будут обращаться с касационными жалобами по поводу противозаконных приговоров того или иного суда, и ему предоставлено будет право перенести дело в другой суд. Но зато в первой судебной палате Комитет Генеральных штатов королевства будет преследовать судом тех министров и судей, которые нарушают свои обязанности. Государь не сможет ни избавить их от суда, ни помиловать их до объявления приговора. Вторым важным пунктом, заслуживающим особого внимания Генеральных штатов, является коренная переделка уголовных законов. Генеральные штаты должны собрать все, что было написано по этому вопросу, собрать все сведения, рассеянные в целом ряде полезных сочинений, и предложить просвещенным людям королевства поделиться с ними своими планами и соображениями. Благородное, божественное соревнование, в котором автор, забывая о самом себе, чтобы стать только гражданином, должен стремиться лишь к одной награде — к сладостному сознанию, что он работает на благо человечества, к славному подвигу служения своей родине!

там, издаваемым над святыней, неправедным судьям, трещающим перед правосудием, или мошенникам, которые дрожат при мысли, что им придется отказаться от своих плутней и сделаться честными людьми?

Пусть эти враги отечества вопят о новшествах, о свержении монархии. Мы отвечаем им, что мы не вводим никаких новшеств и отнюдь не хотим свержения монархии, а хотим только вернуть правительство к его первоначальному образу и исправить основные недостатки, которые грозят гибелью монарху и его подданным*.

Уж если приходится в наш просвещенный век брать за образец дела веков варварских, дела разбойников, то кто же не знает, что в начале монархии суверенитет был в руках народного собрания, кто не знает, что король был только вождем армии и главою правосудия? Если путем долготелних злоупотреблений той властью, которая вручена была ему, чтобы заставить почитать законы, дерзкие министры, возвеличив его, сделали его в конце концов недостижимым для законов, то случилось это только благодаря целому ряду преступлений и злодейств, иначе как могло бы самовластие сделаться священной формой правления?

Итак, не признавать за монархом права разорять нацию и угнетать своих подданных отнюдь не значит посягать на священные прерогативы короны. Да и какой государь мог бы домогаться таких прерогатив? Какой государь дерзнул бы требовать их? И можно ли сомневаться, что сам Людовик XVI, судя по всему, что он сделал, чтобы разбить оковы инсургентов, рукоплещет теперь этим смелым попыткам нации, стремящейся вырваться из рабства, ее твердому решению вернуть утраченную свободу? Ведь не претендует же он на то, что только он один имеет право угнетать народы. Безумное притязание, от которого с ужасом отшатывается его благожелательное сердце!

Итак, интересы самого короля, безопасность престола и любовь его верноподданных — вот три в равной степени могущественные причины, побуждающие его освятить *основные законы королевства*; добавим к этому еще его любовь к управляемым им народам, его рвение к благу народному и тот сла-

* Ведь не великой же хитрости добиваемся мы от короля, а только законного образа правления, который должен быть установлен самой нацией. В этом будет заключаться превосходство французской конституции над английской, ибо во всякой благоустроенной стране не нация получает свои права от государя, а государь получает свои прерогативы от нации.

достный покой, каким он будет наслаждаться, передав отныне контроль министерских дел национальному совету, единственному ревнителю благоденствия страны и славы монархии.

Если же вопреки всякой справедливости и вопреки всем вероятностям правительство под влиянием вероломных советников откажется торжественно утвердить эти основные законы, без которых Франция никогда уже не воспрянет, то тогда, чтобы образумить его, нации придется прибегнуть к последнему, решительному средству, а именно: отказать правительству во всякой поддержке, установить в каждой провинции свой собственный надзор за сбором податей и сурово карать преступников. Дерзнет ли правительство возмутить умы несправедливым отказом, который может разжечь гражданскую войну и повлечь за собой свержение монархии? Дерзнет ли оно призвать иностранные державы, чтобы они поступили с Францией так же, как поступила сама Франция с инсургентами? Страшный пример, который они всегда должны помнить, — пример тем более страшный, что у Англии-то еще были войска для усмирения своих колоний, а французское правительство не наберет армии, которую оно могло бы двинуть против народа. Внезапное отступление выведет из ее рядов всех военных, достойных уважения; они, конечно, откажутся убивать своих братьев; а откуда правительство возьмет средства на то, чтобы оплачивать презренных наемников, которые останутся ему верными?

Хвала судьбе, нам не приходится бояться этого несчастья: нынешнее министерство составлено из людей мудрых и добродетельных, — удрученные народными бедствиями, сами они искренно желают, чтобы дело справедливости было, наконец, завершено.

В чаянии этого столь желанного дня, когда народ, обуравый радостью, сможет, наконец, воскликнуть: «Я свободен!» — какое восхитительное волнение пробегает по жилам и пронизывает сердце!

О моя родина, какой преобразенной предстанешь ты передо мной! Где же эти несчастные, изнуренные голодом, лишенные крова и домашнего очага, страдаемые отчаянием, которых ты, казалось, отталкивала от своей груди? Где все эти обездоленные, полуголые, изнемогающие от усталости, изможденные люди, населявшие твои деревни и города? Где все эти бесчисленные стаи мздоимцев, которые опустошали твои поля, блокировали твои границы и разоряли твои провинции?

Народ не стонет уже под тяжелым бременем налогов, у пахаря есть свой хлеб и кров, и он дышит полной грудью;

рабочий и ремесленник разделяют его счастливую участь; мастеровой не терпит уже нужды, и ревностный служитель церкви не изнывает в бедности.

Из храма свободы забили тысячи животворных источников. Довольство дарит по всей стране; стремление к благоденствию оживляет сердца. Каждый уверен, что пожнет плоды своих трудов и изо всех сил старается отличиться: искусства совершенствуются, число мастерских растет, производство преуспевает, торговля процветает; земля обогащает своих владельцев, и они живут в достатке; и супружеские четы, которые, страшась нищеты, жертвовали своим потомством, не боятся уже дарить родину свою детьми.

Сколько новых милостей даровано тебе в ответ на твои мольбы! Гнусные законы сменились законами справедливыми, но неумолимыми. Преступление не рассчитывает уже на безнаказанность; воспрянувшая духом невинность начинает уже вкушать заслуженный покой; напуганные злодеи подумывают уже о том, как бы стать честными людьми, и мрачные темницы не оглашаются глухими стонами обреченных, приведенных туда отчаянием.

Голос мудрости обратил в бегство всех этих бездарных администраторов, этих опустошителей, этих взяточников, этих грабителей, которые питались твоею кровью; этих продажных судей, которые торговали правосудием и заставляли его служить преступным своим страстям; этих подлых клеветников, которые оскорбляли добродетель; этих подлых спекулянтов, которые обкрадывали лежковерных простаков; этих праздных интриганов, которые присвоили себе награды, заслуженные трудолюбивым гением. Истинные заслуги уже не замалчиваются, таланты пробивают себе путь и оспаривают друг у друга честь работать на благо страны.

Теперь уже нет места неоправданному пристрастию: монарх в выборе своем руководствуется лишь личными достоинствами людей.

Он удаляет из храмов бесстыдных пастырей; он не желает, чтобы хлеб бедняка был добычей роскошествующих повес, прелестниц и проституток; ему нужны истинные блюстители евангелия, благочестия и нравственности. Какой образцовый порядок дарит в церкви! Святители ее не предаются уже наслаждениям и сладострастию, — они блещут своими познаниями и добродетелями.

Многочисленное дворянство, в праздности своей рассчитывавшее на родовую вотчину, на милости короля, пробуждается

уже от летаргического сна; оно уже отказывается от своей лени и беспечности. Пристыженное заслугами классов, ниже его стоящих, оно старается также добиться признания; оно начинает учиться, культивирует искусство, науки и не успокоится до тех пор, пока не прославится в свою очередь.

Сколько выдающихся людей выполняет различные обязанности! Во главе армии и флота — сама доблесть и военные таланты. В судах блещут знания и неподкупность; в академиях царит любовь к науке, дух исследования, гений. Национальное собрание, прославленное своим патриотизмом, своим благородным рвением, становится колыбелью государственных мужей, и монарх, который прежде почти не мог найти верноподданного, достойного его доверия, не затрудняется уже в выборе тех, на кого указывает ему общественное мнение, ибо все они способны занимать высшие должности, все они жаждут служить своей стране и государю.

Любезная моя родина! Итак, я увижу детей твоих, объединенных в мирное братство, безмятежно отдыхающих под священной сенью законов, живущих в достатке и согласии, воодушевленных любовью к народному благу, очастливленных твоим счастьем. Я увижу их сплотившимися в просвещенную нацию, в нацию справедливую, блистательную, грозную* и непобедимую, увижу обожаемого ее государя на вершине славы.

Кто из вас, о мои сограждане, при виде этого умирительного зрелища не трепещет от радости, кто из вас не разделяет моих восторгов? Но что за печальные размышления внезапно пресекают их полет? Не надо обольщаться: это счастье, видение которого так восхищает вас, должно быть лишь наградой за ваше благоразумие и за ваше мужество. Если у вас нехватит благоразумия и мужества, оно рассеется, как сон, и ужасное пробуждение снова застанет вас в нищете и оковах. О, если б божественный огонь свободы, который всегда пылал в моей груди, мог воспламенить и вас! Если бы он мог удвоить ваши силы и слить всех славных французов в единую душу, в единое сердце!

* Нет на свете климата более благоприятного, чем климат Франции, характера, одаренного более счастливыми свойствами, чем характер ее обитателей. К природным данным французов, которые делают их весьма способными ко всякого рода телесным упражнениям и как нельзя более благоприятствуют развитию умственных способностей, присоединяется еще и любовь к славе, и мы вправе ожидать от французов величайших дел, когда они, наконец, перестанут быть легкомысленными из упрямства и суетными благодаря получаемому ими воспитанию.

Дополнение к «Дару отечеству»

Предисловие

Можно только приветствовать рвение тех публицистов, которые так горячо взялись за защиту интересов нации.

Не знаю, однако, не принес ли этот поток пустых статей, затопивший с некоторых пор нашу публику, больше вреда, нежели пользы, столь прекрасному делу.

Это дает повод опасаться, что, утомляя и отталкивая читателя, они по меньшей мере могут мешать тому впечатлению, которое должны производить подлинно серьезные сочинения; я и сам побоялся бы подобного упрека, если бы меня до некоторой степени не успокоил благосклонный прием, оказанный скромному моему труду, продолжением коего и является данное сочинение.

Среди немногочисленных статей, заслуживающих внимания, едва ли найдется несколько таких, где не рекомендовалась бы какая-нибудь простая административная реформа в качестве лекарства от всевозможных беззаконий и беспорядков, переполнивших чашу народных бедствий. Лекарство слишком слабое для такой серьезной болезни, или, точнее говоря, расчет слишком неверный с точки зрения мыслителя, наблюдавшего вблизи за пружинами правительственного механизма и за игрой политики!

Если бы даже история прошлого не служила нам уроком для будущего и не умудряла нас, то и тогда, поистине, нужно было бы быть очень плохим знатоком людей, чтобы ожидать

спасения страны от преобразования министерства и чтобы ввернуть правительству судьбы нации.

Что же, нам так до конца наших дней и приписывать монархам любовь к благу народному,— любовь, которая должна была бы быть им присуща и которой на самом деле в них никогда и не было? Если бы даже от рождения они были одарены самыми благоприятными наклонностями и получили самое мудрое воспитание, то и тогда опрометчиво было бы вверять им верховную власть, ибо чье, хотя бы даже самое крепкое, зрение не ослепляется мишурным блеском неограниченной власти, чье сердце достаточно чисто для того, чтобы устоять перед этим соблазном? Пусть они превосходят качествами своими даже Тита, Траяна, Марка-Аврелия*,— все равно они не могут ни видеть всего, что творится вокруг, ни вершить единолично все дела. Министры же прежде всего — люди, и слишком часто люди, наделенные всеми человеческими несовершенствами, и, следовательно, поручить все заботы управления попечению хорошей администрации — значило бы строить замки на песке: при первом же дуновении все сооружение рухнуло бы, и нация снова очутилась бы на дне пропасти.

Какие же условия необходимы для того, чтобы упрочить народное благоденствие? Для этого необходимы три условия: создать подданным священные права, стране — непреложные законы, правительству — непреодолимые преграды. А как же создать их, если нация не располагает властью исправлять совершаемые беззакония, если сама она не старается обеспечить себе покой, не заботится о своем счастье? Итак, Франции необходим Национальный совет, облеченный верховной властью,— короче говоря, вместо самодержавного образа правления нужна мудрая, справедливая и свободная конституция.

Таковы средства, которые я осмеливаюсь предложить как единственно целесообразные; напрасно стали бы прибегать ко всяким другим средствам: печальный опыт не замедлил бы обнаружить их несостоятельность и бесполезность. Что же касается осуществления их, то сам я вполне сознаю, что затея эта столь же трудна, сколь и благородна и дерзновенна, но ведь мудростью и отвагой преодолеваются самые большие трудности.

* Разве Марк-Аврелий не принес счастья своего народа в жертву сыну своему Коммоду, ужасный характер которого был ему вполне известен? Он назначил его своим преемником, а ведь он мог усыновить кого-нибудь, точно так же, как и сам он в свое время был усыновлен.

Должен сознаться, что план этот может вызвать некоторое сотрясение в нашем политическом механизме; недаром он так не по душе этим опрометчивым гражданами, которые в своей слепой вере в короля поставили на карту все свое состояние, этим робким людям, трепещущим за свой покой, и этим подлым эгоистам, помышляющим лишь о том, как бы им и впредь мирно наслаждаться всеми прелестями жизни. Исполненные долготерпения, когда дело касается страданий народа, которых сами они не испытывают, они проповедают только смирение, и, умея извлекать из народных бедствий тему для своих разглагольствований, они всегда шумят и негодуют против всякого решительного мероприятия, способного возродить страну; они предлагают тысячи мелких уступок и стараются принести нацию в жертву своим малодушным планам.

Старание успокоить умы — попытка, достойная всяческой похвалы, но надежда преуспеть в этом зачастую остается лишь мечтою благонамеренного человека. К чему скрывать?

Интересы сословий, корпораций, привилегированных орденов несогласуемы с интересами народа; ведь на унижении, угнетении, поругании и несчастье большинства основывает меньшинство свое величие, господство и славу.

Итак, коль скоро народу приходится рассчитывать только на свое мужество, то чтобы заставить его сбросить с себя оковы, отнюдь не следует смягчать в его глазах проступки и беззакония его тиранов; поэтому, опасаясь, что глупая жалость к врагам народа может нанести ущерб народному благу, я и не старался охлаждать пылкость моего пера, но, отдавая его во власть чувству, и сумел подчинить его узде разума и справедливости. Быть может, мне и не следовало сдерживать себя, ибо, как ни сгущены были бы краски картины, она все же была бы бледнее своего оригинала.

Мне небызвестно, что вялые, так называемые рассудительные люди не одобряют той горячности, с какой я выступаю в защиту нации; но разве я виноват в том, что у них нет души?

Равнодушные к зрелищу народных бедствий, они холодным взглядом созерцают страдания угнетенных, судороги несчастных, доведенных до последнего отчаяния, агонию бедняков, изнемогающих от голода, и открывают рот лишь для того, чтобы говорить о смирении и кротости. Как последовать их примеру, если в жилах твоих течет живая кровь? И как последовать их примеру по отношению к врагам, неспособным к ответному великодушию, не внемлющим голосу справедливости, — к вра-

гам, чье сердце глухо к голосу раскаянья? Сколько веков угнетали они народ, и чего добился он за это время мирными своими требованиями? Умерили ли они свою жестокость при виде его бедствий? Поддались ли они умилению, внимая его стонам? Они сильны его слабостью и поэтому так яростно восстают против него и бьют тревогу, как только он заводит речь об их прерогативах. Неужели же для того чтобы добиться покоя, народ должен молча отдать себя им на разграбление и трусостью своею поощрять их к тому, чтобы они и впредь ошивались его кровью?

Не станем добиваться похвал робких критиков; единственное одобрение, которого я жажду,— это одобрение людей мудрых, стойких и великодушных, беззаветно забывающих самих себя ради служения долгу. Их благосклонному вниманию я и предлагаю эти слабые пошутки выразить мою преданность родине, и буду вполне награжден, если мне удастся разработать хотя бы некоторые способы, обеспечивающие народное благоденствие.

Должен добавить, что, стараясь передать читателю воодушевляющее меня рвение, я не пытался создать ему иллюзий; я пренебрег и приемом умалчивания и софизмами — этим оружием, недостойным защитников свободы и не внушающим доверия прозорливым противникам.

Итак, я ничего не утаивал, я обнажил зияющую перед нами бездну, я измерил ее глубину, но я показал также и наши возможности; я рассчитываю на мужество третьего сословия, на благоразумие и добродетель его представителей и не отчаиваюсь в спасении страны.

Точное определение

терминов, которыми обычно злоупотребляют; с приложением некоторых элементарных понятий, необходимых для правильного понимания серьезных политических сочинений, которые могут служить пробным камнем для оценки логики их авторов

Сувереном государства является сама нация в совокупности своей или в лице своих выборных представителей.

Конституция государства есть собрание основных законов, определяющих все виды политической власти и права подданных.

Законодатель есть суверен, осуществляющий законодательную власть.

Правительство * есть средоточие исполнительной власти. В него входят государь, его министры и советники.

Администрация есть осуществление правительственных функций.

Трибуналы суть учреждения, облеченные судебной властью.

В правильно построенном государстве все эти различные функции власти должны находиться в различных руках.

С первого же взгляда очевидно, что суверен был бы в зависимости от своего министра, а нация — в зависимости от прихоти своего правителя, если бы в руках государя объединилась власть законодательная и исполнительная. Подобное объединение может иметь место только вследствие узурпации верховной власти, ибо народ никогда добровольно не сдавался на милость своих правителей.

Таким образом, нация свободна лишь постольку, поскольку она сохраняет свой суверенитет, т. е. поскольку она может обуздывать и контролировать свое правительство. Но ввиду того, что по существу права нации столь же священны и неотъемлемы, как и права человека, она всегда может вернуть их, или, вернее, она никогда их не утрачивает, так как захват власти, хотя бы даже и при тысячелетней давности, никогда не может превратиться в законное право.

С первого же взгляда очевидно также, что трибуналы в правильно построенном государстве должны быть независимы от государя и независимы друг от друга, но все без исключения подчинены суверенитету нации.

И наконец, с первого же взгляда очевидно, что в правильно построенном государстве государь должен подчиняться законам наравне с самым последним из его подданных и не только не имеет права избавлять от власти закона своих министров, любимцев и временщиков, но и сам не может от нее уклониться.

Первая речь

Во времена беспорядков и смут друзья отечества обязаны отдавать ему все свои помыслы, и пока я могу высказать хотя бы одно ценное замечание, я не буду считать себя свободным от этого священного долга. Дорогие мои соотечественники, страстное желание видеть вас свободными и счастливыми вос-

* Правительством называют также форму конституции, которая может быть демократической, аристократической, монархической или смешанной, но какова бы она ни была, образ правления всегда будет самодержавным, если законодательная власть будет в руках дворян или государя.

пламеняет мое сердце и всепожирающим огнем сжигает его и днём и ночью!

Откажемся от предрассудков нашего тщеславия. Обширность и могущество империй, их сила и слава могут льстить гордости монархов, но какое значение имеют они для блага народа? Народу нет до них дела... Народу важно только одно: мирно наслаждаться своим богатством или пожинать плоды своих трудов; ему важно, чтобы правители его были умеренны и справедливы. Стоит ли говорить об этом? Все наши несчастья происходят исключительно от бездарности и порочности этих высокомерных людей, которым вверены заботы о нашем счастье. Да и кто теперь сомневается еще в этом?

Ведь только косности правительства обязаны мы длительным, слишком длительным существованием несправедливых законов, которыми нас угнетают якобы во имя вечной справедливости.

Ведь только злополучному тщеславию правительства обязаны мы всеми этими огромными расходами, вызванными целым рядом безрассудных проектов, безумных предприятий и разорительных войн.

Ведь только высокомерию и слабости правительства обязаны мы этой возмутительной роскошью двора, грабительством придворных, расточительностью государя — всем, что разорило и разоряет нас все больше с каждым днем.

Ведь только беспутству правительства обязаны мы этими невыгодными займами, этими пагубными уловками, этими преступными хищениями, истощавшими и продолжающими истощать нашу родину.

Ведь только бездарности и продажности правительства обязаны мы этой системой взимания налогов, ужасающим грабительством откушников, взяточничеством, вымогательством, подрывающим последние наши силы.

О, если правительство может, наконец, воспринять этот поучительный урок, пусть оно окинет взглядом все бедствия, порождаемые гордыней, беспутством и страстной жадной безграничной власти, пусть поглядит на все наши несчастья, на изнемогающий от нищеты народ, на страну, стоящую на краю гибели, и пусть направит помыслы свои к благу и сделает это вполне искренно!

Как помочь нашим несчастьям? Как уничтожить их в самом корне? Вы скажете, быть может, что надо усовершенствовать администрацию? Но какую же форму ей придать? Можно ли считать надежной ту или иную ее форму, если государь не в состоянии ни выбрать должным образом своих министров,

ни контролировать их? Попытаемся, однако, обсудить этот вопрос.

Монарх может передать ведение дел какому-нибудь одному лицу иверить ему всю свою власть, как поступали прежде наши короли по отношению к первому своему министру, и как поступает теперь султан по отношению к своему визирю. Но такая форма управления часто оказывалась роковой для самого государя, и этого вполне достаточно было, чтобы упразднить ее. Впрочем, нельзя закрывать глаза и на то, что она обычно бывала столь же губительной и для народа и что за несколько блистательных мгновений благоденствия и славы, на которые мог бы рассчитывать народ, ему приходилось расплачиваться долгими веками смут и раздоров.

Монарх может распределить различные правительственные функции между несколькими министрами, как и делают обычно все европейские государи. Но это и есть та форма управления, под игом которой мы стоим уже столько лет.

И наконец, монарх можетверить функции правительства нескольким советам, как это делается в республиках.

Несомненно, последняя форма управления имеет большие преимущества перед обеими предыдущими.

Прежде всего она не в такой степени угрожает общественной свободе. Затем она более надежным образом направлена к общему благу, которое должно являться целью всякого хорошего правительства, ибо докладчикам труднее затушевывать и искажать суть дела перед собранием, где всегда могут оказаться очевидцы, чем перед государем, который на все смотрит глазами своих министров. Поэтому правительственные решения при такой форме управления куда более обоснованы. Налоги не будут уже угнетать народ таким невыносимо тяжким бременем, когда государь сможет быть осведомлен о настоящем положении своего народа и об истинных его нуждах! Сведения же эти государю гораздо легче получить через совет, члены которого не имеют отношения к финансовому управлению и ничем в нем не заинтересованы, чем через министра, которому выгодно потворствовать страстям своего господина и покровительствовать всяким находящимся в чести мошенникам ради собственного обогащения и ради обогащения своих любимцев. Кроме того, в ведении дел не будет уже той волокиты и путаницы, которые обычно вызываются смещением министров, и, порученные нескольким членам совета, ведающим отдельными департаментами, дела будут решаться куда быстрее, чем в тех случаях, когда они ведутся в общей канцелярии.

Если подобная форма управления как будто недостаточно обеспечивает быстроту и тайну ведения дел, то во всяком случае она гарантирует более внимательное и бережное к ним отношение и большую точность и справедливость. Да в сущности она не так уже нуждается в этой тайне и быстроте; преимущества эти куда нужнее плохому, нежели хорошему правительству, ибо дух порядка и предусмотрительности, отличающий эту форму управления, предотвращает зло в самом начале, и тем самым ей мало приходится бороться с его последствиями.

Такая форма управления не угрожает принципам политической конституции, тогда как обе другие, непрерывно разлагая и развращая низшие классы, требуют в то же время полного совершенства от людей, занимающих высшие должности, которые достигаются и отстаиваются только ценою преступлений.

И наконец, такая форма управления не порождает пороков, разлагающих правительство, подрывающих и разрушающих страну.

Таково ее преимущество в республиках. Но в монархии дело обстоит совершенно иначе. Посмотрим, какую пользу принесла она при регенте. Судя по тому, как он начал проводить ее в жизнь, уже ясно было, что ему совсем не важно, чтобы эта система функционировала как можно лучше, и что он совсем не думает о том, чтобы облечь членов парламента той властью, которую он якобы им вверил, а думает только о том, как бы представить их в смешном виде в глазах народа, — и вот, испортив таким образом все, он через несколько месяцев снова переменял порядок управления.

Впрочем, стремление заменить министров советами, в сущности, стремление ретроградное. Рассмотренные мною три формы управления разительно соответствуют трем специфическим формам верховной власти. Подобно тому как всякая демократия естественно приводит к аристократии, а всякая аристократия — к монархии, а всякая монархия в свою очередь — к деспотизму, так и гегемония советов приводит к гегемонии министров, а гегемония министров — к визирству. Вот эта-то исконная тенденция общественных сил к постепенному ослаблению и заставляет власть пускать в ход все пружины своего механизма, а так как к деспотизму обычно приходят лишь тогда, когда все другие пружины уже изношены, то какое же есть основание полагать, что можно заменить эту форму управления какой-нибудь другой, когда никакая форма уже не может удовлетворить нацию, сумевшую вынести это иго? И так, вращаясь в этом заколдованном кругу, правительство непрерывно порождает разлагающие

его пороки, и, подтачивая государство, чтобы усилить самого себя, в конце концов опрокидывает его, как здание, которое вздумали бы укреплять камнями, вынутыми из его же фундамента.

Но что, если советы явятся формой управления, избранной самим монархом, и он действительно верит им свою власть? Можно ли надеяться, что, при могущественном государе, члены этих советов будут менее подкупны, менее солидарны друг с другом в своих действиях, направленных против народного блага? Не окажется ли эта форма управления, возможная лишь при трудолюбивых государях, скорее вредной, нежели полезной для хода дел? Да к тому же какие у нас могут быть гарантии в продолжительности ее существования, кроме воли правящего монарха?

Если по какой-то счастливой случайности судьба возвела бы на престол действительно великого человека, способного принять бразды правления, чем же мы были бы обеспечены от того, что не наступит и для него пора усталости, изнеможения, болезней, старости, дряхлости, и во главе государства не очутится лишь призрак государя, и при существующем порядке престолонаследия и обычно дурном воспитании наследного принца, когда на одного настоящего государя приходится десяток слабоумных, страна не погрузится вновь в омут беспорядков и смут, и народ не окажется снова в рабстве и нищете?

Но оставим праздные мечты. За исключением только некоторых критических моментов, выбор министров всегда будет зависеть от придворных интриг, а ход этих интриг, постоянно меняясь в зависимости от взглядов, проектов и планов кабинета, всегда будет подчинен прихотям изменчивой политики.

Итак, не станем искать ни в одной из этих форм управления спасения от чудовищного произвола бездарного, порочного и продажного министерства. После долгого, жестокого, плачевного опыта, сделанного нами, а до нас* — нашими от-

* Муки, терзающие нас, терзали и наших отцов: правительство всегда пребывало в верности своей политике гнета, насилия, произвола и вероломства. Из тысячи примеров, иллюстрирующих эту печальную истину, которыми богата история наших долголетних бедствий, я приведу только один пример, а именно: волнения, предшествовавшие войне Фронды. В конце царствования Людовика XIII и в начале царствования Людовика XIV беспорядочное управление финансами вызвало в дворянстве, магистратуре и народе такое же брожение, какое оно вызывает и в наши дни. Эпохи, настолько роковые в летописях Франции, что кажется, будто в них только под другими именами, действуют одни и те же лица. Филипп играет

дами, у нас остается одна только возможность спасения: укрыться в храме свободы и дать государству непоколебимую конституцию, основанную на началах разума и справедливости.

Вторая речь

Наконец-то, дорогие мои сограждане, появились они — эти грамоты о созыве, эти желанные, эти долгожданные грамоты!

Как горючимся мы прочесть их! Но, увы, какая грусть охватывает мою душу после их прочтения! Я ищу в них простых и искренних слов нежного отца, желающего добра своим детям,

роль Гастона, примкнувшего в Пуилорезю, Конти — роль Конде, герцога Шабо — герцога Бофора, д'Арьль — кардинала Ретца, Куанье — роль своего предка, Эпремениль — роль Брюсселя, и т. д. и т. д. Что же касается событий, то развитие их в большинстве случаев также вполне аналогично. Парламенты восстали против *наличного расчета*, роптали на разорительное управление Эмери и добились ропотом своим его смещения, как добились теперь смещения Калонна. Затем, опьяненные этим первым успехом, они воспротивились введению *преимущественного налога*, как в наши дни воспротивились введению *поместного налога*. Поступление платежей в городскую думу приостановилось, что весьма легко может случиться и сейчас. Заседания парижского сената, на которых иногда присутствовали приглашенные принцы и пэры, продолжались непрерывно. Ободренный присутствием черни, заполнившей двор ратуши, сенат заговорил более авторитетным тоном и заставил короля отказаться от тайных приказов об аресте. Первый министр и министр юстиции не пользовались любовью; один из них вынужден был бежать, другой был выслан, точно так же, как было и в наши дни. Страсти все более и более разгорались. На этом кончается наше сопоставление. Но закончим историческую картину. Монарх покинул столицу; парламент поднял знамя восстания, ввел налоги, созвал армию — и разразилось сражение при Сент-Антуане. В этом хаосе яростных столкновений честолюбивый сенат, который не переставал похвалиться своими верноподданническими чувствами к государю, решился заговорить с ним как равный с равным и растоптал тех, кому был обязан своим возвышением. Суровость этого аристократического правления казалась уже нестерпимой. Изгнанные министры вернулись в Париж, их встретили радостными кликами, и безумная толпа, бежавшая навстречу старому ярму, снова надела прежние оковы.

Опустим занавес над ужасами всех этих междуусобий, которых народ никогда не умел использовать для того, чтобы вернуть свою свободу. Правительство и магистратура поочередно заискивали перед ним, пока нуждались в его поддержке, но стоило им почувствовать, что они могут обойтись без него, как они тотчас же забыли все свои обещания, и народ снова очутился во власти их произвола. Пора ему, наконец, открыть глаза, пора убедиться в лживости этих клятв, пора перестать быть простофилей, пора почувствовать, что спасение находится в его собственных руках, и мужественно отвоевать свои священные и неотъемлемые права!

Вальи

Гравюра Леваше с рисунка Дюлесси-Берто

Лафайет

Гравюра Леваше с рисунка Дюлесси-Берто

растроганного их несчастьями, возмущенного преступными виновниками их бедствий, собирающегося спасти их от притеснителей, вернуть им мир и свободу,—тех слов, которые проникают прямо в сердце и вызывают слезы умиления. Но вместо этого я нахожу только обычное обращение властолюбивого государя, дела которого пришли в расстройство и который соглашается выслушать челобитную своих подданных только для того, чтобы они в свою очередь помогли ему выпутаться из затруднительного положения; я нахожу только весьма туманный проект восстановления порядка—одним словом, я узнаю этот неуклюжий слог указов и обещаний, настолько обесцененных, что народ, заслышав об отеческих попечениях, уготованных ему монархом, заранее уже оплакивает свою судьбу. Таким ли языком должен говорить справедливый государь, которому теперь уже известно, что только злоупотребление его авторитетом повергло страну в роковую бездну? Как мало души вложили министры в слова государя и какие невеликодушные побуждения они ему приписывают! Не народные бедствия, не горестные стоны его доведенных до последнего отчаяния подданных нарушают его покой,—его тревожит лишь скверное финансовое положение и истощение государственной казны.

Но, подрывая достоинство монарха, они не в меньшей степени подрывают и права его подданных. Нет, не *жалобы* уже, а наши *обиды* принесем мы теперь к ступеням трона, не *просьбы*, а крик возмущения против виновников наших несчастий, не *пожелания*, а требования прав человека и гражданина,—не милости молит теперь народ, а требует и ждет справедливости!

Отец народа, восстановил нас в священных правах, дарованных нам самой природой, помоги нам разбить наши оковы, верни нам свободу, а потом требуй от нас нашей крови,—даже самые суровые жертвы, подсказанные любовью, не будут нам в тягость!

Тут, дорогие мои сограждане, я не могу отделаться от печального размышления. При виде огромного волнующегося народа и этих сложных приготовлений к тому, чтобы сделать доброе дело, я невольно задаюсь вопросом: неужели же так трудно делать добро, когда к тому есть искреннее желание?

Государственную казну расхищают,—сказал бы я государю,—накажите же для острастки других самым беспощадным образом этих грабителей. Финансы расстроены,—упорядочите их вашей бережливостью. Общественные доходы стали добычей откушников,—уничтожьте этих гнусных вампиров. В храм пра-

восудия вселились притеснители народа,—преобразуйте уголовные законы и трибуналы.

Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что бюстителю народного блага достаточно здравого смысла, доброй воли и твердости характера, чтобы уничтожить весь этот вопиющий произвол и направить правительство по правильному пути. А многочисленные партии крамольников, заинтересованные в темных делах? Какое значение могут они иметь, если на стороне государя народные массы, сплотившаяся нация?

Покажите же народу, но не на словах, а на деле, что вы действительно желаете ему добра; начните с уничтожения всего этого великолепия, всей этой праздной роскоши, которые отнюдь не способствуют величию трона и славе монарха, а только разоряют ваши провинции; примите самые решительные меры,—перестаньте осыпать милостями ваших любимцев; отмените эти многочисленные пенсии, добытые интригами и лестью; сократите даже те, которые даются по заслугам; заставьте всех этих откушников, вымогателей, взяточников и грабителей, расхищающих государственное достояние, вернуть все, что ими награблено; предайте их суду народного негодования, и он сокрушит их, не прибегая к силе вашего авторитета, и крамола исчезнет при виде вас, как исчезает легкий туман перед лицом дневного светила. Явив нам эти доказательства вашего рвения к народному благу, вы в случае надобности смело можете рассчитывать на помощь ваших верноподданных.

К чему же клонит вся эта политика? К тому, чтобы выманить у нас деньги и обещать нам удовлетворение наших нужд. Я не стану распространяться здесь, дорогие мои соотечественники, о пунктах устава, касающихся квалификации депутатов от дворянства, о странных комплиментах по адресу всех членов этого сословия, свидетельствующих о том почете, каким оно пользуется; о возмутительном способе передачи прошений на имя государя, который превращает правительство в высшего арбитра, рассматривающего жалобы граждан и устанавливающего их права; о тех широких полномочиях*, которых требуют

* Ввиду того, что по распоряжению пышешего министра финансов все статьи, появляющиеся в печати по вопросу о национальных делах, подлежат строгому разбору, можно предположить что один из пунктов пятой речи «Дара отечеству» послужил поводом к этой статье регламента. Я отнюдь не стараюсь воздвигать преград финансовым операциям этого мудрого министра, добрые намерения которого я всегда готов уважать, но я выступаю в защиту интересов родины, и ей одной принадлежат все мои помыслы. Если безрассудно было бы легкомысленно останавливать ход этих операций, то не

от избирателей для их депутатов, что вскрывает намерение правительства предупредить все, что может помешать его расчетам; о заседаниях Генеральных штатов, которые должны происходить на виду у двора, что угрожает свободе прений ваших представителей. Я оставляю в стороне все эти неожиданные моменты, способные внушить недоверие, и буду говорить только о прямо выраженных намерениях короля. Он хочет *«прибегнуть к совету нации, дабы искоренить всякого рода злоупотребления и предотвратить их достойными и надежными способами, которые навсегда упрочили бы народное благоденствие»*. Поистине, великолепные намерения, но, увы, к чему они сводятся? Судя по всем событиям, вынудившим созвать Генеральные штаты, нам приходится надеяться разве что на новый финансовый план*. Ввиду же того, что ходатайство об обещанной нам общей реформе возбуждено именно министром финансов, мало вероятно, чтобы она распространилась и на все другие ведомства, и еще менее вероятно, чтобы она привела к преобразованию уголовного законодательства, к восстановлению суда присяжных и упразднению чрезвычайных мер. Можем ли мы позволить себе сомневаться в этом после вполне определенной декларации монарха? ** Да и как тут сомневаться? Разве

менее безрассудно было бы также не принимать никаких мер к тому, чтобы направить их ко всеобщему благу, ибо, как бы сильно правительство ни желало осчастливить своих подданных, желание это в значительной степени утратит свою силу, если правительству с самого начала удастся добиться утверждения налогов, и Генеральные штаты безусловно будут распущены, прежде чем они успеют хоть сколько-нибудь обеспечить народное благоденствие. Необходимо поэтому, чтобы нация вменила в обязанность своим представителям не обсуждать вопросов о дефиците, о государственных долгах и налогах, до тех пор, пока не будут утверждены *основные законы королевства*. Во всем остальном им предоставляется полная свобода, ибо для создания справедливой и свободной конституции прежде всего нужны мудрость и добродетель.

* Этот новый план, имеющий целью распределить налоги между гражданами соразмерно их состоянию, будет, без сомнения, чрезвычайно выгоден, но будет ли он обязателен для всех, распространится ли он также на государственные земли, о которых в регламенте не говорится ни одного слова?

** После обнародования грамот о созыве Генеральных штатов надежды мои несколько поблекли, но я отнюдь не изменил своего отношения к государственному мужу, стоящему во главе министерства финансов. Нельзя сказать, что бы он был господином положения и умел устраивать дела так, как ему хочется, имея против себя ужасную коалицию духовенства, дворянства, парламентов и финансистов. Тем не менее, мы должны быть весьма благодарны ему за то, как он исполняет возложенные на него обязанности, и, быть

вы не видите, что реформа должна ограничиться *установлением постоянного и неизменного порядка во всех областях управления*? А это рассеивает, как дым, все наши прекрасные планы, ибо этот постоянный и неизменный порядок, всегда находящийся в зависимости от воли министра в каждом министерстве, может быть опрокинут при первой же перемене и, быть может, не просуществует и двух дней.

Предлагать установление подобного порядка — значит ничего не сделать для облегчения участи народа, ничего не сделать для блага нации. Как же при таких условиях рассчитывать на действительное оздоровление государства, которого мы вправе ожидать от созыва Генеральных штатов?

«Мудрец, если только таковой может оказаться на престоле, откажется от власти или разделит ее с другими; он учитывает свои силы и соразмеряет с ними те функции, которые он берется выполнять». Но то, что сделал бы мудрец, не соответствует тому, что сделает правительство. Оно, говорят, стремится к благу, — охотно верю. Какой ошибкой, однако, было бы воображать, что оно во имя долга спасения отечества и благоденствия народного пожертвует своей любовью к власти и пожелает ограничить ее пределами закона! Итак, вместо того чтобы вернуть нам мир, свободу и счастье, нас будут лечить какими-то паллиативами и предложат нам ту или иную мелкую реформу.

Но то, чего вам, сограждане мои, не удалось бы добиться своими добродетелями, вы сможете получить в силу необходимости. Я говорил уже * и не перестану это повторять: нет государству спасения, нет счастья его подданным без учреждения постоянного высшего совета, которому поручено будет создать для нации справедливые законы, установить права граждан, определить границы королевской власти и наблюдать за деятельностью министров, — а это снова приводит нас к суверенитету Национального собрания как к единственной форме законной, мудрой и благостной конституции.

Итак, вы должны решительно отвергнуть способ действий посредством прошений на имя государя, этот вредный способ, который может уничтожить мнимую свободу, якобы предо-

может, крайней его бдительности обязаны мы тем, что голод опустошил еще нашу столицу. Впрочем, если он когда-нибудь изменит добродетели, я тотчас же перестану быть его защитником. Единственное чувство, которое останется во мне неизменным, — это моя ревность к отечеству и моя любовь к справедливости и свободе.

* См. пятую речь «Дара отечеству».

ставленную Генеральным штатам, сделать их совещания бесполезными и снова поставить судьбу народа в зависимость от решений кабинета. Горе тому, кто тешит себя пустыми обещаниями; произвол будет действительно искоренен, и вы снова вступите в свои права лишь тогда, когда ваши депутаты заключат торжественное соглашение с монархом. Иначе, если даже он и согласится на все ваши требования и подтвердит свое согласие целым рядом указов, спокойствие ваше ничем не будет гарантировано. Новый указ может уничтожить все ваши призрачные права. Вы разоритесь, прибегая на помощь государю, и в конце концов окажетесь еще несчастнее, чем были раньше.

Итак, если вы не примете твердого решения не слушать никаких предложений, касающихся налогов, и не оказывать никакой помощи правительству, пока оно не утвердит торжественным образом *основных законов королевства*,— вы погибнете безвозвратно. Твердое это решение вы должны вменить в священную обязанность вашим представителям; вы должны наметить в этом отношении план их поведения, связать их клятвой*, порукой совести и чести, и тотчас же осудить негодяя, который не сдержал бы своего слова.

Но полно! Не заморожен ли мой взор постоянным зрелищем всех этих гнусных козней, подлых измен и мрачных преступлений, порожденных политикой? Не являются ли жестокие мои опасения попросту ложной тревогой? Луч надежды снова озаряет мое сердце. Дорогие мои сограждане, пусть отвращение к злодеям не делает нас несправедливыми... Нет, не все государи тешатся тем, что обманывают свой народ. Добродетель еще не перевелась на престоле. Честность, правдивость и справедливость избрали своим храмом душу Людовика XVI. Нежным и великодушным отцом хочет он предстать перед своими подданными... Да поможем ему небо возродить перед очами вселенной слишком давно уже позабытый нами пример Тита и Траяна!

Третья речь

Он близок уже — этот день, который навеки останется памятным в летописях Франции, день, навеки благословенный для народа и навеки славный для монарха! Нет, дорогие мои со-

* Они должны торжественно поклясться своим доверителям, что будут руководствоваться их желаниями, не станут поддаваться никаким обещаниям и не будут принимать никаких должностей ни для себя лично ни для своих близких и друзей до тех пор, пока имеют честь состоять представителями нации.

граждане, он не застанет вас спящим,— он застанет вас готовыми к бою, вооруженными мужеством, приносящими на алтарь мудрости жертву природе, справедливости и свободе.

Законы, обеспечивающие ваше благодеяние, должны быть созданы представителями нации, но хотя каждый член Национального собрания может развивать перед ним свои взгляды, однако только председателю принадлежит право установить перечень вопросов, подлежащих решению собрания.

Право председательства составляет одну из прерогатив королевской власти — прерогативу, не представляющую особых неудобств для варварских народов, никогда не выпускающих из рук оружия*, но опасную для мирной и цивилизованной нации. Ибо Национальное собрание, хотя и является верховным законодателем, прозревает лишь с того мгноения, когда сам государь указывает ему предметы, подлежащие его обсуждению, и государь волен сковать его деятельность, воспрепятствовать расследованию совершенных им, государем, злоупотреблений и беззаконий и оставить за собранием лишь право выслушивать его требования, удовлетворять государевы нужды и содействовать его честолюбивым замыслам. Начиная с этого момента, суверен связан тем, что является его поверенным, и страна поставлена в зависимость от своего правителя. Поэтому для сохранения суверенитета Национального собрания необходимо, чтобы государь навсегда лишен был возможности председательствовать в нем** как самолично, так и в лице своих министров, и если конституция и оставила бы за ним некоторую роль в законодательной власти, то роль эта должна была бы выразиться лишь в праве утверждать или отвергать проведенные собранием законы, как это и делается в наши дни в Англии.

Для свободы обсуждения необходимо, чтобы председателем Генеральных штатов был один из их независимых членов; однако им не пришлось бы использовать этого преимущества, ибо, если монарх и не стал бы даже оспаривать своего права на председательство, то на ком же остановился бы их выбор?

Все три сословия, на которые подразделено Национальное

* У воинственного народа эта прерогатива естественным образом принадлежит королевской власти, ибо вполне естественно, чтобы государь, будучи лишь вождем армии, предлагал те или иные задуманные им походы и был душою военных советов.

** Монархи пренебрегают теперь председательствованием в национальных собраниях: они думают, что им подобает представлять только во главе их советов. Что было бы, если бы суверен оставил за нами право присутствовать на этих торжественных собраниях только в качестве рядовых членов государства?

собрание, не объединенные ни общими интересами, ни общими целями, потребовали бы первенства; Национальное собрание, обуреваемое духом раздора, скоро выродилось бы в шумную сутолоку, и народное благо было бы принесено в жертву пустым спорам. Итак, в силу древнего обычая председателем Генеральных штатов будет назначен старший из принцев крови или первый министр. Предоставим же королевской власти прерогативу назначения председателя и займемся вопросами, которые поставлены будут на обсуждение.

Вот тут-то, дорогие мои сограждане, и вынырнут на свет божий замыслы кабинета, и тут-то и должны блеснуть мудростью ваши депутаты!

Нам беспрерывно проповедуют *субординацию**, предлагая *сплотиться вокруг престола и довериться естественным нашим защитникам*. Разумеется, не следует сомневаться в благостных намерениях администрации, *осуждать мудрость монарха и отпалкивать охраняющую нас десницу правительства*,— но ведь только в поступках и обнаруживается чистота намерений, и благодетель узнается по его благодеяниям.

Если правительство действительно имеет в виду только благо народа, то ему должно быть совершенно безразлично, который из двух пунктов будет обсуждаться в первую очередь, коль скоро оба пункта в равной степени имеют целью благо народное и коль скоро для нации это не безразлично. Мало того: если правительство действительно имеет в виду только благо народа, то оно должно стремиться поскорее облегчить тяжкие его страдания и искоренить их причину. Если же, вместо того чтобы с самого начала постараться разбить оковы нации и тем самым обеспечить ей покой и свободу, правительство начнет с предложения обсудить финансовые дела и станет добиваться утверждения налогов для пополнения дефицита, уплаты государственных

* Нет свободы без порядка — говорят нам; — нет порядка без субординации; нет субординации без авторитета власти; нет авторитета власти без временного законодателя. Во Франции же временным законодателем, поверенным по делам государства, верховным представителем, мировым уполномоченным рассеянной нации является монарх. Отлично! Но нация, связанная своим вождем четырьмя этими понятиями — порядок, субординация, авторитет власти, временный законодатель, — обречена на гибель.

Впрочем, не следует смешивать двух случаев: здесь идет речь не об обычном ходе заседаний Совета, но о договоре нации с ее правителем, коль скоро она вынуждена вступить с ним в соглашение; а уж после торжественного заключения этого договора заседания Национального собрания пойдут законным порядком, поддерживаемым учрежденной им полицией.

долгов и обогащения казны, если оно начнет прибегать к уловкам или оказывать упорное противодействие воле собрания, если оно станет продвигать личные свои интересы в ущерб интересам государства, то можно ли будет счесть нежелание пойти ему навстречу за недостаток уважения к временному законодателю? Можно ли рассматривать неподчинение *нисполненной самим провидением власти мирового уполномоченного рассеянной нации как присвоение бунтовщической власти?* Неужели же и впрямь противопоставлять замыслам кабинета непоколебимую решимость означает *водружать знамя восстания на твердых свободах* *.

Пусть нас не уверяют в том, что неотложные нужды государства могут заставить правительство избрать именно этот путь. Самые важные дела, когда от них зависит счастье тех, кто их рассматривает, решаются *очень* быстро. И не все ли равно, начнется ли обсуждение финансового положения несколькими днями позже или раньше? Ибо создание конституции, навсегда обеспечивающей благоденствие страны, потребует всего лишь нескольких дней, если только кабинет не будет чинить этому никаких препятствий.

Какого же плана поведения следует придерживаться представителям третьего сословия? Того, который предписывает крайнюю осмотрительность.

Явиться в собрание во всеоружии спокойной мысли, равно чуждой как слепой доверчивости, так и оскорбительной недоверчивости, но осведомленной по всем вопросам и настороженной против всякого рода неожиданностей, и затем ждать появления государя.

Если он действительно намерен восстановить нацию в ее правах, пусть они благословят его благодеяния, пусть они призывают, склонят, побудят его начать великое дело возрождения страны и поспешат его утвердить.

Если он будет говорить только о преобразовании администрации, они почтительнейше укажут ему на пожелания народа.

* Уважаемый (и вполне заслуженно уважаемый) писатель, чьи слова я привожу, не без основания ополчился *против односторонних людей, способных воспринять только одно какое-нибудь явление или один только момент*, — он попытался учесть совокупность фактов и будущее, он мнил охватить всю картину в целом, но разве нельзя упрекнуть его в том, что он рассмотрел один только ее уголок? Я призываю его снова взяться за красноречивое его перо, несколько шире развить свои мысли, и, присоединившись к истинным друзьям родины, постараться направить общественное внимание на некоторые вопросы, от которых зависит спасение страны.

Если же он будет упорствовать в своих планах, пусть противопоставят ему непоколебимую твердость характера.

Ведь тирания во всем разнообразии своих форм подобна стоглавой гидре; чтобы сразить ее, нужна доблесть Алкида. Ваши депутаты, дорогие мои сограждане, будут рыцарями нации: верховный совет преобразится для них в поле сражения, тысяча врагов поочередно будут нападать на них, но любовь к родине сделает их героями.

Возможно, что дворянство и духовенство, пытаясь обесмыслить созыв Национального собрания или заставить его служить их делам, потребуют, чтобы каждое сословие заседало отдельно. Остерегайтесь этого устарелого, лишнего всякого здравого смысла обычая, которого придерживались лишь во времена феодальной анархии и который повлек бы за собою воцарение прежнего варварства.

Если для спасения страны необходимо, чтобы в первую очередь обсуждались основные законы королевства, то для единства решений необходимо, чтобы все три сословия совместно обсуждали все сколько-нибудь важные дела; это единственно разумный обычай, которого неизменно придерживались в течение нескольких столетий *, когда национальные собрания были поистине национальными. Да и какой другой способ, по совести говоря, можно было бы предложить? Неужели же каждому сословию в отдельности обсуждать дела, имеющие общее значение? И неужели же духовенство и дворянство, требуя этого отделения третьего сословия, пожелают прослыть менее ревностными поборниками свободы, покоя и благоденствия нации и тем самым решатся объявить себя заклятыми врагами народного блага?

Наконец, дворянство и духовенство, быть может, потребуют под предлогом установления равенства, чтобы каждое сословие считалось за один голос; отвергните так же решительно это несправедливое и чуждое положение, которое обратило бы в призрак отвоёванное вами право иметь одинаковое с ними количество депутатов, дабы уравновесить их влияние.

* В 1355 г. все три сословия ходатайствовали о совместном обсуждении дел. В 1356 г. все три сословия заседали вместе, и третье сословие составляло половину собрания. В 1440 г. все три сословия обсуждали дела совместно. В 1483 г. все три сословия обсуждали дела совместно, и этого способа обсуждения постоянно придерживались, начиная с 1355 г. вплоть до 1560 г.— до того времени, пока междоусобица феодальной анархии не искалечила правительства, не разожгла повсюду пламя распри и не предала нацию ужасам гражданских войн.

Если единство решений требует, чтобы дела обсуждались всеми тремя сословиями совместно, то здравый смысл требует, чтобы голосование производилось поголовно,— иначе никакого равновесия в голосовании не будет. Иначе напрасны будут ваши попытки взвесить все претензии и прерогативы, сбалансировать выгоды и убытки различных классов граждан; напрасно будете вы взывать об общественных интересах, напрасны будут и ваши собрания для обеспечения покоя и благоденствия народа,— свобода, оставленная за вами для защиты ваших прав, станет попросту оскорбительной насмешкой; беспомощное третье сословие окажется во власти двух других привилегированных сословий, и нация навсегда обречена будет стелаться под игом горстки притеснителей, избавиться от которого у нее не будет уже никакой надежды.

Таковы главные правила, которыми надлежит руководствоваться в работе Генеральных штатов,— правила, справедливость и мудрость коих очевидны для всякого человека, не ослепленного страстью и не находящегося в рабстве у предрассудков, ибо правила эти основаны на самых элементарных понятиях здравого смысла и на самых элементарных принципах справедливости. Будем надеяться, что и вельможи и прелаты в конце концов не откажутся их признать. Уступив мольбам народа, сделавшись, наконец, простыми гражданами и внимая лишь голосу разума, долга и чести, они присоединятся к вам, как к братьям, и Национальное собрание превратится для них в единую семью, отцом которой явится монарх.

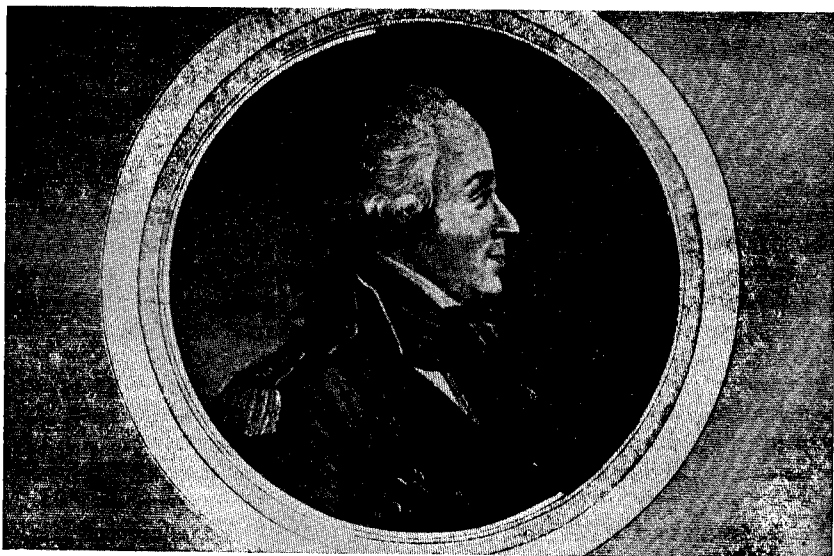
Отстраним от себя, дорогие мои сограждане, все печальные предчувствия. Если же небо останется глухо к нашим мольбам и не искоренит в душе ненавистников губительных их замыслов и несправедливых притязаний, то добродетель поможет вам поделиться благоразумием, стойкостью и доблестью вашего поведения и зрело обдуманном, единогласно принятым образом действий разрушить все планы врагов отечества. О депутаты третьего сословия, вы, на кого устремлены будут все зоры, вы, кому сверит отечество защиту своих кровных интересов, славные хранители последних его надежд, проявите же себя достойными его выбора! Будьте выше мелочных самолюбивых страстей, воздайте возрасту, рангу и сану освященную обычаем дань уважения; не гонитесь за первенством и сосредоточьте все свое внимание только на тех крупных вопросах, которые должны вас занимать.

Время, которое предоставлено будет вам для служения родине, ограничено; смотрите же, не растратьте его на праздные

Неккер

Гравюра Леваша с рисунка Дюлессе-Берто

Дюмурье

Гравюра Леваша с рисунка Дюлессе-Берто

разглагольствования, на легкомысленные споры, на пустые пре-
пирательства; отложите до менее серьезного момента столь есте-
ственное стремление блеснуть красноречием. Пусть до открытия
заседания штатов каждый из вас объединится, сговорится со
своими товарищами. Одушевленные одними и теми же мыслями,
вы должны выбрать из своей среды человека мудрого, стойкого
и красноречивого и поручить ему говорить от вашего имени на
собрании. Не допускайте роспуска Национального собрания до
утверждения *основных законов королевства* и не исследуйте
ран правительства до тех пор, пока вы не разобьете оков
нации*.

О, если священный закон клятвы, если величественный
закон долга, если властный голос чести не в силах одушевить
вашу добродетель, пусть к возвышенной радости сделаться осво-
бодителями своих сограждан присоединится еще сознание уго-
тованной вам вечной славы спасения родины! Счастливейшие
из смертных! Франция, обливаясь слезами, ждет от вас ре-
шения своей судьбы, и на вас обращены взоры изумленной
Европы.

Четвертая речь

Мне хотелось бы, дорогие мои соотечественники, развер-
нуть перед вами пленительную картину тех преимуществ, ко-
торые неминуемо повлечет за собою Национальное собрание,
если таковое будет носить постоянный характер; но здесь я вы-
нужден ограничиться лишь беглым наброском.

Будем же неустанно твердить: единственной законной целью
всякого правительства является благоденствие подчиненных ему
народов, и цель эта всегда могла бы быть достигнута, если бы
не недостаток дарований, честности и бескорыстия у тех, кто
стоит во главе правительства. Итак, в Национальном совете,
куда общественные интересы призывают людей поистине до-
стойных, должно быть сосредоточено больше знаний и добро-
детелей, чем в королевском совете, куда протекция скликает
только интриганов.

Когда министр предлагает кабинету проект, преследующий
личные его выгоды, ему легко соблазнить почти всегда неве-
жественного или ограниченного государя и вовлечь его в самые
гибельные предприятия такими громкими словами, как «честь
короны» и «слава государства». Он тем бесстрашнее в своих

* Эта линия поведения должна была бы быть установлена вы-
борщиками депутатов третьего сословия.

проделках, чем больше он уверен в том, что ему удастся сохранить их в тайне или прикрыть их обманчивой дымкой общественной пользы, если только вообще он в наглости своей не ставит себя выше общественного мнения, возмущения и ропота.

Быть может, нам скажут, что государь всегда вносит в совет решения, заранее уже принятые в кабинете? Если бы это и было так, то неужели же предприимчивому министру трудно, пользуясь поддельными отчетами, всякими благовидными предложениями и оболъстительными доводами, навязать то или иное решение людям, у которых нет никакой охоты добиваться правды и которые всегда готовы содействовать пагубным проектам своих товарищей, в свою очередь также готовых поддерживать их планы, чего отнюдь не может быть в Национальном совете.

Что же, разве члены этого совета не такие же люди, как и королевские министры? И кто может сомневаться в том, что их интересы зачастую расходятся с интересами нации? Допустим, что это так; но в многочисленном собрании, члены которого, являясь представителями разных сословий государства, обычно образованны, внимательны, проницательны и самостоятельны в своих взглядах, тщетно было бы одному человеку добиваться склонить всех остальных к тому, что представляет выгоду для него лично,—это навлекло бы на его только подозрение в продажности и вероломстве. К чему же это приведет? К тому, что частные интересы, встречая со всех сторон упорное противодействие, не смогут уже поколебать интересов общественных, и голос народного блага заглушит все остальные голоса; таким образом, каждый, покоровшись необходимости, пожертвует планами личного своего благополучия ради сохранения своей репутации, и все равно, будет ли это сделано притворно или искренно,—значение, которое подобное явление будет иметь для общественного блага, от этого нисколько не изменится.

Постоянно обманутый внешней стороною фактов, государь во имя своих честолюбивых замыслов жертвует интересами народными. Если же он не честолюбив, то бросает руль правления, доверив ведение всех дел своим министрам, и народ от этого точно так же ничего не выигрывает. Министры, озабоченные тем, чтобы извлечь из всего наибольшую для себя выгоду, и готовые скорее в случае надобности погубить страну, чем лишиться службы, всячески стараются сделаться необходимыми государю, и зачастую избранный ими для этого способ сводится к тому, чтобы погрузить страну в омут беспорядков

и смут или вовлечь государя в войну, из которой ему без их помощи уже не выпутаться и которая дает им возможность под предлогом неотложных государственных нужд притеснять народ, насыщать свою алчность, наживаться на всевозможных сделках, создавать тысячи гнусных монополий и т. д. и т. п.

Все эти беззакония исчезнут с учреждением Национального совета; совет этот, являющийся контролирующим органом администрации, обуздает кабинет и не допустит, чтобы он постоянно жертвовал интересами страны ради замыслов государя и личных выгод его министров. Таким образом, не вызываемые уже преднамеренно войны станут куда реже и куда менее жестоки. Это повлечет за собою множество преимуществ, связанных с более прочным и продолжительным миром: сократятся военные издержки, которые, поглотив доходы страны, долго еще продолжают обременять государство и истощать его подданных; это повлечет за собою также и все преимущества, связанные с возобновлением свободной торговли и с тем, что правительство сможет наконец направить свои силы на процветание искусств, промышленности и земледелия и на создание полезных учреждений, которые увеличат и собственные его доходы и благосостояние народа.

Мало того: министры, находясь под контролем, в свою очередь постараются уже согласовать свою деятельность с общественными интересами; таким образом, у нас будет точно установленный после зрелого обсуждения план действий. Всякий новоиспеченный министр не станет уже считать своим долгом разрушать все, что создано было его предшественником; не будут уже с таким возмутительным легкомыслием отменяться и снова пересматриваться все те же, но преподнесенные в другой форме проекты, и от того или иного предприятия отказываться будут лишь после того, как признают его неудачным, дурным или неосуществимым.

Положение самих министров упрочится. У кормила государства мы не увидим уже новичков, призываемых к управлению делами и упраздняемых, как только они начинают приобретать некоторую опытность.

Принужденные быть осторожными, они перестанут уже полагаться во всем на своих подчиненных, сделаются прилежными и основательно ознакомятся с делами, что даст им в конце концов возможность искоренить те беззакония, которые вносятся в управление всевозможными страстями и предрассудками. Так как их деятельность может быть подвергнута обследованию, они будут заинтересованы в строгом наблюдении за своими

подчиненными, дабы их не обвинили в небрежности или по­творстве, что в свою очередь предотвратит проделки низших чиновников*, у которых уже не будет досуга для того, чтобы устраивать все свои мошенничества, и которые, находясь под наблюдением своих начальников, будут воздерживаться от всяких вероломных и, быть может, роковых для них самих поступков. Таким образом, бдительное око Национального совета будет удерживать в границах долга все департаменты министерства, и деятельность их будет более согласована с общественными интересами.

Чтобы лучше оценить преимущества, связанные с учреждением Национального совета, противопоставим им недостатки самовластного управления.

С одной стороны — постоянные перемены в каждом министерстве; изменчивость как внутренней, так и внешней политики; никакого общего плана действий, имеющего своей целью народное благоденствие.

Никаких гарантий, обеспечивающих неприкосновенность личности от произвола власти.

Никаких гарантий, обеспечивающих неприкосновенность личности от вероломства судей.

Никакой уверенности в возможности насладиться плодами своих трудов, которые становятся добычей целой стаи вымогателей, взяточников и грабителей; уныние, охватывающее всех честных тружеников, угнетение стольких несчастных, постоянное отчаяние народа.

Постепенное ослабление страны и невозможность создать хотя бы когда-нибудь хорошее правительство.

С другой стороны — прекращение всякого рода вымогательства, взяточничества и грабительства.

Уничтожение всевозможных притеснений.

Полная неприкосновенность имущества и личности.

Уменьшение налогов и увеличение народных доходов.

Расцвет земледелия, искусств, торговли и рост населения.

Поощрение всех учреждений, которые могут способствовать славе государя, обогащению страны и счастью народа.

Нет моральной истины более неопровержимой, чем польза

* Не будь у нас такого ужасного грабительства, как мог бы мелкий чиновник, поступающий на службу в военное, морское или финансовое управление с окладом в сто пистолей, нажать за какие-нибудь двенадцать-пятнадцать лет ренту в сорок, пятьдесят, шестьдесят тысяч, продавая поставщикам право на поставки, т. е. на привилегию грабить государство?

Генеральных штатов, при условии, что собрания их будут носить постоянный характер; благотворные результаты, которые будут ими вызваны, очевидны, бесспорны, огромны. Пусть Генеральным штатам дадут возможность просуществовать несколько лет,—этого достаточно будет для того, чтобы они утвердились навеки, ибо каждый успеет убедиться, что личные его выгоды вполне совпадают с общими.

Не стану здесь распространяться о том, какую форму следует придать конституции, дабы сделать ее прочной и долговечной; замечу только, что это будет вполне обусловлено разумным распределением власти в государстве, таким распределением, которое, не ограничивая деятельности правительства и оставляя за ним право на тайну его решений, тем не менее положит предел самовластию и обеспечит гражданам их свободу и мирное пользование всеми их правами, что сделает политическую нашу организацию образцом вполне законченного целого и шедевром законодательства.

Но осуществление этого шедевра возможно в наши дни только при соревновании народа и государя.

Так как обе договаривающиеся стороны взаимно в этом заинтересованы, то препятствовать этому осуществлению могут лишь коварные советы предателей отечества, осаждающих королевский престол. В самом деле, скажут они, ведь передать Национальному совету верховную власть, право законодательства, административного контроля, надзора за министрами и право тормозить славу наших завоеваний* — значит отнять у

* Если война есть жесточайший бич человечества, то горе тому народу, во главе которого стоит честолюбивый государь, обуреваемый жадной завоеваний и распоряжающийся по своему усмотрению казной и армиями; «Завоеватель воюет со своим народом не менее, чем со своими врагами; лавры его, обогранные кровью убитых им сынов отечества, орошены также и слезами измученных нищетою подданных, и, как бы ни решилась судьба сражения, положение победителей немногим лучше положения побежденных. *«Я победил римлян,—писал Аннибал карфагянам — пришлите мне солдат; я наложил контрибуцию на Италию,—пришлите мне денег»*, — таков неизменный припев победоносных генералов. Как же вы относитесь после этого к той глухой радости, которая вспыхивает в народе при известии о новых победах его вождей? Независимо от возрастающего бремени налогов, вызываемых войной, от прекращения торговли и истощения казны, являющихся ее следствием, от обусловленной ею убыли народонаселения и бесчисленного множества несчастных, обрекаемых ею на нищету, война всегда бывает роковой для свободы народа. Прежде всего она отвлекает внимание граждан от внутренних дел и направляет его на дела внешние, и правительство, не чувствуя уже над собою надзора, быстро проводит в жизнь свои планы. Затем

монарха его прерогативы; какова же будет награда за все эти жертвы?

Как! Так, значит, мы отнимаем у монарха его прерогативы тем, что не приписываем ему той власти, которая никогда и не была ему вверена? Так, значит, мы отнимаем у него его прерогативы, лишая его возможности злоупотреблять своей властью, быть несправедливым, когда ему вздумается, морить своих подданных голодом, чтобы обогащать свою казну, осыпать милостями своих любимцев и потворствовать хищничеству своих министров? Так, значит, мы отнимаем у него его прерогативы, стараясь сократить число войн, обуздать свирепость завоевателей — эту убийственную страсть, которая стольким королям служит источником славы и благоденствия? Так, значит, мы отнимаем у него его прерогативы, лишая его возможности запятнать свое царствование взяточничеством, хищничеством, насилием, кровью, убийством и резней, короче говоря — создавая для него счастливую необходимость быть мудрым, справедливым и добрым? И нас спрашивают еще, какова будет награда за все эти жертвы!

Позвольте же, спрошу я в свою очередь этих подлых врагов отечества, разве, ставя государя на место государства, мы

она дает государю возможность смирить непокорных и отделаться от беспокойных подданных. Так как ему больше правится править народом бедным и послушным, чем народом процветающим и свободным, то степенность могущества, которой он добивается, не всегда зависит от военных его удач; иногда ему выгоднее проиграть кампанию, и как ловкий политик он умеет извлечь выгоду из собственных поражений. Он жаждет повелевать, чтобы обогащаться, и жаждет обогащаться, чтобы повелевать, и поочередно жертвует тем из этих двух преимуществ, которое у него есть, ради того, которого ему не хватает; но он добивается каждого из них в отдельности только для того чтобы когда-нибудь объединить их в своих руках, ибо лишь тот является полноправным господином, кто владеет одновременно и золотом и властью. И наконец, война и деспотизм — верные друг другу помощники: у рабского народа берут сколько вздумается денег и людей, чтобы поработить другие народы, и война в свою очередь служит предлогом для всевозможных денежных поборов, а также для того, чтобы иметь наготове большую армию и тем самым держать народ в страхе и повиновении. Таким образом, для блага народов крайне важно, чтобы правительство не имело права ввязываться по своему усмотрению в войну, за исключением тех случаев, когда война носит чисто оборонительный характер». Картина эта заимствована из одного английского сочинения, озаглавленного «Цени рабства» — сочинения, примечательного как по силе, так и по глубине мысли. Говорят, что некое патриотическое общество взяло на себя в настоящее время заботу о его переводе, дабы дать нации возможность воспользоваться заключающимися в нем великими истинами.

неповинны в оскорблении величества? Разве вы не посягаете на честь самого государя, выставляя его каким-то безумцем, который предпочитает управление рабами высокому счастью править свободными людьми, или каким-то гнусным тираном, сожалеющим о том, что не может по прихоти своей предать народ свой притеснениям, грабежам, голоду и всем ужасам войны, или свирепым чудовищем, удрученным тем, что ему некого растерзать?

Итак, единственная жертва, которой нация требует от своего государя, заключается в отказе от тех прав, которых у него нет и не могло бы быть.

Таким образом, новое положение вещей нисколько не уменьшает прерогатив королевской власти и, упрочивая народное благоденствие, навсегда упрочит власть короля, спокойствие и счастье народа.

Честолюбивый государь зачастую негодует при одной только мысли об отречении от самодержавной власти, и он подобен безумному кормчему, который предпочел бы носиться в бурю между подводными скалами, чем укрепить свой корабль на якорях. Чтобы увеличить свое могущество и свои доходы, он продолжает пользоваться обманчивыми возможностями, которые давно уже вводят его в заблуждение, и в конце концов прибегать к таким способам, которые окончательно его губят. Ибо лишь крайние пределы притеснения и беззакония доводят подданных до последнего отчаяния, побуждают народ к восстанию, опрокидывают королевский престол и отдают беззащитную страну во власть предприимчивых врагов. Сколько злополучных государей слишком поздно, в изгнании или в тюрьме, раскаивалось в том, что пожертвовало всем ради этой полной независимости, избавляющей их от власти законов для того только, чтобы подчинить их прихотям изменчивой судьбы*.

Только строгим установлением границ королевской власти могут быть предотвращены подобные несчастия. Итак, всякий государь, осознавший истинные свои интересы, должен быть готов подчиниться разумным мерам, мешающим его власти выродиться в тиранию, и для этих малых жертв требуется только некоторое благоразумие, чтобы почувствовать то, что действительно полезно, и некоторое мужество, чтобы пожелать собственного своего счастья.

Но неужели же в наш просвещенный век надо доказывать,

* Печальными примерами сего являются Тарквиний, Арминий, Марбодий, Катнальда, Ванний, Итал, Хильдерик отец Хлодвига Хильдерик Безумный, Карл I и Яков II.

что даже для государя человеческое и справедливое правитель-
ство куда лучше, чем правительство несправедливое и жестокое,
и неужели, указывая великодушнейшему из королей те меры,
которые могли бы обеспечить народное благоденствие, мы, как
нам говорят, тем самым лишь побуждаем его воспротивиться им?
Предоставим, дорогие мои сограждане, эти оскорбительные подо-
зрения врагам, злоумышляющим против чести Людовика XVI.
Прекрасная его душа не знает преступлений, он гнушается
мерзкими радостями тиранов, он жаждет только славы и знает,
что вернейший способ выделиться из толпы монархов — это
водарить в стране справедливость и сделать подданных своих
счастливыми.

**Проект «Декларации прав человека и гражданина»
с приложением проекта конституции, справедливой,
разумной и вольной**

Права человека

Всякий человек, рождаясь на свет, приносит с собой потребности, способности удовлетворять их, размножаться, постоянное стремление к счастью и безграничную любовь к самому себе: это — повелительное чувство, с которым связано сохранение человеческого рода, но вместе с тем источник раздоров, борьбы, насилий, обид, убийств, одним словом, всякого беспорядка, нарушающего, как кажется, естественный уклад*, а в самом деле расстраивающего порядок общественный.

Все права вырастают только из потребностей человека. Последние всегда дают себя знать, но не так обстоит дело с первыми: чтобы обнаружить их, надо их искать, а поиски эти так трудны, что самые образованные умы редко приходят к одинаковым выводам. Постараемся, однако, развить их.

Человек получил вместе с жизнью непреодолимое стремление сохранить, защитить ее и сделать ее приятной; поэтому он имеет право предпринимать все для ее защиты и присваивать все, что ему требуется для пищи, для содержания себя, для безопасности и счастья.

* Какое бы преступление ни совершил человек, какую бы обиду он ни причинил себе подобным, он не больше нарушает естественный порядок, чем волк, загрызающий овцу.

Как только он научается удовлетворять свои потребности, природа возлагает на него заботу о самосохранении и собственном благополучии; поэтому он имеет право свободно пользоваться всеми своими способностями; став таким образом полным распорядителем всех своих действий, он пользуется неограниченной свободой.

Пока природа в изобилии дает людям пищу и одежду, все идет хорошо, и на земле может царствовать мир. Но когда у одного из них всего недостает, он имеет право вырвать у другого излишек того, что тот имеет в изобилии. Что говорю я? Он имеет право вырвать у него необходимое и имеет право, вместо того чтобы погибать от голода, зарезать его и пожрать его трепещущее тело. Опустим занавес перед этой ужасной картиной, заставим на мгновение умолкнуть голос предрассудка, и пускай нам скажут, что можно возразить против такого вывода, в основу которого положен бесспорный принцип.

Для продления своих дней человек имеет право покушаться на собственность, на свободу, даже на жизнь себе подобных. Чтобы избавиться от угнетения, он вправе угнетать, поработать, истреблять. Для обеспечения своего счастья он вправе предпринять все, и какую бы обиду он ни нанес другим, руководствуясь своей выгодой, он только уступает непреодолимой склонности, заложенной в его душе его творцом.

Этим ограничиваются естественные права* человека, права бесспорные и в меру их способностей равные у всех отдельных лиц, какие бы различия ни внесла в них природа...

Права гражданина

Гражданские права каждого отдельного лица являются, в сущности, лишь естественными правами, уравновешиваемыми правами других лиц и ограниченными в том, чем они могли бы их нарушать. Ограниченные таким образом, они перестают быть опасными для общества и должны быть дороги всем его членам, покой которых они обеспечивают. Отсюда проистекает принимаемое на себя каждым обязательство уважать права

* Человек имеет право размножаться, но может ли он осуществлять его против воли своей подруги? Я этого не думаю. При таком состоянии общества, когда воображение усугубляет власть чувственных желаний, один пол часто совершает насилие над другим, но в естественном состоянии это невозможно; нежная склонность побуждает представителей обоих полов соединяться, и даже у самых лютых зверей самец всегда стремится привлечь к себе самку.

другого, чтобы обеспечить себе мирное пользование собственными; таким образом, общественный договор придает священный характер естественным правам.

Получив от природы одинаковые права, люди должны сохранять и в общественном состоянии равенство прав. Гражданские права включают в себя личную безопасность, из которой проистекает чувство спокойствия ввиду невозможности никакого угнетения, личную свободу, обеспечивающую правильное пользование всеми физическими и умственными способностями, права собственности, которые включают в себя мирное пользование тем, чем обладаешь.

При разумном устройстве общества члены государства должны ввиду тех самых прав, которые они имеют от природы, пользоваться приблизительно одинаковыми преимуществами. Я говорю — приблизительно, так как нельзя требовать строгого равенства, которое не может существовать в обществе и которого нет даже в природе; небо дало разным людям различную степень восприимчивости, ума, воображения, ловкости, расторопности и силы, следовательно, не одинаковые средства трудиться для своего счастья и приобретать блага, которые они доставляют. Но не должно быть иного неравенства богатств, кроме того, которое проистекает из неравенства природных способностей, из лучшего употребления времени или стечения каких-либо благоприятных обстоятельств. Закон должен даже предотвратить слишком большое их неравенство, определяя границы, за которые они не должны переходить. И в самом деле, без известного соотношения между богатствами выгоды, извлекаемые из общественного договора тем, кто не имеет никакой собственности, сводятся почти ни к чему. Какие бы он ни имел заслуги, ему невозможно приобрести богатство, и если он не обладает гибкостью, способностью к интриге, лукавством, он будет лишь прозябать. Таким образом, в то время как богатый, пользующийся уважением, вниманием, покровительством, имеет все радости жизни, в то время как он должен только требовать, чтобы получать, и приказывать, чтобы его слушались, бедный ощущает свое существование лишь как лишения, усталость, страдания. Для него предназначен тяжелый труд, для него — низкие, отвратительные, вредные, опасные ремесла; для него предназначены нужда, рабство, презрение. Самая свобода, утешающая нас в стольких страданиях, ничто для него: слишком ограниченный, чтобы вызывать в ком-либо подозрение, он не понимает счастья быть защищенным от ударов властей, и какая бы революция ни произошла в государстве, он

не чувствует уменьшения своей зависимости, всегда пригвожденный к изнурительному труду. Наконец, если он получает какую-либо выгоду от лучшего управления, то она выражается в том, что он платит несколько дешевле за черный хлеб, которым он питается.

В государстве, где богатства являются плодом труда, умения, талантов и гения, но где закон ничем их не ограничивает, общество обязано обеспечить тем своим членам, которые не имеют никакой собственности, средства к жизни, чтобы они могли кормиться, одеваться, оплатить приличное жилище, на которые они могли бы иметь уход во время болезни и в старости и воспитывать своих детей. Это — награда за то, что они пожертвовали ему своими общими правами на произведения земли, и за взятое ими на себя обязательство уважать собственность сограждан. Но если оно обязано оказывать эту помощь всякому человеку, уважающему установленный порядок и старающемуся быть полезным, то оно не обязано ничем бездельнику, отказывающемуся работать.

В обществе, в котором богатства очень различны и в котором самые большие богатства являются почти все плодом интриги, шарлатанства, милостей, растрат, угнетения других, вымогательств, те, которые обладают избытком, должны оказывать материальную помощь тем, которые лишены необходимого.

В обществе, в котором некоторые привилегированные лица, живущие в праздности, роскоши и удовольствиях, пользуются собственностью бедняка, вдовы и сироты, справедливость и разум требуют также, чтобы по крайней мере часть этой собственности пошла, наконец, по своему назначению при помощи разумного раздела между гражданами, лишенными всего*; честный гражданин, которого общество покинуло в нужде и отчаянии, возвращается в естественное состояние и имеет право требовать вооруженной рукой те права, которые он мог уступить лишь для получения больших; всякая власть, противодействующая этому, тиранична, и судья, приговаривающий его к смерти, только подлый убийца. Наконец, всякий гражданин имеет право на самое точное осуществление правосудия и на лучшее из правительств.

* Если бы этот раздел повелительно не предписывался справедливостью, он бы предписывался разумом, как единственный способ избавить бесчисленное множество несчастных от неурядиц пиццеты и сделать их полезными членами общества, которое они в противном случае начнут скоро потрясать.

Здесь уместно набросать план справедливой, мудрой и вольной конституции *, причем вполне понятно, что она может быть выведена из природы вещей.

О верховном владыке

Верховный владыка не зависит ни от какой человеческой власти и пользуется беспредельной свободой в силу неограниченной свободы, которую каждый из составляющих его членов получил от природы.

Образованный из сочетания своих членов, он может осуществлять верховную власть лишь сочетанием воли их всех, их голосами; действия власти, исходящие от него, называются законами, а проявляемая им власть называется законодательной властью. Народ является, следовательно, в государстве истинным законодателем.

Чтобы сохранить свою верховную власть, он должен сохранить свою независимость. Поэтому созыв его собраний, время и способ их созыва, их продолжительность и проводимая ими политика, способ внесения в них предложений, обсуждения, вынесения решений, а также способ принятия законов, одобрения и обнародования их должны безусловно зависеть от него. Доверить другим заботу о разрешении одного из этих вопросов — значило бы дать им власть поработать и уничтожить его **. Безусловная независимость народа должна, таким образом, составить первый из основных законов государства. Когда законы принимаются единогласно, власть верховного владыки не имеет

* Конституция — это слово, всеми повторяемое и о котором очень мало людей имеют правильное представление. Что такое конституция государства? Это совокупность основных законов, определяющих права граждан, регулирующих разделение разных властей и устанавливающих организацию политического тела. Определение Ла Креьера, принятое, повидимому Национальным собранием, ограничивает понятие конституции правами народа, рассматриваемого как законодатель. Но не может быть конституции без определения границ и без равновесия разных властей, организующих политическое тело. Это настолько верно, что мнимая вольная конституция, о которой он хотел дать представление, не помешала бы главе народа надеть на него ярмо и подвергнуть его ударам самого ужасного деспотизма. Никакое общество не образуется иначе, как с согласия всех его членов, и не существует иначе, как при помощи известной организации. Организованное каким бы то ни было способом, оно называется политическим телом и государством, когда сюда прибавляется понятие занимаемой им страны.

** Для уничтожения верховного владыки достаточно воспрепятствовать народу показываться в собраниях, а гражданам — собираться.

границ, потому что тогда каждый из его членов может делать все, что он желает.

Когда законы принимаются большинством голосов, единственной преградой, перед которой останавливается верховная власть, служат права гражданина, которые она не должна никогда нарушать; это основывается на том, что единственной границей, поставленной в обществе свободе человека, является запрет наносить вред другим. Поэтому права граждан еще более священны, чем основные законы государства.

Так как верховный владыка складывается из всех членов государства, то он безусловный его владыка; ему одному принадлежит в основе верховная власть и от него одного исходят все власти, все привилегии и прерогативы.

В маленьком государстве, в котором образующие верховного владыку члены собираются в одних стенах, участие всех во всем было бы всегда крайне неудобно, иногда невозможно и часто опасно; как много бывает случаев, когда уместно, чтобы одни наиболее мудрые выносили решения! ведь государственные дела недоступны заурядным людям. К тому же, так как народ слишком легко поддается соблазнительным речам ораторов, стремящихся обмануть его в своих интересах, то партии волновали бы государство, и правительство постоянно бы колебалось, не будучи никогда в состоянии укрепиться; оно уподобилось бы судну без якоря, несущемуся по бурному морю и непрерывно гонимому противоположными ветрами.

Если участие всех во всем бывает иногда невозможно в тех случаях, когда все государство заключено в одних стенах, то оно невозможно всегда в тех случаях, когда государство состоит из одной области, и тем более, когда оно имеет большое протяжение.

Тогда нужно, чтобы народ действовал через своих представителей и чтобы он разрешал при посредстве своих начальников, министров, чиновников те дела, которые он не может разрешить сам.

Для выбора своих уполномоченных народ должен собираться; слишком многочисленный, чтобы собраться в одном месте, он должен собираться по округам, так, чтобы в каждом из них собирались лишь живущие там граждане.

Так как всякий гражданин является членом верховного владыки, то он должен иметь право голоса, и одно только рождение должно давать это право; но женщины и дети не должны принимать никакого участия в делах, потому что их представляют главы семейств. Для того чтобы участвовать в госу-

Будь бодра, Мари-Жанна, хорошее время еще придет

Лубок неизвестного автора

дарственных делах, человек должен быть в обладании всем своим разумом; поэтому молодые люди, не достигшие возраста, когда обычно он бывает уже развит, слабоумные, сумасшедшие и старцы, впавшие в детство, не должны иметь права голоса.

Для того чтобы в политическом союзе не было угнетения, нужно, чтобы его члены сговорились по крайней мере относительно установления справедливого и мудрого правительства, а чтобы дела могли двигаться, они должны единогласно постановить, что все вопросы будут решаться большинством голосов.

Голосование должно быть публичным; важно, чтобы масса была просвещена мудрыми, чтобы она знала как вопросы, по которым она должна высказать свое мнение, так и заслуживающих доверия лиц, которым она должна вручить свои полномочия.

Итак, все законы, устанавливающие и регулирующие право голоса в выборах и при вынесении общенародных решений, должны быть основными.

Об уполномоченных верховного владыки

Народ не может иметь других представителей, других начальников, министров и чиновников, кроме тех, которых он сам себе назначает*. Выбранные им, они не имеют права ни замещать тех, которых недостает в их корпорациях, ни назначать себе заместителей. Власть, которую он им доверил, является простым поручением, данным на срок, и права, которые он им дарует, являются простыми прерогативами. Прерогативы эти он никогда не может безоговорочно передать и еще меньше переуступить, когда они имеют своим содержанием какую-либо отрасль государственной власти; это основывается на том, что народ никогда не может слепо довериться своим уполномоченным, что он никогда не может ставить себе иных целей, кроме блага государства, что осуществление всякой власти должно преследовать задачу общего блага, что поколение, предоставившее им эти права, не может распоряжаться правами будущих поколений.

Когда народ объявляет корону наследственной в одной семье граждан, он не отказывается от права распоряжаться скипетром,

* Что бы об этом ни говорили, народ вполне в состоянии хорошо выбрать тех, которым он должен доверить какую-либо часть своей власти, потому что он принимает решения только на основании фактов. Обратим взоры на ряд великих людей, которых афиняне и римляне призвали к кормилу правления в славные времена республики, и убедимся в этой истине.

а лишь заранее указывает тех, которые будут его носителями; постановление это, необходимое в силу повелительных обстоятельств, разум предписывает не отменять, поскольку эти обстоятельства могут вернуться.

Что касается народных представителей, хранителей верховной власти, то даваемое им поручение не только не наследственно, но должно быть непродолжительным, даже если их корпорация становится постоянной.

Поручение же, даваемое судебским должностным лицам и прочим чиновникам, хранителям ограниченной власти, должно быть пожизненным, если только они не провинятся так, что его придется у них отнять; поскольку нет никакого препятствия для продления данного поручения, нужно избавить себя от труда возобновлять его и не лишать себя без нужды познаний, даваемых опытом.

Так как уполномоченные народа должны пользоваться его доверием и каждый гражданин имеет право служить родине, если он обладает потребными знаниями и добродетелями, то их следует брать из всех категорий граждан без всякого различия; при равных познаниях и добродетелях их следует брать из класса самых богатых граждан, потому что в таком случае их богатство становится лишней гарантией их верности.

Итак, право народа выбирать своих уполномоченных, способ их избрания и длительность даваемого им поручения, должны составлять содержание основного закона королевства.

Разделение разных властей в политическом теле

Точное определение границ этих разных властей представляет собой один из самых важных пунктов работы законодателя. От этого зависит общественная свобода. Он разрешен неправильно? В таком случае для уничтожения свободы государю нужно только обратить против нее самые недостатки конституции и захватывать мало-по-малу различные отрасли власти, пока он не достигнет того, что объединит их все в своих руках...

О правительстве

Корпорация, на которую возложена исполнительная власть, имеющая своим предметом международное право, называется правительством; в него входит государь, его советники, министры, чиновники.

Осуществление этой власти заключается в наблюдении за безопасностью государства от внешних врагов, в руководстве

вопросами войны и мира, в заключении договоров, покровительстве торговле, отправке и приеме послов и управлении относящимися к этому делами, так чтобы все направлялось к общественному благу и никогда не нарушались основные законы королевства.

Стоя во главе советов, министерства и армии, король сам выбирает своих советников, министров и чиновников, это не вызывает никаких сомнений, но выбор этот должен всегда падать на способных подданных и никогда не падать на бездарных, подозрительных или ненавистных народу лиц; поэтому его следует делать только выслушав предварительно общественный голос. Возбуждение вопроса о том, не является ли государь их неограниченным господином, означает забвение того, что их функции отражаются на славе и счастье общества, высшим судьей для которых является верховный владыка; это значит забыть, что всякая власть исходит от него, сделать власть правительства независимой, произвольной. Государь не только не имеет права поддерживать против желания народа сделанный им выбор министров, но не может даже сохранять вопреки ему корону. Но так как военные операции, политические мероприятия и переговоры нуждаются для своего успешного завершения в самой глубокой тайне, то министры должны иметь полную свободу действий для организации их и успешного завершения; только по окончании их они должны дать в них отчет, и каждый министр отвечает своей головой за предприятия, проведенные им вопреки законам.

Произвольное пользование армией — это такое злоупотребление властью, против которого нельзя проявить чрезмерной предосторожности.

Народы! трепещите, доверяя кому-либо государственную силу; это смертоносное оружие, переданное во враждебные руки, рано или поздно пронзит вашу грудь, если вы не уничтожите у того, кто им распоряжается, соблазна обратить его против вас.

Чтобы воспрепятствовать злоупотреблению этим ужасным орудием, нужно прежде всего руководить его применением; так, армия должна обязательно приносить присягу в верности народу раньше принесения ее государю*, поклясться никогда не следовать никакому приказу, предписывающему ей поднять против него оружие; все войска должны носить название на-

* Для облегчения этой операции нужно, чтобы Национальное собрание уполномочило муниципалитет каждого города принять присягу от войск, находящихся в его гарнизоне.

циональных, чиновники, нарушающие свою присягу, должны объявляться изменниками родины, их имущество — быть конфисковано, сами они — арестованы, а если бы они скрылись, народ должен высказать одобрение мужественному гражданину, который лишит их жизни.

Но этого еще недостаточно. Веление присяги не имеет большой власти над умом солдата; сколь многие перестают ее соблюдать, покидая знамена!

И что может она сделать против голоса тщеславного, доблестного и любимого войсками государя, который стал бы во главе их, чтобы идти на врага, расточал бы дары, воспользовался опьянением победы для того, чтобы вести их против своего народа, обещал бы им ограбить богатых праждан и воодушевил бы их на борьбу всеми способами, которые могут быть внушены ловкостью и тщеславием. Если римлянам, которым родина была столь дорога, что они перешли Рубикон вопреки голосу долга и крови, несмотря на смертных и богов, презрев ад, то думаете ли вы, что в развращенный век, когда люди не верят больше ни в честь ни в добродетель, армия наемников, возбужденных вином и приманкой добычи, отказалась бы перейти его?

Что нужно сделать, чтобы не иметь оснований бояться армии? Сократить ее и сдержать власть боязнью власти. Следовательно, необходимо организовать очень многочисленную национальную милицию и даже вооружить каждого гражданина, не внушающего подозрений. Необходимо также, чтобы все большие города королевства имели в распоряжении муниципалитета артиллерию, военный обоз и боевые припасы. Наконец, необходимо, чтобы гражданская милиция училась обращаться с оружием и чтобы она сама назначала своих офицеров. Без этого все меры, принимаемые для обеспечения общественной свободы, будут только детской игрой, а конституция, как бы совершенна она ни была в остальном, будет подобна карточному домику, который может быть опрокинут малейшим дуновением. Разверните летописи монархии; вы увидите из них, что в тот самый момент, когда наши короли получили в свое распоряжение наемную армию, они стали превращаться в деспотов. Начиная с Карла VII и до Людовика XVI военный деспотизм отметил себя тысячами кровавых сцен. Что говорю я? Не прошло еще месяца с тех пор, как мы едва не сделались его жертвами. Какая тема для размышлений!

Что касается бунтов, чрезвычайно редких во всех странах, когда они не вызываются несправедливостью и поисками

правительства, то если бы когда-либо была признана необходимой помощь регулярных войск для подавления их в какой-нибудь части королевства, солдаты будут повиноваться только приказам муниципальной администрации, которой одной должно быть поручено наблюдение за поддержанием спокойствия.

От правительства исходят все покушения на общественную свободу; поэтому нужно быть всегда на страже против его замыслов и лишить его предлогов злоупотреблять своей властью. Его можно лишить всех таких предлогов, кроме одного, даваемого ему иногда обязанностью блюсти безопасность государства. Поэтому, когда оно находится в опасности, а предатели злоумышляют против родины и государь позволяет себе несколько решительных действий во избежание промедления, которое произошло бы из обращения к трибуналам, он обязан по истечении предписанного срока передать арестованных судебной палате для суда над ними согласно законам.

О силах государства

Чтобы существовать, государство должно защищаться. Подвергаясь опасности вследствие замыслов соседей или честолюбивых врагов, оно нуждается в силах, способных отразить их.

Силы, которые оно может содержать, не разоряясь, находятся в постоянном соотношении с его протяжением, богатством, населением, потому что, чем более оно могущественно, тем меньше ему угрожает нападение.

Благодаря своему расположению, своим естественным границам, численности и мужеству своего населения, своим союзам и политической системе окружающих ее народов Франция находится в том редком и счастливом положении, что она может ничего не бояться ни от своих соседей, ни от врагов, поскольку она сама не вызовет их на выступление и не будет лелеять честолюбивых замыслов. А так как регулярные войска всегда служат для государей орудием порабощения и подавления народов, для нее в высокой степени важно по возможности сократить их, не уменьшая, однако, безопасности государства. Пусть же она откажется от неистовства побед, всегда составлявших бедствие для других народов и для нее; разве она приобрела когда-либо новую область иначе, как ценой старых? Пусть вместо расширения королевства правительство позаботится, наконец, о его процветании.

Принятие такого плана поведения позволило бы сократить армию до 60 000 человек, которых более чем достаточно для

защиты границ. К этим регулярным войскам можно было бы прибавить в случае надобности 200 000 человек национальной милиции, предназначенной для защиты сел и городов, обучаемой в праздники и по воскресным дням обращению с оружием и военному строю и организованную так, чтобы она не требовала больших расходов*. Одной трети солдатского жалования было бы в мирное время достаточно для побуждения крестьянина и ремесленника к поступлению в солдаты. Что касается богатого или зажиточного представителя среднего сословия, то простой знак отличия произвел бы такое же самое действие.

Осуществление этого плана даст государству учетверенную выгоду приобретения 140 000 полезных граждан, которые будут в противном случае потеряны для него, сбережения громадных сумм, в которые обходится их содержание, получения для постоянной защиты армии из истинных граждан, обеспечения навсегда общественной свободы и значительного уменьшения бремени налогов.

Таковы должны быть сухопутные силы; морские силы должны состоять из достаточно многочисленного флота, чтобы защищать наши берега и острова и оказывать поддержку нашей торговле.

Король, являющийся главнокомандующим армией и флотом, будет иметь прерогативу организовывать их таким образом, какой он признает наиболее соответствующим общественному благу, и производить назначения на все военные должности.

Что касается национальной милиции, то она всегда будет находиться только под начальством ею самой выбранных офицеров.

* Надо тщательно избегать подражания порядку, принятому в парижской наемной милиции; порядок этот так разорителен, что общих доходов Пруссии и Швеции едва хватило бы для содержания на такую широкую ногу двухсот тысяч человек. Особенно высоки штабные оклады, так что здравомыслящие лица несколько смущены духом экономии, одушевляющим военный комитет. Если бы во время издания своих работ указанный комитет был составлен из претендентов на места, можно было бы подумать, что эти добрые патриоты не забыли о себе. Но по непомерной сумме, которую его члены предложили Лафайету в качестве генеральского жалования, видно, что эти господа не умеют рассчитывать, что они отдадутся на волю своего беспредельного рвения, желая почтить вниманием копелек своих сограждан и не задумываясь ни одной минуты над глубокой нищетой народа. Впрочем, я, вероятно, неправ, недостаточно восторгаюсь способом, каким повсюду защищаются интересы бедных людей. Кто же они такие? Может быть, члены комитета, подобно Мидасу, обладают даром превращения в золото всего, чего они касаются?

Король не будет иметь права соорудить ни одной крепости, ни одного укрепления или порта без согласия Национального собрания. Он не возведет ни одного форта внутри королевства.

Что же касается прежних укрепленных мест, которые он захочет восстановить, то муниципалитеты будут иметь право уничтожать части укреплений, доминирующие над городами, и с которых их можно обстреливать и бомбардировать.

Пороховые склады и заводы будут находиться под управлением столичного муниципалитета, который будет снабжать другие муниципалитеты королевства по приказам, подписанным всеми их должностными лицами, а войска будут управляться по приказам военного и морского министров.

О доходах государства

Деньги не менее необходимы для защиты государства, чем сухопутные и морские силы. Без них политическое тело было бы бездейственно и безжизненно.

Доход этот составляется из сумм, уплачиваемых государству каждым гражданином для покрытия издержек правительства и национальных расходов.

Разумно и справедливо, чтобы все подданные несли свою долю государственных повинностей; это — возмещение за охрану их личности, свободы, чести и богатства, одним словом, возмещение всех выгод, извлекаемых ими из общественного договора. Таким образом, всякое привилегированное лицо является в политическом строе уродом, если только оно не возвращает государству в виде безвозмездных услуг эквивалента того, что оно должно ему в виде прямых налогов.

В класс плательщиков налогов должны входить все граждане без различия, за исключением государя, и каждый должен платить пропорционально своему богатству.

Тот, кто, имея лишь физически необходимое, ничего не может от него отрезать, ничего и не должен государству, или, вернее, уплачиваемый им налог сводится к пошлинам, взимаемым с потребляемых им предметов. Таким образом, только на излишках граждан можно построить прямые налоги.

Налогам должны облагаться три различных объекта, именно — произведения природы, произведения ремесла и лица, следовательно, они должны основываться на землях, домах, товарах и на душах.

С земель нужно платить пропорционально приносимому ими доходу, что предполагает существование кадастра, в котором бы они различались по своему качеству.

С домов нужно платить пропорционально их удобству, от-
делке роскоши, пристройкам, как дворы, террасы, цветники,
сады, парки, достопримечательности, картинные галереи и т. д.,
что предполагает особый кадастр.

С товаров нужно платить пропорционально их наименьшей
полезности, что предполагает такой тариф, в котором пред-
меты первой необходимости обложены легко, предметы менее
необходимые обложены больше, а предметы, удовлетворяющие
фантазии, стремлению к роскоши и пышности, высоко обложены.

Лица должны платить пропорционально своему доходу или
пенсии, своему движимому имуществу или сословию, к которому
они принадлежат, что предполагает особый тариф.

Различные случайные причины могут способствовать тому,
что очень плодородная земля приносит очень небольшой доход
или не дает никакого дохода, в то время как неплодородная
земля приносит большой доход. Для обеспечения государству
дохода без поправки прав бедняков, нужно облагать земли по
областям и округам; провинциальные штаты должны распре-
делять доли между округами, а окружные общины — ме-
жду отдельными собственниками пропорционально плодородию
земель.

Может наступить такой год, когда не только собственник
ничего не должен будет платить, но община должна даже будет
притти ему на помощь; это относится к тем лицам, урожай
которых был поврежден бурями и паводками или уничтожен
непогодой.

С ввозных товаров, являющихся предметом внешней тор-
говли, нужно платить только на границах, где устроены та-
можни. С товаров, являющихся предметом внутренней тор-
говли, должны платить: с одних товаров — производящие их
лица при сдаче их, с других — потребитель, но последние по-
шлины входят в подушное обложение.

Слуги, подручные, рабочие, ремесленники, не имеющие ра-
бочих, не платят никакой подушной подати.

Ремесленники, художники и торговцы платят подушную по-
дать пропорционально числу их рабочих, размеру их торговли,
величине их прибыли.

Всякий рантье платит подушную подать, соответствующую
его образу жизни. При одном слуге он облагается легко, при
двух — платит вчетверо, при трех — в восемь раз больше и так
далее пропорционально.

С одной лошади платится умеренный налог, с двух лоша-
дей — вчетверо, с трех — в восемь раз больше и т. д.

С дорожной кареты платится умеренный налог, с городского экипажа — вдвое, с кабриолета платится вчетверо больше. С двух колясок платится в четыре раза больше, чем с одной такой же, с трех — в восемь раз больше и т. д. Эта часть законодательства, относящаяся к финансам, требует при изложении бесконечных подробностей, а в проекте конституции можно указать лишь общие положения.

Взимание налогов должно производиться самым простым и дешевым способом. Главные сборщики назначаются провинциальными штатами, простые сборщики — округами; выбор должен падать только на зажиточных и безупречных граждан, имеющих хороших поручителей; вознаграждение их будет очень умеренным, но особый знак отличия, жалуемый им по истечении известного времени, явится наградой за их службу.

Когда государственный долг будет погашен, налоги уменьшатся, и общая их сумма будет установлена на основании истинных нужд государства, потому что с народа следует взимать лишь то, что действительно необходимо для общественного дела.

Статьи из газеты «Друг народа» за 1789 г.

Разоблачение проекта усыпить народ и помешать созданию конституции

(«Друг народа» № XI, 21 сентября 1789 г.)

За те четыре месяца, что открыты Генеральные штаты, в них обсуждали тысячу мелких вопросов и произнесли тысячи речей*, приветственных, поздравительных и хвалебных, причем наиболее плодовитые ораторы исчерпали все виды красноречия; но конституции, предмету желаний всей Франции, не посвящена еще ни одна статья.

Правда, Национальное собрание приняло некоторое количество мелких постановлений, превознесенных до небес бездельниками и принятых с энтузиазмом наименее просвещенными классами народа,— постановлений, редактирование которых будет еще занимать его внимание, после того как они отнимали у него так много времени.

Не будем поверхностно касаться этих вопросов.

В заседании 4 августа Виконт де Ноайль заметил, что смуты, удручающие Францию, вызванные всякого рода бедствиями, могут быть успокоены только посредством облегчений и благотворений, и предложил отмену феодальных прав, тяготеющих над лицами, и выкуп тех прав, которые относятся к

* Потерю времени, вызванную этим стремлением блистать, семь месяцев тому назад предвидела брошюра «Дар отечеству», равно как большую часть злосчастных событий, происшедших с тех пор, как например, покушения правительства, подпавшего под власть коварных советников, измена армии, бывшая следствием этого, козни аристократов, опустошение их поместий и т. п.

День 5 октября 1789 г. в Версале

Лубок неизвестного автора

землям. Это предложение вызвало энтузиазм, который в один миг охватил всех, и скоро депутаты стали оспаривать друг у друга слово, чтобы предлагать, выдвигать и выражать согласие на жертвы. Так были приняты: отмена *сеньюральных судов*; отмена добавочных прав и подтверждение запрещения владеть сразу несколькими бенефициями, выкуп господских прав духовенства; отмена прав охоты и рыбной ловли; предоставление всем гражданам права убивать дичь, вредящую их владениям; отмена сеньюральных десятин; уничтожение голубятен; отмена прав мертвой руки в Мон-Юра и в Франшконтэ; отмена всех пенсий, не обусловленных доказанными заслугами; пропорциональная раскладка всех налогов на все земли, считая за 6 месяцев до настоящего момента; освобождение от всех налогов ремесленников, не имеющих подмастерьев; отмена продажи и наследственной передачи судебных должностей; допущение всех классов граждан ко всем должностям — церковным, гражданским и военным; прекращение всех процессов в связи с сеньюральными правами до выработки конституции; отмена всех привилегий провинций и абсолютное подчинение их законам и повинностям, установленным представителями нации.

«Вот, — говорят нам, — что сделало Национальное собрание для Франции и человечества за одно только заседание, за один только вечер; возвышенная борьба справедливости и великодушия; великолепная сцена, заслуживающая быть увековеченной и служить примером для всех народов».

Перед закрытием заседания герцог де Лианкур предложил ознаменовать его медалью со следующей надписью: «*В память отмены всех привилегий и полного объединения всех провинций, всех граждан*». Архиепископ Парижский предложил ознаменовать его преклонением колен перед алтарями и пением благодарственной молитвы, а граф де Гюи предложил установить ежегодный праздник в тот день.

Наконец, граф Лали-Толландаль предложил дать Людовика XVI в заседании Национального собрания наименование *Восстановителя общественной свободы*.

Без сомнения, следующие один за другим акты справедливости и благотворительности, продиктованные чувством человечности и патриотической любовью, жаждущей проявить себя, должны были довести до крайних пределов восторг зрителей, и перед лицом этой борьбы великодушия, стремившегося превзойти самое себя, энтузиазм должен был дойти до высшей точки. Так ли было на самом деле? Поостережемся оскорблять

добродетель, но и не дадим никому одурачивать нас. Если чувство благотворительности продиктовало эти жертвы, то надо признать, что оно несколько поздно возвысило свой голос. Как! Ведь при свете пожаров своих подожженных замков они великодушно отказываются от привилегии держать в оковах людей, вернувших себе свободу с оружием в руках. Ведь это при виде казни грабителей, взяточников, верных слуг деспотизма они имеют великодушные отказаться от сенъоральных десятин и больше ничего не требовать от несчастных, которым почти нечем жить. Ведь только услышав проскрипционные списки и при виде участи, ожидающей осужденных, они оказывают нам благодеяние, упраздняя кроличьи садки и разрешая нам не отдавать себя на съедение животным.

Допустим, что, движимые добродетелью, они совершили то, что легко можно было бы приписать страху*; но признаем, что значение этих жертв, так превознесенных в первый момент радости, было несколько преувеличено.

Мы не скажем здесь ничего ни о моменте, избранном для отмены охотничьих привилегий, ни об ужасных опустошениях, какие причиняло на полях множество охотников на всей территории охотничьих участков.

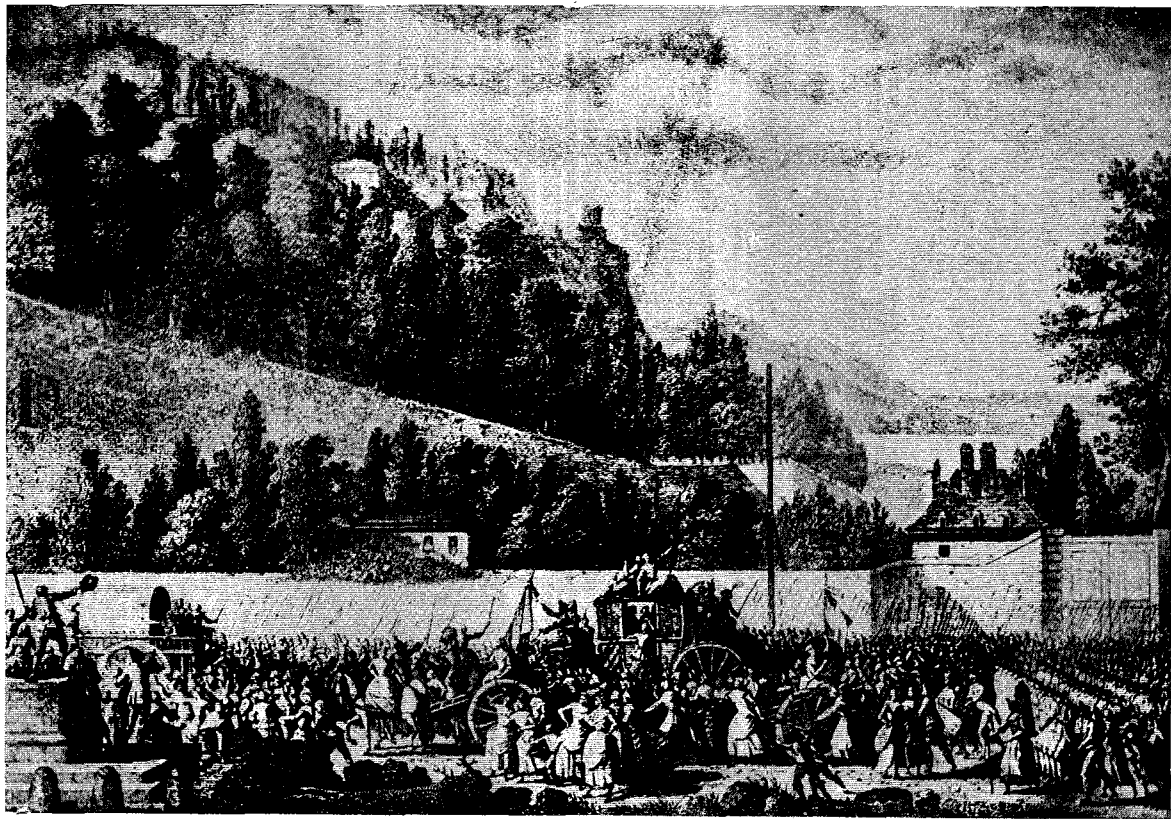
Мы не станем противопоставлять искренность, проявленную при принесении своих жертв низшим духовенством и депутатами третьего сословия привилегированных провинций, желанию, какое проявили высшее духовенство и депутаты дворянства, сохранить воспоминание о принесенных ими жертвах, точно они сами были удивлены своим великодушием, и оговоркам, какие они затем хотели установить, точно они прониклись сожалениями.

Мы не станем напоминать о сражении, какое дали им депутаты третьего сословия, чтобы жертвы эти были окончательно зафиксированы.

Наконец, не станем указывать, что бичи и бедствия, истинные причины смут, беспечность правительства, хищничество монополистов, грабежи администраторов, взяточничество чиновников, черные заговоры врагов отечества, притеснения, чинимые большим числом привилегированных,— бедствия, которые почти совсем не облегчают принятые жертвы.

Мы не можем удержаться от некоторых замечаний, вполне уместных, насчет размеров этих жертв. Нужно ли доказывать,

* Я делаю исключение для великодушного отказа от добавочных прав и двойных бенефиций, чему пример дали некоторые добродетельные священники, а также для отмены всех привилегий городов и провинций.

Парижские женщины отправляются в Версаль за королем 5 октября 1789 г.

Гравюра Берто с рисунка Приера

что они большей частью иллюзорны. И прежде всего отмена всех привилегий, которую возвещает надпись на проектируемой медали, действительна ли она, если она соединена с выкупом сеньюоральных прав, с выкупом феодальных прав баналитета и на земли?

Что касается права мертвой руки и других феодальных прав, тяготеющих над лицами, этих чудовищных злоупотреблений, прикрашенных громким названием «право», то они неизбежно должны исчезнуть в результате провозглашения основного закона, устанавливающего индивидуальную свободу.

Что касается отмены прав охоты, кроличьих садков, голубятен, сеньюоральных десятин и т. п., то эти вопиющие злоупотребления тоже должны исчезнуть вместе с провозглашением основного закона, который обеспечит каждому гражданину пользование своей собственностью и который установит пропорциональное распределение налогов.

Разве после установления гражданской свободы сеньюоральные суды не станут привилегией, столь же ненужной, как и обременительной. Таким образом, жертва, выражающаяся в отмене их, сводится к нулю.

Точно так же почти все эти отдельные привилегии неизбежно исчезают вместе с провозглашением общих законов, которые должны их отменить. С какой же стати сделали их предметом стольких специальных постановлений?

Не дадим ослеплять себя ложным блеском, и вопреки всем медалям, торжествам, общественным молитвам, предлагаемым для ознаменования этих великих жертв, сумеем должным образом оценить их.

Если принять во внимание, что большая часть объявленных уступок может произвести свое действие только в будущем, что ни одна из них не ведет к быстрому облегчению бедности народа и бедствий, испытываемых государством; если принять во внимание, что несчастные в данный момент нуждаются в хлебе; если принять во внимание убытки с земель, явившиеся следствием отмены охотничьих привилегий; если принять во внимание потерю драгоценного времени, вызываемую вечными претензиями по поводу этих частичных уступок, — прениями, которые замедляют великую работу над конституцией, этим единственным средством установить мир, доверие, кредит, безопасность, и свободу, увековечить общественное счастье; если принять все это во внимание, то придется пожалеть, что Генеральные штаты потратили на эти мелкие вопросы время, предназначенное на великие дела.

Со всех сторон мне пишут, что эта газета вызывает большие скандалы: враги отечества кричат о богохульстве, а робкие граждане, которые не испытывали никогда приливов любви к свободе или опьянения добродетелью, бледнеют при чтении ее. Признают, что я имею основания нападать на подкупленную фракцию, господствующую в Национальном собрании, но хотели бы, чтобы я сохранял при этом умеренность; это равносильно порицанию солдата за то, что он вступил в отчаянную схватку с вероломными врагами.

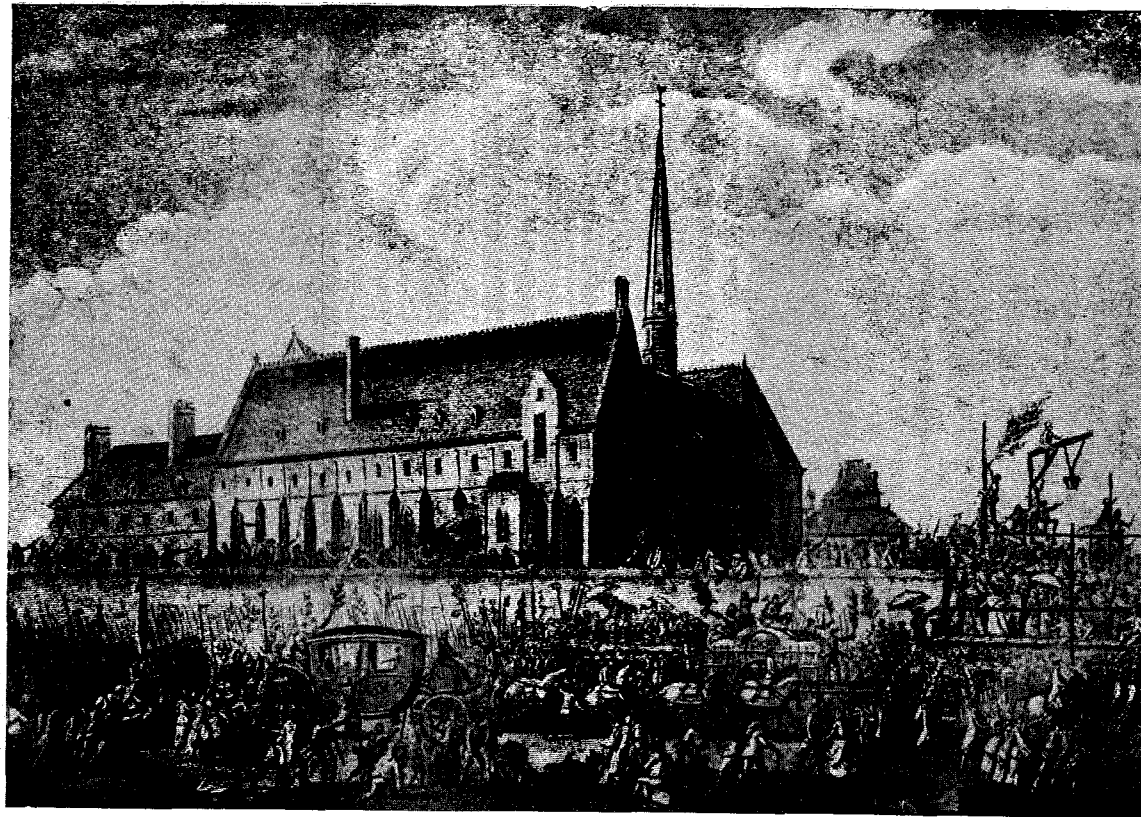
Возможно также, что обо мне судят с некоторой долей легкомыслия и без сомнения изменили бы свое мнение, если бы знали факты. Вот некоторые из этих фактов, которые полезно не забывать. До тех пор, пока я полагал, что вижу в Национальном собрании граждан, преданных служению государству, я питал к нему уважение, какое внушают общественные добродетели. До тех пор, пока я усматривал в Национальном собрании устойчивое, но мало просвещенное стремление делать добро, я относился к нему со всей почтительностью, какой заслуживает лояльность; я трудился над тем, чтобы наставить его на путь благих принципов, и из опасения подорвать доверие к нему народа я адресовал ему свой труд непосредственно*. Но когда я увидел, что собрание упорно продолжает идти гибельным путем, я последовал велению своей совести, публично обратившись к нему со своими замечаниями**. Наконец, когда я не мог скрыть от себя преступный план, составленный вражеской партией,—принести нацию в жертву государю, а общественное благо—алчности кучки честолюбцев, исчезла какая бы то ни была щепетильность. Я видел только опасность, грозящую отечеству, его благо сделалось моим высшим законом, и я поставил себе долгом вызывать тревогу—единственное средство помешать тому, чтобы нация низверглась в пропасть.

Так или иначе, я обязан представить своим читателям мое исповедание веры; я сделаю это с искренностью человека, не умеющего притворяться, но больше я уже не стану возвращаться к этому. Прощу помнить это.

Истина и справедливость—мои единственные божества на

* Я имел честь написать милостивым государям из Национальных штатов более двадцати писем, которые я когда-нибудь опубликую.

** См. «Moniteur Patriotique», издаваемый Аллеманом в Пале-Рояле.

Король приезжает в Париж в сопровождении толпы 6 октября 1789 г.

Гравюра Берто

земле. Я различаю людей только по их личным качествам. Я преклоняюсь перед талантами, я уважаю мудрость, я восхищаюсь добродетелями. В человеческих почестях и пышности я усматриваю лишь плоды преступления или игру счастья; всегда я презирал божков удачи и никогда не льстил идолам власти; какими бы титулами ни был украшен властитель, поскольку за ним нет заслуг, он мало стоит в моих глазах, и, поскольку он лишен добродетелей, в моих глазах он служит лишь предметом презрения.

Добрые патриоты опасаются, как бы не была закрыта моя газета. Это могли бы сделать сообщники деспотизма. Но пусть они посмеют тронуть ее. Они знают, как мало я их боюсь. Я и не считаю их столь глупыми, чтобы они таким образом объявили себя врагами общественного блага и изменниками отечества. В борьбе запутанных прений народу приходится всего ожидать от уловок своих врагов, и ему не на что надеяться: ни на свои силы, ни на свое мужество, ни на свою смелость. Он будет пойман в капкан, если не увидит его; ему нужны поэтому люди, опытные в политике, которые днем и ночью бодрствуют на страже его интересов, защищая его права и заботясь о его благе; я буду посвящать ему все свое время.

Борясь против врагов государства, я буду беспоощадно нападать на мошенников, буду разоблачать лицемеров, буду изобличать изменников; я буду отстранять от общественной деятельности жадных людей, спекулирующих своим притворным усердием, и бездельников, неспособных служить отечеству, подозрительных людей, на которых оно совсем не может полагаться. Какой бы суровостью ни отличалось мое перо, оно будет страшно только для пороков, и что касается даже злодеев, то оно будет уважать истину; если оно отклонится на минуту от нее, оскорбляя невинность, то пусть накажут опрометчивого — он под рукой закона.

Я знаю, чего должен ожидать от толпы злых людей, которых я восстановлю против себя; но страх не имеет надо мной никакой силы; я посвящаю себя отечеству и готов пролить за него всю мою кровь.

Опрометчивый проект о военном положении

(«Друг народа» № XXXIV, 10 ноября 1789 г.)

Какая адская фурия заразила своим отравленным дыханием представителей Коммуны? Безумцы! Неужели вы думаете, что кусок красной материи укроет вас от последствий обществен-

ного возмущения? Неужели вы думаете, что несколько преданных приспешников защитят вас от справедливой ярости ваших сограждан? Народ никогда не продается, а армия тем более не продается. Подкупленная государем, она перешла на сторону нации; подкупленная городским управлением, она перейдет на сторону народа. Таково веление разума, таков плод просвещения. Ваши происки подмечает еще только опытный взор философа, но скоро они станут бросаться в глаза толпе. Она уже чувствует тяжесть вашего ига; она уже обвиняет вас в своих несчастьях, и если она поймает вас на ошибке, она отдастся своему отчаянию, — и тогда вам навсегда придет конец. Вспомните децемвиров. Их господство было кратковременно; ваше будет еще более кратковременным; вы подражали их преступному поведению, я предсказываю вам такой же конец...

З а м е ч а н и я р е д а к т о р а

Робкие граждане, люди, любящие спокойствие, счастливы наших дней, пиявки государства и все мошенники, живущие за счет общественных злоупотреблений, ничего не боятся так сильно, как народных мятежей: мятежи грозят разрушить их счастье, установив новый порядок вещей. Ввиду этого они постоянно выступают против энергичных писаний, против резких речей, одним словом, против всего того, что может дать почувствовать народу его нищету и напомнить ему его права.

Такова мораль людей, обладающих солидным положением и влиянием. Среди злоупотреблений власти и ужасов тирании они говорят только для того, чтобы успокоить народ, стараются только помешать ему отдаться своей справедливой ярости. У них имеются для этого вполне основательные причины, даже больше — предлог, способный производить впечатление на ограниченных людей, но не имеющих значения в глазах людей образованных; я говорю о трагических сценах, какими почти всегда сопровождаются народные восстания.

Каков бы ни был ужас, который наполняет их душу и который они стараются внушить другим, вот некоторые соображения, которые действуют успокоительно на людей рассудительных.

Во-первых, народ поднимается только тогда, когда он доведен до отчаяния тиранией. Каких только зол не терпит он, прежде, чем мстить за себя. И притом его месть всегда справедлива по существу, хотя она не всегда разумна по своим последствиям, тогда как утешение, которое он выдерживает, имеет своим источником преступные страсти его тиранов.

Аллегория свободы

Иллюстрация из старинного издания

И, затем, разве можно сравнивать небольшое число жертв, которые народ приносит во время восстания на алтарь справедливости, с тем неисчислимым множеством людей, которых деспот доводит до нищеты или которые становятся жертвой его жестокости, его жадности, его честолюбия и капризов. Что значит несколько капель крови, пролитых чернью во время нынешней революции для того, чтобы вернуть себе свободу, в сравнении с потоками крови, пролитыми каким-нибудь Тиверием, Нероном, Калигулой, Каракаллой или Коммодом, в сравнении с потоками крови, пролитыми из-за мистического безумия Карла IX, в сравнении с потоками крови, пролитыми преступным честолюбием Людовика XIV? Что значит разграбление нескольких домов толпою в сравнении с обирательством, какое вся нация испытывала в течение пятнадцати веков при трех династиях наших королей? Что значит разорение немногих отдельных лиц в сравнении с миллиардом людей, разоренных откупщиками, вампирами, расхитителями общественного достояния?

Освободимся от всех предубеждений и посмотрим.

Философия подготовила, начала, покровительствовала нынешней революции — это бесспорно. Но писаний недостаточно, нужны действия... И потому — чем мы обязаны свободой, как не народным мятежам?

Именно народный мятеж, начавшийся в Пале-Рояле, положил начало переходу армии на сторону народа и превратил в граждан двести тысяч человек, из которых власть сделала своих приспешников и из которых она хотела сделать убийц.

Именно народный мятеж, вспыхнувший в Елисейских полях, поднял восстание всей нации; он вызвал падение Бастилии, сохранил Национальное собрание, расстроил заговор, предотвратил разграбление Парижа, помешал тому, чтобы огонь превратил его в кучу пепла и чтобы его жители захлебнулись в своей крови.

Именно народный мятеж, начавшийся на Новом базаре, на рынке, расстроил второй заговор, помешал бегству королевской семьи и предотвратил гражданскую войну, которая была бы его несомненным следствием.

*Армия и демократия*¹¹

(«Аргументы народа», № VI, 24 ноября 1789 г.)

Без сомнения, самым счастливым было то событие, которое вложило в руки граждан оружие, чтобы они вернули себе свободу. Но не станем обманываться — самым большим несчастьем

было бы, если бы они не могли положить его. И никогда не было проекта более смешного, чем проект обречь всю нацию на превращение в народ солдат. Как! Каждый француз, без всяких различий, был бы обязан отдавать четыре года своей жизни в виде дани государству. Но какой непоправимый ущерб земледелию, промышленности, торговле, искусствам, наукам причиняла бы потеря времени, посвященного военной службе! Какое разочарование, какой упадок духа будут вызваны обязанностью отказываться от занятий, составляющих профессию отдельных лиц, от общественных удовольствий, от радостей жизни! Пусть декламаторы восхваляют нерассудительно прелести свободы,—она имеет цену только для мыслителя, который не хочет пресмыкаться, и для человека, призванного по своему положению или богатству играть роль. Но она не имеет никакого значения для народа. Какое ему дело до бастилий!* Он всегда знал их только по имени.

Единственное благо, каким могут пользоваться девятнадцать двадцатых граждан,—это изобилие, удовольствия и мир; они не знают других благ на этом свете. Представьте себе только ужасные последствия порядка, который обрекал бы ремесленника, рабочего отдавать четыре года своей жизни военной профессии, чтобы исполнить свой долг перед государством, которое ничего не сделало для них и от которого *они не получают никакой* выгоды. Представьте себе ужасные последствия этого правила, примененного по отношению к кушцам, коммерсантам, писателям, ученым, артистам. Вырванные из своей домашней обстановки, оторванные от своих семей, своих друзей, своих знакомых, они скоро стали бы проклинать отечество, присуждающее их к несчастью; они стали бы бежать из родной страны и направились бы искать в странах рабства покоя и счастья.

С политической точки зрения проект военного комитета нелеп. С точки зрения моральной он отвратителен. Привлекать к одной и той же повинности и бедняка и человека богатого, обладателя обширных владений и человека, не имеющего никакой недвижимости, значило бы установить несправедливый, притеснительный, угнетающий закон; он нарушил бы всякое соответствие между выгодами, получаемыми гражданами от общества, и тяготами, какие оно налагает на них, с той разницей

* Предметом интересных размышлений для философа должно служить усердие, с каким несчастные рабочие рисковали жизнью для разрушения памятника тирании, предназначенного только для их угнетателей.

Лафайет разоружает в Елисейских полях 12 января 1790 г. двести солдат

Гравюра Берто с рисунка Приера

вдобавок, что богатый находил бы тысячу средств оказаться освобожденным от повинности, тогда как бедняку почти одному приходилось бы нести всю тяжесть. Именно это и произошло после революции. Сколько несчастных рабочих, носильщиков, разносчиков воды, единственное достояние которых состоит в их руках, были вынуждены отдавать каждые две недели двадцать четыре часа на охрану дворцов угнетающих их богачей. Тиранические приказы — верх омерзения со стороны давших их, верх глупости со стороны подчинившихся им. Пусть восторженные проповедники проповедуют сильным мира сего обязанности гражданина, — желаем им всякой удачи, но для маленьких людей таких обязанностей не существует. Где отечество тех, кто не имеет никакой собственности, кто не может рассчитывать ни на какую должность, кто не извлекает никаких преимуществ из общественного договора? Обреченные повсюду служить другим, они находятся под игом своих сограждан, если не находятся под игом господина; и какая бы революция ни произошла, их вечным уделом является рабство, бедность, угнетение. Каковы в таком случае могут быть их обязанности по отношению к государству? Оно ведь ничего не сделало для них, разве только увековечило их нищету и заклепало их цепи. Они обязаны по отношению к нему только ненавистью и проклятиями. Служите государству вы, кому оно обеспечивает спокойный и счастливый жребий, не требуйте ничего от нас, достаточно уже того, что беспощадная судьба привела нас к жестокой необходимости жить среди вас.

Не знаю, каковы тайные намерения военного комитета, но если авторы этого проекта не являются людьми крайне ограниченными, то их намерение бесспорно сводится к желанию обречь народ под предлогом жертв, какие он должен приносить отечеству, надоесть ему необходимостью днем и ночью стоять на страже его, сделать для него ненавистным само слово «свобода» и вынудить его просить о возвращении своих цепей.

Оставим на этом военный комитет и заметим, что современное положение вещей, вызванное революцией, слишком бурно, чтобы приобрести устойчивость, — оно даже не может продержаться еще продолжительное время. Как! Нужно тридцать тысяч вооруженных людей для охраны столицы! Эта затея казалась бы непонятной, если бы не было видно, что к ней прибегли только для того, чтобы вручить оружие жителям, которым старались внушить корпоративный дух при помощи формы и во главе которых поставили надежных офицеров, чтобы направить их против остальных граждан, когда

настанет соответствующий момент; и наступление его постара-
лись—таки вызвать,—вспомним закон о военном положении.

Как бы то ни было, трех тысяч солдат, хорошо содержи-
мых, более чем достаточно для охраны Парижа и для обслужи-
вания зрелищ.

Шестидесятитысячного регулярного войска для охраны гра-
ниц, для охраны городов и деревень, двухсоттысячной нацио-
нальной милиции*, обученной владеть оружием и военным
приемам по праздникам и воскресеньям**, будет достаточно для
защиты государства, которое никогда не подвергнется нападе-
нию, если Национальное собрание будет иметь мудрость поста-
новить, что нация отказывается от всяких завоеваний, от вся-
кой наступательной войны, в особенности в настоящее время,
когда его окружают свободные страны, большей частью респу-
бликанские, по принципу враждебные войне. Так как государ-
ству приходится гораздо больше опасаться внутренних врагов,
чем врагов внешних, необходимо для безопасности наших оча-
гов и свободы, чтобы все оседлые граждане, не принадлежащие
к числу подозрительных, получали по праздникам и воскре-
сеньям на несколько часов оружие, упражнялись в употребле-
нии его и были снабжены военным снаряжением. Столь же
важно, чтобы все большие города королевства обладали артил-
лерийским парком и снарядами, находящимися в распоряжении
Коммуны***. Наконец, необходимо, чтобы все пороховые заводы
и склады королевства находились под национальной охраной
и под наблюдением комиссаров коммуны ближайших больших
городов; они будут иметь право снабжать армию по письмен-
ным требованиям министров морского и военного, утвержден-
ным королевским советом.

*Что нужно было предпринять народу «назавтра» после
революции 14 июля и 5—6 октября¹²*

(«Друг народа» № XXXI, 29 декабря 1789 г.)

С ужасом мы обращаем наш взор на тучи коварных вра-
гов, живущих среди нас, на их непрерывно возобновляющиеся
заговоры, на их все новые покушения.

* В это войско можно было бы слить расформированную часть
регулярных войск.

** Такова швейцарская милиция, бесспорно самая лучшая во всем
мире. Сомневаюсь, чтобы нашлось много регулярных войск, могущих
противостоять милиции Бернского кантона.

*** Связи, которыми министры умеют заручиться во всех комитетах,
известны; равным образом известно, сколь велико число креатур
двора в составе Национального собрания.

Разгром Лионского арсенала 7 февраля 1790 г.

Гравюра Берто с рисунка Приера

С печалью мы обращаем наш взор на роковое ослепление народа, на мимолетные вспышки ярости, которым он предается в моменты кризиса, на тупое безразличие, какое он проявляет мгновение спустя, на отсутствие плана и последовательности в его действиях, на алчность, скупость, продажность интриганов, желающих руководить им, чтобы заковать его в цепи и ограбить.

История не знает другого примера революции, подобной происшедшей у нас. Она представляет естественное следствие крайностей управления, пороков правителей, всеобщей испорченности нравов, она была совершена благодаря глупости вождей и невероятному стечению обстоятельств, ибо мудрость и храбрость парижан, которые так восхваляют, в ней не принимали почти никакого участия.

Но если небо, повидимому, постаралось предоставить нам неповторяемые случаи разорвать наши цепи, то мы сделали все, что зависело от нас, чтобы упустить их и не извлекать из них ни малейшей пользы.

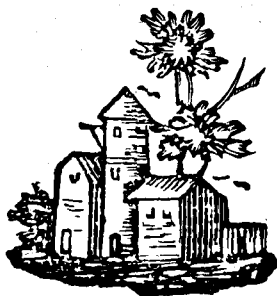
Революция была бы доведена до конца, и свобода утверждена навсегда, если бы 15 июля десять тысяч парижан отправились походом на Версаль, чтобы встряхнуть Национальное собрание и вымести из него аристократов и прелатов, которые не имеют никакого права заседать в нем.

Революция была бы доведена до конца и свобода утверждена без малейшего насилия, если бы 6 октября патриотические члены собрания не сделали ошибку, обличив триста аристократов, намеревавшихся бежать из боязни расправы с ними, и если бы они не совершили неловкости, отказав им в выдаче паспортов.

Вместо того чтобы воспользоваться этими средствами устрашения для исключения их навсегда, они дали им время оправиться от страха и кончили тем, что сами оказались поработанными. Для того чтобы надеть цепи на народ, который приводил их в ужас, укрепиться против него и противопоставить ему национальную милицию, враги общества прибегли к закону о военном положении, к этому кровавому закону, который министр финансов врасплох вырвал у легкомысленных членов собрания, держась сам за сценой и заставив фигурировать на ней графа Мирабо, парижского мэра, бюро муниципалитета и депутацию города,—отвратительное коварство, которое поставило под вопрос уже принятое решение, подняло дух вражеской фракции, угрожало государству сильными последствиями и веком анархии, войны, убийств.

Черные заговоры наших врагов вызовут ужасную бурю; уже слышатся раскаты грома над нашими головами. О сограждане! Удвойте бдительность, будьте начеку, и если какое-либо непредвиденное событие приведет к новому всеобщему восстанию, воспользуйтесь, наконец, стечением обстоятельств, чтобы изгнать из Национального собрания аристократов и прелатов. Будучи представителями уже несуществующих сословий, а не представителями народа, они не имеют никакого права заседать в нем. Очистите его затем от бездарных и развращенных плебеев. Очистите также муниципалитет, окружные комитеты. Удостоверьтесь во всех общественных администраторах, которые прониклись антипатриотическими принципами.

И если они сумеют избежать этой расправы посредством хитрости, то пусть провинции созовут собрания для того, чтобы приступить к новым законным выборам депутатов народа, и пусть, наконец, нация будет представлена действительным образом.

Марат

Гравюра неизвестного автора

В БОРЬБЕ С БУРЖУАЗНОЙ АРИСТОКРАТИЕЙ

1790

Разоблачение, направленное против Неккера ¹³

Предисловие

Я опубликовал в «Друге народа» несколько весьма тяжелых обвинений, направленных против первого министра финансов, и полагал, что для читателей, умеющих думать, я выразился достаточно ясно. Очевидно, я ошибся, так как со всех сторон ко мне обращаются с письмами, в которых требуют от меня представления доказательств, угрожая объявить меня клеветником, если я буду хранить молчание. Не попал ли я и в этом случае с г-ном Неккером в то же положение, в какое мне вообще суждено попадать в жизни; оказывается, и на этот раз я говорил только с самим собою. Я не желаю больше подвергать сомнению мою правдивость. Итак, господа, коль скоро вы этого требуете, я постараюсь изъясниться настолько ясно, чтобы быть понятным всеми; вы останетесь мною довольны; но если невзначай вы пожалуете о том, что великий муж, любимец нации, отец народа, исчез бесследно и перед вашими глазами остался лишь бездарный администратор, враг народа, то, разумеется, цель моя будет как нельзя лучше достигнута, но вы-то уж не пеняйте на меня за это*.

* Мемуары эти, начиная с 4 ноября истекшего года, я предлагал десяти владельцам типографий: ни один из них не дерзнул пустить их в набор. 5 декабря, в день моего ареста, эти мемуары представлены были в муниципальный следственный комитет. Чтобы выпустить их в свет, мне самому пришлось сделаться книгопечатником.

Париж, 21 октября 1789 г.

Вчера г-н Неккер впервые посетил свой округ, а именно округ des Filles Saint-Thomas. Он встречен был громом рукоплесканий и после обычных приветствий единогласно был избран почетным председателем.

Это поистине необычайное явление, что министры у нас делаются гражданами. Ах! Уничтожение деспотизма, окончательно подрывая их кредит, неминуемо приведет их к равенству, и если отныне они и будут господствовать над ближними своими, то не благодаря применению тиранической власти, а только благодаря проявлениям всех своих общественных и личных добродетелей.

Особенно примечательно в этом гражданском акте, совершенном г-ном министром финансов, то, что он просил свой округ осведомить его обо всех направленных против него сочинениях, как ранее уже напечатанных, так и тех, что появятся в печати, дабы он мог ответить на них и оправдаться. Это благородное решение встречено было восторженными аплодисментами.

Письмо г-на Марата, Друга Народа, г-ну Неккеру, первому министру финансов

Признаюсь вам, милостивый государь, ваш поступок, столь превознесенный благонамеренными газетчиками, в моих глазах является лишь фокусом, лишь политической уловкой, или, как говорят добрые люди, иезуитским ходом.

Как бы то ни было, блистательным своим выступлением вы утвердили мои принципы: вы торжественно признали, что только перед публичным трибуналом надлежит представителям власти** оправдываться в возводимых на них обвинениях, вы

* «Парижский Курьер» («Le Courier ed Paris») № X, 21 октября 1789 г.

** Г-н де Сеп-Прист, парижский министр, с 12 числа уже признал власть этого трибунала. Обличенный в Национальном собрании графом де Мирабо в том, что он ответил фаланге парижских женщин: «Когда у вас был король, у вас не было недостатка в хлебе, а теперь, когда у вас тысяча двести королей, идите же и требуйте хлеба у них», он адресовал на имя председателя следственного комитета длинное послание, в котором имеется следующее заявление: «Я знаю, что всякий гражданин должен быть всегда готов предстать перед публичным трибуналом; я сам недавно разоблачил клевету, измышленную против меня в моем округе Saint-Philippe du Boule. Но мне представляется несколько подозрительным этот способ министров

сами добровольно подчинились этому высшему трибуналу и объявили никакого другого не признавать. Отсюда — выводы, которых вы не предусмотрели, но которыми я намерен воспользоваться, выступая против вас.

Я выйду на арену; мне не нужно ни щита ни кольчуги; я зарекаюсь от всякой хитрости, от всякого притворства, — я хочу сразиться с вами лицом к лицу, но прошу вас, оставьте мне поле сражения открытым, не чините никаких препятствий к тому, чтобы удары мои стали всем известны. Я выступлю против вас великодушным врагом, защищайтесь и вы, как подобает храбрецу; повергните меня к вашим ногам и примите заранее клятвенное мое уверение, что если вы выйдете из этого боя победителем, я первый же обнародую мое поражение и ваше торжество.

Разоблачение, сделанное перед публичным трибуналом простым гражданином и направленное против представителя исполнительной власти

Я никогда в жизни не видал Неккера; я знаю его только понаслышке, по некоторым его писаниям и главным образом по его действиям. Хотя он и мой современник, но он мне так же чужд, как был бы мне чужд какой-нибудь выходец с того света, как были бы мне чужды Сеян и Крез. Если бы клевета приписала моему недоброжелательству ту или иную причину личного характера, то это было бы несомненной ошибкой. Как частное лицо он всегда был, есть и будет существо для меня безразличное. Если он привлекает мое внимание, то только как королевский министр. Итак, по отношению ко мне он может быть только представителем власти, и я по отношению к нему могу быть только простым гражданином; все наши споры поэтому могут носить лишь общественный характер, и рассудить нас может лишь трибунал нации.

Нужно ли в подобного рода споре указывать на исключительное неравенство нашего положения? Оно должно бросаться в глаза даже людям самым недалеким. Он — лицо официальное, я — лицо частное; он прославлен занимаемой им должностью, я прозябаю в безвестности; он располагает всеми средствами богатства, интриги и коварства, у меня только и есть,

оправдываясь перед каким-нибудь окружным комитетом, по крайней мере, если судить об этом по примеру, показанному г-ном Неккером в комитете округа des Filles Saint-Thomas. Добавлю, что такого рода оправдания отнюдь не носят публичного характера, ибо все это происходило при закрытых дверях.

что невыгоды бедности, откровенности и прямоты. На его стороне — толпа льстецов, приверженцев, приятелей, несчислимые легионы аристократов, магистратов, пиявок, высасывающих кровь страны, врагов отечества, и тот же народ, защиту которого я взял на себя, рискуя своей свободой, своей безопасностью, свою жизнь, пленен трубными звуками его славы; на моей же стороне только друзья правды. В его руках могущество, устрашающее, увлекающее, поработящее все на своем пути... При виде столь неравного боя сколько людей утратило бы уже мужество! Но мое мужество ничуть не поколеблено; моими союзниками являются сознание сердечной моей чистоты, сила добродетели и несокрушимая мощь правды. Пусть он только прибегает для уничижения их к унижительным уловкам* — и победа моя не подлежит никакому сомнению.

Когда имеешь несчастье мыслить по-своему, строить свои суждения о людях и о вещах по собственным своим наблюдениям, не ослепляться обманчивой внешностью и мишурой светской суеты и быть свободным от всех предрассудков, за исключением одних только предрассудков чести, — тогда тысячи явлений, которые восхищают других людей, кажутся тебе весьма простыми, и тысяча явлений, кажущихся другим весьма простыми, приводят тебя в восхищение. Но возвышение обыкновенного банковского чиновника до поста министра представляет явление, всегда возбуждающее любопытство, и даже одного этого факта достаточно было бы для прославления временщика, если бы возвышение это обусловлено было его заслугами.

Еще двенадцать лет тому назад г-на Неккера знали только как банкира, но банкира весьма богатого. Богатство его, снижавшее ему такое огромное уважение в свете, в моих глазах было лишь поводом к презрению; я знал нечистое происхождение

* Некоторые дальновидные люди утверждают, будто именно министр финансов и побудил аристократов, заседающих в городской думе, заткнуть рот Другу Народа, откровенность которого влущает ему опасения, и выпнести постановление об его аресте, чтобы окончательно от него отделаться. Как бы то ни было, несомненно, что в силу каких-то тайных приказов, исходящих от врагов народа, я лишен всякой возможности оправдаться в печати, коль скоро все типографчики столицы отказываются от меня при одном только звуке моего имени. Власть находится в руках г-на Неккера, он всемогущ в муниципалитете, — и от него-то я жду правосудия и отмены этих тиранических приказов. Если бы он отказался или попросту отсрочил бы рассмотрение справедливого моего требования, он тем самым только подтвердил бы те, по всей вероятности, ложные подзвучивания, которые возникли по этому поводу у некоторых честных граждан.

Марат в подпольи

Иллюстрация из старинного издания

ние этого богатства: оно является следствием ажиотажа *, этого ремесла, недостойного благородной и нежной души, презираемого и осужденного людьми чести, как и ремесло вымогателя.

Призвать ажиотера к управлению финансами означало ввести пройдохе распоряжение народными богатствами, т. е. погубить страну **. Если бы мне нужно было подтвердить это показаниями, не внушающими подозрения, я доказал бы, что с момента назначения г-на Неккера на пост главного заведующего финансами вплоть до его назначения в министерство (после отставки гнусного Калонна) мое отношение к нему не изменилось ни на одно мгновение, несмотря на то, что все это время я жил в самом тесном общении с некоторыми добродетельными людьми, которые были искренними его поклонниками. В течение пяти лет они старались заронить в мою душу тот восторг, которым сами они были переполнены, и всегда я ограничивал похвалу этого героя следующими словами: «Баловень судьбы, но не баловень природы, он лишен кругозора истинного государственного мужа, но у него есть привычка к работе, у него есть навык в делах; он мелочно тщеславен, но слишком богат для того, чтобы быть мошенником. Если нам не приходится надеяться на то, что столь ответственный для блага народного пост может быть занят у нас каким-нибудь действительно великим человеком, то удовлетворимся и этим деятелем».

До тех пор, пока существовал старый режим, г. Неккер весьма мало меня занимал: я видел в нем лишь королевского сатрапа, и единственная польза, которую он, по моему мнению, мог бы принести народу, заключалась в том, чтобы он не так уж его угнетал.

* Его почитатели приводят в качестве доказательств его ловкости то, что он, занимая в течение пяти лет пост министра финансов, да к тому же еще во время войны, не ввел даже грошового налога. Но ведь это попросту игра слов, ибо проценты его многочисленных займов — не что иное как налоги, взимаемые с народа, и он обременил нацию этими налогами в размере более шестидесяти миллионов в год.

** Из тринадцати или четырнадцати миллионов, которыми он владеет, девятнадцать двадцатых, по совести, принадлежит несчастным акционерам, которых он довел до нищеты. Тот, кто ничего не слышал о незаконных барышах, которыми он пользовался, чтобы спиздить Канадские акции и скупить их с понижением на шестьдесят пять и семьдесят процентов, может справиться об этом в речи г-жи Пелисери о Кольбере. Тот, кто ничего не слышал о незаконных барышах, которыми он пользовался для собственного своего обогащения, довершая разорение Индийской компании, может справиться об этом в мемуарах, приведенных в сочинении, вышедшем в свет под названием «Теория и практика г-на Неккера в деле финансового управления».

Один только раз в жизни мнение мое о нем приобрело более яркую окраску: это было тогда, когда он предложил созвать Генеральные штаты. Он выступил один против шайки знати и царедворцев, один — против партии парламентов, дворянства, духовенства и финансистов. Я с умилением следил за тем, как он отстаивал интересы народа, я восхищался благородными его попытками. Ложный стыд никогда не мешал мне возвращаться на пройденный уже мною путь, и вот я уже упрекал себя за мое неблагоприятное о нем суждение, я поспешил воздать ему должное, я осыпал его похвалами в моем «Даре отечеству»*, и уважение мое к добродетели облекло его в мантию государственного мужа.

Иллюзия эта длилась недолго: грамота о созыве и приложенный к ней регламент сразу разрушили обаяние**. Мне померещился в нем воскреситель державы, а я увидел перед собою попросту правительственного пустомелю, и, будучи всегда честен с самим собою, я снова вернулся к первоначальному моему убеждению и не побоялся уже выступить против предлагаемого им плана реформы***.

Начиная с этого момента, вплоть до открытия Генеральных штатов уважение мое к нему постепенно шло на убыль. Во всех его действиях я снова увидел человека принципиального, но бесхарактерного, человека ловкого, старающегося примирить интересы врагов народа с интересами народными, человека, который, желая удержаться на своем посту, служит нашим и вашим.

Приготовления к ужасному заговору, который якобы возвращал нам нашу свободу, окончательно поколебали мои суждения о Неккере, и презрение сменилось во мне отвращением. Образ министра-соглашателя исчез безвозвратно, и в восхваляемом человеке, которого нация обожала как своего ангела-хранителя, я увидел лишь врага отечества.

Вынужденный затаить в себе чувства, которые могли бы сделать меня жертвой слепой ярости безрассудного народа, я решил молчать до тех пор, пока нам угрожает опасность; я молчал и после того, как она миновала, я скорбел в тиши о нелепом предубеждении большинства, которое оплакивало отставку вероломного министра, словно это был ее защитник.

Будучи вполне убежден в том, что его возвращение является

* Первый экземпляр этого сочинения был послан г-ну Неккере.

** Всем известно то неуместное внимание, которое он проявил в этом регламенте по отношению к дворянству.

*** См. третью речь в дополнении к «Дару отечеству».

наилучшим способом сокрушить партию аристократов и рано или поздно уничтожить и его самого, я предложил вернуть его в такой момент, когда никто еще об этом и не помышлял. Письмо, написанное мною прежнему муниципалитету в тот самый день, когда взята была Бастилия, и оставшееся у вице-президента округа des Carmes Déchaussés, служит этому доказательством.

Как только Неккер призван был в министерство, я тревожным взглядом стал следить за всеми его поступками и действиями. Среди всех этих поступков не было ни одного, который не утверждал бы меня в моих суждениях, и первый министр финансов, все еще любимый, все еще почитаемый, все еще обожаемый ослепленной толпою, в моих глазах был уже попросту недостойным администратором, подло изменившим интересам народа ради интересов монарха. Но я выступил только тогда, когда доказательства его неверности показались мне достаточно исчерпывающими. Теперь я уже не боюсь облачить его как врага отечества. Те, кто интересуются Другом Народа, уже трещат за него, но он спокоен, он дерзает считать себя философом и думает, что достоин этого звания.

Пора обнародовать перед обществом имеющиеся у меня доказательства. Я буду беспристрастен в своих выводах, я буду судить г-на Неккера так, как когда-нибудь рассудит его потомство, и в данном случае я буду лишь правдивым историком, опередившим свой век.

Начну с изложения подробностей этого ужасного заговора.

Первый пункт обвинения

Столица с давних пор являлась средоточием просвещения, могущества и деятельности патриотической партии — и на нее то и направили аристократы свои батареи. Надеюсь, что и провинции вскоре разделят ее участь, они замыслили покорить Париж голодом, огнем и мечом.

Под нелепым предлогом охраны общественной безопасности и покоя они заставили войсковые части маршировать по городу. Чтобы иметь в руках наиболее верное орудие ярости и притеснения, они выбрали иностранные полки — немцев, командиры которых были любимцами двора, и из боязни, что здравый смысл подскажет солдатам, что они прежде всего — люди и что те несчастные, которых они должны убивать, — их братья, они запретили им под страхом самого сурового наказания вступать в беседу с кем бы то ни было из граждан, хотя бы даже состоящим с ними в родстве. Командование этими

свирепыми легионами поручено было старому лицемеру, царскому холопу как по воспитанию, так и по долгу службы и привычке. Вскоре из разных крепостей прибыли грозные артиллерийские обозы, пушечные ядра, осадные орудия — адские машины, предназначенные для того, чтобы превратить в пепел царицу городов. Чтобы прекратить подвоз к Парижу съестных припасов, его оцепили со всех сторон. Перед военным училищем, где помещался склад муки, лагерем расположились войска; другой лагерь разбит был на равнине Сен-Дени, и под видом благотворительности, покровительствующей судьбе несчастных, созвана была многочисленная армия рабочих, которая должна была исправить непроходимую дорогу, соединяющую эту равнину с высотами Монмартра, где сооружались платформы для установки батарей*.

Когда все уже было готово для осуществления этого ужасного замысла, заговорщики сбросили с себя маску. Собравшись в галереях, в покоях и в садах дворца, они нагло предались преждевременному ликованию. Герои трагической сцены были уже отмечены перстом вдохновлявшей их богини. Представители трех сословий заседали в разных залах, каждое в отдельности. Верное солдаты воспользовалось той минутой, когда представители народа отсутствовали, чтобы запереть перед ними двери и не впустить их в залу собрания. Вслед за этим происходит падение любимого министра. Его товарищи смещены; на их место водворены ненавистные приспешники двора, и монарх, выведенный из обычного своего миролюбивого состояния, принимает тон деспота, желающего подчинить всех своей самодержавной воле. Покои дворца оглашаются взрывами шумного веселья, а вне дворца всюду царит уныние. Очнувшись от охватившего их изумления, представители народа, воодушевленные новым приливом мужества, собираются в одной из зал Jeu de Paume, дают клятву не покидать родину и либо утвердить законы, которые должны обеспечить ее благоденствие, либо погибнуть. А между тем распоряжения уже отданы; тайно идут приготовления к тому, чтобы разгромить столицу и утопить ее жителей в собственной их крови; ждут только сигнала. Всем

* Представители коммуны, которые так упорно старались скрывать истинное положение вещей и утаивать сведения, весьма важные для народного спасения, поныгались было распространить слухи, что работы эти были предприняты лишь для того, чтобы облегчить подвоз зерна к мельницам; но ни одна из этих платформ не вела к мельницам, и главная из них, возвышающаяся над Парижем, не представляет собой дороги, ибо она упирается в стену.

известно, благодаря какому счастливому стечению обстоятельств, благодаря какому чуду нам удалось избежать гибели*.

Но кто может поверить, что г-н Неккер, окруженный, как и всякий ловкий министр, столькими приспешниками, не был осведомлен о замыслах кабинета, если даже допустить, что сам он не принимал в них никакого участия? ** Кого можно убедить в том, что он ничего не знал о движении войск, которые должны были блокировать Париж, что он не осведомлен был об их приближении, о наступлении пятидесятитысячной армии. Приказы о продвижении этих войск с артиллерийскими обозами могли исходить только от военного министра, маркиза де Шюи-Сегюр, который в то время был верным холопом временщика, а приказы о предоставлении средств этой огромной военной экспедиции *** могли исходить только от главы министерства финансов. Таким образом, он отлично знал обо всем происходящем, и тем не менее он молчал.

Но если бы даже он и ничего не знал, чего нельзя себе представить и что было бы непростительно, возможно ли допустить, чтобы он, по передвижению войск, по сооружению лагерей на Марсовом поле и на равнине Сен-Дени, по сторожевым постам, расставленным вдоль Сены, не разгадал убийственных замыслов врагов отечества и чудовищного их плана уничтожить Париж голодом, огнем и мечом? Как же он мог хранить молчание? Как мог он не предупредить короля о тех опасностях, которым подвергали престол? Как мог он не разразиться громовой речью в совете? Как мог он не осведомить Генеральные штаты о том, что замышляется против нации? Как мог он, наконец, не довести об этом до сведения самой нации? Быть может, нам скажут, как говорят приспешники аристократии, что это был попросту маневр для устрашения

* Это повествование взято из исторического очерка о революции. приготовленного мною для печати.

** Но возможно ли, говорят его приверженцы, представить себе, что бы он ни с того ни с сего вступил в этот заговор? Разве сам он не пал жертвой этого заговора? Да, разумеется, так оно и было, и могло ли быть иначе, коль скоро он имел дело с царедворцами? С их точки зрения на нем лежала неискупаемая вина — вина в созыве Генеральных штатов, заседания которых их так пугали. И вот почему, как только они почувствовали себя хозяевами положения, они отбросили его как презренное и уже ненужное орудие. И наконец, даже не признавая низости характера царедворцев, всякий образованный человек нашел бы отставку Неккера обыкнейшим в мире явлением. С Неккером случилось то, что случается при всяком заговоре: используя предательство, жертвуют самим предателем.

*** Предоставляю об этом судить людям осведомленным.

парижан. Как! Маневр, стоивший свыше двадцати миллионов! Как! Пятидесятитысячная армия, артиллерийские обозы, осадные орудия, платформы на высотах, окружающих Париж,— все это только для того, чтобы разыграть какую-то смешную шутку над обывателями, которых могла бы обратить в бегство горстка наемников. Мог ли г-н Неккер не знать, каким образом намерено правительство пошутить над теми подданными, которые оспаривали у него его власть? И разве дружное возмущение нации не достаточно подтверждало эти опасения? Единственное, что можно сказать в его оправдание, не кривя душой,— это то, что он попросту боялся лишиться места. Итак, ради суетного своего тщеславия, ради своего честолюбия и жажды власти он пожертвовал спасением столицы, спасением провинций, спасением всего королевства. Что же! Потоки крови, разграбление жилищ, все невзгоды, несчастия, бедствия, сопряженные с разгромом огромного города,— все это показалось ему слишком ничтожным для того, чтобы предотвратить это, пожертвовав своим самолюбием? И это отец народа! И это благодетель рода человеческого! И это спаситель Франции, уход которого оплакивала вся нация и возвращения которого она громогласно требовала!

Возьмем самый крайний случай. Если его страшили опасности, связанные с разоблачением этих ужасных тайн, то хотя бы оказываемое ему нацией доверие, простая человечность, чувство чести должны были бы обязать его покинуть его пост и открыть всю эту гнусную затею в письме, которое он мог бы оставить какому-нибудь надежному другу с тем, чтобы тот представил это письмо Генеральным штатам лишь тогда, когда он будет уже в безопасности. Утаить этот заговор, который по долгу чести должно было разоблачить,— это то же, что быть его соучастником. Он не разоблачил его. Что же из этого следует? То, что нация должна либо покарать его как предателя, либо отставить его попросту как слабоумного. Пусть он выбирает любое. Слабоумный... Ах, если б только он действительно был слабоумным! Тогда нам не пришлось бы так долго стонать под бременем наших страданий.

Второй пункт обвинения

С момента возвращения г-на Неккера в министерство в 1788 году продовольственное снабжение и других городов королевства поручено было провинциальным интендантам и некоей компании министерских скупщиков. Утверждали, что алчность

монополистов, беспечность правительства*, выразившаяся в чрезмерном вывозе зерна, и посредственность последнего урожая грозят стране голодом,—и глава министерства финансов не пренебрегает никакими средствами для распространения этих тревожных слухов. Ужасная гроза опустошила несколько округов, но хотя из тридцати тысяч лье нашей пахотной земли пострадало только около шестидесяти, министр поспешил опубликовать, что «ввиду губительного града, опустошившего громадный участок земли, у нас, быть может, не будет достаточного запаса зерна, чтобы установить справедливую и желательную таксу на хлеб, и его величество не сможет поручиться, что цены на этот товар не будут в этом году все время повышенными**.

Добившись распространения тревожного настроения по поводу предстоящего голода, он вскоре попытался извлечь из него выгоду. Тем временем он издал целый ряд указов, чтобы со всех концов в столицу поставляли зерно, и объявил премии для поощрения ввоза. Было ли то мошенничество наших агентов или мошенничество иностранных купцов, но нам поставляли только подмоченное зерно и испорченную муку. Он утверждал, что купил их по очень высокой цене, и ухитрился быть поистине неистощимым, восхваляя нежные заботы и великодушные жертвы монарха, пекущегося о нуждах своего народа, как будто заботы эти не являлись первейшим долгом правительства, как будто правительство обладало какой-нибудь собственностью. Но эти истины тогда еще не были восприняты.

В эту пору финансовая разруха, так искусно им подготовленная, достигла крайних пределов. Огромные расходы правительства, неслыханные траты двора, ужасающее хищничество администраторов, невероятные плутни чиновников — окончательно истощили государственную казну. Правительству нужно было золото, и министр, всегда неистощимый на выдумки, нашел способ, сулящий обильную жатву, надежную жатву, каждодневную жатву, соблазнительную жатву, отказаться от которой у него все еще не хватало решимости. В его рас-

* Мне весьма любопытно было бы ознакомиться с доказательствами, подтверждающими этот чрезмерный вывоз зерна; я сильно опасаюсь, что слухи эти были пущены только для того, чтобы способствовать плану скупки зерна своим министерством. Должно быть, в этом деле были какие-то гнусные плутни, ибо по весьма веским данным заподозрели, что премии неоднократно выдавались агентам министерства, да к тому же за один и тот же груз, который последовательно представлялся в несколько различных портов.

** См. постановление совета от 27 ноября 1788 г.

поряжении уже была компания скупщиков * для продовольственного снабжения столицы; он образовал еще несколько других компаний, которые занялись скупкой зерна во всем королевстве. Чтобы продать зерно по произвольной цене, чтобы замаскировать повышение цен на хлеб, он выписал, обставив это всевозможной пышностью, из Голландии, из Англии, из Америки несколько транспортов подмоченной муки и зерна, переправляя в то же время через Эльзас и Лотарингию в страну императора превосходное наше зерно **.

Хлеб, сделанный из этой испорченной муки, имел отвратительный вкус, надо было как-нибудь скрасить его; он отличался какими-то ядовитыми свойствами***, надо было скрыть

* Компания Леле, которая владела всеми мельницами Корбейля. 19 февраля парижские булочники подали начальнику полиции записку, в которой жаловались на то, что компания господ Леле, чтобы повысить под тем или иным предлогом цены на товар, внезапно сократила свои продажи и поставки, что скупив все, что было лучшего на окрестных рынках, куда они, булочники, отправились для закупки товара, они вынуждены были вернуться в столицу, снова отдать себя во власть указанной компании и умолять ее снабжать их мукой по какой бы то ни было цене, и тем самым ввиду повышения цен на муку поставлены были в необходимость повысить цену на хлеб, за что и были оштрафованы полицией. В ответ на тяжкие обвинения, выдвинутые против них в этой записке, г-да Леле выпустили в свет две брошюры под названием «Сведения и подробный отчет о состоянии Корбейльских мельниц», где они призывают г-на Неккера в свидетели своего бескорыстия и патриотической преданности. Эти министерские скупщики воспроизводят письмо, в котором министр финансов заявляет им: «Будьте уверены, что при всяких обстоятельствах я готов явить вам доказательства моего уважения и сочувствия». Они приводят также постановление совета, без указания даты, без подписи, во всей вероятности, состряпанное г-ном Неккером, в котором аннулируется заявление булочников как заявление, позорящее и клеветническое. Итак, не подлежит никакому сомнению, что министерские скупщики морили столицу голодом с момента возвращения г-на Неккера в министерство в 1788 г. вплоть до начала революции и что даже после революции они все еще продолжали морить ее голодом, ибо они были душою продовольственного комитета городской думы.

** Г-н Неккер вернулся в министерство в августе 1788 г., т. е. к концу сбора урожая.

*** Вопреки всякой истине представители полиции, сильно подозреваемые в потворстве правительству, ссылались на то, что мельницы эти были сооружены для того, чтобы дать заработок бедным рабочим. Что за превосходная вещь эта муниципальная благотворительность! Она ничего не желает видеть и укрывает все, что ей вздумается. Будем же следить за ней в оба и постараемся, если возможно, открыть глаза нашей публике. Точно так же вопреки всякой истине представители Коммуны объявили 5 октября, что хлеб, сделанный из этой муки, не содержит в себе ничего вредного,— заявление, непра-

пагубное их действие. И вот в военном училище устроены были ручные мельницы, где смешивали скверную муку с хорошей и откуда эта мука поставлялась на рынки для распределения между булочниками, как единодушно свидетельствуют о том приказчики, извозчики, носильщики и праздные согладатаи. Но что кажется совершенно невероятным и, тем не менее, вполне достоверно,—так это то, что гнусное это взяточничество отнюдь еще не близится к концу.

До тех пор, пока можно было сослаться на недостаток зерна, приходилось, чтобы не умереть с голоду, довольствоваться тем, что имелось в нашем распоряжении, и никто не вправе был на это жаловаться. Но после сбора урожая, после этой обильной жатвы, лишать народ даров неба, подвергать его голоду, отнимать у него единственное его утешение — сознание, что у него будет хлеб,—и все это для того, чтобы только продолжать этот позорный торг, который, подрывая его силы, приводит его к нищете. Вот один из тех фактов, которые нужно приберечь для истории наших дней, для славословия французского правительства, для восхваления министра финансов.

Достоверно известно, что хлеб этот вызывает упорные боли в горле, желудочные заболевания, потерю аппетита и потерю сил* — недомогания, которые сделались у нас обычным явлением и могли бы принять чрезвычайно опасный характер, если бы не исключительная целебность, какой отличался воздух в течение всего этого года. Боже мой! Какая низость — вся эта спекуляция на наживе, бремя которой всей своей тяжестью ложится на плечи бедняков, страдающих от того, что им приходится терять столько времени, дежуря у дверей булочных**, еще больше, чем от повышения цены на хлеб! Какая

вильность которого они сами признали несколько дней спустя, когда приказали выбросить в реку изрядный запас этой муки, не желая продавать ее крахмальным фабрикам из боязни, что она снова будет перепродана булочникам.

* Никто из тех, кто питался преимущественно этим хлебом, не избег пагубных этих последствий.

** Хлеб в семь су весит всего лишь полтора фунта, следовательно, фунт стоит четыре с половиной су. Если прибавить к этому по крайней мере полудневный заработок, который приходится терять, чтобы раздобыть этот полторафунтовый хлеб в те дни, когда в булочных его нехватает, то получится, что хлеб этот обходится несчастным рабочим в двадцать семь или двадцать восемь су. Столичная чернь, однако, менее других страдала от голода. Страх вызвать бунты в таком огромном городе всегда заставлял полицию следить за тем, чтобы хлеб продавался здесь по низкой цене. Поэтому-то в то время,

жестокость — обрекать стольких отцов на невозможность прокормить своих детей! Какое варварство — оставить для пропитания огромного народа только какой-то вредный продукт*, расшатывающий здоровье и вызывающий эпидемические заболевания!

Не знаю, как и назвать эти гнусные преступления. Какими бы отговорками они ни прикрывались, они все равно отвратительны, и ужасный человек, который является их виновником, достоин самой жестокой казни**.

Но эта позорная спекуляция столь заманчива для г-на Нек-

как в столице фунт хлеба стоил всего лишь три с половиной су, в провинции и даже в наших житницах, Пикардии и Нормандии, он стоил от шести до семи су. Итак, все бремя этой позорной спекуляции ложится на плечи бедняков. Им-то, обреченным питаться преимущественно одним только сухим хлебом, и приходится главным образом подвергать опасности свое здоровье. И вот для облегчения их плачевной участи благодарная, сердобольная, добродетельная городская дума не придумала ничего лучше, как приставить им штык к горлу, ссылаясь на варварский закон, проведения которого ей только что удалось добиться от наших робких депутатов. Трусы! Если бы я имел право бушевать в Национальном собрании, я заставил бы покраснеть моих товарищей и одним только словом поверг бы в прах этот жалкий призрак, который сковывал их добродетель. Не думайте, однако, что только в этом указанном мною случае министр финансов принес в жертву бедняков; принципиально он всегда за то, чтобы приносить их в жертву богатым. Несколько ниже приведенных примеров засвидетельствуют нам это. Проследите за его действиями и вы увидите, что все они заняты этим преступлением.

* Так как хлеб во всем королевстве до сих пор еще продолжает быть все такого же отвратительного качества, то невозможно предположить, что правительству удалось раздобыть из-за границы такое количество испорченного зерна, которого хватило бы на то, чтобы отравлять нас в течение целых одиннадцати месяцев. Тут, следовательно, кроется тайна какого-то беззакония. Патриотические округа не должны пренебрегать никакими средствами, чтобы проникнуть в нее — они должны либо захватить зерно при поступлении его на склады Военного училища и другие министерские склады, либо произвести в них тщательный обыск. Как истолковать те старания, которые предлагает следственный комитет для сокрытия этой тайны от общества? Можно подумать, что он продался главному скупщику, что он потворствует ему.

** Если признать, что играть жизнью людей, которых ты довел перед этим до нищеты, есть величайшее преступление; если признать, что укрывать или утаивать эти беззакония и стараться продлить их путем самых низких злоупотреблений, совершаемых на глазах у министра финансов, есть ужаснейшее преступление, которое навсегда лишает его виновников общественного доверия и которое должно заставить Коммуну заклеить их позором. Но по тому, как они терпеливо относятся к страданиям народа, можно заключить, что сами они нашли способ уберечь себя от этих страданий.

кера, что он дорожит ею более, чем когда бы то ни было. Она не только дает ему возможность удержаться на своем посту, покрывая расходы правительства и королевского дома, но делает его полновластным хозяином народного брюха, она дает ему возможность приводить его, когда ему вздумается, в бешенство, отнимая у него пищу, и дает ему повод всегда держать наготове достаточное количество вооруженных сил, чтобы поработить народ, делая вид, что он желает только его успокоить, и покорить вслед за этим столицу, которая является центральным органом кровообращения всего королевства.

Гнусная спекуляция министра финансов — это хитросплетение всевозможных мерзостей, и мерзостям этим не предвидится еще конца.

Несомненно, что вся Франция переполнена скупщиками; несомненно, что скупщики эти непомерно повышают цену на зерно*; несомненно, что они вывозят его в огромном количестве в Австрийскую Фландрию, и несомненно также, что правительство не предприняло никаких серьезных мер к тому, чтобы помешать этой скупке и воспрепятствовать этому вывозу. Следовательно, чтобы утверждать, что все эти преступные проделки попросту спекуляция частных лиц, надо утратить всякий здравый смысл. Единственной целью скупщиков является тот значительный барыш, который они надеются получить на зерне, когда им удастся вызвать в стране голод. Но естественно ли было бы для них пускаться на такие огромные жертвы в чаянии более нежели сомнительных выгод, если бы их проделки были только их частным предприятием и не пользовались поддержкой исполнительной власти**.

И мыслимо ли, чтобы, прельстившись приманкой каких-то весьма сомнительных выгод, частные лица отважились подвергнуть себя справедливой ярости народа, если бы они не были

* В Суассоне они повысили цену на сетье со ста тридцати до двухсот сорока ливров.

** Они были бы слишком ненадежными, если бы были частными предприятиями, ибо более чем вероятно, что скупщики и их склады рано или поздно сделались бы добычей народа и что само правительство, сговорившись с муниципалитетами, приняло бы для искоренения этих вопиющих беззаконий меры столь решительные, что едва ли кому удалось бы улизнуть. Мы были недавними свидетелями того рвения, какое представители Парижской коммуны обнаружили в своих действиях против Вернона, чтобы спасти человека, заподозренного в том, что он министерский скупщик, в то время, как для спасения несчастного булочника они ровно ничего не сделали.

уверены в администрации, которая, к несчастью, прибрала к рукам все муниципалитеты королевства, благодаря входящим в их состав аристократам? Можно ли допустить, чтобы монополисты были настолько глупы, что стали бы вывозить из Франции зерно и перепродавать его императору по цене куда более низкой*, чем та цена, по какой они сами его купили, — если бы они не были за это щедро вознаграждены министерством? Напрасно стали бы мы стараться создать себе какую-то иллюзию и спорить против очевидности; не подлежит сомнению, что все эти слухи не могли распространяться ни без ведома, ни против воли правительства, и не менее несомненно также и то, что вывоз этот мог совершаться только по его распоряжению.

Эти гнусные проделки исеушают источник благосостояния страны и обрекают народ на несчастья нищеты и на все ужасы голода. И кому же вменить это в вину, как не тому, кто со дня сбора урожая мешает нам вкушать плоды, дарованные нам самой природой; тому, кто целых одиннадцать месяцев отравляет нас испорченной заграничной мукой; тому, в чьих руках находятся все источники нашего богатства и кто в течение нескольких дней** заставил их бить ключом, казалось, лишь для того, чтобы убедить нас, что он может открывать и закрывать их по своему усмотрению? Какое еще побуждение можем мы приписать ему, кроме коварного замысла заставить народ почувствовать все неудобства свободы и склонить муниципалитеты*** добровольно передать ему все продовольственные запасы, которые одни только могут вернуть ему обладание этим мистическим талисманом, от которого зависит его существование, его кредит, его репутация?

После всего мною сказанного может ли здравомыслящий человек не присоединиться к моему обвинению министра финансов? Так пусть же он примет на себя всю тяжесть этих обвинений или выдаст тех негодяев, которые их заслужили. Пресловутый фокусник! Мы знаем все ваши уловки — вы так часто выставляли их нам на показ. Как бы любезные ваши собратия из округа des Filles Saint-Thomas ни восхваляли ваши

* Цена на зерно в Австрийских Нидерландах значительно ниже той, по какой его продают на парижском рынке.

** На следующий же день после переселения королевской семьи в Париж.

*** Я покажу в конце этой статьи, что муниципалитеты никогда и не выходили из-под влияния министра, что городской комитет всегда был послушным орудием в руках главного скупщика, но в данный момент у меня еще нет обещанных мне документов.

подвиги, самый славный из этих подвигов не в том, что вы подобно им вытащили из карманов рантье золото, которым вы набили свои сундуки, а в том, что вы обесценили для нас дары природы, в том, что вы выкрали у нас наши жатвы, в том, что вы заставили нас умирать от истощения у самого источника богатства, в том, что вы сковали страхом голода целый народ, который вас боготворил.

Третий пункт обвинения

Разберите досконально все действия г-на Неккера, и вы всегда узнаете в них все того же бесподобного иезуита, удачливого жонглера, друга вельмож, врага народа*.

Пока будет длиться его злополучное управление, бедствиям Франции не будет конца.

Обратите внимание на его проект военного налога**, равного четверти годового дохода каждого гражданина. В этом проекте он развертывает перед нами слишком правдивую, к сожалению, картину финансовой разрухи, плачевную повесть нужд правительства и пророчество тех зловещих событий, которые угрожают нам в случае, «если собрание самыми крупными и решительными мерами не придет на помощь кабинету, если оно не поддержит пошатнувшийся утес, давно уже, по его мнению, удерживаемый и оберегаемый от падения одним только королем». Но может ли он отдавать себе отчет в том, что именно министры и подвели мины к самому подножию этого утеса, обвала которого король никогда не мог ни предусмотреть, ни предотвратить? Если он боится, как бы разрушенные стены готического здания, которое он силится восстановить, не погребли бы в конце концов его самого под своими развалинами, то во всяком случае ему небезызвестно, что до сих пор ему удавалось поддерживать его только народными деньгами. Да

* Покажите мне, что сделал он за все время для народа, если не считать мелких забот, оказанных им больным, находящимся в госпиталях, и заточенным в тюрьмах должникам; если не считать этих мелких богоугодных дел, за которые его превознесли до небес; если не считать этих проявлений мелких кичливых добродетелей, которые обеспечили ему привилегию быть предметом постоянного поклонения. Храпите же его в своем сердце, справедливые граждане, посите его изображения по площадям, воздвигайте ему памятники, и если мало вам еще этих гражданских почестей, бегите в храмы и курите ему фимиам. Новоявленный Меркурий! Близок час, когда покрывало будет сорвано, и алтари опустеют, и из всей толпы верных поклонников останутся одни только мытари.

** См. его речь в Национальном собрании, прочитанную им 24 сентября.

и теперь он требует от собрания крупной и спешной поддержки, якобы для того, чтобы предотвратить гибель страны и преобразовать финансовое ее положение, на самом же деле только для того, чтобы упрочить положение администрации и тем самым содействовать продлению старого режима.

Послушаем-ка, какими способами намерен он возродить королевство:

«Я не предлагаю вам, господа, никакой крупной ломки, никакого систематического плана, ни одной из тех фантазий, которые принято называть гениальными; все в такого рода деле должно быть просто, все должно быть по крайней мере последовательно, особенно в такую минуту, когда доверие — эта нить, связывающая настоящее с будущим, — выскользывает из наших рук. Что ж! В пору великих бедствий, в эти дни тревоги и тоски, когда дело народного спасения кажется безнадежным, все возможности, которые таит в себе гений, и все усилия добродетели оказываются нам не ко двору. Вместо того чтобы пренебречь глупой шепетильностью, поспать дурацкие предрассудки почтения и уважения, чтобы не обнажить грозящую нам бездну, мы будем отвергать все решительно способы заполнить ее и откинем всякие уловки обнести ее решеткой».

Что же это, — осторожность? Нет, нет, это коварство! Министр не боится изнурить и истощить страну; он боится вызвать сотрясение в государственном механизме и быть раздавленным реакцией; он не враг крайних решений, но не дерзает отважиться на них. Вы видите — он бежит, предоставляя их Национальному собранию и крича ему, что все потеряно, если оно самыми решительными мерами не придет на помощь администраторам, если оно не пойдет на все, чтобы вывести их из затруднительного положения.

Остановимся здесь на некоторых подробностях. Весь план г-на Неккера основан на следующем принципе: «Надо установить известное соответствие между доходами и определенными уже расходами». Великий принцип расточителей, который они обычно выражают в следующей формулировке: «Надо приравнять приход к расходу». И для того чтобы достигнуть успеха, он не стремится нарушить мирные радости баловней нашего века, которые пользуются всеми земными благами, радости этих грабителей, взяточников и лихоимцев, а принимает великодушное решение прижать народ и убеждает Национальное собрание употребить все свои силы на то, чтобы содрать с несчастных последние их лохмотья и отнять у них последний

кусок хлеба. Ах! Если бы армии грозил распад, если бы государству грозила гибель, он, быть может, и должен был бы прибегнуть к столь варварскому средству. Но мы еще не дошли до такой крайности. В распоряжении министра финансов, воодушевленного стремлением к народному благу, было множество способов вернуть королевству прежний его блеск и могущество.

При вступлении своем в министерство г-н Неккер объявил себя благодетелем бедняков*, бережливым министром, истребителем произвола. Ввиду того, что при дворе в ту пору господствовали враги народа, не будем ставить ему в вину то, что он не провел в жизнь намеченных реформ; приходилось подчиняться суровым законам необходимости, и можно поверить, что он вынужден был плыть по течению. Но после славной нашей революции, оставшись победителем на поле сражения, как он мог не принять самых решительных мер? Как мог он не пресечь в корне причину разрухи? Как мог он не положить конец расточительности двора; не упразднить этой королевской гвардии, провозглашающей самодерждями братьев короля; не уничтожить этого пышного двора старшего принца крови, оплачиваемого с таким безрассудством государственной казною; не сократить чрезмерных расходов военного и морского министерства и министерства иностранных дел; не сберечь для более насущных нужд денежные суммы, без всякой надобности раздаваемые религиозным общинам; не упразднить таких опасных должностей, как должность полковника французской инфантерии или губернатора провинции** — должностей, как бы специально созданных для поощрения тщеславия, и этих еще более кичливых званий*** — королевского духовника, обергоф-

* Мелкие заботы, которые его дражайшая половина на первых порах оказывала заточенным по тюрьмам должникам и содержавшимся в госпиталях больным, были чистейшим притворством. Лучшим доказательством, что все это делалось не от чистого сердца, служит то, что с момента его возвращения в министерство заботы эти прекратились навсегда, — но именно тому впечатлению, которое они произвели на публику, обязан он своей репутацией благодетеля, званием отца народа и ангела-хранителя Франции.

** Эти должности представляются опасными даже самому государю, коль скоро губернатору не разрешается проживать в своей губернии без особого на то разрешения.

*** Когда подумаешь, что при восшествии короля на престол личная его королевская гвардия насчитывала десять тысяч отборных дворян; когда подумаешь об этом множестве так называемых королевских должностей, созданных исключительно для того, чтобы поддержать пышность государева двора, должностей, оплачиваемых значительными

мейстера, обершенка, обергермейстера, обершталмейстера и т. д. и т. д.? Как мог он не отменить этих скандальных окладов, назначенных главным фермерам и чиновникам, ведающим распределением прав на получение продовольствия; этих возмутительных пенсий, выдаваемых кавалерам ордена голубой ленты, маршалам Франции, бывшим министрам, королевским комиссарам, академикам и историографам*, находящимся не у дел, скоморохам, шутам, главным инспекторам, полицейским сыщикам и т. д. и т. д.? Как мог он не уничтожить таких точно созданных для обогащения мошенников убыточных учреждений, как фабрика гобеленов, склады королевской мебели и все эти опытные мастерские**, где, кроме выманивания у государя крупных окладов, никаких других опытов никогда и не производилось?

Он побоялся вооружить против себя всех этих людей***, нажать себе полчище врагов и подвергнуться опале. Итак, он ради алчности своей, ради своего честолюбия и мелкого тщеславия пожертвовал восстановлению порядка, финансовым возрождением страны, облегчением участи народа и спасением королевства — жертва, недостойная благородного человека, под-

окладами, из коих некоторые переходят из поколения в поколение; когда подумаешь обо всех должностях при дворе королевы, обо всех должностях при дворах принцев и принцесс; когда подумаешь об ужасающей расточительности стольких дворов, об огромных суммах, затрачиваемых на всевозможные ширшества, празднества и игрища, то убеждаешься, что сотней миллионов в год едва ли можно оплатить все это ненужное великолешие. Чтобы поддержать этот возмутительный произвол, надо было разорять народ, отнимать у него последнее, систематически доводить его до нищеты. Этому произволу положен будет конец; но что выиграем мы от этого, если новый режим окажется не менее разорительным? Говорят, что городская дума — это бездна, ежедневно поглощающая огромные суммы, и именно этой ее соблазнительной особенностью объясняют патристическое рвение всех интриганов, которые стремятся в нее проникнуть.

* Он не только не сократил этих пенсий, но даже увеличил пенсию ученым, рассчитывая, что они будут улаживать его лестью. При его вступлении в министерство содержание академиков обходилось государству в сто двадцать тысяч ливров в год, а в его финансовом отчете эта сумма возросла до миллиона эю.

** Не зная, каким образом предоставить выгодное место г-ну де Вандремонду из Академии наук, для него создали одну из этих пеленых опытных мастерских, куда он приглашен был в качестве заведующего на весьма крупный оклад.

*** «Суммы, отпускаемые на содержание дворов принцев, достигают 8 240 000 ливров в год; настоятельно надлежит определить, какие сокращения могли бы быть сделаны в этой статье». (Из речи г-на Неккера.)

лая осмотрительность, которая должна опозорить его в глазах всех порядочных людей; преступление, непростительное для министра, которого нация почтила своим доверием.

Но это еще не все. Он не раз восставал как будто против излишества взимаемых налогов, но он не только оставил в силе старые налоги, а создал целый ряд новых, которые куда страшнее, потому что народ сначала не чувствует их бремени, потому что они покрывают плутни администраторов, заглушают любовь к честному труду неутомимой жаждой к наживе, развращают нравы, обрекают класс рантье в жертву классу ажиотеров, дают монарху возможность проживать будущие доходы государства, взвалить в течение нескольких дней на страну столько долгов, сколько не накопилось бы за целое столетие, поставить под удар все имеющиеся в стране богатства и постоянным страхом перед неминуемым банкротством окончательно подорвать национальный кредит.

Вот горькие плоды этой ажиотажной горячки, которую почетный председатель округа des Filles Saint-Thomas привил французам; вот пагубные последствия этих введенных им в моду заманчивых займов, от которых он никогда бы не отказался, если бы и впрямь нашлись такие дураки, кого он мог бы еще дурачить.

Но так как все источники в конце концов иссякают, то иссяк для него и этот источник, и два раза подряд* тщетно попытавшись использовать его, он заменил его новым налогом, увеличив тем самым бремя прежних повинностей**. Таким образом, смиренно вернувшись к испытанному режиму своих предшественников, он, все же влачится по их следам, он предложил обложить население военным налогом в размере четверти получаемых каждым гражданином доходов, т. е., как водится, выкинул одну из своих очередных штук.

Этот новый, столь позорный, несправедливый и обременительный налог, самый тяжкий из всех, о которых когда бы то ни было дерзал мечтать прожектер, вполне заслуживает особого рассмотрения. Прежде всего он отнюдь не соответствует предполагаемым нуждам государства, ибо он предназначается

* Два последних его займа в тридцать и восемьдесят миллионов, из которых первый был утвержден лишь частично, а второй принят единогласно.

** Объединив под названием поместного налога налоги поимущественный и подоходный, он пытается увеличить сумму его на пятнадцать миллионов. (См. речь в Национальном собрании, прочитанную им 24 сентября.)

лишь для покрытия ста шестидесятимиллионных экстраординарных расходов по содержанию войска в конце 1789 года и в течение 1790 года; расходы же эти определяются по меньшей мере в сумме от семисот до восьмисот миллионов. Затем он бьет по карману богатых негоциантов и вымогает у граждан, находящихся в стесненном положении, непосильную для них контрибуцию, уязвляя тем самым их самолюбие. Кроме того он действителен только для тех поземельных собственников и рантье, состояние которых доподлинно известно, будучи в то же время вполне иллюзорным для капиталистов, утаивающих свои богатства. И наконец, довольно легкий для богатых, этот налог становится еще более легким для крупных богачей именно в силу их богатства; но зато он действительно тягостен для людей, имеющих небольшое состояние, ибо у обладателя пятидесяти, ста, двухсот, четырехсот тысяч ливров ренты, он отнимает только часть его излишков, в то время как у обладателя двух или трех тысяч ливров ренты он отнимает часть самого насущного и лишает его возможности воспитать своих детей, если только плательщик — отец семейства. Что же сказать о тех гражданах, которые должны существовать на четыреста-пятьсот ливров в год и которые не в меньшей степени подчинены этому обложению, хотя и вольны сами определять свою долю налога? Что же сказать о жестокости* этого обложения по отношению к тем несчастным, у которых ровно ничего нет и которые могут прокормить себя только собственным своим трудом? Ибо никто не освобождается от этого налога. Итак, всегда верный своим принципам щадить богатых и вельмож, г. Неккер никогда не упускает случая принести им в жертву скромного гражданина, принести им в жертву бедный народ.

Отдав народ в жертву вельможам и богачам, он отдает богачей и вельмож в жертву лихоимцам**. Обратите внимание

* Городская дума в своем постановлении не постеснялась усугубить эту жестокость, призывая к участию в налоге неимущих рабочих и ремесленников.

** Вся деятельность г. Неккера заклеивена именно этим пороком. Для малых мира сего он щедр на прекрасные слова; для великих мира сего он щедр на прекрасные поступки, но сердце его поистине принадлежит капиталистам, банкирам и ажиотерам, этим достойным его любимцам. С какой заботливостью предоставил он им все выгоды своих многочисленных займов! С какой заботливостью старался он закрепить за ними часть преимуществ, связанных с отменой десятины! С какой заботливостью старался он оберечь их от убытков своих неудавшихся займов. С какой заботливостью старается он теперь предоставить им те огромные выгоды, которые сулит покупка имений духовенства! С какой заботливостью старается он обеспечить им огром-

на условия этого нового налога. Якобы для того, чтобы облегчить выплату его, он назначает несколько сроков платежей. Но вскоре, обуреваемый нетерпением собрать налог целиком, он предлагает учет векселей или скидку тем, кто выплатит его без промедления. Ввиду того, что значительная часть королевских векселей находится в руках капиталистов, банкиров и ажиотеров, он считает наиболее важным обеспечить платежи этим государственным кредиторам и не подвергать никаким вычетам платежи процентов; по этому поводу он напоминает обещание, данное Национальным собранием, и торопит Собрание привести его в исполнение. Затем, ссылаясь на необходимость оберегать учетную кассу, он предлагает преобразовать ее в национальный банк и требует по этому вопросу немедленного и решительного одобрения; в последнем своем проекте он предлагает Национальному собранию гарантировать учетной кассе задуманный им семидесятимиллионный заем, уполномочив его обложить граждан военным налогом, равным четверти их годовых доходов. И наконец (надеюсь, что последнего этого штриха достаточно будет, чтобы сорвать личину с министра финансов), как только имения духовенства перешли во владение нации, он вносит в Национальное собрание предложение о том, чтобы оно издало приказ о праве приобретать эти земли, оплачивая их королевскими векселями, — позорное предложение, грозящее нам одновременно и расхищением этих имений министерством и переходом их в руки голландцев и женеццев, которые не замедлили бы изгнать оттуда наших хлебопашцев. Так вот он — возврат пагубной его системы жить за счет будущих доходов, так вот они — эти бесстыдно возобновленные им спекуляции ажиотажа, так вот они — эти взявшие его под свою защиту лихоимцы, эти пиявки, питающиеся кровью народа, так вот, наконец, этот пресловутый спаситель Франции, яростно отвергающий представляющиеся ему со всех сторон возможности для того лишь, чтобы предаться пагубным операциям, которые достигают своей цели* только путем разорения

ные барышни, связанные с преобразованием учетной кассы в национальный банк и т. д. и т. д. и т. д. Вот почему он для них — божество; вот почему они его апостолы; вот почему они благоговейно служат ему; вот почему они рукоплещут ему, как только раскроет он рот; вот почему они осыпают его ласками, когда появляется он в округе; вот почему они каждый день окружают его почетным караулом; вот почему он в ответ угощает их прекрасными обедами, на которых присутствует его дражайшая половина, разливая гостям кофе и ликеры.

* Я полагал, что он честный человек; но после всего, что я видел теперь, я не знаю, что и думать о тех слухах, которые распро-

народа. Сколько заслуженных упреков накопилось у нас против него! Прежде всего, как мало уважения должен был он проявить к воле нации, чтобы позволить себе торопить разбор финансовых дел, предлагать какие-то контрибуции, вносить проекты декретов до утверждения конституции! Смел ли он думать об увеличении и без того огромного количества налогов до тех пор, пока король не отказался в пользу нации от имеющихся в его распоряжении возможностей, чего нация вправе была от него требовать? Но тут речь шла о налогах. При указанных нами реформах нашлось бы чем покрыть и даже вдвойне наш дефицит. При продаже вотчин, замков, покинутых или ненужных монарху, особняков*, занимаемых офицерами или царедворцами, при аннулировании приобретений, сделанных для дворца негодяем Калонном (не говоря уже об имениях этих государственных вампиров, чьи огромные владения должны были бы служить порукой их хищничеству**), у нас нашлись бы средства облегчить беду различными возможностями; он отверг их, чтобы обременить народ новыми тяжкими налогами, об отмене которых он и не подумал даже тогда, когда освобождение имений духовенства представляет нам полную возможность расплатиться со всеми долгами государства. Так вот та новая, столько раз обещанная нам, долгожданная система финансового возрождения, которую г-н Неккер не стыдится предлагать нации как плод проведенных им за работой бессонных ночей, как награду за то безумное восхищение, которое она к нему питает!

Пагубный налог, который сама она утвердила декретом, был единогласно принят законодателем. Несмотря на эту мнимую волю нации и на облакающую ее законную санкцию, министр финансов так мало на нее рассчитывал, что счел нужным подкрепить ее королевским воззванием. Пригласив в нем французов сообразоваться с предписаниями закона, он старается задеть их самолюбие, внушая им, что вся Европа не спускает с ним глаз, дабы убедиться в том, сколь велика их преданность благу отечества, «ибо,— говорит он,— если голос первого Нацио-

страняются на его счет. Утверждают, будто он пытался завладеть валютой путем скупки зерна, для того чтобы пустить ее в оборот в различных странах Европы и по всей вероятности для того, чтобы не забыть прежнего своего ремесла.

* Этот огромный особняк, занимаемый Тьерри на Королевской улице в Версале; этот роскошный особняк, занимаемый герцогом де Куаньи на площади Карусель в Париже.

** Пока грабители народа остаются безнаказанными, какал польза нам от реформ? Какая польза нам от законов?

нального собрания, настойчивые предложения монарха, создавшееся положение, грозящая нам опасность — не в силах подвинуть нас на единовременную денежную жертву, то приходится отчаяться в тех надеждах, которые в наши дни возлагаются на общественные добродетели». Напрасные просьбы! Праздные слова! И все это для того, чтобы скрасить гибельное предприятие, которое обязан был бы разоблачить всякий патриотический писатель, если бы только оно не было уже обесславлено своею же деспотическою сущностью. Да и какое, скажите на милость, доверие могли бы питать честные граждане к проекту, утвержденному в таком ослеплении, что кажется, будто законодатель и впрямь продался министру? * Разве они не видят, что вместо того чтобы работать для обеспечения их покоя, свободы и счастья, с них только стараются содрать побольше денег, чтобы выковать для них новые цепи? ** Кто может сомневаться в этом? Министр финансов, треща опалы, пытается подновить дворец деспотизма. Вслушайтесь в его притворные речи. Как он старается отбить у Национального собрания охоту строить храм свободы! «Не на развалинах и не среди вошлей всех граждан воздвигнете вы прочное здание нашего благоденствия. Жизнь слишком коротка; мысль человеческая слишком ограничена, чтобы вы могли предложить им в на-

* Со всех сторон твердят, что Национальное собрание, не имея возможности гарантировать успеха, которого само оно не создавало, правильности счетов, которых оно не проверяло, событий, которых оно не могло предусмотреть, поступило очень благоразумно, приняв на веру план г-на Неккера, ибо, как весьма остроумно было сказано, необходимо, чтобы кредит Национального собрания оставался непоколебимым, а дела общественные — особая статья! Прекрасные рассуждение! Что же! Значит Национальное собрание, созданное для того чтобы заботиться о благоденствии нации и дать ей мудрые законы, должно действовать как слепец в делах, представляющих огромный общественный интерес? Неужели же оно должно было, не ознакомившись с сущностью вопроса, дать свою санкцию на разорительный налог, пагубные последствия которого поистине неисчислимы? Неужели же оно оградит себя от всяких упреков, сохраняя за собою возможность ответить виновнику этого налога: «Это касается только вас, — я умываю руки». И в свое оправдание сошлется на мнимые требования создавшихся обстоятельств! Как будто отсрочка в несколько дней, которые оно посвятило бы рассмотрению этого плана, могла угрожать опасностью делу спасения страны. Возможно ли, чтобы в наш просвещенный век мы вынуждены были представлять читателю такого рода соображения?

** Мы не забыли еще тех попыток, которые неоднократно делал министр, чтобы заставить Генеральные штаты и парижский муниципалитет вернуть королю полноту исполнительной власти.

граду за все их страдания неверное еще благополучие грядущих поколений». Выводы из этого сделать легко.

Стоит ли мне говорить здесь о пожертвовании каких-то мелких золотых вещей — драгоценных залогов супружеской нежности, к которым он призывает крестьянских жен* в своей хитроумной речи, которую они никогда и не прочтут? Позвольте! Так это бедных и без того уже изнуренных деревенских жителей пытается он вдохновить на непосильные для них** патриотические поступки. Если суровый разум не осудил такую затею, то она должна была бы быть отвергнута голосом чести, чуткостью, сердечным порывом.

Так вот они — сокровеннейшие тайны министра финансов! Вот он сам в полной растерянности, вот он при последнем своем издыхании. Его отставка вынуждена; она необходима, она неизбежна, и как бы ни повернулись события, мы знаем, что он способен причинить только вред, что он способен только довести народ до голодной смерти, разрушить свободу, погубить страну. Все допущенные им злоупотребления нашим доверием навсегда заклеят его как бездарного министра, если только они не заставят осудить его как опасного министра, как врага отечества. Но мы не исчерпали еще всех его проступков, и разоблачение самых тяжких еще впереди.

Четвертый пункт обвинения

Можно подумать, что развязка первого заговора устранила врагов отечества, но какая узда способна обуздать людей, ре-

* См. № XXVIII «Друга Народа».

** «Жена крестьянина отдаст если понадобится, свое золотое кольцо или крест; от этого она будет не менее счастлива и сможет гордиться своим поступком» (речь г-на Неккера в Национальном собрании)... И это говорит тот самый щепетильный министр, который не дерзает коснуться вопроса о 8 240 000 ливров государственных налогов, так возмутительно расточаемых принципами! И это он — прославленный отец народа — так внезапно и с таким бесстыдством отказывается от своих отеческих чувств, чтобы сорвать с пальца или с шеи крестьянки какую-то жалкую побрякушку! И как после подобного поступка хватает у него наглости на то, чтобы оставить у себя свою серебряную посуду и свои драгоценности! Как у него хватает наглости на то, чтобы носить золотые часы и нюхать табак из золотой табакерки! Да что тут говорить! Зачастую золотое кольцо составляет все богатство крестьянки и уж во всяком случае девятнадцать двадцатых ее богатства. Так распорядитесь же, господин проповедник, чтобы в королевскую казну отнесли тринадцать или четырнадцать миллионов, которые можно извлечь из ваших сундуков; у вас останется еще достаточно денег, чтобы прожить; от этого вы будете не менее счастливы и сможете гордиться своим поступком, а мы по крайней мере сможем поверить в вашу преданность народному благу.

шивших погубить страну? Не успела эта затея рухнуть, как они, оплакивая неожиданные ее последствия, тотчас же стали орудовать, подготавливая новый заговор. Нам не приходится сомневаться в том, что во главе его стояли царедворцы; кто, кроме этих ужасных людей, мог бы еще помышлять о гибели нации? Но для того чтобы преуспеть в этом деле, им необходимы были соратники, и они нашли их в Генеральных штатах, в министерстве, в муниципалитете. Темные эти козни плелись с необыкновенной ловкостью и проводились в жизнь с истинным мастерством.

4 августа в Национальном собрании впервые обнаружился нити этого заговора, прикрытые дымкой великодушия и благотворительности. В этих мнимых жертвах, превознесенных до небес общим энтузиазмом, я предугадал лишь намерение задержать утверждение готового уже декрета о правах гражданина и провалить конституцию. Трусость типографщиков лишила меня возможности своевременно обнаружить эту западню, и она, не будучи открыта, расставлена была снова*.

Враги народа выставили против нас одновременно несколько батарей. В случае, если бы им не удалось воспрепятствовать конституции, они должны были бы приложить все старания к тому, чтобы она была переделана по их вкусу. Комитет**, уполномоченный изготовлять декреты, явно находясь под их влиянием, изготовил целый ряд самых коварных декретов, которые клонили к тому, чтобы вернуть монарху его самодержавную власть. Как только этот пагубный труд был обнаружен, я забил тревогу, чтобы осудить его*** и опозорить его составителей.

Тем временем возлюбленный наш министр торопил Генеральные штаты вернуть королю полноту исполнительной власти****; он даже попытался заставить его завладеть ею самовольно. Под предлогом подавления бунтов, на самом же деле для того, чтобы помешать гражданам собираться, он заставил выпустить королевскую декларацию, которая подчиняла всех

* См. № XI «Друга народа».

** Речь идет о конституционном комитете Национального собрания.

*** См. «Le Moniteur Patriote» № 1.

**** Моиими яростными выступлениями против этого гнусного заговора я заставил в конце концов рассудительных граждан открыть глаза. Один из депутатов народа не побоялся даже открыто встать на последнем заседании Национального собрания (см. ответ графа де Мирабо от 20 октября по поводу замечаний Робеспьера против чрезвычайного военного суда).

участников сборищ суду *прево* *. Он видел, с каким молчаливым презрением встречена была эта декларация, столь услужливо запротоколированная в парламенте. Она свидетельствовала о роковом намерении восстановить власть приспешников деспотизма и обуздать народ страхом. Он не давал ходу этому проекту всего лишь несколько дней, потом снова вернулся к нему, требуя, чтобы муниципалитет возвратил монарху исполнительную власть. Столь настойчивые, упорные требования не оставляли уже во мне никакого сомнения в том, что он потворствует преступному заговору Генеральных штатов. Преданность, выказанная парижским муниципалитетом по отношению к министру вскоре после его возвращения, многочисленность входящих в состав муниципалитета аристократов, усердие, проявленное им при разгоне сборищ в Пале-Рояле, система организации национальной милиции; эта толпа дворян и магистратов, командующих гражданской гвардией, эти непомерные оклады, выдаваемые генеральному штабу наемных войск; огромная сумма, предложенная главнокомандующему; беспечность, с какою муниципалитеты относились к министерским скупщикам; полное пренебрежение всеми законами для того, чтобы обелить маркиза де ла Салля; тайна, окутывающая назначение производящихся на Монмартре работ; отказ от обследования мучных спекуляций склада военного училища — все это вместе взятое заставило меня опасаться, что и муниципалитет также вовлечен в заговор. Я поделился своими опасениями с публикой, и она вполне их разделала. Сотня других последовавших за этим фактов подтвердила основательность моей тревоги.

Между тем дело заговорщиков подвигалось чрезвычайно медленно. У них не было армии, которую они могли бы противопоставить патриотической партии; они прилагали все усилия к тому, чтобы опутать парижскую милицию, действуя через ее начальников, в чьей преданности они были уверены. Я же старался вырвать милицию из их рук, призывая солдат к созданию истинных своих выгод и к исполнению долга **.

Сознавая необходимость поддержать свой проект вооруженной силой, они убедили покорный версальский муниципалитет ***

* Разве не видели мы, как муниципалитет 24 октября торошил Национальное собрание восстановить эту тираническую судебную власть?

** См. речь Друга Народа, «Друг народа» № XIX.

*** Я могу засвидетельствовать со слов сотни граждан, что версальская буржуазная милиция не в меньшей степени раздражена против своего муниципалитета, чем парижские патриоты возмущены

требовать присылки войсковых частей якобы в подмогу гражданской гвардии, и они выбрали для этой цели единственный во Франции полк, отказавшийся присягнуть в верности нации. Как только прибыл этот полк, офицеров всячески обласкали. Королевский телохранитель и некоторые командиры национальной милиции проводили с ними все свое время. По мере того как узы эти крепили, аристократическая партия все менее и менее старалась быть скрытной; обуреваемая вызывающей наглостью, она нарушала ход заседаний Национального собрания тысячью коварных предложений.

Заговорщики заручились отборным войском, преданными телохранителями, число которых они всячески старались увеличить. 1 октября* в зале Оперы королевскими телохранителями устроен был банкет, на котором роль хозяина выполнял герцог де Гиш, капитан гарнизона, и на котором присутствовали граф д'Эстенг**, несколько офицеров и солдат гражданской милиции, офицеры и солдаты Фландрского полка и две роты драгун. Пиршество это не замедлило выродиться в оргию; королевские телохранители старались изо всех сил: они обнимали солдат, они наряжали их в свои мундиры, они хотели прислуживать им за столом; пробки то и дело взлетали к потолку, и вино искрилось в стаканах. Когда головы этих вельможных холопов были в достаточной мере разгорячены, тысячи бранных слов по адресу нации и верных ее представителей, точно повторяемые эхом, зазвучали во всех концах зала; за ними последовали проклятья. В самом разгаре этого приступа ярости на банкете появились король, королева и дофин. Предоставляю вам судить о восторге, вызванном присутствием королевской семьи, которая не погнушалась сойти с трона, чтобы смешаться с толпой своих подданных. Наследник престола переходил из рук в руки, и проявления преданности приняли характер какого-то исступления. Растроганный этим восторженным порывом, король вышел с

своей городской думой. Версальская буржуазная милиция открыто обвиняет их в том, что они продались заговорщикам и оставили ее без боевых припасов в тот день, когда прибыли парижане. Да и возможно ли сомневаться в этом?

* В течение делой недели телохранители, ложась спать, не снимали сапог, чтобы в любую минуту быть наготове и вскочить на коней при первом же сигнале.

** Весь Версаль утверждает, что за несколько дней до этого граф д'Эстенг обедал у г-на Мэтро, капитана гражданской гвардии, отъявленного врага патриотов, и мало того, мясника с улицы des Deux Portes; вот таких-то попустушков г-ну графу не следовало бы упускать из виду при своем оправдании.

верными своими войсками, а королева сняла с шеи золотой крест и подарила его одному из пренадеров. Крики: «Да здравствует король! Да здравствует королева!», прокатившиеся по всему залу, прервались лишь на мгновение новыми проклятиями по адресу знаменитых друзей свободы и словами песни: «О Ришар! О мой король! Весь мир тебя покинул». Звук голоса, затянувшего эту песню, усилил восторг гостей, и они хором воскликнули: «Мы признаем только нашего короля, мы признаем только нашего короля, мы не принадлежим нации, мы хотим принадлежать ему одному!» И тотчас же, сорвав с шляп патриотические кокарды, они стали топтать их ногами; в зале зазвучали клятвы, и гости разошлись только для того, чтобы вскоре вновь сойтись.

Два дня спустя — новая оргия в помещении королевского конвоя. На ней присутствовали те же лица, но королевская чета не появлялась. Чтобы сделать праздник более веселым, призвали красоток и устроили тысячу вольных игр; снова возобновились проклятия по адресу представителей нации, и клятвы верности монарху на этот раз также не были забыты.

Кучка заговорщиков появилась у круглого стола. Три придворных дамы принесли туда целый ворох лент; они украсили ими шляпы королевских телохранителей и других людей, достаточно безвольных для того, чтобы поддаться речам этих коварных сирен; все, преклонив колена, приняли белую кокарду как единственную, которую можно носить, не предавая монарха.

Тем временем Национальное собрание на горьком опыте постигало неудобства задерживающего королевского вето. Председатель, представивший на утверждение декреты, касающиеся декларации прав гражданина и других параграфов конституции, вернулся с ответом, вызвавшим большую тревогу. В этом ответе король по наущению любимого министра заявил, что, «уступая обстоятельствам, дает свое согласие, лишь под твердым условием, от коего никогда не отступится, что исполнительная власть всецело сосредоточена в его руках». Ответ этот возмутил депутатов-патриотов, которые вознегодовали против того, что меньше всего должно было вызвать тревогу, и председатель был уполномочен умолять короля дать простое, безусловное согласие.

Слухи о справляемых в Версале оргиях вызвали смутнение во всем Париже. Боясь, как бы верные представители нации не оказались в опасности, и сознавая более чем когда бы то ни было необходимость положить конец своим страданиям, около двадцати тысяч вооруженных граждан собралось в путь,

чтобы наказать королевских телохранителей за нанесенное отечеству оскорбление. Военный комитет оставил граждан без боевых припасов; наемное войско поделилось с ними тем, что у него было. Командиры, желая выиграть время, отказались выступить в поход; насилие побудило их к выполнению их долга.

Часа в три около семи или восьми сот королевских телохранителей выстроилось в боевом порядке перед оградой замка, чтобы встретить парижан. Перед ними выстроился Фландрский полк, а перед казармами — батальон швейцарцев с гражданской гвардией. При виде этих приготовлений тревога сразу охватила весь город, и национальная милиция, от которой скрывалось все, что происходило в Париже, взводами сбежалась со всех сторон и присоединилась к дежурной страже.

Тут подросла толпа парижских женщин. Отряд телохранителей помешал ей проникнуть за ограду; находившийся во главе этой толпы молодой человек попытался было прорваться во двор; четверо телохранителей отделились от отряда и гнались за ним, нанося ему удары саблями, до тех пор, пока он не скрылся в какой-то лавке. При их возвращении последний из них был ранен в плечо пулей, которую послал ему вдогонку какой-то возмущенный гражданин. Отряд телохранителей приготовился было ринуться на национальную милицию; чтобы предотвратить этот натиск, фландрские солдаты внезапно обернулись лицом к неприятелю и присоединились к гражданам. У защитников родины не было боевых припасов*; они получили их от новых своих товарищей, которые уже открыто роптали, возмущались гнусным поведением королевских телохранителей. До этого времени г. д'Эстенг не показывался, он заперся с королем и министром, но тут он поспешил явиться на помощь; он приложил все старания к тому, чтобы убедить милицию удалиться. Он пытался под каким-то благовидным пред-

* Г-н ла Турильер, капитан артиллерии национальной милиции, ведающий боевыми припасами, уступая настойчивым требованиям о выдаче их, роздал по тридцати патронов на роту в сто десять человек, уверяя, что больше патронов у него нет. Очевидно, версальский муниципалитет оказался не менее прозорливым, чем парижский, и плохо пришлось бы гражданам, если бы наемные войска не отнеслись к ним по-братски. Недостаток боевых припасов, которому муниципалитет не преминул придать иную окраску, является вошьющим фактом измены, заслуживающим самого сурового наказания. Вот и доверился после этого бдительности верных наших администраторов! Но парижане так простодушны, что я готов побиться об заклад, что этот урок не принес им никакой пользы и что даже и теперь их можно застать врасплох.

догом отнять у нее две пушки, которые стояли перед казармами; она противится этому. Он бежит взад и вперед, суется, ведет переговоры с телохранителями и возвращается, чтобы заверить национальную милицию, что они готовы снова надеть патриотическую кокарду и присягнуть в верности нации.

Аристократические роты расходятся. Вслед за этим он отпускает фландрских солдат и драгун, которых он, однако, предусмотрительно забирает в большой конюшне, чтобы иметь их наготове в случае надобности.

Телохранители удаляются. Но сделав не более пятидесяти шагов, они круто поворачивают назад и дают залп по национальной милиции, которая в свою очередь отвечает им залпом, уложив на месте несколько человек. Телохранители бегут, но встречаются с отрядом граждан, которые преграждают им путь в их казармы; они снова возвращаются на площадь через улицу Оранж, укрываются в большом дворе и закрывают ворота на замок.

Все уже было подготовлено для побега королевской семьи в Метц. Всюду по дороге ждали их запасные лошади. Нагруженные тяжелой поклажей, экипажи подъехали к воротам Драгон и Оранжери, но открыть эти ворота для них не желали. В конюшне королевы целый день стояли заложенные кареты, ожидая удобной минуты, чтобы скрыться. У королевы отняли, однако, эту возможность, расставив повсюду стражу и оцепив все проезжие улицы.

Арестован был посланный в Париж гонец граф д'Эстенг*, и задержаны по пути направлявшиеся в замок кареты принца де Бово. Одновременно с этим национальная милиция узнала, что сюда двинули семьсот швейцарцев; она выслала им навстречу отряд, чтобы помешать им войти в Версаль, и осталась под ружьем, несмотря на проливной дождь. В половине десятого легко вооруженное полчище парижан присоединилось к версальской милиции. Вслед за ним, два часа спустя, прибыл авангард армии. При его приближении телохранители скрылись. На плацдарме развели огонь, и парижане выпустили на свободу Фландрский полк, который тотчас же к ним присоединился. Часа в два вся армия прибыла к воротам дворца, которые были ей открыты; телохранители обратились в бегство и проникли в Рамбулье через ворота Оранжери, заколов охраняющую их стражу.

* Предполагают, и не без основания, что гонец этот был послан навстречу парижанам, чтобы объявить им, что все уже улажено и в присутствии их нет никакой необходимости.

Главнокомандующий отправился к королю; он распорядился отдать приказ, чтобы армия укрылась от дождя. Часов в пять 400 убийц неведомо откуда пробрались на террасу, опрокинули стражу и сделали попытку проникнуть во дворец. Швейцарцы и лакеи забаррикадировали вход; всюду поднялась тревога; сбежались гренадеры, завладели всеми постами, вплоть до кабинета, куда укрылась королевская семья с министрами и коменданты национальной милиции.

Толпа убийц исчезла. На рассвете национальная гвардия заполнила дворы дворца и плацпарад; отряд вступил в дворцовые покои, арестовал нескольких телохранителей, из коих шестеро было избито, а двое обезглавлено во дворе министров. Остальные по просьбе короля были помилованы. И наконец, королевскую семью, дабы оградить ее от козней врагов отечества, перевезли в Париж.

Сопоставьте теперь главные моменты этого ужасного заговора — попытки г-на Неккера* спасти осужденных, особенно

* Мне кажется, я уже доказал, что отставка г-на Неккера, 11 июля была лишь актом презрения со стороны заговорщиков, предполагавших, что отныне они смогут обойтись и без него. Но эта столь заслуженная опала, которая должна была явить Неккера в глазах нации министром более нежели подозрительным, а на самом деле превратила его в какого-то мученика свободы, снова вознесла его на пьедестал; парод громогласно требовал его возвращения и, отставив мнимого защитника своих прав, верил, что отстаивает свои собственные интересы.

Наблюдатель, умеющий сопоставлять факты, устанавливая связь между событиями и доходить до их первоисточника, не может не видеть в г-не Неккере главаря заговорщиков. Он был в курсе всего, что замыслилось против нации; одно молчание его относительно этих бдительных и ужасных приготовлений к блокаде столицы явно свидетельствует против него. Но если первого заговора недостаточно, чтобы обличить его в измене, то второй заговор не может уже оставить на этот счет никаких сомнений. Кто не знает, что в ту пору он один руководил всеми действиями кабинета? Кто не знает, что к его услугам всегда была преступная партия Генеральных штатов? Кто не знает, что он вполне располагал парижским муниципалитетом, версальским муниципалитетом и почти всеми начальниками национальных милиций? Действия же кабинета, направленные к осуществлению обоих этих заговоров, были вполне тождественны. Все тот же план взятия Парижа измором; те же попытки остановить ход заседаний Национального собрания, поработить его страхом или распустить его; те же каверзы для того, чтобы провалить конституцию, тот же деспотический тон, внушенный монарху, тот же отказ утвердить декреты, если только монарху не будет снова возвращена верховная власть. А кто сомневается в том, что именно г-н Неккер и был в ту пору душою кабинета? Кто сомневается в том, что именно г-н Неккер приберет для короля в силу королевского права на veto

же барона де Бозенвала, от мести нации; кумовскую роль, которую играли в этой истории графы Клермон-Тоннэр и Лалли-Толмандал, плутовство, на которое отважился первый из них, подсунув одному из секретарей избирателей приготовленный им декрет амнистии; коварные поползновения заговорщиков воспрепятствовать утверждению декрета о правах человека и гражданина; неоднократные попытки премьер-министра вернуть королю его самодержавную власть; постановление совета, которое якобы для предотвращения бунтов подчинило граждан

предлог для этого отказа? Кто сомневается в том, что он-то и убедил короля заговорить прежним тоном самодержда? Кто сомневается в том, что он изо всех сил стремился вернуть ему самодержавную власть? Кто, наконец, сомневается в его интригах, в его связях с царедворцами, с врагами отечества, с главными заговорщиками?

Я не стану распространяться о тех тайных переговорах с Базелем, со Швейцарией, с герцогиней Полиньяк, в которых его обвиняют и которым я ни мало бы не удивился; совокушность других лживых фактов вполне достаточна для его обвинения и обвинения. Слова призванный к кормилу правления, он вернулся победителем; он возомнил себя всемогущим, он корчил из себя самодержда — и первым проявлением его власти был акт измены. Еще сидя в карете, он написал воззвание к городу Ножану, требуя освобождения барона де Бозенвала, обвиненного в оскорблении нации. Едва приехав в Версаль, он уже мчится в Париж; он показывается в городской думе, он появляется перед депутатами Коммуны и выборщиками не для того, чтобы принести им дань живейшей благодарности, а для того, чтобы требовать от них помилования всех осужденных. И чего только он не пускал в ход, чтобы добиться этого! Он сговорился уже с некоторыми главарями, которые должны были участвовать в этой комедии; толпа плакальщиц предшествовала его появлению в зале представителей; она же предшествовала его появлению и в зале выборщиков. Он входит, — первый взрыв рукоплесканий смешается глубоким молчанием; все ждут, затаив дыхание, но оратор не может начать говорить, — он окидывает взглядом зал и, не вида в нем своих сообщников, просит, чтобы их впустили, и наконец он начинает разглагольствовать; он старается умилить слушателей, требуя всеобщей амнистии; притворный плач, сопровождаемый рыданиями, разносится по всему залу; он заканчивает свою речь, отходит к оклу, и снова раздается гром аплодисментов. Тем временем граф де Клермон-Тоннэр пользуется настроением умов, чтобы вымолить себе помилование. Надо было составить соответствующий акт; этот акт, заранее уже заготовленный, лежал у графа в кармане, и он подсунул его одному из секретарей. Эту роль жонглера, не оставляющую никаких сомнений в самой тесной связи со всеми этими распущенными царедворцами, мне остается только дополнить еще одним фактом, разоблачающим преступные связи г-на Неккера с заговорщиками. Все знали о побеге графа де Лалли, г-на Мунье, принцессы д'Эннен и других, бежавших от гнева народного. Все они укрылись в Швейцарии, но никто не знает, что именно г-н Неккер предоставил им приют в одном из своих имений.

тирании прево; всевозможные препятствия, чинимые властями в связи с проведением декретов об отмене пенсий, поземельной подати и десятины, свидетельствующие о намерениях министерства завербовать себе огромную партию в лице духовенства, Мальтийского ордена, трибуналов, негодяиантов, финансистов и несчетного множества государственных нахлебников; отказ от строгого проведения в жизнь декрета о перевозке и вывозе зерна, свидетельствующего о намерении сохранить за собою возможность продолжать скупку зерна и тем самым держать народ под вечной угрозой голода; оргии, устраиваемые государственными телохранителями для того, чтобы заставить солдат убивать своих же сограждан; проклятия по адресу верных представителей науки; попираемые ногами патриотические кокарды; слепая преданность, которую клаялись оказывать монаршим повелениям; полное забвение всякого достоинства, проявленное королем, полное забвение всякой благопристойности, проявленное королевой; жестокие приготовления королевских телохранителей; недостаток боевых припасов у национальной милиции, обрекающий ее, беззащитную, огню неприятеля; отказ старших офицеров выступить в поход, чтобы выиграть время и дать возможность осуществить побег королевской семье, который поверг бы Францию во все ужасы гражданской войны, и, наконец, все эти приготовления к отъезду,—сопоставьте все это, и перед вами налицо все признаки ужаснейшего заговора.

Заговор этот подготовлялся и осуществлялся на глазах возлюбленного нашего министра. Что сделал он, чтобы воспрепятствовать ему? * Что сделал он, чтобы предотвратить оргию, устроенную телохранителями? Что сделал он, чтобы помешать королю присутствовать на ней? Что сделал он, чтобы помешать королю снова заговорить прежним тоном деспота, выказывая самые недвусмысленные поползновения по отношению к декретам Национального собрания? Он не только ничего не сделал, но, судя по ответу, который он вложил в уста государя, когда представлены были на утверждение конституционные декреты, очевидно, что если сам он непосредственно и не был замешан в заговоре **, то во всяком случае стремился

* Быть может мне скажут, что остальные министры виновны так же, как и он. Согласен. Поэтому нация должна принять меры против них и против него и поступить с ними как с предателями, как с врагами народа.

** Пусть-ка он расскажет нам, кто снабдил короля деньгами для его путешествия. Ибо несомненно, что деньги эти приготовлены были

использовать его для того, чтобы вернуть королю самодержавную власть. Он желал, чтобы король дал свое согласие на эти декреты «лишь под твердым условием, от коего он никогда не отступится, что исполнительная власть всецело будет сосредоточена в его руках», т. е. под условием, что исполнительная власть будет возвращена королю во всей своей полноте и в том виде, в каком он пользовался ею до революции.

Эта власть включает в себя право распоряжаться всеми сухопутными и морскими силами, право распоряжаться доходами страны, право распоряжаться трибуналами и полицией, т. е. является верховной властью, перед которой всегда смолкает голос законов, единственной непреодолимой властью*, внушающей страх и вызывающей зависть государей**. Стоит вернуть ее хотя бы на мгновение монарху, и мы навеки распростимся со свободой; с этого момента снова выступят на сцену прежние надсмотрщики, полицейские, шпионы, подлые сообщники полиции и трибуналов, эти легионы взяточников и грабителей, эти полчища государевых приспешников. С этого момента монарх волен распоряжаться свободой, безопасностью, состоянием и жизнью своих подданных; декреты Национального собрания будут уничтожены, и в награду за столь долгую и тягостную борьбу, за все свои бои и победы у нации останется лишь суровая необходимость рабски покорствоваться, скорбеть в тиши и снова отдаться во власть своих тиранов. Итак, премьер-министр самолично не раз пытался снова надеть на нее оковы, снова обречь ее ужасному произволу деспотизма, под игом которого она стонет уже столько лет***.

Такого рода план, задуманный с полным хладнокровием, весьма тонко рассчитанный, взлелеянный на досуге и так часто возобновляемый, является самым тяжким преступлением. Его одного вполне достаточно было бы для того, чтобы предать

заранее. И нельзя ли узнать у него также, кто доставил те деньги, которые должны были быть отправлены графу д'Артуа и которые, к счастью, удалось перехватить?

* См. в моем плане конституции, как разграничить ее так, чтобы она не была уже больше грозной.

** Особенно бросается в глаза в этом протесте, сделанном королем, то, что он не потерпит никаких нарушений в его праве распоряжаться армией, в то время как он не отстаивает всех остальных прерогатив королевской власти. Да и чего же проще! Когда сила в твоих руках, ты делаешь все, что тебе вздумается.

*** Страх ли, стыд ли, раскаяние ли заставили г-на Неккера воспротивиться отъезду короля в Париж? Как знать! Но я отлично знаю, что г-н Неккер, очевидно, родился под счастливой звездой, коль скоро до сих пор еще не спала повязка с наших очей.

преступного творца его народному проклятию, покрыть его позором и покарать как врага государства, как предателя родины. И кто же он, этот ужасный создатель такого гнусного плана?

Человек, в которого нация вложила все свои упования, человек, которого народ оплакивал как родного отца и умолял вернуться как своего защитника, человек, которого нация благословляет как своего благодетеля и которому народ поклоняется как богу.

Пятый пункт обвинения

Ко всем этим позорным клеймам добавим еще одно, новое. Побуждая короля изменить природной своей доброте, чтобы снова выказать себя деспотом, а потом вскоре вслед за этим прибегнуть к мольбам, г-н Неккер подорвал достоинство государя, достоинство его подданных. Что же, по вашему мнению, должны думать враги о нации, правительство которой не ведает, что творит; о нации, которая терпит министров, выставляющих ее на посмешище всей Европы; о нации, осыпающей похвалами администратора, которого она давно уже должна была бы отправить в сумасшедший дом? Припомним, какие оскорбления пришлось перенести Франции после ее каверз с голландскими аристократами из-за бездарности и продажности ее министров. Если бы эти оскорбления уязвляли только наше самолюбие; но нет, подрыв кредита, обусловленный презрением, порождаемые им обиды, неразрывно связанный с ним упадок торговли, нищета, на которую он обрекает столько граждан, разорение страны — вот каковы последствия слабоумия наших администраторов. Если англичане не воспользовались унижением нашего кабинета, чтобы отнять у нас наши колонии и нанести нам последний решительный удар, то лишь потому, что не пожелали уронить свое достоинство, унизившись до такого рода покушения. Поистине, уважение и страх, внушаемые народом, являются надежнейшим его оплотом, но женеvский ажиотер, ослепленный своими мелкими страстями, не видит этого.

Итак, я сделал оценку талантов и добродетелей г-на Неккера, оценку его рвения к общественному благу, его чувств к народу, его прав на уважение и благодарность нации.

Прежде чем представить его вам в его поступках, я, быть может, должен был бы представить его в его принципах, но у меня нет под рукою его писаний; когда я не буду уже в

заточении, я разберу их досконально, растолкую их, и г-ну Неккеру небезызвестно, что читать-то я умею.

Я выполнил свой долг; пусть же и он в свою очередь выполнит свой. Сдержите же свое слово, г-н министр финансов: без промедления оправдайтесь в глазах нации; докажите, если вы можете, что мои обвинения лишены (sic!) всякого основания, докажите, что они вам совершенно чужды; но не забывайте, что вам не стоит затруднять себя отрицанием тех или других частностей, в которых я, быть может, и ошибся; вы должны уничтожить всю совокупность моих обвинений; умолчание по поводу хотя бы одного пункта будет равносильно сознанию в вине.

Не старайтесь также обмануть публику, подкупая злостных писака, чтобы опозорить меня в печати*. Тут речь идет не о

* С тех пор как я предъявил обвинение Неккеру, публика засыпается массой произведений, в которых торговцы брабью и клеветой низко угодничают перед первым министром финансов и безжалостно хулят меня. В войне такого рода слишком хорошо начинаешь понимать многочисленные преимущества, которые должен иметь в сравнении с человеком, вынужденным трудиться, чтобы жить, человек, имеющий в руках власть, могущий раздавать места и располагающий состоянием в четырнадцать-пятнадцать миллионов.

Как бы то ни было, мои принципы, мои права, мой образ жизни известны. Поэтому я не буду унижаться, чтобы опровергать подлых убийц, ищущих темноты, чтобы нанести мне удар кинжалом. Пусть честный человек, который может сделать мне какой-либо упрек, выступит вперед; если я когда-либо нарушил правила самой строгой добродетели, я прошу опубликовать доказательства моего бесчестия. Я бы покончил здесь с этим вопросом, если бы для дела свободы не было важно, чтобы публика не была введена в заблуждение хитростями, к которым некоторые прибегают с целью настроить ее против ее неподкупного защитника.

Так как перо мое вызвало интерес, то враги общества, являющиеся моими врагами, распространили слух, что оно подкуплено; принимая во внимание всем известные свойства писателей нашего века, в этом нетрудно было убедить тех, кто не читал моих произведений. Между тем достаточно бросить на них взор, чтобы убедиться, что я, быть может, единственный автор со времен Жан-Жака, стоящий выше всяких подозрений. И кому, скажите ради бога, мог бы я продаться? Не Национальному ли собранию, против которого я столько раз выступал, на некоторые гибельные декреты которого я нападал и которое я часто призывал к долгу? Не короне ли, на гнусные узурпации которой я всегда нападал, как и на ее ужасные прерогативы? Не правительству ли, которое я выставлял вечным врагом народа, обвиняя членов его в том, что они являются предателями родины? Не принципам ли, скандальную роскошь которых я требовал прекратить, с тем чтобы их расходы ограничивались положенными им годовыми доходами, причем я требовал предания суду виновных из их числа? Не духовенству ли, распутство и смехотворные притяза-

моих нравственных достоинствах, а о вашем оправдании. Если бы я в такой же мере заслуживал порицания, в какой мере я его не заслуживаю, значительность моего разоблачения от этого ничуть не уменьшилась бы; я привлекаю вас к суду нации как врага народа; вам предстоит либо совершенно оправдаться, либо навлечь на себя справедливое ее негодование.

Факты, которые я выдвинул против вас, общеизвестны; они являются доказательством ваших преступлений.

Если доказательство это будет признано обманчивым, то я, разумеется, буду виноват в том, что заблуждался, и если мне придется искупить эту вину своею гибелью, я готов погибнуть.

Если оно признано будет неопровержимым, я все равно погибну, ибо при наличии этого полчища неразрывно связан-

ного которого я выставил напоказ, требуя, чтобы его имущества были возвращены бедным? Не дворянству ли, несправедливые притязания которого я подрывал, на неправильные привилегии которого я нападал, коварные замыслы которого я разоблачал? Не парламентам ли, честолюбивые планы которых, как и их опасные правила, возмутительные злоупотребления, я раскрывал и упразднял которых я требовал? Не взяточникам ли, растратчикам, финансистам, пиявкам государства, в отношении которых я требовал, чтобы народ заставил их вернуть награбленное? Не капиталистам ли, банкирам и ростовщикам, которых я преследовал как общественную чуму? Не муниципалитету ли, тайные намерения которого я разоблачил, опасные планы которого я раскрыл, преступления которого я обнаружил и который меня арестовал? Не округам ли, на угрожающий состав которых я нападал, требуя их реформы? Не национальной ли милиции, против глупых приемов которой и глупейшего доверия к подозрительным начальникам я выступал? Итак, остается народ (для меня слово «народ» служит почти всегда синонимом слова «нация»). Когда я их различаю, как в данном случае, то первое слово означает нацию, за исключением ее многочисленных врагов), права которого я постоянно защищал и интересы которого я охранял с безграничным рвением. Но народ никого не подкупает, да и с какой целью он мог бы подкупить меня? Я и так целиком принадлежу ему; неужели меня обвинят в том, что я ему отдался?

Если бы враги его, стремящиеся погубить меня, были более рассудительны, они бы поняли, что их удары останутся безрезультатными до тех пор, пока они не найдут мои уязвимые места. Поэтому, вместо того чтобы бить вслепую, они должны были бы искать во мне мои слабости, подсматривать мои смешные стороны, чтобы соответствующим образом изобразить меня. Они пужаются в помощи, и я им ее предоставляю.

Уже в течение долгих лет друзья мои, являющиеся свидетелями моей беспечности относительно будущего и уставшие бесплодно проповедывать мне заботу о моем состоянии, упрекают меня в том, что я несправимое животное; может быть, они правы, но этот недостаток не присущ, как я полагаю, угоднику, готовому продать. В течение уже долгих лет мои соседи, наблюдающие, как я отказываю

ных с вами врагов народа, заинтересованных в вашей победе, я слишком многое сказал, чтобы мне возможно было избежать гибели.

Итак, жертва любви к отечеству, я буду служить примером для тех, кому вздумается когда-нибудь защищать права нации. О неблагодарный народ, поклоняющийся своим тиранам и покидающий своих защитников, я посвятил себя тебе;

себе в необходимом, для того чтобы соорудить физические приборы, считают меня непостижимым чудачком; может быть, они правы, но этот недостаток не присущ, как я полагаю, интриганам, стремящимся продаться.

Я не имею ни должности, ни пенсии, никогда не желал их и не приму; в глазах современных мудрецов такое бескорыстие является не больше чем глупостью. Пусть! Но это не характерно для честлюбца, готового продаться.

Уже десять месяцев я денно и нощно служу родине, но я не хотел принимать никакого участия в руководстве государственными делами. Я выступил на арену с первой минуты тревоги и, разделяя общие опасности, повиновался лишь велениям моего сердца. С вечера вторника, дня взятия Бастилии, до вечера пятницы я не покидал комитета дистрикта Карм, которого я был членом. Вынужденный, наконец, отдохнуть, я появился там лишь в воскресенье утром. Опасность перестала угрожать, и я мог относиться к событиям несколько хладнокровнее. Как ни казались мне важны обязанности окружного комиссара, я чувствовал, что они не подходят к моему характеру, ко мне, который не принял бы места первого министра финансов, даже чтобы спастись от голодной смерти. Итак, я предложил комитету завести свой печатный станок и согласиться на то, чтобы я служил родине, составляя историю революции, подготавливая план организации муниципалитетов, следя за работой Генеральных штатов. Предложение мое не пришлось по вкусу большинству; я принял это к сведению и, проникнутый сознанием своей полной непригодности ко всякой другой работе, удалился. В глазах стольких честных граждан, извлекающих выгоды из чести служить родине, у которых моя отставка является чистой глупостью — я это знаю, но мое предложение не исходило от человека, перо которого продажно.

План, предложенный мною комитету дистрикта Карм, я осуществил в собственном кабинете и за свой счет. Друзья мои сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать мне писать о современных делах; я предоставил им вопиять и не побоялся погубить их.

Наконец, я не побоялся восстановить против себя правительство, принцев, духовенство, дворянство, парламеныты, плохо организованные округа, штаб наемной гвардии, советников судебных палат, адвокатов, прокуроров, финансистов, биржевых игроков, растратчиков, шаяков государства, всю бесчисленную армию врагов общества. Это ли план человека, стремящегося продаться?

Но ради кого я создал себе эти полчища смертельных врагов? Ради народа, этого бедного народа, изнуренного пуждой, всегда притесняемого, всегда попираемого, всегда угнетаемого и в распоряжении которого никогда не имелось для раздачи ни мест, ни пенсий. Именно за то, что я стал на его сторону, я подвергаюсь преследованиям злоб-

я посвятил тебе мои бессонные ночи, я пожертвовал ради тебя покоем, здоровьем, свободой; дважды, чтобы продлить твои дни, я рисковал жизнью, и вот теперь, когда меня преследуют твои враги и я вынужден бежать, чтобы спастись от их ярости, ты безмолвствуешь. Но нет, я ни в чем тебя не виню; безупречна ли была бы моя добродетель, если бы рассчитывала на твою любовь?

ствующих, нахожусь в сетях декрета об аресте как злоумышленник. Но я не испытываю никакого сожаления; то, что я делаю сейчас, я бы сделал еще раз, если бы начинал все сначала. Низкие люди, не знающие в жизни другой страсти, кроме золота, не спрашивают меня, какой интерес руководил мною; я мстил за человечество и оставлю после себя имя, в то время как ваши имена созданы для забвения.

Не все газетные писаки, готовые клеветать на меня, представляют собой законченных негодяев. Я на это надеюсь; пусть же они хоть на одно мгновение углубятся в самих себя, и тогда они устыдятся своей низости. Я не буду осыпать их бранью и не сделаю им никаких упреков; но если между ними имеется еще хотя бы один, который сомневается в том, что пером моим руководит лишь мое сердце, пусть он придет посмотреть на мою гробницу.

Наконец, должен ли я продаваться для того, чтобы иметь деньги? Я имею профессию, которая давала мне заработок и будет давать его впредь, как только я решусь отказаться от участия в правительстве. Я даже ставлю ни во что этот отказ, потому что нуждаюсь только в своем пере. По бесконечным мерам предосторожности, принимаемым врагами государства для того, чтобы помешать моим произведениям увидеть свет, мои клеветники могут убедиться, что я буду иметь достаточно читателей. «Друг народа» был бы в их руках щедрым источником дохода,— в моих руках он остался бесплодным; три четверти дохода я предоставил издателям, на которых возложил заботы по печатанию и продаже, под условием чтобы номер продавался разносчиком за один су.

Я надеюсь, что мною сказано достаточно, чтобы рассеять отзвуки этой клеветы, единственной, которая могла бы нанести удар защищаемому мною делу. Что касается других клеветнических обвинений, то я оставляю моим клеветникам свободное поле деятельности и не буду терять для опровержения их время, которое я обязан посвятить родиче.

Призыв к нации ¹⁴

Vitam impendere vero!

С побережья, куда меня забросила буря, нагой, разбитый, израненный, обессиленный и полумертвый от усталости,зираю я со страхом на это бурное море, по которому бесечно несутся мои ослепленные сограждане; я содрогаюсь от ужаса, провидя прозящие им опасности и беды, их ожидающие; стон вырывается из груди моей, ибо я не властен протянуть им руку помощи; но в моем бессилии, виною которому — злой рок, мне остается лишь бесплодно сетовать на вероломных и невежественных кормчих, ведущих корабль к гибели, приказавших и меня выбросить за борт, якобы для того, чтобы эту жертвою усмирить бурю.

Будем говорить без прикрас! Претерпев лишь мучения за мою ревность ко благу отечества, я не буду сетовать более пред лицом Национального собрания; чванные и пустые люди, которые дерут шкуру с народа и рядятся в нее, лицемеры, сбивающие его с пути, законники, торгующие его правосудием, интриганы, которые стараются поработить народ, негодяи, которые морят его голодом, злодеи, изо всех сил стремящиеся низвергнуть его снова в бездну, — словом, общественные враги, возглавляющие законодательный корпус, возмутились бы при одном моем имени; ослепленные своими страстями, глухие к голосу долга, они бы уничтожили без пощады неподкупного, который осмелился разоблачить их черные замыслы и защищать от них дело свободы. Пусть упиваются своим ложным триумфом — я не стану более докучать им своими сетованиями:

я дерзаю обратиться с ними к нации; ради нее я ратовал и ради нее навлек на себя проклятие.

Если нация способна забыть мою преданность, я готов безропотно подчиниться своему суровому жребию, но прежде чем я паду под ударами тирании, у меня будет одно утешение: покрыть позором своих подлых преследователей, а затем я окутаю главу плащом и подставлю шею под меч убийц.

Друг Народа, которого министерство преследует словно злодея! Это было бы невероятно, если бы министерство не состояло из врагов народа. Человек добродетельный, жертва своей же доблести, всего более сокрушается не потому, что его одолевают козни злодеев, но потому, что видит, как его невинности коснулось подозрение. Чтобы восторжествовала моя невинность, необходимо вернуться к исконной причине преследования, воздвигнутого на меня; но чтобы показать всю гнусность моих преследователей, достаточно простого изложения событий.

Настал для французов час сбросить жестокое иго, под которым они изнывали столько веков. Если им это удалось, то они обязаны этим успехом стечению исключительных обстоятельств. Если они знают свои права, то преимуществом этим они обязаны философии, которая сорвала с их глаз повязку заблуждения, надетую деспотизмом. Если Генеральные штаты, столь давно преданные забвению, были возвращены им, то счастьем этим они обязаны злоупотреблениям властей, хищничеству должностных лиц и тем преградам, которые некоторые суды поставили такому разбою. Если народ был хоть сколько-нибудь принят в расчет при возобновлении его прежних собраний, то этим восстановлением своих прав он обязан писателям-патриотам, которые показали в истинном свете властолюбивые замыслы привилегированных сословий, жадно стремившихся упрочить навеки свое господство; это новое положение вещей не встретило безразличного отношения; чтобы воспрепятствовать народу вступить полностью в свои права, и для того, чтобы вечно держать его под игом, надо было распустить Штаты; была сплетена черная сеть козней, и под предлогом попечения об общественной безопасности враги революции готовились извести нас голодом, огнем и мечом. Но небо было за нас: мало того, что мы уцелели,—меры, принятые врагами для истребления нас, способствовали нашему же торжеству. С этого мгновения выборные от различных сословий сделались представителями нации; этою честью они обязаны тому возбуждению, которое было поднято во всех умах писа-

ниями людей решительных, тому негодованию, которое они посеяли против угнетения, той ярости, с какой народ восстал против своих угнетателей, и тем сценам кровавой расправы с виновниками, которую он учинял.

В созерцании таких актов справедливого мщения наши вероломные враги, оцепенев от ужаса, прекратили на время свои отвратительные махинации и соединились с представителями народа; бывшие перегородки, разделявшие сословия в государстве, рухнули, наконец, пред лицом вечных законов разума и справедливости. В молчании созерцали наши враги, как рушатся страшные памятники тирании, и даже делали вид, будто сами вырывают камни из-под них; но едва только им дали время притти в себя, они снова стали помышлять лишь о том, как бы задержать их падение, обмануть праждан тысячами уловок и составить новый заговор.

Основы конституции были заложены в гущу заговоров против рождающейся свободы; в смятении и в бурях было возведено роскошное строение, которое враги наши непрестанно стремятся разрушить; они то идут тайным подкопом, то явно и дерзостно подрывают его основы — смотря по тому, насколько благоприятствует им фортуна.

Народ только что разбил свои оковы, и в руках у него оружие. Опьяненный ложным триумфом, он уже мнил себя свободным и независимым, но пока он воспевает свою победу, враги его блага, отдавшись бешенству, в молчании сплетают нити своих гнусных козней. Вместо того чтобы избрать себе вождей просвещенных и неподкупных, народ страдает от того, что бесстыдные интриганы присваивают себе имя его депутатов, вручают им свои полномочия, доверяется им и, убаюканный ими, погружается в тупую дремоту; они же, злоупотребляя вверенною им властью, обращая против народа оружие, которое он сам им вручил, незаметно отнимают у него его права, и дабы вернее склонить его снова под иго, они делают все для того, чтобы умирить его голодом. Бездна зияет; если народ еще не сорвался в нее, он должен благодарить за это немногих неподкупных друзей отечества, которые раскрыли страшный заговор; осмеливаюсь причислить к ним и себя.

Мирный пражданин, приверженец порядка, преклоняясь пред справедливостью и страстно любя свободу, я с давних пор проводил жизнь в исследовании законов природы, пока крайнее расстройство дел государства не изменило предмета моих излюбленных занятий. Предмет этот не был чужд политики, и мне казалось, что для человека добродетельного ничего не

может быть достойнее, как посвятить свои писания благу великого народа. И вот на ложе скорби я написал «Дар отечеству». Я говорил там не об устранении мелких недочетов в управлении, но о коренном преобразовании государства; я стремился начертать законы, необходимые для восторжествования свободы, без которой восстановление государства будет лишь пустым бредом. Небольшое произведение это возбудило внимание; взгляды, содержащиеся в нем, быстро распространились, и я заметил с удовлетворением, что они вошли почти во все указы депутатам Генеральных штатов.

Подготовительные работы учредительного комитета только что появились; они заключались в нескольких проектах *прав человека и гражданина*, равно недостойных ни просвещенного века, ни многочисленного собрания, призванного восстановить государство; то были скороспелые плоды философического тщеславия, с нетерпением ожидавшего повода выставить себя напоказ; некоторые члены комитета, самозванные восстановители свободы Франции, сохранили за престолом множество захватнических прерогатив, вплоть до гнусной привилегии распоряжаться провинциями и продавать подданных, словно презренный скот. Эти позорные постановления, к разоблачению которых были приняты должные меры, преисполнили меня негодования и внесли ужас в мою душу; я взялся за перо и ударил в набат; на нескольких страницах я предал позору самый проект и его составителей; он был так обесславлен, что его не дерзнули обнародовать более широко, и председатель комитета, ставший предметом общей ненависти Национального собрания, вынужден был, наконец, забить отбой.

Видя столько необдуманных опытов, я все более понимал, как мало знают в обществе о правах человека и об устройении политического механизма на благо народов; я набросал план конституции* свободной, справедливой и разумной; я наметил в нем преобразования, *которые надлежит* произвести; я призывал нацию изъять церковные имущества, позорно расточаемые духовенством, и употребить их согласно их предназначению; я предлагал отменить все незаслуженные или чрезмерные пенсии, упразднить бесполезные или соблазнительные должности, уничтожить княжескую гвардию, я показал необходимость отнять у короны право назначения на духовные, гражданские и военные должности, сократить армию наполовину, установить подлинный государственный трибунал, на

* План этот был опубликован в конце августа 1789 г.

обязанности коего лежало бы судить должностных лиц за злоупотребление властью, торжественно утвердить права нации, распределить и ограничить власть в государстве таким образом, чтобы общественная свобода отнюдь не подвергалась опасности. Большинство этих взглядов было принято.

Состав Генеральных штатов, множество врагов революции, скрытых в их недрах, ничтожные способности и рвение, проявленные подавляющим большинством в деле устройства общественного блага,— все это убедило меня в необходимости иметь бдительный надзор за Национальным собранием, указывать его ошибки, непрестанно напоминать ему о благих принципах, доказывать и защищать права гражданина, проверять чиновников казны, протестовать против их посягательств, сдерживать их лихоимство; намерения эти могли быть выполнимы лишь с помощью истинно национального органа. Я неоднократно выступал со всею силой против тревожных законопроектов и притеснительных постановлений, например, против закона о вето, военного закона, постановления о серебряной марке, о присвоении прав народа Национальному собранию, об узурпации прав общины в пользу муниципалитета, об обычном порядке обнародования законов; я неоднократно разоблачал гнусные козни против отечества задолго до того, как могли проявиться их последствия; я бил тревогу и призывал к оружию, пока еще было время спасти родину; я неустанно предупреждал нацию о том, что враги общества всегда готовы возобновить свои преступные козни; я побуждал верных сограждан очистить Национальное собрание, муниципальные корпуса, суды и областные комитеты от продажных, опасных или подозрительных членов; я осуждал проект возвращения монарху отряда его телохранителей; я осуждал недостойный полицейский регламент, отдававший патриотические издания на произвол муниципального управления при посредстве газетчиков, и еще более недостойное постановление об аресте за частные долги; я бдительно проверял, обуздывал и укрощал должностных лиц, предавая гласности их лихоимство, их преступления и все их посягательства.

Достаточно мельком просмотреть мои издания, чтобы увидеть на каждой странице доказательства моего усердия; когда-нибудь они послужат свидетельством моих неустанных трудов, направленных к обеспечению свободы и блага народного.

Тревожась по поводу голода, прозившего народу среди полного изобилия, я очень скоро понял, что заготовка зерна, со злым умыслом предоставленная частным лицам, может

быть осуществлена лишь при поддержке государства, главным образом при поддержке муниципалитетов, ибо они одни в состоянии использовать общественную силу для содействия министерским агентам. Возмущенный постоянными усилиями первого министра, направленными на то, чтобы возвратить монарху абсолютную власть, возмущенный парижским муниципалитетом, в составе которого находились агенты управляющего финансами*, королевские пенсионеры, приказные, крючкотворы, мошенники, негодяи, все приверженцы старого режима; возмущенный непрекращающимися попытками со стороны муниципального управления ввести общество в обман относительно истинных причин голода, я в молчании следил за ходом событий; после некоторых явных фактов я не колеблясь обвинил министра в том, что он — главный виновник этих злоупотреблений, а муниципалитет — в недостойном потворстве ему.

Организация национальной милиции, огромное жалование, выплачиваемое штабу наемных войск, недостойный выбор** старших офицеров регулярных войск, тот разлад, который военная форма должна была посеять среди граждан, корпоративный дух, который главнокомандующий старался привить известной части солдат, образуя гренадерские и стрелковые роты, несчастья, которые должны были явиться неизбежными последствиями этого разлада, — все это внушало мне опасения, и я публично заявил об этих преступных деяниях.

Возмущенный множеством ударов, нанесенных муниципалитетами общественной свободе, и отчаявшись, видя, что они по-прежнему вызывают первую тревогу, я разоблачил их гнусные намерения и вызвал повсюду тревогу. Меня стали упрекать, будто я не соблюдаю никакой меры в своих выступлениях. Но мог ли я, раздраженный жалобами на должностных лиц, которые посылались мне отовсюду, утомленный толпой притесняемых, искавших у меня защиты, возмущенный постоянными злоупотреблениями властей, все новыми и новыми покушениями приверженцев деспотизма, — мог ли я не вознегодовать на виновников стольких

* Все эти Леле, Делетры — низкие интриганши и аферисты.

** Нам возражают с уверенностью, будто выборы эти произведены по дистриктам; надо быть очень наивным, чтобы поверить этому. Во-первых, окружные собрания, далеко не полные, никогда не являются общими, а во-вторых, кто может сомневаться, что власти умеют собирать голоса при помощи интриганов, и кто не знает, что нескольких сотен голосов, купленных за сходную цену, достаточно для того, чтобы вызвать к бытию командира батальона?

злодеяние и не излить перед ними отвращение, которое наполняло мою душу?

Меня упрекали в том, что я беспощадно обрушился на общественных врагов; но должно ли шадить вероломного врага? Солдат на службе отечества, я бился за него с отвагой воина, ведающего правое дело, которое он защищает. Если мое рвение на благо народа и заводило меня порою слишком далеко, то можно ли вменять мне в вину, что я видел только опасности, грозящие народу, и пожертвовал собою ради него?

Наконец, мне было поставлено на вид, что я слишком уповал на правоту своего дела и не подумал о том, что нельзя безнаказанно нападать на людей, облеченных властью; но если бы такое утверждение имело под собою основание, вся революция была бы невозможна; могло ли тогда произойти то, что было 14 июля и 6 октября? Далее, вероятно ли было, чтобы враги государства, которых я всегда клеймил, внезапно сняли маски и, пренебрегая всякою видимостью, решились действовать открыто? Говорило ли что-нибудь за то, что патриотическая часть Национального собрания состоит не из одних трусов, что солдаты национальной гвардии — не только слепо повинующиеся машины, что верные граждане, которых я призывал сплотиться, останутся одиночками, а Друг Народа увидит в конце концов, что он — один против всех?

Упреки эти свидетельствуют, кроме того, что те, от кого они исходят, мало знают природу человека. Известно ли им, что только страх позорной огласки может сдерживать злодеев? Это было единственное оружие, оставшееся мне в борьбе с врагами отечества; я долго и успешно пользовался им, пользовался бы им и далее, если бы не одно злосчастное происшествие, которого нельзя было предвидеть при всей осторожности и которым не преминули ловко воспользоваться должностные лица.

Я опубликовал множество обвинений против муниципального управления, которые все были в равной мере важны и обоснованы; оно же оставалось неизменно глухо к ним и только отмахивалось. Один единственный раз за всю эту войну, в которой моя одинокая позиция была столь невыгодной, я предал гласности одно возмутительное преступление, учиненное в собрании временных депутатов общины*; преступление это было хорошо доказано, но, положившись на уверение пострадавшего, я ошибся относительно личности виновника. Обвиненный тот-

* См. «Друг народа» № XXIV.

час принялся метать громы и молнии, кричать о клевете, подал жалобу и привлек меня к суду, и вот за невинную ошибку, которой я не мог ни предвидеть, ни обеспечить себя от нее, я был присужден к аресту, словно преступник. Приговор должен был быть приведен в исполнение 6 октября, но ввиду грозных обстоятельств королевские чиновники не решились трогать меня и удовольствовались тем, что вызвали в суд моего издателя и типографщика. Будучи убежден, что проливать свет на поступки должностных лиц, предавать их гласности за малейшее злоупотребление властью и вести борьбу с ними не на живот, а на смерть есть дело не только дозволенное законом, но и похвальное, я посоветовал издателю не являться в суд, и он последовал моему совету; типографщик же, действуя лишь согласно своим предрассудкам, отправился к комиссару, который ограничился тем, что задал ему несколько пустых вопросов и рассыпался в любезностях; объясняется это тем, что известие о победе народа над заговорщиками было уже обнародовано, и королевские чиновники почли за лучшее умерить свой пыл.

Подобный приговор, вынесенный с такою легкостью по поводу поступка, продиктованного неусыпною заботой о благе государства, являлся покушением на личную свободу, оскорблением свободы общественной. Я был возмущен и заявил об этом во всеуслышание, раскрывая нации глаза на преступную дерзость такого господина, как Фландр де Брюнвиль. Слепленный злобой, этот гнусный притеснитель отдал второй приказ о моем аресте и попытался привести его в исполнение в ночь на 8 октября; в эту ночь перед моим домом появился отряд пеших и конных полицейских в сопровождении повозки, чтобы взять меня. Им не отперли; вынужденные вернуться ни с чем, они исчезли с наступлением рассвета. Остановимся здесь и разовьем мысль, которая могла бы ускользнуть от большинства читателей; это мысль о злключениях, которые претерпевают народы, защищающие свою свободу от представителей власти, сплотившихся с целью погубить свободу; последние смело позволяют себе тысячи преступлений и безнаказанно учиняют их под покровом попечения об общественном благе; но ни для кого из народа не проходит безнаказанно ни малейшая ошибка. Что делают власти, когда их обвиняют в преступлениях, доказательство коих неоспоримо? Они молчат. А когда на них возводят хоть одно единственное, основательное, но не вполне доказанное обвинение? Они поднимают громкий крик, протестуют против клеветы, прибегают к защите трибуналов, объявляют беспощадную войну и пользуются законами как орудием гнева для сокрушения

своих противников. Здесь уместно будет установить один политический принцип*, без которого свобода не может утвердиться, а законы будут лишь игрушкой в руках людей, самое назначение коих — заставить уважать эти законы; принцип этот заключается в том, что последний из граждан должен иметь право выступать против всех должностных лиц, если поведение их незаконно, двусмысленно или подозрительно; он должен иметь право всенародно клеймить их, разоблачать их злоупотребления, происки и замыслы; он должен быть ответствен только перед общественным трибуналом, чью признательность он заслуживает, если его разоблачение продиктовано желанием оказать услугу отечеству, и чей гнев обрушивается на него, если разоблачение это подсказано злым умыслом; обвиняемые же, обязанные оправдываться в возводимых на них важных обвинениях, должны быть судимы трибуналом государственным, если они действительно совершили преступление. Без этого никто не решится ни на какие разоблачения, зная, что его все равно осудят; граждане будут спокойно взирать на разрушение государства, не желая подвергать опасности свой покой, свободу и жизнь, а лица должностные, уверенные, что им всегда удастся вывернуться, окончательно станут помышлять лишь о том, как ниспровергнуть конституцию, поработить народ, содрать с него шкуру и ушить ее кровью; но мы слишком ограничены для того, чтобы осознать всю правоту этого принципа.

* Мы так мало опытни в вопросах политики, так начинены пустыми предассудками, что готовы отнять у людей дальновидных средства спасти нас от гибели. Когда просвещенный гражданин клеймит министров, всегда являющихся врагами народа, мы обвиняем его в клевете, поскольку он не приводит юридических доказательств; как будто какой-нибудь правитель станет отдавать письменные распоряжения о взимании мзды, о нарушении долга службы, об измене; как будто для того чтобы объявить его виновным, недостаточно удостовериться в том, что распоряжения эти должны были исходить от него и без него не могли быть приведены в исполнение: как будто недостаточно для этого знать его взгляды и его отношения с подчиненными ему лицами; как будто в большинстве случаев недостаточно проследить общий ход дел в государстве, чтобы обвинить этих людей в преступлениях; как будто, наконец, они добиваются признательности за учиненные им деяния! Что меня окончательно смущает, так это то, что положения, которые мне хотелось бы ввести по отношению к государственным преступникам, приняты у нас в отношении преступников частных; в каком бы преступлении королевский прокурор ни обвинил какого-либо гражданина, он не возбуждает никаких нареканий, если только его обвинение не продиктовано злым умыслом. Почему же нам не обратить на благо государства те правила, которые предназначены охранять спокойствие граждан и их семейств?

Вернемся к нашим пустым предрассудкам и допустим, что никто из граждан не имеет права заниматься делами политическими и следить за деятельностью должностных лиц; если бы даже при этом условии какой-нибудь дерзкий писатель выступил против них без повода, без основания и без причины — министерство в самом абсолютном государстве не может иметь права карать его; подавать жалобу и возбуждать дело надлежит оскорбленной стороне. Если же наши законы, как бы дики они ни были, не признали за бесчинствующим сатириком, за наглым клеветником никакой серьезной или позорной вины, то могли ли королевские чиновники отдавать приказ об аресте Друга Народа, даже если он был повинен в дерзости и в клевете? Что сказать о мере, которую судьи из Шатлэ позволили себе по отношению к нему, что сказать о гнусном злоупотреблении, в котором они повинны? Ведь эти неумолимые судьи обвиняют его только в фанатизме, с которым он боролся за свободу; люди же рассудительные почитают его пламенным патриотом, а друзья отечества — мстителем за угнетенных, защитником прав народа, заступником нации.

Я чту истину, преклоняюсь пред справедливостью и хочу только блага, но я не непогрешим, и мои ошибки могут иной раз иметь досадные последствия, за которые оскорбленный вправе требовать удовлетворения, даже если я их и не совершал. В том обстоятельстве, что господин Жоли, согласно нашему средневековому судопроизводству подал жалобу и повел дело дальше, нет ничего неестественного. Но как объяснить то обстоятельство, что королевский прокурор и уголовный судья из Шатлэ возбудили преследование против меня, или, вернее, раз уж речь зашла о королевском прокуроре, что он выступил в роли судьи в собственном деле, потребовал приказа о моем аресте и что уголовный судья отдал этот приказ? И кто же эти судьи, эти приверженцы порядка, которые разыгрывают из себя законных мстителей, чтобы лучше притеснять меня? Какой-то Башуа, человек неистовый и желчный, столь подло предавший дело народное и с таким позором выступавший в парламенте при Мопу, человек, заклеявший общественным мнением еще во дни рабства, человек, против которого со всех сторон слышны вопли несчастных, притесняемых им; наконец, человек, связи которого * постыдны и самое имя которого равносильно позору; какой-то Фландр де Брюнвиль, человек, которому глас народа приписывает тысячи постыдных

* Он является интимным другом бесчестного Лемуара.

деяний, преданный всем страстям, которые позорят человечество, человек, продавшийся власти, гнусный приверженец тирании, низкий раб наживы, бесчеловечный сын, который в надежде обмануть своих кредиторов попирает долг, стыд, природу, решаясь покуситься на свободу, покой и честь почтенного отца и довести того, кто дал ему жизнь, до смерти от горя в смиренном доме*; чудовище, недостойное лицезреть свет небес; все народы мира, для которых слово «правосудие» не звук пустой, казнили бы этого изверга позорною казнью; он был бы распят у иудеев, побит камнями у швейцарцев и брошен на съедение диким зверям у римлян!

Таковы люди, о французы! купившие за деньги право быть судьями в своих же делах, право обвинять, арестовывать и притеснять вас и располагать по своему произволу вашей свободой, покоем и жизнью. Таковы верховные судьи этого средневекового трибунала, которым Национальное собрание поручило ведать преступления против нации, мстить за народ и карать его притеснителей; таковы люди, в руках которых находится ваша судьба. Посмотрите, как они силятся оправдывать врагов отечества и обвинять его защитников. О стыд! о ужас! Сердце мое разрывается от скорби, все мое существо сокрушается, и жизнь моя готова изойти кровавыми слезами.

Попытка захватить меня, предпринятая 8 октября, и старания врагов революции, направленные к тому, чтобы возмутить народ против меня,—все это встревожило моих друзей; они решили, что в Париже мне более небезопасно оставаться, оторвали меня от моего домашнего очага и водворили в Версаль. Я обратился с жалобой в Национальное собрание; тщетно пытался председатель огласить мое справедливое заявление — голос его был заглушаем воплями аристократической партии, знатью, прелатами, приказными, королевскими судьями, правоведами, дельцами — всеми, от кого я хотел очистить законодательный корпус, без зазрения совести изменивший своим правилам в отношении меня и предавший меня гнусным преследователям. Сколь слаб оплот правосудия против разгула страстей! Принужденный скорбеть в уединении, я предавался грустным размышлениям по поводу ослепления, в котором пребывают народные представители, и по поводу слабости этих самозванных защитников его свободы; но вот я узнаю, что министр финансов находится во главе моих преследователей. Я об-

* Общеизвестно, что господин де Брюнвиль засадил своего отца в Шарантон, дабы избавиться от выполнения обязательства, заключенного им с человеком, владения коего он удержал за собою.

винял его в том, что он виновник злоупотреблений при заготовке зерна, виновник голода, изнуряющего страну, и всех наших несчастий и бедствий; я требовал его преступной головы; он дрожал от страха, что все его деяния могут быть обнаружены, он хотел обойти меня тайком; но, соединяя постоянно коварство со свирепостью, он явился в дистрикт des Filles Saint-Thomas и потребовал, чтобы ему представили обвинительные документы, дабы он мог оправдаться; в то же время он подбивал муниципалитет отнять у меня все средства для его разоблачения.

При личном свидании с графом Перне я узнал, что преступление, против которого он возражал с такою горечью, имело место в действительности; он только назвал не то имя, говоря о преступнике*. Я же называл его имя, полагаясь на уверение Перне; я догадался, что Жоли, может быть, и невиновен. В моих правилах быть справедливым по отношению хотя бы к самому дьяволу; поэтому я поспешил исправить недоразумение, в силу которого этот муниципальный секретарь мог быть обвинен в не содеянном им преступлении; я написал ему письмо, в котором отказывался от своего подозрения, и письмо это появилось в печати. Выполняя эту обязанность, налагавшую на меня в равной мере уважение к истине, любовь к справедливости и чувство чести, я вполне удовлетворил требованиям, которые мог бы предъявить ко мне самый строгий суд; и я полагал, что у господина Жоли достаточно стыда для того, чтобы взять обратно свою жалобу и прекратить дело, начатое им, но позднее оказалось, что я был о нем слишком высокого мнения.

Однако я снова взялся за перо и продолжал выступать против новых преступлений министра финансов, главы муниципалитета и начальников управления. Страхи их проснулись, и преследование опять началось. Чтобы залучить меня в сеть, они заставили меня подписать извещение о вызове в суд с обязательством личной явки по иску г-на Жоли. Я и не думал являться, но я поручил одному прокурору предпринять

* Граф Перне признал (и притом в присутствии нескольких свидетелей), что если он и дал сбивчивые показания по этому пункту, то с целью избежать какого бы то ни было препирательства с г-ном Жоли, которое могло бы задержать отъезд графа в Бургундию, где присутствие его было необходимо. Должен прибавить еще, что мой отказ от своих слов был неправильно понят. Я не считаю г-на Жоли добросовестным или безупречным человеком; напротив, я знаю, что он низкий интриган, и готов доказать ему это, но я заявляю, что он не совершил того подлога, в котором я его обвинил, полагаясь на слова графа Перне.

все необходимые шаги, дабы разведать, что замышляется против меня в Шатлэ. Главный секретарь уверил его, что не существует никакого приказа о моем аресте и что извещение о личной явке не будет иметь никаких последствий. Королевский прокурор подтвердил это и прибавил, что он оставил меня в покое и что я должен быть ему благодарен. Что касается уголовного суда, то он уклонялся от ответа на предложенные ему вопросы под предлогом полной неосведомленности. Ниже будет видно, что все их благородные заверения оказались наглой ложью с целью поймать меня в свою западню; так-то судьи Шатлэ, не краснея, прибегают к постыдным проделкам, пуская в ход свои свидетельства, унижаясь до позорной роли шпионов, и это — сыны Фемиды!

Я уже заметил, что один приказ об аресте был отдан по жалобе г-на Жоли; произвольная замена его извещением о личной явке в суд была безмолвным свидетельством того, с каким беззаконием и яростью начала разыгрываться процедура, направленная против меня. Хотя я и ответил презрением на эту новую уловку со стороны властей, тем не менее извещение о личной явке не было заменено приказом об аресте, а, наоборот, королевский прокурор заявил моему поверенному, что по отношению ко мне не будет применено никакого насилия и что я явлюсь, когда смогу. Я попрежнему подозревал здесь новую западню, ибо знал из верных источников, что существует официальный приказ о моем аресте. Все это лицемерие, коварство, обманы и предательства исполняли меня презрением по отношению к судилищу, во главе которого стоят подобные люди; я обдумывал план, как осветить наилучше все его деяния, разоблачить его беззакония, покрыть его позором и заставить всех осознать настоятельную необходимость его упразднения; я выжидал только подходящего случая.

Мой уединенный образ жизни в Версале показался странным хозяину гостиницы, у которого я столовался; он донес на меня, и я был арестован как человек подозрительный. Но как только имя мое стало известно, я был выпущен на свободу. Убежище мое было обнаружено; я нашел другое на Монмартре; но тот же образ жизни, который я продолжал вести и там, породил те же подозрения. По доносу, сделанному муниципальному комитету розыска, я был арестован и препровожден в городскую ратушу. Я был слишком хорошо известен, чтобы меня могли счесть за антипатриота; таким образом, мое почетное освобождение было предпринято до того, как бумаги мои были проверены. В числе их находилось не-

сколько довольно резких номеров «Друга народа», а также мое разоблачение, направленное против Неккера. Из него прочли несколько отрывков. Маркиз де Лафайет настоятельно просил меня не выпускать его в свет.

Очутившись на свободе, я по возвращении к себе первым делом потребовал возврата своих печатных станков, которые были забраны в мое отсутствие по распоряжению муниципального управления и отправлены в дистрикт св. Стефана, что на Горе. Хотя я и был еще под угрозой ареста, я, не боясь, показывался везде, отправился в ратушу, в мэрию, во дворец и т. д. Энергия, с которой я настаивал на правах гражданина, оскорбленных в моем лице, восторжествовала над всеми препятствиями. Дистрикт св. Стефана, что на Горе, мэр и исправительный трибунал поспешили удовлетворить мое ходатайство: печатные станки были возвращены мне, и, что покажется, без сомнения, удивительным, № LVII моего журнала *, явившийся причиной моего ареста, был возвращен мне вместе с черновиками. Это значило признать торжественно, что я с основанием выступал против блюстителей власти, и подтвердить во всеуслышание, что всякий гражданин имеет право писать во вопросам общественным.

Весть о моем возвращении разнеслась быстро, это было событие дня. Г-да де Брюнвиль и Башуа узнали об этом первыми. В продолжение месяца я свободно занимался своими делами, и они не делали никакой попытки преследования. Казалось, что мой покой обеспечен и что я, наконец, могу вздохнуть, ибо, хотя я и продолжал разоблачать преступные деяния должностных лиц по министерству и муниципалитету, коллеги г-на де Жоли прислали мне в город бывшего избирателя, дабы убедить меня, что они намерены отменить приказ о моем аресте.

Мне показалось, что настал момент, подходящий для выступления против Шатлэ. Упорные старания этого судилища притеснять друзей свободы и спасать предателей отечества приводили меня в негодование, и я сторал жаждой заклеить его всенародно, но я слишком хорошо знал нрав подобных судий, чтобы положиться на их заверения, и, рассматривая направленные против меня приказы (сколь бы гнусны они ни были) как опасное оружие, которым они не преминут воспользоваться в один прекрасный день, дабы погубить меня, я решил выбить это оружие из их рук; с этой целью я явился

* Самый резкий из всех, которые я выпустил.

в судебную канцелярию и потребовал, чтобы мне назначили день для явки на допрос, дабы устранить таким образом всякие жалобы на меня. Я полагал, что такой шаг избавит меня от опасений, что какой-нибудь приказ повлечет за собой мой арест. С этого мгновения я спокойно ожидал вызова в суд от уголовного судьи; но он не торопился выслушать меня всенародно. Между тем возмутительная пристрастность, проявленная секретарями, докладчиками и судьями в деле барона Безенваля, Мартена и Дюваль де Стэна, в деле об отставке Ривьера и в допросах кавалера Редледжа и маркиза де Фавра, преисполняла меня негодованием; я позабыл о собственном деле ради дела общественного и, ставя ни во что опасность, которой подвергал себя, побудил верных граждан направиться толпою в Шатлэ, потребовать, чтобы судебное следствие велось гласно, и встать на защиту своих прав. Перепуганные судьи предупредили остальных членов суда; они подчинились своим обязанностям, но затем, следуя лишь голосу своих страстей, они вошли в соглашение с муниципалитетами и с общественными врагами. Г-н Буше д'Аржи, против которого я выступал в печати, извлек из судейской пыли извещение о моей личной явке, переделал его совместно с секретарем в приказ о моем аресте, вызвал шестьдесят гренадеров и стрелков, которые поклялись захватить меня живым или мертвым, поставил во главе их судебного пристава и полицейских и отправил их глубокою ночью к моему дому. Я сумел уклониться от этого удара; на другой же день я всенародно сообщил об этом покушении* и нарисовал картину гнусного произвола судей; они оцепенели от ужаса, поняв, что им должно бояться возмущенного народа.

Некоторые из них старались меня уверить, что они не при чем в этом преступном деле; другие, затаив мщение, ожидали лишь удобного мгновения, чтобы обрушиться на меня со всею яростью. О недостойные судьи! Вы дерзнули воспользоваться священным званием судьи, чтобы одолеть Друга Народа; но пока у него будет голос, он заставит вас трепетать за ваши незаконные победы, в ожидании, пока вас не истребит гнев народный; он заклеймит вас печатью позора, и ваши имена, которые он делает ненавистными, будут обозначать впрямь лишь извергов природы человеческой.

По мере того, как тучи сгущались надо мною, я удваивал

* Двое свидетелей-очевидцев уверили меня, что приказ этот был отдан по ходатайству г-на де Жоли.

усилия, чтобы достойно встретить бурю; я беспощадно обрушивался на общественных врагов и разоблачал их, не считаясь ни с чем. Ярость их достигла предела, они испугались, что все их постыдные деяния выйдут на свет, и, убедившись, что я не остановлюсь, прежде чем не сокрушу их, решили предупредить меня в этом. Полицейский комитет дистрикта Сорбонны, по чьему-то угодливому доносу сообщил в ратушу, что № LXXXIII моего журнала неуважительно отзывается об обожаемом министре и о главе муниципалитета. В ответ на такое смехотворное заявление исправительный трибунал вызвал меня под вымышленным предлогом, будто этот номер нарушал существующие правила; забавнее всего то, что старший прокурор оставлял за собою право принять такое решение относительно меня, какое ему будет угодно. Западня была слишком груба для того, чтобы ввести кого бы то ни было в обман; я не знал только, чему мне более удивиться — неумелости или дерзости этого пресловутого трибунала, позволяющего себе решать вопросы о свободе печати и высказывать суждения в собственных же интересах (ибо председателем его являлся мэр). Отводи обвинение, я отправил ему письмо, в котором изъяслял все мое удивление, указывая на невежество вызова через судебного пристава, в то время как я находился под угрозой ареста, как будто меня пожелали притянуть под меч Шатлэ, и ставил на вид непристойность угрозы: «принять решение относительно меня, какое ему будет угодно», — как будто он властен принимать иное решение, кроме того, которое вытекает из сути дела; если только он не считает себя вправе вообще принимать решения, какие ему заблагорассудится, ибо временные депутаты общины, будучи не более как простыми муниципальными чиновниками, не имеют права присваивать себе функций исправительного трибунала, равно как муниципальный комитет розыска не может изображать из себя инквизиционный трибунал по отношению к патриотам, отстаивающим дело революции или разоблачающим ее врагов. Таким образом, исправительному трибуналу пришлось оставить надежду увидеть меня; между тем г-н Буше д'Аржи условился со старшим прокурором заявить обо мне на общем собрании депутатов. Он думал устроить меня, выдвигая против меня полицейских из Шатлэ в сопровождении многочисленного войска; я же поверг его в страх, разоблачая в глазах общества; он собрал вокруг себя всю свою рать, и, не чувствуя себя все же в безопасности, велел сопровождать меня в город, дабы вымолить защиту у депутатов; они осыпали его уверениями в своем почтении и по-

ставили под охрану общины, вынеся грозное постановление против меня и против других писателей, имевших дерзость сорвать покров, который надели на себя враги отечества*. Протестуя против этого постановления, в равной мере непристойного и незаконного, я осуждал их за невежественность их судопроизводства, и спрашивал, в силу чего они присваивают себе функции судебного трибунала, тогда как обязанности их ограничиваются подготовкой плана муниципального управления; по какому праву они поручили своему прокурору преследовать писателя-патриота, который готов обвинять их самих в том, что они обманули доверие своих избирателей; на каком основании они обвиняют его журнал перед судом Шатлэ в качестве вредного органа, в то время как Национальное собрание, которому они усердно подражают, только что отвергло подобное же заявление, направленное против этого журнала врагами государства; на каком основании они поднимают травлю против свободы печати, назначение которой — разоблачать вероломных управителей, продажных депутатов и гнусных лихоимцев; на каком основании они селятся вырвать у меня из рук это оружие, в то самое время как Национальное собрание сохранило его за мною, отказавшись рассматривать данное дело? Я не только возражал против незаконности их постановления, но обвинял их самих как узурпаторов власти, им не принадлежащей, которую они стремятся употребить лишь на то, чтобы лишить отечество его защитников, привести его снова под иго и свергнуть в бездну.

Мое разоблачение против Неккера только что появилось;

* Постановление парижской общины от 15 января 1780 г. (воспроизводится по «Moniteur», т. III: «Собрание, глубоко потрясенное теми статьями из журнала «Друг народа», издаваемого г-ном Маратом, которые огласил г-н Буше д'Аржи, советник Шатлэ, в справедливом недоговании на все резкие выходы, какие позволяет себе этот журнал по отношению к должностному лицу, которое в продолжение стольких лет постоянно доказывает свою неподкупность, усердие, просвещенность и преданность в делах общественных и в особенности в делах защиты неимущих граждан; убежденное, что его поведение в качестве члена суда и докладчика по делу Безенвала является безупречным,— постановило: предписать старшему прокурору общины сообщить в той судебной инстанции, ведению коей это подлежит, помера названного журнала, в особенности ХСVII, и возможно настоятельно проследить, чтобы делу этому был дан ход; засвидетельствовать в протоколе почтение, коего заслуживает поведение и патриотизм г-на Буше д'Аржи, и объявить его под охраной парижской общины.

Подписи:

Мэр: Байн; председатель: Вермейль; секретари: Моро, Мюло, Селье, Гийо де Бланшвиль, Бертолио».

о нем было объявлено в первом выпуске, отобранном солдатами, которые явились первоначально с целью арестовать меня; его ожидали с нетерпением. Обвинение, предъявленное первому министру в том, что он — виновник голода, изнуряющего страну, участник заговора против отечества и главный из заговорщиков, не могло не возбудить любопытства и не распространить в то же время тревоги и ужаса; обвиняемый понял, что он погиб, если не погубит меня, и решение его было принято.

Дистрикт Кордельеров, возмущенный покушениями на мою безопасность, равносильными покушениям на личную безопасность вообще, задумал обуздать дерзость чиновников; были назначены комиссары, коим была вверена охрана свободы граждан, и вынесено постановление, согласно которому ни один приказ об аресте не мог быть приведен в исполнение без их визы. Враги революции перепугались; они собрали совет, решили погубить этот дистрикт вместе со мною и не останавливались ни перед чем, чтобы привести это в исполнение. Несколько городских депутатов попытались поднять против меня предместья Сент-Антуан и Сен-Марсель, изображая меня в виде возмутителя; они показывали несколько оскорбительных писем, полученных ими за моею подписью. Один из членов дистрикта осведомил меня об этих низких проделках, и я поспешил вывести их из заблуждения, раскрыв им чистосердечно свои намерения; у них открылись глаза, они воздали мне по справедливости и отвергли с негодованием клеветников на меня.

Таков удел народа: попадаться в ловушки, хотя бы и грубейшие; а одно из самых привычных занятий для врагов общества — это возводить подозрения на истинных патриотов, называя их тем, чем являются сами эти враги. Приверженцы министерского деспотизма, холопы муниципального управления, расхитители государства — словом, все заинтересованные в общественных беспорядках собирались по кофейням, распространяя слухи о том, что я — нарушитель общественной безопасности, наймит эмигрантов; они бегали по лавкам с целью поднять против меня национальную гвардию, несколько начальников которой были вовлечены в заговор; они до того увлеклись, что один из них решился биться об заклад, что я вскоре же буду вздернут на фонаре*. Между тем толпы

* Имя его сохранилось в списке кордегардии батальона Кордельеров, вместе со свидетельским показанием, подтверждающим это.

клеветников твердили со всех сторон, будто дистрикт Кордельеров образовал в союзе с аристократией грозную партию, чтобы произвести контрреволюционный переворот, во главе которого станет Друг Народа, и будто на дому у последнего находятся склады оружия, а двор уставлен пушками. Когда головы были возбуждены, решили назначить день для трагического действия. Накануне этого дня на рынках разбрасывались воззвания с приглашением явиться в особую контору в доме № 22 по Монмартрской улице, где им будут даны деньги и указано, что они должны сделать вечером. Контора эта была открыта; один гражданин из дистрикта Saint-Oppro-tin сообщил об этом полицейскому комитету; туда немедленно отправились двое комиссаров в сопровождении стрелков; у дверей они услышали, как какая-то женщина, требовавшая двадцать пять луи, удовольствовалась одним, другая женщина, просившая один луи, пошла на двенадцать ливров; они нанялись повсюду *требовать, чтобы Друг Народа при первом же появлении его в городе был вздернут на фонаре*. Раздатели и получатели денег были препровождены в комитет; они объяснили все; их спросили, сдержали ли бы они свое слово. *«О да, конечно!»* — отвечали они, — *мы же взяли у них деньги, и мы выпьем на них за здоровье Друга Народа*». После такого признания их отправили в муниципальный комитет розыска; готов поклясться, что это доблестное учреждение, деятельность коего ознаменовалась до сих пор розыском честных патриотов, которые карали предателей из числа королевской гвардии, никогда не обмолвится ни единым словом об этих небольших окольных приемах муниципалитетов.

На следующее утро, 22 января, суд Шатлэ восстановил действие официального приказа. Боялись, как бы народ, не поддававшийся соблазну, не воспротивился моему аресту; опасались сопротивления со стороны дистрикта Кордельеров. Главнокомандующий получил приказ поддержать Шатлэ достаточною военною силой; было отряжено двенадцать тысяч человек; три тысячи пехотинцев, столько же кавалеристов и пять тысяч шпионов обложили территорию дистрикта; пехота заняла главные улицы округа, начиная с переулка Бюсси вплоть до Французского театра; кавалерия заняла площадь Комедии; большой отряд кавалерии, помещенный у Нового моста, и отряд наемных войск перед порталом Лувра были наготове на случай необходимости, в то время как шесть тысяч человек было поставлено у въезда в предместья Сент-Антуан и Сен-Марсель, дабы не пропускать оттуда жителей.

Некоторые дистрикты отказались участвовать в этом «славном походе». Чтобы захватить меня, были выбраны те дистрикты, которые изъявили добрую волю; таковы были дистрикты Сен-Рош, Сент-Онора, Барнабитов, где все магистраты являются либо торговцами либо ремесленниками, изготовляющими предметы роскоши, т. е. людьми для революции безнадежными; люди эти оплакивают минувшее царство придворных мотов и расточительных прелатов и не ведают иного счастья в жизни, как обирать богатых мира сего. Во главе этой доблестной рати стал некий г-н Карль, в прошлом ювелир и ажиотер, ныне — аферист и командир батальона. Таким образом, 22 января парижские войска имели честь поддерживать судебных приставов в Шатлэ; два адъютанта генерала, состоя у них на посылках, венчали кортеж.

Около девяти часов утра судебные пристава явились в кордегардию батальона Кордельеров и предъявили гнусный приказ, помеченный 8 октября. Комиссары, коим была вверена охрана свободы, нашли его противоречащим вновь утвержденным законам и приостановили действие его на восемь часов, ссылаясь на постановление Национального собрания. Судебные пристава считали, что они не могут идти дальше, не имея распоряжений от Шатлэ.

На просьбу защищать их во время возвращения г-н Карль изъявил крайнее недовольство и заявил, что если судебные пристава уходят, то он не уйдет; затем он принялся бранить их в следующих выражениях: *«Я весьма сердит, что вам поручили эти приказы — не надо было за них браться; вы мне кажется изрядными негодаями, и я очень недоволен, очень недоволен».*

Тем временем шпионы, сопровождавшие войска, клеветали и угрожали по адресу Друга Народа; они изливали брань на граждан дистрикта, в то время как офицеры по примеру Карля подстрекали их оскорбительными речами, как бы желая вызвать стычку. Благоразумие и сдержанность граждан предохранили их от страшного бедствия, которое повлекла бы за собой малейшая выходка, и лишь какой-то случай предотвратил кровопролитие. Уже было спешно созвано общее собрание дистрикта; оно направило несколько комиссаров к главнокомандующему, дабы поставить ему на вид, что все грозные военные приготовления вызывают тревогу, и просить его водворить спокойствие своим присутствием. Тот ответил лишь, что, посылая столь замечательные силы, он только следовал приказанию, полученному от г-на Байи; в данное же время неотлож-

ные дела мешают ему исполнить их просьбу. Как будто может быть на свете дело более важное, чем предотвращение гражданской войны! Тогда они направились к г-ну Байи; тот ответил им в свою очередь, что он не думал, что будет послано столько народу. Извинение, достойное школьника со стороны человека, который отдал положительное приказание, и притом, без сомнения, в письменной форме, ибо главнокомандующий — человек слишком предусмотрительный, чтобы скомпрометировать себя!

Другие комиссары, вызванные для того, чтобы осведомлять Национальное собрание о происходящем и сообщать ему о тревогах и требованиях дистрикта, ожидали его решения. Незирая на всю жестокость приказа, направленного против Друга Народа, на угрозы общественной свободе и безопасности, Национальное собрание постановило, что его председатель обратится с письменным воззванием к дистрикту Кордельеров, дабы предупредить, «что декреты от 8 и 9 октября касательно уголовного судопроизводства не могут иметь обратной силы, прежние же приговоры суда должны быть полностью приведены в исполнение; что никто не может чинить в этом препятствий и что постановление дистрикта о визировании приказов об арестах на его территории носит (вопреки его намерениям) характер нарушения общественного порядка и посягания на его основы; что, наконец, Национальное собрание ожидает от дистрикта Кордельеров содействия выполнению приказа, а отнюдь не сопротивления».

После того как постановление это было прочитано, двое комиссаров отправились немедленно к Карлю и объявили ему, что ничто не препятствует более выполнению возложенных на него поручений; дом мой немедленно был оцеплен с трех сторон, а прилежащие улицы были заняты тройной шеренгой солдат.

Главнокомандующий с нетерпением ожидал постановления Национального собрания и решения дистрикта Кордельеров; они были ему сообщены его адъютантами. Получив новые распоряжения, они отправились в Шатлэ за судебными приставами и проводили их к моему дому; они явились около шести часов вечера. И вот тридцать офицеров вторглись в мое помещение со пиками наголо и все перерыли; они были готовы разорвать меня в клочья. Взбешенные безуспешностью обыска, они принялись грабить, обратили гнев свой на яблоки и стали рассовывать по карманам журналы, разоблачения и рукописи*,

* В лаге с фруктами было три свертка: в одном из них заключалось семь писем, в которых приводятся достоверные доказательства

несмотря на все увещевания комиссара, который хвастался своею честностью, чтобы устыдить их. Мародеры в неприятельской стране хозяйничали бы не столь разнузданно, как эти достойные патриоты в доме одного из своих сограждан, все преступление которого заключалось в том, что он хотел их же спасти от гибели. Я прощаю им их распущенность, так как они по крайней мере пощадили вещи, которые послужат когда-нибудь явными уликами вероломства и козней обожаемого министра.

Все было предусмотрено. На случай если я не буду захвачен, мои враги решили отнять у меня средства для распространения моих писаний; поговаривали о том, чтобы забрать печатные станки; после объяснений с моими поверенными удовлетвоались тем, что опечатали мою типографию. Были опечатаны также все шкафы в моей рабочей комнате, в которых находились комплекты моего журнала, журнала боялись, так как целью его было разоблачить замыслы предателей отечества.

Не допуская, чтобы у меня было в работе два печатных станка, солдаты и судейские вообразили, что к моим услугам была предоставлена также типография Брюн и Сави. В одиннадцать часов вечера* гренадеры взломали двери этой типографии, перебили формы, рассыпали шрифт, разнесли все на куски, а затем, гордясь своим набегом, вышли победоносным шествием, причем каждый нес по зажженной свече на конце ружья. Ни одна шайка разнузданных шелопаев не вела себя более скандально. От такого насилия до разбоя всего один шаг, и орудием этого насилия по доброй воле оказались граждане, вооружившиеся на борьбу против угнетения. Единственное оправдание их в том, что они были пьяны, ибо если бы они были в трезвом состоянии,—пришлось бы сознаться, что эти пресловутые воины отечества не более как мародеры, недостойные сражаться за общее дело.

злоупотреблений Неккера, в другом—все выпуски моего журнала с исправлениями для второго издания, а в третьем—начатая история революции.

* Заметьте, что эта ночная экспедиция была предпринята после одного приказа мэра, которым запрещалось производить обыски у публичных женщин, дабы не посягать на свободу граждан. Что за добрая душа, этот господин Байи, что бы ни говорили злые языки—будто этот полицейский приказ имеет в виду только укрывательство мошенников и шелопаев, которые по ночам ходят к девушкам, мошенников, в которых он нуждается.

Комиссары, судебные пристава и стража оставались у меня в доме до полуночи. Уходя, они поставили часового; таково прихотливое течение событий житейских, что ложе Друга Народа послужило полицейскому шпиону. До сего времени почти все войска находились в боевой готовности; теперь они отступили, за исключением отряда в триста человек, расположившегося возле Комедии, думая, что я там укрываюсь; они оставались там всего несколько часов. Так закончилась эта позорная экспедиция*. Она обесчестила бы любое деспотическое правительство; она-то ознаменовала собою зарю пресловутого царства свободы,—и по чьему приказу она была предпринята? По приказу правителей страны, блюстителей закона, защитников народа. О непобедимая власть суеты мирской! Неужели ты вечно будешь преградой для мудрости и правосудия?

Таково точное и краткое изложение всего происшедшего. Я бы кончил на этом, но в защиту свободы необходимо пролить свет на эти тайные беззакония и показать, какими средствами лишают родину ее заступников.

Меры, принятые министерскими, муниципальными и судебскими властями и посягавшие на свободу моего писательства и на мою личную безопасность под ложным предлогом охраны законов и содействия исполнению их, явились следствием двух возмутительных приказов; один из них был отдан 6 октября по ходатайству г-на Жоли, другой—8 октября по ходатайству г-на де Брюнвиль.

Приказ о моем аресте, отданный по ходатайству г-на Жоли, был вызван неумышленною ошибкой с моей стороны; я допустил ее, полагаясь на заверение одного потерпевшего, который с горечью возражал против очень серьезного преступления, совершенного в собрании временных депутатов парижской общины; притом я поспешил исправить эту ошибку, как только узнал о ней. И оскорбление и извинение равно были публичными; министры, депутаты, судьи из Шатлэ и главнокомандующий не могли не знать об этом; наконец, приказ об аресте был заменен личным вызовом в суд; таковым он и должен был быть, тем более, что я сам явился по вызову для дачи

* Говорят, что она обошлась более чем в пятьсот тысяч ливров казенных денег: надо было подкупить заведующих комитетами большинства дистриктов, городские власти, начальников буржуазной гвардии и вообще всех, кто мог оказать какое-то противодействие. Ослепленные граждане, вот на что пошла часть ваших взносов в пользу отечества!

показаний. Приказ, отданный по ходатайству г-на де Брюнвиль, если рассматривать его как последствие жалобы Жоли, должен был отпасть вместе с нею; в основе его могла лежать, таким образом, только низкая злоба королевского прокурора, разъяренного тем, что я осмелился напомнить ему об его обязанностях; попытки уничтожить меня под предлогом исполнения законов оказываются, следовательно, покушениями на безопасность и свободу граждан, на правосудие и законность; такие покушения должны преследоваться в порядке публичного обвинения. А между тем враги общества, ссылаясь на подобные документы, вооружили против меня столько убийц, двинули на меня несметные рати, готовы были навлечь на столицу гражданскую войну, чтобы остаться самим властителями государства и в один день избавиться от друзей отечества. Таким образом, документы эти, всю жестокость которых сознавал суд Шатлэ, не могли быть направлены к поддержанию законов и общественного порядка. Долго дремавшие в канцелярской пыли, они бы и остались там навсегда, если бы их не извлекло муниципальное управление или, вернее, министр финансов, ибо я уже был в состоянии спокойно проверять действия муниципалитетов, осуждать их пагубные замыслы и предавать гласности их злоупотребления, и буря против меня разразилась в то самое мгновение, как моя дерзостная рука готова была сорвать покров, окутывавший гнусные деяния возлюбленного министра. Видя, как разоблачаются его проделки, он воспылил гневом против неподкупного защитника прав нации и стал помышлять лишь о том, как бы его погубить; муниципальная администрация, мэр, суд, Шатлэ и главнокомандующий, слишком трусливые для того, чтобы замыслить это преступное предприятие, поддерживали его, тем не менее, со всяческою готовностью. Но эти подчиненные заслуживают не меньшей кары оттого, что они были только послушными орудиями в руках первого министра, скрытого за кулисами; обвиняя их перед лицом нации, я ограничусь их последней попыткой, самую преступною из всех. Приказ об аресте без всякого на то права может рассматриваться лишь как злоупотребление властью, целью которого было погубить меня и помешать мне разоблачить все их незаконные деяния. Следовательно, судья Шатлэ совершили преступление по должности; я же требую их отрешения от должности, которую они недостойны замещать, а также требую, чтобы они понесли наказание как изменники.

Что касается мэра, то, как бы близорук он ни был, он не настолько лишен рассудка, чтобы не понимать, к чему мо-

гут привести его невежественные распоряжения: вооружить несколько дистриктов против дистрикта Кордельеров. Я обвиняю его перед лицом нации не только как нарушителя общественного спокойствия, но как предателя отечества, не побоявшегося подвергнуть столицу опасности стать ареной гражданской войны.

Поведение главнокомандующего еще ужаснее, чем поведение главы муниципалитета. Он ссылается на полученное распоряжение — отрядить двенадцать тысяч человек, для того чтобы поддержать узаконенное преступление. Допускаю, что он как главнокомандующий не входил в рассмотрение того, справедлив или несправедлив приказ; он не был достаточно компетентен в этом деле, но как гражданин он обязан был представить свои соображения муниципальному управлению; кроме того, как главнокомандующий и как гражданин он должен был взвесить последствия данных ему распоряжений; мог ли он не знать, что воспоследует в случае сопротивления?

Для того чтобы восстановить несколько дистриктов против одного дистрикта Кордельеров, он остановил свой выбор на тех дистриктах, где почти все офицеры — враги революции; можно подумать, что он предвидел избиение и резню. Отказавшись прибыть к месту действия для водворения порядка, он тем самым подвергал столицу всем ужасам гражданской смуты. Я обвиняю его перед лицом нации как начальника, недостойного стоять во главе отечественных войск; я требую, чтобы он был смещен как вредный начальник, умеющий лишь рабски повиноваться, и требую также, чтобы он понес наказание, как злостный заговорщик*. Не стану говорить здесь о раболепстве большинства офицеров, руководивших экспедицией, в особенности о г-не Карле; сама природа предназначила этому грубому наймиту предводительствовать шайкой сыщиков. Скажу только, что этот низкий холоп делает честь выбору своего генерала. Что сказать о национальной гвардии, которая так буйствовала в тот день и унизилась до того, что защищала полицейских и шпионов, притеснявших безупречного гражданина, который собою пожертвовал для блага народа? Нет, я молчу о том, как воины отечества позорно забыли свой долг; я вижу только черные замыслы обожаемого министра, гнусного преследователя писателей-патриотов, разоблачивших его; он является главным виновником разнообразных покушений на мою свободу, безопасность и жизнь.

* Читатель услышит еще более серьезное обвинение его в вероломстве.

Но я слишком много говорил о себе; впредь я буду заниматься своим делом лишь постольку, поскольку оно может представлять интерес с точки зрения общественных дел.

Не будем обманываться. Когда во главе государства стоит слабый и добродушный монарх, невежественный и развращенный народ в одно мгновение может сбросить его; для этого достаточно стечения нескольких благоприятных обстоятельств. Но для того чтобы добыть свободу, потребно просвещение и добродетели. Без них народ быстро переходит от рабства к анархии, от анархии к распушенности, от распушенности к угнетению и от угнетения к рабству; мы завершаем этот неизбежный круг. После нескольких месяцев, в ужасах голода и в чаду ложного торжества, мы опять в оковах, и заковали нас именно те, кого мы избрали для охраны нашей независимости.

Требовать, чтобы депутаты от народа, министры юстиции, должностные лица были честными представителями, неподкупными судьями, верными исполнителями законов и защитниками граждан, равносильно требованию, чтобы люди преодолели свои предрассудки и страсти, властолюбие, честолюбие, корыстолюбие, жажду наслаждения и преклонение перед суетою мира; это значит ожидать, что души без порыва и низменные сердца отдадутся добродетели. Не будем выступать за пределы, положенные природой; не должно ждать ничего хорошего от блюстителей власти — должно принудить их выполнять свои обязанности; не нужно требовать, чтобы они были добродетельны — нужно помешать им творить зло; должно неустанно следить за ними, исправлять их поведение, проливать свет на все их проделки, разоблачать их честолюбивые замыслы, их губительные планы, их козни и заговоры и предавать их гласности, а это предполагает общественную цензуру. Нация, горько наученная своими бедами и стремящаяся выйти из состояния рабства, должна прежде всего позаботиться о том, чтобы привлечь всех просвещенных и бескорыстных людей к выполнению своих почетных обязанностей, признать в них свою защиту и в свою очередь защищать их.

Но мало удовольствоваться разоблачением вероломных депутатов, злодеев и лихоимцев; это ни к чему не приведет, если нация не позаботится о столь же срочных и верных мерах к их обузданию и наказанию. Орудие кары может быть вручено лишь испытанным патриотам, которые и явятся блюстителями мудрыми, твердыми и неподкупными. Они одни должны составить государственный трибунал, суду которого общественные цензоры будут предавать должностных лиц, злоупотребив-

ших своею властью; если же порча захватит все ведомства, то поправить дело возможно лишь одним средством: назначить на краткий срок верховного диктатора, вооружить его всей полнотою общественной силы и поручить ему расправу с виновными. Две-три кстати отрубленные головы надолго останавливают общественных врагов и на целые столетия избавляют нацию от бедствий нищеты, от ужасов гражданских войн; но такие истины весьма чужды нам, при наших губительных предрассудках. О да, наше невежество, тщеславие, предубеждение, слепая доверчивость гонят нас под ярмо, сковывают нас по рукам и по ногам властью наших же депутатов, которые не что иное, как наши слуги. Без просвещения, без прав, без характера мы не более как сплетение суетности, слабостей и противоречий. Мы поносим чувствительность и не признаем чувства; мы не умеем любить и в то же время идолопоклонствуем; мы хотим судить обо всем и ничего не умеем оценить, как должно; мы носимся с химерами, ласкаем своих врагов и пренебрегаем друзьями; мы чувствуем ловких негодяев, строящих козни против нас же, и отвращаемся от мудрецов, которые хотят просветить нас; мы обожаем лицемеров, работающих на нашу гибель, и предаем честных людей, которые навлекают на себя проклятие, для того чтобы спасти нас.

С некоторых пор мы поклоняемся трем людям; но достойны ли хоть один из них нашего уважения, привязанности и признательности? Взгляните на главу муниципалитета; это бесхарактерный философ, гражданин, лишенный добродетелей, энергии, намерений, принципов, и к тому же плохой патриот; один единственный поступок, преисполненный стоического тщеславия*, вознес его на пьедестал, с которого его до сих пор не могут свергнуть сотни проявлений слабости, сотни случаев, доказывающих его мнимое рвение, лицемерие и вероломство, сотни учиненных им преступлений; это ничтожный, честолюбивый, суетный, трусливый и раболепный человек, променявший честь на состояние, пожертвовавший своими обязанностями, чтобы добиться власти; он готов был бы покрыть себя позором, если бы этого ценою он мог купить какой-нибудь сан; еще недавно, соединяя ханжескую чувствительность с деспотическою жестокостью, он проливал слезы, принося клятву верности в деле измены**.

* 11 июля г-н Байн первым подписал протест Генеральных штатов против правительства.

** Известно, что г-н Байн плакал как ребенок 14 февраля, в день, когда обожаемый министр счел своим долгом привести граждан всех сословий к новой присяге. Отчего плакал — от умиленья или от угрызений совести?

Больше ли доверия внушает вам главнокомандующий — этот лукавый царедворец, лощеный, приторный и изворотливый, этот игрушечный рыцарь, ставший мнимым героем после нескольких безопасных походов, этот безучастный философ, который только и делал, что разрабатывал проекты своей карьеры, этот ложный патриот, всегда готовый пуститься в излишняя чистейшей гражданственности? Славой он пожертвовал ради честолюбия; будучи поставлен во главе парижской милиции, он предусмотрительно затаил свои намерения; из боязни вызвать неудовольствие он прикинулся, будто у него вовсе нет воли, но вскоре же, преследуя тайне свои цели, он принялся завоевывать расположение солдат мягкостью и лживыми изъявлениями патриотизма: он долго занимал их всевозможными процессиями, освящениями знамен и тому подобными детскими забавами. Он устраивал им празднество за празднеством. Чтобы заручиться всеми их силами, он начал с того, что держал их в единении*; но для того чтобы стать господином положения, он постарался посеять раздор между ними: он пустил слух о заговоре, направленном против государства, и о том, будто отложился целый отряд гренадеров из наемных войск, и заявил, что опасно допустить их одних до короля; он настоял на необходимости противопоставить им еще большее количество граждан в той же форме, и вот он образовал несколько гренадерских отрядов из молодых повес и, обязав их особою присягой, стал поручать им исполнение всех своих приказаний в срочных делах. Ввиду того что новшества эти взбудоражили принципиальных патриотов, он постарался их успокоить созданием стрелковых отрядов в противовес отрядам гренадерским; мера эта представляла только то неудобство, что усугубляла беду. Стремясь очистить наемную гвардию от лиз, недостаточно послушных его приказаниям и совещавшихся между собой о своих правах, он обвинил этих солдат, будто они участвовали в заговоре, который он сам выдумал; он захватил их, велел им сдать оружие и бросил их в подземелья Сен-Дени, где обращался с ними, повидимому, как с государственными преступниками, и столь велико было расположение, которое он приобрел у ослепленной толпы, что все это сходило ему безнаказанно**.

* Буржуазная гвардия требовала сперва, чтобы ее отличили каким-нибудь знаком от наемных войск; он воспротивился всеми силами, указав, что это грозит превратить ее в преторианскую гвардию.

** Он не преминул воспользоваться этою пагубною беспечностью парижан; это видно из того, что он затеял устройство артиллерий-

Можно ли поверить, чтобы столь опасный человек, стоящий во главе национальных войск, назывался освободителем Франции? Можно ли представить себе, чтобы царедворец, снедаемый честолюбием, был патриотом? Вероятно ли, чтобы он действовал иначе, как в полном подчинении всем предначертаниям кабинета, и чтобы он не принес всех интересов нации, общественного блага и спасения родины в жертву своей личной карьере? Попомните мое предсказание. В один прекрасный день вы увидите этого ревностного гражданина увешанным орденами и с маршальским жезлом, а раз он, приверженец монарха, добьется большей власти, чем когда-либо, то для него, может быть, возобновят и соблазнительную должность коннетабля.

Возлагаете ли вы надежды на министра финансов, на этого отъявленного интригана, которому дышится легко только в атмосфере кабинета, который скорее готов расстаться с жизнью, чем отойти от кормила правления, которого снедает честолюбивая мечта править Францией под именем регента? Для того чтобы сделаться владыкой нации, он выставлял напоказ свою благотворительность, затем старался превозносить народ, которого он ни мало не любит, и уничтожать магнатов, которые его презирают; но, просчитавшись со своим раздутым величием, равно как и со своею мнимою популярностью, он незамедлительно принялся низкопоклонствовать перед придворными, которые могли удержать его в должности, и изменять народу, который составил ему репутацию; он стал стремиться лишить народ тех самых прав, к возвращению которых была, казалось, направлена его деятельность. Жертвуя благом нации ради своего мелкого тщеславия, он задумал возратить* монарху верховную власть, а дабы принудить нацию вернуться к оковам, он истощал ее нищетой, предал ее всем ужасам голодовки и стал душою отвратительных заговоров, целью коих было известить столицу огнем и мечом. Вы ждете от него блага для себя, но он ускорит вашу гибель; у кого еще найдется столько коварства и упорства в следовании своей цели, в неослабном выполнении всего того, что должно было бы погубить его? Для восстановления королевства он обложил народ патриотическим налогом, который пошел на содержание армии, на подкуп комитетов Национального собрания, муниципальной ад-

ского парка, имея в виду только лишить дистрикты всех орудий, какие у них имеются. Хороши мы будем, если попадемся в эту коварную западню!

* Это он убедил короля созвать июльский парламент.

министрации и начальников дистриктов; он продолжает свою пагубную спекуляцию зерном; он скупает валюту при помощи банковых билетов, которыми он наводняет страну,— он исторгает ее в таможнях и по городам; он бережет деньги на расходы по близкой кампании, и если ему не удастся поработить нацию силами национальной милиции, то вскоре вы увидите, как он выставит против народа регулярные войска и возобновит, на сей раз с бóльшим искусством, грозные приготовления 1 июля.

Я говорю это с трепетом; доколе человек этот будет стоять у кормила правления, доколе он будет душою кабинета и сможет добывать себе деньги,—нет предела нашим бедствиям, нет конца заговорам; все новые и новые ловушки, расставленные для утеснения народа, будут следовать одна за другою; друг за другом будут появляться проекты, как истощить народ, обогатить казну, содержать грозное войско, как подкупить законодателя, муниципальных чиновников, начальников дистриктов, как содержать несметные легионы придворных, королевских пенсионеров, наемников и приверженцев власти, как лучше предупредить все возможные события, отсрочить катастрофу и остаться на месте.

Общественная цензура, государственный трибунал и народный трибунал, краткосрочный диктатор—вот то, что единственно может положить предел нашим бедствиям, упрочить свободу и общественное благополучие; не имея этих благотворных установлений, мы видели в национальных войсках верный оплот против угнетения; но, увы, если судить по парижской гвардии, то на что нам надеяться? Силы государства направлены против своих детей. Я уже заметил, что форма и организация национальной гвардии задушили свободу в колыбели, но она восторжествовала бы навек, если бы после 14 июля были вооружены без различия все граждане, имеющие постоянное место жительства, если бы они были обучены и если бы им была дана кокарда как единый знак отличия. В дни бедствий богат и бедняк равно шли с оружием в руках на совместную защиту; страх заглушал всякие иные чувства в их душах; но едва настала передышка,—мелкие страсти дали себя знать, люди стали внимать лишь голосу пустого тщеславия, богатые снова начали презирать бедных, и хорошо одетый человек уже не захотел итти в ногу с человеком в лохмотьях.

Дабы держать под ярмом большинство обездоленных, их начали отстранять от военной службы, хотя они одни вынесли

почти всю ее тягость; милиции был присвоен наряд, который требовал известного расхода от тех, кто пожелал бы вступить в ее ряды,— так произошло, что в армии остались лишь солдаты, которых забота о собственном преуспеянии превратила во врагов революции. У них одних было оружие; численность их вскоре же была весьма повышена, так что они вполне могли противостоять остальным гражданам. Едва успев напялить национальную одежду, они сами пришли в восторг от себя в этом новом наряде; самый тщедушный мастеровой, облекшись в военную форму, стал поглядывать с презрением на своего собрата в гражданском платье. Вскоре гренадерский колпак и панталоны стрелка разделили парижскую милицию на три части, не давая ей воссоединиться во имя общего блага. Особая присяга, данная стрелками и гренадерами, привязала их к генералу, и они так слепо подчиняются его приказаниям, что готовы были бы пойти против отечества. Кто поверит, что граждане, считающие себя защитниками государства, настолько ограничены, неразумны и опрометчивы, чтобы согласиться заковать в кандалы своих же братьев? Возможно ли, чтобы они, совершенно забыв про честь, пошли за полицейскими наемниками и шпионами? Дело, достойное национальной гвардии,— следовать в свите за гнусными сыщиками! Славная победа—выдавать граждан, которые пожертвовали собою ради них же!

О парижане, какие вы дети! Вы закрываете глаза на бедствия, вас ожидающие; необдуманность делает вас беспечными, тщеславие утешает вас во всех ваших бедствиях. Но к чему осыпать вас бесполезными упреками! Вы хотите быть свободными только для того, чтобы продать себя в рабство,— продавайте себя; вы довольны своими оковами,—пребывайте в них; вы отталкиваете руку, которая хочет извлечь вас из пропасти,—оставайтесь там. Интриганы, обманывающие вас, негодяи, обирающие вас, злодеи, порабощающие вас,— вот люди, которые вам нужны. Ну что же, продолжайте боготворить дивного Неккера, героя Лафайета, бессмертного Байи; простирайтесь в прах перед этими образцами гражданского долга, бескорыстия и добродетели; бегайте по кофейням, болтайте о газетах, собирайтесь в круг у очага или у стола, рассказывайте о своих подвигах и носите свои оковы. Друг Народа удручен вашею слепотой, вашею беспечностью, вашею растленностью; он встретил зарю свободы лишь для того, чтобы оплакать ее утрату,— пусть будет так. Он затаит глубоко в сердце свою тревогу, сожаление и отчаяние, и весь остаток жизни своей он будет

скорбеть о вашем уделе, подобно тому как любящий отец скорбит об участи бесчеловечного сына.

Благодаря стечению событий вы еще можете дышать спокойно; но близок день, когда вас отяготит суровое иго, ныне уготовляемое вам, и вы будете отданы во власть вашим притеснителям. При виде кровавых сцен тирании, придя в себя от ужаса, вы станете сожалеть о лучших днях утраченной вами свободы, вы содрогнетесь, вспомянув о том, что сами попрали ее, и проклянете свое ослепление. Увы! Увы! Какая скорбь терзает мою душу! Если у друзей отечества еще остается доля надежды, так это на то, что свобода, изгнанная из стен нашего города вашим невежеством, а еще более вашими пороками, найдет себе приют в провинциях, и я надеюсь, что по отношению к провинциям мне не придется быть вещуньей Кассандрой.

Я показал главнейших врагов революции и виновников наших несчастий, источник наших бед и средства к его упразднению. Думаю, что я имею некоторое право на общественное доверие; простят ли мне, что я для блага отечества тревожился, как бы не была водворена обратно власть знати?

Последние мои разоблачения — даже те, которые казались по началу бреднями, и вы увидите, что я, к несчастью, был слишком прав. Услыхав о продолжениях виконта де Ноайль от 4 августа, я возражал против единогласного одобрения ослепленного большинства, дабы разоблачить партию заговорщиков, стоящую во главе Генеральных штатов; ныне эта вероломная партия внушает большой страх.

Видя, что хлебный голод растет, несмотря на богатый урожай, я не побоялся заявить открыто, что министр финансов — виновник злоупотреблений при закушке; в ответ на это объявили, что я брежу наяву, но с тех пор получены доказательства, — ныне же они неопровержимы.

Я понял, что закупка хлеба не может быть проведена без содействия муниципалитетов, завладевших национальными силами; видя бездействие парижского муниципалитета в то время, как народ так нуждается в хлебе, зная, какие ложные слухи муниципалитет распускает в обществе о причинах голода, я обвинил его в том, что он потворствует действиям правительства; впоследствии обвинение мое было подкреплено множеством юридических доказательств.

Видя, что суд Шатле превратился в государственный трибунал, я стал опасаться, что судьи, враждебные революции по убеждениям, а также из личной корысти приложат все

старания к тому, чтобы выручать злодеев, заговорщиков, предателей родины и осуждать ее слишком ревностных защитников, и я открыто заявил об этих опасениях, в правоте коих я убедился на горьком опыте.

Когда было предложено декретировать военный закон, я предсказал, что он подорвет дело свободы, связывая руки тем общественным классам, которые произвели революцию; ход событий только подтвердил мое предсказание.

Видя, как организуется национальная гвардия, какие огромные средства расходуются на жалование штабу наемных войск и сколь недостойн выбор личного состава штаба регулярных войск, я стал предсказывать, что военная форма погубит свободу, что те же руки, которые разбили оковы нации, будут использованы для того, чтобы заковать ее снова, и это предсказание оправдывается до сей поры.

Видя, в какой мере главнокомандующий парижскими войсками подчинен муниципальной власти, я подумал, что этот двуличный гражданин сумеет извлечь для себя выгоду из пустых предрассудков общества и не остановится перед тем, чтобы отдать свою родину в неволю, и вот настал час сбросить маску; вспомните 22 января!

Да послужит нам уроком все, что было; пусть призыв Друга Народа пробудит его соотечественников от спячки, пусть он раскроет гражданам глаза и предупредит их о том, что нации угрожает гибель.

Я только потому выступил со своими селованиями перед судом нации, что они связаны с общим делом; во имя торжества свободы нужно, чтобы один из самых ревностных защитников ее не пал жертвой властей.

Ему делают некоторые упреки. Возможно, что он преступал границы умеренности, нападая на врагов общественного блага; он не защищается, зная, что его любовь к справедливости, к свободе и к человечеству доходит до безумия, но при всех заблуждениях, которые ставят ему в вину люди холодные и невозмутимые, сердце его всегда было чисто, и он никогда не помышлял ни о чем, кроме блага народного и спасения отечества.

За то, что он стремился сделать нацию свободною и счастливою, ему больше года приходится вести образ жизни, какого не пожелал бы ни один человек в мире; дабы избавиться от жестокой муки, ради нации он вступил на общественное поприще, ради нее он так часто забывал подумать о своей жизни.

Строгие судьбы, во что бы то ни стало желающие отыскать

человека в патриоте, старались омрачить чистоту его рвения; он готов признаться, что сердце его не вовсе нечувствительно к славе, но слабость не заставляет его краснеть, и суровая добродетель не может вменить ее в вину ему. Таков Друг Народа. Когда жизненный сон его придет к концу, он не станет сетовать на свое скорбное бытие, раз он поработал на благо человечества, раз он оставил по себе имя, чтимое даже злодеями и любимое людьми честными.

Подписано: М а р а т

Новое разоблачение, направленное против Неккера

Примечание автора

Это сочинение должно было появиться непосредственно после моего разоблачения, направленного против г-на Неккера по поводу военной экспедиции*, которая была предпринята против меня 22 января 1790 года. Сколько бы времени ни истекло с той поры, сочинение это не будет запоздалым, покуда человек, деятельность коего оно должно осветить, стоит у кормила правления. Сочинение это содержит юридические доказательства обвинений, возводимых на министра финансов; доказательства эти излишни для читателя, умеющего читать, и необходимы для читателя, видящего лишь то, что у него перед глазами.

Ни мало не сомневаюсь, что граждане, лишенные гражданской доблести, сочтут мое усердие в деле преследования г-на Неккера за кровожадность, да я и сам бы так не упорствовал, если бы я меньше знал его нрав; согласен, что, поскольку речь идет о его познаниях,—он был бы нелегко заменим; редко найдется столь образованный человек, столь усердный и сведущий в делах, но в данных условиях меня тревожат именно его способности, ибо такие качества, как находчивость, проницательность, хитрость, отвага, упорство, делают министра опасным, если он не одушевлен сознанием общественного блага.

* Всем известно, что муниципалитет или, вернее, министр финансов отрядил двенадцать тысяч вооруженных человек, чтобы арестовать меня; эта славная затея показывает, до какой степени он опасался народа, права которого я не переставал защищать.

X.5342

NOUVELLE
DECLARATION
DU
MARAT,
EN FAVEUR DU PEUPLE,
CONTRE
M. NECKER,
PREMIER MINISTRE DES FINANCES,
OU
SUPPLEMENT
A LA DECLARATION D'UN CITOYEN
CONTRE
UN AGENT DE L'AUTORITE.

Primum innotuit verbum

LONDRES,
Et se trouve, à Paris,
Chez les MARCHANDS DE NOUVEAUTES.

1790

Первая страница из книги Марата
«Новое разоблачение Марата»

Конечно, народ уже нельзя поработить насильно; после всего, что он сделал для завоевания свободы, после опасностей, которым он подвергался столько раз, после несомненного утомления, которое он перенес, после голода, который он претерпевал так долго,— было бы ужасно потерять плоды стольких жертв из-за коварства людей, держащих бразды правления. Они беспрестанно требуют восстановления исполнительной власти, дабы укрепить правительство, как будто несколько лишних месяцев распушенности, страданий и нищеты могут помешать нации разумно идти к своей цели. Наибольшим несчастьем для народа было бы увидеть, как все попытки возродить государство обращаются в дым и как старые правительственные пружины выпрямляются вновь. И если, в самом деле, безумно требовать, чтобы кабинет был составлен из друзей отчизны, которые сочетают добродетель и дарования, то лучше всего было бы до упрочения общественной свободы иметь во главе министерства людей, лишенных стойкости и выдержки, людей недалёковидных и неспособных, не могущих помешать устранению политической машины, чья задача привести к торжеству правосудия, к восстановлению довольства* и к утверждению общего счастья.

Новое разоблачение Марата, Друга Народа, направленное против г-на Неккера, министра финансов

Когда я обвинял г-на Неккера** в том, что он навлек на Францию бич голода и заразы***, доведя несчастных обитателей страны до жестокой необходимости питаться испорчен-

* Поговаривают о замене г-на Неккера другим женевским ажиотером, г-ном Клавьер, доблести коего неустанно восхваляют некоторые заинтересованные шарлатаны; его было бы, однако, чрезвычайно важно отстранить от кормила правления: он начал бы прельщать нас новыми проектами и привел бы к окончательному истощению наших последних средств. Повторяю: государство может выйти из создавшегося положения, только если оно примет самые решительные меры, т. е. путем сокращения численности армии вдвое, путем отмены пенсий людям состоятельным, путем сокращения всех излишних расходов в каждом административном департаменте и, наконец, путем упрощения в деле распоряжения казенными суммами. Говорят, что источники достатка иссякли; я этому не верю: покажите народу, что вы искренно желаете его блага, и он поспежит притти к вам на помощь.

** См. №№ XII, XV, XXII, XXV и XXVII «Друга народа».

*** В числе этих бедствий одно равноценно прямой и явной улике; это то обстоятельство, что голод и дурное качество хлеба, якобы явившиеся следствием неурожая, все еще продолжают, невзирая на последний урожай, который к тому же был столь обилен, что один смог бы прокормить все королевство в течение двух лет.

ными продуктами, которыми они даже не могли утолить голода, когда я обвинял парижский муниципалитет в потворстве министру финансов и в том, что последнему была предоставлена поддержка общественной силы для совершения его преступных деяний,— я располагал в качестве доказательств его злоупотреблений лишь косвенными, хотя и явными фактами и неопровержимыми выводами*, извлеченными из хода дела по сравнению с событиями; выводы эти неизменно достоверны для наблюдателя, которому ведомы пружины политики, игра страстей человеческих и уловки должностных лиц.

С тех пор ревностные граждане снабдили меня в подтверждение моих обвинений юридическими доказательствами. Доказательства эти я развил в различных документах, которые находятся в моем опечатанном жилище; эти улики смогут, наконец, раскрыть глаза обманутому народу. Я предвижу весь тот вес, который они придадут моим писаниям, но время не терпит, и если я решаюсь обнародовать их, то только потому, что могу дополнить их некоторыми фактами, ибо страдания наши достигли предела, и мы должны как можно скорее искоренить зло, покарвав его виновника. Во все времена министры, вельможи, члены магистратуры, чиновники и ловкие жулики пользовались ужасающими привилегиями; это общественный грабеж, заинтересованными в котором почти всегда оказываются холопы и придворные распутники. В числе рукописных документов, найденных в Бастилии, есть один, устанавливающий хлебную монополию; об этом было донесено королю неким Прево, которого г-н де Сартин приказал заключить в тюрьму, отобрав у него копии.

Вот главные условия этого отвратительного договора: «12 июля 1765 г. г-н де Лаверди, сдав в аренду на двенадцать лет французское государство трем откупщикам, которые выступают по делам короля в качестве заинтересованной стороны, предоставляет им право снимать все зерно, какое они только смогут, и вывозить его, куда им будет угодно.

* Пять месяцев тому назад Национальному собранию было предложено отдать распоряжение г-ну Неккеру о представлении всех договоров, заключенных правительством с частными компаниями касательно снабжения. Оттого ли, что собрание не удосужилось сделать этот запрос, оттого ли, что министр его обошел, но мы еще не имеем о нем ни малейших сведений. Представление этих данных необходимо, равно как необходимо тщательнейшее расследование всех подобного рода операций. Но важно, чтобы обследование это производилось отнюдь не членами комитета финансов, среди которых сотрудники министра не являются ни сведущими ни беспристрастными.

Отчетность будет ежегодно даваться в ноябре месяце, а дабы небо благословило это предприятие, заинтересованные стороны обязуются выдавать в пользу бедных двадцать пять ливров».

Наши три откупщика — гг. Рей де Шомон, Малиссе и Гуже — не что иное, как подставные лица для множества вельмож, магистратов и лиц, сидящих на хороших местах; в числе таких негласных участников называли гг. Лаверди, Бертэна и де Сартина.

За этой компанией последовало мукомольное предприятие в Корбейле, возглавляемое Леле; в нем оказались заинтересованными гг. Ленуар, Монтанни, Бертье, де Монтаран, де Бюсси и др.

В двух докладных записках кавалера Ретледж в защиту парижских пекарей и против гг. Леле были обнародованы важные данные, могущие вскрыть тесную связь между министром финансов и корбейльской компанией. Мы напомним здесь некоторые из этих фактов, которые не должны ускользнуть ни от чьего внимания. Известно, что в 1788 году г-н Неккер вскоре после своей отставки, поспешил забить тревогу среди населения, указывая на угрозу предстоящего голода, который он сам же вызвал, повышая цены на хлеб в течение целого года. Дабы это мрачное предсказание не оказалось ложным, необходимо было запретить пекарям и хлеботорговцам делать запасы, а затем скупить зерно по всей стране, что и было сделано. Судя по тому, как обожаемый министр принялся за дело, ему нельзя отказать в ловкости.

Прежде всего он обрек пекарей на тщетные хождения. Если они приходили за разрешением на закупку продуктов, он отсылал их к интенданту, а интендант предлагал им указать те рынки, куда они хотят направиться; если они отказывались это сделать, то им не давали разрешения; если же они соглашались, то, придя на рынок, уже не находили там зерна.

Что касается торговцев, то по отношению к ним применялись еще более тонкие, но не менее верные ухищрения. Прежде чем отправиться в житницы*, они обычно превращают в чеки деньги, предназначенные для закупок, затем идут с этими чеками на место, в уверенности, что последние будут приняты по предъявлению. Что же делает генеральный контролер, дабы убедить своих агентов в исключительно выгодной торговле зерном и в том, что они вольны назначать любые цены? Он выжидает время, когда торговцы обычно делают закупки,

* Так они называют рынки, на которых делают свои закупки.

отдает распоряжение об отсрочке уплаты по чекам на шесть недель и таким образом заставляет торговцев уйти ни с чем. Не успел кавалер Ретледж приподнять завесу, за которой скрывалась эта тайна, как сторонники Леле начали травлю; их вопли вызвали указ совета, указ без даты, без подписи, не утвержденный и не опубликованный; указом этим, тем не менее, были отклонены заявления пекарей как оскорбительные и клеветнические писания. Покрывая таким образом этих беззаконников своим заступничеством, г-н Неккер присоединился к их злодеяниям; более того: он старался утешить их в том, что им приходится выносить презрение общества, и выказывал им исключительное уважение, и он не побоялся показать, что эти скупщики продолжали свой грабеж и морили народ голодом при содействии министра финансов. Здесь уместно будет рассказать об одной небольшой черте его иезуитской политики, которая вскроет все коварство этого честного человека.

Начиная с 13-го, парижский муниципалитет взял на себя продовольственное снабжение столицы. Комитет продовольствия, куда проникло столько бесчестных интриганов*, душою которых был Леле, не мог внушать доверия; недостойное выполнение своих обязанностей восстановило против него население; вскоре пришлось его упразднить, и 20 сентября он был распущен. Его сильно подозревали в злоупотреблениях; с него потребовали отчета, он отказался отчитаться, и — что особенно невероятно, — его до сих пор не удалось к этому принудить. Между тем министр финансов отправил письмо** гг. Леле (они приводят

* В числе их были г-н Галле, которого только что осудили на галеры за мошенничество во вверенном ему управлении, и г. де Летр, профессиональный игрок, известный своею угодливостью и той ловкостью, с которой он нажил состояние, разорив графа де Вальби, маркиза де ла Салье и других знатных олухов.

** Копия письма г-на Неккера от 26 сентября 1789 г. к гг. Леле и компании, предпринимателям по снабжению: «Милостивые государи! Я был искренно огорчен, узнав, что вам пришлось перенести тревоги и неприятности, от которых Вас должны были бы уберечь Ваша служба и Ваше поведение, и если парижский комитет продовольствия пожелает сохранить за Вами заведывание учреждениями, в которых Вы доказали свое усердие, то Вы, я полагаю, не можете отказать ему в помощи. Во всяком случае, будьте уверены, что я с своей стороны всегда готов доказать Вам свое уважение и расположение. Неккер». Можно ли было усомниться в том, что эти привлекательные люди, которым министр выказывает живейшую симпатию, в действительности — интриганы, нажившие в несколько лет состояние почти таким же скандальным путем, как и он сам, грабя государство и моря голодом народ? Неимоверные богатства, добытые преступными путями, — не единственное основание для уважения со стороны финансовой адми-

это письмо как оправдательный документ, в котором стараются втереть очки населению, убеждая его, что они ушли сами); он доходит до того, что уговаривает их подавить досаду, если комитет продовольствия пожелает вернуть их. Но перо патриота выставляет их на позор, вскрывая в отменной записке * черный заговор, душою которого они были.

Записка эта показывает нам ростовщическую сделку, заключенную между братьями Леле и королем относительно мукомольного предприятия в Корбейле. Из нее видно, что эти дельцы обязывались ежегодно в течение шести месяцев краду поставлять на рынок двадцать пять тысяч мешков муки высокого качества, весом в триста пятьдесят ливров каждый, и держать в запасе шесть тысяч мешков, дабы предоставить их по первому требованию полицейского чиновника, не опустошая в то же время соседних рынков.

Далее из записки этой видно, что кавалер де Бюсси, владевший (с компанией) амбарами Болье и Христа-Младенца, разъезжал по провинциям с целью закупки продовольствия для Парижа от имени г-на Неккера; он отбирал в мае—июне 1789 года все зерно из Суассона и переправлял его в Руан, где оно и скрылось. Далее показано, как этот самый скупщик вновь направился в Суассон, на сей раз уже не по поручению г-на Неккера, а спасаясь бегством из страха быть задержанным.

Мы видим, как Леле вывозили в бочках огромное количество зерна, как они прибегали к хитрости, дабы отвлечь мельников Грассэна и Каль от закупок в Провене, и как

нистрации: аналогия характеров является другим связывающим звеном; аналогия эта столь потрясающа, что оправдательный документ братьев Леле кажется измышлением, протест против разоблачений народа, который они губят, похвальба бескорытием в отношении к населению, которое они обирают, желание уверить в довольстве населения, которое они морят голодом, и всюду одно и то же шарлатанство. Приведем несколько строк: «Мельницы и амбары в Корбейле представляли в качестве единственной приманки для спекулянтов лишь проценты с суммы, но наряду с такой скудной выгодой выдвигалось благородное рвение быть полезным отечеству, утверждение довольства в столице, борьба со скушкой хлеба: расчеты разума меркнут перед расчетами сердца. Итак, мы уступили патристическому воодушевлению; мой брат и я подписали договор с королем». Не слышите ли вы здесь голоса самого г-на Неккера, изрекающего свои убеждения? Что за великодушные патриоты эти братья Леле! Но для того чтобы кичиться бескорытием, надобно иметь по крайней мере чистые руки и не трубить повсюду о капитале в десять миллионов. Впрочем, верхом наглости является то, что эти негодяи еще намерены хвастаться, будто они предупредили население об обмане.

* Ответ Демулена на две записки гг. Леле.

они, воспользовавшись тем, что мельники отвлеклись, приказали опустошить рынки этого города.

Мы видим, как эта шайка вопреки своим обещаниям — не иметь к сентябрю 1788 года ни зерна хлеба в амбарах — скупила в течение трех месяцев тридцать две тысячи мешков, которые она повсюду отбирала именем короля*, и тем значительно подняла цены на хлеб. Мы видим, как гг. Леле из Амьена, Журдэны, де ла Лож и другие компаньоны по Корбейлю задержали в гавани в течение трех или четырех месяцев несколько судов, нагруженных зерном**, — и это, несмотря на то, что провинция сама нуждалась в хлебе и последний продавался по шести-семи су за ливр.

Наконец, мы видим, как гг. Леле сами обвиняют Неккера в том, что он главный скупщик и единственный виновник голода.

Неблагоразумие исторгло это роковое признание; вскоре оно подтвердилось сотней неопровержимых улик; я ограничусь теми, которые у меня сейчас под рукой.

Со времени революции министерские скупщики, разъезжавшие по провинциям, нуждались в поддержке со стороны муниципалитетов. Почти все муниципалитеты были составлены из их же прежних членов; теперь они со слепым усердием придворных холопов содействовали интересам министра финансов; это преступное потворство повсюду вызывало сильнейшие нарекания и жалобы. Каковы же были результаты? Жалобы эти, направляемые в парижский муниципалитет или в Национальное собрание, неизменно подавлялись в самом начале.

В числе жалоб, обративших на себя всеобщее внимание, мы находим заявление жителей Вернона. Кто не слышал имени скупщика Плантэра? Но удвоенные усилия парижских муниципалитетов, направленные на то, чтобы избавить его от наказания, ложь, на которую они отважились, чтобы исказить все дело, клевета, которую они возвели, чтобы сокрыть эту несправедливость, постыдные приемы, которыми они пользовались, чтобы обмануть население, — все это было известно лишь немногим наблюдателям.

Вот краткое изложение дела: узнав, что Плантэр арестован вернонскими гражданами, городская дума встревожилась послед-

* Это было как раз в то время, когда хлеботорговцы не могли делать закупок ввиду отсрочки платежей по чекам.

** То был, повидимому, хлеб, вывезенный самой компанией; благодаря этой маленькой уловке ей удалось продать его под видом иностранного хлеба.

ствиями, которые может повлечь болтливость задержанного; помышляя только о том, как вырвать Плантэра из рук вернонцев, дума поспешила выслать отряд в триста солдат национальной гвардии под предводительством Дьера, батальонного командира из дистрикта Petit-Augustin; к нему присоединились гренадеры Фландрского полка и две роты драгун из Монморанси. Прибыв на место, этот недостойный командир согласно приказу, полученному им от генерала*, велел вернонской национальной милиции сдать оружие, сместил выборный муниципалитет; водворил муниципалитет королевский, принял самые крутые меры против граждан, проявивших себя истинными патриотами, заключил нескольких в тюрьму и учинил сотни зверств. Опасаясь, как бы весть об этих жестокостях не дошла до Парижа, на почте перехватили письма; более того: предупредили их прибытие, опубликовав подложное послание, где Плантэр был выведен в роли купца, уполномоченного делать на местах покупки для столицы; наказание этого бесчестного агента изображалось как злодейский поступок разбойников, отмищения за который якобы требовали сами жители Вернона. Наемные бумагомаратели вскоре же распространили повсюду эти небылицы. Тем не менее роковая тайна была, наконец, разоблачена городскими депутатами и обнародована в жалобах на опустошения, произведенные жестоким Дьером. Тщетная жалоба, бесстыдно отвергнутая парижским муниципалитетом, беззаконие коего она вскрывает! Друг Народа постоянно будет ссылаться на нее, доколе не настанет день, когда он сможет предъявить ее национальному трибуналу. Перейдем к другим фактам, столь же несомненным, хотя и менее известным.

В середине октября некий Дениссар, фермер из Мо (в Бри), коему было поручено снабдить зерном рынки соседних городков, Турнона и Шома, привез зерно лишь на первый из этих рынков; рынок посещался скупщиками, и там был расположен отряд парижской милиции. Когда же жители Шома и окрестностей стали жаловаться ему, что он оставил их без хлеба, он отвечал: «Ваш кал был бы больно бел, если бы вы лопали мой хлеб». Раздраженные подобною наглостью, они в ближайшее же воскресенье собрались толпой и хотели арестовать его. Он скрылся в какой-то церкви, откуда дал знать в парижскую ратушу о происшедшем. Отряд, стоявший в Турноне, неме-

* Чтобы оправдать эти варварские приказы, маркиз де Лафайет, злой гений министерства финансов, допустил подложный декрет Национального собрания (см. докладные записки вернонских депутатов).

дленно получил приказ перебросить свои части в Шом. Денисар был водворен в семью; у его ворот были поставлены две пушки для защиты от народа.

Робер, хлеботорговец и владелец трех мельниц в Лизи на Урге близ Мо, скупил зерно со всех соседних рынков и ферм. Дабы совершить этот низкий торг с наименьшею опасностью, он снял комнату в «Золотом солнце» (гостиница в Лизи), куда окрестные фермеры приносили ему образцы и где он производил расчеты по закупаемым партиям. Когда он отправился однажды в конце октября в базарный день в Ферте-Милон, дабы отобрать множество телег с зерном под предлогом отправки их в Париж, жители не захотели выпустить эти телеги. Возмущенные наглостью этого скупщика, они стали преследовать его вплоть до его пристанища, куда он скрылся и затем принялся взывать о помощи к парижскому муниципалитету; последний немедленно выслал караул с двумя пушками, взятыми по дороге в соседнем городке, куда их поставили. Таким образом, ясно, что для охраны скупщиков предусмотрительный муниципалитет посылал людей и оружие всюду, куда только простиралась его власть,—во все крупные рыночные места, посещаемые этими слугами министерства, носителями голода и бедствия.

Наконец, припомним здесь еще обстоятельство, одно воспоминание о котором наводит дрожь: как Бертье, будучи арестован, заявил парламентскому адвокату Ривьеру, что у него в портфеле имеется письмо Неккера, в котором сей добродетельный министр приказывал сжечь всю рожь в Парижском округе; показание было дано под присягой и в присутствии всех, на допросе, которому этот уважаемый гражданин был подвергнут в уголовном деле Шатле по делу барона де Безенваль.

Столь многочисленные достоверные факты разоблачают скрытые причины голода, изнуряющего нас так долго. Другие достоверные факты вскроют ужасные приемы, ухудшающие качество хлеба и сеюшие смертность по всей стране.

Неккер, совершивший двойную спекуляцию на необходимейшем предмете, без которого не может обойтись ни один житель Франции, сделал все, чтобы замаскировать свои деяния.

Прежде всего он попытался направить общественное недовольство на пекарей. В начале зимы 1788 года, собрав их всех для дачи торжественного обещания касательно их изделий, он сказал одним, что они достаточно, другим, что они слишком хорошо снабжены; всем же вместе он сказал, что хлеб чересчур высокого качества, и он спросил их, не могут ли они сме-

шать все имеющиеся у них сорта муки. Вскоре он избавил их от этого труда. Вполне достоверно, что гг. Леле мололи на мельницах в Сен-Жан конские бобы и вику, прибавляя затем эту муку к ржаной.

Все это было выведено на чистую воду главным образом розысками комиссаров дистрикта св. Мартина, что на Полях. Протокол от 16 октября, составленный против Королевского военного училища, устанавливает, что там был найден обильный запас ржи, ячменя и пшеницы*; некоторая доля этих мучных запасов была дурного качества: были найдены мешки и бочки муки, неприятной на вкус и с тухлым запахом.

Обнаружились также попытки смешивать различные сорта этой испорченной муки, но после того как приказчик муниципального комитета продовольствия объявил о расследовании этих проделок**, виновные вынуждены были снять печати с бочек. Обследование реестра, составленного главным инспектором мукомолен, показало, что с 1 по 16 октября на рынок посылалось ежедневно*** 60 мешков, весом около 217 ливров каждый.

В реестре этом, открытом наудачу, значилось (под 28 августа) поступление 7948 ливров каштанов, а под 27-м — вывоз 7854 ливров каштановой муки; повидимому, это индийский каштан, если судить по плохому зерну и по испорченной муке, которыми снабжалась столица.

Итак, в то время как министр финансов предоставлял монарху отборное зерно, — мы вынуждены были питаться ячменным и ржаным хлебом, хлебом из бобов и вики, растительным хлебом, которого не едят даже свиньи, отвратительным хлебом из испорченной муки, который может только расстроить здоровье и вызвать ряд эпидемических заболеваний.

Эти постыдные деяния совершались под шумок. Умолчания, увертки, противоречивые показания служащих, ложь главных пекарей****, старших приказчиков*****, инспекторов*****, которые все старались исторгнуть у патриотически настроенных ко-

* Согласно выписке насчитывалось 910 сетье ячменя, 1011 сетье пшеницы и 7550 сетье ржи; таким образом, количество ржи относится к количеству пшеницы, как 7 к 1!

** Стр. 8 протокола.

*** Там же, стр. 13. Следует отметить, что подобные же операции производятся в аббатстве св. Мартина, а также в других притонах как в Париже, так и в провинции.

**** Гг. Валлери и Валетт (стр. 5).

***** Там же.

***** Г-н Перропэ.

миссаров роковую тайну, меры предосторожности со стороны муниципального комитета по продовольствию при отправке припасов в Королевское военное училище: лица, которым была поручена охрана, сами ничего не знали о предназначении этих продуктов; им было предписано остановиться на обратном пути у заставы и прибыть в город за дальнейшими распоряжениями, — словом, все эти темные дела указывают одновременно и на страх, которым были охвачены злодеи, и на вероломство министра финансов, и на низость муниципалитета, который допустил такие страшные злоупотребления в своем министерстве и унижился до лжи, дабы скрыть их от глаз граждан*.

В этих разоблачениях, сделанных комиссарами дистрикта св. Мартина, что на Полях, все создано для того, чтобы встревожить умы и преисполнить их ужаса. И это еще только беглый обзор, сделанный на местах; что было бы, если бы они проникли в страшнейшую тайну, если бы они ознакомились с реестрами ввоза и вывоза, которые им сперва предложил просмотреть главный директор, отказавшись в дальнейшем выдать их под предлогом спешных работ по комитету продовольствия.

Но ничто так сильно не дает почувствовать всего ужаса** этих козней, как огромные расходы, в которые было введено государство и которые были сокрыты от населения разными казначейскими уловками.

Вывоз из Руана на этот склад производился сухим путем и обходился в 80 ливров тысяча вместо 12 ливров, которые он стоил бы при доставке водой; это составляет убыток в 68 ливров на тысячу; а на 70 тысяч (по материалам, откуда взят этот обзор) убыток будет равняться 4760 ливров.

В Королевском военном училище было поставлено 98 ручных мельниц, на которых было занято 1592 человека при заработной плате в 30 су; это составляет ежедневный расход в 2388 ливров.

При таком расчете помол одного сетья обходился в 25 ливров; он стоил бы всего 30 су на обыкновенной мельнице и

* См. его декларацию от 5 или 6 октября по поводу работ на мельнице Королевского военного училища и смехотворный августовский приказ, коим предписывается мельщикам молоть даже по праздничным дням: это в то время, как мельники жаловались что им нечего молоть.

** Если бы такие злоупотребления имели место в Лондоне — можно быть уверенным, что служащие военного училища, министр финансов, компания Леле, муниципальный комитет продовольствия и, может быть, весь муниципалитет были бы немедленно задержаны и преданы суду как общественные отравители.

был бы неизмеримо лучше; таким образом ^{16/17} издержек составляют прямой убыток.

Эти мельницы, работающие весь день, не производят и 200 сетев муки, обычные издержки на которые составили бы самое большее 300 ливров; здесь же чрезвычайные издержки доведены до 2388 ливров, что составляет ежедневный убыток в 2088 ливров, а годовой — в 772 320 ливров.

Если прибавить к этой сумме по крайней мере 300 тысяч ливров на превышение расходов по перевозке и 300 тысяч ливров на жалование заведующим, помощникам заведующих, смотрителям, помощникам смотрителей, мельникам, сторожам, ссыпщикам, носильщикам, расходы по переписке и ведению кассы, ремонту мельниц (не говоря уже об их сооружении), то получится 1 370 328 ливров убытку.

Эта сумма, которую государство обязано единственно манипуляциям военного училища, возрастет по крайней мере в десять раз, если прибавить к ней сумму, потребную на манипуляции амбаров аббатства св. Мартина и еще двадцати подобных же притонов, рассеянных по провинциям. И вот перед нами расхищение на сумму 13 723 200 ливров — притом во время всеобщего бедствия, а министр финансов не стыдится отбирать у несчастных последние средства к существованию, устанавливая обременительный налог.

За два дня до того, как эти ужасные тайны были разоблачены, Национальное собрание распустило свой продовольственный комитет и возложило заботу о снабжении государства на министра; последний, впрочем, не поручился за него *, несмотря даже на то, что муниципалитет, казалось, принял некоторые меры для обеспечения столицы продовольствием. Но министр, и не думавший отказываться от низкой сделки с этими притонами, распорядился построить там новые мельницы **.

Я обвинял его в том, что он обрек нас на голодную смерть или же на питание испорченными продуктами, в которых скрыта зараза; я обвинял также парижский муниципалитет в том, что он потворствовал министру. С тех пор получены юридические доказательства; в настоящее время они являются исчерпываю-

* Он не мог поручиться, не открыв своих злоупотреблений при скушке.

** См. стр. 18 протокола дистрикта св. Мартина, что на Полях; я узнал, что эти мельницы недавно были перенесены в окрестности Парижа.

щими*; это значит, что мои обвинения были вполне обоснованы; моя вина в том, что я оказался слишком дальновидным.

Я нашел ключ ко всем козням финансового управления и к преступлениям муниципалитета. При возвращении в министерство Неккер нашел, что казна исчерпана и финансы весьма истощились; тогда он понял, что ему не удержаться в должности без денег, а так как он во что бы то ни стало хотел удержаться, то он сочинил ужасный проект: создать обильный источник дохода из подлой спекуляции зерном.

* Множество известных фактов привело бы нас к источнику голода, разорившего столицу; виновники его — временные депутаты общины, не сохранившие верности своим избирателям и продавшиеся кабинету. Приведем некоторые из этих фактов.

Господа Леле (в ответе муниципалитету на письмо Неккера по поводу снабжения Парижа продовольствием) утверждают, что они оставили мельницы в Корбейле 22 июля 1788 г. ввиду того, что их договор с государством на 1789 год был выполнен с избытком; таким образом, они совершенно лишили столицу продовольствия на целых три месяца. Муниципалитет должен был затребовать от гг. Леле распоряжение, в силу которого они получили вперед поставку к сроку их договора, под угрозой, что они будут иначе привлечены к суду как скупщики зерна и виновники голода; этого не было сделано.

Где причина такого преступного молчания со стороны чиновников муниципалитета? Неужели еще нужно об этом спрашивать? Причина лежит, конечно, в их потворстве кабинету.

Другой пункт, настоятельно требующий разъяснения, — это недопустимое смещение муки, поставленной гг. Леле; таким образом, муниципалитет должен был предписать им представить одновременно распоряжение, в силу которого они ее ухудшили, и так как они не смогли оправдаться, он должен был преследовать их как скупщиков и общественных отравителей; это не было сделано. В чем причина этого преступного молчания со стороны чиновников муниципалитета? В их потворстве кабинету.

Среди бумаг, имеющих отношение к г-ну Бертье и найденных после его ареста, находилось письмо графа Равиньяка, помеченное 5 июля с. г., в котором он просил этого интенданта получить суммы с дохода от продажи государством зерна; это растрата, за которую муниципалитет должен был всенародно привлечь Неккера к ответу — чего он не сделал. Где причина этого преступного молчания со стороны чиновников муниципалитета? В их потворстве кабинету.

На допросе, которому подвергся адвокат при парламенте г. Ривьер в Шатлэ по делу барона де Безенваль, он показал под присягой, что г. Бертье заявил ему, что в его портфеле (который он считал потерянным) находилось письмо Неккера, где последний приказывал ему сжать еще неселую рожь в Парижском округе. В истинности этого показания трудно усомниться, ибо всякое искажение сопряжено с опасностью для свидетеля; как только показание это было предано гласности, муниципалитет обязан был принять меры к разоблачению министра финансов и предать его суду; он этого не сделал. В чем причина молчания чиновников муниципалитета? В их потворстве кабинету.

Теперь ясно, почему его первую задачей было посеять тревогу, предупреждая об опасностях мнимого голода, дабы вызвать таким путем голод действительный.

Теперь ясно, почему министр, желая продавать хлеб по непомерно высокой цене, пустил тревожный слух, будто король не сможет предотвратить дороговизну хлеба в течение всего года; будучи заинтересован в том, чтобы скрыть от народа, каким способом его морили голодом, он постоянно поддерживал тревогу касательно продовольствия.

Теперь ясно, почему он сначала велел привезти из-за гра-

Что я говорю? Разве у них не было ключа от портфеля, в котором находилось это важное письмо? Но и не думая предпринимать каких-либо шагов для получения этой улики, они оставили портфель в руках племянника парижского интенданта; ключ от него они отослали президенту Национального собрания, симпатии которого были им хорошо известны; они сделали все, чтобы замять это страшное преступление и не дать ужасной истине выйти на свет.

А в деле Вернон,— разве они не пустились точно так же во все тяжкие, чтобы ввести народ в заблуждение и обмануть его во всем?

Пусть мне, наконец, приведут хоть один случай, где бы власть не употребила против народа лицемерие, обман, насилие и предательство. Я обвиняю муниципалитет в потворстве правительству и привожу этому сотни доказательств, убедительных для всякого читателя, за исключением парижан. Когда я утверждал, что мэр и его собратия являются лишь опасным оружием в руках министра,— разве это противоречило истине?

Ныне я разоблачаю перед лицом Национального собрания это преступное попустительство, которое снова закует народ в цепи, склонит его под ярмо и повергнет его в бездну нищеты; если только большинство членов собрания еще сохранило хоть какое-нибудь участие к народному благу, хоть каплю чести и совести. Откладывать дальше обнаруживание виновников всех наших бедствий — значило бы предать родину и довершить ее гибель.

Не подлежит сомнению, что министр финансов и чиновники муниципалитета нарушили свои обязанности и злоупотребили своею властью, дабы сокрушить общественную свободу. Допрос должен отнестись в равной мере и к ним, долг и честь представляют им также свободу совершенно оправдаться. Если они правы — у них тысячи возможностей для доказательства своей невинности и для уличения тех, кто их позорит, и потому чиновники первые должны просить, чтобы их судили гласным судом. Но, увы, чего требовать от Национального собрания, когда мы видим, как оно само потворствует кабинету, как скрываются все государственные преступники; когда мы не могли добиться, чтобы обожаемый министр предстал в качестве обвиняемого перед уголовным судом Шатле, ибо судьи и муниципалитеты всегда успешно умеют обойти это требование, а само Национальное собрание погружается в бездну мрака, власти же безнаказанно примесяют коварство, лицемерие и оскорбления, дабы погубить родину.

Чего ожидать от людей, которые в рабстве у своих пороков, от людей с продажною совестью?

ницы немного испорченного зерна, подняв вокруг этого такую шумиху, почему он затем возвестил с такою торжественностью, что будет стараться добыть еще, сколько бы это ни стоило, и что король не остановится перед величайшими жертвами, дабы удовлетворить нужды своих подданных.

Теперь ясно, почему провинции наводнились агентами, которые разъезжали по фермам, поднимали повсюду цены и захватывали все зерно под предлогом снабжения Парижа; почему для облегчения скупки министр предлагал пекарям и хлеботорговцам снабжаться собственными средствами, лишая их в то же время этих самих средств, издеваясь над ними и заставляя их возвращаться с рынков с пустыми руками. Теперь ясно, почему, нуждаясь в опытных предпринимателях для осуществления плана всеобщей скупки зерна, министр выказывал столь живой интерес к гг. Леле; потому-то он и подделал указ совета, дабы объявить, что докладная записка кавалера Ретледжа, который вскрывал все их гнусности,— лишь клевета; вот почему, возлагая слишком большие надежды на легковёрность общества, он хвастает тем, что реабилитировал их, выказав им полное доверие.

Теперь ясно, почему, нуждаясь в действительном вывозе, дабы создать впечатление ввоза, и не имея возможности обойтись без посредников, которые в свою очередь должны были иметь агентов как в провинции, так и в морских портах, он столь ценил услуги гг. Леле; вот почему, когда они были брошены за борт вместе с прежним комитетом продовольствия, он старался загладить эту обиду, обманув население; вот почему, когда их преследовали и требовали с них отчета, он их так усиленно утешал их в унижении. Теперь ясно, почему, не будучи уверен в провинциальных муниципалитетах, где некоторые из его агентов едва не были захвачены, он отказывался широко применять законы о свободном обращении зерна и так упорно задерживал его отправку.

Теперь ясно, почему, совершив вторую спекуляцию с продажей ячменного и ржаного хлеба вместо пшеничного и ухудшив даже его качество путем примеси конских бобов, вики, индийского каштана и просто испорченной муки, он ввел государство в огромные расходы по сооружению, обслуживанию и неудовлетворительной работе бесчисленных ручных мельниц, и это в то время, когда Париж окружен множеством водяных и ветряных мельниц, которые пребывали в полном бездействии!

Так как столица является самым крупным рынком потребления, то это постыдное предприятие всеобщей скупки, этот

дьявольский проект — уморить голодом и отравить народ для того, чтобы набить министерские сундуки, не мог осуществиться со времени революции без содействия муниципалитета; для этого министр заручился расположением начальников*, а последние уговорили заинтересованных лиц и принудили это стадо баранов подписать вслепую все постановления.

Теперь ясно, почему муниципалитет так ревностно оберегал привилегию назначать своих чиновников и почему бюро представителей позволило себе так нагло обмануть общественное мнение дистриктов.

Теперь ясно, почему мэр так долго силился сохранить прежних членов парижского комитета продовольствия, дабы не порывать всю цепь уловок, как и сам он чистосердечно признался.

Теперь ясно, почему дистрикты никак не могли заставить комитет отчитаться, так как душою комитета были Леле; потому-то новый комитет только делал вид, что им принимаются какие-то меры на этот счет. Теперь ясно, почему и старый и новый комитеты всегда потворствовали скрытым проискам Королевского военного училища и аббатства св. Мартина, почему все зерно, которое поступало на рынки, переправлялось в эти притоны, невзирая на жалобы пекарей; вот почему муниципалитет, столько раз пытался обратиться на них со всею силой позорное обвинение в том, что они — виновники голода; вот почему он им столько раз делал предложения, всю бесполезность которых он прекрасно сознавал; вот почему он с таким старанием посылал отряды парижской милиции против провинциальной милиции, дабы поддержать скупщиков; вот почему на рынках, которые посещались последними, стояли наготове орудия и войска; вот почему муниципалитет поспешил освободить скупщиков, услугами которых он пользовался, от грозившего им наказания; вот почему он послал войска за двадцать лье для того, чтобы вырвать из рук вернонцев Шлантера, неосторожных признаний которого он опасался, и в то же время ничего не делал для спасения несчастных пекарей, которых убивали у него на глазах; вот почему он подкупил столько газетчиков**, чтобы обмануть население относительно при-

* Это истина, которую я так хорошо познал и которая побудила меня обвинить муниципалитет в такое время, когда все население преклонялось перед ним, в такое время, когда у меня не было иных доказательств его злых намерений, кроме безразличия к благим начинаниям и отказа выполнять свои обязанности.

** С искренним огорчением нахожу я в списке этих угодливых или продажных писателей имя г-на Бриссо де Варвиль. Тщетно было бы

чин голодовки, и вот почему голод прекратился лишь после того, как были разоблачены постыдные проски министра финансов*, и сам он стал бояться писательства некоторых лиц, которых уже нельзя подкупить.

Теперь ясно, почему министр и муниципалитет, опасаясь, как бы их злодеяния не были преданы огласке, поспешили укрыться под защиту военных законов; почему они с таким цылом принялись преследовать авторов, которые их изобличали; почему на журнал «Друг народа» был наложен арест, почему кавалер Ретледж был взят под стражу, почему гг. Мартэн и Дюваль были заключены в тюрьму. Теперь ясно, почему министр и муниципалитет вели такую яростную борьбу против свободы печати, почему они арестовали столько газетчиков, конфисковали такое количество патриотических сочинений; почему они, содержа такое множество шпионов и желая навеки вырвать перо из рук друзей отчизны, до сих пор продолжают развращать печатников, превращая их в гнусных доносчиков, жаждущих наживы**.

Преступления по должности, совершенные министром Неккером, не имеют пределов; они беспрерывно следуют одно за другим, как волны моря, гонимые бурей.

Чтобы повергнуть народ в отчаяние и заставить его из страха перед нищетой вновь отдаться в руки деспотизма, не-

искать в его писаниях хоть малейших сетований по поводу преступлений муниципалитета, хотя бы слова в защиту маркиза де Сент-Юрюж, оправдание которого блестяще доказало всю несправедливость заточения, коему он был подвергнут, или в защиту Ретледжа, Мартэна и Дюваля, предательски отданных на растерзание муниципальному корпусу. Но зато мы видим, что он не упускает случая втереть очки населению, распуская ложные и нелепые слухи по поводу некарей и воображаемых частных скупщиков, дабы скрыть за этим министерских скупщиков; вот проски комитета продовольствия, проступки комитета полиции и медлительности розыска, членом которого Бриссо является. Его первые выступления не выдвинули его в ряды видных писателей, но они позволяли считать его патриотом,—славное звание, которым он пожертвовал из личных соображений и, может быть, соблазнившись чьими-то ложными обещаниями.

* Эти гнусности все еще продолжают, с тою только разницею, что теперь стараются приравнивать к хорошей муке самое ничтожное количество испорченной, дабы сделать хлеб не столь уж противным на вкус.

** Комитет полиции только что предложил всем печатникам, которые употребят во зло доверие авторов и выдадут их рукописи, двойное вознаграждение по сравнению с типографскими издержками; это политическая тонкость, достойная женеевского спекулянта, до которой не додумались даже такие великие инквизиторы, как де Сартин и Ленуар.

достаточно одной скупки зерна; министр прибег также к скупке денежной наличности, которая и без того стала очень скудной вследствие утраты общественного кредита**.

Уже давно министр работал над осуществлением этого страшного проекта учреждения национального банка, который должен был ввести в обращение кредитные билеты различной ценности, пока не будет выкачено все золото государства. Он представил этот план Национальному собранию; опасаясь, как бы основательные доводы его не погубили, он предложил членам комитета финансов воспроизвести его с легкими изменениями и почти в то же самое время предложил одному из главных вымогателей** представить другой проект, мало отличающийся от первого; он одобрил его основные черты, стараясь не обсуждать деталей. Ни один из этих планов не был принят; не теряя, тем не менее, надежды, он удвоил усилия, шел более открыто к своей цели, обратился к учетной кассе, посвятил чиновников в свои планы и прибегнул к ряду губительных операций, которые каждый день высасывают деньги, ускользнувшие от алчности капиталистов; благодаря этим операциям мы в конце концов останемся без гроша.

До тех пор, пока кредит кассы не подорван, министру финансов весьма легко наводнять рынок бумажными деньгами, выкачивать денежную наличность и разорять нацию. Но даже если кредит кассы понизится, министр сможет достигнуть своей цели, выпуская билеты с принудительным курсом. У г. Неккера оставалась еще эта мера насилия, и он воспользовался ею без колебания.

Несметные суммы, за которыми государство столько раз обращалось в учетную кассу, когда заменялись бумагой — одному богу известно, в каком изобилии. Потеря общественного доверия поставила должностных лиц в затруднительное положение; они воспользовались одним эдиктом совета, коим кредитным билетам придается сила звонкой монеты и разрешается выдавать квитанции на билеты определенной ценности; это пагубный эдикт, который предоставил им возможность удержать в своих руках большую часть денежной наличности, представленной в

* Я не знаю, основательны ли в своем большинстве те причины, которыми объясняют недостаток звонкой монеты; как бы то ни было, несомненно то, что она вдруг от нас исчезла вскоре после возвращения Неккера в министерство; так и должно было произойти, раз капиталисты ее скрыли.

** По плану г-на де Ла Борд устанавливались кредитные билеты ниже одного луи. Если бы он прошел, мы бы теперь дрожали над каждым эрю.

обращении бумажными деньгами. Естественный ход событий довершил остальное. Замешательство чиновников вызвало всеобщую панику, каждый бросился реализовать обесцененные векселя, и толпы народа устремились в банк. Дабы избежать смятения или, вернее, скрыть от населения огромное количество бумажных денег, находящихся в обращении, и тем самым предотвратить неминуемое банкротство, надо было во что бы то ни стало отсрочить выплату. Были предприняты различные уловки: сначала заставили предъявителей записаться, потом принудили их записаться пропусками. Но в то время как публика напрасно ждала у входа, доступ в банк был открыт чиновникам, акционерам, министерским агентам; чтобы быть пропущенным, им достаточно было послать слугу; таким образом, получалось следующее: банковская администрация делала вид, что производит выплату, а деньги между тем не уходили из ее рук. Среди невероятных мук, ценою которых приходилось добиваться оплаты самых мелких счетов, появились гнусные биржевые маклеры — негодяи, спешившие нажиться на общем несчастье; они предлагали учесть билеты с потерей от трех до шести процентов, и граждане увидели, что они безжалостно ограблены.

Пока что они были ограблены только частными лицами; вскоре они подверглись тому же со стороны должностных лиц; под предлогом, будто им хотят помочь, им посоветовали обратиться к посредникам; было предписано сообщить им о количестве билетов; заявления делались письменно, — большинство из них осталось без ответа, и чтобы скорее развязаться, граждане вынуждены были идти на уступки — точно так же, как это было в деле с учетом.

Ажиотаж между тем шел своим порядком; он усиливался с каждым днем, и скандальная хроника уверяет, что он производился почти целиком за счет государства, — вещь возможная, но маловероятная: кому охота подбирать по зернышку, когда можно пожинать снопами?

Новый способ скупки звонкой монеты, внезапно предпринятой по всему государству, не оставляет сомнений в том, что г-н Неккер, спеша завершить свои проекты, выбросил на биржу огромное количество бумажных денег. Во исполнение его приказов банковские билеты выдавались за наличный расчет в казначействе, у застав в городе; но там отказывались их принимать; доходы поступали медленнее, чем того хотелось министру, и вот его агенты стали выжидать в некотором удалении от торговых городов проезда купцов, извозчиков, ломовиков,

предлагая им со скидкой кредитки в обмен на звонкую монету. Факты эти всем известны. Как бы их ни прикрашивали, ясно, что скупка звонкой монеты не может производиться банковскими чиновниками и откупщиками без содействия министра, равно как скупка зерна не может осуществляться без поддержки муниципалитетов; следовательно, все это делается за счет государства.

Министр осуществил свой проект при посредстве ажиотеров. Когда вспоминаешь те строгие принципы, которые он неустанно проповедывал, весь пыл, с которым он осуждал тактику своих предшественников, и его выпады против темных ажиотажных спекуляций, — невольно изумляешься его дружеской близости с чиновниками учетной кассы и тому, сколько дел он с ними обделывал; но стоит только вспомнить, что лицемерие — одна из его характернейших черт, а жажда повелевать — его основная страсть, и мы поймем, что в Париже заклятого честолюбца, который стремился во что бы то ни стало удержать бразды правления, не остановит ребяческий страх сойти за человека легкомысленного. Как бы то ни было, г-н Неккер, скупивший денежную наличность и обративший все наше состояние в бумагу, лишенную всякой цены, обрекает нас на голодную смерть при наших обесцененных капиталах, ибо если должностные лица отказываются принимать бумажные деньги, то как же их примет пекарь и мясник? Таким образом, французы, схваченные за кошель и за живот, будут скованы самыми крепкими узами, какие когда-либо держали человека.

До сих пор фискальные вампиры старались прикрыть свое лихоимство хотя бы тенью справедливости, но славные дельцы, главные скупщики, могли смело попирать совесть, стыд, раскаяние, чтобы грабить граждан, отнимать у несчастных последние средства и поддерживать на них роскошь двора, расточительность изгнанников, оплачивать развлечения власть имущих и кормить государственных кровосисц, способствующих этим проектам.

Отбросим сомнения: вновь заковать нацию в цепи рабства и править ею от лица монарха — вот что было всегда конечною целью обожаемого министра. Но как достигнуть этого без денег? Единственное, что погубило его посреди всеобщего бедствия, было истощение казны. Беспутство кабинета, утрата доверия к казенному имуществу, боязнь банкротства, уменьшение доходов — все это создавало полную невозможность противостоять событиям, и министр не переставая требовал, чтобы Национальное собрание вернуло монарху право принудитель-

ного взимания налогов, и представлял все новые планы установления равновесия между доходами и расходами. Отчаявшись, так как его разорительные спекуляции стали отвергаться, несмотря на весь их соблазнительный лоск, на попытки комитета финансов оказать давление к их принятию, на усилия верного Дюпона, на бесконечные хвалы, расточаемые наемными писаками, встревоженный принятым решением* всесторонне осветить его управление, опасаясь, что его злоупотребления станут, наконец, общеизвестны, он пошел на последнее, и, увенчав свою деятельность гнусным злодеянием, все пустил в ход, дабы сделать нарождающуюся свободу в тягость гражданам, твердя им об ужасах голода, возмущая их неслыханными притеснениями, повергая их в отчаяние, запугывая Национальное собрание междоусобицею, заставляя отцов отчизны отказываться от благородного намерения пролить свет в темные закоулки министерского вертепа, исторгая у них декреты, узаконивающие его спекуляции и упрочивающие его должность. Но, для того чтобы предохранить от порчи политический механизм, чтобы продвигаться вперед, оставаясь полновластным хозяином в государстве, надо было набивать сундуки. Сначала он установил хлебную монополию, затем выдумал патриотический налог, новый вид обложения**, тяжесть которого почти целиком падала на народ, который он хотел уничтожить; наконец, он прибегнул к скупке денежной наличности государства, что составляло для него выгоду: возможность иметь в своем распоряжении армию рабски преданных наемщиков*** на случай надобности и возможность лишить граждан средств к сопротивлению.

Эти коварные планы бросались в глаза всякому здравомыслящему наблюдателю. Обязанностью каждого истинного патри-

* См. предложение г-на Фрето от 2 октября.

** Чтобы иметь возможность располагать этими деньгами в своих целях, важно было скрыть источник дохода,—он и принял соответственные меры. Кто знает, тщательно ли записаны патриотические пожертвования, переданные Национальному собранию, известны ли суммы, которые вносились непосредственно звонкою монетой. Уверяют, что ответственные лица отказывались выдавать расписки; что, если это правда? Впрочем, на что вообще пошли приношения, сделанные государству? Отцы отчизны, вы предоставили их в распоряжение министру финансов, который употребил их по-своему, вы передали ему ключи от казны, а сами ограничились ничтожною ролью сборщиков.

*** Установлено, что весь офицерский состав, за исключением разве нескольких отдельных лиц, совершенно безнадежно смотрит на революцию. Я имею самые недвусмысленные доказательства этому. По счастью, все почти солдаты держатся противоположных взглядов.

ота было разоблачить их, и тысячи обнаруженных фактов, повторяю, убедили бы временных депутатов общины, если бы они остались верны своим избирателям и не продались кабинету.

Забудем про муниципальный корпус — он здесь играет подчиненную роль; он, несомненно, мог стремиться к чести послужить отчизне, но ни один из его членов не может рассчитывать на славу, даже его глава, который пожертвовал своей ничтожной писательской репутацией ради карьеры презренного холопа. Но вы, сударь, вы, пресловутый выскочка, вы, министр финансов, вы, кого нация поставила во главе своих защитников и которую вы так низко обманули, введя в заблуждение всю Европу; вы, кто предал малодушно целый народ, боготворивший вас, в угоду гордецам, которые вас презирают; вы, на чью долю могла бы выпасть бессмертная слава спасителя Франции и кто предпочел стать ее бичом, — каких плодов вы ждете от своих преступных происков? Остаться душою кабинета, именоваться регентом королевства и править от лица монарха? Не обольщайте себя такими надеждами — вы даже не успеете возвысить врагов отчизны, как они вас безжалостно предадут изгнанию. Сохранить за собою репутацию великого человека? Забудьте об этом: прошли те времена, когда люди преклонялись перед ловкими негодяями; ныне потребны добродетели, и ужасный замысел — уморить голодом и отравить народ, взывавший к вашим отеческим заботам, — навсегда сделал вас проклятием Франции и позорищем рода человеческого.

Люди мыслящие давно оценили вас по заслугам; они смотрят на вас как на удачливого интригана, как на ловкого дельца, но вы сами разорвали завесу, которую они едва приподняли. Вы заняли подобающее вам место, и в их глазах вы ныне лишь первостатейный мошенник, Тартюф в истинном значении слова, король шарлатанов.

Ослепленные своею безумною страстью, вы отказались от спокойной деятельности неподкупного правителя ради мишурного блеска важного лица; уважению со стороны мощи нации вы предпочли ласки, расточаемые врагами государства, а благословию народа — благосклонные улыбки двора; ваше господство кончилось, ваше падение близко, ваше величие развеется, как сон; ни одна отрадная мысль не утешит вас в опале; от всего вашего великолепия у вас не останется ничего, кроме воспоминания о бедствиях, которые вы причинили; и вы унесете с собою в уединение лишь проклятия несчастных, презрение мудрых и ненависть людей добродетельных.

Но пока вы еще не скрылись с позором и в отчаянии, друзья отчизны должны неусыпно надзирать за вами. Будучи опаснейшим врагом нашей свободы, вы, как никто, обладали даром вводить людей в заблуждение, надев личину искренности; вы так уверенно обманывали народ, так коварно притесняли его и так упорно не шли ни на какие уступки. Народом вы пожертвовали ради честолюбия. Если только враги наши решатся сохранить за вами бразды правления, вы тотчас с готовностью возобновите все гнусные козни, вы немедленно восстановите старые порядки, вы без колебаний отдадите казенные деньги на расхищение грабителям, взяточникам, наемным негодям и шпионам, а на средства, жертвованные государству, вы станете содержать злодеев, ищущих его гибели, желающих вернуть монарху скипетр деспота и подвергнуть нас снова в бездну.

Если всего написанного мною недостаточно для того, чтобы раскрыть глаза нашим ослепленным согражданам, то мое перо еще свободно, и до тех пор, пока вы будете у кормила правления, оно станет преследовать вас без пощады; беспрестанно будет оно вскрывать ваши злодеяния, обнаруживать ваши гибельные замыслы, всенародно клеймить ваши преступления, дабы отнять у вас время для злоумышлений против отчизны; мое перо лишит вас покоя, оно соберет у вашего изголовья мрачные заботы, горести, страхи, ужас и тревогу, покуда вы не выпустите из рук цепи, уготованные нам, и сами не станете искать спасения в бегстве.

Письмо Камиллу Демулену

24 июня 1790 г.

При создании действительно свободной конституции, т. е. действительно справедливой и мудрой, первым великим капитальным пунктом является то, чтобы все законы были установлены с согласия народа, после обдуманного рассмотрения и, главное, после того, как они некоторое время будут применяться на деле, а это предполагает уже вполне зрелый национальный дух и общественное мнение, сложившееся относительно всех основных вопросов. Декреты Национального собрания могут быть, следовательно, лишь временными, до одобрения их нацией, ибо право их санкционирования принадлежит исключительно ей. Без применения этого права, существенного, неотчуждаемого, непередаваемого, нация слепо подчинилась бы произвольным законам, что было бы верхом глупости, а уполномоченные нации, произвольно пользуясь властью распоряжаться, оказались бы облеченными верховною властью, сделались бы вершителями судеб и стали бы в конце концов неограниченными хозяевами государства. Эта цель, которой наши короли еще не успели добиться в течение пятнадцативековой узурпации народных прав, была постоянным предметом их вождений и усилий, пределом их надежд и желаний, но они тщательно скрывали это. И вот Национальное собрание, этот однодневный зародыш, которого народ не создавал, это загробное детище деспотизма, эта недостойным образом составленная корпорация, в которой так много врагов революции и так мало друзей отечества, эта незаконная корпорация, скорее терпимая нацией, чем ею созданная,— вдруг осмелилась бы нагло при-

знать это, дерзнула бы заявить об этом во всеуслышание. Подобное притязание было бы верхом смелости, если бы оно не было верхом безумия.

Мы могли бы сказать им: мелкие интриганы, заседающие в сенате лишь благодаря интриге, козням, проискам, подкупу либо благодаря избранию привилегированными сословиями, ныне исчезнувшими, бросьте свое желание держать нас в цепях! Первым покушением вашим было предоставление королю отсрочивающего вето; только народу принадлежит право абсолютного вето. Он охотно вернет его себе и разом сметет все ваши вероломные акты. Вы уже у конца своего политического существования; скоро вы исчезнете в толще, вас будут судить по делам вашим, нация взвесит их на весах своей мудрости, и из массы декретов, которым вы силитесь придать значение неотменимых законов, она возьмет лишь те, которые соответствуют общему благу; она с презрением отвергнет все эти легкомысленные декреты, исторгнутые у вашего неведения, с ужасом — все эти пагубные декреты, плоды вашей продажности; и имена ваши, записанные в летописях революции, сохранятся в ней только для того, чтобы покрыть вас насмешкой и позором.

Поверьте, дорогой собрат по оружию, что для торжества свободы, для счастья нации нет ничего более важного, чем ознакомление граждан с их правами и образование общественного мнения. Я и призываю вас без усталости работать над этим, посвящая в наших газетах ряд избранных статей вопросу о конституции, — это лучший способ настоящим образом оценить труды наших представителей.

Я открываю поприще.

Прошение отцам сенаторам, или основательные требования тех, кто ничего не имеет, к тем, кто имеет все

Отцы сенаторы!

Нация состоит из двадцати пяти миллионов человек, мы одни составляем больше двух третей этого числа, а нас в государстве не ставят ни во что или, если в высоких ваших декретах идет речь о нас, то лишь для того, чтобы принижать, мучить и утеснять нас.

При старом порядке подобное небрежение, подобное обращение с вашей стороны не показалось бы нам слишком странным; мы жили под господами, для которых нация вся деликом заключалась в их сердце; в их глазах мы были ничто, и они удостаивали вспоминать нас только для того, чтобы вырвать у нас плоды наших трудов или впрячь нас в свою колесницу.

Времена эти миновали, но что же мы выиграли от этого? В первые дни революции, которая так вскружила всем головы, которая вызывала такие клики радости, которая заставляла служить столько молебнов,—этой революции, которую столько перьев превозносило до небес, которую столько раз праздновали и на которую столько дураков по сию пору дивятся, в первые ее дни сердца наши на мгновение открылись для радости; мы убаюкивали себя надеждой, что наши бедствия закончились, что наша судьба переменилась.

Как бы ни были удачны перемены, происшедшие в государстве, все они — только для богатых; к бедняку небеса всегда были и всегда останутся скупыми.

Отцы сенаторы! Вы зоветесь депутатами народа, вы уверяете, что радели о его интересах, обеспечивали его права. Ну, а что же вы сделали для нас? Трудились над освобождением нации,— конечно, скажете вы? Хорошо. Но какое же значение имеет политическая свобода для нас, которые никогда ее не знали и никогда не будут знать? Она имеет ценность лишь в глазах мыслителя, который хочет наставить людей, публициста, который хочет составить себе имя, и граждан, которые не хотят над собой никакого господина, а у нас, бедных, обездоленных, совершенно нет времени на размышление*; мы редко вмешиваемся в государственные дела, а когда это с нами случается, наше участие может быть лишь таким, как участие зрителей в театральной пьесе или лицедеев в опере.

Что касается гражданской свободы, то мы никогда как следует ею не наслаждались и никогда полнее не будем наслаждаться. К чему обманывать себя? При теперешнем якобы господстве свободы нам живется еще гораздо хуже, чем при господстве рабства. Мы во сто раз больше терпим обид от гнусных сообщников мелких наших тиранов, чем терпели от посягательств приспешников деспота,— и мы не знаем, кому жаловаться, у кого просить защиты. Комиссары наших округов, наши мировые судьи, наши муниципальные чиновники переменили только имя; это те же прежние квартальные комиссары, прежние приказные, прежние королевские чиновники; в новой администрации находишь большинство лиц, входивших в состав прежней, либо других интриганов, других честолюбцев, других плутов, еще хуже прежних, и таких же слуг старого порядка, которые обдирают, грабят нас, утесняют и прижи-

* Что стало бы с нами, если бы бедняки прониклись своими правами, как иные философы, и если бы размышление распаяло в них сознание ужасного своего положения?

мают сколько им угодно, среди бела дня врываются в наши дома и под покровом ночи насильственно отрывают нас от наших очагов. Наши полицейские суды и суды окружные составлены так же скверно, как наши прежние уездные и областные суды. Да и то сказать. Прежде у нас было пятьсот тысяч мелких тиранов, теперь миллион угнетателей; отцы-сенаторы, вы отдаете нас, беззащитных, целиком в их руки, и по тому, как мало заботились вы о нашей безопасности, о нашем спокойствии, мы сквозь все ваши лживые положения о свободе, сквозь все великие слова о равенстве чинов и состояний отлично видим, что в ваших глазах мы как были, так и остались сволочью.

Наконец, что касается домашней свободы, то ведь ее не может быть для того, кто ничем не владеет, следовательно, жребий, нас ожидающий,—это вечное рабство; прикованные, таким образом, целый день к своей работе, ремесленники и слуги, мы являемся лишь орудием в руках сурового и властного господина.

Вы знаете, что это бесценное благо свободы, которым вы собираетесь наслаждаться, создано не для нас; в этом отношении мы так же чужды революции, как если бы мы вовсе не входили в состав государства.

Вы уделили много внимания собственности, поставленной вами под защиту законов, но как мало значат все эти установления для человека, которому не приходится вести дел, не приходится защищать интересов! Да и какое значение может иметь для неимущего сама собственность?

Вы разрушили наследственные привилегии, вы внесли больше равенства в гражданское состояние первых разрядов граждан, больше соразмерности в распределении налогов. Все эти формы, выгодные для вас, в такой же степени чужды для нас. Лучше распределив налоги на состояния, вы сохранили всю тяжесть их для бедняка; хлеб, который он ест, вино, которое он пьет, ткань, в которую он одевается, обложены тяжелыми налогами. Как же вы не почувствовали, что справедливость требовала изъять от обложения тех, у кого ничего нет? Как же вы не почувствовали, что вместо взимания налога надо, наоборот, отпускать средства тому, кого нужда поставила ниже уровня физических потребностей*.

Вместо того чтобы притти на помощь, вы жестоко обрали нас. Церковное имущество было достоянием бедных;

* Эти доводы выдвинул г-н Шапелье при обосновании декрета.

вы его отняли у них на нелепые затеи правительства, на расточение министрам, на расхищение управителей, на скандальную пышность двора, на мотовство, мошенничество и разбой государственным вампирам. Вы намеревались устранить злоупотребления духовенства, и все-таки из того имущества, которое принадлежит нам, жезлоносцы и митроносцы удержали огромную долю; при этом они избавлены от обязательства уделять нам хотя бы малейшую часть этого имущества; они владеют им на правах собственности, под видом жалованья, для доставления себе тех удобств жизни, к которым они привыкли. Но что еще хуже,—вы сохранили за ними при отставке те же огромные оклады на тот случай, если им надоест выполнение обязанностей святого их служения. Когда читаешь наши декреты о лицах, занимающих церковные должности, о епископах и архиепископах, с сохранением в различных случаях всего содержания, с прибавлением или вычетом четверти, трети или половины оклада, получаешь представление, что мы какие-то равнины, приводящие в порядок ростовщические счета.

Наконец, из этого же церковного имущества, отнятого у бедных под предлогом уплаты государственных долгов, у нас оторвали пятнадцать миллионов на голодающих всего королевства; при напряженной работе в благотворительных мастерских придется по тридцати пяти су на душу, уплачиваемых всего один раз; между тем, вы же ассигновали от себя девятнадцать миллионов на окончательную уплату долгов негодяя, близкого к престолу, скандального расточителя, чье грязное распутство является далеко не самым крупным проступком, врага отечества, который, в конце концов превратился в гнусного заговорщика*.

Каково же заключение? Все те преимущества, которые богачи находят в своих владениях под защитой наших узаконений, существуют не для нас, и в этом отношении мы остаемся столь же чуждыми революции, как если бы вовсе не входили в состав государства.

До сих пор новый порядок вещей целиком идет на пользу богачей и интриганов, но это лишь одна часть их преимуществ. Отцы сенаторы, вы якобы радели с особой заботой о равноправии всех граждан в пользовании общественными благами; при занятии должностей, мест и званий вы определили считаться лишь со способностями и нравственными качествами лиц. Это могло бы показаться великолепным, если

* Граф д'Артуа.

бы вы не поторопились разрушить собственное ваше дело. Приемами фокусников у вас очень скоро сумели одну за другой выманить все эти уступки. Только что успели вы признать, что все люди, равные по своей природе, должны без всякого различия призываться на должности, которые они способны достойно отправлять, как вы уже прибавили: однако, без уплаты прямого налога размером в марку серебра они не могут быть представителями нации; без уплаты прямого налога в десять ливров они не могут стать избирателями; без уплаты прямого налога в три ливра они не могут быть активными гражданами. Так, путем этих мелких оговорок, вы нашли искусный способ закрыть перед нами двери законодательного собрания, судов, директорий, муниципалитетов. Во имя закона вы объявляете нас неспособными отправлять какую бы то ни было из должностей, на которые вы призывали нас во имя естественных прав, и в довершение несправедливости вы доходите до того, что объявляете нас неспособными назначать тех, кто должен отправлять эти должности, наконец, просто лишаете нас самого звания граждан. Знаменитая ваша декларация прав была, следовательно, лишь пустой приманкой на потеху дуракам, пока вы боялись их раздражения, ибо в конечном итоге она сводится к передаче в руки богатых всех преимуществ, всех почестей нового порядка; значит, славная революция пошла на пользу только одним счастливым.

Если бы этот знаменитый декрет, который для занятия должностей не требует иного ценза, кроме способностей и нравственных качеств, не успел превратиться в шутку, он все же не имел бы никакого применения к нам. Влача нищенское существование, мы можем служить отечеству только руками, как мы служили ему всегда. Таким образом, в то время как вы одни будете наслаждаться счастьем повелевать другими, мы всегда будем призваны только повиноваться, отдавать государству свои труды, страдания и муки. Для нас преимущества конституции сводятся к оставлению нас в нужде и грязи.

Марат.

Дьявольский план врагов революции

Прения, а часто и декреты Национального собрания готовились у якобинцев. В результате глухих интриг врагов революции все дела перенесены были в клуб в 1789 году. Здесь готовилась работа суда и собрания, но не все члены клуба были в это посвящены; важные дела обсуждались в тайном комитете; именно там решено было совершенно переменить состав администрации, о чем возвестили в некоторых газетах, для того чтобы подготовить умы.

С каким искусством могли враги изменять свои меры! Нельзя было без удивления смотреть, как король расточал ласки депутатам. Это значит быть славно одураченным соглашением на празднестве федерации; ласки эти скрывают гнусные намерения, и принимать их за свидетельство благоволения и патриотизма — значит быть знатно одураченным.

Не меньшее удивление вызывали расшаркивания генерала перед депутатами и вся плоская лесть, которая была пущена в ход, чтобы их пленить. Наконец, нельзя было смотреть без возмущения на то, какими низкими средствами он пользовался, чтобы внушить им, что он герой обоих полушарий. А через этих именно порабощенных депутатов враги революции должны требовать у короля устранения всех нынешних министров, а у законодательного корпуса отмены декрета, по которому все его члены признаны неправомочными занимать министерские посты. Добавляют, что Шапелье и Деменье, душою и телом преданные Мирабо, готовят декрет в истолкование того, который уничтожил права дворянства.

Нам трудно поверить, чтобы у депутатов на празднество было так мало проницательности и они дали поймать себя

в эти сети, как ребята; мы убеждены, что они слишком опытные, чтобы не понимать, что у них нет полномочий, нет мысли предъявлять подобное требование. Обрекут ли они себя как безумцы на стыд и позор несмыслимый: быть дезавуированными своими доверителями.

На кого, скажите пожалуйста, должен пасть выбор? Говорят, наперед решено: Мирабо-старший должен заменить Неккера, Лафайет — Латур дю Пена; Лианкур — Монморена, Ларошфуко — Сен-Жюста, а аббат Сизэ — министра юстиции. Байи останется мэром со стотысячным окладом. А Неккер, Неккер, растратив два миллиарда, уйдет, не отчитавшись, как это уже так давно готовится. Но как! Какой-то аббат Сизэ, министр юстиции, этот плутоватый выскочка, который продал свободу за ласки двора! Какой-то Ларошфуко, какой-то Лианкур, эти подозрительные граждане, эти подлые придворцы! Какой-то Лафайет, этот изменник отечества, который хотел сделать монарха абсолютным диктатором и который не перестает работать на пользу деспотизма! Какой-то Мирабо, низкий негодяй, покрытый преступлениями и позором, для которого нет ничего святого, рядом с которым аббат Террэ, Калонн, Ломени — образцы добродетелей! Этот подлый Сарданапал, который опустошил бы все сокровищницы Франции, привел бы нацию к нищенству и в конце концов продал бы королевство с молотка, чтобы удовлетворить свою грязную похоть! О проституция! О бесчестье! О отчаяние! И для этого мы должны взяться за оружие, забросить свои дела, лишиться достоинства и покоя, — для того чтобы обеспечить своим наследием низких интриганов, подлых заговорщиков, презренных негодяев! Для того чтобы доставить почести нескольким недостойным выскочкам, мы должны пожертвовать для них своими правами, своей свободой, своим благополучием.

Как! Национальная гвардия вооружилась только для защиты свободы; неужели она превратится в ее жесточайшего угнетателя? Она, значит, станет судьей государства, будет ставить ни во что своих сограждан, народ, всю нацию. Гражданская власть будет подчинена военной; солдаты отечества превратятся в преторианские банды; они будут располагать властью, и после года труда, лишений, опасности, слез мы, в конце концов, придем к правительству квесторов, к ужасающему деспотизму. Стоило ли свергать наших угнетателей, чтобы получить жесточайших тиранов; нет, какова бы ни была извращенность века, мы не дошли еще до такой степени беспечности, тупости, унижения. Наши вооруженные братья не для

того сошлись со всех концов страны, чтобы принести нам цепи; им известна репутация тех грязных людей, которых им предлагают поставить у кормила правления; возмущенные этой поспешностью в намечении на ответственные места людей, выбор которых требует зрелого обсуждения, они знают, что дело общественного спасения было бы безнадежно в подобных руках, они разглядели сети, которые прикрывают собой ласки двора и его креатур.

Вместо того чтобы поддерживать гибельные мероприятия, они обеспечат свои права и общественную свободу, они потребуют права выборов своих офицеров и контроля над ними; народ сразу воспрянет от своей летаргии, вырвет свое из глотки своих грабителей, с позором устранил опасных людей с занимаемых ими мест; окончательно изгонит потерянных в нравственном отношении людей, которыми предполагают заполнить министерство.

Наконец, воображает ли Национальное собрание, что честные граждане предоставят ему отменить декрет, который имеет тенденцию сохранить его руки чистыми, тогда как оно не соглашается отменить военный закон, декрет о вето, о серебряной марке, прямом обложении, праве войны и мира, декреты, которые лишают граждан их прав, подрывают свободу и подвергают опасности общественное благополучие.

Мы погибли

Я знаю, голова моя оцenenа негодьями, которые стоят у кормила правления; пятьсот сыщиков ищут меня день и ночь. Ну, если они меня найдут и задержат, они меня удушат, и я умру мучеником свободы; нельзя будет сказать, что отечество погибало, а Друг Народа хранил трусливое молчание.

Г-н Массо Гранмезон заявил в следственной комиссии парижского муниципалитета, что он скопировал писанный самим г-ном Мальбуа следующий контрреволюционный проект:

«Одно просвещенное военное лицо предлагает г-ну графу д'Артуа свои услуги в смысле его возвращения во Францию путем, соответствующим его достоинству (в случае, если у графа нет других соображений). Это военное лицо, считающее дело возможным, предлагает побудить сардинского короля дать двадцатипяти тысячное войско и авансировать восемь миллионов.

Позондировать императора, чтобы узнать, не намерен ли он также оказать помощь того или другого рода.

Существует как будто уверенность, что герцог Денон, маркграф баденский, ландграф гессенский всеми силами поддержат план, так как они решили сохранить свои права в Эльзасе.

Когда этот союз будет основан, встанет вопрос о составлении манифеста в кабинете принца, который должен быть отредактирован гг. Мунье и Лалли-Толандаль и основан на июньской декларации.

После того как манифест будет просмотрен военным лицом, он будет опубликован, до того как войдет в действие.

Начать можно было бы с движения на Лион, где нельзя

ждать больших затруднений, так как городу прежде всего были бы предоставлены торговые привилегии.

Другой корпус должен быть направлен через Брабант.

Третий прошел бы через Лотарингию.

Рассчитывают, что эти три военные корпуса будут бесконечно увеличиваться за счет антипатриотически настроенных людей.

При помощи новых агентов и денег можно было бы привлечь на свою сторону пограничные войска.

Все три корпуса продвинулись бы до Корбейля, Санли и Мо (Corbeil, Senlis et Meaux), разоружили бы по пути в окрестностях все муниципалитеты, заставили бы их присягнуть королю и принудили бы их отозвать своих депутатов, в случае если бы Генеральные штаты продолжали заседать.

Париж подвергся бы осаде, и таким путем, можно надеяться, нация приведена была бы к сознанию своей ошибки».

Весьма важное заявление (dénonciation) против муниципальной следственной комиссии

Неминуемая опасность, угрожающая как будто отечеству, заставляет меня исторгнуть из груди своей обвинение, которое нравственно гнетет меня и которого я не выдвинул до сих пор только из страха разгласить средство, которым можно уловить нити всех черных комplotов врагов революции.

Итак, я заявляю громогласно перед лицом неба и земли, что я вполне осведомлен относительно заявления, сделанного недель шесть назад муниципальной следственной комиссией и требующего, чтобы забраны были бумаги двух более чем подозрительных лиц, находившихся в прямых сношениях с бывшим графом д'Артуа и разными начальниками линейных войск, а также некоторых других более чем подозрительных лиц, у которых должна быть нить всех заговоров, замышляемых изменниками нации.

Заявляю громогласно: я вполне осведомлен, что в интересах успеха столь важной операции указанное заявление сделано было лично г-ном Гаран де Кулон, который по этому поводу совещался с видным членом Национального собрания, хорошо знающим дело. Наконец, заявляю громогласно перед лицом неба и земли: я вполне осведомлен, что национальная следственная комиссия дала определенные распоряжения муниципальной следственной комиссии произвести обыск и необходимую выемку,—распоряжения, которые были дерзостно оставлены без внимания. Я приглашаю муниципальную следствен-

ную комиссию выйти из мрака, в который она скрылась, и внять моему заявлению. Она могла послушаться точных распоряжений Национального собрания только потому, что боялась не угодить министрам, мэру и начальнику парижской полиции, чьи связи с двором, к сожалению, дают основания для сильной тревоги, или потому, что она продалась кабинету*. В первом случае она была виновна в преступной трусости, во втором — в нарушении долга; в обоих случаях она недостойна общественного доверия. Я разоблачаю ее как изменника отечества.

Когда общественное благополучие в опасности, народ должен лишиться полномочий недостойных лиц, которым он их вручил, потому что общественное благо — высший закон, перед ним все прочие законы должны умолкнуть. Поэтому я приглашаю всех добрых граждан сознаться немедленно, пройти в национальную следственную комиссию, выяснить, какие распоряжения даны были муниципальной комиссией, затем отправиться в городскую думу, овладеть книгой исходящих бумаг этой комиссии, потребовать протокола обыска, произведенного в результате этих распоряжений, и в случае отказа взять под стражу всех ее членов.

Последние известия

Во вчерашнем вечернем заседании г-н де Крансе зачитал письмо г-на де Буйе г-ну Кольсон, привезенное чрезвычайным курьером, которого прислал арденнский департамент. Оно извещает, что г-н де Мерси, посланник венского двора во Франции, испрашивает у короля для находящихся на французской территории австрийских войск свободного прохода через территорию Люксембурга в смежные бельгийские провинции.

Г-н де Крансе доложил, что на границе, которая тянется до Меца, на протяжении недели бегали по ночам люди с криками: «К оружию: враг у ворот!»; что из Шарлевиля отправили полк Бертиньи, который проявил самый подлинный патриотизм.

Г-н..., депутат из Арденн, сообщил, что он две недели тому назад отправился вместе с одним чрезвычайным представите-

* Напрасно она ссылалась бы в оправдание на боязнь нарушить неприкосновенность жилища граждан; она, которая столько раз бесцеремонно нарушала право убежища лучших патриотов; она, которая распорядилась взять меня среди ночи из убежища, где мои друзья скрыли меня от ножа разбойников; она, которая так недостойно разыскивала добрых граждан, наказывала заговорщиков лейб-гвардейцев; лица же, на которых теперь поступил донос, — граждане с плохой репутацией, о которых известно, что они имели сношения с бывшим графом д'Артуа, и которые в большей части заклеяны общественным мнением.

лем на празднество федерации к военному министру, чтобы просить замены для полка Бертиньи; он им обещал это, но в данный момент это еще не сделано.

Г-н Вуадель, председатель следственной комиссии, в свою очередь сказал, что стягиваются войска на границах Савойи; что некоторые германские князья волнуются, и если они еще не стянули войск, то это потому, что не смогли набрать их достаточно; что в Шамбери в последнее время находится тринадцать тысяч вооруженных людей и ожидаются шесть тысяч пьемонтцев.

Собрание назначило шесть комиссаров, а именно: гг. Фрето, де Крансе, Эмери д'Андре, Мену и Дельбека, которые должны тотчас же отправиться в военный секретариат, чтобы справиться о распоряжениях, данных комендантам крепости относительно пропуска иностранных войск, находящихся на французских границах, а также о приказе линейным войскам эвакуировать границы; затем комиссары должны получить у министра сведения о договорах, связывающих Францию с иностранными державами.

Г-н Шабру потребовал, чтобы министры военных и иностранных дел были тотчас же вызваны к решетке для дачи отчета о своем поведении. Требование не удовлетворено.

Обращение ко всем гражданам

Граждане! Наши враги у наших ворот; министры открыли им границы под предлогом предоставления им прохода через нашу территорию; быть может, они в этот момент идут быстрыми шагами против нас. Король должен отправиться в Компьень, где приготовляются апартаменты для его приема; из Компьень в Туль или Мец путь может совершаться инкогнито, что помешает ему присоединиться к австрийской армии или линейным войскам, которые остались ему верны? Вскоре к нему устремятся со всех сторон офицеры армии, все недовольные, особенно верноподданные Безенваль, д'Отишан, Ламбеск, Броглио. Один из министров, задержания которого я требовал, подлый Гюиньяр*, избалованный как вождь заговорщиков, уже бежал; его коллеги не замедлят последовать его примеру и отправятся в какой-нибудь город Лотарингии, чтобы образовать государственный совет, исполнительную власть. Король, этот добрый король, который презрительно отказался поклясться вам в верности на алтаре отечества, хранил глубочай-

* Граф Сель-Прюст.

шее молчание по поводу всех этих ужасов. Национальная следственная комиссия раскрыла рот только тогда, когда мина была обнаружена; муниципальная комиссия, продавшаяся двору, отказалась ухватить нить этих дьявольских комплотов; глава вашего муниципалитета и глава вашей милиции, осведомленной относительно всего происходящего, вместо того чтобы задержать министров, как велит им долг, способствовали побегу из тюрьмы предателя Бон де Саварден, для того чтобы лишить вас вещественных доказательств вероломства министра, а быть может, их собственного вероломства.

Для того чтобы помешать вам думать об угрожающих вам опасностях, они не перестают оглушать вас празднествами и держат вас в состоянии опьянения, чтобы вы не замечали готовых обрушиться на вас бедствий. Поверили ли бы вы, что ваш генерал, не упустивший ни одного средства обольщения, образовал против воли всех округов артиллерийский парк, чтобы вас разгромить; штаб вашей гвардии состоял из одних врагов ваших, находящихся на жаловании у принца; ваши батальонные командиры почти все подкуплены, и в довершение ужаса милиция состоит почти сплошь из людей пустых и слепых, забывших отечество ради ласк генерала.

Граждане всех возрастов и рангов! Меры, принятые Национальным собранием, не могут помешать вам погибнуть, и вы погибли навсегда, если вы не возьметесь за оружие, если вы не обретете вновь той героической доблести, которая от 14 июля до 5 октября два раза спасала Францию. Скачите в Сен-Клу, если еще не поздно,—возвратите короля и дофина в ваши страны; держите их крепко, и пусть они отвечают за события; заприте Австриячку и ее деверя, чтобы они не могли больше конспиривать; задержите всех миллионеров и их прислужников; бросьте их в тюрьму; возьмите под стражу главу муниципалитета и заместителей мэра; не спускайте глаз с генерала; арестуйте штаб, уберите артиллерийский парк с Зеленой улицы, овладейте всеми пороховыми складами; пусть округа восстановятся и останутся перманентными; пусть они заставят отменить пагубные декреты. Бегите, бегите, если еще не поздно, или многочисленные вражеские легионы обрушатся вскоре на вас; вы увидите, что привилегированные сословия тотчас воспрянут; деспотизм, страшный деспотизм возродится, более чудовищный, чем когда-либо.

Снесите пятьсот-шестьсот голов, и вы обеспечите себе покой, свободу и счастье; ложная гуманность удержала вас и приостановила ваши удары; она будет стоять жизни миллио-

нам ваших братьев*; пусть наши враги восторжествуют на момент — и кровь польется ручьями; они будут безжалостно душить вас; они будут распарывать животы ваших жен, и, чтобы навеки погасить в вас любовь к свободе, их кровавые руки будут искать сердце во внутренностях ваших детей**.

Марат Друг Народа

* Солдаты Национальной гвардии не избежат этого, как и другие; прежняя французская гвардия и вся оплачиваемая гвардия, которая покинула знамена короля, чтобы встать под знамена отечества, будут первыми жертвами вопреки клятвам в сохранности, которые, может быть, будет давать им генерал.

** Тысячи сыщиков будут вскоре приведены в движение, чтобы изъять все экземпляры этого листка; умоляю всех патриотических писателей сохранить его в своих писаниях; зажиточных патриотов — перепечатать и распространить в провинции с помощью надежных рук.

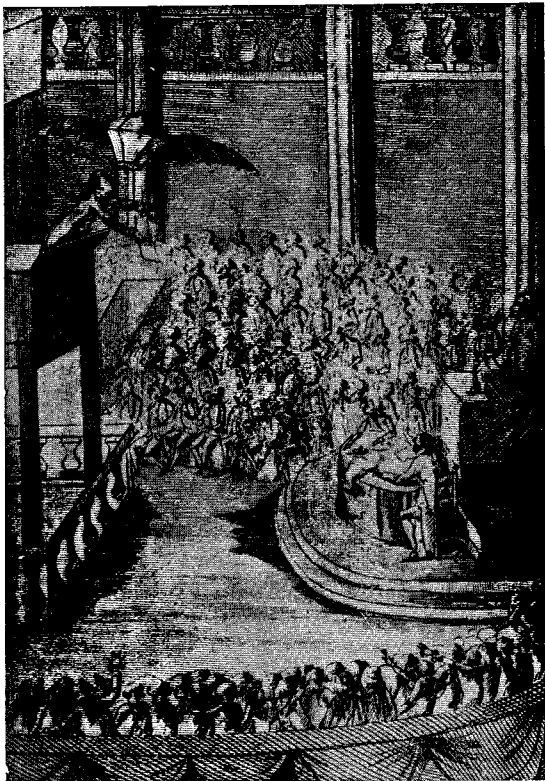
Разоблачение Малуэ ¹⁹

Дорогой Друг Народа! Почерпните некоторое утешение в том, как любят вас все добрые граждане.

При слухе о доносе, сделанном в субботу вечером гнусным Малуэ на вас и Демулена, черные возликовали, но на трибунах дарило угрюмое молчание и некоторая тревога. При чтении пагубного декрета черные и беспартийные выражали шумное одобрение; ничто не сравнится с мрачной печалью, которая охватила публику.

Наши пресловутые отцы отечества не рассмотрели вашего листка, не установили, действительно ли он принадлежит вам; тем не менее вы объявлены виновным в оскорблении нации. Обнаруживал ли когда-нибудь римский сенат при Августе и Тиберии более разительные признаки порабощенности и проституции? Ловкость, с какою Национальное собрание, по словам одного из своих членов, заклеямило общественным мнением; обрекло на расправу кровавого трибунала двух безупречных граждан за их патриотическое рвение, привела в ужас все умы. Такое необдуманное поведение непростительно со стороны школьников; можно ли простить его важным сенаторам? Они скажут, что были пьяны, но что думать об их мудрости!

Какой ужасной тяжестью обрушивается на весы Шатлэ это решение Национального собрания, не говоря уже о сговоре между врагами революции, наполняющими оба эти корпуса! Или я должен предположить на момент, что, несмотря на неблагоприятное для обвиняемых воздействие законодателя, суд не найдет в указанных доносах и следа материала для обвинения в оскорблении нации,— что же должна думать нация о рассу-

Малуэ доносит Национальному собранию на Марата
и Демулена

Иллюстрация из старинного издания

Сжигание контрреволюционной прессы

Иллюстрация из старинного издания

дительности своих представителей? Или я предполагаю, что, вместо того чтобы обращаться к более чем подозрительному трибуналу, публика будет сама судить и не только не усмотрит в Марате и Демулене врагов революции, но будет считать их самыми ревностными своими защитниками; что должна нация думать о патриотизме своих представителей? Я допускаю, наконец, что, вместо того чтобы признать обвиняемых неподсудными себе, Шатлэ под влиянием того же помутнения разума, что сказалось в Национальном собрании, бросит их в тюрьму, в ожидании, что собрание заставит искупить позорной смертью преступления гонителей,—какой повод для вечных сожалений! Когда думаешь об антипатриотических настроениях этих неправедных судей, преступлений по должности, которые они совершали во всех делах, касавшихся общественной свободы,—встает вопрос: как не содрогается от ужаса Национальное собрание, бросившее под топор палача головы двух безупречных граждан за то, что они слишком горячие патриоты?

Проследим теперь содержание и выводы этого тревожного декрета.

Я не стану отмечать здесь, что смешотворно обвинять в оскорблении нации разносчиков так называемых зажигательных произведений: это так неприлично-смешно, что разносчики сами смеются над мудростью наших законодателей.

Я не скажу также ничего о том, что нелепо делать ответственными и типографов и издателей произведения, автор которого подписывается, особенно если автор человек известный; делать их ответственными за произведение — значит делать их судьями чувств и мнений автора, а с этого момента свобода печати погибла навсегда.

Но я спрашиваю, разве это не верх глупости считать оскорблением нации советы, которые даются народу: быть на страже своего благополучия, лишить злонамеренных возможности умерить его голодом, разорять, поработить и сковать; наказать недобросовестных агентов; уничтожить своих непримиримых врагов, изменников и заговорщиков?

Верх глупости. Ах, скажем лучше — верх тирании; не все деспоты прибегают к подобным законам; они издаются только тиранами; да, самая страшная тирания — та, которая налагает печать молчания на отечество, для того чтобы можно было считать преступлениями обыкновенные мнения. Эта истина всегда признается в теории, но слишком часто игнорируется на практике.

Какое насилие страшнее, чем мешать людям употреблять свой разум в делах государственных, делах, которые больше

всего в мире интересуют их? Есть ли более жестокий гнет, чем навязывать людям свою волю как закон, чем не давать им будить злосчастных, которым грозит гибель; что может быть возмутительнее, чем требовать для себя права, которого мы хотели лишить других? И потом, разве это не вопиющая несправедливость — не отличать человека от его воззрения, смешивать его намерения с его средствами, осуждать писателя за его заблуждения? Свобода все сказать встречает врагов только в тех, кто хочет сохранить за собою свободу все делать. Да, я не боюсь это сказать: нет опасных мнений, нет зажигательных мнений, поскольку они свободны; эти туманные и незначающие слова, которые оставляют каждому возможность из них делать произвольное применение, были придуманы агентами деспотизма как самое верное средство запретить под подобным предлогом все, что противоречило бы их намерениям. Почему они повторяются в царстве свободы? Конечно, мировые бедствия часто происходили от самых обыкновенных мнений, но эти мнения не оказывали бы вовсе страшного влияния, если бы разрешалось бороться с ними. Когда дозволено все сказать, истина всегда говорит, и торжество ее обеспечено; здесь лекарство дается самой болезнью; если свобода порождает бессмысленные мнения, то она порождает также истину, которая заглушает их. Заблуждение господствует лишь потому, что истине нельзя состязаться с ним. Нет, не существует худшего бича для человечества, чем невежество; от него все пагубные предрассудки. Запретите свободный обмен мыслей — и нива политики покроется одними ядовитыми растениями, которым тираны охотно предоставляют произрастать. Установив, что существуют преступные мнения, они тотчас же сооружают трибунал, для того чтобы искоренить их. С этого момента наказывается не то, что опасно, а то, что раздражает этот трибунал, — ужасная вещь, которая всегда губит свободу.

Итак, чрезвычайно важно не ставить барьера неразумным мнениям, ложным системам; барьер этот не есть оружие просвещенного ума. Пусть же свободно произрастают всякие мнения; постепенно меж ними пробьется истина; затем, возвысаясь внезапно, как величественная королева, она будет царствовать одна при неотразимой власти разума.

Таким образом, речи и писания, самые недостойные, самые запальчивые, самые резкие, самые свирепые, самые скандальные, никогда не могут быть преступным оскорблением нации; для того чтобы совершить такое преступление, надо действовать против нации; надо стараться уничтожить ее суверени-

тет, нарушить ее интересы, посягнуть на ее свободу или повергнуть опасности ее благополучие.

Отсюда заключаем, что виновные в оскорблении нации никогда не могут оказаться среди патриотических писателей, которые так часто являются пугалом для такого рода преступников; их можно найти при дворе, в кабинете министров, в Национальном собрании, где они проявляют себя нагло и безнаказанно. Если нужны примеры, я укажу на большинство Капетов, всех министров, все проклятое отродье черных и получерных, особенно на комиссию по выработке конституции, на комиссию финансовую, всех членов Шатлэ, всю муниципальную администрацию, весь штаб парижской милиции.

А если нужны примеры индивидуального характера, я укажу среди главных виновников в оскорблении нации на Байи, Мотье, Брюнвала *, Варьена **, Монлозье, Мори, Монморена, Казалеса, Гарже, Деменье, де Ла Людерна, Альберта де Риомса, Латур-дю-Пена, Неккера, Рикетти-старшего — самых страшных из всех — и, наконец, на Малуэ, наибольшего негодяя из всех.

Вернемся к теме этого длинного писания.

Одного лишь декрета, направленного против патриотических писателей, довольно, чтобы его авторы могли считаться виновными в оскорблении нации.

Что можно думать о них, глядя на то, как дерзновенно они сами попрали декларацию прав человека и подорвали основание конституции; что думать о них, как не то, что они самые коварные враги нации, которая вверила им свои полномочия, чтобы обеспечить свои права, свой покой, свое благополучие? Явное доказательство, что они не верят в революцию!

Повторяю: позорный декрет, направленный против патриотических писателей, — дело врагов конституции, заседающих в Национальном собрании, которое они бесчестят. Одно этого посягательства на свободу печати достаточно, чтобы уничтожить свободу мысли и слова, самое высокое из прав человека; позорное пятно лежит на законодателе, покуда декрет существует; его долг — отменить его, и дело его чести, не медля ни минуты, отвергнуть его с негодованием.

И пусть не думают, что Друг Народа сколько-нибудь имеет в виду себя самого; его принципы известны, и поведение его не опровергает их.

* Франсуа-Антуан Фландр де Брюнвиль, королевский прокурор в Шатлэ.

** Речь, по всей вероятности, идет о графе Вирье, депутате Дофивэ.

Он был свободен до существования Национального собрания; он будет свободен вопреки его позорным декретам, и куда он будет считать, что его перо полезно для блага народа, ничто в мире неспособно остановить его. Он во все времена презирал угрозы тиранов. Уверенный в справедливости своего дела, опираясь на свою невинность, он, однако, презирает скипетр монарха, меч Шатлэ и громаы сената. Он не смешивает кучки мудрых, достойных всяческого доверия нации, украшающих Национальное собрание, с врагами революции, которые его позорят. Первые всегда пользовались его почетом, последние никогда не будут заслуживать ничего, кроме презрения. Невежественные, высокомерные, алчные и трусливые угнетатели, они ему всегда казались врагами свободы, заинтересованными в том, чтобы отстаивать узурпацию против угнетаемого ими народа. Он долго сиделся изгнать их из сената, где они не имеют никакого права заседать; он долго старался раскрыть их коварные планы; ему удалось сорвать маску, которой они прикрывались. Несмотря на прекрасную видимость, которую они афишируют, они сейчас представляют собою уже не что иное, как шутов, негодяев, клятвопреступников, вероломных людей; вскоре они будут представлять собой лишь заговорщиков, изменников, конспираторов. Они представят во всей гнусности, и неприкосновенность, которой они трусливо и неистово требуют, не укроет их от общественной кары.

М а р т, Друг Народа

Нас усыпляют, будем на страже!²⁰

Вчерашнее заседание закончилось допущением г-на Буше д'Аржи к барьеру. Вот содержание его речи в собрании:

«Мы, наконец, сорвали непроницаемую завесу, которая скрывала ужасные злодеяния, осквернившие дворец наших королей в день 6 октября. Могли ли мы думать, когда вы нам оказали полное доверие, что мы сами станем жертвами самой черной клеветы? Все усилия, направленные против избранного вами трибунала, имели одну тенденцию: отдалить от нас нить этих пагубных событий; но Фемиды, как Марс, имеет своих героев*; в этом деле, в котором мы были спроводированы, мы сумеем отличить благородных граждан, мчавшихся на защиту своего государя, от преступников, прикрывавшихся маской гражданственности, чтобы попытаться учинить ужасное злодеяние. Как грустно нам, милостивые государи, сообщить вам, что два члена этого высокого собрания самым определенным образом замешаны в этом деле**. Ах, они, конечно, не колеблясь, предстанут перед судом, чтобы оправдаться. Мы кладем на стол все документы по этому делу; закрытый пакет включает несколько декретов, направленных против различных частных лиц; частью следственного материала мы обязаны вашей следственной комиссии, но мы не можем выразить такое же удо-

* Наглец. Кто же они, эти герои Фемиды в Шатле? Конечно, это не г-н Буше д'Аржи, который платит своим кредиторам угрозами тюрьмы и которого его коллегия устранила недавно от должности заместителя уголовного судьи. Это и не г-н де Фландрский, который заточил своего отца, чтобы воспользоваться его состоянием.

** Герцог Орлеанский и граф Мирабо.

влетворение по адресу муниципальной следственной комиссии, вопреки вашим декретам отказавшей нам в документах, которые, как нам известно, находятся в ее распоряжении. Коллегия приняла по этому поводу постановление, которое она предлагает на ваше благоусмотрение».

Г-н Буше удалился.

Г-н Малуэ предложил, чтобы все декреты, направленные против лиц, посторонних собранию, были представлены к выполнению; чтобы обвинение было зачитано на вечернем заседании; чтобы во время этого чтения двери всех трибун были закрыты; чтобы члены собрания, выступавшие как свидетели, присутствовали при обсуждении.

После длительного обсуждения образа действий Шатлэ и поведения городской следственной комиссии было декретировано, по предложению Рикетти-старшего, что комитет сношений доложит ему об уликах, существующих против двух членов, привлеченных к делу, для того чтобы можно было решить, есть ли повод для обвинения.

Собрание кроме того распорядилось, чтобы представленный пакет был раскрыт не иначе, как в присутствии двух комиссаров, назначенных Шатлэ.

Городская следственная комиссия обязана представить королевскому прокурору в Шатлэ все документы, относящиеся к этому делу.

Сколь эгоистичны они, эти министерские люди, когда хотят действовать против народа! Сколько уловок употребляют они, чтобы его позабавить, очернить, обмануть, обольстить и погубить! Лукавство, лицемерие, плутовство, предательство, яд — излюбленное их оружие; они прибегают к силе только тогда, когда дело их начато солидно и все готово, чтобы нанести последний удар.

История утверждения деспотизма не что иное, как ужасное сплетение из коварства, происков, комplotов. Но если даже не существовало исторических памятников, простого изложения событий с момента, когда продвинули кровожадные войска, чтобы разрушить столицу в прах, после того как будут передущены все ее жители, — одного этого изложения было бы достаточно, чтобы показать, к каким средствам прибегают политики, чтобы поработить народ.

Под предлогом устранения причин, сокрушающих Францию тридцать лет, но с намерением побудить представителей нации взять на себя долг правительства и санкционировать присвоенную им привилегию выкачивать из населения последний грош —

ON NOUS ENDORT, PRENONS-Y GARDE.

LA séance d'hier a été terminée par l'admission du sieu Boucher d'Argis à la barre. Voici la substance de son discours à l'assemblée :

« Nous venons enfin de déchirer ce voile impénétrable qui couvroit ces forfaits horribles qui ont souillé le palais de nos rois dans la journée du 6 octobre. Pouvions-nous croire, lorsque vous nous remettiez toute votre confiance, que nous deviendrions nous-mêmes les victimes de la plus noire calomnie ! Tant d'efforts, dirigés contre le tribunal que vous aviez choisi, ne tendoient qu'à nous faire perdre le fil de ces évènements désastreux ; mais ainsi que Mars, Thémis a ses [1]

[1] Le faquin ! Et qui sont donc au châtelet ces héros de Thémis ? Assurément, ce n'est pas le sieur Boucher d'Argis, lui qui paye ses créanciers en les menaçant du cachot, et que sa compagnie vient de repousser de la place de lieutenant criminel. Ce n'est pas non plus le sieur de Flandre, qui a fait renfermer son père, pour disposer de sa fortune.

Первая страница брошюры Марата
«Нас усыпляют, будем осторожны»

министерство созвало Генеральные штаты. Наскучив вечными раздорами трех сословий или скорее раздувая в сердцах привилегированных огонь разногласий, чтобы иметь предлог распустить штаты и шарить в наших карманах без их разрешения, оно блокировало столицу; многочисленная армия угрожала парижанам, готовая их сокрушить, если бы они стали сопротивляться. Их внезапное восстание расстроило эти варварские планы, разбив оковы нации. Хитрость сменила насилие, и впервые за два века уста деспота заговорили покорным языком страха. За угрожающим тоном заседания в присутствии короля 23 июля последовала смиренная просьба в сцене отречения от 16 июля; страх еще сковывал врагов государства; три сословия соединились без различия; дворянство и духовенство шли навстречу пожеланиям народа, и трепещущий монарх согласился на все. Но коварные министры строили новые козни.

Наконец приступили к великому делу выработки конституции. В основу ее должны были лечь права человека и гражданина. Оправившись от транса, привилегированные сословия, побуждаемые кабинетом, пытались затягивать дело, тогда как сам кабинет, чтобы отвлечь народ, внушал ему страх умереть с голоду.

Всеобщая скупка хлеба, которая сделала обожаемого министра владыкой желудка французов, дала ему еще средство ежедневно наполнять государственную казну, притеснениями вызвать волнение в народе и заставить возратить принцу командование войсками под предлогом успокоения народного движения. С первого же дня он создал себе опору в придворных, стараясь подкупить преданность представителей нации и заручиться расположением парижских депутатов. Он уже привлек на свою сторону муниципальных администраторов и их шефа, которые старались лишь потворствовать ему, помогать его агентам, укрывать их от народной ярости, обеспечивать им безнаказанность и наказывать добрых граждан, стремящихся разоблачить эти таинственные шаги несправедных или противившихся гнету. Он уже пленил коменданта и штаб буржуазной милиции, которые усердно поощряли его проекты и организовывали парижскую армию таким образом, чтобы заставить солдат-граждан покинуть отечество и сделать их орудием угнетения в руках их начальников. Они уже располагали Шатлэ, который уполномочен был отпускать министерских изменников и заговорщиков и губить ревностных патриотов, противодействовавших их посягательствам.

В то время как парижский мэр и генерал располагали всеми силами столицы и провинций на пятьдесят лье в окружности, министры парализовали силы всей нации с помощью военного закона, изданного для охраны всех изменников отечества, которых министры втянули бы в свои комплоты. Они замыслили новый заговор, вовлекли в него главных вождей армии, наполнили Лотарингию, Фландрию, Эльзас немецкими войсками, которые искони преданы были двору; король должен был присоединиться к ним, чтобы во главе их обрушиться на столицу, тогда как полк, не подчинившийся приказам Национального собрания, оттянутый к Версалию под предлогом поддержания спокойствия, должен был соединиться с лейб-гвардией, для того чтобы помочь бегству королевской семьи. Все было устроено для ее бегства в Мец. Организовывалось это бегство на глазах нации. Были приняты меры; банда негодяев должна была проникнуть в замок, ранить несколько лейб-гвардейцев, убедить всех, что король и дофин ускользнули от убийц, навлечь подозрение на преданных представителей и парижан, возмутить против них армию и роялистов, побудить их обрушиться на столицу, распустить законодательный корпус и убить наших самых верных защитников.

Две оргии, устроенные королевскими наемниками, на которых с презрением говорили об отечестве и проклинали Национальное собрание, не оставили никаких сомнений насчет темных намерений кабинета. Они посеяли тревогу в Париже; некоторые энергичные листки побуждали взяться за оружие; шестьдесят тысяч граждан всех сословий отправились в Версаль вопреки стараниям муниципалитета, генерала и штаба. Все склонялось пред священной любовью к свободе; злополучные заговоры вероломных министров потерпели неудачу; несколько прислужников искупили свои злодеяния своей кровью; были захвачены все подъездные пути. Однако министерские убийцы, спрятавшиеся в своих садах, явились под прикрытием сумерек к воротам замка; они обнаружили угрожающую им опасность и бежали.

Оправившись от ошелешения, министерство стало думать лишь о том, как извлечь пользу из поражения, обратив против отечества оружие его защитников; оно искусно прикрыло флером смешную махинацию заговорщиков и из-за воображаемого заговора против королевской семьи забыло о весьма реальном заговоре против нации; оно старалось выдать за изменников отечества его подлинных защитников, которым оно приписывало свои планы убийства. Оно сыпало золото полными при-

горшнями; при помощи подкупленных шпионов оно состряпало донос против д'Эгильонов, Дюпоров, Ламетов в том, что они переоделись женщинами, чтобы напасть на апартаменты короля; оно побудило национальную и муниципальную следственную комиссию произвести дознание о честных парижских гражданах, которые 5 октября наказали королевских прислужников; оно подкупило * Шатлэ и поручило ему подготовить их дело, в которое оно запутало несколько наших преданных представителей, заставляя против них свидетельствовать черных и сторонников министерства — изменников в клятвопреступников. Помощью именно этого нелепого фантома врагов революции всегда удавалось отвлечь публику и обмануть ее каждый раз, когда раскрывался какой-нибудь из их заговоров и изменникам отечества угрожало быть разоблаченными перед лицом нации.

Ужасный контрреволюционный проект, построенный генералом французской армии, изменником Мальбуа, под руководством одного из королевских министров, изменника Гюиньяра, представлен Капету по прозванию д'Артуа и приведен в исполнение Капетом по прозванию Конде.

Между парижским и туринским кабинетом установились тайные сношения; один из их главных агентов, изменник Саварден, переносивший иероглифные письма, запрятанные в несессере, арестован в Пон-де-Бовуазен** и переслан в столичную тюрьму. Другой главный агент, изменник Риолес, доверенный министра-фаворита и переносчик иероглифных писем, зашитых в пояс его брюк, арестован в Бургуэне и перевезен в Пьер-ан-Сиз. Третий главный агент, г-н Гувло, переносчик шифрованных писем, зашитых в подкладку шляпы, также арестован в Бургуэне и препровожден в Пьер-ан-Сиз. Какое стечение доказательств! При известии об этом улове заговорщиков охватил ужас; однако Национальное собрание не принимает никаких мер, а Шатлэ не возбудил преследования, чтобы привлечь заключенных к суду. Одна только муниципальная следственная комиссия, вынужденная ознакомиться с делом заговорщика Савардена, опубликовала, наконец, свой доклад; в течение долгого времени он служил предметом всех разговоров.

* У меня в руках должным образом подписанное и проверенное, сделанное в январе прошлого года допесение на министра финансов, в котором он объявляется в том, что дал двенадцатитысячную пенсию Башуа, такую же Брюнвалю и пенсию в три тысячи ливров одному советнику из Шатлэ. Можно ставить сто против одного, что это допесение хорошо обосновано.

** Пон-де-Бовуазен — на границе между Дофинэ и Савойей.

Некие агенты исполнительной власти вызволили этого заговорщика из тюрьмы, и ни прокурор-синдик коммуны, ни прокурор Шатлэ не сделали ни одного шага. И только когда об их преступном молчании было доложено Национальному собранию, они решились, наконец, нарушить его; тем временем Саварден, которому два члена Национального собрания дали возможность улизнуть, был пойман. И в момент, когда публика озабочена только этими адскими заговорами против отечества и когда завеса готова упасть, Шатлэ, достойный пособник конспираторов, суетливо принимается вновь разоблачать симулированный заговор против королевской семьи, искусно имитируя притворное отчаяние и дерзко афимируя притворное торжество. О французы! Долго ли вы будете терпеть, чтобы ваши отъявленные враги третировали вас как глупцов и обманывали как ребят? Разве вы не видите, что в этой столь длительно и искусно подготовлявшейся речи вашего внимания заслуживает только преступная неосмотрительность, с какой подлый оратор отводит взоры от заговора против отечества, единственно реального и заслуживающего интереса, чтобы фиксировать внимание на мнимом заговоре против королевской семьи, который нисколько вас не интересует? Не позволяйте вводить вас в заблуждение. Не усматривайте в этой коварной речи ничего, кроме преступно-дерзновенного намерения присвоить государю титул суверена, который принадлежит только нации.

Не усматривайте ничего, кроме безобразного плана лишить вас самых стойких защитников, чтобы завершить по своему усмотрению эту мистерию несправедливости. Не слушайте дьявольского Малуэ, который внес экстренное предложение устранить публику с трибун*, чтобы не было неудобных свидетелей их злодейства.

Итак, дорогие мои сограждане, будьте людьми раз в жизни,—отбросьте все глупые предрассудки и составьте себе правильное представление о вещах. Если бы заговор на жизнь королевской семьи и не был делом врагов революции и если б он не был химерой, стоит ли он того, чтобы отвлечь вас на момент от расследования заговора против отечества, единственного обстоятельства, которое должно вас занимать? Так как государь только слуга нации, то покушение на его жизнь не может быть не чем иным, как частным преступлением**, так же

* Заседание от 7 августа. («Moniteur», vol. V, p. 340).

** Меня, конечно, не будут упрекать в том, что я устанавливаю новую теорию. Я доказал в своем плане уголовного законодатель-

как покушение на другого представителя народа, — преступление, гораздо менее важное, чем покушение на представителя Национального собрания; предоставьте же его обычному ходу правосудия. Ваше великое, ваше единственное дело теперь — добиваться наказания заговорщиков против отечества; требуйте же громко, чтобы Гюиньяр был арестован; требуйте, чтобы Саварден, Гувло, Риолес были доставлены в Париж под усиленным конвоем; чтобы они не могли быть еще водимы из одного места в другое иначе, как под эскортом батальонного командира; чтобы их дело слушалось безотлагательно перед лицом неба и земли; чтобы они своей головой искупили свои черные дела. Когда вы с ними разделаетесь, тогда только вы выясните, не смеялись ли над вами разоблачители пресловутого заговора, и вы решите, какое наказание наложить на них.

М а р а т, Друг Народа

ства, что царубийство есть лишь частное преступление, и приводимые мною доводы так убедительны, что Иосиф II издал специальный закон для санкционирования этой истины, а в его государствах убийца императора должен наказываться, как простой убийца. Это не значит, что при нынешней конъюнктуре смерть Людовика XVI не была бы истинным несчастьем для нации, не в том смысле, как это понимают его низкие рабы, а в том, что он как раз такой человек, как нам нужно: без прожектов, без фальши, без коварства он был бы хорошим государем, если бы он был при этом достаточно тактичен, чтобы иметь мудрых министров. Но, увы, его свирепые министры делают его царствование столь же отвратительным, как правление тиранов.

Это прекрасный сон, — бойтесь пробуждения ²¹

К открытию заседания от 25 [августа] г-н Ноайль, бывший принц де Пуа и правитель версальского замка и парка, написал письмо Собранию, которое зачитано было одним из его секретарей; вот его содержание.

На заседании предыдущего дня депутация департамента Сены и Уазы, допущенная к барьеру, жаловалась на то, что право собственности нарушается, что жителей муниципалитетов, расположенных вокруг большого версальского парка, вязали и бросали в тюрьму, что по ним стреляли боевыми патронами, что с людьми обращаются, как с дикими зверями. Г-н Ноайль опровергает факты и представляет доказательства обратного. Письмо было переслано в Комитет государственных имуществ.

Ясно чувствуется, что правитель версальского парка только и может, что отрицать факты; он должен был бы быть очень смелым или очень глупым, чтобы признать их. Но его отрицание не исключает того, что эти факты постоянно повторяются; он представляет доказательства обратного; это весьма странный род доказательства — утверждать, что то, что было, не было.

На вечернем заседании во вторник г-н Ренье, депутат Лотарингии, возвестил, что гарнизон Нанси и особенно полк короля вернулись на путь долга, что полк этот вернул военную кассу; одним словом, не осталось ни следа неповиновения солдат.

На другой день г-н Малуэ объявил, что рабочие тулонского арсенала, обвиненные в том, что принимали участие в убий-

стве г-на де Кастле, узнав о сделанном на них доносе, собрались для того, чтобы потребовать наказания убийц и повторить присягу на верность нации, закону и королю. Решено было, что в протоколе будет почетный отзыв об этом обращении.

Затем было зачитано письмо г-на Латур дю Пен, извещающее о неподчинении полка королевы, кавалерийского полка, об эксцессах, допущенных в отношении подполковника, которого заставили подписать вексель на тридцать тысяч ливров.

На заседании от 26 [августа] г-н де Броглио зачитал декларацию полка короля, в которой он признает ошибку и умоляет Собрание, короля и своих начальников простить его.

Новое письмо г-на Латур дю Пен, сообщающее, что дворедкий полк, первый потребовавший кассы от своих офицеров, первый же признал свою ошибку; что три полка гарнизона Нанси обнаруживают раскаяние и чувствуют, что ничто не может оправдать допущенных ими эксцессов; что гвардия немало содействовала тому, чтобы их вернуть на путь долга; что в Меде брожение также ослабевает и есть надежда, что порядок водворится во всех полках.

Замечания

Все эти сообщения — ложь, которую фабрикуют сторонники министерства в своих целях.

Сообщение г-на Ренье совершенно ложно; полк короля отнюдь не возвратил казны по той простой причине, что он ее не уносил.

Сообщение Малуэ, де Бролио и Латур дю Пен — гнусная ложь, фальшивые заявления, покрытые подписями нескольких предателей, у которых они были выманены или куплены, и которые выдаются за декларацию целого коллектива, для того чтобы зачитать в Собрании как свидетельство подчинения его декретам, затем пустить в публику для обмана.

Кто мог подумать! Оперативный план всех этих шарлатанов, которые стоят во главе дел, сводится к двум пунктам: сеять тревогу в связи с предполагавшимися восстаниями или беспорядками среди солдат или граждан, которых они хотят поработить, до тех пор, пока не удастся добиться от угодливого Собрания какого-нибудь пагубного декрета; затем возвещать о прекращении беспорядков и наступлении мира, для того чтобы представить тщеславному Собранию фальшивые акты подчинения.

Это шарлатанство бросается в глаза на всех заседаниях; как могло оно ввести в заблуждение хоть на один момент?

Зачитано было письмо Рикетти-младшего, подписанное в Э-ла-Шапель, в котором он заявляет о своем выходе из состава Собрания. Первое, что сделал при выезде из королевства этот изменник отечества, было сложение депутатских полномочий и переход в стан его врагов в ожидании момента, когда можно будет обрушиться на отечество. Этот негодяй четыре раза присягал на верность отечеству. Глупый народ! Не верь их присягам; они стремятся удушить тебя.

Рикетти-старший предложил от имени дипломатической комиссии следующий план декрета относительно «pacte de famille» («семейного договора») между Францией и Испанией:

Все, даже заключенные договоры будут французской нацией признаваться до тех пор, пока она не пересмотрит или не изменит этих различных актов на основании проделанной в связи с этим работы и согласно инструкциям, которые король соблаговолит дать своим агентам в различных державах Европы.

До этой работы и пристального рассмотрения договоров, которые нация сочтет необходимым сохранить или изменить, король благоволит сообщить всем державам, с которыми Франция связана, что так как в основе французской конституции лежит справедливость и любовь к миру, нация ни в каком случае не может видеть в договорах ничего другого, как чисто оборонительные и торговые соглашения.

Вследствие этого она декретирует, что короля попросят сообщить его католическому величеству, что французская нация принимает все меры к сохранению мира, будет соблюдать обязательства, которые ее правительство заключает с Испанией.

Декретируем кроме того, что короля попросят поручить своему посланнику в Испании переговоры с министрами его католического величества на предмет скрепления путем национального трактата уз, полезных для обоих народов; точно и ясно фиксировать каждый пункт, который не соответствовал бы видам всеобщего мира и принципам справедливости, каковы бы принципы всегда будут определять политику Франции.

Кроме того, Национальное собрание, принимая во внимание вооружение различных наций Европы и постепенное усиление борьбы за безопасность наших колоний и национальной торговли, декретирует, что короля попросят дать приказ, чтобы наш военный флот доведен был до 30 линейных кораблей, из которых по крайней мере восемь будут снаряжены в портах Средиземного моря.

Согласно замечаниям гг. Петиона и Бутиду два первых пункта, имеющих тенденцию внушать тревогу кабинетам Европы, были исключены большинством комиссии против Рикетти.

Третий пункт был принят с добавлением слов «оборонительных и торговых» после слова «обязательства».

Четвертый пункт прошел без изменений.

Пятый также прошел после того, как по предложению г-на Рикор число подлежащих снаряжению судов доведено было до сорока пяти, независимо от соответственного количества фрегатов и легких судов.

И проект декрета прошел почти единогласно.

Обращение к народу

Вот он, наконец, злополучный план, который дьявольский Рикетти замыслил в тиши! Вот он, страшный декрет, который обрушит на нас скоро ужасные бедствия войны, единственное средство, которое осталось у наших свирепых правителей для того, чтобы вновь поработить нас. Где вы были, Барнав, Ламет, д'Эгильон, Робеспьер, Мену, когда осмелились предложить его? Вы дремали, верно, потому что он прошел без ваших протестов; или дьявольский змей сумел обольстить вас своей живой речью? Дорогое отечество, на твою защиту осталось только несколько честных душ, которые беззащитны против коварства облеченных деспотом властью негодяев. Слишком доверчивые граждане! Еще недавно вы торжествовали свои победы; опыненные ложным триумфом, вы воскликнули с восторгом: «Мы свободны!», и сто тысяч вероломных голосов повторяли взапуски: «Вы свободны», для того чтобы создать вокруг вас атмосферу рокового покоя. Они протянули вам руки мира, клялись вам в верности; они связали по рукам ваших защитников, обольщенных видимостью братства, и им удалось наложить на вас оковы на самом алтаре свободы. Вы спите на их груди; еще несколько дней, и ужасное пробуждение последует за этим пагубным покоем, и вы узнаете, содрогаясь, что эта прославленная победа, которую вас убаюкивают, была лишь обманчивым сновидением.

Какая ужасная сцена открывается передо мною!

Предоставленные вашему природному легкомыслию, вы отворачиваете глаза от внутренних дел на внешние; вы пренебрежете самыми дорогими интересами ради новых безумств; небылицы газетчиков заставляют вас бросить заботу о том, чтобы в стенах ваших дарить справедливость, достаток и мир. Для того чтобы ускорить вашу гибель, злодеи, которые правят

вами, отыскивают вам врагов повсюду и силятся втянуть вас в пагубные войны. Не будучи в состоянии устоять против неприятельских сил, ваш флот будет сокрушен и уничтожен, миллиарды будут растрочены в несколько лет, и имущество духовенства, которое должно было послужить освобождению государства, облегчению народа, послужит лишь тому, чтобы восстановить наши оковы, чтобы надеть на нас ярмо рабства и нищеты. Будучи отдалены от своих сограждан, солдаты скоро перестанут думать о своих правах и в конце концов позабудут отечество. Посреди лагерной суеты они не будут знать ничего, кроме голоса своих начальников; тысячи соблазнов будут пущены в ход, чтобы поработить их; возвращенные в родную землю, они будут готовы по первому слову броситься на своих сограждан. Дорогое отечество, тебя скоро перестанут узнавать твои дети; затем они растерзают тебя и наложат на тебя цепи. Что я говорю! Одного знака со стороны деспотизма достаточно будет, чтобы превратить их в палачей, которые будут возбуждать ярость ваших неукротимых врагов. Сами они, погружая свои человекоубийственные руки в вашу кровь, будут терзать ваши трепещущие внутренности и внутренности в бледной груди ваших жен и детей. Вот плоды ваших лишений, вашего недоедания, ваших трудов, ваших опасностей, ваших ран, ваших битв, ваших побед, или, вернее, вот плоды вашего слепого доверия, вашего глубокого успокоения.

Для того чтобы избежать этой страшной участи, вам остается одно средство: связаться тесно с вашими вооруженными братьями из линейных войск, заставить их поклясться честно, что они не пойдут против неприятеля, пока не будет водворена свобода в ваших стенах, пока не будут сокрушены враги отечества; бросить преступные головы ваших министров под топоры мести; и прежде всего вам необходимо незамедлительно собраться, заполнить сенат и шумно требовать отмены пагубного декрета, который мнимые отцы отечества поторопились, конечно, передать на утверждение... Но, увы! Разве Друг Народа всегда будет тщетно учить тебя! Обратись к твоим бедствиям, трусливый и глухой народ, и если ничто не сможет вернуть тебя к сознанию долга, пусть текут твои дни в гнет и нищете; кончай их в позоре и рабстве!

М а р а т, Друг Народа

Страшное пробуждение ²²

«Друг народа» 29 августа 1790 г.

Вы прекрасно предвидели, милостивый государь,—мы близки к гибели, если национальная гвардия не одумается, наконец, и не вспомнит, что она состоит из граждан, и если не найдет в себе вновь энергии 14 июля.

Враги революции сняли свои маски; они уверены в своей победе; они говорят как победители. Судите об этом по речи, которая вчера велась за одним столом, где несколько рассвирепевших роялистов выражали бесстыдную радость. Я бы не поверил, если бы не слышал этого собственными ушами: «Слава небу, установится порядок, или кровь потечет ручьями. Но мы добродушны; мы хотим сберечь кровь. Если будет возможность, мы капитулируем; вот наш план». Мы предлагаем оплатить все долги государства. В Голландии и Англии образован двухмиллиардный фонд; другие два с половиной миллиарда будут через шесть месяцев. Взамен мы требуем, чтобы положение дел пришло в то состояние, в котором оно было при открытии Генеральных штатов. О Национальном собрании не будет вопроса; король, неограниченный глава нации, будет ее верховным законодателем; привилегии дворянства будут восстановлены, а духовенство получит обратно свое имущество; парламенты будут вновь созданы; финансовое положение будет поддержано; правительство исправит злоупотребления, и народ получит провинциальные собрания.

По всему королевству будет объявлена всеобщая амнистия, но мы получим шесть голов с левой стороны и всех писателей-подстрекателей.

Вот, господа, медаль, а вот обратная сторона. Если вы откажете, триста тысяч человек, готовые выступить, разделаются с вами; они вас окончательно поработят; это право войны, это право победителя.

Подпись: Член Якобинского клуба

Я сидел вчера вечером в Тюильри вблизи рассказчиков новостей, которые разговаривали о жестоких поведках офицеров пансийского гарнизона, об ужасающем безумии военного комитета, о слепой ярости Национального собрания, и я ясно слышал, как один из них сказал: «Мой друг, каша заваривается; недели через две вы услышите, что Неккер и Латур дю Пен, эти два отъявленных негодяя, бежали в Мед, где живет их Буйэ». — «Возможно ли это?» — «О, вполне возможно. Я могу сказать вам по секрету, что эту я новость узнал от генерала». Образовавшаяся в нескольких шагах группа отвлекла моих рассказчиков, а я стал с грустью думать о тяжком нашем положении.

Я вспомнил с болью, что вы давно считали это событие неизбежным, так же как и бегство королевской семьи. Я прекрасно чувствую, милостивый государь — наши министры ускользнут от нас; страшная буря, которая готовится в Лотарингии, неизбежно приведет к их падению; но я не могу представить себе, как генерал, человек хитрый и скрытный, мог довериться и совершить подобную нескромность; он же не может не знать, что ответит нам головой и за бегство королевской семьи и за бегство министров. Сохрани его бог от измены; национальная гвардия, может быть, еще несколько времени подремлет, хотя очень большая часть ее начинает пробуждаться; но в момент, когда она откроет глаза, с ним будет кончено, если только он не искал уже спасения в бегстве.

Как бы то ни было, положительный тон, которым передавалась эта новость, обязывала меня передать это вам; я считал бы себя достойным самых суровых упреков, если бы упустил хотя бы один случай призвать граждан к тому, чтобы они были настороже.

Подпись: А. В., гр-н округа Шьомонта

Эти новости были лишь предвестниками страшной катастрофы; вот ее прелюдия.

На вчерашнем заседании зачитано было следующее письмо военного министра:

«Господин председатель!

Я думаю, что мне нечего прибавить к письму г-на Буйэ относительно злосчастных обстоятельств восстания пансийского гарнизона; ради блага отечества я желаю, я возношу мольбы, чтобы собрание благоволило признать распоряжения этого начальника.

Г а р т ю ф)

Письмо г-на Буйэ

«Имею честь сообщить вам, что полк Шатовье продолжает не подчиняться, что он допустил эксцессы, что полки короля в Метр-де-Кам присоединились к нему.

Часть национальных гвардейцев и населения присоединилась сюда же; другой части граждан угрожает самая страшная катастрофа. Муниципалитет и Директория в самом печальном положении. Жители устремляются в деревни и сеют повсюду тревогу; вчера гарнизон взялся за оружие; г-н де Мальсейнь бежал, и его преследовали сотни кавалеристов Метр-де-Кам; карабинеры из Люневилля пришли

L'AFFREUX RÉVEIL.

A l'Ami du Peuple.

Le 29 Août 1790.

Vous ne l'aviez que trop prévu, monsieur ; nous touchons au moment de notre ruine, si les gardes nationales ne rentrent enfin en eux-mêmes, pour se souvenir qu'ils sont citoyens, et si le peuple ne retronve son énergie du 14 juillet.

Les ennemis de la révolution ont levé le masque, ils se croient sûrs de leur triomphe, ils parlent en vainqueurs. Jugez-en à ce discours tenu hier soir à une table où quelques royalistes, enragés, faisoient éclatter une insolente joie. Je refuserois de le croire, si je ne l'avois oui de mes deux oreilles : « Graces au ciel, les choses » vont rentrer dans l'ordre, ou le sang coulera » à grands flots. Mais nous sommes bons, nous » voulons l'épargner. S'il y a moyen ; nous ca- » pitulerons : voici notre plan ». Nous offrons de payer toutes les dettes de l'état. Les fonds de deux milliards sont faits en Hollande et en Angleterre ; ceux de deux autres milliards cinq-cents millions, seront faits sous six mois. Nous demandons en retour, que les choses soient remises sur le pied où elles étoient à l'ouverture des états généraux. Il ne sera plus question d'assemblée nationale ; le roi, chef absolu de la nation, en sera le législateur suprême : la noblesse sera réintégrée dans ses privilèges, le clergé rentrera dans ses biens, les parlemens seront rapelés, la finance sera maintenue, le

к нему на помощь, и произошла стычка; в результате большое число убитых, а остальные находятся в люневильских тюрьмах. Г-н де Нуэ, комендант крепости, был схвачен восставшими и брошен в тюрьму; одного адъютанта г-на Лафайета, постигла та же судьба. Завтра будут собраны все национальные гвардейцы и силы департамента в количестве 15 тысяч человек, 28 пушек; я употреблю все возможные средства, чтобы восстановить тишину и спокойствие, сберечь кровь. Я боюсь, как бы нансийский муниципалитет не отверг эти распоряжения; думаю, что уместно было бы, если бы меня сопровождали два депутата собрания».

Извлечение из протокола муниципальных служащих Нанси:

«Воскресенье 29-го, 4 часа утра

Мы находимся в самом ужасном положении; мы понимаем, какая опасность угрожает нам, но, подобно старейшинам Капитолия, мы решились погибнуть на наших курульных креслах. В этот момент весь нансийский гарнизон, числом более трех тысяч человек, сражается с люневильскими карабинерами. Муниципалитет принял все меры, чтобы привести швейцарский полк. Успеха не было».

Эти два письма зачитаны были г-ном Эмери, который в заключение предложил проект декрета, выражающий тенденцию одобрить поведение г-на Буйэ, положиться на принятые им меры и просить короля издать новый приказ о сосредоточении сил и усмирении восставших полков.

Одни из депутатов произнес длинную речь, чтобы снять обвинение с нансийского муниципалитета.

Рикетти-старший заметил, что высказывавшийся совершенно уклонился от вопроса, что этот муниципалитет вовсе не был обвиняем и что следовало бы вернуться к предложению выслушать депутатов нансийской национальной гвардии.

Это предложение было принято единогласно; депутаты были выслушаны. Они рассказали в своих речах обо всех тайных происках, обо всех кознях, которые строились, чтобы поднять солдат; о строгости, какая к ним применялась; о лживых докладах, которые делались. Национальному собранию, чтобы приостановить строгий декрет, изданный против гарнизона; о жестоком и властном поведении генерала, который, вместо того чтобы применять меры примирения, прибегал к величайшей строгости, третировал солдат, как разбойников; в заключение они сказали, что мягкость и умеренность могли бы еще восстановить спокойствие и мир.

Военный комитет представил по поводу изложенных фактов следующий проект:

«Национальное собрание, заслушав письмо г-на Буйэ и доклад военного комитета, заявляет, что оно вполне доверяет мудрости мер, принятых королем для усмирения нансийского гарнизона;

что оно одобрит поведение г-на Буйэ во всем, что будет сделано сообразно с декретом от 6 и 16 августа;

что все лица, которые присоединятся к бунтовщикам, будут преследоваться, как и бунтовщики, прокурорским надзором и усмирены силой; что короля будут просить приказать административным органам содействовать г-ну Буйэ в восстановлении общественного порядка».

Проект вызвал возражение со стороны гг. Биоза, Гутта, Робеспьера, Барнава; они предложили применить меры кротости, раньше чем

прибегнуть к силе, и было постановлено, «чтобы была составлена прокламация, которая, если ее отвезти двумя комиссарами, была бы опубликована в восставших полках; если бы они продолжали настаивать на своем, генерал должен развернуть против них все силы нации.

Обращение к французам

Итак, она наступила, эта страшная катастрофа, которую я вам так давно предсказывал,— неизбежное следствие вашей непредусмотрительности и вашей слепой беспечности; вот эти свирепые враги вашей свободы, вашего покоя, вашего благополучия, которые дошли до того, чтобы силой хитрости, лжи, обмана, вероломства, жестокости поднять одних граждан против других, столкнуть между собой солдат отечества и подстрекнуть его сыновей к тому, чтобы они душили друг друга.

Куда стремитесь, вы, безрассудные? Уймите ваши бессмысленные порывы и бросьте взгляд на пропасть, которую вероломные представители вырыли вам под вашими ногами,— пропасть, в которую они собираются вас свергнуть! Варвары! Люди, которых вы собираетесь уничтожить,— братья ваши; они невинны, они угнетены. Они делают теперь то, что вы сделали 14 июля; они противодействуют своим угнетателям; неужели вы накажете их за то, что они следуют вашему примеру и отменяют своих тиранов?

Нет, ничто не сравнится со злодейством муниципалитета, начальника и офицеров гарнизона Панси, разве лишь слепая ярость военного комитета, который сфабриковал ужасные декреты, и легкомыслие Национального собрания, которые их выпустило, основываясь на словах нескольких бесчестных доносчиков, не пожелав выслушать жалоб несчастных угнетенных, не подумав даже проверить факты; все это акты безумия, которые подвели несчастных под нож убийц. Акты безумия! Ах, скажите лучше— акты негодяйства, достойные смертной казни, потому что их нельзя наказывать сумасшедшим домом, ибо протесты этих несчастных направлены законодателю. Несколько преданных ораторов заставили их выслушать, а депутаты Панси, разве они не разоблачили перед ним постыдные происки, к которым прибегали офицеры, чтобы возмутить солдат; жестокость, которую применял в отношении к ним начальник; несправедливость, которую они терпели; фальшивые доклады, которые делались и комитетам и Собранию, чтобы вырвать у них пагубные декреты; но вместо того, чтобы одуматься, признать свою ошибку, отменить свои постановления и наказать начальников, недостойных командовать, оно варварски предоставляет нижних чинов на волю исполнительной власти

и выражает свое одобрение всем насилиям со стороны доверенных прислужников двора.

Праведное небо! все мои чувства возмущаются, и сердце мое сжимается от негодования. Трусливые граждане, неужели вы молча будете смотреть, как закабаляют братьев; неужели вы останетесь неподвижными, когда легионы убийц начнут их душить? Да, солдаты нансийского гарнизона невинны; они угнетены; они сопротивляются тирании; они имеют право на это; их начальники одни виноваты; на них должны обрушиться ваши удары; само Национальное собрание, вследствие неправильности его составления, величайшей испорченности его членов, несправедливых, притеснительных, тиранических декретов, которые у него ежедневно вырываются, не заслуживают вашего доверия.

Слишком доверчивые граждане! научитесь же, наконец, понимать этих мнимых отцов отечества, перед которыми вы гнете спину, и пусть ваше отношение определяется их недостойным поведением. Вот их комиссии — по выработке конституции, финансовая, по докладам, следственная, военная и дипломатическая, которые prostituteуют себя государю и продают ему права и интересы нации, свободу, честь и даже жизнь граждан. А высокое Собрание (заключающее человек пятнадцать патриотов и один-два десятка честных людей) — что оно, как не отвратительное собрание грязных людей, бесстыдных и лицемерных прелатов, царедворцев, лживых, расточительных, наглых и раболепных, критиканов, невежественных, несправедливых и надоедливых, низких и бесчестных практиков? Что оно, если не банда врагов революции, клятвопреступников, изменников и заговорщиков? Этим именно жалким врагам свободы по положению и из принципа вы имели глупость рассматривать как представителей нации, смертельными врагами которой они являются. В этих людях вы видите законодателей и их декреты вы имеете безумие соблюдать.

Ах, поприте ногами те, которые они издали, чтобы разжечь гражданскую войну! Пригласите незамедлительно провинции выбрать новых депутатов, которые были бы достойны их доверия; водворите их в сенате и с позором изгоните тех, кто теперь грязнит его. Но прежде всего стремитесь на помощь к вашим братьям. Откройте глаза солдатам-гражданам, предложите всем швейцарцам поддержать своих соотечественников, разоружите германских наемников, которые собираются удушить ваших сограждан, арестуйте их начальников, и пусть мечом мести будут они закланы на алтаре свободы!

Марат, Друг Народа

Правдивое сообщение о злосчастных делах в Нанси ²³

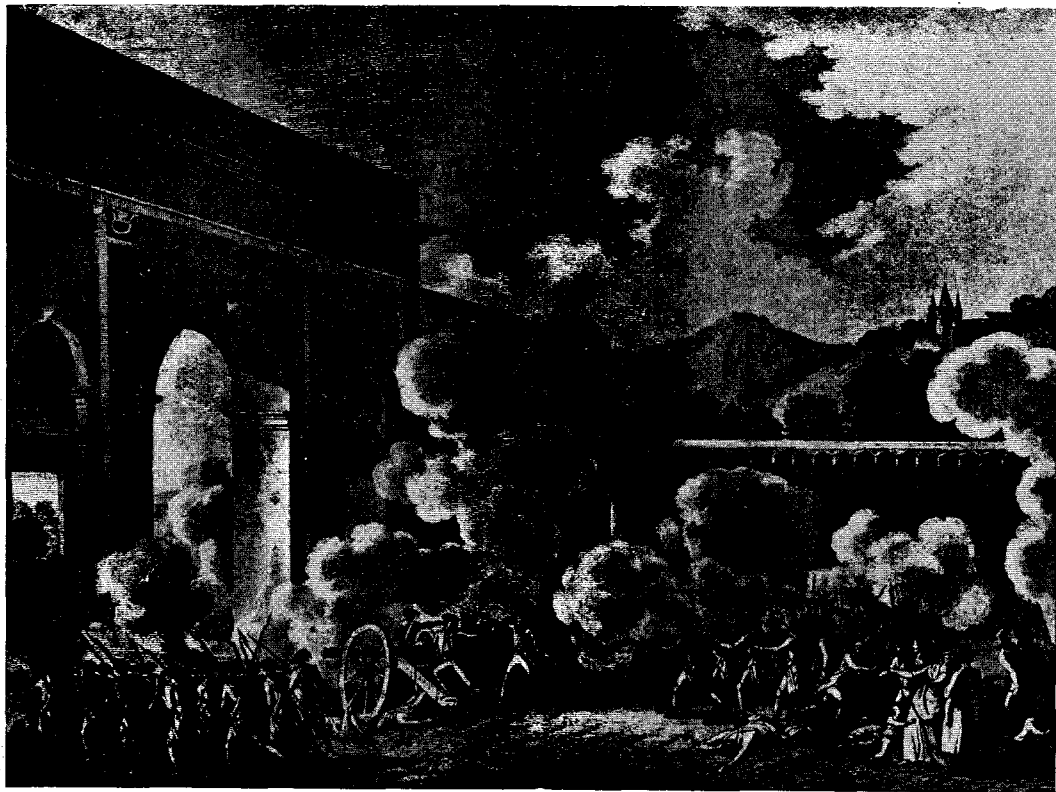
При первом известии о том, что случилось в этом злополучном городе, я заявил, что со стороны министров, комиссий, Национального собрания и посланных правительством комиссаров мы будем иметь всегда только урезанные, неправильные и лживые сообщения. Я предложил как единственное средство обеспечить себя точными сведениями — послать туда наблюдателей, добрых патриотов. В ожидании, пока парижские батальоны, друзья свободы и патриотические клубы примут это решение, более необходимое чем когда-либо, — потому что все письма на почте вскрываются* и перехватываются, — мы спешим опубликовать письмо очевидца, которое дошло до нас верным путем.

Нанси, 3 сентября 1790 г.

Мой дорогой кузен!

Так как у вас в Нанси, кроме меня, нет родственников, от которых вы бы могли узнать, что там произошло, я считаю долгом известить вас об этом. Я вам скажу, что г-н Мальсейн прибыл туда 28-го прошлого месяца, что он прежде всего направился к начальнику, что после этого он обошел войска гарнизона и очень плохо обошелся со швейцарцами; он говорил им, что они недостойны носить платье короля и есть его хлеб. Эти слова вызвали ропот; он взял саблю и ранил одного солдата; потом сел на коня и сбежал в Люневиль. В тот же момент дюжина кавалеристов Метр-де-Кам пустилась за ним в погоню. В промежутке на Королевской площади собрались швейцарцы, а также национальная гвардия и полк короля. Прибыв в Люневиль, г-н Мальсейн стал сеять тревогу; сотня карабинеров вышла навстречу кавалеристам Метр-де-Кам и стала в них стрелять. Трое было убито, восемь взято в плен, один спасся;

* Одно лицо, связанное с Национальным собранием, получило два распечатанных письма.

Выступление в Нанси и смерть Дезюля 31 августа 1790 г.
Гравюра Берто с рисунка Приера

он приполз на брюхе, чтобы принести известия об этой жестокой встрече. В шесть часов вечера весь гарнизон и национальная гвардия направились в Люневиль; в воскресенье утром они напали на карабинеров, убили несколько из них и к четырем часам вечера вернули своих пленников в Нанси. На другой день г-н Мальсейнь убил двух карабинеров и бежал. Двадцать четыре карабинера погнались за ним и привели его в Нанси. Часть гарнизона и национальной гвардии вышла ему навстречу; к пяти часам его привели в город и тотчас же препроводили в тюрьму. Во вторник утром около десяти тысяч войск с восемью пушками окружили город; в одиннадцать часов к ним отправилась депутация от гарнизона; они взяли ее в плен. В час дня в поле направилась другая депутация, от муниципалитета; войска потребовали, чтобы им немедленно представили начальника и г-на Мальсейнь, угрожая обстрелять город, если те не явятся через час. Королевский полк и полк Метр-де-Кам препроводили им их под звуки музыки. Едва офицеры были представлены, как часть неприятельской армии открыла огонь по этим двум полкам. Солдаты Метр-де-Кам дали отпор, прячась в соседних деревьях, а полк короля добрался до своей стоянки без стрельбы. Немного погодя неприятельская армия приблизилась к воротам, которые она пробила пушечными выстрелами, опрокидывая все, что встречалось на пути. Швейцарцы надолго задержали неприятеля у ворот Сен-Луи, где раздавались сильные выстрелы; горожане, видя, как убивают их братьев, открыли огонь из окон по тем, кто входил в город. Национальная гвардия, которая была у ворот Сен-Никола, произвела по базарной площади пушечный выстрел, который убил двадцать три гусара с их лошадьми; огонь длился три часа; неприятель разрушил старый город и большую часть нового. Насчитывают две тысячи шестьсот человек убитых и полторы тысячи раненых; в числе убитых триста пятьдесят девять швейцарцев и шестьдесят восемь пансийских граждан, четыреста женщин и детей; неприятель потерял около тысячи четырехсот человек как национальных гвардейцев, так и линейных войск, главным образом гусар; неприятельский генерал вошел в город только к концу резни. Он повесил тотчас же двадцать два швейцарца и колесовал одного. К девяти часам вечера он отправил полк короля и дал ему вслед пушечный залп; ему не дано было времени что-нибудь захватить: женщины и дети были вышвырнуты из стоянки. Вся добыча была выброшена на улицу. Больные, лежавшие в больницах и госпиталях, были выгнаны. Все эти ужасы произвели главным образом национальные гвардейцы из Меда. Арестовано огромное количество граждан. Никто не репашает говорить на улице из страха быть задержанным. Мой дорогой кузен, Нанси погиб, если бог не придет на помощь. Рассказ об этих ужасах вгонит вас в дрожь; что было бы, если бы вы были их очевидцем!

Подпись: П. Мортель, хирург

Замечания Друга Народа

Это сообщение, хотя неполное и неточное, производит впечатление добросовестности, что вводит в заблуждение. Если сообщение верно, в чем почти нельзя сомневаться, нансийское дело — подлинная Варфоломеевская ночь, и Буйэ — вели-

чайшее чудовище. При получении варварского декрета быстро был сложен план избиения. Мальсейнь служил для него подстрекателем. Он отправился в Нанси только для того, чтобы толкнуть гарнизон на восстание, и в Люневиль, чтобы ожесточить кирасир против трех полков и возмутить их затем против него. У Буйэ армия убийц была совершенно готова, и он ожидал лишь завершения злодейств Мальсейня, чтобы пролить кровь. Если его поведение в отношении депутатов гарнизона вызывает негодование, то его поведение в отношении двух полков, которые вернули ему пленных, вызывает возмущение. Оно оскорбляет одновременно все законы, гуманность, совесть и честь. Оно ставит этого человека ниже людоедов. Пусть негодяй, который совершил это чудовищное дело, чтобы разжечь гражданскую войну, подкупит тысячу продажных перьев, которые будут распространять ложь со всех сторон. Они не мешают тому, чтобы он, в конце концов, погиб позорной смертью, как только обнаружится истина. Но вот еще ужасы, в которых он обвиняется.

Понт-а-Муссон,

4 сентября 1790 г.

Вы помните, сударь, г-н Буйэ заявил, что он хочет собрать все силы департамента Марны, до пятнадцати тысяч национальных гвардейцев. Вы помните, он заявил также о сопротивлении со стороны солдат-граждан. Знайте же, что оно было так сильно, что он едва мог найти шестьсот добровольцев, которые согласились бы идти. Что сделал почтенный человек? Он заставил семьсот негодяев, взятых из иностранных полков, надеть национальную одежду (предполагается, что у него она есть на складе, как у других комендантов крепости); он поставил их под начало четырех всадников из Сен-Луи, которые служат в гвардии Меца, и именно они произвели избиение Шатовье и нансийских граждан. Наконец, знайте, что нансийские аристократы, судейские чинуши и особенно аббаты стреляли из окон по швейцарцам и публике.

Это письмо передано было Другу Народа одним негодяем, прибывшим из Вердена. Я отнюдь не гарантирую достоверности изложенных в нем подлостей, но они так соответствуют намерению нашего министерства и жестокому характеру Буйэ, что нельзя этому не верить. Поэтому я настаиваю на неотложной необходимости послать в Нанси депутатов-патриотов или даже вызвать в Париж депутатов трех полков и нансийской общины, выяснить дело перед трибуналом, который заседал бы перед лицом неба и земли; ибо, если вещи происходили так, как есть основание бояться, и если Буйэ был непреклонен, не сомневайтесь, граждане, что это есть начало контрреволюционного плана, и благо отечества требует, чтобы его авторы были истреблены до одного.

Письмо Другу Народа

Я должен вам передать, сударь, некоторые слова, которые были произнесены вчера в одном аристократическом кружке; говорили о неосновательности сведений о гансийском деле; о том, что удивительно, что еще неизвестно, с какой стороны раздались первые выстрелы. «Это совершенно не выяснено,—сказал один всадник из Сен-Луи,—а г-н Буйэ ожидал этого». Эти слова меня поразили; они породили во мне множество соображений, и я уверен, вы найдете разгадку.

С некоторого времени я наблюдаю очень важное обстоятельство, а именно, что на общественных гуляньях встречается очень мало мундиров. Благодаря этому легче отметить тех, кто их носит; я могу вас уверить, что узнал людей, связанных со старой полицией. Мне говорили, что г-н Байи дал им капитанский чин с причислением к штабу. После этого я не стану удивляться манере, с какой они шпионят в общественных местах, и бесстыдству, с каким они арестуют честных людей. Что меня смущает,—это то, что национальная гвардия терпит безнаказанно подобного рода негодяев, позорящих платье, которое должно уважать, что все добрые граждане не объединяются, чтобы защитить себя против угнетения со стороны этих мерзавцев.

Подпись: В а й а н, сержант инвалидов

Тревожная новость

В течение восьми-десяти дней в помещении испанского посольства происходят ночные собрания между одиннадцатью и двенадцатью часами. При выходе из кареты были узнаны Латурдю Пен и Водрейль. Для того чтобы сбить с толку любопытных, они входят через маленькую дверь с противоположной стороны.

О граждане, неужели вы всегда будете спать?!

М а р а т, Друг Народа

Статьи из газеты «Друг народа» за 1790 год

*Проект патриотической конфедерации по всему королевству*²⁴

(«Друг народа» № XII, 9 января 1790 г.)

Дистрикт Бонн-Нуфель предложил создать конфедерацию парижской национальной гвардии с национальными гвардиями всех провинций. Вскоре затем дистрикт св. Евстафия, расширив этот проект, предложил комбинированную конфедерацию всех муниципалитетов и всех национальных гвардий королевства*.

В собрании временных представителей Парижской коммуны, состоявшемся в городской ратуше для обсуждения этих двух предложений, они прошли значительным большинством. Для осуществления этого федеративного договора было постановлено редактировать текст его и разослать его по почте вместе с приглашительным обращением ко всем муниципалитетам и всем полкам королевства.

По докладу об этих решениях, сделанному в собрании дистрикта Кордельеров, было высказано мнение о посылке специальных депутатов с поручением передать и текст договора и приглашение восьмидесяти трем департаментам, переслать эти документы всем муниципалитетам на их территории и, наконец,

* Учреждение национальных гвардий заменило прежние милиции. Поверят ли, что интенданты и другие агенты исполнительной власти убеждают сельских жителей, зачисленных в прежние милиции, что они могут освободиться от своих обязательств, только получив полное увольнение от военного министра, и что эти бедные граждане достаточно простодушны для того, чтобы просить об увольнении?

пригласить регулярные войска присоединиться к договору,— способ более подходящий, чем простое обращение по почте, для выполнения столь серьезного дела.

Не может быть ничего лучше этой федерации для обеспечения революции против махинаций врагов общества, которые *силятся сеять повсюду раздоры и раздувать пламя разногласий*; нет ничего лучше этого для освещения конституции и укрепления общественной свободы.

Статьи договора должны быть утверждены депутатами всех департаментов, причем это утверждение должно произойти на Марсовом поле 11 июля, в навеки памятный день славной революции.

Этот договор о союзе, который скоро сделает из всех благомыслящих французов детей одной и той же семьи, соединив их сердца и объединив их наиболее дорогие интересы, представит новое зрелище, неизвестное до сих пор и наиболее прекрасное из происходивших когда-либо под солнцем. Пусть же поскорее развернется оно перед нашими глазами. Тогда только нация почувствует все свои силы, все свои возможности. Какую энергию дадут эти узы братства государству! Какой неиссякаемый источник покоя, мира и счастья!

*Проект благотворительных учреждений, служащий верным средством уничтожить нищенство*²⁵
(«Друг народа» № СХХХ, 11 июля 1790 г.)

Парижская коммуна получила от Национального собрания право приобрести на сумму в двести миллионов королевские и церковные имущества.

Такая значительная покупка в момент, когда город обременен такой чрезвычайной задолженностью ввиду особых расходов, вызванных событиями, и ввиду разного рода хищений и расточительности, к которым они дали повод, заслуживала, без сомнения, тщательного контроля. И потому Коммуна, собравшись в своих шестидесяти секциях, не сочла возможным слепо довериться действиям временного муниципалитета, поведению которого она только что вынесла свое неодобрение, отвергнув план управления, представленный им на рассмотрение секций,— план, возмутительные недостатки которого превзойдены лишь проектом, составленным от имени конституционного комитета, г-ном Деменье, депутатом Парижа.

Таким образом, Коммуна воспользовалась своим бесспорным правом надзирать за своею собственностью, и она не должна отказываться от него даже после организации своего муници-

палитета. Она, конечно, сможет, если сочтет это удобным, поручить новым администраторам управление имуществами, какие она приобретет, пока они не будут снова окончательно проданы. Но при всех условиях она должна сохранить за собою надзор и распоряжение ими. Могут ли декреты чисто регламентирующего характера заставить ее поручить столь крупные интересы людям, которых интрига и сговор поставит на места членов муниципалитета?

Среди той массы имуществ, какие приобретет Коммуна Парижа, надо обязательно считать здания распущенных религиозных общин. И не следует скрывать это от себя: имущества эти будет трудно сбыть с рук, и сделать это можно будет с малой выгодой. Нужно ожидать, что революция немного уменьшит население столицы; земли потеряют в своей стоимости, в особенности в кварталах, наиболее отдаленных от центра.

С другой стороны, если принять во внимание тот застой, в какой революция ввергла торговлю и искусства; если принять во внимание, что почти полное прекращение работ увеличивает ежедневную нужду, несмотря на благородные усилия, какие делают граждане округов для удовлетворения нужд немущих, то мне кажется, что мудрый муниципалитет сможет использовать очень значительную часть этих обширных зданий, устроив в них различного рода мастерские, соответствующие нуждам торговли и столицы.

Эти мастерские должны предоставлять посильные работы женщинам и детям, как, например, шитье, прядение, витье веревок и пр. Париж не был бы переполнен нищими, если бы на подобного рода учреждения употребить сумму в миллион четыреста тысяч ливров, предназначенную на нужды нищенства, вместо того чтобы затратить ее на военные расходы.

Мне возразят, без сомнения, что труд слишком дорог в Париже, чтобы мечтать об устройстве в нем мануфактур. Но не принимают во внимание то, что труд удорожают высокие налоги, взимаемые с потребителя, дороговизна квартир — два препятствия, которые исчезнут при осуществлении предлагаемого мною плана. Установлено, что хлеб составляет основу питания народа; между тем в Париже хлеб дешевле, чем в провинции. Что касается других предметов первой необходимости, то при более мудром режиме налоги, обременительные для народа, будут, без сомнения, облегчены, и мы примем, наконец, основной принцип всякого хорошего управления, сводящийся к отнесению на предметы роскоши большей части налогов, падающих на предметы первой необходимости, — прин-

Бабед

Гравюра неизвестного автора

дип, неизменным результатом которого является даже увеличение доходов государства ввиду увеличения потребления. Что касается расходов на помещение, то они должны быть чрезвычайно низки; они даже могут свестись к абсолютному нулю, а издержки по сооружению мастерских, сараев, складов могут быть доведены до совсем незначительных размеров,— монастыри почти без всяких расходов предоставляют ценные ресурсы. Монастырские коридоры и трапезные послужат жилищами, здоровыми и удобными, для множества обездоленных, у которых нет другого убежища, кроме чердаков, где гуляет ветер, или сырых подвалов, еще более вредных для здоровья, за которые они платят очень дорого.

Итак, ничто не мешает учреждению в Париже множества мануфактур, работающих и процветающих с еще меньшими расходами, чем в провинции, если только сумеют правильно избрать род этих мануфактур и откажутся от тех, какие требуют значительного потребления дерева, угля или каменного угля, и если ввести в жизнь большую часть ремесел, орудий и экономичных приемов англичан, являющихся ныне нашими учителями в области мануфактуры, хотя более столетия тому назад мы были их учителями.

*Проект муниципальных мануфактур*²⁶
(«Друг народа» № СХХХIII, 14 июня 1790 г.)

Идет разговор о разрушении домов, принадлежащих религиозным общинам, и о продаже полученных материалов. Это было бы верхом безумия. Если бы эти здания не существовали, их следовало бы выстроить по такому же приблизительно плану, чтобы превратить их в мануфактуру и устроить благотворительные учреждения, предлагаемые мною.

Реже чем что-либо другое удастся во Франции увидеть процветающую мануфактуру; почти все они ложатся бременем на государство,—вещь непонятная для иностранцев, не знающих наших нравов и пороков старого режима, ибо, говорят они, как это администрация упорствует в сохранении и поддержании учреждений, которые совсем не приносят прибыли ни предпринимателям, ни государству?

Успеху этих предприятий у нас всегда препятствовали, с одной стороны, продажность, а с другой — тщеславие предпринимателей.

Несмотря на бесплатное покровительство, какое правительство должно оказывать всякому предприятию, служащему общественному благу, несмотря на явное бескорыстие, каким

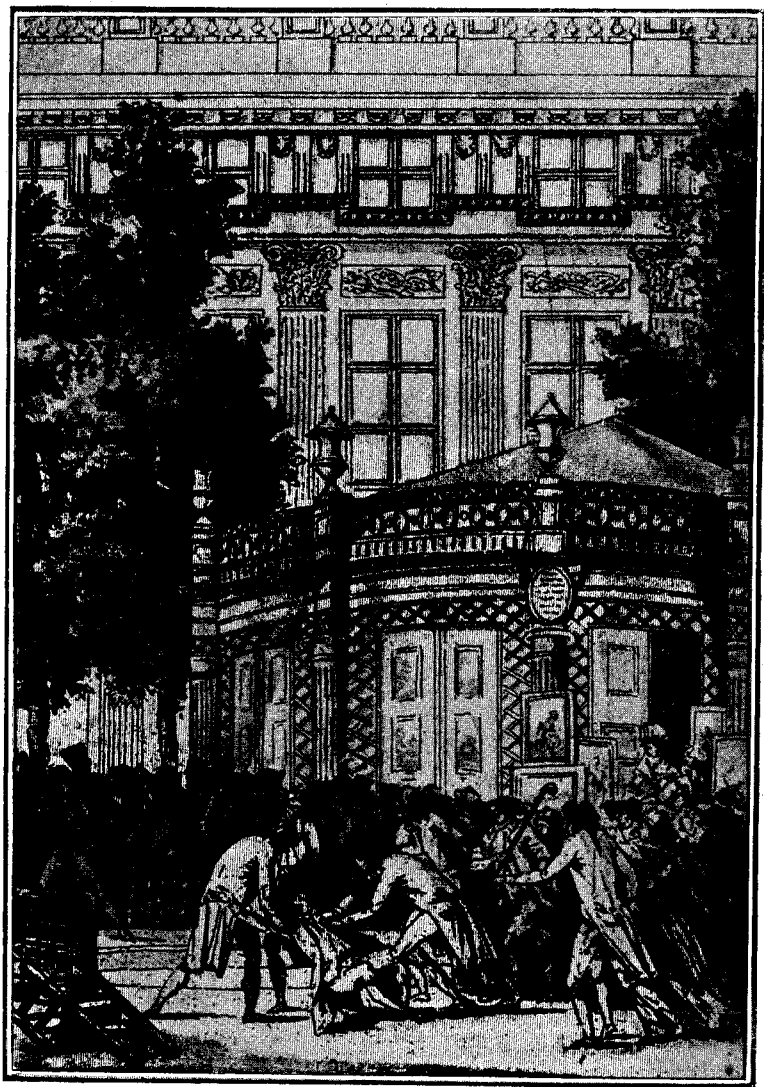
щеголяют наши министры и их приказчики, несмотря на мнимое великодушие, каким рисуются наши придворные и их лакеи,—кто не знает, что у нас все было продажно? Кто не знает, что постановления совета, разрешавшие учреждение мануфактуры, покупались на вес золота? Кто не знает, что надо было платить и продажной женщине, бравшейся представить проект, и главному канцелярскому служащему, бравшемуся провести его? Кто не знает, что алчность этих мнимых покровителей, свободных от всякого стыда, настолько не стеснялась скандала, что открыто облагала покровительствуемого? Кто не знает, что наши красивейшие женщины реализовали таким образом цену своего влияния* и что при дворе не было ни одного широко живущего интригана, который не существовал бы на средства из этого низменного источника? Как не поморщиться, когда видишь имена Орлеанов, Конде, Конти, числящиеся при такой-то сумме в регистрах предприятий по чистке труб и вывозке нечистот в Париже!

Таким образом, часть средств, предназначенных на предприятие, должна была идти на покупку привилегии, и покровители предприятия начинали всегда с того, что разоряли его в ожидании прибылей.

Другая часть средств шла на расходы чисто показного характера; приступали к строительству и всегда начинали с того, что было наиболее бесполезно: нужен был великолепный дом с квартирой для хозяина, с квартирой для его супруги, с помещением для привратника, с подъездом, на котором красовался бы герб Франции и надпись: *Королевская мануфактура*. Затем нужен был экипаж для хозяина и экипаж для супруги его, дорогая меблировка и обстановка, говорящая о богатстве. В результате этого еще до окончания отеля не оставалось уже денег для ведения дела, и предприниматель обращался тогда за помощью к правительству, интригуя у фаворитки соответствующего влиятельного лица. Умеючи взявшись за дело, он получал значительные суммы, которыми приходилось делиться с новой покровительницей. Так как он опасался утратить свой кредит, если сократит расходы на жизнь,—его средства скоро истощались. Он во второй и в третий раз повторял процедуру и кончал тем, что выпутывался из дела, объявляя себя банкротом.

То, что делал первый предприниматель, повторял в свою

* Продажа влияния всегда влекла за собой продажу ласк; престлница отдавалась министру и получала от своего протезе цену своей снисходительности.

Убийство полицейского шпиона
Гравюра неизвестного автора

очередь второй, и только третий мог надеяться извлечь выгоду, поживившись за счет остатков от своих предшественников. Следовательно, далеко не будучи полезны государству, эти прекрасные предприятия ложились на него бременем.

Сравним наши обычаи с обычаями наших соседей; различие их объяснит процветание мануфактур в Англии и их прозябание во Франции. У англичан для всякого общественного предприятия необходимо разрешение специальным биллем парламента, но получение этого билля связано лишь с канцелярскими расходами. Что же касается построек, то они ограничиваются необходимыми мастерскими, сараями и складами, а предприниматель довольствуется сначала скромным приютом, пока не соберет плодов своего трудолюбия; он затрачивает капитал в интересах успеха своего предприятия. Если последнее процветает, его дети продолжают и расширяют его, в отличие от нас, французов, которые полны презрения к занятию своих отцов и ждут только момента бросить его, чтобы превратиться в мелких выскочек.

Благодарение небу, этих злоупотреблений уже не существует, и нет никаких серьезных причин для того, чтобы учреждение мануфактур не пользовалось во Франции таким же успехом, как и в Англии. Мы изобретательны и обладаем вкусом — два главных свойства, необходимых для процветания ремесел.

Что же касается мастерских и мануфактур*, какие я предлагаю устроить в Париже, то одно предназначение для этой цели монастырей должно обеспечить их успешность. С неопределимой выгодой уничтожения среди нас нищенства это соединит выгоду от оздоровления нравов у низших классов общества. В самом деле, ведь именно нищета, отвращение к неблагодарному труду и утрата надежды добиться тяжелыми усилиями приятной жизни внушают упадок духа, лень, толкают к разгулу и разврату. «С какой стати изнывать мне за работой: я ведь всегда могу оставаться нищим», — говорит себе человек, не обладающий собственностью, задавленный налогами, у которого правительство бесчеловечно отнимает плоды его труда, человек, скудной заработной платы которого недостаточно для того, чтобы снабдить его предметами первой необходимости, и он поэтому бездеятелен или, если работает, то только, чтобы не умереть с голоду; чувствуя весь день тяжесть своего пе-

* Можно было бы устроить с выгодой большую мануфактуру, производящую холодное и огнестрельное оружие; нужды и условия столицы при новом режиме делают ее даже необходимой.

чального существования и проклятие своего положения, он старается по возможности забыть хотя на время свои страдания и потопить свои заботы в вине. Но дайте этому же человеку какую-нибудь небольшую собственность,— он привяжется к ней как к источнику своего счастья, приложит все усилия к сохранению и увеличению ее; трогательную картину, подтверждающую эту истину, представляет Швейцария, страна, где наиболее широко распространено благосостояние.

Вместе с нуждой исчезнут праздность, пьянство и разврат; склонность к домашним радостям, неотделимая от любви к труду, сменит разврат и разгул; нравы очистятся, браки умножатся, население будет увеличиваться, и изобилие, упорядоченный образ жизни, здоровье, радость возродят поколение, выродившееся благодаря нищете и угнетению.

Особенно ярко проявится подобная метаморфоза в столице. Нет ничего легче, как ускорить осуществление этих проектов, пустив в ход постельные принадлежности и мебель, которые монахи оставят в монастырях; можно будет в течение одного года устроить тысячи счастливых браков. Право на эти благодеяния будет давать честность нуждающихся. Но я вторгаюсь уже в компетенцию комиссаров благотворительности, просвещенное усердие которых явится, несомненно, первым из благодеяний возвращенной свободы. Пусть их благородные заботы заставят несчастных поскорее забыть ужасные бедствия старого порядка. Их просвещенному вниманию я предлагаю этот поверхностный очерк выгод, какие можно извлечь из религиозных учреждений; каким бы поверхностным он ни показался им, я льщу себя надеждой, что они не пренебрегут полезными соображениями, какие внушила Другу Народа его любовь к человечеству.

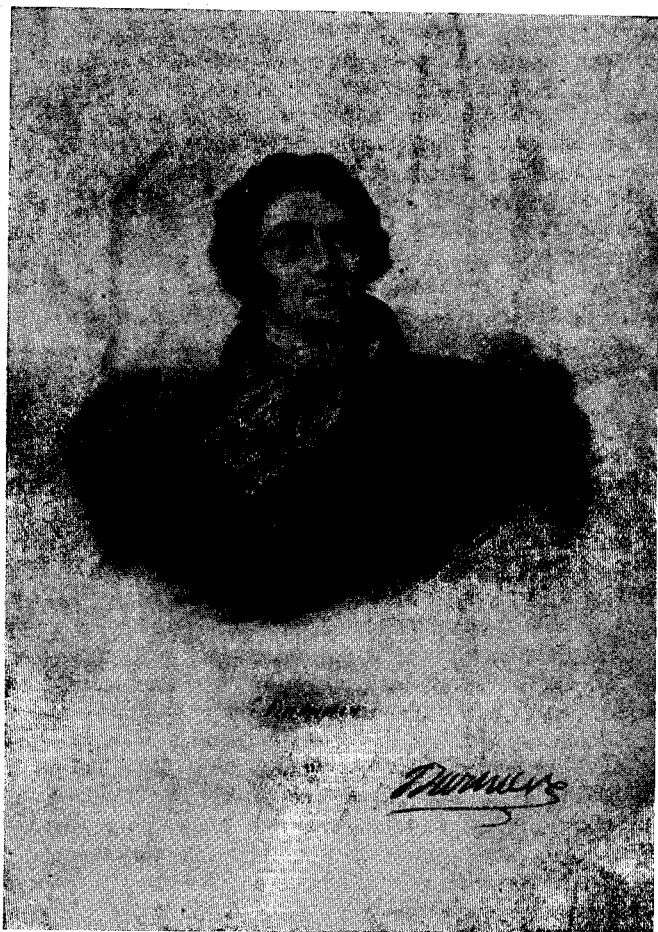
Буржуазная политика Национального собрания

(«Друг народа» № СХЕІХ, 30 июня 1790 г.)

Отцы отечества!

Вы, которые проповедуете лишь мир и согласие, которые, повидимому, дышите только справедливостью и свободой, вы, очевидно, забыли свои прекрасные принципы в своем жестоком декрете о признаках активных граждан.

Для того чтобы предоставить нам скудную привилегию быть признанными членами государства, того государства, повинности которого мы до сих пор выносили, все общественные обязанности по отношению к которому выполняли, равно

Барнав
Литография Дельбека

как все неприятные, нездоровые, опасные функции; цепи которого мы разорвали с опасностью для нас самих*, ценою нашей крови,—вы бесчеловечно требуете от нас чтобы мы пожертвовали тремя днями труда, который едва в состоянии дать нам хлеба, точно вы хотите нашей гибели от нужды. Для того чтобы представить нам печальную привилегию подавать свой голос за тех, кто будет иметь честь обуздывать нас и счастье жиреть за наш счет в силу ваших декретов, вы варварски требуете от нас, чтобы наши отцы и их сыновья не были ни банкротами, ни несостоятельными должниками, не сделав исключения для честных людей; как будто недостаточно быть доведенными до нужды, будучи ограбленными ловкими мошенниками, как будто вы хотели бы посмеяться над нашими несчастьями, наказывая нас за их надувательство.

Как ужасна наша жизнь! К нам небо было всегда немилосердно. И ныне, поскольку во всех своих предположениях вы считаете нас за ничто, у нас отнимается даже надежда. Неужели ваши сердца останутся замкнутыми для нас? Отцы отечества! вы захватили немало принадлежащего беднякам, чтобы оплачивать придворных сарданапалов, фаворитов королевы, пенсионеров короля, ростовщиков, биржевых игроков, вымогателей, взяточников, расточителей, расхитителей, пиявок государства... Не довольствуясь тем, что оставили нас в самой ужасной нужде, вы отнимаете у нас наши права, наказывая нас за преступления злых и за жестокости судьбы. Нужно ли указывать на наши заслуги, чтобы избавить себя от угнетения? Вспомните бурные кризисы, когда хватались за оружие, чтобы отразить кровожадные легионы, свергнуть деспотизм и спасти отечество, стоящее на краю гибели. Мы были везде, куда призывала нас опасность, готовые проливать свою кровь для вашей защиты. И три месяца подряд мы одни выдерживали тяготы трудной кампании, ежедневно жарились на солнце, терпели голод и жажду, тогда как богатые прятались в подвалах, вышли из них только после кризиса, чтобы захватить командование, занять все почетные и влиятельные места. Мы жертвовали собою ради вас, а теперь в награду за наши жертвы мы не имеем даже утешения считаться членами того самого государства, которое мы спасли. Какие же могут быть у вас основания так недостойно обращаться с нами? Бедняк — такой

* Не подлежит сомнению, что революция вызвана восстанием мелкого люда. Кроме того несомненно, что взятием Бастилии мы обязаны главным образом десяти тысячам бедных рабочих Сент-Антуанского предместья.

же гражданин, как и богач,— вы согласны с этим; но вы заявляете, что он скорее может продать свой голос*. Вы думаете? Посмотрите на все монархии мира: не богатые ли составляют презренную орду придворных? Разве не богатые составляют эти бесчисленные полчища честолюбцев, добывающихся милостей решительно всеми средствами, жертвуя для этого своей честью? Если не считать того небольшого числа неимущих, которых вы развратили в презренные века рабства, то разве не богатые являются приспешниками деспотизма— в сенате, в министерстве, в судах, даже в армии? Разве не бедняки везде первые возвышают свой голос против тирании и поднимаются против своих угнетателей? Если бы они были так склонны продаваться и если бы они добывались только золота, они брали бы его, когда находили случай к тому. И кто мешал им в первые дни восстания подвергнуть ваши дома разграблению? Кто мешал им ограбить дома, преданные ими пламени? Поймали ли хотя бы одного из них убегающим с добычей? А затем, если даже страх умереть от нужды больше соблазняет бедняка уклониться от выполнения долга, то разве это может служить основанием для отнятия у него его прав? Разве нужно калечить людей потому, что они злоупотребляют своими руками?

Но не во имя признательности и вечной справедливости,— нет, во имя общего блага мы умоляем вас не оскорблять природу и вспомнить, что мы такие же граждане, как и вы; ибо вы забыли, что мы ваши братья. Как! в момент, когда отечество больше всего нуждается в силах, чтобы отразить многочисленных врагов, скрывающихся в его пределах, вы стараетесь умножить их самой ужасной несправедливостью? Имейте в виду, что во всякой революции тот, кто не за отечество, оказывается против него**. В самом деле, что еще сможет привязать к общественному делу людей, не могущих принять в нем никакого участия? Они должны в конце концов становиться его врагами. Мы все умоляем быть менее несправедливыми по отношению к нам. Мы принесли родине все жертвы, какие

* В Париже нет таких бедняков, которые в течение первых трех месяцев революции не отдали бы отечеству пятнадцати дней бесплатной службы: за это их по меньшей мере следовало бы признать активными гражданами.

** Это серьезнейший довод за то, чтобы все честные граждане требовали прав для бедняка. Если, к несчастью, снова наступит время кризиса, то, вместо того чтобы прийти нам на помощь, он будет иметь все основания оставаться глухим, оставаться неподвижным и задущить нас.

зависели от нас, и теперь, когда у нас уже ничего не остается, что мы могли бы предложить ей, вы требуете новой контрибуции от нас, уже платящих очень тяжелые налоги на предметы первой необходимости. Но подумали ли вы, что обложить активных граждан прямым налогом в размере трех рабочих дней — значит исключить из их числа три четверти жителей королевства?

Это еще не все. Вы не только не пришли нам на помощь, стараясь смягчить наши бедствия, — вы заставили нас вдвое сильнее почувствовать нашу нищету, унизив нас несправедливым декретом, который лишает нас, нас и наших потомков, права гражданства, потому что мы потерпели значительные потери, потому что мы имели несчастье испытать неудачу в наших предприятиях, потому что мы оказались жертвами нечестности других. Сколько невинных, заклеянных позором! И как увеличат еще их число бедствия наших дней, отсутствие работы, упадок ремесел, мануфактур, торговли! И в государстве, таким образом, останется лишь очень небольшое количество подданных, которые смогут претендовать на честь почитаться гражданами, — несчастье, которое упрячет общественной свободе. Ибо, поскольку избирательное право ограничится людьми достаточными, будут выбираться только богатые; страна превратится, следовательно, в их удел, и народ будет без всякой защиты отдан им на их усмотрение. Что мы выиграли от уничтожения аристократии, если на смену ей пришла аристократия богачей? И если мы должны стонать под игом этих выскочек, то лучше было бы сохранить прежние привилегированные сословия.

Таковы неизбежные последствия вашего несправедливого декрета. Но сколько еще предстоит других, способных заставить вас трепетать от страха, если бы вы могли предвидеть их! Да, напрасно хотите вы остановить ход реформ и установить для них тот или другой предел. Умы пришли в движение, они остановятся лишь придя к цели, и размышление неизбежно должно привести их к равенству первоначальных естественных прав, которое вам легко было увидеть и которого вы стремитесь лишить нас. Ведь когда плотина прорвана, воды морские непреодолимо следуют своему падению и останавливаются только тогда, когда устанавливаются на своем уровне. И ведь это равенство прав означает равенство в пользовании благами жизни — единственное основание, на котором может остановиться мысль. И кто знает, долго ли еще француз захочет не выходить из круга идей, за который он должен был бы уже выйти.

Отцы отечества! Вы любимцы судьбы. Мы не требуем от вас ныне, чтобы вы поделились своими владениями, тем имуществом, какое небо дало людям для общего пользования: осознайте всю глубину нашей умеренности и во имя вашего собственного интереса забудьте на некоторое время о соблюдении своего достоинства, перестаньте на некоторое время предаваться сладким мечтаниям о своей важности, взвесьте на минуту ужасные последствия, какие может иметь ваша небудуманность. Отказывая нам в праве гражданства ввиду нашей бедности, трепещите, как бы мы не избавились от нее, отняв у вас избыток.

Трепещите, как бы не разорвать наше сердце несправедливостью, как бы не довести нас до отчаяния и не оставить нам другого пути, как предаться всякого рода эксцессам, или, точнее, предоставить вас самим себе, ибо для того, чтобы поставить вас на место, нам достаточно оставаться со скрещенными руками; вынужденные тогда сами обслуживать себя и обрабатывать свои поля, вы станете равны нам. Но, менее нас многочисленные, сможете ли вы с уверенностью собрать плоды своего труда? Вы еще можете предотвратить эту революцию, какую неизбежно вызовет наше отчаяние,—вернитесь к справедливости и не наказывайте нас за зло, причиненное вами.

*Обращение ко всем жителям столицы, выброшенным Национальным собранием из ложа гражданского общества как неактивные граждане*²⁸

(«Друг народа» №№ CLXXI, CLXXII, 24 и 25 июля 1790 г.)

Добрые патриоты с ужасом предвидят, как незначительно будет число активных граждан, которые явятся на предстоящие выборы: неизбежное последствие декрета, отнимающего это право у девяноста девяти сотых жителей столицы.

Право активности гражданина есть, в сущности, лишь право простого гражданина, ибо нельзя считаться членом государства, если не иметь возможности участвовать в избрании уполномоченных народа, и человек становится чуждым отечеству, поскольку не может принимать никакого участия в общественных делах.

Для того чтобы быть членом государства, нужно жить в государстве; следовательно, оно и создает постоянное местожительство.

Прежде чем принимать участие в общественных делах, надо обладать знаниями и разумением; следовательно, момент, с которого начинается осуществление гражданских прав, определяется

возрастом, когда большинство людей достигает умственной зрелости.

Чтобы содействовать общественному благу, надо обладать безупречной нравственностью; следовательно, осуществлять это право возможно только при честности поведения.

К истинным качествам, присущим гражданину, Национальное собрание добавило произвольное, взятое из сферы прямого обложения в пользу государства. И поскольку этот признак ограничивает число граждан теми, кто обладает некоторым достатком, поскольку это делает их решающей силой при избрании уполномоченных народа, его администраторов, его должностных лиц, его агентов, это смешивает все идеи, опрокидывает все отношения и отдает в руки этого незначительного числа избирателей судьбы государства.

Для того чтобы почувствовать всю несправедливость, всю жестокость, все варварство позорного декрета, который ставит в зависимость от платежа прямого налога свойство активности гражданина, рассмотрим вопрос с исторической точки зрения.

Только со времени революции французы перестали подчиняться приказам гордого владыки, который произвольно распоряжался их свободой, их имуществом, их жизнью, их честью; подчиняться воле тщеславного владыки, который смотрел на государство как на свою вотчину, который растрчивал на пиры и удовольствия общественное достояние для удовлетворения капризов бездарного и развратного господина, который отдавал своим министрам бразды правления, который допускал, чтобы они приносили в жертву своим низменным страстям интересы народа, благо государства.

Только со времени революции французы перестали быть рабами. Только со времени революции стали произноситься слова «свобода», «права человека и гражданина», «суверенитет народа», «подчинение монарха»...

Если Франция сделалась свободной, то этим счастьем она обязана храбрым гражданам, разбившим ее цепи, неимущим, не боявшимся опасностей и смерти и поднявшим знамя восстания, беднякам, которые первые взяли за оружие, сожгли заставы, пролили кровь свою перед стенами Бастилии.

И вот этих бедняков Национальное собрание лишает плодов свободы, которую они завоевали. Вот у этих граждан оно отнимает гражданские права, какие они завоевали для своих соотечественников,— Национальное собрание, обязанное им всем, вплоть до своего существования. И почему отнимает оно у них их права?

Потому, что, едва имея средства для существования, они не могут платить государству прямой налог в три ливра,—они, кто платит ему столько косвенных налогов со своей скудной заработной платы, кто отдавал ему свой труд, кто подвергался ради него опасности и шел на смерть!

Декрет, который исключает их из собраний их сограждан, не только несправедлив и нелеп,—он представляет собою акт неблагодарности, самой черной неблагодарности, о какой только упоминает история какого-либо народа; он безобразит летописи революции французского народа, покрывает позором первый год эры свободы.

Пусть только подумают, до какой степени оскорблены бедные жители столицы тем, что их исключили таким образом из гражданского общества! И они поэтому открыто заявляют, что в случае контрреволюции они не станут уже вновь подвергаться опасностям ради своих неблагодарных сограждан. Как раз этого хотят и этого добивались враги революции, министры, Национальное собрание, муниципальные чиновники, главный штаб национальной гвардии, но именно этого не требуют интересы свободы.

Может ли явиться конституционным законом государства декрет, связывающий с прямым налогом квалификацию активного гражданина? Может ли он явиться регламентом муниципального управления? Может ли он явиться вообще законодательным актом? Нет, разумеется, ибо Национальное собрание, будучи лишь представителем народа, имеет задачу только отстаивать права народа, защищать его интересы, обеспечивать ему изобилие и мир и работать над упрочением его свободы, его покоя и счастья. Каким же образом может оно получить право посягать на права граждан, нападать на них, уничтожать их?

Следовательно, декрет, который требует от всякого честного француза, достигшего зрелого возраста, уплаты прямого налога, для того чтобы быть активным гражданином, не имеет никакой силы и недействителен.

Он недействителен также фактически, потому что противоречит декларации прав человека и гражданина, священному основанию конституции: ведь одна статья этой декларации формально устанавливает, что, поскольку все люди равны, они одинаково могут занимать все должности, без иного различия между ними, кроме различия в талантах и добродетелях.

Наконец, декрет этот должен быть отменен и с точки зрения его опасных последствий. Лишая права гражданства

Марат и Диоген в подпольи
Гравюра известного автора

почти всех жителей городов и ограничивая класс избирателей классом людей состоятельных, он делает хозяевами выборов ничтожное меньшинство, все ответственные места превращает в удел богатства и интриги, предаёт интересы нации кучке честолюбивых мошенников, подвергает опасности общественную свободу и благо отечества, отнимает у народа плоды его усилий, его жертв, его побед, цель его стремлений и его самых сладких надежд.

Народ, который является подлинным сувереном государства, единственным источником всякой власти, имеет, несомненно, власть аннулировать декреты, умаляющие его права и права его членов.

Высказываются в том смысле, что последующим законодателям надлежит исправить несправедливые или вредные законы; это верно по отношению к законам, не подвергающим опасности общественное дело. Но это благое правило представляет собою лишь завет благоразумия и осторожности, чтобы избегать потрясений политического механизма и не делать со страстью того, что должно быть сделано хладнокровно. С другой стороны, почему народ не может делать того, что могут делать его представители? И в данном случае это правило благоразумия неизбежно погубит государство, если народ пропустит декреты, отнимающие у него его права. Пока он ожидал бы созыва следующего законодательного собрания, нынешнее законодательное собрание отняло бы у него право и способы собираться, демонстрировать, защищать себя, отражать оскорбления, оно заковало бы народ его собственными руками, и беззащитное отечество погибло бы еще до того, как могли бы прийти на помощь новые защитники и восстановить его в правах.

Таким образом, безусловно необходимо, чтобы этот позорный декрет был решительно отменен. Я приглашаю немущих граждан предместий св. Антуана, св. Марселя, св. Виктора, св. Мартина, св. Дениса, св. Лаврентия — одним словом, всех немущих граждан столицы считать его несуществующим, собраться безотлагательно; решительно и уверенно явиться в свои окружные участки; настойчиво требовать своего внесения в списки избирателей; смело пользоваться своим правом активных граждан, которое не может отнять у них никакая власть под солнцем. Если его станут оспаривать, я приглашаю их помнить, что сопротивление угнетению является естественным правом, правом гражданским, правом политическим, правом божественным и человеческим и что оно было торжественно подтверждено самим Национальным собранием.

О военных бунтах²⁹

(«Друг народа» № ССХVIII, 23 августа 1790 г.)

Еще один проект декрета, который имеет в виду лишь выдать нацию со связанными руками королю и его приспешникам. Этот ужасный проект представляет самый ловкий и самый страшный удар, какой когда-либо нанесли отечеству враги революции. Он был задуман в четверг вечером в «Клубе 1789 года», чтобы смыть позор варварского декрета, изданного против гарнизона Нанси. Породил его жестокий Рикетти, преданный душой и телом кабинету. Заговорщики заранее сговорились об удобном моменте предложить его, и на сцену, как всегда, выступил гнусный Малуэ. Если этот проект пройдет благодаря трусости и низости наших представителей, то задернем, граждане, погребальным крепом алтарь отечества и наденем траур по свободе.

Но нет, он не пройдет. Вскроем ужасающие бедствия, какие он повлечет за собою. Пусть встревоженные граждане затрепещут от ужаса, а затем вооружатся мечом против его отвратительных авторов.

Какая ткань ужасов эти вечные заговоры врагов нашего покоя! Сперва они пустили в ход тысячи недостойных приемов, чтобы подкупить войска и обратить их против нас. Не успев в этом, эти негодяи потихоньку уволили всех солдат, обнаруживших какой-либо патриотизм в армии, лишили их возможности вернуться в армию, уволив их с порочащими свидетельствами. Вынужденные отказаться от этого жестокого приема, они стали увольнять их просто; они даже побудили многих, соблазнив их заработком, уйти за границу и поступить на службу к нашим врагам. В настоящее время, когда патриотизм охватил всю армию, они подстрекают ее к мятежу всеми возможными способами. Чтобы вернее достичь своей цели, они поднимают все полки один за другим, а затем доносят на них, громко призывая на них кару законов. Если солдаты, более благоразумные, чем их начальники, остаются спокойными, они изображают их развлечения с гражданами как оргии, как преступные заговоры. Если происходит какая-нибудь драка, они кричат о мятеже, приглашают аристократов из муниципалитета распространять тревогу, клеветать на солдат, обвинять их в мятеже, вызывать боязнь перед ними, как способными на всяческие эксцессы. Опровергнуты ли эти ложные слухи, осуждены ли эти позорные маневры? Они добиваются роспуска армии для составления ее заново по своему вкусу из

приспешников деспотизма. Проект декрета, предложенный Рикетти, не имеет другой цели. Напрасно Тартюф хотел надеть маску,—его коварные намерения проступают наружу вопреки ему. Напрасно заявляет он, что армия сейчас же будет вновь сформирована из тех же лиц,—он тут же опровергает себя самого. Перестанем пытаться залечивать рану за раной этого больного тела, провозглашает он с силой,—необходимо переливание свежей крови в военный организм. А затем, посмотрите, как он предоставляет государю средства сохранить в армии только тех лиц, которые принесут присягу выполнять свои обязанности, как они будут установлены Национальным собранием. Но ввиду того, что Национальное собрание состоит почти исключительно из изменников нации, совершенно ясно, что они могут проповедывать солдатам только слепое подчинение их начальникам, и еще яснее, что эти начальники могут быть лишь ставленниками двора. Таким образом, армия будет состоять уже из одних только королевских приспешников, готовых в любой момент стать слепым орудием тирании.

Остановимся подробнее на внушающих тревогу предписаниях пагубного проекта.

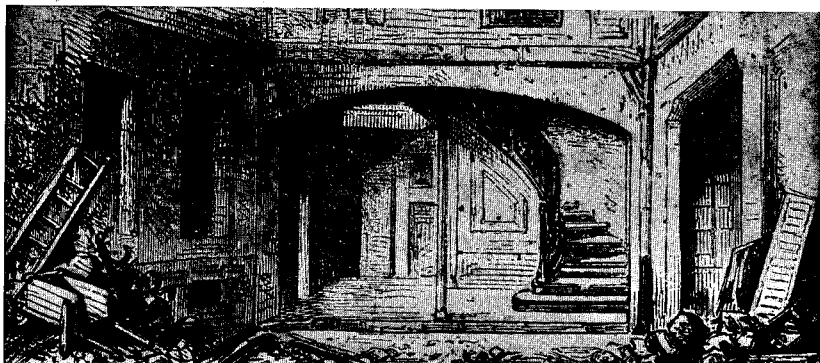
Что делают в данный момент враги революции, когда почти все полки требуют своих счетов, когда королевский полк разбил лед и заставил Национальное собрание отступить? Сознавая, что они уже не могут употребить насилие, они употребляют хитрость. Вместо того чтобы противопоставить войскам формальный отказ в правосудии, они вообще лишают их возможности предъявлять какие-нибудь требования, увольняя их; а для того, чтобы освободить сразу всех командиров полков от обязанности вернуть солдатам то, что они украли у них, они уничтожают всю армию. Но полки ни за что не согласятся принять увольнение, пока не получат до последнего су все, что следует им не только за шесть последних лет,—срок, за который Национальное собрание постановило сдать счета,—но и за все то время, в течение которого с ними не производили расчета*. Они не должны даже расходиться до того, как будут вызваны обратно все их уволенные товарищи для получения их доли; этот вызов — их долг, диктуемый им справедливостью и честью.

* Если будут отговариваться тем, что счета сожжены, есть простой способ обойтись без них, а именно: установить число лет, прошедших со времени последнего расчета, и считать вознаграждение за каждый год равным средней оплате за шесть лет, за которые Собрание приказало произвести расчет.

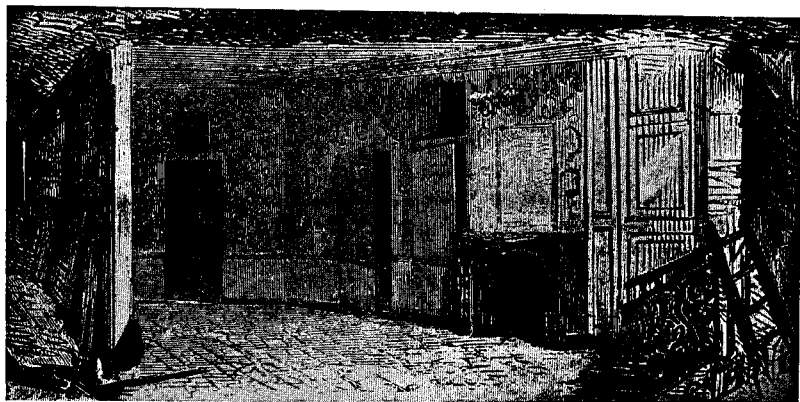
В самом деле, при каких обстоятельствах собираются распустить армию? В тот момент, когда враг у наших ворот и угрожает нашим границам. В тот момент, когда масса недовольных перешла к врагу. В момент, когда многочисленные легионы уволенных и обреченных на нищету солдат увеличили собою число перебежчиков. Что будет с нами, боже милосердный, если безумный и предательский проект, предлагаемый Рикетти, будет принят? Поскольку наши границы открыты повсюду врагу, он проникнет, не встречая сопротивления, до самой столицы.

Но если бы даже армия была достаточно скоро сформирована заново, чтобы государство могло не опасаться никаких неожиданностей со стороны врага, граждане тем не менее должны были бы всеми силами воспротивиться ее роспуску. Это потому, что король, которому как ее главе будет поручено сформировать ее заново, начнет с сохранения всех офицеров, преданных двору, и всех солдат, преданных этим офицерам; потому что он наверняка устранил небольшое число офицеров, проявивших хотя бы некоторый дивизм, и всех солдат, преданных отечеству, любящих своих сограждан, как братьев и отказывающихся участвовать в пагубных выступлениях, на которые их толкают; потому что он несомненно заменит их всяким сбродом, иностранными дезертирами, рабами Германии, и, что еще хуже, сторонниками старого режима, в особенности же сыновьями недовольных, не только готовыми слепо участвовать во всех пагубных выступлениях, в какие их хотят втягивать в интересах их господина, но и способными на всевозможные злодеяния, лишь бы утолить свою собственную ярость.

Таким образом, при проведении в жизнь этого отвратительного проекта адский Рикетти создаст сразу и точно волшебством грозную армию в пятьдесят четыре тысячи убийц, собрав всех смертельных врагов революции, всех смертельных врагов свободы, всех смертельных врагов отечества и его детей; и в руках этих неумолимых врагов окажутся все крепости, все корабли, вся артиллерия, все боевые припасы, все люди, сведущие в военном искусстве, и все золото Франции, которое обожаемый отец народа не переставал в течение трех последних лет вытягивать у своих детей под предлогом пожертвования отечеству, с риском даже умерить их голодом... Тут я вижу, что вся нация поднимается против этого адского проекта, я слышу единодушный крик двадцати пяти миллионов голосов. Если «черные» и разращенные и артизращенные

Квартира Марата
Гравюра неизвестного автора

Квартира Марата
Гравюра неизвестного автора

сторонники министерства достаточно дерзки, чтобы принять проект, то, граждане, установите в Тюильрийском саду восемьсот виселиц и повесьте на них всех этих изменников отечества во главе с бесчестным Рикетти; одновременно с этим среди бассейна устройте большой костер и поджарьте на нем министров и приспешников.

Будем надеяться, что они одумаются и избавят нас от печальной необходимости принести их в жертву благу отечества.

Здесь надо окончательно сорвать с них маску, показав, насколько лживы предлоги, которыми они обосновывают необходимость распустить армию. *Общественный мир (говорят они) не может существовать при недисциплинированной армии, а армия не может существовать без соблюдения самой строгой военной дисциплины.* Согласимся с этим, но послушайте, что они добавляют к этому: «принимая во внимание, что разложение французской армии происходит от того, что организация свободы еще не завершена». Что должна значить эта ерунда? Вместо того чтобы отговариваться бессмысленными фразами, скажите, презренные злодеи, то, что вы знаете лучше нас, а именно, что разложение армии происходит исключительно из-за сознания несправедливости при производстве в чины и назначении наград, вымогательств, взяток, притеснений, какие солдатам приходилось испытывать до сих пор со стороны своих начальников; скажите лучше, что неповиновение происходит единственно потому, что солдаты, знаящие ныне свои права, не хотят больше повиноваться своим начальникам, врагам отечества и свободы; скажите лучше, что их возмущение вызывается единственно отчаянием в возможности получить правосудие против мошенничеств их офицеров ввиду тайных приказов жестокого министра, который бесстыдно играет законом, справедливостью и стыдом... Вы заявляете, что порядок скоро восстановится, тогда когда солдаты научатся не отделять своих прав от обязанностей. Вы требуете, безрассудный болтун, того, что они все уже делают в настоящее время; разве с самого начала революции они не сближают неустанно свои права со своими обязанностями?

Вы предлагаете отправить немедленно послание армии, развивающее смысл новой присяги, которая возродит ее, выясняющее солдатам их взаимоотношения с другими гражданами, и использовать для установления мира образование и закон. Таким образом, вы притворяетесь, отъявленный плут, будто забыли, что она уже четыре раза приносила гражданскую присягу. Если эти обязательства не имеют силы, то чего ждете

вы от новой формулы? Зачем приучать солдат смотреть на святость присяги как на лишенную содержания церемонию? Но если новая присяга должна возродить армию, то зачем раскассировать ее? Хитрый краснойбай, вы попадаетесь в собственные сети, и вся ваша хитрость лишь ярче показывает ваше вероломство.

Да, без сомнения армия должна быть возрождена, но это может быть достигнуто посредством очищения ее от дурных патриотов, изгнания ее вождей, продавшихся двору, ее мошенников-офицеров и соблазненных нижних чинов, единственных виновников всех беспорядков, существующих в армии; посредством предоставления солдатам права выбирать начальниками друзей революции, которые не будут грабить их и которым они охотно будут подчиняться. И затем, какие солдаты больше достойны служить отечеству, чем составляющие теперь армию? Они все опытни в военном деле, сделались патриотами и сердцем слились со своими согражданами,—все дети отечества, горящие стремлением служить ему, решившиеся погибнуть за него. Следовательно, для возрождения армии остается сделать ее национальной, прогнав пятнающих ее врагов нации, превратив солдат в граждан, предоставив им свободу выбирать своих офицеров и утверждая их в исполнении своих обязанностей, в уважении к правам нации, в привязанности к своим согражданам.

Пусть Малуэ и Мартино возьмут в руки эту газету и бегут в Собрание вопить об убийстве; пусть они снова доносят на меня как на убийцу, подстрекающего к истреблению всех офицеров армии и повешению восьмисот неприкосновенных; пусть они вызовут прокурора Шатлэ, пусть прикажут ему затеять новый процесс в добавление к уже начатому им. Они знают, как мало боюсь я молний сената, состоящего из предателей нации, и кинжалов трибунала судей-убийц. Моя главная, моя единственная забота—это расстройство гибельных заговоров злоумышленников против отечества, обличение злодеев, стремящихся погубить его детей.

*Контрреволюция и народ*³⁰

(«Друг народа» № ССХL 13 октября 1790 г.)

Тщеславие, глупое тщеславие—неизлечимая болезнь французов.

Это оно внушило им ту скандальную нескромность по отношению к женщинам, которая заставила все народы на земле презирать их.

Это оно заставляло их при господстве деспотизма мириться со всеми своими бедствиями, даже с уничтожением, и глупо восхвалять безграничную власть своих владык, отказывая в королевском титуле монархам Великобритании.

Это оно опьянило их в первый день революции фимиамами мнимой победы и помешало им воспользоваться выгодами своего положения для уничтожения своих врагов.

Это оно влюбляет их в наряды и в военный вид, заставляя забывать обязанности солдат отечества, чтобы превратиться в преторианскую гвардию, послушную генералу.

Это оно заставило французов носить траур по убийцам их братьев ради одного лишь удовольствия иметь полоску крепа на рукаве.

Это оно, преувеличив в их глазах печальную честь быть приглашенными на пышное празднество, заставило их взять на себя жестокое обязательство поддерживать вооруженной рукой пагубные декреты.

Это оно кричит им беспрестанно, что они являются первой нацией в мире, что «им принадлежит слава создания конституции, которая утвердит у них свободу и счастье; слава первыми установить границы, разделяющие все власти в свободном управлении страной; слава удивить вселенную самым прекрасным политическим кодексом, какой только существует среди цивилизованных людей».

Это оно, одним словом, убеждает их в том, что они являются самым свободным народом в мире, несмотря на подавляющую тяжесть их цепей, несмотря на протесты против угнетения.

Отбросим это безумное предубеждение и откажемся от этого смешного самолюбия, которому так старательно льстят враги отечества, чтобы погрузить нас в фатальную беспечность и скрыть от нас наши цепи. Ах, если есть еще средство спасти отечество, готовое погибнуть, то оно состоит в том, чтобы открыть глаза народу и показать ему глубокую пропасть, в которую его ввергают! Да, я буду неустанно повторять это. Конституция оказалась совершенно неудачной; политическая машина совсем не будет работать или будет работать в соответствии с приказами государя, которому наши неверные представители вручили все нити власти. Привилегированные сословия больше не существуют; старая магистратура больше не существует; все перегородки опрокинуты; сам народ, суверенитет которого следует утвердить, принесен в жертву исполнительной власти.

Почти везде ей продались руководители секций и муниципальные чиновники; ей продались финансисты и дельцы; ей продались штабы всех военных частей; регулярные войска к ее услугам, национальная милиция к ее услугам, флот к ее услугам; в ее руках ключи к государственной казне; она распоряжается судами; ее министры безнаказанно оскорбляют нацию, попирая ногами законы, устраивая заговоры против отечества, побуждая продажных судей оправдывать изменников отечества и приносить в жертву его детей. И наконец, в довершение несчастья, генерал, враг революции и отъявленный мошенник, образует в каждом городе королевства клики заговорщиков, поддерживает отношения с заговорщиками внутри и вне страны, сговаривается с ними и подготавливает удары, которые должны снова поработить народ и отягчить его цепи.

Льстят себя мыслию, что новые суды, друзья законов, будут защищать граждан и заставят трепетать врагов конституции. Безумная мечта! Посмотрите, как старательно законодатель исключил из них друзей отечества, открыв в них доступ только приказным, юристам и ничемным адвокатам, в большинстве своем председателям секций. Вы можете, таким образом, призывать в суды только членов прежних судов, адвокатов, которые почти все являются зараженными приспешниками старого режима, и, что еще хуже, прокуроров, эту язву судейского сословия. Вы не можете, следовательно, надеяться иметь судьями, если не считать немногих лиц, воздающих еще честь человеческой природе, никого, кроме прирожденных врагов свободы, воспитанных в предрассудках старого суда, неспособных возвыситься до естественной справедливости, т. е. людей-рабов по воспитанию, по принципам и в силу интересов.

Зачем скрывать это от себя? Свобода у нас умерла при своем рождении, закон о военном положении и организация национальной милиции задушили ее в колыбели. При помощи некоторых уловок государь может поступать как владыка; под покровом варварских декретов он уничтожает понемногу друзей свободы, и он уже давно пролил бы реки крови, если бы его не удерживало опасение шума, который всегда готовы поднять политические писатели. В этом жестоком положении, к какому мы низведены, нам остается одно конституционное средство спасти отечество — это безотлагательно учредить верховный национальный суд, составить его самое большее из шести членов, назначить в него только благоразумных и ревностных граждан и поручить ему карать с непреклонной суровостью министров, муниципальных администраторов, судей

и военных командиров, которые будут злоупотреблять властью или брать взятки. Но я вполне ручаюсь, что не таков проект законодателя. Он продался монарху и, если довершает уничтожение последних корней феодализма, то для того, чтобы установить беспримерный деспотизм.

*Проблемы вооруженного восстания*³¹
(«Друг народа» № CCLX, 24 октября 1790 г.)

Восстание, происшедшее в Валлисе, в союзной республике Швейцарии, по поводу громадного штрафа, наложенного на крестьянина, который участвовал в драке, было всеобщим. Все предосторожности, принятые правительством для подавления восстания, повели только к расширению его и к обеспечению ему успеха. Валлисцы все вооружились; в их руках — арсеналы, пороховые склады и форты, которые они постарались предварительно захватить. Они начали с того, что перебили всех тех, кто противился восстановлению их свободы, а теперь они судебным порядком преследуют всех своих бывших тиранов, которых решили истребить до последнего. Надо воздать славу валлисцам во имя свободы, правосудия и человечности, за которые они, наконец, отомстили после десяти веков угнетения, жестокостей и тирании. Их образ действий один может обеспечить победу нации, которая свергла свое иго; ей надлежит воспользоваться ужасом своих мнимых владык, чтобы окончательно поразить их, и ни на одну минуту не останавливаться, пока они все не будут истреблены. Без этого они не замедлят оправиться; не будучи в состоянии уничтожить свободу силой, они уничтожат ее хитростью и рано или поздно кончат тем, что снова наложат на нее цепи.

Ничто так не убедило меня в близорукости, в крайнем невежестве, в глупости, как манера, с какою они дали победе ускользнуть из их рук, после того как судьба, казалось, решила даровать ее им. После взятия Бастилии оставалось лишь двинуться на Версаль, захватить министров и выместить из Национального собрания всех дворян, прелатов, обладателей крупных бенефиций и еще более гнусной породы интендантов, приказных, приверженцев короля и адвокатов, а затем сейчас же освятить хорошими декретами права нации и гражданина, передачу в руки нации арсеналов, пороховых мельниц и складов и ограничение прерогатив, захваченных короной, в ожидании, пока будут избраны новые депутаты для создания конституции, действительно могущей установить царство справедливости и свободы.

Но вместо того чтобы заняться этими великими задачами, парижане глупо занимались тем, что опьянялись своими смешными победами, и вскоре толпа мошенников возглавила их, чтобы обмануть и увлечь, забавляя их как детей. Разве можно сказать, что они не были осведомлены? Разве они не были свидетелями всего высокомерия, всего презрения, всех наглостей, всех уловок и всего коварства, пущенных в ход привилегированными сословиями, чтобы не дать осуществиться великим надеждам нации?

Небо, чуткое к нашим бедствиям, вернуло им 6 октября благоприятный случай, так глупо упущенный, и они должны были бы тем больше почувствовать все его значение. Снисходительность, какую они проявили по отношению к приспешникам своего прежнего тирана, позволила ему собрать снова свои силы, вновь связать нити ужасного заговора и снова устраивать заговоры против нации. Несколько случаев кровопролития исчерпали их ярость; они привезли деспота в свои стены, они не только не приняли никаких мер предосторожности, чтобы обеспечить свою свободу, но и дали своим собственным избранникам наложить на себя цепи. Вспомните закон о военном положении. Вот момент, когда была утрачена общественная свобода.

*Несправедливые декреты о налогах.— Варварство законодателей по отношению к нуждающимся.— Право бедных отвернуться от государства, если оно не заботится об их судьбе*³²

(«Друг народа» № ССLXIII, 27 октября 1790 г.)

Наши законодатели уже в течение многих дней заняты обсуждением вопроса о прямых и косвенных налогах,— важного вопроса, имеющего значение не только для силы государства, но и благосостояния граждан. Одно лишь смущает меня, а именно, что они приступили к принятию постановлений о налогах, не выяснив предварительно точное состояние государственных долгов, смету доходов и расходов правительства, что должно служить основанием для их работы. Такая беззаботность, которую можно было бы принять за глупость, а еще больше — за подкупность, представляет собою скандальнейший пример. Что могут думать о верности отцов отечества, когда на виду у всех они отказываются заставить чиновников, ведающих общественными деньгами, представить свои счета? Что подумать о глубине язв, поражающих государство, когда национальный сенат, призванный осмотреть и вылечить их, на виду у всех отворачивается от них и упорно старается скрыть

Libre-Imprimé

Grande séance aux Jacobins en janvier 1792, où l'on voit le grand effet d'un discours qui fit l'union de la guerre par le Ministre Brolet et la suite de son discours sur qu'il venait de faire.

Заседанне якобинцев в январе 1792 г.
Гравюра известного автора с рисунка Вилетта

их*? Какое доверие может питать нация к мудрости и добродетели своих представителей? Ах, дорогой читатель, не удивляйся этому: эти продажные люди, хитрые и вероломные, в вопросе о финансах поступают так же, как поступали во всех других вопросах; они преследуют свои преступные замыслы; какое им дело до справедливости, до человечества, до свободы! Их главная задача — достичь своей цели.

Докажем, что, устанавливая налоги, они лишь хотят угнетать бедных, наполнить казну, исключить из класса активных граждан девятнадцать двадцатых французов и отдать власть сторонникам старого режима, всегда готовым передать ее в руки государя.

Ограничимся здесь статьями декрета о личном обложении.

Раздел I

Статья I. Начиная с 1 января 1790 г. устанавливается личный налог, сумма которого будет определяться ежегодно.

Статья II. Часть этого налога будет взиматься со всех жителей королевства, каковы бы ни были их доходы. Другая часть будет взиматься в зависимости от заработной платы на общественной или частной службе и доходов с промышленности и движимых капиталов.

Статья III. Часть этого налога, общая всем жителям, будет распределяться между ними в зависимости от средств, могущих давать ценз активного гражданина, от годовой стоимости жилища, устанавливаемой согласно цене контракта или по специальной оценке, от количества мужской прислуги, верховых лошадей в городах и экипажей и карет как в городах, так и в деревне.

Статья IV. Часть, взимаемая исключительно с заработной платы на общественной или частной службе, и с доходов от промышленности и движимых капиталов, будет определяться в зависимости от этих доходов, оцениваемых по размерам квартирной платы.

Статья V. Законодательное собрание будет устанавливать ежегодно сумму личного налога сообразно потребностям государства и по установлении ее будет вырабатываться тариф.

Хотя невозможно найти единое основание для того, чтобы надлежащим образом определить личный налог с каждого, все же было трудно установить менее справедливый признак, чем размер платы за квартиру. Правда, большая часть людей стремится доставить себе жизненные удобства и любит выставить напоказ свои богатства, а потому устраивает себе жилище в зависимости от своих удобств, но не менее того верно, что квартира составляет лишь одну статью их расходов, в которые

* По той роли, какую играл г-н Камюс в заседании 20 октября, можно судить о его патриотизме и об ужасах управления финансами, которые покрывала официальная снисходительность этого добряка.

входят одежда, стол, лошади, развлечения, игра, удовольствия. И не существует никакой пропорциональности между статьями расхода у различных классов общества. Какой-нибудь богатый, имеющий восемьсот тысяч ливров дохода, редко тратит более двадцати четырех тысяч ливров на жилище. Какой-нибудь фабрикант, не зарабатывающий ежегодно и десяти тысяч ливров чистых, тратит часто на квартиру пятнадцать тысяч ливров, а какой-нибудь купец, зарабатывающий ровно столько, чтобы не умереть с голоду, часто имеет квартиру за две тысячи ливров*.

Тариф ставок квартирной платы должен абсолютно отличаться от того, какой предлагался в Собрании, и сообразоваться с соотношением различных статей расхода у каждого класса общества. При этом он должен исключать всех граждан, обладающих лишь строго необходимым для жизни, начинать с граждан, пользующихся некоторым достатком, и следовать дальше в прогрессии, пропорциональной состояниям. Вообще налоги следует взимать главным образом с предметов роскоши; именно тут можно устанавливать прогрессию с большой точностью. Так, например, вместо трех ливров при одном слуге мужского пола, шести ливров со второго и двенадцати ливров с каждого дальнейшего сверх двух, следовало бы установить такую прогрессию: шесть ливров с первого, двадцать четыре со второго, сорок восемь ливров с третьего, девяносто шесть ливров с четвертого и т. д.

Такая же прогрессия должна была бы быть принята для верховых лошадей и экипажей вместо двенадцати ливров за каждую лошадь и трех ливров за каждый экипаж.

Как мы видим, эти статьи декрета составлены все в пользу богатых. И это неудивительно: ведь написали их сами богатые.

Докладчик комитета, повидимому, хотел внушить опасения следует ли слишком сильно облагать роскошь при нынешних условиях, когда торговля и производство переживают своего рода застой. Декрет следовало бы поэтому сделать временным, до той поры, когда восстановится нормальный ход вещей, ибо ошибочно думать, что высота налогов отобьет охоту к роскоши. Напротив, она вызовет скорее обратный результат, следствие страсти блистать, которая так сильна в характере нации, и стремления выделяться, без которого богатые не могут жить.

С возмущением я вижу, что тот же дух пристрастия продиктовал все статьи декрета, который распространил налог и

* Это относится к большинству торговцев Пале-Рояля.

на неимущего, лишенного самого необходимого, и на богача, утопающего в изобилии.

Но так как налог представляет собою одну из главных повинностей общества, то платить его должны только те, кто пользуется его преимуществами, кто призван занимать хорошо оплачиваемые ими почетные места и должности. А тот, чей труд едва обеспечивает жизнь, ничего не должен государству, от которого он не получает ни малейшей выгоды.

Кто мог бы поверить, что, облагая неимущих косвенным налогом в виде ввозных пошлин и требуя от них прямого налога с квартирной платы, законодатель, не довольствуясь отстранением их от всех должностей, отказывает им еще в звании активных граждан, как будто что-либо другое, кроме измены отечеству и нарушения закона, могло служить основанием для такого отказа.

Г-н де Робеспьер, единственный депутат, который, повидимому, исполнен великих принципов и является, пожалуй, единственным патриотом, заседающим в сенате, решительно выступил против этой несправедливости. Он доказывал, и не без основания, что законодатель не имеет права лишать неимущих звания активного гражданина, и не столько потому, как он выразился, что право гражданина дается природой, сколько потому, что при справедливом правительстве все члены государства должны обладать одними и теми же правами. Эти болтуны не идут дальше софизмов, утверждая, что, «поскольку неимущий нуждается в заработной плате, чтобы существовать, и не имеет времени для общественного дела, постольку он и не должен заниматься им».

Вот на эти-то вопиющие злоупотребления могут жаловаться неимущие, и законодатель обязан их устранить, ибо революция не должна совершаться в пользу некоторых отдельных классов общества, а в пользу всех. В самом деле, неужели же зажиточные граждане, люди состоятельные и богачи одни соберут все плоды нового порядка вещей, тогда как на долю неимущих, обреченных всегда проводить свою жизнь между трудом и голодом, достанутся лишь лишения, страдания и нужда, и им придется умирать с голоду, чтобы кормить бездельников, презирающих их, и погибать от истощения, чтобы за их счет жирели гордецы, угнетающие их?

Неимущие составляют девятнадцать двадцатых нации; они станут хозяевами государства, как только сознают свои права и почувствуют свои силы; для того чтобы вызвать распадение его, им достаточно только не захотеть больше работать. По-

этому благоразумие требовало бы от Собрания не доводить их недостойным обращением до того, чтобы у них открылись глаза и чтобы они сами осуществили свои права. В самом деле, вот каковы их священные права, которые никогда не станет оспаривать законодатель просвещенный, справедливый и благоразумный.

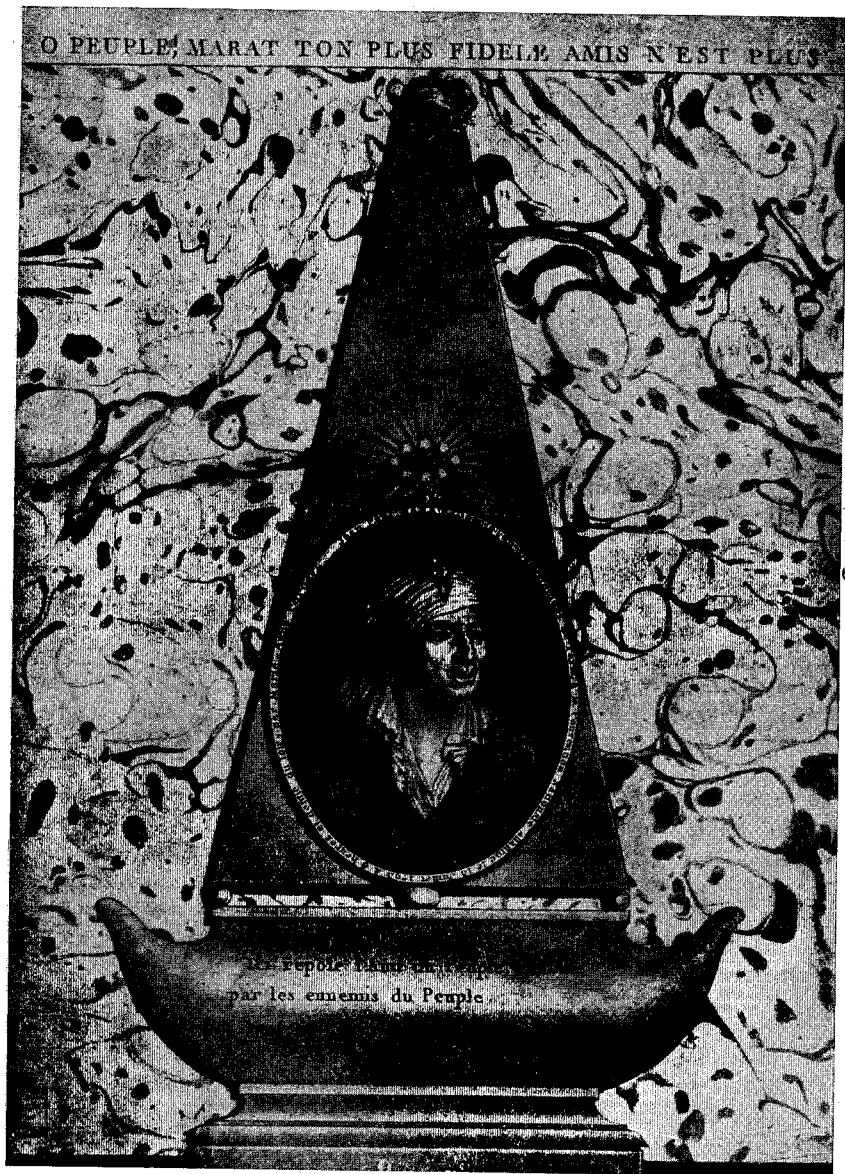
«Люди могли согласиться на отказ от полноты своих естественных прав и обязаться уважать общественный порядок лишь в той мере, в какой общество обеспечило им судьбу лучшую, чем предоставляемая им природой»*. Общество, следовательно, может принуждать их к труду, так как природа осудила их на это; но когда они не отказываются от него и когда их труда недостаточно для их существования, оно обязано снабжать их здоровой пищей, здоровым жилищем, приличной одеждой, средствами на воспитание их детей, обеспечивать им уход во время их болезней и инвалидности,—одним словом, обеспечивать им достаточно сносное существование, чтобы они могли заниматься общественным делом. Вот к чему должны будут притти наши представители, если они не хотят, чтобы в один прекрасный день три четверти нации потребовали раздела земель,—день, менее далекий от нас, чем это предполагают, и к которому неизбежно приведет прогресс просвещения. Достаточно даже признака сознания, чтобы они поняли, что, поскольку церковные имущества представляют достояние бедных, они должны быть возвращены им для раздела между ними небольшими участками; что, поскольку налог в размере четвертой части дохода составил более четырех миллиардов, его было более чем достаточно для погашения государственных долгов, включая даже долги тем кровопийцам государства, у которых было бы вполне справедливо отнять награбленное; что первый шаг должен состоять в сокращении всех расходов и в отнятии у министров права распоряжения доходами государства.

Примечание

Ввиду того, что почти не подлежит сомнению, что наши виновные министры постараются избежать наказания посредством бегства, Друг Народа возобновляет специальное предложение, сделанное им несколько месяцев назад, а именно — карать их; предосторожность, которую благоразумие делает законом для Парижской коммуны. Итак, соответствующей секции,

* См. развитие этого великого принципа и в моем проекте конституции и в моем проекте уголовного законодательства.

O PEUPLE, MARAT TON PLUS FIDÈLE AMIS N'EST PLUS

Памятник Марату
Гравюра Виленев

этим агентам исполнительной власти, предлагается немедленно приставить к ним почетную стражу; она не оставит их без контроля.

М а р а т, Друг Народа

Революцию необходимо продолжить ⁸³

(«Друг народа» № ССЕХХIV, 8 ноября 1790 г.)

Основной принцип, из которого должен исходить всякий защитник отечества и который должен не позволять ему когда-либо отчаиваться в общественном деле, состоит в том, что народ в своей совокупности никогда не продается, как бы развращена ни была нация. В самом деле, кто мог бы купить его или только попытаться сделать это? Ведь только для того чтобы ограбить его и воспользоваться им как игрушкой, стараются наложить на него цепи. На этот непоколебимый принцип опирался Друг Народа с начала революции, и именно этот принцип вечной истины не позволял ему терять мужество при виде непобедимых препятствий, которые, казалось, вставали на пути утверждения царства справедливости и свободы, при виде многочисленных пороков нации, избавившейся от своих цепей, при виде ее нелепого почтения к своим прежним господам, этой страсти к отличиям, которая увлекает ее далеко от счастливого равенства, основы всякого свободного правительства, этого вопиющего невежества, которое не позволяет ей замечать грубейшие западни, расставляемые ей; при виде этой накиши придворных рабов, этих многочисленных легионов королевских приспешников, этих орд сторонников старого режима, этих банд мошенников, заинтересованных в сохранении злоупотреблений, которыми они существуют, этого множества робких граждан, отгалкивающих свободу из боязни, что потрясения, каких требует ее торжество, заденут их благополучие. Но так как эта пена, эти орды, эти банды, эти тучи врагов революции никогда не составляют слишком большую часть народа, то как только он поднимается всей массой, он, как поток, увлекает их с собою, или, вернее, сметает их и рассеивает, как стремительный ветер.

Для того чтобы народ захотел пользоваться своими правами, надо, чтобы он их знал; следовательно, надлежит просветить его. Для того чтобы он не попал в сети, расставляемые ему, надо, чтобы он их видел; следовательно, надлежит образовать его. Отсюда следует, что величайшее несчастье, какое может постичь его,—это если он станет слепо полагаться на своих вождей или засыпать в объятиях врагов, которые ста-

раются увлечь его в бездну. Поэтому великая цель, какую должны себе ставить его защитники, состоит в том, чтобы постоянно держать его в возбуждении, будоражить все головы*, пока правительство не будет основано на законах действительно справедливых. Поэтому свобода печати является великой пружиной, единственным оплотом свободы гражданской и политической. Просветительной деятельности философии мы обязаны революцией, просветительной деятельности патриотических писателей мы будем обязаны ее торжеством. Пока будет существовать свобода печати, мы можем быть уверены в победе. Желать отнять ее у нас было бы самым преступным из покушений. Если поэтому Национальное собрание забудется до того, что попытается посягнуть на нее, то надо будет, не колеблясь, восстать против него и покарать его за измену. Но как посмеет оно ограничить свободу печати, когда оно ежедневно терпит, как его зараженные члены проповедают в его собственной среде контрреволюцию, восстание против декларации прав и восстановление рабства?

То, что народ разорвал свои цепи, еще не делает его свободным; деспотизм, правда, поражен, но деспот еще существует, и притом очень редко, чтобы не сказать никогда, в таких случаях бывает так, чтобы он не оставался во главе государства и чтобы его приспешники не сохранили больше преимуществ. Поэтому новое правительство образуется почти исключительно из членов старого. И если даже правительство совершенно преобразуется и народ имеет избранных представителей, государь, мечтающий только о возвращении абсолютной власти, старается скоро подкупить их и слишком часто успевает в этом.

* Вот, сказать мимоходом, небольшое предостережение честным, но мало сведущим в политике писателям, чтобы они могли замечать ловушки, расставляемые кабинетом. Большинство их неловко старается поддерживать все его намерения, возвещая то восстание, то восстановление спокойствия. Величайшим несчастьем, какое может нас постигнуть,— было бы то, что министры называют возвращением спокойствия во флоте и в армии: Франция давно уже была бы спокойна, если бы настроение умов всех солдат и матросов было бы таково, что офицерам приходилось бы опасаться быть перебитыми, как только они вздумают подготовить восстановление деспота или заставить исполнять произвольные приказы. Факт тот, что все движения, бывшие в армии и во флоте, являлись делом кабинета. Было бы настоящим бедствием, если бы они успокоились, не добившись полного правосудия по отношению к своим командирам. Сверх того, неверно, что королевские полки Метр-де-Кам и плачевные остатки Шатовье успокоились и покаялись: в этом можно убедиться по гнусным уловкам офицеров первой из этих частей вырвать подписи у робких солдат.

Народ плохо схватывает явления. Он редко видит их такими, каковы они в действительности; еще реже он охватывает их в их совокупности и почти никогда он не рассчитывает последствия событий. Это результат недостаточности его просвещения. Стоит ему получить какое-либо преимущество, одержать какую-нибудь победу, он начинает переоценивать свои силы, не видит уже препятствий, воспевает свое торжество, убаюкивает себя обманчивыми надеждами. И это не может быть иначе, ибо самонадеянность является детищем самолюбия и невежества. Для того чтобы народ не попал снова в ярмо, он должен быть всегда на страже против своих вождей и всегда уметь судить о них по их делам. Но свобода полностью обеспечена только тогда, когда сформировалось общественное сознание, т. е. когда народ знает свои права и свои обязанности, когда он имеет представление о людях, о страстях, какие двигают ими, когда он имеет надлежащее представление об агентах власти, когда он проникает в их замыслы и замечает ловушки, какие они ему расставляют. К этому должны общественные писатели стараться привести нацию.

Что дала народу революция³⁴

(«Друг народа» № СССХІІ, 11 декабря 1790 г.)

После возвращения бельгийцев под власть австрийцев комитет в Сен-Клу баюкает себя самыми приятными надеждами. Людовик XVI даже скинул маску и не побоялся повторить скандальные сцены 23 июня и 4 октября 1789 г., точно он ожидает такого же исхода.

Надо думать, что этот добряк, которого придворные сельчаки прозвали *Толстым Клодом*, действительно достаточно глуп, чтобы дать в обман и из подчинения бельгийцев делать вывод о подчинении французов. Восстания этих двух народов не имеют ничего общего. Восстание бельгийцев, вызванное фанатизмом, было лишь частично: это было, собственно говоря, простое возмущение приспешников поповщины, клики, ненавистной массе невооруженной нации, ставшей страшной для нее. Поэтому армии Леопольда было достаточно явиться, чтобы рассеять этих смутьянов и видеть, как народ устремляется под ярмо. Восстание французов, плод эксцессов деспотизма, носит всеобщий характер, и отвращение народа к прежним злоупотреблениям таково, что он скорее даст себя изрубить на куски, но не согласится снова носить оковы.

Нация держит в руках оружие, и нет под солнцем никакой силы, которая могла бы вновь надеть на нее ярмо. Но если

ей нечего опасаться со стороны силы, то ей всего следует опасаться от хитрости своих врагов, или, вернее, от своего собственного невежества. Уже пятнадцать месяцев я не перестаю возвышать свой голос против нелепых положений, проповедуемых общественными усыпителями, против положений, усердно проповедуемых подкупленными плутами и глупо повторяемых патриотическими писателями. Какое несчастье, что большинство этих писателей, имеющих столь чистые намерения, слишком близоруки и недостаточно проникательны.

Наши усыпители не перестают проповедывать нам мир, единение, согласие, уважение к Национальному собранию и подчинение законам. Эти истины сами по себе очень хороши, но они нелепо прилагают их, и ошибка тех, кто искренно проповедует их, состоит в том, что они не обращают никакого внимания на обстоятельства.

Как может существовать единение между друзьями справедливости и свободы и смертельными врагами революции? Когда хотят восстановить равенство между членами одного и того же общества, как вы прикажете столкнуться с людьми, которые считают себя совсем особой породы, которые имеют безумие утверждать, что обладают более чистой кровью, имеют бесстыдство претендовать на наследственные преимущества, на личные привилегии и проявляют смелость требовать в свою пользу все должности, все милости, все почести правительства? Как прикажете достичь этого гражданам, которые хотят обеспечить свои права жить в мире с людьми, вечно ведущими с ними глухую и жестокую войну? Как прикажете рассудительным гражданам уважать сенат, состоящий из скандальных священников, презренных царедворцев, приказных взяточников, невежественных юристов, мошенников, финансистов, военных рабов, причем почти все они являются придворными лакеями и продались деспоту, чтобы поработить нацию? Как прикажете уважать законы, смешные, несправедливые, притеснительные, тиранические законы, придуманные для того, чтобы уничтожить правосудие и свободу, чтобы снова надеть оковы на нацию, выдать ее, беззащитную, тирану и отдать государственные средства придворным путанникам, приспешникам крючкотворства, агентам старого режима?

Пусть кто хочет восторгается конституцией, которую глупцы и враги отечества возносят до небес и перед которой эти недостойные мастера заставляют нас стоять на коленях, — она не удалась, совершенно не удалась. Конституция справедливая, свободная и мудрая может основываться только на ра-

венстве прав всех граждан и не должна допускать никаких других оснований для занятия должностей в государстве, кроме талантов и добродетелей, других привилегий служить отечеству, кроме гражданского рвения. Эти священные основы, установленные в момент кризиса, когда было опасно и позорно считать народ за ничто, были предательски опрокинуты последующими декретами в интересах коварного спокойствия, поддерживаемого вооруженной рукой, чтобы поработить нацию. Таким образом, французская конституция в настоящем ее виде образует абсолютное монархическое правительство под прикрытием народного законодательства: позорный памятник невежества, хитрости, вероломства, анархии и тирании; правительство в сто раз худшее, чем то, какое оно сменило, если бы у нас не было надежды исправить его пороки.

Вот его верная характеристика.

До революции монарх превратился в деспота, но этот деспот часто натывался на пределы своей власти; то было дворянство, которое возмущалось при всем своем вырождении против всего, что оно называло бесчестием; то было упрямое духовенство, которое противопоставляло волю неба абсолютной власти; то были парламенты, которые ссылались на благо народа, когда старались поставить границы тираническим приказам. Ныне не все эти преграды снесены.

До революции король осуществлял законодательную власть, которую он узурпировал; его воля служила законом для его подданных; но эта простая формальность, которой всегда было трудно добиться и которая часто сопровождалась бурями, налагала своего рода узду на капризы монарха и иногда заставляла его отступать.

Ныне Национальное собрание осуществляет законодательную власть во имя народа, своего законного суверена; но под маской этого Собрания, почти целиком состоящего из низких лакеев двора или мошенников, продавшихся министрам, монарх осуществляет бесконтрольную законодательную власть благодаря суеверному уважению, какое народ питает к своим представителям.

До революции судебная власть осуществлялась судами, которые часто угнетали слабого, чтобы покровительствовать сильному, но которые довольно редко протитуировались для угождения монарху, и притом тем реже, чем выше они стояли; своего рода корпоративное чувство часто гарантировало их от угодничества.

Ныне бесконечное множество мелких судов, состоящих из

королевских ставленников, невежественных юристов, незначительных приказных, привыкших prostituirоваться в угоду желаниям двора, как простые королевские комиссары, будут одни заполнять храм правосудия, так что монарх станет абсолютным господином всех приговоров.

Перед революцией королевские агенты делили с особыми палатами управление государственными доходами, национальными имуществами, и этот порядок создавал почву для самых ужасных злоупотреблений. Ныне почти все административные органы заполнены низшими агентами старого режима, сеньюральными судьями, стряпчими, секретарями, интендантами; вместо господ теперь там сидят лакеи. Что выиграет народ от такой перемены? Только отягчение своего положения, ибо муниципальные шарфы, которые должны были бы быть символами дивизма и свободы, становятся в руках этих лакеев орудием жадности, ненависти, мщения, самого смешного и самого отвратительного деспотизма.

До революции армия, жандармерия и немногочисленная буржуазная милиция составляли массу вооруженных сил, находившихся в распоряжении монарха, но нация в целом представляла противовес, всегда полезный и иногда действенный. Ныне сверх этих сил король может располагать 3 600 000 национальных гвардейцев, из которых законодатель имел даже в виду сделать наемников, предназначенных для подчинения его воле всей нации,— это предполагалось сделать посредством декрета, купленного у ее представителей. И в самом деле, эта национальная гвардия, которая должна была служить только для подавления превышений и злоупотреблений власти, предназначена для того, чтобы вынуждать исполнение хороших и дурных декретов. Таким-то образом французское правительство превратилось в правительство военное, в правительство прусское или восточных стран.

До революции все споры о юрисдикции и отказы в иске решались и делались судами соответствующих инстанций. Ныне все следствия поручены королевским комиссарам, так что агенты государя становятся высшими судьями всех споров, высшими судьями участи сторон,— форма правительства столь неудачная, что в конечном счете отдает всю власть в руки монарха, чтобы сделать из него абсолютного деспота, опасного тирана *.

* Надо ли выяснять причины сопротивления законам и волнений в какой-нибудь части королевства,— Собрание умоляет короля послать туда комиссаров. Надо ли уладить раздоры между командирами и солдатами, между военными и муниципалитетами,— Собрание умоляет

форма правительства столь ненавистная, что от нее отказались даже при старом режиме. Но такова наглость, с какою двор подчеркивает проституцию своих продажных агентов, что он старается в награду осыпать их своими милостями*, точно ему доставляет удовольствие дать почувствовать народу, что он по своему усмотрению распоряжается его судьбой.

Благодаря Национальному собранию король сделался на основании конституции высшим судьей, абсолютным владыкой нации, доверенным которой государь является; чтобы подчинить ее своей воле, он может всегда употреблять силу, совсем не компрометируя себя и не отвечая за последствия. Да что я! Заставляя применять декрет, он может угнетать нацию именем самой нации.

Вечный софизм всех писателей, безразлично — друзей или врагов конституции, состоит в том, что они смотрят на нее с абсолютной точки зрения, считают ее совершенной, видят в ней шедевр человеческого ума и требуют для нее безграничного почтения, безусловного подчинения. Безумные не хотят задуматься над тем, что мы находимся в состоянии опасной анархии, что благодаря непостижимой неловкости, или вернее, беспримерной продажности вероломные представители народа вручили все пружины политической машины монарху, столь заинтересованному останавливать, нарушать ее правильный ход; что бездействие, беспорядки должны быть неизбежными результатами этого преступного распределения властей и что естественным последствием этого должны явиться нищета, разорение, несправедливость, угнетение, тирания и полное разложение.

Для предотвращения этих ужасных несчастий есть только одно средство, а именно — выяснить тщательно все пороки конституции, старательно разъяснить их, свободно вскрыть их и разоблачить перед нацией, испугать ее ужасными последствиями их, постоянно тревожить ее грозящей ей опасностью оказаться увлеченной в пропасть, вырытую у ее ног, поднять против недостойных избранников, пока она не перечеркнет сделанного ими, пока она не заменит их пагубные декреты

государя назначить комиссаров. Нужно ли установить истинность определенных фактов управления, — Собрание умоляет короля назначить комиссаров.

* Вспомните случай с Дюверрье и Кайе: с каким бесстыдством монарх вознаграждал наглую ложь, которую они опубликовали, чтобы обелить министров и смыть с них пятно ответственности за пансийские убийства.

справедливыми и мудрыми законами, которые будут освящены только тогда, когда она свободно утвердит их; только тогда законы смогут внушать уважение к себе, и Друг Народа первый станет проповедывать подчинение им и послушание.

*Контрреволюционный заговор созрел*³⁵
(«Друг народа» № СССХIV, 18 декабря 1790 г.)

Слепые и малодушные граждане, вы накануне своей гибели. Ужасные несчастья, которые свалятся на вас, явятся неизбежными последствиями коварства ваших неумолимых врагов, неустрашимыми последствиями вашей глупой беспечности, вашей пагубной доверчивости; вы преданы всеми вашими избранныками; вы окружены одними лишь интриганам, заговорщиками. С самого открытия Штатов сторонники министерства, даредворды, пошпы, приказные, подкупленные юристы и угодничающие военные национального сената злоумышляют против вас, убаюкивают вас призраком свободы, отказывают в исполнении ваших требований об учреждении верховного суда, составленного из патриотов, который очистил бы королевство от изменников нации. Они уже сковали народ законом о военном положении и солдат отечества — декретом, который вменяет им в обязанность, применяя насилие, вынуждать исполнение тиранических законов, в ожидании того, что они снова и окончательно отдадут в руки короля все пружины управления. Теперь они решительными шагами идут к увенчанию своего преступного дела. Уже они захватили имущество церкви, или, вернее, имущество бедных, чтобы наполнить сундуки государя; уже они вырвали у граждан контрибуцию в четвертую часть их доходов, чтобы лишить их всякого средства защиты. Уже они освободили от всех налогов капиталы рантье, чтобы обеспечить себе их поддержку. Уже они установили пенсию при отставке для солдат и унтер-офицеров, чтобы обеспечить себе поддержку армии. И в то же время контрреволюционный парижский генерал заполнил бывшими дворянами, приказными, придворными, мошенниками, банкротами, негодьями, шпионами все штабы и все места высших офицеров; в то же время он употребил все силы для того, чтобы заполнить легионы отечества приспешниками старого режима с целью поработить при помощи тщеславия солдат-граждан. Но что я говорю! Уже прелаты и обладатели бенефиций открыто возмутились против конституции, и король встал во главе их, отказавшись утвердить декрет о гражданском устройстве духовенства. Уже все германские государи, поднявшиеся против свободы фран-

цузов, вступили в заговор. Уже брат Австриячки собирает многочисленные армии у наших границ; короли испанский, неаполитанский, савойский уже подражают этому примеру. Уже беглецы и недовольные реформой злоупотреблений, продажные приспешники, под началом двух Капетов, укрывшихся в Турине, выступили в поход против одной из наших пограничных крепостей и ждут только подходящего момента, чтобы начать кампанию.

Это еще не все. Снова задумано бегство королевского семейства. И опять монарх должен отправиться в Мец под защиту контрреволюционного Буйэ, чтобы встать во главе врагов свободы и попытаться совершить контрреволюцию. Все главные сборщики налогов должны отправиться туда, чтобы переложить содержимое своих касс в сундуки короля,—многие из них уже в пути. Неустанно работают над приведением в оборонеспособное состояние всех крепостей Лотарингии, Фландрии и Эльзаса, но не против австрийцев, а против солдат отечества, так что деспот и его приспешники будут иметь тысячу фортов, чтобы укрепиться в них против нации и готовить ее гибель*.

Тревога стала всеобщей; с одного конца королевства до другого все добрые патриоты видят, что их погибель решена. Граждане, что сделаете вы для своей защиты? Тысячи различных проектов обсуждались один за другим; но вы напрасно присоединили бы миллион национальных гвардейцев к регулярной армии, если бы имели для содержания этих многочисленных легионов те деньги, которые у вас похитили: будьте уверены, эта громадная армия была бы предана и подведена под огонь неприятеля ее собственными командирами, невзирая на их вечные клятвы. Какое доверие можете вы питать к низким царедворцам, к презренным приспешникам деспотизма, воспитанным для вероломства, делающим профессию из измены? Они продадут вас, принося вам клятву верности на алтаре отечества. Вспомните их гражданскую присягу, столько раз возобновлявшуюся и нарушенную.

Но зачем собирать многочисленные армии на границах, зачем взимать налоги для их содержания, когда вы можете в одно мгновение задушить все заговоры против отечества и помешать тому, чтобы они когда-либо возродились? Нет, не на границах, а в самой столице надо нанести удары. Пере-

* Из Лилля сообщают, что идут работы по приведению в оборонеспособное состояние всех крепостей Эльзаса, Фландрии и Лотарингии, что рвы наполняются водой, а пушки устанавливаются на лафеты.

станьте терять время на придумывание средств защиты — у вас остается одно только средство, то самое, которое я столько раз вам рекомендовал: *всеобщее восстание и народные расправы*.

Начните же с того, что обеспечьте за собою короля, наследника и королевское семейство; поставьте их под сильную охрану, и пусть головы караула отвечают за все события. Срубите затем без колебания голову генерала, головы контрреволюционных министров и бывших министров, мэра и членов муниципалитета; расправьтесь со всеми парижскими штабами, со всеми черными сутанами и министерскими приверженцами в Национальном собрании, со всеми известными приспешниками деспотизма. Повторяю, у вас остается одно только это средство спасти отечество. Шесть месяцев тому назад пятьсот-шестьсот голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от разверзшейся пропасти. Теперь, когда вы глупо предоставили своим непримиримым врагам составлять заговоры и проводить их в исполнение, понадобится, может быть, срубить их от пяти до шести тысяч. Но если даже пришлось бы срубить двадцать тысяч голов, нельзя колебаться ни одну минуту. Если вы не предупредите их, они варварски уничтожат вас, чтобы обеспечить свое господство. Вспомните об убийствах в Нанси. Предоставьте же вероломным усыпителям кричать о варварстве. Нет, нет, не варвары советуют вам умертвить непримиримых врагов, собирающихся перебить вас, чтобы удовлетворять свои преступные страсти; это предатели зовут нас к примирению; они хотели бы погрузить вас и пагубную беспечность, чтобы выдать вас безоружными приспешникам ваших тиранов.

*Призыв к разгону Национального собрания*³⁶

(«Друг Народа» № СССХХІІІ, 28 декабря 1790 г.)

Храбрым патриотам надлежит собраться, чтобы завладеть экспедицией на улице Варенн, и сделать этот захват у Национального собрания, почти целиком состоящего из изменников. Желая предоставить заговорщикам возможность довершить гибель отечества, оно, несомненно, прикажет контрреволюционерам Байи и Мотье, чтобы они помешали захвату преступной корреспонденции, но оно бессильно в этом отношении. Благо народа — высший закон.

Встревоженный глупостью народа, который позволил врагам революции объединиться в то время, когда было так легко уничтожить их, я предложил добрым патриотам в первые

дни настоящего года соединиться в федерацию*. Военный набег на мою типографию, который позволил себе гнусный Мотье и мерзкий суд Шатлэ, заставил меня отложить выполнение этого проекта. Я вновь взялся за него в мае, через несколько дней после своего возвращения из Лондона, и предложил друзьям свободы образовать между собою замкнутую федерацию, будучи убежден, что от нее не будет никакой пользы, если допустить в нее хотя бы только одного врага революции, одного только сомнительного человека. Ведь я хотел сделать из этой федерации не болтающее общество, а организацию, принимающую решения, организацию действующую, всегда готовую встать на защиту своих членов, хотя бы для этого надо было выступить на помощь им с оружием в руках. Трудность состояла в ознакомлении друг с другом в таком городе, как Париж. Я придумал для этого совсем простое средство, не желая оставить нашим врагам возможность помешать нам. Я сообщил это средство некоторым настоящим патриотам, чтобы они применили его на практике.

Это средство состояло в том, чтобы побудить нескольких из наших надежных представителей стать основателями федерации. Для приема членов они должны были поручить в каждом дистрикте двум испытанным патриотам представлять кандидатов, причем патриоты эти будут служить поручителями за них. Связав себя особой клятвой,—объявив себя бесчестными, если когда-либо изменят организации или покинут ее,—члены должны будут сделать сбор, чтобы создать фонд, предназначенный для установления способа, быстрого и надежного, сноситься с подобными же обществами, образованными в каждом департаменте. Эти общества вооружатся, они будут разгонять все тайные и антипатриотические собрания, будут расправляться со всеми известными контрреволюционерами, будут протестовать против злоупотреблений административных органов, судов, военачальников, против ошибок и вероломства самих законодателей; одним словом, они должны будут работать над утверждением и укреплением свободы—источника общественного счастья, тогда как существующие у нас общества, как, например, друзья конституции, представляют лишь собрание первых встречных, которые собираются от нечего делать и проводят время в болтовне. Я не делаю исключения даже для общества якобинцев, где насчитывают множество врагов отечества, черных и развращенных министерских приспешников

* См. мою газету от 17 и 20 января 1790 г.

Национального собрания, офицеров парижского генерального штаба, адъютантов, головорезов и шпионов генерала. Да что,—самого контрреволюционного генерала и Рикетти, главную пружину всех заговоров австрийского кабинета. И что же сделал до сих пор для свободы этот столь прославленный клуб? Сто тысяч резолюций, бездельных и бесплодных, принял он.

О болтливая нация! Пусть небу будет угодно, чтобы ты стала менее легкомысленной и чтобы вместо глупого демонстрирования своих претензий на ум ты подумала о действии... Тогда ты не была бы в настоящее время рабой твоих вероломных доверенных, тебе не прозила бы опасность сделаться добычей твоих прежних тиранов.

Только действуя без отдыха против врагов общества, можно уничтожить их; три швейцарских крестьянина освободили свое отечество от ига тирании, но они не проводили своего времени в болтовне.

Марат

Раскрашенная акватинга Диккеа с рисунка Гариззи

БОРЬБА С БУРЖУАЗНОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИЕЙ

1791 ГОД

Современные шарлатаны ³⁷

Заметка издателя

Эти письма не были предназначены к опубликованию и, без сомнения, оставались бы и сейчас собственностью друзей, если бы смерть не унесла их авторов.

В них содержатся пикантные факты, из которых злоба сделает, быть может, дурное употребление; я бы считал себя обязанным издать их, если бы они не были тесно связаны со многими другими, знать которые важно для публики.

Хотя эти письма писаны уже несколько лет тому назад, они от этого не менее новы. Интерес к судьбе литературных обществ, которыми собирается заняться Национальное собрание, усиливает и интерес к этим письмам.

Пусть меня не спрашивают, кто писал; это секрет, который я всегда буду хранить,—это мне повелевает честь. В век, который называют веком философии, и в среде нации, которая считает себя свободной, можно ли считать преступным разоблачение академического шарлатанства и отдаление эпохи варварства, которую влиятельные адепты стремятся вернуть?

Письмо первое

Со всех сторон повторяют, что наш век — век философии; но, дорогой Камилл, какой контраст между нашими смешными претензиями и нашим глупым легковерием! Никогда так не хвалили наше просвещение, и никогда не было столько фан-

тастов, столько одураченных людей. Разве население всех рангов не бежит в течение нескольких лет взапуски за бестыдными жонглерами, не вменяет себе в честь пристегнуть себя к их колеснице?

Вопреки философам наших дней, в сфере человеческого разума нет прогресса; опыт отцов пропал для их детей, и каждый индивидуум, отираясь от одного и того же пункта невежества, просвещается только за свой счет.

В низших классах общества знание сводится к нескольким механическим приемам и средствам избавить себя от нищеты.

В средних классах знание заключается в какой-нибудь профессии, в каком-нибудь ремесле, в какой-нибудь науке и средствах ловко пользоваться выгодами.

В высших классах предмет знаний — искусство нравиться, преуспевать, наслаждаться, не говоря уже об искусстве изворачиваться. Таким образом, во всех этих классах воспитание имеет почти единственной тенденцией развитие органов, развитие памяти, удушение естественного или направление характера в сторону скрытности, лукавства, интриг.

Остаются, следовательно, те, в которых просвещение кажется концентрированным и которые выступают в качестве учителей человечества, но на одного мудрого сколько пустых и поверхностных людей!

Как будет обстоять дело у нации легкомысленной, у которой претензии заменяют достоинства и ум заменяет рас­судок? Едва некоторые предрассудки разрушаются временем, как они заменяются другими. Что мы при этом выиграли? Мы не верим больше в бога, но мы верим в чорта. Мы смеемся над мучениками и чтим магов. Мы издеваемся над таинствами и боимся авторитетов. Мы притворяемся свободомыслящими, а являемся фанатиками.

Странно ли после этого, что публика вечно бывает одурачена обманщиками? Не следует вовсе сомневаться; она так глупа, что для того чтобы вовлечь ее в сети, достаточно менять их название. Как бы в интересах успешности к этим порокам воспитания присоединяются иногда случайные причины. Если тщательно исследовать причину легковерия, которое позорит нынешнее поколение, быть может мы найдем ее в подчеркнутом предпочтении, которое отдается наукам перед литературой. Эта последняя, стремясь учить и нравиться, старается обращаться к сердцу и уму; науки же, желая только поучать, внушают расположение к чудесному. Изучение природы, столь простое по его средствам, столь плодотворное по

его результатам, открывает множество изумительных явлений, которые не легко разъяснить; за отсутствием возможности находить естественные причины, придумываются причины сверхъестественные; если люди не могут повсюду уберечься от этого подводного камня, что могут сделать посредственные писатели и эта толпа невежественных литераторов, которые безостановочно марают бумагу по вопросам физики, естественной истории, химии? Верь мне, Камилл, ученые так часто извращают суждение дилетантов, приучая их к сверхъестественному и к бессмысленному жаргону, что неизвестно, кто кого глупее, и как неизбежное следствие этого злополучного умонаправления, чем произведение менее вразумительно, тем оно больше нравится.

Возразят, быть может, что Месмер и Калиостро нашли нескольких сторонников во Французской академии и не нашли ни одного в Академии наук. Но возражающие не принимают во внимание, что Академия наук насчитывает в числе своих членов наиболее признанных медиков столицы, а ты понимаешь, к чему приводит профессиональная зависть; не принимают также во внимание, что Академия наук состоит из адептов всякого рода, а ты знаешь, к чему приводит боязнь быть превзойденным. Не принимают, кроме того, во внимание, что члены Французской академии, которые идут за нашими жонглерами, сами являются великими магами; самый ревностный ученик Месмера — чародей двора, а самая печальная жертва Калиостро — прелат, который занимался алхимией. Наконец, не принимают во внимание, что все энтузиасты, которые брались за перо, старались протащить фокусы месмеризма при помощи чудес природы; от эманации света из лучеиспускающих светил они пришли к выводу о влиянии планет на подлунные тела; и от невидимого действия магнита они пришли к выводу о реальности животного магнетизма.

Таким образом, изучение наук, которое так редко приводит к истинному просвещению, почти всегда ведет за собою легковерие и суеверие — очевидное доказательство, что оно не подходит для толпы.

Но ты хочешь разговаривать не о Месмере и Калиостро; их дарство кончено, они почти забыты; ты хочешь поговорить о другой разновидности шарлатанов, о тех, которые всегда среди нас, всегда бегают по кружкам, одурманенные фимиамом славы, раскормленные правительством и пожирающие в праздности и наслаждениях жизнь несчастного ремесленника, бедного пахаря.

Письмо второе.

Ты не из числа тех фривольных декламаторов, которые постоянно протестуют против склонности прошедших веков к спекулятивным наукам. Но, дорогой Камилл, если ты дашь себе труд разобрать это множество ошибочных и нелепых мнений, которые приводят к искажению самых точных наук, эти бредни, которые по очереди печатались по вопросам естественной истории, химии, физики, это огромное количество противоречащих друг другу систем,—ты будешь удивлен доверием этих господ к просвещению века и бесконечными поздравлениями, которые они друг другу приносят по поводу прогресса разума, царства истины. Быть может, ты даже подумаешь, что в мистических романах Скота и Мальбранша меньше заблуждений, меньше глупостей, чем в научных романах Уильки, Шелли *, Крафорда **, Кервана, Вольта, Лавуазье и пр.

Мания строить системы равно овладела всеми учеными, но она не одинаково реализуется у химиков и физиков. В то время как последние стремятся свести к одному фактору все феномены природы, первые умножают число этих факторов до бесконечности; они принимают за простые тела результаты разложения составного, и так как эти результаты различны в зависимости от веществ, которые их дают, они представляют их различными элементами. До какого огромного числа они довели кислоты, и какого огромного числа достигли у них воздухообразные газы!

Если ты просмотришь опубликованные в последние пятнадцать лет книги по вопросу об этих газах, ты тщетно будешь в них искать опытов; но ты найдешь десять тысяч мелких фактов, которые в них наворочены на все лады и из которых почти всегда делаются противоречивые выводы.

Кроме того, во всех этих писаниях нет ни одного ясного принципа, ни одного достоверного закона, ни одного точного вывода, ни одного хорошо отмеченного феномена. Потому-то их высокие открытия сводятся к смешению всех веществ и к затемнению самых выясненных вещей.

Число литераторов-бумагомарателей не менее огромно, но их мания почти не имеет значения для большинства читателей, здравый смысл которых и некоторый природный вкус гарантируют их от соблазна; тогда как в сфере научной всякий читатель, не обладающий серьезным образованием, неизбежно

* Карл-Вильгельм Шелли (1742—1786) — шведский химик.

** Крафорд — английский медик и химик.

бывает одурачен. Впрочем, я не знаю, можно ли обольщаться насчет существования прочно установленных знаний; с одной стороны, новые феномены, с другой, самолюбие авторов беспрестанно создают «новинки». В области наук происходит то же, что в области моды: они переживают постоянные революции. Мы в настоящее время заняты обновлением оккультных идей схоластиков; после многих веков изысканий мы оказались у того же пункта, из которого исходили.

Письмо третье

Прекрасное зрелище представляло бы общество мудрых, соединенных узами уважения и дружбы, согласно разрабатывающих науки, ищущих новые истины, пропагандирующих новые изобретения, сохраняющих запас определенных знаний, посвящающих отечеству плоды своих трудов, мудрых, одушевленных одним рвением, счастливых добром, которое могли бы сделать.

Такую трогательную картину присваивают ученым обществам; я повсюду ищу образец и нигде его не нахожу. Я не знаю, не предпочтительнее ли во сто раз для нашего покоя иллюзия ума, столь ограниченного, что невежество делает для него все вероятным; не предпочтительнее ли это, чем здоровый и сильный ум, столь просвещенный, что ничто его не может ввести в заблуждение. Но разве кто-нибудь является хозяином своей манеры видеть вещи? Что мне сказать тебе? Картина блага, которого не существует, заставляет меня вдвойне чувствовать существующее зло и отсутствие выгод, которых мы лишены.

Тебя удивляет этот легион ученых, истинных или ложных, на которых правительство очень много тратит, и незначительность успеха, который делают науки. Ты не приемлешь, что одна парижская академия, которая никогда ничего не сделала для славы нации, стоит ежегодно в десять раз больше, чем все великие люди, украшавшие царствование Людовика XIV. Ты протестуешь, что один праздный академик совмещает несколько пенсий, из которых каждая могла бы поддержать одного трудолюбивого литератора. Тебя возмущает, что для того чтобы доставить изобилие этим людям, для них создаются должности без обязанностей* и что с этим связаны крупные гонорары. Наконец, ты говоришь, что вырывается хлеб из рук несчастных,

* Такова, например, должность историографа Франции, надсмотрщика художественных ателье и т. д.

чтобы давать его шарлатанам, как какой-нибудь Шарль, Пилатр, Бланшар, или низким интриганам, как Морле, Фожас, Моро*, и ты совершенно прав.

Для чего, спросишь ты, наконец, это множество академий, которыми кишит государство, и что они до сих пор сделали, чтобы оправдать их учреждение? Не смешивай, пожалуйста, провинциальных академий со столичными. Первые представляют ассоциации, созданные тщеславием незначительных людей, которые стремились играть роль, и скукой дилетантов, которые не знали, как убить свое время. Последние же представляют детища чванства королевских министров. Серьезные политики рассматривали их как необходимые наросты великой державы, хотя бы они являлись лишь предметом роскоши для монарха. Я бы легче согласился с этим мнением, если бы эти наросты на голове не приводили к истощению всего тела.

Но неправильности, на которые ты жалуешься,— не единственные. Среди всех обществ, основанных для совершенствования человеческих познаний, нет ни одного, которое шло бы к своей цели, ни одного, которое не шло бы противоположным путем. Конечно, усилия ученых, работающих для блага общества, не должны оставаться вознагражденными; чтобы оценить их заслуги, нужны знания, которых у министра нет и вовсе не должно быть. Для того чтобы распределять с разбором милости государя, следует руководиться единственным правилом: присваивать их только тем, чьи труды принесли реальную пользу нации, если бы даже эти милости представляли только почетные отличия или свелись бы к денежным знакам, которые не разоряют государства и которые имеют

* Жак-Александр-Цезарь Шарль (1746—1823) — физик; в декабре 1783 г. он был удостоен пенсии в двести ливров (об отношениях между Шарлем и Маратом см. «Переписка Марата» (изд. Делле, стр. 14—16).

Речь идет об аэронавте Пилатр де Розье (1756—1785), который получил пенсию в две тысячи ливров после полета, совершенного в Версале 24 июня 1784 г.

Франсуа Бланшар (1738—1809) — аэронавт. После перелета через Ламанш в 1785 г. он получил в дар двенадцать тысяч ливров и ренту в тысячу двести ливров.

Андрей Морле (1727—1819) — литератор и экономист. После своего обращения к лорду Шельбруну, своему другу, с целью обеспечить мир между Англией и Францией, он получил королевскую пенсию в четыре тысячи ливров.

Варфоломей Фожас де Сен-Фол (1741—1819) — геолог, адъютант при Музее, а затем комиссар короля в рудниках.

Франсуа-Тома Моро де ла Роше (1720—1791) — агроном, генеральный инспектор королевских питомников. *Примечания* • *Веллэ*.

Кондорсе
Гравюра Леваше с рисунка Дюплесси-Берто

Бриссо
Гравюра Леваше с рисунка Дюплесси-Берто

такую большую цену в глазах прекраснодушных людей, когда их не слишком щедро раздают. Будь уверен, 'простая белая лента с огненным пятном и словом «гению», которая раз в три года украшала бы ученого, имеющего на это наибольшее право, произвела бы во Франции больше чудес, чем все золото мира.

Но, в конце концов, если необходимо, чтобы ученый имел на что жить и над чем работать, пусть его пенсия сведется к прожиточному минимуму, и пусть одновременно выданная небольшая сумма даст ему возможность запастись необходимыми инструментами. Давать ему больше — значит не достигать цели, значит удушить таланты, вместо того чтобы поощрять их.

Ты протестуешь против окладов литераторов; что бы ты сказал об огромных дарах интриганам всякого рода, кровопийцам двора? Ради блага нации следовало бы желать, чтобы государи разделяли твои чувства. Они дрожали бы при мысли о пагубных следствиях этих скандальных щедрот*, которые возможны только за счет множества несчастных, на кого ложатся все повинности государства. Десять тысяч ливров, да, десять тысяч, предоставленные одному индивиду, ввергают в отчаяние двадцать отцов семейств, которые вынуждены покинуть соху и ждать прохожих у опушки леса, чтобы иметь кусок хлеба для своих детей.

Впрочем, много заботится о том, чтобы ввести в заблуждение публику относительно окладов наших академиков; все милости присваиваются не талантам, как это хотели бы внушить публике; они самое большее — лишь предлог, которым пользуются, чтобы об них пещись. Правительство очень мало заботится о науках и еще меньше о способах поощрять их. Сколько образованных фатов кичатся занимаемыми ими местами, названия которых монарх никогда не слышал.

Ах, кто не знает, что милости, которыми осыпают этих интриганов, почти всегда имеют источником мелкие страстишки какого-нибудь бесстыдного министра, всегда готового удовлетворить их за счет казны! Порою сдерживают перо этих новых Аретинов, порой заставляют болтаться их язык; я знаю это; но скольким обязано их благополучие маленьким маневрам их целомудренных половинок**! Если ты хочешь примеров, тебе приведу больше, чем четыре.

* Надо надеяться, что эти объекты государственных расходов сделаются объектом реформы.

** В числе стипендий Сюара есть одна — в восемь тысяч ливров, предназначенная цензору «Journal de Paris». Не правда ли, хорошо

Наконец, то, что публика своими глухими предрассудками помогает правительству гасить в сердцах академиков даже их желание отличиться. И в самом деле, какой мотив мог бы побудить их посвящать свои ночи труду? Слава? Она не для мелких душ. Желание почета? Но какое значение имеет для них пользоваться почетом в качестве ученых, раз они уже им пользуются в качестве академиков и раз они получают благодаря уловкам почести, которые должны были служить наградой только талантов и гениев?

Письмо четвертое

Ты знаешь очень хорошо, говоришь ты, что нет ни одной академии, которая шла бы к цели, для которой создана, но ты не видишь, что они все идут противоположным путем. Я со своей стороны не понимаю, что тебе мешает это заметить.

Ты согласишься, дорогой Камилл, что давать академикам больше, чем необходимо, значит внушать им желание наслаждаться, вкус к расточительству, значит делать из них бездельников, паразитов, театральных завсегдатаев*. Было бы еще хорошо, если бы большинство этих господ довольствовалось

заработаны эти восемь тысяч? История гласит, что Лаплас, ослепленный успехами Сюара и Мармонтеля, ломал себе голову над причинами, когда, наконец, ему заметили, что у того и другого очень красивые жены; советом он поспешил воспользоваться. Если совет не помог ему, то не из-за недостатка желания хорошо его выполнить: просто время прошло.

* Они встают очень поздно их; утро уходит на то, чтобы позавтракать, почитать «Journal de Paris», принимать и отдавать визиты. Они обедают вне дома; по окончании обеда они идут на спектакль, а затем на какой-нибудь ужин; если они могут располагать несколькими свободными моментами, они загружают свою память новостями, чтобы использовать их для болтовни. Вот почти все с начала года до конца, что заполняет их ежедневную жизнь. Я знаю троих из них, которые не пропускают спектаклей; их можно встретить у Франдузов, у Итальянцев, в опере, их можно видеть в Варьете, в Божолье, у Одино, у Николе, в Элев. Я знаю другого, с вкрадчивым голосом, неизменные старания которого сводятся к тому, чтобы ублажать финансовых контролеров. Ему хорошо, у него есть карета, красивая любовница и домик — за счет общества. Благодаря министерским щедротам его заботы — щегольство, украшение дома и разведение цветов. Почему бы этим господам не развлекаться подобно другим? — скажет, без сомнения, кто-нибудь. Я согласен, лишь бы это не было за наш счет. Кроме того, жизнь литератора не согласуется со светскими развлечениями, а когда избираешь себе такую жизнь, следует заполнить ее обязанностями и не довольствоваться тем, чтобы носить имя ученого для того, чтобы обманным путем пользоваться благодеяниями государя, вернее, — присваивать хлеб бедняков.

тем, чтобы ничего не делать, но, так как необходимо иметь вид, будто что-нибудь делаешь, они время от времени принимают мараф бумажу. Таким образом, вместо того чтобы учить нас, они наводят на нас скуку и сбивают с толку, если не погружают в пучину заблуждений, во сто раз более пагубных, чем невежество, из которого они имеют претензию нас извлечь. Доказать это легко, но надо развить мысль.

Кто в этом сомневается? Науки делают успехи только благодаря изысканиям некоторых отдельных людей, которых небо время от времени дарит земле; большинство тех, кто занимается науками, приносит им больше вреда, чем пользы. Во-первых, они ничего не разъясняют, потом они все запутывают, все смешивают, и если бы удалось выявить их ошибки, то разве время, употребленное на чтение их жалких произведений, не было бы безвозвратно потеряно для изучения природы? Целой жизни едва хватило бы на чтение различных академических собраний сочинений, если бы скука, которую они внушают, не лишала бы мужества пробегать их. После этого, чего можно ждать от этих ученых обществ, число которых в каждой стране как будто возрастает с каждым днем?

Какой рок, дорогой Камилл, мешает извлекать из них хоть одну из выгод, которых, казалось, можно было ждать? Ты знаешь, в разработке наук царит неурядица, которая слишком мало ощущается, но приняла слишком общий характер, чтобы не противодействовать их росту; неурядица заключается в том, что науки всегда разрабатываются в отдельности. А покуда физик, химик, математик, метафизик, анатом и пр. будут работать каждый в своем углу, науки никогда не будут представлять законченной системы.

Конечно, ничто не может более способствовать быстрым их успехам, чем соединенные усилия большого количества ученых; но много ли проницательности нужно, чтобы понимать, что люди, столь ограниченные, как вульгарные академики, почти все принадлежащие к тесному кругу, не одаренные духом наблюдения, не признающие искусства опытов и упражняющиеся беспрерывно над избитыми сюжетами, что такие люди ничего не могут сделать для развития наших знаний? Кроме того, не надо обманываться. Истинное единство знаний существует только в среде людей, разрабатывающих одни и те же отрасли; химик, геометр, механик будут всегда существа изолированные, даже когда их три головы соединены под одним колпаком. Отсюда следует, что различные группы, составляющие академию, ничего общего между собой не имеют, и что их знания не

более сконцентрированы в коллективе, чем если бы они существовали в разных мирах. Я повторяю: нет истинного единства знания, откуда науки, содействующие друг другу, разрабатываются врозь; есть только одно средство объединить их: нужно чтобы их разрабатывал один и тот же человек. Соглашаясь с тем, что академические общества ничем не могут помочь прогрессу просвещения, который является результатом взаимодействия различных наук, приходится сделать вывод, что каждая наука много выиграет от объединения усилий разрабатывающих ее самостоятельно отдельных членов общества и что ученые общества проявили бы мудрость, разделившись на различные группы, чтобы врозь разрабатывать каждую отрасль знания. Но для того чтобы какая-нибудь наука выгадала что-нибудь от сотрудничества разрабатывающих ее членов, нужно было бы, чтобы они добросовестно содействовали ее расширению. Предположить это — значит оказать им больше чести, чем они того стоят. Ничто их не побуждает к такому сотрудничеству, — вернее, все их отвращает; начало этого отдаления в самом сердце человека. Так, не только никто не старается кончить то, что другой начал, но каждый уединяется и начинает работу сызнова; даже самый дрянной писатель относится ревниво к своим жалким произведениям, и так как дело только в том, чтобы не смешаться с толпой, то, вместо того чтобы изыскивать возможности делать лучше, чем другие, эта публика удовлетворяется тем, чтобы делать отлично от других. Пагубная мания, сделавшаяся неиссякаемым источником того потока ничтожных и смешных писаний, которыми наводнен рынок и которые в конце концов возвратят нас к варварству!

Это существенные дефекты всякого многочисленного общества: так как они связаны с невежеством толпы; но вот и такие, которые вытекают из ее склонностей.

В области наук дело обстоит так же, как и в сфере добродетели: их редко любят ради них самих; и, в самом деле, в них нет ничего достаточно привлекательного, чтобы прельстить, чтобы внушить простое влечение и превратить его в страсть; потому-то побуждать к занятию науками могут только извлекаемые из них преимущества.

Преимущества эти вытекают из уважения, связанного с успехом. Можно бы думать, что они сводятся к славе, — но они распространяются и на богатство; но если оба эти преимущества пленительны, то одно первое, могущее вызвать подъем в крупных людях, очень мало трогает писателя наших

дней. Ты сказал, что гениальные люди редко гонятся за богатством; стремишься лишь к славе, они трепещут, чтобы этот драгоценный предмет их желаний не ускользнул от них, и они посвящают свою жизнь тому, чтобы сделаться ее достойными. Без зависти, без интриг, без уловок, они даже не помышляют о том, чтобы распространять свои произведения, пропагандировать свои открытия; но мелкие писатели, которым терять нечего, из всего извлекают пользу; чувствуя, что они не имеют никакого права на славу, они ограничиваются тем, что производят шум ради загребания денег. Так, не удовлетворяясь тем, чтобы выявлять заблуждения и глупости, они стараются еще препятствовать проникновению просвещения и проводят свою жизнь в том, что выхваляют свою жалкую продукцию или поносят продукцию других. Таким образом, хотя склонности человеческого сердца по существу одни у всех, размеры талантов порождают разницу между людьми. В тех, кому природа расточает свои дары, самые высокие стремления, возвышенность души, простота нравов, прямота, чистосердечие создают потребность в славе. В тех, к кому природа была скупа, возникают из любви к золоту самые низкие склонности: притворство, лицемерие, лукавство, шарлатанство,— жалкие детища нужды, обнаруживающие свое низменное происхождение.

Какой отсюда вывод? Денежные вознаграждения, которыми осыпают теперь академиков, немало способствовали тому, чтобы умножить число плохих писателей и чтобы они стали интриганам.

Письмо пятое

Раньше образованные шарлатаны не знали иного средства вредить своим противникам, кроме сатиры: они беспощадно поносили писания, которые их раздражали,— нападение вызывало необходимость обороны, и из столкновения мнений часто рождалась истина.

Таким образом, зависть всегда служила на пользу просвещению.

В настоящее время, дорогой Камилл, авторы более ловкие остерегаются нападать на произведения, которые вызывают в них зависть; они знают, что это значило бы обратить на них внимание публики; поэтому они довольствуются тем, что пренебрежительно анонсируют их в газетах или препятствуют тому, чтобы они анонсировались.

Таково шарлатанство современных академиков.

Но если бы в этих господах была деликатность, которая в них отсутствует, они не в меньшей мере были бы гонителями по одному тому, что им не хватает талантливости, по одному тому, что они ничтожные люди.

Придерживаясь всегда различных мнений, они тем не менее ревниво защищают свои собственные системы.

Так как влияние свое они поддерживают с трудом, то, чем более они убоги, тем более они привязаны к тому малому, что у них есть; затмевать их — значит посягать на их существование; в этом единственное средство, чтобы они не раздражались против всего, что задевает их самолюбие, и чтобы они не объединялись против всех тех, кто осмеливается сомневаться в их непогрешимости...

Потому-то академики всегда готовы выступить против новшеств и вести глухую борьбу с блестящими открытиями; вместо того чтобы быть прибежищем для новых истин, они становятся очагом старых предрассудков, и неискоренимый порок их организации — в том, что нет ничего, чем они не пользовались бы, чтобы противодействовать торжеству реформаторов.

Несмотря на эту общую неурядицу, зло было бы излечимо, если бы критика, это драгоценное искусство оценивать научные произведения, продолжала нас просвещать.

Но она уже давно исчезла из нашей среды, и такие люди, как Монж, Леклерк, Бейль и другие, почти не замещены, разве лишь плоскими газетчиками, которые бесстыдно торгуют своим осуждением или своими похвалами; но кто же не знает, что они в рабстве у всего, что зовется академией?

Что касается литературы, шарлатанство, как известно, в ней не так процветает; во всяком случае господство заблуждения не так долговечно: плохие произведения почти всегда сами по себе перестают встречать спрос; что касается посредственных истин, то достоинство их скоро познается, несмотря на усилия интриганов, заинтересованных в том, чтобы расхваливать их: публика всегда достаточно просвещена, чтобы самой о них судить, и это одно из крупных преимуществ литераторов перед учеными.

Художник в еще более благоприятном положении.

В области искусств нужны как будто только глаза: прекрасное потрясает даже самого ограниченного человека; чувствительный к тому, что ему нравится, он дает свободу испытываемым им ощущениям и с восторгом аплодирует таланту, который их в нем порождает.

В сфере же наук публика глуха, нема и слепа.

Не имея возможности положиться на самое себя, она является лишь эхом лжеоракулов; судьба новаторов — встречать судей только в своих противниках.

Потому-то ученые ничему не научаются: в то самое время, когда они скорбят по поводу преследования какого-нибудь великого человека, они начинают преследовать другого.

Такова была, есть и будет судьба гениальных людей, которые опередили свой век: оплакивать всю жизнь слепоту настоящего поколения и встречать определенную оценку лишь со стороны будущих поколений.

Какой же результат может дать деятельность этих обществ пустых и ограниченных людей в стране, где печать несвободна, где интрига заменяет таланты и где правительство, мало привычное отыскивать достоинства, даже не в состоянии отличить их? Упадок литературы и ниспровержение наук. Я не боюсь это сказать: если все так будет продолжаться, наши правнуки не смогут похвастать ни одним писателем, который умел бы читать.

Письмо шестое

Для чего, скажешь ты, наверное, надо так энергично уничтожать ученые общества? Одного во всяком случае нельзя отнять у них — они поощряют достойных.

Я знаю, что очень много трубят о премиях, которые они ежегодно с такой помпой раздадут; я не только не одобряю этого обычая, — я не знаю ничего более обескураживающего, более смешного, не знаю худшей выдумки. Эти премии предназначаются достойным, — я согласен, но они почти всегда предоставляются только интриганам; нужно было бы упасть с неба, чтобы полагать, что академии — единственные общества, где нет кумовства; что касается меня, я уж знаю, что об этом думать.

Из страха, чтобы их не обвинили в пристрастности, они условились, что их собственные члены не могут участвовать в назначаемых ими конкурсах; но дьявол ничего от этого не теряет: те из них, которые не предаются праздности, выдвигают за границей интересующий их вопрос, и так как эта братия живет дружно, то парижский академик получает премию в Берлине или в Петербурге, тогда как петербургский или берлинский получает ее в Париже.

Если бы они отказались от авторской славы, что случается с ними довольно часто, достойные ничего не выиграли бы от того, что эти господа являются их судьями. Вот, дорогой Камилл, несколько анекдотиков, которые дадут тебе представление

об истинных достоинствах, этих верховных арбитров таланта и гения.

В 1779 году сын одного парижского нотариуса пригласил Академию наук назначить премию за индиго; он взял на себя издержки, участвовал в конкурсе, угостил своих комиссаров и заставил присудить премию себе*.

Это общеизвестный факт. Вот другие, менее известные.

В 1783 году одна провинциальная академия предложила премию за культуру тутового дерева. Она получила несколько весьма слабых мемуаров, за исключением одного, который был доставлен из Монпелье. Но так как между комиссарами, которым поручен был доклад, было условлено, что награда будет присуждена одному приятелю, которому они протезировали, то что же они сделали? Вещь, наименее достойную, но наиболее обычную: они предоставили своему протезе мемуар, который считали достойным одобрения; этот ловкий человек без стеснения ввел его в свою работу и оказался победителем.

В 1785 году** другая провинциальная академия объявила конкурс на вопрос оптики, относящийся к системе цветов. Бедная академия почувствовала себя в большом затруднении, но отступить не было возможности. Один из ее членов знал слова, «отражение», «преломление», «преломляемость», «разнородные лучи» и прикоснулся иногда к призме; ему был поручен доклад. Сделавшись верховным распределителем премий этой академии, но мало ревнивый к славе своих братьев, он составил благородный план присвоить себе медаль; он написал мемуар, в котором скопировал Ньютона, надписал вымышленное имя, сделал доклад, наговорил себе в нем тысячу похвальных вещей и присудил себе премию. Опубликовывая свое постановление, ученое общество приняло самодовольный вид и обе-

* Катрмер (*примечание Марата*).— Речь идет о Денисе-Бернарде Катрмер-Дижонваль (1754—1830), который был премирован Академией наук за мемуар относительно химического анализа индиго. Но приведенная Маратом дата ошибочна, и, быть может, здесь ошибка только типографская. Катрмер получил премию в 1776 г., а в следующем, 1777 г., опубликовал премированный мемуар под заглавием «Анализ и химическое исследование индиго». *Примечание Веллэ*.

** Лионская академия (*примечание Марата*).— Марат, вероятно, здесь делает намек на одно личное событие, так как он принял участие в этом конкурсе и послал 27 марта 1786 г. мемуар, озаглавленный: «Об опытах, которые Ньютон приводит в доказательство системы различной преломляемости разнородных лучей» со следующим эпитафом: «Ex fumo dare lucem». Профессор Лакасань рыскал и установил идентичность этого трактата; манускрипт, однако, не написан рукой Марата. *Примечание Веллэ*.

щало обосновать свое решение. Так как вещь не появлялась, то какой-то принимавший участие в конкурсе физик опубликовал свой мемуар, пригласил премированного автора сделать то же самое, раскритиковал доклад и разрешил себе немножко посмеяться над своими судьями. Чувствительные к насмешкам, которыми он их осыпал, они запросили своего фактотума; его мелкая хитрость была обнаружена, и история гласит, что он за это поплатился.

Итак, видишь, дорогой Камилл: несмотря на все меры, принимаемые для того, чтобы убедить всех в своем беспристрастии, эти господа часто присуждают лавры невеждам, сами того не сознавая, чтоб не опровергать старого изречения *sic vos, pop vobis*.

Я хочу, чтобы клика никогда не приближалась к святилищу знания; что привлекательного для утонченного писателя в наградах, раздаваемых невежественными судьями, чаще всего неспособными понимать премируемого ими произведения?

В их помпезных программах тоже порой бывает немало забавного. Я не стану тебе говорить о великодушной жертве одного голландского общества, серьезно предлагавшего * премию в тридцать дукатов тому, кто организует производство стали, которое могло бы соперничать с английским,— т. е. тому, кто был бы склонен израсходовать триста тысяч ливров, чтобы заработать сто эку.

Я не скажу тебе также ничего о премии в двести сорок ливров, предложенной Парижской академией наук ** тому, кто построил бы в Ламаншском канале своего рода пловучую бухту, где потерпевшие кораблекрушение суда могли бы находить надежное пристанище,— программа, говорящая о глубине ума почтенной компании. Я скажу только о премии в двенадцать тысяч ливров, которую она недавно предложила за усовершенствование флинтгласа, и это, конечно, наиболее значительная премия, которую когда-либо предлагало ученое общество; глупцы могут восхищаться щедростью, мудрые будут смеяться над скарденностью. Когда предлагают дорогостоящие исследования, честь которых не может быть наградой за успех, то самое малое, что можно сделать,— это возместить издержки предприятия.

За то же самое англичане предложили премию в тысячу гиней; притом они не потребовали секрета у мастера, которому удалось выполнить задание, и присвоили ему исключительную

* «Feuilles de la Blancherie», 82 и 83.

** «Journal de Physique» 1782 или 1783 г.

привилегию на тридцать лет, что равноценно богатству. Что касается нас, мы ничего не умеем сделать крупного, несмотря на такое количество бессмысленных расходов. Кто бы поверил: мы даем пенсии в шестьдесят, восемьдесят, сто тысяч ливров какому-нибудь хищнику, который разорял государство, и мы присваиваем вознаграждение в триста ливров гениальному человеку, который украшает нацию.

Вообще же не будем стеснять предприимчивости, дадим полную свободу талантам, будем чтить заслуги, будем уважать гениев, и нам не нужно будет академических премий, чтобы видеть у себя великие события.

Письмо седьмое

Ты признаешь правильность моих замечаний, но пробуешь смягчить их нескладницу; ты ищешь слабых сторон Академий. Последние, говоришь ты, еще далеки от совершенства, которое было бы для них возможно, потому что благо не осуществляется так, как его себе представляют; но ты веришь, что они в конце концов достигнут этого и что об объеме познаний не всегда будет свидетельствовать дурное употребление, которое мы из них делаем. Заблуждение, дорогой Камилл: при такой организации этих коллективов доступны ли они реформе? Благо, которое они совершают,—ничтожно, зло же крайне велико; упорядочить их—вещь невозможная; их нужно было бы уничтожить.

Ты обольщаешься мыслью, что когда государи будут хотеть блага своих народов, они получают вкус к наукам, и тогда им будет легко вознести их на вершину славы, предназначая свои благодеяния для избранных талантов, для гения. Государи будут помышлять о науках. Какой ты ребенок! Ах, у них много других забот.

Расширение власти, честолюбивые планы, налоги, интриги кабинетов, надоедливая требовательность фаворитов, суетные почести, охота, роскошные празднества—вот их великие дела; все прочее—ничто в их глазах.

Как! скажешь ты, разве они не строят наперерыв академии? Конечно, да, но академия для государя—то же, что библиотека для финансиста,—модная мебель, употребление которой он не знает и которую поэтому надо приобрести.

Впрочем, если бы среди них нашлись такие, которые заботились бы о процветании наук, то разве не нужно быть сведущим самому, чтобы оценить заслугу тех, кто занимается науками, и как можно претендовать, чтобы государи когда-

нибудь занимались этими вещами, как можно хотеть этого, покуда им надлежит еще установить царство справедливости, обеспечить счастье своих народов?

Кроме того, если бы они и обладали всеми знаниями, которых у них нет, как они могли бы открывать достоинства, раз они вынуждены полагаться в этом на окружающих их плутов и раз их всегда дурачат интриганы, которые сумели приблизиться к ним? Разве Фридриха II, несмотря на его гениальность, не дурачили всю жизнь Вольтер, д'Аламбер и другие? Не была ли одурачена Екатерина Алексеевна д'Аламбером и Дидро? Не обманывают ли ее еще и теперь Мармонтель и Кондорсе?

А Людовик XIV? Людовик XIV *был не лучшим из судей. Он знал только, что литераторы — глашатаи славы, а он хотел, чтобы его прославляли те, кто имеет какую-нибудь известность; поэтому, боясь забыть хоть одного из них, он часто осыпал благодарениями тех, кто меньше всего был этого достоин. Разверни список пенсий, назначенных Кольбером, — ты нам найдешь Котена рядом с Буало, Прадона рядом с Расином; Шаплен не считается даже первым поэтом нации. Во всяком случае то было хорошее время и для просвещенных министров и для прославляемых писателей. Подумай, как благоприятно теперь положение для Прадонов, Котенов и Шапленов наших дней!

Оставь пустые мечты. Все шло бы хорошо, Камилл, если бы писательство предназначалось только для гениальных людей, для творческих умов, которые одни в состоянии создавать оригинальные произведения, фиксировать науки и доводить их до совершенства. Из этого, может быть, сделают вывод, что писание следует запретить тем посредственным людям, тем невеждам, которые из всех сил стремятся нас поучать; но так как это вещь неосуществимая и так как никто в мире не имеет даже права таким образом посягать на их свободу, я не вижу другого средства, как учредить строгий трибунал просвещенных и безупречных людей, которые благосклонны лишь к добру и красоте, если только таких людей можно найти*.

В своем последнем письме я возвещал грядущий упадок литературы и ниспровержение наук — неизбежное следствие писательского зуда и шарлатанства влиятельных авторов. Этот момент, дорогой Камилл, уже наступил: среди нас давно нет Монтескье, мы только что потеряли Руссо, Бюффон уходит

* Я вижу еще и другое средство: установить свободу печати. — может быть, французы еще будут пользоваться этим драгоценным преимуществом.

от нас. И что остается нам на смену Мольеру, Расину, Лафонтену, Буало, Боссюэ, Фенелону? Какой-то Мармонтель, какой-то Лемьер, Гара, Бомарше.

И я не думаю, чтобы мы были богаче в отношении ученых. Среди нескольких новаторов, которые появились на горизонте, я не знаю ни одного, кто был бы гениален.

Письмо восьмое

Ты со своими вечными вопросами не даешь мне ни отдыха ни срока; разреши мне, Камилл, просить у тебя передышки; не обманывая твоего любопытства, я буду некоторое время возбуждать его.

Вчера я пошел на четверть часа в Большой Клуб, где столько глупцов образуют общество умников. Я здесь нашел многочисленную компанию, разбившуюся на кучки; я приблизился к одной оконной нише, где пребывала наиболее шумная. «Поймите, сударь, я имею честь состоять в Академии наук»,— говорил, поправляя парик, какой-то одетый в черное старик. «Какой же вы хотите сделать вывод?— ответил ему молодой человек, приподнимая брюки.— Что вы непогрешимы, конечно. Но поймите сами, что я не только не верю в непогрешимость академии, но не верю ни в ее просвещение, ни в ее разум. Что в нашем мало радостном мире есть еще люди образованные, разумные, глубокие, творческие гении, мудрецы,— этого нельзя отрицать без некоторого юмора; но их очень мало, как это было во все времена, и, конечно, их никто не станет искать в вашем учреждении».— «Браво, браво!— воскрикнул визгливым голосом один объемистый аббат.— Она, ей-богу, очень хорошо это доказала тем, что она приняла мою работу».— «Чего вы, черт возьми, хотите!— ответил сосед.— Вы виноваты в том, что поздно явились; тридцать лет тому назад вся академия была картезианской и вела борьбу с Ньютоном. Теперь она ньютоновская и ведет борьбу с Декартом».— «Все дело моды, мнения и системы, как вы видите»,— сказал молодой человек, обращаясь к старику,—но так так противоположности не могут существовать одновременно,—вы согласитесь, сударь, что или те, кто составлял тогда академию, грубо ошибались, или те, кто ее сейчас составляет, чрезвычайно заблуждаются; тем не менее она всегда считала себя непогрешимой и всегда имела претензию решать. Но ошибаться по какому-нибудь вопросу физики, который недоступен для нас, разве это не значит быть неспособным разобрать его, разъяснить? Что вы думаете об индукции? Я не считаю необходимым взывать к историческому ана-

лизу почтенной компании. Кто не знает, что она никогда не думает самостоятельно? Какую бы систему она ни выдвинула, ей всегда выпадает жалкая роль эхо: плестись позади, по следам великих людей, которые, худо ли, хорошо ли, поучали мир; академия пошла за ними лишь после того, как устала их преследовать. Вот они, эти оракулы, которых нас хотят заставить почитать! Они могут вводить в заблуждение вульгарных тупиц, но какое доверие внушат они мыслящему человеку? Вообще, чтобы успешно разрабатывать науки, нужна крупная философия, никогда не было ее в ваших академических головах. Для них химия, астрономия, физика — лишь сплетение иллюзии и чудес. Здесь можно видеть огонь на льду, превращенный в пар воздух, сделавшийся прекрасным видом топлива; цвета, созданные бесконечным количеством цветных лучей и все же недостаточным, чтобы образовать все известные оттенки; движение звезд, которое со временем меняется и имеет надобность в преобразовании, как если бы мир создал искусный рабочий или им управляла бы слепая судьба. Если бы еще эти господа довольствовались мечтами, но, к несчастью, они хотят действовать. И вот перед вами прекрасный образец их умения действовать. У моего собеседника в руках был «Journal de Paris», в котором напечатано было сообщение о печальной катастрофе, происшедшей в Эссоне*. Конечно, — прибавил он, — мы очень нуждались в том, чтобы эти благодетели человечества научились делать что-нибудь большее, чем порох. Как могла возникнуть идея пороха в их сострадательной душе? Как их невинные руки могли быть приложены к этому жестокому делу? Но что я говорю! Как бы голос природы ни звучал в их ушах, бесстыдные лицемеры умножали свои пагубные опыты, продолжая декламировать против смертоносного изобретения. Что меня возмущает, так это, что они всегда находят какого-нибудь лакея, который обманывает публику, и вменяют себе в честь даже свою глупость; понаблюдайте, как журналист расхваливает их героическую смелость и как они бегут при приближении опасности, а затем развлекаются за столом, в то время как злополучный рабочий, жертва их безумия, уничтожен ужасным взрывом и в муках испускает дух. После этого хвалите их преданность отечеству, славе монарха и осыпайте новыми благодеяниями этих героев, которые великодушно подвергают себя стольким опасностям.

Наступила минута молчания; человек в черном почесал за

* Essones (Сена и Уаза). *Примечание Веллэ.*

ухом, взял шляпу и встал. Он прошел в другой конец зала, подсел к двум молодым людям в рединготах и больших шляпах; они разговаривали вдвоем, и я услышал новый спор.

«Все в жизни — проституция, — сказал один из них низким голосом: — государь протитутуирует власть, министры — авторитет, магистратура — справедливость, богачи — богатство, ученые — науку, философы — разум». — «А вы, — ответил другой, — вы протитутуируете свое слово; когда я подумаю, какую вы со мной сыгнали штуку, я дрожу от ярости». — «Чего вы, чорт возьми, хотите! — возразил первый. — Публика так глупа, а академики так тщеславны, что журналист не может обойтись без некоторой доли почтительности. Вы знаете, среди них есть люди с положением. Пожалейте меня, — продолжал он вкрадчивым голосом, — это несчастье нашего времени. Буало больше нет, и у меня нет никакой охоты воскрешать его».

Я отошел в сторону и спросил имя этого человека. «Это один из акционероу «Journal de Paris», — ответил кто-то, и я услышал имя Каде Виданжер*. «Нет, нет, — сказал мне на ухо один бледный человек, — это не тот низкий интриган, который достиг чинов и постов, раздаваемых полицией, тем, что совал нос в гардероб маленького Ленуара и пророчествовал по поводу симптомов его болезни, после того как посоветовался с лакеем. Вы спрашиваете, кто этот толстяк. Вы разве не знаете творца Энциклопедии? Его жена, которая знает толк, говорит, что он ни к чему непригоден. Но если он признал себя виновным в отношении нее, то он берет реванш в отношении публики. Несколько лет назад он составил проект обложения простофиль королевства на четыре миллиона и попросил директора издательства принять сто тысяч эку, чтобы заткнуть рот местным критикам; затем он возвестил об издании шедевра в сто томов in quarto, он распространил сто тысяч проспектов, где не упушены были и похвалы, — он посадил за работу пятьдесят гениев за девять ливров в день, а теперь он прикарманивает деньги любопытных любителей бессмертного произведения. Это не так глупо для сына Германии».

Устав слушать эти вещи, которые засоряют голову, я пошел к группе, где много смеялись; я увидел детину в шесть футов ростом, который витийствовал, держа руки у печки;

* Речь идет об Антуане-Алексисе-Франсуа Каде де Во (1743—1828), который в 1777 г. основал «Journal de Paris». Прозвище намекает на одно из его произведений, опубликованное в 1778 г.: «Замечание относительно ассенизационных бочек и способов предотвратить неудобства при их опорожнении». *Примечание Веллэ.*

он сражался с турками и уничтожал их армии двумя фразами. «Видите, во-первых,— кричал он во всю глотку,— надо атаковать их при помощи палки и стать в круг, потому что этот круг касается перпендикуляра только в одной точке, и черт возьми, надо видеть, как, кружась, мы их сметем!» Раздался взрыв смеха, кто-то захлопал в ладоши. Он принял это выражение веселости за одобрение, придал себе важный вид и продолжал: «Дамы и господа, я весельчак! Мое воспитание стоило маме больше тысячи лун; какой я ни на есть, я одолел курс алгебры в лицее на улице Сент-Оноре и два курса химии в королевском саду под руководством г-на Фуркруа, который говорил о кислороде». — «Вот молодой человек, который делает честь своим учителям», — сказал один шутник, сидевший близ меня. При этих словах хохот возобновился, и я покинул помещение.

Письмо девятое

Я гулял сегодня утром в Пале-Рояле с англичанином. Ему назначили свидание в Большом Клубе, и он меня потащил туда. Я там нашел антагониста, человека в черном, занятого чтением газеты; я сел рядом с ним и завязал разговор: «Я получил большое удовольствие от того, как вы отчитывали одного из господ из Академии наук; мне показалось, что вы не очень к ним расположены». — «Я воздаю им то, чего они заслуживают; я ничего не имею против них лично, с тех пор как Жана Рон* больше нет». — «Ах, что вам сделал этот Жан Рон?» — «Что он мне сделал? Причинил мне боль, от которой мое сердце и сейчас сжимается. В союзе с Вольтером, Дидро, Лагарпом и Мармонтелем этот подлый клеветник лишил меня друга, моего учителя Руссо, который был бы самым великим человеком нашего века, если бы не существовало Монтескье. Блеск его гения затмил их, и они старались мучить его всю жизнь, уморили его, стремились омрачить его славу после смерти». — «Я знаю,— сказал я ему,— «Женевьеву» Вольтера, «Письмо д'Аламбера Руссо», философию Ж.-Ж. де Мармонтеля и «Заметки о жизни Сенеки», принадлежащие Дидро,— писания, полные желчи и продиктованные завистью; публика встречала их с негодованием, и их было бы достаточно, чтобы покрыть позором их авторов, если бы они еще могли что-нибудь потерять. Но не обманывайтесь,— они не нанесли славе Руссо

* Речь идет о д'Аламбере, точное которого имя — Жан ле Рон, потому что он был подобран на ступенях церкви Сен-Жан-ле-Рон. Д'Аламбер умер в 1783 г. *Примечание Веллэ.*

никакого ущерба. Она все растет, тогда как слава его хулителей падает с каждым днем. Слава Вольтера померкла уже наполовину. Д'Аламбер и Дидро имели несчастье пережить узурпированную ими славу. Лагарп и Мармонтель всегда пользовались ничтожной славой. Если не считать мелких рассказов второго и мрачной трагедии первого, они оба порождали лишь незрелые плоды, наподобие тех бесплодных женщин, которые из всех сил стараются произвести наследника и у которых только выкидыши. Как бы то ни было, слава Руссо вечна, и если бы она могла еще расти, она засветилась бы в настоящее время новым блеском, потому что мы главным образом ему обязаны революцией, которая готовится в сфере управления; если бы этот славный философ вернулся к жизни, он торжествовал бы при виде того, как плодотворны оказались для нас его уроки; если бы смерть не унесла Вольтера, д'Аламбера, свидетелей его триумфа, они умерли бы от огорчения. Судите, какие мучения он должен причинять энциклопедической мелкоте». — «Я вижу, — ответил он, — что вы не знаете, какой удар они нанесли его памяти». — «Я слышал, что они надругались над его прахом в Герменонвильском парке». — «Нет, нет, да будет вам известно, что они фальсифицируют его «Исповедь» и, чтобы лучше ее оклеветать, они внесли в нее все те места, которые возмущают при чтении». — «То, что вы говорите, кажется очень резким; не то, чтобы я не считал их способными на самые темные дела, но когда разрешаешь себе подобное обвинение, нужны доказательства». — «Произведение дает их тысячу каждому читателю, который знает Руссо, как я его знаю. Я не буду вам говорить о болезни, которой он заболел, чтобы не выходить из комнаты, ни об анекдоте о ложке... Я не буду вам говорить ни о сцене в Тюильри, ни о сцене в Потр-Дам; я скажу лишь о сцене с бантами и любовной сцене у мадам де Варен. Как ни нелепы первые сцены, они говорят лишь о слабостях, от которых не всегда свободен нуждающийся молодой человек, но сцена с бантами обнаруживает низкую душу закоренелого преступника, и можно ли подозревать в этом чувствительного человека, человека с сердцем Руссо? История мадам де Варен тоже носит печать фальсификации; все прочие анекдоты касаются только его; он был волен выявлять свои слабости, но чтобы в зрелые годы он мог с легким сердцем принести в жертву любимую женщину, на которую у него никогда не было основания жаловаться, которой он всегда имел основание быть довольным и которая ему всегда была матерью, чтобы он хладнокровно мог по-

крыть себя преступлением, к которому он чувствовал такой ужас,—это никогда не придет в голову ни одному здравомыслящему человеку, человеку, который жил с автором «Эмilia».— «Признаю,—это очень сильные доводы».— «Они не единственные. Вы, вероятно, знаете, что считается установленным, будто он вручил различным людям копии своей «Исповеди»; называют даже какого-то эдинбургского дворянина и какого-то члена английского парламента; я наводил справки в продолжение десяти лет, и не нашлось ни одного человека, у которого оказалось бы это якобы вверенное сокровище. Что надо об этом думать, если не то, что его враги распространяют такой слух, чтобы вызвать доверие к своим обманам? После того как они ввели эти скандальные анекдоты в «Исповедь», после того как они распространили слух, будто существуют различные копии, можно ли подозревать, что множество людей вошло в соглашение, чтобы ее фальсифицировать? И как не верить этому, поскольку нет возражения со стороны мнимых держателей? Говорят также, что хранителями копий являются два парижских нотариуса. Так как их не называют, то я не мог найти первоисточника; но если бы копии оказались, я не был бы удивлен: интриганам так легко стовориться по этому поводу. Для того чтобы поверить этому, нужны были бы неопровержимые доказательства, что написанное принадлежит Руссо, т. е. что оно целиком написано его рукой, потому что у него не было переписчиков; но так как я хорошо знаю его почерк, я уверен, что меня нельзя было бы обмануть».

При этих словах лакей кафе предложил нам «Водовоза»*. «Возможно ли!—воскликнул мой собеседник,—чтобы нашлись столь бессмысленные писатели, которые стали бы вредить общественному делу пасквилями! Нужно быть очень бестолковым, чтобы серьезным вещам придавать такую смешную рамку».— «Вы знаете предложение духовенства и дворянства?—спросил сосед, рассказчик новостей.— Это прекрасно,—право, это прекрасно».— «От них можно ждать,—ответил мой собеседник,—еще некоторых благородных жертв, но мне любопытно было бы видеть великодушную жертву со стороны финансовых кругов и парламента. Если бы у государства кроме этих даров его подданных не было других средств расплатиться с долгами, я думаю, пришлось бы отнести в ломбард корону».

* Брошюра о делах того времени, вышедшая в январе 1789 г. *Приложение Велля*.

Англичанин, которого я заметил в конце зала, сделал мне знак; я подошел к нему, и он повел меня к своей прелестной кухне, у которой мы обедали.

Письмо десятое

Ты требуешь у меня сведений о Королевской академии наук, ты говоришь, что никто не в состоянии дать тебе такие точные сведения, как я, потому что я долго был близок с ее членами, но ты должен бы также знать, что никто не любит меньше чем я такого рода подробности, и нужна вся моя благосклонность к тебе, чтобы не отказать.

Академия наук, как всякие другие организации, имеет свои нравы, свои обычаи, свой режим, свои принципы, свою политику, от которых ни один член не может уклониться, не становясь подозрительным для других. Но оставим то, что в ней есть общего с другими учеными обществами, и будем говорить только о том, что ее отличает от них.

Символом ее служит сверкающее солнце, а девизом — скромный эпиграф «*Invenit et praefecit*», — не то, чтобы она когда-нибудь сделала какое-нибудь открытие или что-нибудь усовершенствовала, — из ее лона не выходило ничего, кроме тяжеловесной коллекции мемуаров-недоносков, которые служат иногда для заполнения пустых мест в крупных библиотеках. Зато она собиралась 11409 раз, она выпустила 380 похвальных отзывов и высказала 3956 раз одобрения как относительно новых рецептов румян, помад для волос, мозольных пластырей, мази против клопов, так и наиболее удобных форм накладных волос, болванок для париков, трубок для шприцев и тысячи других вещей подобной же важности: славные труды, которые могут нас вознаградить за затрачиваемые ежегодно на них огромные суммы.

Взятая как коллектив, академия должна быть рассматриваема как общество людей суетных, гордых тем, что собираются два раза в неделю, чтобы вдоволь поболтать о королевской лилии, или, если ты предпочитаешь, как общество людей посредственных, знающих мало и считающих, что знают все, машинально предающихся науке, судящих по словам, людей, которые не в состоянии что-либо углубить, из самолюбия придерживающихся старых мнений и почти всегда в разладе со здравым смыслом.

Она делится на несколько групп, из которых каждая бесцеремонно ставит себя выше других и отделяется от них.

На своих публичных и частных заседаниях эти группы никогда не упускают случая обнаружить признаки скуки и взаимного презрения. Весело смотреть, как геометры зевают, кашляют, отхаркиваются, когда зачитывается какой-нибудь мемуар по химии, как химики ухмыляются, харкают, кашляют, зевают, когда зачитывается мемуар по геометрии.

Если каждая группа действует таким образом, то отдельные лица обращаются друг с другом не лучше, и собратья милостиво расточают друг другу сотни любезных эпитетов. Кондорсе* у них — литературный проходимец; Рошон** — зазнавшийся мужлан; Лаланд*** — мартовский кот, завесегдатай веселых домов; Каде**** — подтирка для вдовид.

Примечания издателя

Хотя нижеследующее письмо не принадлежит тому же автору, я считаю своим долгом включить его сюда, так как оно содержит пикантные факты, хорошо показывающие полную бесполезность научных обществ и раскрывающие бесстыдное шарлатанство их членов.

Письмо одиннадцатое

Совершенно верно, сударь, что академии никогда не делали никаких открытий, хотя их члены часто присваивали себе

* Панегрист оратории, он кличнт для себя самого, говорят его собратья, похвалы, которые он расточает другим; когда он произносит какую-нибудь из своих вычурных фраз, украшающих его речи, он делает паузу в ожидании аплодисментов. Но смотрите, как далеко заходит клевета. Не довольствуясь тем, что его рисуют фатом, они обвиняют его в наглости. Я думаю, что он только очень скромн. Из сотни фактов, которые я могу привести в доказательство, один извбавляет нас от необходимости приводить какие-нибудь другие; за достоверность его я ручаюсь. Красивая или нет, его мамаша понравилась маркизу де Керс... Так как всякая работа заслуживает оплаты, она за свою получила вексель на тридцать тысяч ливров после смерти своего возлюбленного; в его бумагах найдены некоторые указания на этот кредит. Наследники оспаривают действительность документа, но наш академик: требовал оплаты. Угрожало раскрытие тайны, но небольшая прогулка в компании с поверенным противной стороны дала ему возможность добиться заочного решения. Долг был превращен в обязательство, и теперь ученый маркиз получает каждый квартал плоды трудов своей мамашы. Если бы он явился на свет на год раньше, говорят его собратья, можно было бы его считать сыном дворянина. Но принимая во внимание вкусы доброй дамы, он мог быть потомком какого-нибудь тюрка.

** Алексис-Мари Рошон (1741—1817) — астроном и физик.

*** Жозеф-Жером де Франсе де Лаланд (1732—1807) — астроном.

**** Луи-Клод Каде-Гаскур (1731—1799) — фармацевт и химик. Начал он свою карьеру, удовлетворяя прихоти придворных потаскух, а кончает тем, что пользуется их тайными прелестями.

открытия других. По этому поводу я мог бы привести сотни фактов предательства господ парижских академиков, сотни случаев злоупотребления поверенным им материалом, публичного заявления со стороны авторов притязаний на собственность изобретения и, что еще более странно, сотни мемуаров, ловко заимствованных и бесцеремонно напечатанных за подписью бессовестных плагиаторов. Но я вовсе не хочу портить вам настроения; я ограничусь тем, что вселю в вас сомнения с помощью двух анекдотов, которые позабавят вас и подтверждение которых вы легко найдете, так как они произошли на наших глазах.

Вы помните, какой энтузиазм вызвал полет первого воздушного шара и какое увлечение проявила публика к этого рода зрелищам; вы помните также чудесные открытия, источником которых был этот новый опыт; вы помните тщетные и многочисленные попытки найти способ управления шарами. Ну, так вот, глупцы, полагающие, что гений нашел прибежище в Академии наук, предоставили ей двенадцать тысяч ливров с тем, чтобы она работала над открытием способов управления. Что случилось с этими деньгами? Вы, может быть, думаете, что они употреблены по назначению? Разуверьтесь. Вы думаете, что они были употреблены на какие-нибудь полезные изыскания? Как вы наивны! Знайте же, что наши ученые разделили их между собой и съели их у Рапэ, в Опере и с девками. Вы краснеете за них, но это пустяк. Послушайте про другую, более веселенькую проделку.

Несколько месяцев тому назад некий депутат Национального собрания по внушению автора предложил декретировать однородность весов и мер для всего государства. Предложение было принято и сообщено в Академию наук для того, чтобы там определили способы его осуществления. Господа ученые тотчас же стали пыхиться, затем посадили за работу своих писак и побежали в сенат, чтобы объявить, что лучший способ, как это открыла Академия, выполнить задание Национального собрания заключается в том, чтобы выводить все меры из меры окружности земного шара; продажные перья тотчас же объявили этот способ чудесным открытием наших ученых. Но как вы думаете, откуда происходит этот блестящий метод? От египтян. Именно для того, чтобы передать его грядущим векам, воздвигнуты были эти знаменитые пирамиды, которые столько невежественных путешественников принимали за вечные памятники грубости этих народов. Откуда, думаете вы, взяли эту прекрасную систему наши академики? Они взяли ее

слово в слово из трактата о весах и мерах древних, опубликованного выдающимся ученым Ромэ де л'Иль, имя которого они замолчали для того, чтобы безнаказанно грабить его, после того как они преследовали его всю жизнь. Но самое интересное — это то, что под предлогом необходимости измерить градусы меридиана (который столь хорошо определили древние и меру которого изменить сейчас невозможно, не отбрасывая всей этой прекрасной системы) они заставили министерство выдать им сто тысяч экю на расходы по операции, — пирожок, который они по-братски разделят.

Судите теперь о полезности академии и нравственности их членов. Столичные академии, которые ничего не сделали для прогресса человеческих познаний, кроме того, что преследовали гениальных людей, будут сохраняться почтенными отцами по одному тому, что они на содержании у нации и состоят из низких приспешников деспота и подлых проповедников деспотизма.

Статьи из газеты „Друг народа“, 1791 г.

*Проект патриотического общества, действительно полезного, предлагаемого друзьям справедливости и свободы*³⁸

(«Друг народа» № CCCXLII, 16 января 1791 г.)

Неужели среди многочисленных разглагольствующих обществ столицы, известных под названием патриотических клубов, клубов друзей конституции, клуба врагов деспотизма и т. п., не найдется хотя бы одно, которое действительно служит общественному делу? Здравомыслящие граждане, дорожащие справедливостью и свободой, Друг Народа предлагает вам ради чести отечества, ради чести имени французов и чести человечества учредить без отлагательства клуб мстителей закона.

Целью его будет карать все преступления, которые посягают на общественную или личную безопасность и свободу и которые мешают спасению народа. Декреты законодателя вам дают право на это, а любовь к отечеству вменяет это в обязанность. Но имейте в виду, что это возвышенное учреждение окажется неудачным, если ваше общество не будет состоять целиком из подлинных патриотов. Пусть лучше оно будет менее многочисленно, но хорошо подобрано. Пусть его учредителями будут Робеспьер, Дюбуа-Крансе и Ревбель. Пусть ни один член не будет приниматься в него, если не представит несомненного доказательства своей сознательности и цивизма. Пусть в его среду не допускается ни один придворный, ни один королевский комиссар, ни один академик, ни один пенсионер двора, ни один финансист и спекулянт, ни один прокурор, ни один член парижского главного штаба, ни один член муниципалитета. Пусть только с крайней предосторожностью в его состав

допускают отдельных бывших дворян или членов бывших судов, отдельных бывших офицеров линейных войск и высших офицеров парижских батальонов; от них надо будет требовать при приеме в десять раз более основательные доказательства их гражданских чувств, чем те, какие будут требоваться от граждан не внушающих подозрения званий. Пусть общество будет состоять самое большое из двадцати пяти членов*, имеющих право принимать участие в обсуждении вопросов, но пусть в него будет открыт доступ всем честным гражданам, которые захотят посещать его и обещают уважать дух учреждения.

Пусть каждый член письменно обязуется своею честью преследовать беспощадно и независимо от лица, исключая короля, всякое должностное лицо и всякого подчиненного агента, которые будут извращать, перетолковывать и нарушать законы.

Каков бы ни был преступник и каково бы ни было преступление, угрожающее общественной или личной свободе и безопасности, пусть ни один член не имеет права задерживать его преследование. Пусть общество заседает только один раз в неделю, пусть его деятельность ограничивается установлением преступления, собиранием доказательств и подготовлением средств обвинения. Пусть оно публично принимает обличения от всякого гражданина, который сможет представить положительные обвинения или надежные доказательства. Пусть оно издает еженедельный листок, где оно даст публике отчет в своей деятельности, где будет просить у нее поддержки для покрытия издержек по особенно громким делам.

Вполне понятно, что это общество должно состоять преимущественно из людей мудрых, красноречивых, привычных публично говорить и способных выступать против обвиняемых, наказания которых они добиваются. Все люди, сколько-нибудь выдающиеся своим дивизмом и своей просвещенностью, должны добиваться чести быть принятым в него. Таков набросок плана о справедливости,—это убежище угнетенных и маяк граждан. Скоро народ с почтением сплотится вокруг общества, станет идти за ним, как за непогрешимым проповедником. Оно явится ангелом-хранителем французов, и нация возьмет его под свою защиту против всех врагов свободы. Мало того—одно уже название его будет внушать такой ужас, что рассеет легионы взяточников, изменников, заговорщиков; оно будет удерживать на стезе долга агентов власти. Оно добьется господства за-

* В противном случае оно выродится в толпу, все время будет уходить на болтовню, а дело не будет подвигаться вперед.

конности, и отечество будет спасено. Под его сенью будут процветать обилие и мир. Но для того чтобы произвести эти чудесные последствия, нужны добродетель, любовь к добру, мудрость советов и упорядоченность обсуждения. Общество может начать свою деятельность, не будучи в полном составе: Париж окажется совсем бедным, если в нем не найдется полдюжины граждан, достойных занять здесь место.

М а р а т, Друг Народа

До и после революции ³⁹

(«Друг народа» № CCCLXXII, 15 февраля 1791 г.)

«Итак, вы проповедуете наказание убийц, мой дорогой Марат, вы, который так часто советуете прибегать к убийствам», — пишет мне один из моих корреспондентов. Я не дал бы себе труда отвечать ему, если бы не знал, что много искренних читателей удивлены не менее его. Мои дорогие сограждане, вы обладаете искусством читать, не понимая, и это, конечно, не моя вина... Мне достаточно сказать вам всего несколько слов, чтобы дать ключ к этой мнимой загадке.

Пятнадцать веков нас держали под своим игом надменные и властолюбивые владыки. При помощи преступлений они сумели захватить верховную власть и давали нам чувствовать свою власть только путем высокомерных приказов, несправедливостей, притеснений, вымогательств, покушений, произвольных наказаний. Небо сжалилось над нами и мы воспользовались единственным в своем роде стечением обстоятельств, чтобы порвать наши цепи. Предоставленные вновь самим себе и вернув себе свои права людей и граждан, мы захотели упрочить их, установив новое правительство, основанное на священных законах природы и разума. У нас было в руках оружие, наши жестокие угнетатели трепетали, опасаясь, что станут жертвой нашего мщения, и потому наши справедливые требования были удовлетворены. Начало было положено торжественным декретом, освящающим равенство прав всех членов государства. Уважение, с каким мы относились к законам вечной справедливости, убедило прямодушных людей в нашей умеренности и в нашей честности и побудило их свято соблюдать договор, который мы заключили с ними. Но прежние угнетатели, огорченные тем, что уже не могут безнаказанно быть ими, затаили свою печаль, свою злобу, свою ненависть и стали стараться только о том, чтобы отнять у нас наши права, понемногу вернуть своему главе все средства снова поработить

нас, чтобы грабить и угнетать нас, сколько вздумается; они не переставали затем злоумышлять против нашей свободы, нашего покоя, устраивать заговоры против общественного блага и убивать руками своих приспешников всех друзей свободы. Получается, следовательно, что они ведут против нас войну, несправедливую, гнусную, жестокую, возмутительную, нарушая по отношению к нам все законы справедливости и чести. Поэтому мы вынуждены ради нашей собственной безопасности обращаться с ними как с врагами общества. Поэтому надо увечить шпионов, которых они подкупают, чтобы обидать наших смелых защитников, если мы хотим лишить первых возможностей вечно вредить нам. Поэтому надо расправиться кинжалом с разбойниками, которых они подкупают убивать нас, если мы хотим сделать их неспособными умертвить одного за другим друзей революции. А они сами должны быть удалены из нашей среды, если мы хотим спасти отечество, готовое погибнуть. Пусть закон замется их наказанием,— я благословлю небо за это и сейчас же перестану подстрекать расправляться с ними, лишь бы свершилось правосудие. Но если законы будут и впредь бессильны по отношению к ним и если суды будут продолжать хранить вероломное молчание, то, граждане, вам самим придется позаботиться о вашей безопасности каким бы то ни было способом и лишить их в дальнейшем возможности злоумышлять против вас, хотя бы для обеспечения вашего покоя, вашей свободы, вашей жизни понадобилось в силу жестокой необходимости умертвить их всех. Таков голос разума, справедливости, природы, такова нравственность по отношению к контрреволюционерам, нашим непримиримым врагам. Повинуясь властным велениям моей совести, я буду проповедывать эту мораль с крыш. Ничто на свете не сможет заставить меня заговорить другим языком до тех пор, пока заговорщики будут готовить нашу гибель; я буду так говорить в народных собраниях, перед судом, в самом Национальном собрании. Да, клянусь в этом, до самого последнего вздоха, я не перестану призывать топор мщения на их виновные головы. Пусть они искренно откажутся от всяких заговоров, от всякого угнетения, от всяких злоумышлений, и мы поторопимся протянуть им руку мира; чтобы доказать им, что мы хотим только упрочить свои права, мы согласны, чтобы они покрыли нас позором, если, забыв законы справедливости, мы когда-либо захотим совершить хотя бы малейшее посягательство на их права; пусть они называют нас в свою очередь разбойниками, если мы станем покушаться

на их безопасность и их свободу; мы даем теперь священное обязательство отказаться в этом случае от всяких насильственных действий, от всякой самозащиты, от всяких жалоб. Но до тех пор, пока честным и искренним поведением, усердием при восстановлении спокойствия в королевстве, старанием воздерживаться от всякого ропота против революции и радостным участием в установлении царства справедливости и свободы они не дадут нам основания доверять их слову, их клятвам, мы не перестанем тревожно наблюдать за ними как за опасными врагами, не перестанем разоблачать их заговоры, относиться к ним как к изменникам, и мы в конце концов истребим всю породу этих неисправимых чудовищ.

*Гражданская присяга Друга Народа*⁴⁰
(«Друг народа» № CCCLXXIV, 17 февраля 1791 г.)

Мои противники вздумали сыграть надо мною шутку, напечатав везде, что я подозрительный патриот, что я *не принес гражданскую присягу*. Ввиду этого две сотни писем просят меня принести ее публично.

Господа, вы забываете об этом,—моя гражданская присяга пламенными буквами запечатлена *на страницах «Друга народа»*. Спросите врагов отечества: разве не достаточно восемнадцатимесячных свирепых преследований с их стороны для того, чтобы засвидетельствовать ее искренность?

«Вас заставляли присягать в верности нации, закону и королю и обязаться всеми силами защищать конституцию». Я слишком часто восставал против этой сакраментальной формулы, которая превращает французов в рабских почитателей декретов, *хороших или дурных*, наших отцов-сенаторов и которая приемлема только для рабов, чтобы согласился принять ее; как бы вы ни были предубеждены, вы должны признать неотразимость моих доводов.

Просвещенный гражданин может быть верен только нации, и он должен быть верен ей только потому, что составляет часть ее, т. е. потому, что свое личное благополучие он находит в благополучии общем.

Честный гражданин должен повиноваться законам, но повиноваться им он должен лишь постольку, поскольку они справедливы и мудры. Если он станет повиноваться нелепым законам, он поступит как сумасшедший. Если он станет повиноваться несправедливым законам, он поступит как дурной человек. Если он станет повиноваться законам, служащим для угнетения, он поступит как раб.

Свободный и рассудительный гражданин сознает, что должен относиться к королю с уважением, как и ко всякому другому человеку, и с почтительным уважением, когда он добросовестно выполняет обязанности своего положения. Но он сознает, что обязан ему только уважением. В самом деле, ведь король является в его глазах лишь первым агентом исполнительной власти, настоящим общественным должностным лицом, простым гражданином. Как в таком случае можно быть обязанным ему *верностью*, которая всегда предлагает с одной стороны *власть*, а с другой — *подчинение*? Установив эти принципы, я перехожу к моей присяге.

Я клянусь на алтарях *истины*, что справедливость и свобода всегда будут моими излюбленными богинями, как всегда были ими.

Я клянусь всегда считать отечество своей матерью, проявлять по отношению к нему сыновнюю нежность, посвящать на служение ему все способности моего тела и души, защищать его с опасностью для моей жизни и, если понадобится, пожертвовать собою ради его блага.

Я клянусь соблюдать до моего последнего вздоха только те декреты Национального собрания, которые согласуются с декларацией прав, единственным законным основанием конституции; поддерживать те, которые не противоречат ей, топтать ногами те, которые опрокидывают ее, и не знать отдыха, пока они не будут отменены.

Я клянусь питать к королю все те чувства, которые внушают разум и человечность: жалеть его, как добряка, когда он даст надоедать себе своей жене, своим родственникам, своим фаворитам или лакеям; уважать его как честного человека, когда он выкажет себя твердо решившимся выполнять свои обязанности, и почитать его более чем мудреца, когда мы увидим, что он искренно отталкивает злых людей, советуящих ему снова надеть на нацию оковы, когда мы увидим, что он прогоняет со своих глаз и поражает всей силой своего негодования тех, кто имеет смелость пользоваться его именем для устройства заговоров против свободы.

Я клянусь обличать перед народом всех общественных должностных лиц, пренебрегающих своими обязанностями, или взяточников и разоблачать среди бела дня все мерзости их жизни, пока они не будут прогнаны или наказаны.

Я клянусь публично разоблачать все злоумышления против общественного блага, призывать строгость законов против виновных в них, будь то мои самые дорогие родственники или мои лучшие друзья.

Я клянусь никогда не жертвовать правами народа в угоду носителям власти и скорее умереть с голоду, чем продать им его интересы.

Наконец, я клянусь видеть свою славу в просвещении народа насчет его прав, в придании ему мужества защищать их и в постоянном подстегивании его, пока он не вернет их себе.

Такова моя гражданская присяга. Никогда еще ни один благомыслящий человек не приносил более искренней присяги, и я льщу себя надеждой, что ее одобрят истинные патриоты. Если общественные должностные лица осмелятся критиковать ее, я их приглашу принести лучшую присягу. Я знаю, что она до-смерти не понравится врагам революции; пусть же они объявят меня уволенным со всех моих мест и отнимут у меня все мои пенсии.

Мои дорогие сограждане, если бы вы сознавали свои права и знали свои обязанности, вы принесли бы эту присягу, вместо того чтобы бормотать, как попугай, присягу, продиктованную вам предательским большинством Национального собрания. Будьте уверены, если бы вы были достаточно просвещены и добродетельны, чтобы давать только такую присягу, то в ту же минуту лакеи двора, бывшие дворяне, прелаты, приказные, финансисты, офицеры, королевские пенсионеры,—одним словом, все приспешники старого режима оказались бы заживо похороненными, если бы им не удалось бежать; свобода утвердилась бы среди вас сама собою; вам не нужны были бы для ее защиты ни перья, ни штыки, и правосудие, мир, изобилие, счастье дарили бы теперь у вас.

Сколько усилия, забот, трудов, утомления, борьбы, до тех пор, пока удастся когда-нибудь насладиться всем этим! Но не теряйте мужества; несмотря на вечные злоумышления ваших врагов, нечего отчаиваться в общественном благе, если вы будете настороже и не дадите усыпить себя. Что касается меня, то, несмотря на раздражение, какое вы вызываете часто во мне вашей апатией, вашим ослеплением, я не перестану отчитывать вас и подталкивать вас, пока вы не сделаетесь свободны и счастливы.

Отечество на краю гибели 41

(«Друг народа» № CCCLXXX», 23 февраля 1791 г.)

Едва только двор, министры и придворные пришли в себя от ужаса, в какой их повергли взятие Бастилии и кровавая расправа с несколькими королевскими вымогателями, как они стали думать лишь о том, как бы снова схватить бразды пра-

вления, выпавшие из их рук. С той минуты пятьсот необузданных заговорщиков принялись устраивать всякого рода махинации, чтобы выковать народу цепи еще более тяжелые, чем те, которые он разбил. Однако им пришлось теперь оставить надменный тон деспота и его лакеев, чтобы говорить соблазнительным языком благотворительности и правосудия; то были струсившие волки, накрывшиеся овечьей шкурой.

С некоторого времени лицемерный управитель финансами работал над тем, чтобы навлечь на королевство бич голода и нужды, скупая хлеб и звонкую монету; в то время как он старался уменьшить население посредством голола и нужды, вероломный придворный, которого раздутая репутация поставила во главе буржуазной гвардии, увлек за собою граждан, установив форму и разделив их между собою посредством различных отличий, способных внушить им корпоративный дух. С своей стороны кабинет министров отнял у народа его защитников в сенате, подкупив одних за другими его представителей; вскоре члены различных комитетов стали заниматься лишь изготовлением пагубных декретов, посредством которых с помощью ложного толкования исполнительной власти они возвращали в руки государства все средства власти, отнимая у народа средство к защите. Наконец, черная банда заговорщиков разослала по провинциям эмиссаров, чтобы завербовать там множество заговорщиков, подкупив одновременно с этим массу продажных перьев, чтобы вводить в заблуждение патристически настроенных граждан посредством ложных слухов, сбивать их с толку насчет намерений их врагов и усыплять их на краю пропасти, проповедуя им подчинение законам, бессильным * защищать их, и обращение к судам, которые будут *покровительствовать их угнетателям.*

* Усыпители не перестают проповедывать слепое подчинение законам; они заявляют, что просвещенный гражданин не имеет права входить в их рассмотрение и что он обязан подчиняться даже самым несправедливым законам. В таком случае выходит, что по их мнению, восстание 12, 13 и 14 июля было большим преступлением. Значит, взятие Бастилии — страшное преступление. Значит, революция — это цепь ужасных преступлений, потому что она совершилась только посредством того, что поправа ногами действовавшие законы. Следовательно, конституция, возникшая вследствие ее, представляет собою ткань ужасов. Как же они объявляют себя ее друзьями? Как могут они проповедывать подчинение декретам, которые опрокидывают прежние законы, заменяемые ими? Мы приходим к тому выводу, что эти усыпители или дураки, противоречащие самим себе, или неискренни. Да, без сомнения, они неискренни, совсем так же, как и их глава, который требует, чтобы караи восстания, хотя он изображает их как самую священную

Что противопоставили вы, французы, для своей защиты всем этим темным уловкам, пущенным в ход против вас? Несколько безвестных жертв, растерзанных чернью. Их, без сомнения, было бы достаточно, чтобы установить вашу свободу, если бы вы не допустили, чтобы из-за боязни вашего оружия враги наложили оковы на несчастных, рисковавших своей жизнью ради упечения вашего счастья. Сказать ли! вы в своей глупости дошли до того, что приветствовали даже закон о военном положении*, пагубный закон, под покровом которого непримиримые враги свободы спокойно стоваривались о ее гибели. Но что вы поставили на место народных расправ? Пустой лепет, пустые речи, пустые предложения. Париж раньше был разделен на шестьдесят дистриктов; в настоящее время он разделен на сотню различных обществ, где ежедневно составляют новые резолюции, из которых ни одна не проводится в жизнь. С тех пор как существуют эти общества, в них принято сто тысяч резолюций и две тысячи постановлений. Покажите мне хотя бы одно единственное, имевшее малейший результат. О болтливая и тщеславная нация, твое глупое тщеславие погубило тебя и всегда будет губить; что значит для твоих членов, мнимых патриотов, благо отечества, если они могут выставить себя в выгодном свете, если могут ораторствовать

из обязанностей. Оставим здесь этих лицемеров, всегда вынужденных опровергать свою собственную теорию при применении ее на практике, и заметим, что единственный способ быть последовательным во всех пунктах и быть согласным с самим собою,—это различать законы и хотеть только хороших, чтобы иметь возможность повиноваться им. Пусть не говорят, что если бы каждому было предоставлено критиковать законы и отказываться повиноваться им, когда они покажутся ему несправедливыми, то получилась бы полная анархия. Я отвечаю на это, что возражение несостоятельно, ибо, для того чтобы законы были справедливы, достаточно, чтобы они не шли вразрез с признанными правами человека и гражданина, с признанными правами нации,— вещь очевидная, по поводу которой согласны между собою все здравомыслящие люди, когда они не имеют никакого интереса оспаривать ее. И притом это сопротивление закону должно иметь место только в то время, когда вырабатывается конституция и когда законы еще не утверждены торжественно народом. Наконец, торжественная санкция народа, после того как дано было достаточно времени, чтобы могло сформироваться и свободно проявиться общественное мнение, кладет на них печать почтения и принуждает к подчинению. Следовательно, только враги свободы проповедают повиновение законам, против которых они первые выступили бы, если бы находили их невыгодными для себя. Посмотрите-ка, разве бывшие дворяне подчинились декрету, который упраздняет наследственные титулы?

* В течение шести месяцев я один во всей Франции боролся против него. Я вижу теперь его пагубные последствия.

и срывать рукоплескания! Почему вместо стольких пышных речей, стольких самонадеянных советов, долженствующих излечить наши язвы и предотвратить угрожающие нам бедствия, почему вы не прибегли к своим штыкам? Несколько смертельных ударов, нанесенных главарям заговорщиков, принесли бы вам больше пользы, чем все ваши цветистые речи и все ваши ребяческие резолюции, которые живут всего один день и которые назавтра забываете вы сами. Или, лучше, почему вы не остались стоять скрестив руки и не предоставили действовать толпе? При помощи нескольких кусков веревки она избавила бы вас в течение месяца от всех ваших врагов, и вы ныне наслаждались бы свободой посреди изобилия и мира.

Слепой народ, не имеющий вождей и руководителей, народ не рассуждающий, который ведут, куда хотят, ловкие мошенники! Глухой народ, неспособный учиться в школе бедствий и для которого всегда даром проходят уроки опыта! Народ ребячливый, который любому наглому фокуснику всегда удается посредством глупой сказки отвлечь от мыслей о своем благе даже среди общественных бедствий!.. Достаточно, значит, позабавить тебя, чтобы снова посадить тебя на цепь.

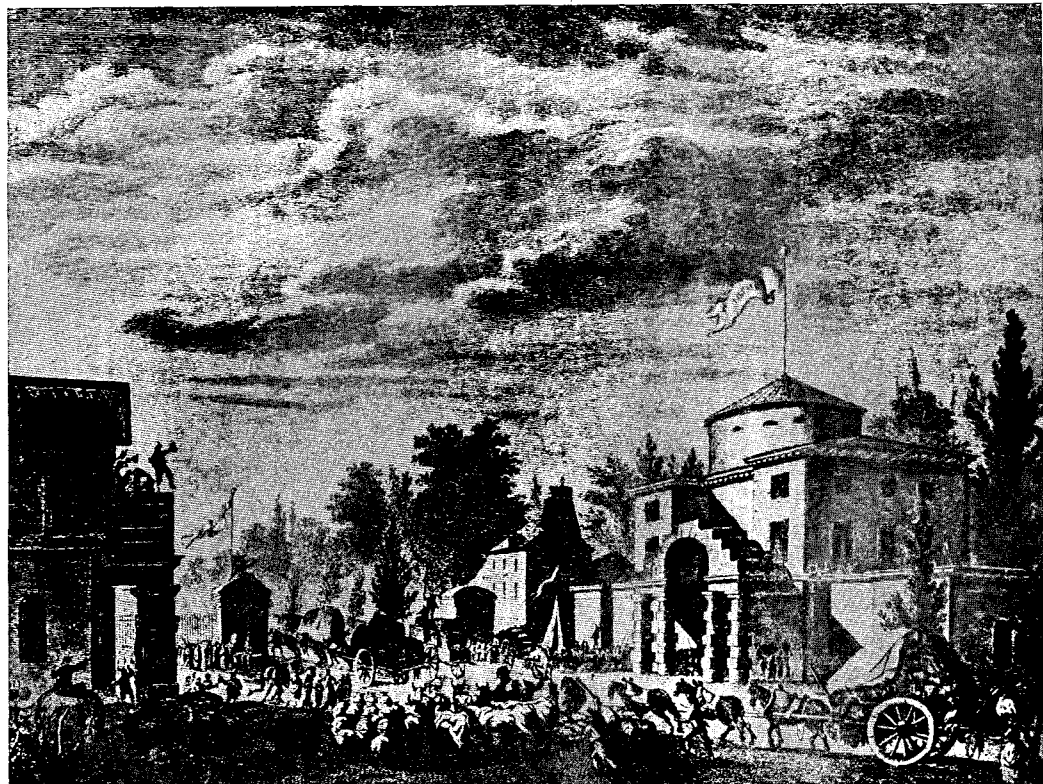
Перед лицом повторных покушений на твоих лучших граждан, какие позволяют себе твои враги, твои секции и твои братские общества со своими постановлениями напоминают кучку школьников, которых педагог для забавы науськивает ловить мух.

Если бы патриоты столицы обладали здравым смыслом, они поставили бы себе только одну цель, но цель главную, и объединились бы для преследования ее, пока правосудие не совершится. Если бы они действовали таким образом против головорезов генерала в деле Рогонды или против убийц в бойше Ла-Шапель, громкими криками и, в случае необходимости, с оружием в руках требуя правосудия, то разбойники, купленные контрреволюционными придворными, испустили бы дух по дороге. Поверьте, тогда вам уже не пришлось бы дважды требовать правосудия; изменники отечества, преобладающие в сенате или стоящие у кормила правления, стали бы трепетать от ужаса при мысли о заговоре против вас, и, уверенные в собственной гибели, если они будут продолжать свои махинации, они отступили бы и дали бы вам удовлетворение по всем пунктам. Бедные французы! Вы — взрослые дети, которые никогда не смогут ходить без помочей; глупое тщеславие ослепило вас сперва насчет ожидающих вас перспектив — вы взяли Бастилию, кто посмеет напасть на вас! Увы, вас снова заковали

в цепи как глушцов, и с вами поступят как с мятежниками. Уже восемнадцать месяцев, как я не перестаю кричать вам, что свобода завоевывается только с оружием в руках и что при вашем образе действий вам невозможно избежать гражданской войны. Глухие к моему голосу, вы заснули в объятиях ваших врагов. И теперь, когда они собираются прикончить вас, вы беспокоитесь по поводу угрожающих вам опасностей и ничего не делаете, чтобы уберечься от них. Вы дали исчезнуть теткам короля, а может быть и наследнику вместе с ними. Брат монарха готовится в свою очередь бежать... Что же, вы дадите и ему ускользнуть? Наконец, ускользнут сам монарх и его жена... Ах, я содрогаюсь при мысли о несчастьях, какие нас ждут: едва только монарх окажется на границе, как вражеские когорты двинутся к нашим очагам, чтобы проливать ручьи крови, если уже до того не устроят резню бандиты, которых генерал содержит в вашем городе. Никто не будет пощажён — мужчины, женщины, дети, даже ваши представители будут первыми жертвами. Тогда, тогда вы вспомните спасительные советы Друга Народа и станете рвать на себе волосы, в отчаянии от того, что не последовали им.

Бедные ротозей! Вас грабят, вас обкрадывают, вас угнетают и продают ваши избранники, общественные должностные лица. Вас обкрадывают, продают и предают ваши представители; вас обкрадывают и предают ваш государь и его министры.

Людовик XVI предаёт нас после стольких священных обещаний, после стольких торжественных клятв, после честного слова дворянина, потомка Гуго Капета. Если бы он не предавал вас, стал ли бы он терпеть вечные заговоры своих министров? Терпел ли бы он их сейчас? Смотрел ли бы он спокойно на это сосредоточение на ваших границах австрийских войск? Разве он потерпел бы, чтобы его кузен Капет Кондэ и его брат Капет Артуа разъезжали по Европе, как заговорщики, поднимая против нас иностранные державы, вербуя армии бандитов для резни? И если бы Национальное собрание в свою очередь не предавало вас, то разве оно посягало бы столь различными способами на ваши права и на вашу свободу? Разве оно дало бы бежать стольким изменникам? Разве оно вырвало бы у меча правосудия стольких заговорщиков? Разве оно потерпело бы стольких беглецов? Разве оно не объявило бы их изгнанными, если они не вернутся в назначенный срок? Разве оно не объявило бы принца Артуа утратившим все права на корону? Не отняло ли бы оно у него благоденствия нации? Оно издаст, говорите вы, декрет против эмигрантов, который оно

Ликвидация застав 1 мая 1791 г.
Гравюра Берто с рисунка Приера

по предложению Барнава поручило выработать своему конституционному комитету. Все это одно фокусничество. Барнав и Петтион, повидимому, добились этого для того, чтобы прекратить слухи, к несчастью вполне обоснованные, как бы оскорбительны они ни были для королевского семейства, и немного обелить себя в общественном мнении после гнусных декретов о жандармерии, о местопребывании верховного национального суда и о субсидии в семьдесят восемь миллионов, которые они пропустили, не произнеся ни слова. Фрето, Мартино и, что еще хуже, д'Андрэ из сторонников министерства поддержали предложение. Что еще нужно для доказательства того, что это хорошо разыгранный фарс? Может быть, даже он согласован с Малуэ и Фуко*, чтобы обезопасить себя... В самом деле, может быть, брат короля, который укладывал свой багаж в самый вечер предложения, уже не находится в Париже. Может быть, и наследника уже здесь нет. Может быть, и сама Австриячка уже не находится здесь, хотя, как бы то ни было, не этот декрет помешает им уехать. Для того чтобы дать им достаточно времени, продажный комитет сперва представит незначительный проект, который понадобится переделать раз десять, чтобы он принял приличный вид... Если только господам депутатам не надоест игра, как это случилось, когда я заявил, что беглые ханжи имели паспорт от Национального собрания, что представляет совершенную истину.

*Размышления Друга Народа о праве ассоциаций и коллективных петиций*⁴²

(«Друг народа» № CCCLXXXIX, 4 марта 1791 г.)

До того как вводная часть этого декрета была изменена, Петтион, открывший прения, и Робеспьер, давший им направление, справедливо напали на него как на декрет расплывчатый, двусмысленный, коварный и злокозненный, имеющий в виду лишить отдельных граждан права свободно высказывать свое мнение и предрешить великий вопрос о свободе печати, которую собрание обещало уважать, — упреки, какие они могут делать по его адресу еще и теперь, после его новой редакции. Будучи вполне убеждены, что это введение, более чем излишнее, вставлено исключительно для того, чтобы дать повод уни-

* Одна из уловок врагов революции состоит в том, что они притворяются иногда выступающими за народное дело. Так, например, один из царедворцев постарался выказать свое уважение к равенству прав тем, что голосовал за отмену ввозных пошлин, а Малуэ и Казалес требовали свободы печати в пользу врагов конституции.

чтожить все патриотические ассоциации, эти защитники народа решили подорвать зло в корне, нацелившись на тот принцип, что суверенитет пребывает неделимо в нации в ее совокупности и что в обширном государстве он может выражаться лишь представителями народа. Они ошиблись: принцип этот бесспорен, ибо если бы суверенитет мог делиться, в государстве было бы много суверенов, что нелепо.

Для того чтобы разоблачить тайные намерения продажного комитета и расстроить его планы, этим честным патриотам было бы достаточно определить функции суверенитета; тогда сами собою отпали бы все неправильные выводы из принципа, а авторы декрета попались бы в свои собственные сети. В самом деле, функции эти строго ограничиваются выработкой законов для нации и надзором за их соблюдением. Вы сомневаетесь в этом? Посмотрите на британский парламент как представитель нации. Он ограничивается исключительно выработкой законов, хотя Палата общин выполняет функции общественного обвинителя в делах о государственных преступлениях, а Палата лордов служит в гражданских делах высшим судом, а в уголовных делах — трибуналом для своих членов. Я не говорю здесь о Национальном собрании Франции, — это плохо воспитанный ребенок, который хорошенько не знает, что творит, кроме тех случаев, когда делает зло, которое всегда совершает от всего сердца, но, что касается добра, оно всегда у него лишь результат принуждения. Желая вырвать из рук правосудия своих членов-заговорщиков, оно решило само судить их, ибо решать вопрос, следует или не следует предавать их суду, значит уже осудить их или оправдать, значит осудить их функции, чуждые законодательному органу; их присоединение к суду не может не вести к уничтожению свободы. Для надзора над соблюдением законов оно учредило особую кассационную палату, и этим оно отказывается от составной части законодательной власти, ибо законы скоро утрачивают свою силу и не применяются, как только перестают следить за их соблюдением. Будучи лучше осведомлено, Национальное собрание строго ограничилось бы этими функциями, соединение которых образует суверенную власть. Узурпировать суверенную власть — значит, без сомнения, совершать ужасное преступление, но это преступление может быть совершено только смелым государем, который подчинит своему игу своего суверена, или честолюбивыми представителями, которые продлят свои полномочия вопреки приказаниям своих избирателей; таковыми бы оказались наши депутаты, если бы были достаточно легкомысленны или безумны, чтобы мечтать об этом.

Стремясь парализовать и уничтожить патриотические общества, приводящие в отчаяние врагов революции, конституционный комитет произвольно назвал суверенными актами предложения, прения, обсуждения, решения, постановления — одним словом, все действия, отличающиеся от простой петиции. Это наибольшая из глупостей: эти акты представляют простые проявления умственной деятельности, и Национальное собрание может запретить их не в большей мере, чем помещать земле вращаться вокруг своей оси. Эти акты имеют место во всевозможных обществах, в обществах ученых, купцов, артистов, рабочих, в обществах благотворительных, в обществах дружеских, в обществах для игры, потому что все они имеют свои правила, без которых превратились бы в беспорядочные сборища, потому что каждый может свободно высказывать там свое мнение, потому что там часто принимаются решения, если возникают споры, которые надо разрешить, и потому что там всегда выносят новые постановления в зависимости от обстоятельств.

Что касается патриотических обществ, то какую бы форму они ни имели, какие бы вопросы они ни обсуждали, какие функции ни выполняли бы, какие бы постановления ни принимали, они всегда занимаются только тем, что наблюдают за общественными должностными лицами, соединяют свои усилия для того, чтобы добиваться удовлетворения жалоб и наказания виновных агентов власти, противодействовать их покушениям и оберегать благо народа. Поэтому нелепо стараться внушить, что они совершают суверенные акты, что они выполняют малейшую гражданскую или политическую функцию; они лишены возможности делать это и не думают об этом, — их единственная цель — это просвещать умы, распространять знания и патриотизм, объединять граждан, чтобы они сообща осуществляли надзор, который они должны осуществлять каждый отдельно, и соединять их усилия для более успешного сопротивления угнетению, для расправы с угнетателями, для уничтожения тирании. Все это их естественное право, гражданское право, право политическое, и ни одна законная власть не может решиться запретить его, — этому могут препятствовать одни только деспоты.

Враги революции, чьи черные замыслы они разоблачают, чьи тайные маневры они расстраивают, чьи ужасные покушения они останавливают и чьи страшные заговоры они обрывают на неудачу, не перестают выказывать свою бессильную злобу: не ограничиваясь клеветой на народные общества, они

пускают в ход тысячу позорных пружин, чтобы погубить их, они возбуждают против них всех агентов власти и не перестают подстрекать законодателя уничтожить их. Конституционный комитет горит желанием того же и ищет тысячу обходных средств стеснить их деятельность. Друг Народа берет их под свою защиту и запрещает ему касаться их; если он осмелится любым образом посягнуть на них, я предлагаю им смотреть как на листы капусты на все декреты, какие могут быть изданы в целях затруднить их деятельность или прекратить ее. Точно так же он считает негодной бумагой введение, озаглавленное «Уважение к закону», и все декреты, которые противоречат декларации прав, единственному священному основанию конституции.

Друг Народа равным образом приглашает их проникнуться сознанием своих прав, которых они все не знают, не исключая Якобинский клуб. Я с возмущением слушаю, как они глупо повторяют вслед за своими врагами: «Мы не сможем это сделать, мы не являемся обществами, выносящими постановления». Нелепое заблуждение: никакая свободная ассоциация граждан, ни одно братское общество, ни одно патриотическое собрание не имеет право вмешиваться в общественные дела, чтобы вести их или управлять ими,—это бесспорно, и в целях содействия общественному благу они обладают лишь простым правом предлагать, советовать, требовать, просить—это тоже бесспорно. Но когда дело идет о том, чтобы парализовать покушения на свободу и общественную безопасность, когда дело идет о противодействии махинациям врагов революции, когда дело идет о наказании заговорщиков, когда дело идет о предотвращении гибели отечества, тогда патриотические общества имеют право быть не только обществами обсуждающими и решающими, но также и действующими, выносящими приговоры, карающими, убивающими, после того как они тщетно испробовали все законные пути подавить врагов общества, а носители власти столковались, чтобы убаюкивать народ, усыплять его на краю пропасти и вызвать его погибель. В этом просто выражается право сопротивления угнетению, и заботиться о своей безопасности—право, которое природа дала каждому человеку при рождении его, которое признали* все свободные правительства и торже-

* Если в Англии какой-нибудь агент власти или общественное должностное лицо превышает свои полномочия, чтобы произвести насилие, то всякий гражданин имеет право его убить. Во время моего первого пребывания в Лондоне один ткацкий мастер из Сити был неправильно арестован за долги; он показал полицейскому, что не является тем

ственно подтвердило само Собрание. И теперь оно будет иметь бесстыдство посягать на право. Станет стараться сделать его недействительным. Будет стараться отнять его у нас. Оно может попытаться сделать это, потому что оно достаточно неблагоразумно, чтобы не понимать безумия этой затеи; но я предсказываю ему, что его тщетные усилия не дадут иного плода, кроме позора и стыда.

В самом деле, каковы же те действительные средства, какие Национальное собрание обеспечивает нам для защиты наших прав, для подавления тех, кто нападает на них, для освобождения от наших угнетателей, для сведения на-нет их покушений и для наказания их? Петиции? Как! неужели мы согласимся вручать свою участь в руки развращенных депутатов, вероломных администраторов, продажных агентов, судей-взяточников? Неужели мы спокойно предоставим им лишать нас нашей свободы, отнимать наши имущества, покушаться на нашу честь, добиваться нашей гибели? Неужели мы станем молча терпеть, как они мучают нас, грабят, тиранизируют ради редкой привилегии выяснять нашу невинность или наши права людям, заинтересованным в том, чтобы не слушать нас, и могущими не выслушивать нас? Вот, надо сознаться, приятный выход, прекрасная привилегия. Но мы обладаем таким выходом и пользовались этой привилегией при наших деспотах наиболее абсолютных — при Людовике XI, Карле IX, Людовике XIV. Стоило ли в таком случае рисковать в течение двух лет жизнью, лишиться покоя, подвергаться утомлению, бодрствовать, испытывать всяческие неудобства, проводить дни и ночи среди постоянных тревог — и все это для установления нового порядка вещей, ничего при этом не выиграв, — да что я! — решительно от этого теряя... По крайней мере тогда враги свободы и отечества не были, как теперь, объединены для того, чтобы погубить нас, и тогда они не составляли с одного конца королевства до другого сплошную цепь заговорщиков, с целью восстановить деспотизм и отдать нас во власть тирании... Тогда угнетенный по крайней мере не всегда должен был в поисках правосудия обращаться к своим угнетателям.

И пусть не говорят, что в этой картине сгущены краски. Нам не перестают восхвалять благодеяния Национального со-

должником, какой обозначен в приказе об аресте; полицейский настаивает и хочет увести его силой; тогда мастер сзывает своих рабочих, берет пистолет и велит полицейскому уйти; тот отказывается, и он тогда убивает его на месте. После этого он отправляется в суд, чтобы его арестовали. Но, как и следовало ожидать, он был оправдан судом.

брания, отеческие заботы наших администраторов, господство в настоящее время законности... Все это сказки, чтобы усыплять глупцов. По фактам надо судить о правдивости этих прекрасных речей. Покажите-ка мне со времени взятия Бастилии хотя бы один акт правосудия по отношению к народу. Я вам покажу десять тысяч несчастных крестьян *, упрятанных в тюрьмы за то, что они воспротивились отбиранию хлеба королевскими скупщиками, которые обрекали их на голод; покажите мне хотя бы одного наказанного из этих чудовищ. Я вам покажу целый город **, обреченный на бесчинства ужасной солдатни, которую послал контрреволюционный генерал, на реквизиции со стороны мошенников из муниципалитета, и это только за то, что он хотел наказать одного министерского монополиста; покажите мне хотя бы одного из этих жестоких угнетателей, который был бы предан всей строгости законов. Я вам покажу сорок тысяч солдат, которых в течение пятнадцати месяцев мучили из-за проявленного ими дивизма, которых затем их гнусные офицеры позорно прогнали из их частей. Покажите мне хотя бы одного из этих гнусных начальников, который был бы наказан. Я вам покажу три тысячи патриотов, солдат или граждан, перебитых за то, что они оказали сопротивление тирании своих начальников. Покажите мне хотя бы одного из их палачей, который был бы наказан. Я вам покажу в столице друзей свободы, которых банда шпионов и продажных убийц в течение долгого времени заставляет молчать об изменниках отечеству, с которыми грубо обращаются и которых тащут в полицию недостойные командиры национальных гвардейцев, которых потом эти несправедливые носители власти отсылают в тюрьму. Но докажите мне, что хотя один из этих злодеев был наказан. Я вам покажу, как во всех департаментах скромного гражданина попирают ногами, грабят, мучают, угнетают интриганы, приспешники деспотизма, которые захватили все влиятельные должности. Но докажите мне, что хотя один из этих чиновников-варваров был наказан. Я вам покажу гнусные суды, к обиде прибавляющие оскорбление, чтобы раздавить под тяжестью власти защитников народа и покровительствовать заклеянным разбойникам, а затем объявить себя некомпетентными наказать этих разбойников ***; покажу суды,

* Мы видели это в Пуату, в Анжу, в Лангедоке и т. п.

** Верно.

*** Таким позором покрыл себя парижский полицейский суд в деле типографии «Друга народа» и «Оратора народа» против шпионов генерала.

JOURNÉE DU
Le Roi arrivant

25 JUIN 1791
de Varennes à Paris

Прибытие короля из Варенн в Париж 25 июня 1791 г.
Гравюра Жармена

говорящие о соблюдении законов, чтобы угнетать друзей свободы, пытающихся защищать ее, и ссылающиеся на уважение к свободе граждан, чтобы покровительствовать игорным притонам, притонам воров и убийц*. Я вам покажу сто тысяч заговорщиков против свободы, безопасности и жизни друзей революции, злоумышляющих с утра до ночи против отечества, подкупающих целые армии бандитов, чтобы перерезать его защитников и зажечь огонь гражданской войны, чтобы восстановить царство тирана... Но докажите мне, что хотя один из этой массы изменников отечеству был наказан.

Что ж это в самом деле? Мы отказались от всех пред-рассудков нашего рабского воспитания, мы не обратили внимания на гнев деспота, на ярость приспешников, мы шли навстречу опасностям, мучениям и смерти, чтобы разорвать наши цепи, мы свергли иго, мы всем пожертвовали, а отцы отечества, которым мы поручили защиту наших прав и заботу о наших самых дорогих интересах, позорно предав нас, хотят запретить нам собираться, объединиться и обсуждать самим средства самозащиты. Под нарочито придуманным предлогом уважения к законам они хотят связать нам руки и выдать нас, беззащитных, прежним властителям, оставив нам лишь свободу взывать к их милосердию и просить пощады. И отцы отечества имеют наглость говорить об уважении к судьям, угнетающим нас, к администраторам, грабящим нас, к начальникам, предающим нас, в тот самый день, когда раскрыт ужасный заговор, в который замешано большинство из них; почти в самый момент его осуществления они имеют смелость грозить нам тюрьмой, казнями, если мы безмолвно и с уважением не покоримся и не склонимся под иго, которое им угодно наложить на нас. Ах, если бы они сами уважали законы, если бы были верны честности, чести, отечеству, своему долгу, своим клятвам, они своими злоупотреблениями не довели бы нас до отчаяния, не довели бы нас до жестокой необходимости самим чинить расправу, чтобы спастись от гибели.

Законодатели сегодняшнего дня, эти произвольные приказы, какие вы с таким высокомерием и жестокостью навязываете нам, заставили бы думать, что вы самые невежественные люди, если бы вы не были самыми развращенными, а ваша наглость выказала бы вас самыми жестокими тиранами, если бы вы не были самыми низкими лакеями.

* Таким позором покрыли себя комиссары секций или полиции и муниципальная администрация, которые все берут взятки с этих притонов.

Безумцы! Давая нам чувствовать вашу власть лишь угнетением и говоря нам лишь об уважении к законам, которые вы создаете для нас, как вы не опасались заставить нас поставить вопрос о ваших полномочиях? Как вы не боялись, внушая нам свои положения, вручить нам оружие для уничтожения вас? Что, в самом деле, могли бы вы ответить тому, кто сказал бы вам: «Кто вы такие, чтобы разговаривать с нами так властно?» Вы, без сомнения, ответили бы: «Мы — представители нации, которым вручена власть издавать от ее имени законы, высшая власть!» Вот это-то и надлежит выяснить.

Когда вы прибыли на сессию Генеральных штатов, нация, разделенная на три сословия, находилась еще под игом монарха, который один обладал высшей властью, узурпированной его предшественниками. Половина депутатов представляет собою лишь делегатов двух сословий, уже не существующих. Каким же образом могут они объявлять себя представителями нации? Эти сословия, прежде привилегированные, огорченные отнятием у них их несправедливых преимуществ, отказываются принять принципы революции, которые устанавливают равенство прав всех членов государства, пропорциональное равенство выгод и тягот государства среди всех граждан. Они протестуют против законов, устанавливающих это священное равенство, и проводят свою жизнь в злоумышлениях против отечества. Ввиду этого они являются лишь изменниками нации; как же могут они быть ее представителями?

Из другой половины депутатов, которых можно было бы считать представителями народа, значительное большинство не выбрано свободно народом; они являются лишь ставленниками министерской клики. Каким же образом могут они быть представителями нации? И, однако, именно эти смертельные враги народа, представителями которого они себя объявляют, и эти избранные прежде привилегированных сословий, которые не имеют никакого права заседать в сенате, именно они одни выработывают все законы, проводя их вопреки бессильным протестам наших верных депутатов, единственных подлинных представителей нации.

Исключите несколько декретов, вроде декрета о декларации прав, об уничтожении религиозных орденов, вроде декрета об отмене особых привилегий, об отобрании церковных имуществ, о суверенитете нации. Все другие имеют целью лишь вернуть монарху верховную власть и восстановить деспотизм: пагубные декреты, которые проводят эти мнимые представители народа, или, вернее, эти враги отечества, в надежде, что

король, восстановленный в полноте власти, восстановит их самих в полноте их прав. И совокупность подобных декретов составляет конституцию! Их авторы применили тысячу хитростей и уловок, чтобы вырвать наше согласие и заставить нас поклясться защищать их изо всех сил. Клятва бессодержательная и смешная, которая не должна нас связывать!

Эти декреты взаимно уничтожают друг друга. Те из них, которые подрывают декларацию прав, священную основу конституцию, не имеют юридической силы; те, которые нападают на нее, не могут ее задеть, и, следовательно, законными являются только те декреты, какие служат для общего блага. Каким же образом можем мы принимать все декреты без различия? Отвергать дурные, соблюдать хорошие и признавать их законами государства только в том случае, если их признает и санкционирует нация после зрелого рассмотрения их — вот единственный путь, какой предписывает благоразумие, какой внушает справедливость.

Марат, Друг Народа

*Надгробное слово Рикетти*⁴³

(«Друг народа» № CDXIX, 4 апрель 1791 г.)

Народ, возблаговари богов: твой самый страшный враг пал под колесо Парки. Рикетти уже нет! Он пал жертвой своих многочисленных измен, жертвой своих слишком запоздалых угрызений совести, жертвой варварской предусмотрительности своих жестоких соучастников, встревоженных при виде колебаний хранителя их ужасных тайн.

Ужасайся их ярости и благослови небесное правосудие! Но что я вижу! Ловкие плуты, смешавшиеся с твоими толпами, старались пробудить в тебе жалость. И давшись уже в обман их лживых речей, ты сожалелась об этом вероломном человеке как о самом ревностном из твоих защитников. Они изобразили тебе его смерть как общественное бедствие, и ты оплакиваешь его как героя, принесшего себя в жертву ради тебя, как спасителя отечества. Неужели же ты всегда будешь глух к голосу благоразумия и всегда будешь губить общественное дело благодаря своему ослеплению? Жизнь Рикетти была запытана бесчисленными злодеяниями; пусть темное покрывало закрывает отныне эту позорную ткань, так как он уже не может больше вредить тебе; пусть повесть о них не скандализирует больше живущих. Но остерегись профанировать свой фамию, береги свои силы для твоих честных защитников. Не забывай, что он был одним из прирожденных лакеев деспота, что он

нападал на двор только для того, чтобы уловлять твой голос, что как только он был избран в Штаты для защиты твоих интересов, он продал ему твои священные права; что после падения Бастилии он выказал себя самым пылким оплотом монархизма; что он сотни раз злоупотреблял своими талантами, чтобы вернуть монарху все пружины власти; что именно ему ты обязан всеми пагубными декретами, которые вновь надели на тебя иго и выковали твои цепи: *декретом о военном положении, декретом о приостанавливавшем вето, декретом о праве объявлять войну, о независимости делегатов нации, о марке серебряной, о высшей исполнительной власти, декретом, приветствующим мецких убийц, декретом об изъятии звонкой монеты посредством мелких ассигнаций, о разрешении эмигрировать, предоставленном заговорщикам, и т. п.* Ни разу не возвысил он свой голос в пользу народа, если не считать не имеющих никакого значения случаев. После того как он тысячу раз подряд предавал народ, он один единственный раз после «дня кинжалов» отказался принять участие в новом заговоре — и этот отказ явился для него смертным приговором*.

Ответ Марата рабочим национальных мастерских ⁴⁴

(«Друг народа» № CDXXV, 10 апреля 1791 г.)

Письмо рабочих Другу Народа

С какой несправедливостью вы говорите о несчастных, принужденных благодаря упадку торговли и ремесел работать в благотворительных мастерских! Нет, большая часть их совсем не злодеи, это добрые, честные граждане. Их нужда — это преступление судьбы, а не их собственное, это следствие бедствий нашего времени, безумств правительства, расточительности двора, хищений агентов фиска, а больше всего — развращенности и продажности депутатов, которые свое отцовское попечение о нас ограничили захватом имущества, принадлежащего бедным, для уплаты мнимым кредиторам государства, ограничили его тем, что нахватали богатств, восстановили деспотизм, обременили граждан новыми инквизиторскими налогами и послали ко всем чертям ремесла, промышленность и торговлю.

В своем № CDXXII, напечатанном, без сомнения, слишком поспешно, как всякое произведение, которое нет времени спокойно перечитать, вы как будто забываете, что вы друг, защитник, любимый адвокат народа... Не стану говорить вам, что несчастные имеют право на снисходительность, а замечу, что вы должны были бы отнестись с большей справедливостью к классу людей, у которых несчастье обнажило

* Его секретарь только что признался, что ему заплатили за то, чтобы он отравил его; комиссары, продавшие партии заговорщиков, взяли за расследование дела и уже работают над тем, чтобы потушить его. Будем готовы к тому, что эти страшные тайны окажутся навсегда погребенными в темных тайниках комитетов и судов.

всю душу и которые могут гордиться своим приниженным положением, потому что нужда ни на минуту не отвлекла их в сторону от столь узких тропинок добродетели; Аристидов отечества, а не Галилеев, несправедливо предпочитают им. Может быть, появится среди них новый Марий, который отомстит за суровые напасти судьбы, за ужасный деспотизм их жадных, их гнусных, их низких угнетателей.

Но мне надлежит перестать упрекать вас за жестокие эпитеты, которым непричастно ваше сердце, чтобы ознакомить вас с заговором, составленным в благотворительных мастерских.

Масса рабочих честна, очень честна, несмотря на все постыдные меры, какие пускали в ход, чтобы развратить их, вероломные агенты муниципалитета, или, вернее, тюльрийского кабинета; сначала наиболее просвещенные работники выполняли в этой маленькой республике функции мировых судей; они делали выговоры тем, кто совершал проступки, и навсегда изгоняли бездельников и плохих патриотов. Эта благотворительная полиция пришла не по вкусу начальникам, и опасение лишиться скудного куска хлеба, который они находили в этом убежище, заставило этих народных судей отказаться от своих обязанностей.

Да, конечно, в благотворительных мастерских имеются изменники и заговорщики, продавшиеся врагам отечества, но это шпионы и разбойники, которых устроил там Байи. Ведь администраторы и представители муниципалитета придумывают отличные правила для того, чтобы увеличить благонадежных граждан, для которых учреждены эти мастерские, и заменить их бывшими лейб-гвардейцами, бывшими дворянами, бывшими адвокатами, бывшими приказными—одним словом, продажными душами и головорезами. Вот, наш друг, те низкие существа, которых администрация устраивает в мастерских вопреки декретам, вопреки своим собственным регламентам, чтобы завладеть благомыслищими гражданами, соблазнять их и развращать.

Многие комитеты отделений распространяют дух возмущения, отнимая у французов единственный источник существования, какой оставлен им в их отчаянии, и давая пользоваться им иностранцам.

Вот имена некоторых шпионов, насыщенных золотом и осыпанных администрацией милостями и наградами, в надежде, без сомнения, что им удастся, наконец, довести до конца свои вечные заговоры.

Контролер общественных работ Монмартра, кавалер Сен-Луи, бывший судейский шпион.

Господа де Жуатто, Леруа, Виель. Дежарден, Тома, Тинтрелек, Вальер, Имбран—главные шпионы под названием контролеров, с жалованием в тысяча восемьсот ливров, не говоря о наградах за выделение и увольнение рабочих-патриотов и замену их разбойниками. Этот титул контролера—лишь словесное прикрытие,—вы хорошо это понимаете,—для придания приличного вида гнусным функциям этих негодяев и для высасывания крови несчастных, ибо комиссары отделений выполняют бесплатно должность контролера.

Спустя несколько дней я доставлю вам список шпионов, смотрителей и заведующих мастерскими, которые преданы изменнической администрации.

Если бы вы потрудились прочесть мою газету внимательно, вы увидели бы, что эпитеты, на которые вы жалуетесь, относятся только к шпионам, головорезам и разбойникам, вызванным Мотье из провинций в Париж и устроенным Байи в ма-

стерских в ущерб честным гражданам. Как могли вы вообразить, что я стану оскорблять несчастных,— я, который навлек на себя проклятия тем, что выступил в защиту их и отстаивал их дело? Я никогда не думал, что все рабочие благотворительных мастерских подкуплены, но я высказал огорчение по поводу того, что среди них находится так много негодяев, купленных предательской администрацией для того, чтобы убивать патриотов, когда настанет момент для этого. Но как раз то же самое говорите и вы. Мы, следовательно, сходимся с вами. Позвольте же попросить вас вывести из заблуждения ваших товарищей, которые ошиблись, как и вы, читая мою газету, а также просить у вас список всех шпионов, стоящих во главе мастерских, и подробности последнего заговора, который наши ротозеи проспали настолько, что не подумали даже осмотреть мастерские с целью очистить их от шпионов и предателей, и что они не упоминают об этом ни словом, как и о мятеже в Дуэ. Разве не кажется непонятным, как это секции и братские общества столицы, узнав, что министр распорядился захватить в почтовой конторе все письма, идущие из этого города, и перехватить через жандармов всю прибывающую туда почту, не послали в Дуэ хотя бы одного комиссара, чтобы собрать там достоверные сведения и разоблачить маневры врагов революции? Как они не поняли, что, в случае если муниципальные должностные лица, патриоты Дуэ, будут принесены в жертву ярости заговорщиков, то не найдется больше ни одного общественного служащего, который захотел бы подвергаться риску, защищая интересы народа и добросовестно выполняя обязанности своей должности? Покушения против этих служащих — очень важное дело. Оно имеет очень существенное значение для общественной свободы, и народу стоило труда собраться, чтобы оградить этих защитников своих прав и вырвать их из рук убийц. Но чего ждать от ротозеев? Чего ожидать от этих плутов и жадных людей, которые думают только о спекуляции на своем мнимом цинизме, о назначении на какую-нибудь должность, чтобы лучше продать свое влияние, и об извлечении выгод из своего вероломства и своих измен? Что думать об этой слепой толпе, суетной и беззаботной, которую несколько мошенников ведут за собою, как хотят, которую легко убедить, что ловкий лицемер, всегда торговавший правами нации, явился создателем свободы, и которая, будучи обречена на голодную смерть, бросает работу и бежит в церковь, сопровождая с преданностью злодеев, направляющихся туда для обоготворения своего соучастника?

Сестра Марата Альбертина
Иллюстрация из старинного издания

Письмо рабочих Другу Народа

Ответ Марата на второе письмо рабочих ⁴⁵

(«Друг народа» № CDLXXXVII, 12 июня 1791 г.)

Второе письмо рабочих

Дорогой пророк, истинный защитник класса бедняков, позвольте рабочим разоблачить вам все злоупотребления и гнусности, которые злоумышляют наши хозяева-каменщики, чтобы взбунтовать нас, доводя нас до отчаяния. Не довольствуясь тем, что нажили громадные состояния за счет бедных рабочих, эти жадные угнетатели, сговорившись между собою, распространили против нас ужасные пасквили, чтобы постараться лишить нас нашей работы. Свою бесчеловечность они довели до того, что обратились к законодателю, добиваясь от него варварского декрета против нас, который обрекает нас на голодную смерть. Эти презренные люди, в праздности пожирающие плоды пота рабочих и ни разу не оказавшие ни одной услуги нации, прятались в подвалах в дни 12, 13 и 15 июня. Когда они увидели, что класс обездоленных одинок совершил революцию, они вышли из своих логовищ, чтобы объявить нас разбойниками; потом, когда они увидели, что опасности остались позади, они стали интриговать в округах, чтобы заручиться местами, они надели форму и эполеты, и теперь, когда они считают себя более сильными, они хотят заставить нас согнуться под игом еще более жестоким, они угнетают нас безжалостно и без зазрения совести.

Вот, дорогой Друг Народа, некоторые из этих угнетателей, невежественных, жадных и ненасытных, которых обличают перед вами рабочие-каменщики квартала св. Женевьевы.

Понсе, подрядчик на постройке новой церкви св. Женевьевы, родившийся в Шалоне-на-Соне, извозчик по профессии, совершенно невежественный в строительном искусстве, но так отлично сведущий в грабительском искусстве, что приобрел девяносто тысяч ливров дохода за счет своих рабочих.

Кампюион, родившийся в Кутранс, сперва рабочий в Париже, теперь мастер-каменщик на постройке церкви Спасителя, хотя и очень невежественный, сумел тонко выстроить небольшой отель Таларк и обладает теперь рентой в двадцать тысяч ливров.

Гилло, взявший жену на улице и сделавшийся неизвестно как подрядчиком, теперь обладающий рентой в тридцать тысяч ливров.

Бьевр, родом из Аржантона, приказчик гг. Ролан и К^о, которых он разорил своими глупыми затеями при постройке гостиного двора, но сам отложил состояние, дающее тридцать тысяч ливров ренты.

Монтиньи, родом из Аржантона, получивший подряд на ремонт больницы для слепых в Сент-Антуанском предместье и имеющий в Париже три прекрасных собственных дома.

Шаваньяк, родом из Лимузена, пришедший в Париж в деревянных башмаках, а теперь владеющий четырьмя великолепными отелями.

Консффи, перворазрядный плут; ему было раньше поручено выдавать плату рабочим каменоломен; в его распоряжении были жандармы;

он украл у государства больше двух миллионов. Он построил себе склады в Ла-Куртиль. Он всегда плохо обращался с рабочими и обкрадывал их.

Делбр, сын торговца капустой в Лиможе, начал с хищений на постройке Итальянской комедии; имеет теперь более сорока тысяч ливров дохода.

Гобер, невежда, грубый и глупый человек, укравший более двухсот ливров при сооружении построек Брюнуа и затем построивший на бульварах дома стоимостью свыше пятисот тысяч ливров.

Иеро, рабочий из Бургундии, находящийся под покровительством заведующих больницами как женившийся на незаконной дочери покойного Бомона, архиепископа парижского. Он удалился от дел с доходом в двести тысяч ливров.

Ружвел, рабочий из Шампани, подрядчик-каменщик всего только пять лет и уже обладающий рентой в пятьдесят тысяч ливров.

Вот очерк способов выйти в люди наших вампиров и их скандальных состояний. Поверите ли вы, что, заваленные в такой степени богатствами, они все же проявляют жадность и мерзкую алчность, стараясь уменьшить еще на сорок восемь су нашу поденную плату, которую установила для нас администрация. Они не хотят принять во внимание, что мы имеем работу самое большее шесть месяцев в году, а это сводит нашу поденную плату к двадцати четырем солям, и на эту скудную плату мы должны суметь питаться, платить за квартиру, одеваться и содержать наши семьи, когда имеем жену и детей. Таким образом, после того как мы истощили свои силы на службе государству, испытали плохое обращение наших начальников, изможденные голодом и усталостью, мы часто не знаем другого выхода, как отправиться кончать свои дни в Бисетр, тогда как наши вампиры живут во дворцах, пьют самые тонкие вина, спят на пуху, разъезжают в золоченых каретах и забывают среди своего изобилия и удовольствий наши несчастья, отказывая часто семье рапеного или убитого в полдень рабочего в заработной плате за первую половину дня.

Примите наши жалобы, дорогой Друг Народа, и добейтесь удовлетворения наших надежд; ведь мы обольщались мыслью, что приобщимся к преимуществам нового порядка вещей, который облегчит нашу участь.

Подписано всеми рабочими повой церкви св. Женевьевы в количестве трехсот сорока человек.

Париж, 8 июня 1791 г.

Краснеешь от стыда и вздыхаешь от печали при виде того, что класс неимущих, столь полезных, оказывается отданным на милость кучки мошенников, которые жиреют их потом и варварски отбирают у них скудные плоды их труда. Подобного рода злоупотребления, лишаящие общество услуг многочисленного класса достойных уважения граждан, или, вернее, ведущие к уничтожению его в результате нищеты, должны были бы привлечь внимание Национального собрания и занять хотя бы часть того времени, какое оно посвящает стольким бесплодным прениям, стольким смешным спорам.

...После взятия Бастилии вся нация, поднявшаяся против деспотизма, старалась сбросить цепи, которые она только что разбила; она была вооружена, она стремилась вернуть свою свободу.

Что сделал генерал, чтобы свести на-нет усилия народа? Он начал с того, что внес в него по всей стране разделение; часть, которая держит в руках оружие, скоро становится господой другой части. Он задумал привлечь к участию в своих черных замыслах только людей более состоятельных. Чтобы обеспечить существование этого проекта, надо было хитро замаскировать его; форма послужила для него простым и верным средством. Она льстила национальному тщеславию, и поскольку служба была бесплатна, обременительна и связана с расходами, это сводило буржуазную гвардию к богатым и достаточным гражданам, т. е. к придворным, дворянам, отставным военным, финансистам, капиталистам, биржевикам, королевским агентам, приказным, крючкотворам, торговцам и рабочим, изготовляющим предметы роскоши,— к креатурам двора и приспешникам деспотизма. Под предлогом придать буржуазной гвардии приличный вид, он предложил таким образом установить для нее форму, и под предлогом облегчения малосостоятельных граждан, скрывая, что хочет исключить их, он допускал в ее состав только волонтеров, число которых ограничил всего двадцатью четырьмя тысячами, причем разбил их на шестьдесят батальонов. Благодаря этому многочисленные разряды граждан, находящихся в стесненном положении, ремесленники, рабочие, поденщики, нуждающиеся, которые завоевали свободу, оказались лишенными средств защищать ее, хотя он еще долго заставлял их выносить тяготы, оставляя им одни пищи.

В любой армии офицер всегда увлекает за собою солдата. Придворные, герцоги, графы, маркизы, командиры полков, президенты парламентов, советники верховных палат, интенданты, министерские агенты и т. п. стали домогаться преимущества командовать вооруженными гражданами, голоса которых они привлекали неуместными щедротами*, бесспорно имевшими характер подкупа.

* Государственное казначейство должно было бы покрывать расходы по обмундированию малоимущих граждан. Разве следовало позволить, чтобы богачи оплачивали их, создавая себе креатуру этим мнимым проявлением патриотизма?

Ввиду того, что солдат полка французской гвардии и большое число солдат других полков, вставших под знамена отечества, нельзя было ни отвергнуть, ни включить в гражданскую гвардию, он посчитал себя вынужденным создать из них особое формирование под названием центральных войск, которые он подразделил на шестьдесят рот и распределил по батальонам. Этот корпус в 6000 солдат, воспламененных любовью к свободе, ужасно смущал его; он начал поэтому с того, что уничтожил всякую связь между французскими гвардейцами, которых общественная признательность поставила во главе защитников угнетенного отечества, а затем постарался удалить из их рядов посредством бессрочных отпусков* лучших людей, которых, он заменил преданными ему приверженцами. Французские гвардейцы поделили между собою выручку от продажи своих казарм; каждый из них получил небольшую сумму; большая их часть разъехалась по своим деревням, и они были немедленно заменены негодьями, которых «герой двух частей света» велел набрать по кабакам столицы. В качестве офицеров он дал этим центральным ротам авантюристов, запятнанных пороками и готовых на все, лишь бы только поправить свои денежные дела; исключая, впрочем, унтер-офицеров гвардейцев, которые были выбраны солдатами, и небольшого числа честных граждан, дивизм которых призвал их к командованию.

Под предлогом, что армия несовершенна без кавалерии, он сформировал из конной стражи, из наемных убийц, мошен-

Вниманию французских гвардейцев.

«Я всегда говорил французским гвардейцам, что хочу оставить у себя только солдат-добровольцев. Будет издан регламент. Но если имеются желающие немедленно уволиться, они могут уйти сейчас же,— им выдадут их увольнительные свидетельства у г-на Малина. Оставшиеся, чтобы ознакомиться с этим регламентом, безотлагательно получат его и если они останутся недовольными им, смогут еще уйти. По ротам будет составлен список остающихся в ожидании регламента; этот список будет вручен мне, когда я посету казармы.

Подписано: *Лафайет.*

Париж, 3 августа 1789 г.

Разве Людовик XIV осмеливался когда-либо, даже во время своих успехов, говорить тоном столь нагло деспотическим? Как мог Тартюф Мотье, у которого не сходят с уст слова преданности народу, иметь бесстыдство говорить столь деспотически? Он хочет оставить у себя только солдат-добровольцев. У себя? Как будто парижская армия сформирована для него! Впрочем, изменник говорил правду,— он хотел только людей, готовых слушаться его приказаний.

* Городская ратуша Парижа.

JER. ^{MS} PÉTION DE VILLENEUVE

Né à Chartres le 3. J^{or} 1756

Député du Bail^l de Chartres

à l'Assemblée Nationale de 1789.

Élu Maire de Paris le 18 Novembre 1791.

Labadie del.

Charbo Sc.

Петион

Гравюра Курба с рисунка Лабади

ников и шпионов отряд в восемьсот кавалеристов, который он тайком постепенно увеличил вдвое и которому дал в качестве офицеров шпионов прежней полиции.

Чтобы придать этой армии желательный характер, он создал главный штаб, установил в нем множество должностей, назначил для них громадные оклады и заполнил их наемными убийцами, игроками, банкротами, мошенниками, шпионами, людьми с подмоченной репутацией и осужденными судом, еще более заклейменными своими поступками, чем рукою палача. Если кто-либо из честных читателей сомневается в их негодности, пусть он возьмет список этих достойных начальников парижской гвардии. Он увидит, что список этот запачкан такими именами, как Лажар, Шаделя, Буанвиль, Ларю, д'Арблэ, Рюльер, Массон, Борегар, Винзак, Плейнвиль, Демот.

После взятия Бастилии большинство этих негодяев переименовало фамилию и постаралось не попадаться в округах, где они были лично известны; впрочем, их покушения против свободы еще не побудили угнетенного гражданина проследить их преступную жизнь, а патриотических писателей — разоблачить их.

Центральных рот и конных полицейских было, по его мнению, слишком мало, чтобы обуздывать гражданские батальоны; под предлогом охраны застав он создал вопреки желанию Коммуны отряд в шестьсот пехотных стрелков, который составил из отбросов полков и командование которыми поручил отъявленным злодеям. Преступления, какими запятнаны Юлены, Шефонтэны, Паризо, обрекли их имена на вечный позор.

Он подобрал также стражу, слуг старой полиции, и сформировал из нее отряд, подчиненный страже у ворот, увеличив таким образом число своих альгвазилов.

Наконец, под тем предлогом, что армия неполна, он создал отряд артиллеристов, состоящих на жалованьи, и вдобавок против воли Коммуны он образовал артиллерийский парк, чтобы уничтожить врагов деспотизма, когда настанет соответствующий момент.

От девяти до десяти тысяч человек наемных войск для охраны Парижа казались слишком большой армией. Народ отнесся к ней с недоверием, тем более, что часть ее была сформирована вопреки желанию округов; так что из большей части солдат друзьями революции он считал только гражданскую гвардию; к ней одной он постоянно присоединялся в случае восстания. Поэтому Лафайет задумал лишить народ этой опоры, отнять у него руководителей и уничтожить самую эту силу, объеди-

нение с которой пугало его, ибо, как ни старался он составить гражданскую гвардию из плохих элементов, он не мог скрыть от себя, что большая ее часть будет становиться на сторону дела свободы. Мошенник осуществил свой ужасный проект при посредстве позорных интриг, низкого обмана. Он приказал квартирмейстеру удержать у солдат центрального отряда из их жалованья тридцать два ливра; он приказал своим шпионам настроить умы против этой несправедливости и поднять недовольных. Двести солдат, наиболее возмущенных, собрались без оружия в Елисейских полях, чтобы обсудить средства добиться своих прав. Коварный хитрец, сгоравший от желания отделаться от этих пылких друзей свободы, лучших представителей всей армии, а также получить предлог для того, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, распространил слух, что это заговорщики. Немедленно он приказал окружить их несколькими батальонами и своими конными альгвазилами, он сорвал с них их форму и сам отвел в депо Сен-Дени, в ожидании, как он заявил, возбуждения против них судебного процесса*. Едва успев вернуться, он пускает в ход все свои трубы, чтобы прославлять свой патриотизм, свою бдительность и ловкость своих действий, тогда как его продажные перья готовились повторять эту бессовестную ложь.

За этим вероломством последовало новое, еще более черное. Горя нетерпением осуществить свой проект и решившись вместе с тем погубить репутацию французских гвардейцев, которые находились еще в центральном отряде, он распространил слух, будто одна из их гренадерских рот караула в Тюильри продана врагам революции и должна увести короля**. Якобы для того, чтобы дать гражданам возможность предотвратить это несчастье, он предложил образовать в каждом батальоне по роте гренадер, из которых три роты должны всегда одновременно находиться во дворце, когда туда будет послана в наряд одна рота наемных солдат. Под этим обман-

* По одним лишь стараниям этого плута затупить дело можно было понять, что это было обманом, но легкомысленная публика скоро забыла об этом деле, и никто не разоблачил это низкое вероломство. Я сильно возмущен тем, что лицо, к которому я обратился с просьбой опубликовать мое воззвание к нации, выбросило место, где я разоблачил эту жестокость, равно как и его гнусности по отношению к несчастному Фавру.

** Если бы это обвинение не было придумано, если бы оно имело хотя бы малейшую тень правдоподобия, если бы генерал не опасался, что его надувательство будет разоблачено, разве он не арестовал бы этих гренадеров, как бедных солдат с Елисейских полей? Его молчание и

чивым покровом я заметил его пагубный план внести раскол в гражданскую гвардию и забил тревогу. Что сделал этот плут? Он показал, в какой степени он знает глупость парижан,— он прибавил оскорбление к обиде; под предлогом устранить зло он усилил его, предложив сформировать также в каждом батальоне роту стрелков, которые будут выполнять такую же службу, как и гренадеры. Проект, льстящий тщеславию, конечно, должен был встретить восторженный прием парижан, самых тщеславных существ, не исключая придворных шлюх. Так и получилось, что батальон состоит из трех частей, отличающихся формой. С этой минуты парижская армия, разделенная соперничеством, высокомерием, завистью, презрением, ненавистью, самолюбием, осыпаемая лестью или унижаемая, перестала быть сплоченной фалангой граждан, вооруженных для одного и того же дела.

Она отделилась от остального народа формой; она внесла разделение в свои собственные ряды ввиду различий в обмундировании. Гренадеры и стрелки с каской или фуражкой на голове стали смотреть с презрением на граждан не в форме. Едва только были сформированы гренадерские роты, как он постарался привить им корпоративный дух: все почетные выступления предназначались им. Он льстил им, баловал их при всех встречах и кончил тем, что привязал к себе специальной присягой. Вот этого он и хотел, чтобы завладеть парижской армией, сдерживая одну другою различные части, из которых она состоит.

Надо было подчинить ее своим приказаниям. Он начал с ее усыпления и порабощения. В течение нескольких месяцев Париж представлял картину поля сражения, где непрерывно раздавался шум оружия. Ошеломляя граждан и держа их постоянно занятыми заботой о своей защите, он мешал им проникнуть в его пагубные замыслы. Он утомлял их до истощения маневрами против несуществующих врагов; он начал под конец опасаться, что им надоест эта роль обманутых глупцов, и стал думать только о том, как бы позабавить их. Ежедневно устраивался какой-нибудь новый парад; он водил их батальоны от

его бездействие разве не стали государственным преступлением? Разве они не свидетельствуют громко против него? Безусловно, и их было бы достаточно для разоблачения его в глазах просвещенного народа. Но он знал, что имеет дело с парижанами, самыми невежественными из всех людей. Таковы бесспорные истины, которых не смогут опровергнуть, не скажу, все подкупленные негодяи генерала, но все гг. Бриссо, Болье, Робены, его присяжные льстецы.

одного торжества к другому. Мы видели, как они шли процессией благословлять свои куличи, как затем они шли процессией благословлять свое знамя, причем один раз им предшествовала шумная музыка, а другой раз их сопровождали нимфы, одетые пастушками. Благодарственный молебен за благополучный исход революции, произведенной неимущими, которых он отстранил от участия в этой церемонии, завершил это святое шествие, которое всегда заканчивалось какой-нибудь патриотической оргией. Обращаться с парижанами, вернувшими себе свободу, как Цезари, Августы, Тиверии обращались с римлянами после того, как они утратили ее,— значило оскорблять революцию, но вместе с тем значило также ловить французов на их слабость. Вот он и добился того, чего хотел: он сумел заставить обожать себя. Приучая наемное войско к разврату и удовольствиям, он внушил ему вкус к ним, а затем и потребность в них. Оставался следующий шаг — продаться Лафайету, который только и ожидал возможности кушить войско. Это проявилось достаточно ясно в раздаче солдатам денег, в развлечениях, какие он разрешал им, в предоставлении им свободы привлекать к своим забавам женщин. В течение всей зимы их казармы превратились в игорные дома и кабаки, где танцы сменяли пирушки. И хотя история будет упрекать в этом разврате и разложении героя двух частей света, мало осведомленные читатели откажутся верить этому. Не стану упоминать здесь о продолжительных и обширных приготовлениях к празднику федерации, о пышности этого гражданского парада, об играх и празднествах, последовавших за ним; о параде, который имел единственной целью держать граждан в постоянном опьянении и помешать им поразмыслить об опрометчивой и пагубной присяге, какую он хотел связать их. Я на минуту отвращаю взор от черных замыслов этого вероломного царедворца, который, даже сохраняя позу раба, распростершегося ниц перед деспотом, имеет наглость заверять о своей любви к свободе, который запятнал себя всеми преступлениями, преследуя друзей отечества, который в стремлении безнаказанно раздавить их довел свою жестокость до того, что подделал декреты, и который говорит ныне об уважении, какое надлежит проявлять по отношению к общественной власти, только в надежде заставить граждан оказать ему поддержку, когда он станет топтать ногами святую декларацию прав... Вместо этого я разоблачу несколько постыдных тайн его жизни, показывающих его презрение к законам, соблюдение которых он неустанно проповедует.

В течение нескольких месяцев этот презренный развратитель поддерживал преступную связь с маркизой де Симмиан, сердце которой он похитил у ее мужа; последнего он скоро заставил отказаться от нее. Доведенный до отчаяния, маркиз де Симмиан задумал отомстить совратителю посреди Марсова поля, когда он явится туда с пышностью для приведения французов к присяге — пролить последнюю каплю крови за соблюдение законов, так возмутительно попираемых ногами им самим. Друг, которому маркиз открылся, внушил ему опасение погибнуть, как злодей, от рук солдат, обожающих своего коварного командира. Он уехал в Марсель, где находился его полк. Едва приехав, он слег в постель. В отчаянии от поведения своей жены, которая не хочет его видеть, он заболевает, не выдерживает своих огорчений и пускает себе пулю в лоб из пистолета. При получении известия об этом происшествии, которое должно было бы исполнить Мотье печали, пробудив угрызения совести, этот презренный человек бежит к своей любовнице поделиться своей радостью. Теперь ничто уже не препятствовало его наслаждениям. И он, действительно, неудержимо отдался своей страсти. Трудно поверить, что он торжественно прогуливался с нею по Парижу, слегка прикрытой траурным флером. Однако, она сняла это траурное покрывало в день федерации. В восемь часов утра он послал за ней экипаж и двух кавалеристов, чтобы отвезти ее на Марсово поле вместе с Фанни Агессо и другой весталкой того же сорта. Он восстановил таким образом для бесстыдной женщины исключительные привилегии старого режима и нагло нарушил этим равенство прав, чтобы показать своим согражданам, в какой мере он ее уважает.

*Бегство королевского семейства*⁴⁶

(«Друг народа» № CDXCVII, 22 июня 1792 г.)

Вся Франция помнит гнусную речь, которую Людовик XVI прочитал в Национальном собрании 18 апреля, чтобы по-школьнически жаловаться на то, что народ столицы помешал ему отправиться в Сен-Клу, т. е. в Брюссель. Вся Франция помнит также знаменитое письмо, написанное по его приказанию его посланникам при иностранных дворах и официально сообщенное Национальному собранию, в котором он щеголял своим мнимым цивизмом, объявляя себя защитником общественной свободы и оплотом конституции, жаловался на сомнения просвещенных граждан по поводу искренности его чувств, про-

тествовал против распространенных слухов, что он не свободен, заявлял, что находится среди своих детей, своих сограждан, своих друзей, среди которых его удерживают удовольствие и любовь.

В подтверждение этих заявлений он ссылается на правдивость, на честность, на честь, на искренность своей присяги. Искренность присяги в его устах! Вспомните о Генрихе III и герцоге Гизе. Генрих по видимости помирился с герцогом; чтобы внушить ему еще большую уверенность, он берет небо в свидетели искренности своих клятв, причащается с ним, обещает ему забыть все свое неудовольствие и клянется ему на алтаре в вечной дружбе в то самое время, как обдумывает в душе черный замысел подослать к нему убийц. Едва успев выйти из храма бога мира, он раздает гасконцам кинжалы, вызывает герцога в кабинет через потайную дверь, потом заложенную по его приказу, и велит пронзить его тысячью ударов.

Народы, вот каковы искренность, честь, верность королей! Полагайтесь на их клятвы!

Клятвы 19 апреля! Людовик XVI смеялся над своими клятвами и высмеивал свое письмо к посланникам в австрийском комитете вместе с Мотье, Байи, Казалесом, д'Андрэ и другими главарями черной банды заговорщиков, приготавливаясь в это время к бегству.

Он должен был улизнуть под видом монаха; его жена идет впереди и хочет сесть в карету, но ее останавливают в тот момент, когда несколько рыцарей кинжала открывают дверцу; отряд гвардейцев-патриотов отводит ее назад во дворец, где она распространяет смущение и замешательство.

Леопольд и Густав торопили Людовика XVI бежать, Австриячка на коленях умоляет Мотье сделать последние усилия. Изменник рассылает своих шпионов из главного штаба. Дан приказ фельдфебелям третьего дивизиона выбрать в батальонах наиболее преданных офицеров и солдат из числа тех, которые принесли присягу в слепом повиновении; им пригоршнями раздают золото, и на этот раз, к несчастью отечества, преступление увенчивается успехом. Главари заговорщиков и Австриячка увозят короля в лагерь врагов; в минувшую ночь Людовик XVI в сутане бежал вместе с наследником, с братом и с остальными членами своего семейства. Этот клятвопреступный король, не знающий чести, стыда и угрызений совести, этот монарх, недостойный трона, не был арестован народом из опасения прослыть нечестивым. Жажда абсолютной власти, снедающая его душу, делает его жестоким убийцей; скоро он

будет плавать в крови своих сограждан, которые отказываются подчиниться его тираническому игу. А пока он смеется над глупостью парижан, которые бессмысленно полагались на его слово.

Граждане, бегство королевского семейства подготовлялось уже давно изменниками из Национального собрания и в особенности комитетами следственным и по докладам. Для того чтобы безопасность сношений и сговор между контрреволюционными командующими армиями в Эльзасе и Лотарингии и армиями бежавших Капетов и австрийцев не были нарушены, надо было раздавить патриотическую партию. Поэтому-то эти гнусные комитеты все время говорили вам о виновниках волнений в Гагенау, в Кольмаре, в Виссембурге и т. п. Не было такой лжи, к какой не прибегал бы Броглио, Ренье, Ноайль, Вуадель и другие продавшиеся злодеи, чтобы лучше обмануть вас. Таким образом, само Национальное собрание подготовило успех вторжения в эти провинции или, правильнее, открыло врагам королевства доступ через эти границы, тогда как парижский генерал сделал все, чтобы парализовать национальные войска и отдать их в руки короля, прибегая к различным махинациям для составления штабов всех департаментов из врагов революции и поддерживая преступные сношения внутри и вне страны через своих шпионов.

Граждане, друзья отечества, вы накануне своей гибели! Я не стану тратить время на бесполезные упреки по вашему адресу по поводу тех несчастий, какие вы навлекли на свои головы своей слепой доверчивостью, своей фатальной беспечностью. Будем думать лишь о вашем спасении.

У вас остается единственное средство уберечься от пропасти, на край которой вас увлекли ваши недостойные вожди. Средство это — назначить немедленно военного трибуна, верховного диктатора, чтобы прикончить всем известных главных изменников. Вы окончательно погибли, если станете слушать своих нынешних вождей, которые не перестанут ласкать и убаюкивать вас до той минуты, пока враги окажутся у ваших стен. Пусть трибун будет избран сегодня же. Пусть ваш выбор падет на гражданина, который до сегодняшнего дня обнаружил понимание и верность; поклянитесь ему в ненарушимой преданности и беспрекословно повинуйтесь ему во всем, что он прикажет вам для того, чтобы избавить вас от ваших смертельных врагов.

Вот момент отрубить головы министрам и их подчиненным, Мотье, всем преступникам из главного штаба и всем коман-

дирам батальонов — антипатриотам, Байи, всем контрреволюционным членам муниципалитета, всем изменникам из Национального собрания. Начните поэтому с того, что захватите их, если есть еще время*. Воспользуйтесь этим моментом, чтобы разрушить организацию вашей национальной гвардии, которая утратила свободу; в эти моменты кризиса и тревоги вы оказались покинутыми всеми вашими офицерами; на что нужны вам были эти трусы, которые прячутся в момент опасности и которые показываются в спокойное время только для того, чтобы оскорблять и плохо обращаться с солдатами-патриотами, только для того, чтобы предавать отечество? Отправьте немедленно курьеров, чтобы просить у департаментов присылки вооруженных подкреплений, призовите к себе на помощь бретонцев. Захватите арсенал, общежитие конных альгвазилов, караульных у ворот, егерей у застав. Готовьтесь к мести за ваши права, к защите своей свободы и к истреблению неумолимых врагов.

Трибун, военный трибун — или вы безнадежно погибли! До сих пор я делал все, чтобы спасти вас, все, что было в человеческой власти. Если вы пренебрегли этим спасительным советом, единственным, какой мне остается дать вам, то мне нечего уже будет говорить вам, и я навсегда распрощаюсь с вами. Через несколько дней Людовик XVI, снова усвоив тон деспота, в высокомерном манифесте будет обращаться с вами как с мятежниками, если вы сами не склонитесь под ярмо. Он направится к вашим стенам во главе всех беглецов, всех недовольных и австрийских легионов и обложит вас блокадой. Сто пушек будут грозить уничтожением вашего города каменными ядрами, если вы окажете малейшее сопротивление, тогда как Мотье во главе немецких гусаров и, может быть, альгвазилов французской армии явится разоружить вас. Все горячие патриоты среди вас будут арестованы, популярные писатели будут брошены в каменные мешки, а Друг Народа, последний вздох которого будет за отечество и верный голос которого не перестает звать вас к свободе, будет иметь могилой пылающую печь. Еще несколько дней нерешительности, и уже будет поздно пробудиться от вашей летаргии; смерть захватит вас в объятиях сна.

М а р а т, Друг Народа

* Можно держать пари, что Мотье, все шпионы из главного штаба и все антипатриотические командиры батальонов заодно с королем.

(«Друг народа» № ДІ, 28 июля 1791 г.)

Все одинаково свидетельствуют об измене представителей народа. *Генерал отвечал своей головой за особу короля.* Поэтому первым делом Национального собрания в заседании 21 числа должно было быть смещение его как непригодного или же арест как преступника. Поэтому восхваления, какие они расточали этому изменнику, вероломство которого подвергло нацию всем ужасам гражданской войны, больше чем доказывают, что они являются его сообщниками. В смятении, охватившем их, они походили на глупцов, они хотели выставить свое рвение к благу государства и лишь еще больше разоблачили себя. Я не стану напоминать здесь, с каким усердием они выказали свою глупость, советуясь с министрами, этими первыми исполнителями всего заговора, относительно того, что надлежит делать в столь критическом положении,— поступок не менее смешной, чем если бы путешественники спрашивали у главарей шайки разбойников, что надо делать, чтобы не быть ограбленными ими. Кто не видит, что король, не только убежавший, но и протестовавший против конституции и, что еще хуже, против нации, простым уполномоченным которой он не хочет себя признавать и владыкой которой он себя считает, что *такой король в силу этого акта мятежа утратил всякое право на корону?* И следовательно, если бы Национальное собрание не было сообщником измены Людовика XVI, оно объявило бы его лишившимся престола и немедленно же разослало бы объявление об этом во все административные органы королевства для торжественного его опубликования. Но оно старательно избегало высказаться по этому вопросу; оно постаралось дать понять публике, что монарх похищен врагами отечества, как будто после принесения монархом присяги можно еще сомневаться, что он взбунтовался против нации, и оно старается лишь усыпить народ, заявляя ему, что намерено заняться только способами обеспечить безопасность государства. Вы могли думать, что оно начнет с того, что лишит доверия нации недостойных министров, лишь злоупотреблявших им, которых можно считать главными участниками всех заговоров. Эта предосторожность диктовалась благородием, и забота о спасении отечества вменяла ее ему в непреложную обязанность. Ничего подобного,— оно заново утверждает их на их местах, и именно с этими врагами народа оно имеет в виду сговориться по поводу мер, необходимых для

обеспечения свободы; оно даже слепо предоставляет им осуществление этих мер. Затем оно прибегает к возобновлению присяги, столько раз нарушавшейся, и притом нарушавшейся с такой смелостью; оно дает распоряжение о новой редакции присяги и делает ее обязательной для всех командиров, всех офицеров регулярных войск и национальной гвардии. Бесплодная присяга, которую играют изменники отечества, которую они растопчут ногами при первом случае и которую они скорее будут топтать сто раз в день, чем станут хотя одну минуту колебаться совершать свои преступления.

В то время как Национальное собрание старается погрузить граждан в фатальную беспечность, увещая их сохранять спокойствие и доверие, получается известие об аресте королевской семьи,—и оно моментально забывает заботу о благе народа и только и делает, что стремится обелить гнусного монарха, принять меры предосторожности, чтобы укрыть его от последствий общественного негодования, обеспечить ему безнаказанность, возможность сохранить свой трон и, что еще хуже, вынудить уважение к нему народа. Безумие, которому никогда не было примера!

Смотрите, как Деменье, этот гнусный плут, продавшийся кабинету министров, всходит на трибуну и оглашает там обращение к французам, которое он составил по поручению продажного конституционного комитета, чтобы оправдать королевский манифест, оставленный чиновнику гражданского листа.

Это обращение должно быть разослано во все департаменты. Пусть оно не отправится туда без замечаний народных писателей, которые должны служить ему противоядием.

Никогда нельзя было увидеть лучше, чем в нынешнем кризисе, все вероломство сенаторов, которых я столько раз разоблачал как презренных негодяев, проституировавшихся двору, для того чтобы восстановить деспотизм. Кто теперь сомневается в том, что Национальное собрание, за исключением нескольких его членов, состоит целиком из контрреволюционеров? Как бы они ни были поражены гангреной, будем все же надеяться, что они побоятся ярости народа, если станут играть с общественным мнением. Осмелимся наметить им их обязанности и указать им декреты, каких нация ожидает от них.

Людовик XVI выказал себя слишком недостойным трона, чтобы не быть низложенным. После его королевского заседания 23 июля, его обращения 15 июля к милосердию народа и его лживых демонстраций патриотизма 17 июля; после его отказа принять декларацию прав 20 сентября, его пригото-

ний к бегству и его проекта перебить народ 4 октября, его публичного покаяния и новых заверений в своей искренности 6 октября; после его торжественной присяги в день федерации в верности, в подчинении закону и его постоянных усилий подкупить законодателя; после его заговора в целях бегства и резни 28 февраля; после его заговора в целях бегства 18 апреля и его горьких сетований сенаторам по поводу того, что ему не удалось осуществить его; после его публичных отпирательств 23 апреля, его лицемерных жалоб на слухи, слишком обоснованные, относительно его гибельных замыслов, лживых заявлений о любви к своим согражданам, его иезуитских заверений о радости, какую он испытывает, находясь среди них; после этих предательских изъявлений благодарности за благодеяния нации, за сан, которым она удостоила облечь его, и за священные функции, какие она удостоила доверить ему; после торжественного заявления, что он поручил своим министрам охранять конституцию, защищать которую он считал за честь; после титула восстановителя свободы, которым он кичится, и его вечных махинаций для уничтожения ее; после его смелого манифеста против суверенитета нации, против осуществления законодательной власти депутатов народа, против прав граждан; после его тайного бегства к беглецам-заговорщикам и врагам государства; после его варварского проекта вернуть нацию под ярмо и внести повсюду в королевство смерть и разрушение,— после всего этого неужели найдется такой бесстыдный человек, который осмелится еще оправдать его? Такое количество обдуманных актов лицемерия, мошенничества, жестокости, вероломства, злодейства; такое количество отвратительных интриг, черных заговоров, гнусных измен, жестоких замыслов поставили Людовика XVI в ряд самых ужасных тиранов. Какое доверие сможет еще питать нация к глупцу, всегда готовому стать страшным орудием преступлений окружающих его чудовищ, или к презренному злодею, сто раз клятвопреступнику и убийце, который забавляется только грабежами, вымогательствами, убийством, резней, который днем и ночью вздыхает о моменте, когда сможет кушаться в крови народа, своего законного суверена... С этих двух точек зрения Людовик XVI недостойн вновь вступить на трон. С первой точки зрения — это опасный идиот, а со второй — это опасное чудовище, которое надо задушить, если желать обеспечить общественную свободу и благо народа. Сенаторы провозглашали его безответственным, и так как они оставляют его пользоваться полной

свободой, которую министры не получили права ограничивать даже при ряде тяжких преступлений против общественной безопасности, то в конце концов окажется, что среди стольких отвратительных преступников закону некого будет карать. Смотрите, куда нас заводят их прекрасные декреты.

Возмущенная нация лишила своего доверия Людовика XVI и объявляет его недостойным царствовать. Сенаторы, его рабы и его пособники, подвергнут себя самих жестоким последствиям общественного негодования, если не назначат регента; жена жестокого бывшего монарха, зачинщица всех преступлений двора, должна быть обрита и заперта в каторжную тюрьму. Бежавшие братья, оба заговорщики, должны быть объявлены утратившими все права на корону и лишены содержания, которое они получают от государства. Что касается наследного принца, то пусть ему дадут воспитание, которое сделает его лучшим, чем его родители; но охрана его не может быть доверена ни генералу, ни мэру, ни какому-либо придворному лакею. Какое еще доверие сможем мы иметь к этим изменникам? Нет ни малейшего сомнения, что Байи и Мотье были главными исполнителями бегства короля; эти злодеи должны быть смещены как непригодные глупцы или наказаны как гнусные преступники против нации. Разве можно сомневаться в их преступности, после того как в ночь на 23-е они оба пытались обратиться в бегство?

Министры, все без исключения гнусные изменники, должны быть бесславно прогнаны за то, что скрывали от народа проект бегства короля; министр иностранных дел, испытанный мошенник, должен быть казнен как изменник за то, что ввел нацию в заблуждение, ручаясь, что король не убежит, и послал письма с прокламацией иностранным дворам.

Буйэ должен быть казнен как изменник и заговорщик.

Но ничто из всего этого не будет постановлено сенаторами, презренными рабами государя и подкупленными пособниками в деле восстановления деспотизма.

Буйэ, осведомленный своим сообщником Мотье, обратился, конечно, в бегство; он уже присоединился к бежавшим Капетам.

Мэр, генералы, министры не будут ни смещены, ни наказаны, ни преданы суду.

Людовик XVI, наставляемый Варнавом и Латур-Мобуром, не выдаст ни Мотье, ни Байи, ни д'Андрэ, ни Казалеса, ни Деклэба, ни своих министров. Сенаторы же не назначат комиссаров для снятия с него показаний; они будут оставаться глухи к крикам патриотических писателей. Постараются, чтобы Ла-

порт исчез; король-патриот будет отрицать, что передал ему манифест, он будет заявлять, что этот протест — интрига, подстроенная его врагами; тысяча продажных перьев будет стараться заставить поверить в эту выдумку; его бегство превратится в простой визит, какой он собирался сделать своему брату д'Артуа, который помирает со скуки... Он не будет ни низложен как глупец, ни наказан как заговорщик. Байи, Мотье или какие-нибудь другие мошенники обманут народ празднествами, устраиваемыми национальными гвардейцами, которые эскортировали государя.

Мар, генерал и министры не будут ни наказаны, ни смещены, ни преданы суду. Все злодеи, оставшиеся на своих местах, возобновят свои интриги. Предательское Собрание сотрет словно губкой, все происшедшее, и самое ужасное из всех преступлений будет стерто с лица земли среди букетов и песен.

Парижане, вечные ротозеи, вы никогда не переставали и не перестанете быть ими; вот какой оборот приняли события благодаря вашей трусости и вашей беззаботности. При таком характере народа, как ваш, как можете вы не оказаться всегда обманутыми и быть жертвами плутов, которых вы поставили во главе себя и которым вы слепо отдали бразды правления государством? Ждите поэтому, что у вас не прекратится вечная и самая ужасная анархия, пока какой-нибудь смелый злодей не завладеет вами и снова не наденет на вас ярмо, если только провинции, возмущенные вашей глупостью, не заставят вас стать свободными.

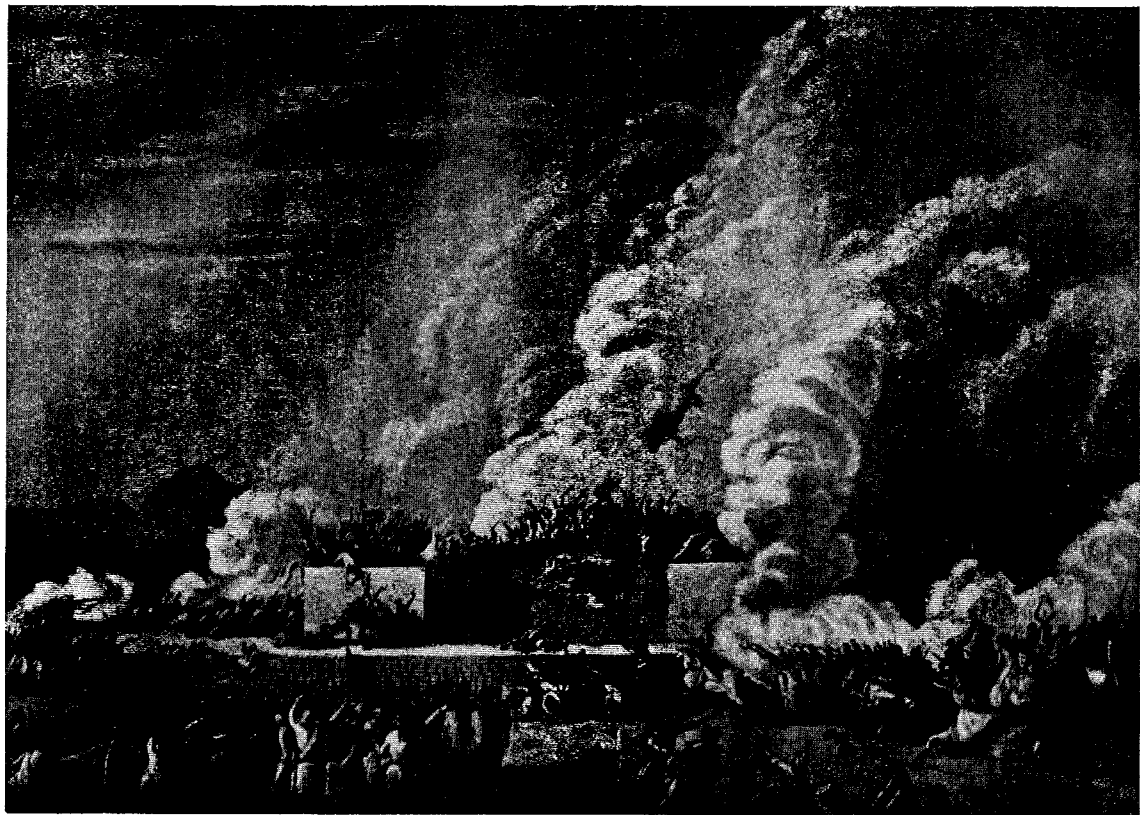
Возможно, что низкий лакей Байи будет иметь бесстыдство приказать устроить иллюминацию в честь возвращения священного семейства. Пусть ее встретят свистками и криками презрения.

Нация должна наградить гражданским венком начальника почты Сен-Менеху, двух молодых людей, которые заставили в Варенне королевскую компанию выйти из карет и остановиться у прокурора-синдика Коммуны, доктора-патриота, который велел ударить в набат, административные органы и храбрых солдат отечества, которые задержали беглого короля. Я приглашаю всех добрых граждан столицы предоставить его им. Они заслуживают его в тысячу раз больше, чем Мирабо. Но что не менее важно, так это то, чтобы нация взяла под свое покровительство этих четырех названных вначале граждан; пусть тысяча подкупленных злодеев не старается принести их в жертву ярости тирана.

Все, что сказано там о Людовике Капете, совершенно верно. Без сомнения, он одинаково недостоин дарствовать как в силу своих преступлений, так и ввиду своего безумия. И однако в пользу этого чудовища сенаторы-заговорщики продолжают готовить контрреволюцию. Они слишком тертые калачи, чтобы не сознавать, что нация никогда не потерпит захвата суверенной власти, и что, каковы бы ни были их ухищрения, чтобы увековечить свои полномочия, приближается момент, когда им надо будет приготовиться уступить свое место более честным людям, если они не хотят получить пинка от народа.

Мотье находится в точно таком же положении. Пусть ему удалось побудить лицемерного Барнава восхвалять его как единственного гражданина, достойного всеобщего доверия, и выдвинуть его в качестве вождя, вокруг которого надлежит сплотиться*. Пусть ему удалось побудить Собрание постановить, что он пользуется всеобщим доверием, т. е. доверием Собрания. Пусть он разослал своих адъютантов возвестить гражданам похищение короля, который сам бежал и бегству которого он содействовал, чтобы побудить их помешать этому, когда было уже поздно,— он, который отвергал соответствующие предложения, делавшиеся ему столь многими добрыми гражданами. Пусть он спустил с цепи своих шпионов, чтобы распространить слух, по примеру Бриссо, что он намерен сделать из Франции республику. Пусть, напуганный проклятиями патриотов, он разыгрывал изумление, возмущение против бежавшего монарха, пусть он повторял, что долг всех нас жить свободными или умереть, пусть он побежал помириться с якобинцами. Пусть он делал вид, что сбрасывает корону с головы Людовика XVI и надевает на нее колпак свободы. Пусть! Все эти фокусы, все эти гримасы лицемера, все эти мошеннические уловки преследуют только одну цель — вернуть абсолютную власть недостойному монарху.

* Большая глупость говорить, как это делают столько малодушных граждан при известии о бегстве короля, чтобы оправдать свое сближение с Мотье, что нам нужен центр для объединения. Да, без сомнения нам нужен такой центр. Но разве нужно чтобы центром был изменник или хотя бы подозрительный гражданин? Нет, следовало объявить трибуном просвещенного, мужественного, стойкого гражданина. И кто не видит, что только страх мог побудить этих трусов сбиться с геккером?

Избиение народа на Марсовом поле 17 июля 1791 г.
Гравюра Берто по рисунку Приера

Наблюдали ли вы поведение Собрания, департамента, муниципалитета и главного штаба, которые все без исключения контрреволюционны? Как хитро оно и глубокомысленно, что, впрочем, не должно вас удивлять, ибо оно было заранее обдуманно и условлено.

Их первой заботой было сдерживать народ, обуздывая проявления его чувств и проповедуя ему спокойствие, обещая ему место, ибо они ничего больше не боятся, чем его справедливой ярости.

И как только они почувствовали уверенность в том, что он не пойдет ни на какие крайности, они стали думать только о том, как бы обмануть его, убаюкать его.

Для того чтобы освободить себя от обязанности принять какое-либо решение против короля-беглеца, мятежника, клятвопреступника, изменника и заговорщика, Собрание позаботилось во всех своих декретах поставить слово «похищение», хотя он сам написал ему, что его не увозят, но что он уезжает по своей собственной воле. Введенный в заблуждение такой передержкой, народ не восстал против гнусного предательства, а подлый тиран не был низложен, как заслуживал того; они даже довели свою смелость до того, что объявили его безответственным, чтобы иметь дело только с его сообщниками, которых, как он заявляет, у него совсем не было.

В то время как народ предается радости, которую вызвала весть об аресте государя-заговорщика, а все общественные доблестные лица убаюкивают его лживыми обещаниями правосудия, сенаторы пользуются этим моментом общего восторга, чтобы сослаться на неотложную необходимость привести границы в состояние обороны и предательски провести несколько пагубных декретов, которые ставят все национальные вооруженные силы (во время войны) под команду армейских генералов, т. е. агентов короля.

Прибывает семейство Капетов. Доверяют обман народа, приказав, чтобы муж и жена были заключены под арест отдельно друг от друга, что не мешает им есть, спать и оставаться вместе, о чем, однако, публика остается неосведомленной. Продавшимся депутатам поручают выслушать их объяснение, что и сделано. Обманщик Людовик заявляет, что он один задумал и выполнил проект бегства, он признает виновным себя одного, а предательское Собрание не принимает никакого решения против него. Он заявляет также, что ускользнул через выход Вилленье, выход, который был указан г-ну Гувьону и у которого по его словам, всегда находилось пять офицеров национальной

гвардии с поручением особенно тщательно охранять его. Гувьон оказывается виновным, но сенаторы не издают декрета против него.

Из соседних департаментов получают письма, которые сообщают приказы, данные Буйэ офицерам многих полков, чтобы силой содействовать побегу короля. Обманщик Людовик узнает об этом и живо пишет депутатам, что забыл заявить об этом.

При первом доносе на Буйэ со стороны клермонской директории предательское Собрание ограничилось смещением его и издало против него приказ об аресте только после того, как получило сообщение, что он бежал. Когда этот изменник был разоблачен многими административными органами и полками, которые он пытался увлечь на незаконный путь (они прислали его письменные приказы), можно было думать, что Собрание предаст его мечу закона, приказав, чтобы он был предан суду заочно и чтобы предварительно был наложен секвестр на все его имущество. Но оно хранило молчание, желая, повидимому, предать забвению эти отвратительные преступления. Это сделало то самое Собрание, которое велело варварски бросать в тюрьмы тысячи несчастных крестьян, препятствовавших махинациям королевских скупщиков, под предлогом, что они противились декретам о свободном обращении хлеба; которое по простому доносу заговорщика Буйэ и его лакеев из департамента Мерт приказало произвести ужасную резню гарнизона Нанси; которое по одному лишь доносу аристократов Северного департамента предало суду членов ореанского трибунала как виновных в государственном преступлении, патриотов-членов муниципалитета в Дуэ. Больше того: притворившись, что хочет произвести самое строгое расследование о виновниках бегства короля и предать их правосудию, оно занялось только спасением особняков Людовика-изменника, оно приказало, чтобы Дагу, Лагиш и Латур дю Цэн, которые служили кучерами* и которых по требованию Ноайля оно признало тремя лейб-гвардейцами, были только посажены под арест. Такой же приказ оно издало по отношению к гг. Дама, Шуазель, Флориак,

* Как Людовик и Антуанетта имели бесстыдство утверждать, что кучера не знали, куда они едут! Это могло быть так при отъезде из Парижа, но после того как они проехали двадцать лье, они знали, что нарушают декрет, запрещающий королю удаляться на большее расстояние без разрешения законодательного корпуса. А затем, как можно сызлаться на неведение при виде отрядов стрелков, драгун, гусар, расставленных по пути, чтобы помогать бегству Канетов? Как эти кучера не знали, выезжая из Сеп-Мевеху, куда едет Людовик? Они не знают этого и приехав в Варени.

Реми, мятежникам, захваченным с фуражом в руках в борьбе против нации, чтобы содействовать бегству семейства Капетов, которые теперь, указывая на его декрет, что армия по существу своему должна проявлять повиновение, настаивают на своей невинности и требуют освобождения*. И это не все. Со всех сторон получаются многочисленные донесения о множестве офицеров различных полков, перешедших к неприятелю, после того как они употребляли тысячу позорных ухищрений, чтобы побудить солдат последовать их примеру. Но изменническое Собрание не приняло никакого постановления против них. Вместо того чтобы возбудить против них заочный процесс, военный комитет, состоящий весь из контрреволюционных полковников, пробует даже предложить по отношению к ним общую амнистию. Сказав несколько похвальных слов насчет дивизма храбрых солдат, выказавших себя неподкупными, разве он не пригласил французских офицеров, изменников и заговорщиков, «отказаться от своих предрассудков, вернуться в свое отечество, которое протягивает им руки, и согласиться пользоваться вместе со всеми французами преимуществами, какие обеспечивает Франции новая конституция»? Таким образом он принижает величия нации, требуя прощения злодеям, которых она должна была бы предать казни.

Не довольствуясь обеспечением безнаказанности всем пришепникам деспота, всем соучастникам его преступлений, всем разбойникам, которые по его приказу готовили нашу гибель; не довольствуясь тем, что под предлогом заботы о безопасности границ оно поставило все национальные вооруженные силы под команду генералов армии, причем дало им абсолютную власть, чтобы лишить солдат возможности сопротивляться их варварским приказам,— Собрание еще декретировало, чтобы обезопасить их от возможности быть выданными агентами их заговоров, что «командующие генералы могут при существующих условиях брать себе адъютантов среди всех чинов армии, даже среди национальных гвардейцев».

Сделав изменника Людовика более могущественным, чем когда-либо раньше, поскольку вернуло ему распоряжение всеми

* Кто не видит, что этот декрет уничтожает декрет об ответственности, что под его покровом армия может вся безнаказанно злоумышлять против государства и что в самых ужасных заговорах правосудие не найдет на десять тысяч офицеров, изменников отечеству, ни одного виновного, заслуживающего наказания, если генерал убежит? Забота об общественном спасении делает неотложным долгом сенаторов, или, вернее, народа, без промедления отменить этот пагубный декрет.

вооруженными силами и приняв все возможные меры предосторожности для того, чтобы его агенты могли беспрепятственно распорядиться ими, изменническое Собрание собирается втихомолку реабилитировать его и сохранить у власти, не вызывая раздражения общественного мнения, даже как будто не задевая его. И это достигается двумя пунктами декрета о комиссарах казначейства, изданного 30-го числа.

Статья III устанавливает, что «каждые две недели общий счет расходов и доходов должен представляться председателем комитета законодательному корпусу и королю». Спрашивается, какая преступная смелость позволяет Собранию после декрета, передающего функции исполнительной власти министрам, восстанавливать изменника Людовика в его функциях еще до того, как нация высказала свою волю относительно наказания, какому она хочет подвергнуть его в искупление его преступления, до того, как она заявила о своих намерениях насчет его низложения? Я приглашаю все секции, весь народ столицы формально воспротивиться выполнению этого вероломного декрета.

Революция продолжается

Номер «Друга народа», который был захвачен 21 июля в типографии и который еще не увидел света⁴⁹

(«Друг народа» № DXXX, 14 августа 1791 г.)

Если вы могли, дорогие братья по оружию, избежать жестокой мести тюльрийского тирана, инквизиторских обысков и варварской ярости его проституировавшихся лакеев и приспешников, контрреволюционных сенаторов, Мотье, адского убийцы патриотов Нанси, Ла-Шапели и Марсового поля, Байи, ужасного исполнителя кровавых приказов, конных альгвазиев, головорезов застав, буржуазных стрелков, подлых палачей миролюбивых сограждан, бедных стариков, беременных женщин, грудных младенцев, и если небо удастивает вмешиваться в земные дела, то пусть эти чудовища сделаются скоро предметом его мстительного гнева. Пусть народ, поднявшийся сразу во всех концах королевства, принесет их в жертву своей справедливой ярости в отплату за их черные преступления; пусть он, наконец, оставит тем, у кого будет соблазн подражать им, этот спасительный пример ужаса и страха. Но увы! Какая будет польза от того, что небо в своей благости свершит ради народа новое чудо? Все чудеса, совершенные им до сего дня для его спасения, оказались тщетными. Можно подумать,

что, желая наказать его за его безумное самомнение, за его глупое тщеславие, его слепую доверчивость, пагубную беспечность, за его крайнюю испорченность, жестокая судьба тешится тем, что держит на его глазах повязку иллюзии и заблуждения. Вероломные заговорщики, стремящиеся увлечь его в бездну, могут сколько угодно посягать на его права, злоумышлять против его безопасности, устраивать заговоры с неприятельскими державами, тиранизировать его защитников,— он тем не менее продолжает полагаться на их слово; они могут сколько угодно приводить в исполнение свои кровавые проекты и поступать, как ужасные тираны,— лицемерной маски, которою они прикрываются, достаточно, чтобы заворочить его взор и заставить смотреть на них как на благодетелей.

После возвращения монарха, изменника и клятвопреступника их план угнетения совершенно изменился. Говорят, что он снова убежит, и генерал, душа всех махинаций кабинета министров, убежит вместе с ним... Нет, нет, они не убегут,— отвечает Друг Народа,— они уже не смогут сделать этого, не открывая глаза нации, и, сделавшись назавтра предметом общественных проклятий, монарх, бежав, подверг бы опасности жизнь своего возлюбленного визиря, который головою отвечает за своего господина, а сам визирь утратил бы свой авторитет у своих приспешников, которых возмутило бы его низкое вероломство и которые никогда не простили бы ему, что он оставил их в ловушке. В чем заключается их новый заговор? Перебить лучших патриотов, восстановить деспота вооруженной рукой и декретом установить контрреволюцию. Это ужасное покушение уже недалеко от выполнения,— они начали его осуществлять. Кто сомневается в том, что убийства на Марсовом поле были заранее решены в австрийском комитете, чтобы помешать петиции друзей свободы против обеления и восстановления слабоумного тирана, чтобы распустить братские общества, обвинив их в опасных проектах, чтобы возбудить судебные дела против защитников отечества как против подкупленных мятежников, удержать страхом тех, у кого могло быть искушение последовать их примеру, и поразить ужасом всех друзей свободы? Стараясь замаскировать этот адский проект, чтобы ввести в заблуждение народ, они подкупают сотню продажных перьев; но как бы ни наполняли Болье, Этьены, Дюзосуа, Гранмэзоны, Дюфуры, Перлэ и другие хитрые усыпители, их излюбленные шпионы, свои листки сотнями воображаемых заговоров, сотнями выдуманых басен; как бы ни пускали они сами в ход суды, департамент, муниципалитет, секции для обвинения патриотов,

мнимых виновников беспорядков на Марсовом поле, — нет в государстве других заговорщиков, кроме монархистов, министров, контрреволюционных сенаторов, генерала, штаба, муниципалитетов, судей и других приспешников двора. Кто сомневается в том, что Мотье велел арестовать Веррьера в отместку за то, что он встал на защиту Сантерра против Демотта, и что памфлетисты, состоящие на жалованьи у генерала-заговорщика, облыжно обвинили задержанного в том, что он является автором «Друга народа», чтобы прикрыть гнусность этой низкой мести? Кто сомневается в том, что Байи потащил в тюрьму издателя «Друга народа», чтобы обнаружить убежище автора и избавиться от него железом или ядом? Кто не знает, что Байи приказал нарушить неприкосновенность жилища типографов «Оратора», Камилла, чтобы привести к молчанию писателей-патриотов и уничтожить свободу печати? Кто не знает, что для маскировки этого страшного преступления Байи притворился, будто преследует Руайю и Сюло, гнусных сотрудников «Друга короля» и «Парижской газеты», про которых говорят, что они арестованы, но которые скандально развлекаются у себя дома на золото, расточаемое им за проповедь рабства? Кто не знает, что для расправы с патриотизмом контрреволюционные сенаторы хотели восстановить инквизиционный превотальный суд и поручили суду Шестого округа беспощадно преследовать наиболее ревностных патриотов как виновников событий 17-го числа этого месяца и покарать их за убийства, совершенные самими Байи и Мотье? Кто не знает, что в стремлении отомстить за справедливые разоблачения, сделанные против него в Якобинском клубе Дантоном, вероломный Мотье провел постановление об аресте этого мужественного защитника свободы? Кто не знает, что, желая приукрасить эту жестокость, они придумали тысячу смешных басен об эмиссарах, оплаченных иностранными державами, чтобы внести смуты в государство, что они сделали вид, будто арестовали еврея Ефраима как эмиссара прусского короля, что они оклеветали баронессу д'Эльдерс, обвинив ее в том, что она является эмиссаром штатгальтера? Кто не знает, что для оправдания гнусной инквизиции, которую они хотят применить ко всем гражданам, обыскивая по ночам их дома от погреба до чердака в надежде найти там писателей-патриотов или вынуждая самих домовладельцев доносить на них, они придумали нелепую басню о трех тысячах переодетых офицеров и множестве иностранных разбойников, укрывшихся в домах эмигрантов? Как будто в Париже имеются другие разбойники, кроме тех, которым они сами платят, чтобы избивать

народ; как будто они намеревались обыскивать другие дома, а не дома известных патриотов!* Народ, пустой, малодушный и легкомысленный, вот наступили уже те дни траура и слез, которые предсказал тебе Друг Народа. Поощряемые твоей слепотой и малодушием, твои вероломные доверенные заставили тебя потерять один за другим все плоды твоей победы, они постепенно отняли у тебя все права; ныне они обращаются с тобою как с рабом, и, после того как они вдоволь мучили тебя, топтали и угнетали, они теперь требуют установления против тебя гнусной инквизиции, чтобы лишить тебя твоих защитников и выдать их мечу тирании,—и это еще только начало бедствий, ожидающих тебя: простой манифест вернет тебя под иго деспотизма. Если ты откажешься склонить голову, то наготове для расправы с тобою тысяча грабителей, купленных золотом, которое он у тебя похитил, и соблазняемых ожидаемой поживой. Мнимые солдаты отечества, благодаря ухищрениям генерала превратившиеся в королевских приспешников, примут участие в пролитии твоей крови. Все подготавливается для осуществления этой ужасной сцены.

Враги собираются со всех сторон на наших границах; во главе — их мятежные Капеты, окруженные беглецами-заговорщиками. Этим ордам убийц министры, сенаторы и контрреволюционный генерал противопоставляют лишь полки иностранных наемников и скопище бедняков, не имеющих ни оседлости, ни собственности, необразованных, большей частью не умеющих владеть оружием**. Мудрые декреты, передававшие на рассмотрение гражданских судов столкновения между солдатами и офицерами, были отменены, пагубные декреты приостанавливают действие всех законов, чтобы установить во всех крепостях военное положение: солдаты и граждане будут там подчинены деспотизму командующих генералов. Одновременно с беспощадным преследованием патриотов, уцелевших от бойни на Марсовом поле, публикуют амнистию офицеров, прогнанных за их измену; для расправы с солдатами-патриотами страшный декрет призывает их обратно в свои части, и из опасения, что

* Секция Французского театра, где живут самые известные патриоты из клуба Кордельеров, первая послужила тревожным примером этих инквизиторских обысков.

** Для того чтобы перебить жителей столицы, адский Мотье удержал при себе своих конных альгвазилов, разбойников с застав, стражу у ворот, головорезов из батальонов секций Генриха IV, Filles Saint-Thomas, св. Роха, Фейянов, Нотр-Дам, Enfants Rouges, св. Людовика, Ла-Кюльюр, Saint-Orpportun и т. д., отослав на границы легионы фортов Ла-Халль и неимущих патриотов.

возмущение снова поднимет армию против тирании ее командиров, подлый декрет делает из всех унтер-офицеров доносчиков на солдат, друзей свободы, а военным комиссарам, ставленникам монарха, поручает сурово преследовать их и безжалостно предавать военному суду, целиком состоящему из врагов свободы, рабов деспота, стремящихся погубить их.

Стоит только солдату, отданному под власть офицеров, бояться выказывать себя гражданином, и он перестанет интересоваться спасением отечества; тогда генералы, сообщники деспота, откроют границы врагу. По мере того, как все эти гусары и пандуры будут приближаться к столице, недостойный монарх снова начнет говорить тоном деспота, все его подданные передадут ему верховную власть, а гнусное Собрание, prostituiровавшееся по их воле, провозгласит его абсолютным государем, тогда как адский Мотье, проповедуя своим парижским приспешникам подчинение закону и напоминая им их присягу, поддержит вооруженной рукой этот пагубный декрет. Скоро все друзья свободы, имеющиеся в столице, будут перерезаны, и за малейшее сопротивление вы подвергнетесь той же участи, а дома ваши будут преданы разграблению. Эти ужасные сцены повторяются во всех городах, местечках и деревнях королевства. Едва успев захватить бразды правления, деспот отягчит ваши цепи и лишит вас всякой возможности когда-либо порвать их. Неразумные граждане, такова участь, ожидающая вас за то, что вы не захотели воспользоваться теми средствами обеспечить свою свободу, которые давала вам судьба. Воспевайте свои победы, хвастайте тем, что разрушили Бастилию, танцуйте на ее развалинах, бегите на Марсово поле, чтобы оскорблять своими скабресными песенками аристократов, ваших неумолимых врагов. Придет и их час, скоро они возьмут реванш ужасным образом; простершись у их ног, вы тщетно будете просить пощады: в вашей крови они омоют ваши действия.

Тогда-то, исполненные горя, вы вспомните, вздыхая, печальные предсказания Друга Народа; вы покроетесь краской стыда за то, что относились к нему как к каннибалу, когда он побуждал вас спасти нацию жертвою пятисот преступных голов; вы пожалеете о том, что не хотели слушать его спасительных советов, и будете с горечью оплакивать свое пагубное ослепление. Но когда показное милосердие дарует вам жизнь, рассерженный деспот протянет над вами свой железный скипетр и навсегда закует вас в оковы. Что же останется вам из стольких средств обеспечить вашу свободу, которые предоставило вам небо, сочувствующее вашим бедствиям? Вам оста-

нетя только смотреть, как потрясают государство ваши вероломные доверенные, терпеть, что они расхищают достояние бедных и отдают его государю, а также наживаются сами за счет общественной казны; помогать им опрокинуть все преграды, чтобы установить законом деспотизм; видеть, как все национальные имущества употребляются на оплату шпионов и разбойников или на утечку за границу; видеть неизбежность банкротства, а самим оказаться без гроша, после того как вы так поистратились, истощены утомлением и бодрствованием, чтобы сделаться в конце концов добычей тирана, игрушкой нищеты, позорищем для наций.

Только два события могут еще избавить вас от рабства: бунт всей армии из-за тирании командиров и восстание всей нации, возмущенной при виде того, что сенаторы хотят увековечить свою власть... Но изменническое Собрание предусмотрело эту возможность: оно назначило из своей среды комиссаров, которые должны отправиться к границам, чтобы чинить среди солдат расправу во имя закона и предложить им обманчивое посредничество, а затем, разве оно не раздавило патриотическую партию, чтобы дать лишний шанс врагам революции, которые выберут во второе законодательное собрание, если оно когда-либо соберется, только приспешников двора? И, конечно, эти приспешники пойдут по стонам сенаторов-заговорщиков.

Не законодательное собрание, а революционная власть ⁴⁹

(«Друг народа» № DXLII, 30 августа 1791 г.)

Я говорил уже сто раз и говорю это снова: пороки французской конституции таковы, что невозможно, чтобы правительственная машина вообще работала иначе, чем для уничтожения и порабощения друзей свободы. Но так как сенаторы поставили государя в печальную необходимость защищать своих пособников и неустанно развращать народных уполномоченных, чтобы тиранизировать их во имя законов, то государство будет постоянно переживать волнения анархии и ужасы тирании, пока этот деспот не захватит снова вооруженной рукой абсолютную власть, не уничтожит законодательное собрание и не лишит нацию возможности проявлять себя.

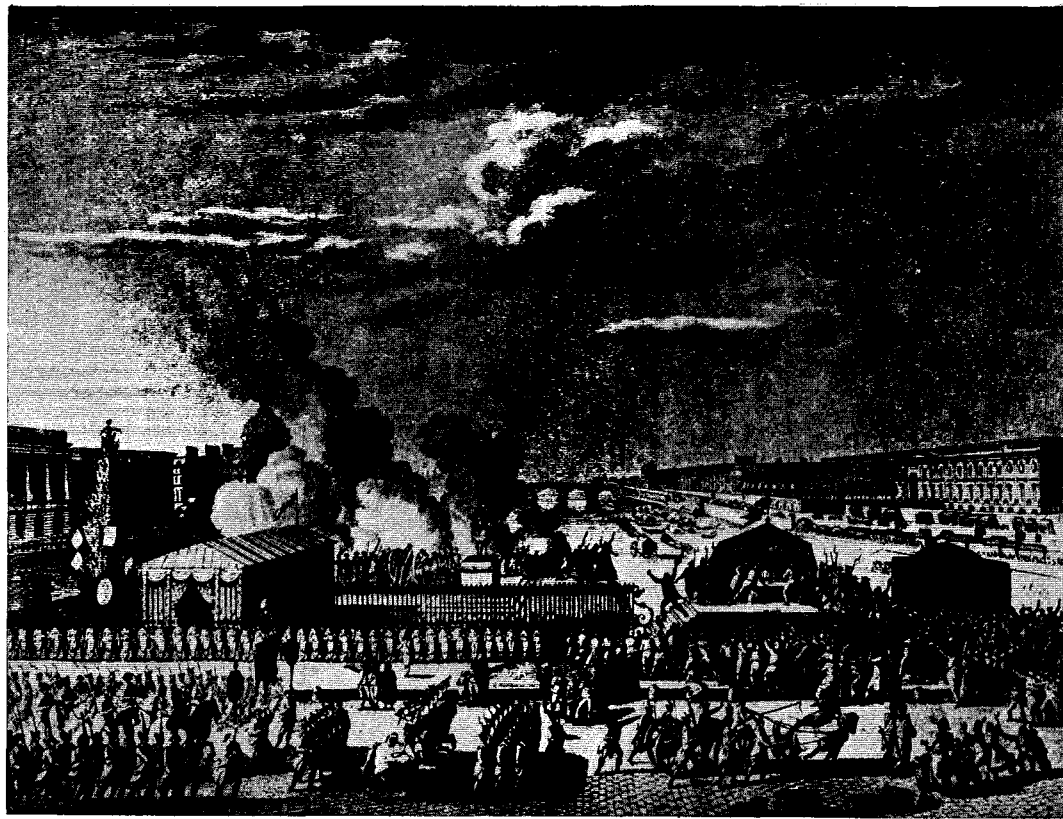
В стремлении исправить недостатки конституции и восстановить свободу нация напрасно обращает свои взоры к новому законодательному собранию, которое будет не менее продажно, чем собрание нынешнее, если вообще оно соберется.

Напрасно также некоторые легкомысленные мечтатели предложили национальные конвенты. Этот метод, придуманный в

наши дни в Новом свете, превосходит для исправления незначительных изъянов хорошей конституции, для усовершенствования ее, для того чтобы предотвратить ее вырождение и не дать ей увлечь государство к гибели; он смешон, когда конституция совершенно неудачна, когда ее основные недостатки представляют преднамеренный результат работы людей, которым было поручено ее составить, и когда нравы нации совершенно развращены, так что ничто так не редко, как общественная честность, а безупречный человек является феноменом.

Вы предполагаете, что новое законодательное собрание или национальный конвент восстановит свободу, реформировав законы. Но где возьмете вы, чтобы составить этот сенат, людей просвещенных, честных и неподкупных? Безумно ставить реформу правительства в зависимость от добродетелей людей невежественных и порочных, низких эгоистов, думающих единственно о своих интересах или о своих удовольствиях.

При современном положении вещей мудрость требовала, чтобы конституция ставилась в зависимость лишь от законов необходимости. И действительно, я указал средство создать совершенную конституцию, сохранив наших мошенников-сенаторов, и затем сделать так, чтобы машина чудесно работала, хотя бы на должности пришлось назначить только мошенников, лишь бы только народ поставил над собою просвещенного и неподкупного главу, распоряжения которого он не колеблясь исполнял бы. Вместо того чтобы проводить свое время в болтовне в клубах, в общественных местах или кофейнях, вместо того чтобы терять время на внесение предложений в клубах и обществах, надо было бороться, ибо свобода приобретает только в борьбе, или, вернее, надо было действовать, чтобы избавиться от врагов революции, которых устрасило взятие Бастилии. И так как народ совершил революцию, так как он один заинтересован в ее поддержании и так как он неспособен вести никакого дела, то он должен был бы почувствовать необходимость избрать себе вождя, которому он вручил бы лишь временную власть, но власть неограниченную, чтобы прогнать из сената и с должностей врагов равенства и свободы, держать их притаившимися от страха и истреблять немедленно, как только они станут пытаться поднять голову. Только при возвращении к этому проекту свобода может утвердиться у нас, если она не погибла уже навсегда. Мы видели, в какую бездну ввергла нас нелепая система мнимых друзей мира, подкупленных усыпителей и контрреволюционных сенаторов.

Объявление отечества в опасности 22 июля 1792 г.
Гравюра Берто по рисунку Приера

Только опытным политикам, глубоким мыслителям дано судить при чтении конституционных законов какого-либо государства о степени свободы, безопасности и счастья, какими должен пользоваться народ при их господстве. Что касается народной массы, то ей надо для этого долгое время наблюдать работу правительственной машины, т. е. видеть применение законов к множеству отдельных случаев.

Может быть, сравнение нового режима со старым лучше всего поможет моим читателям оценить нашу новую конституцию.

Старый режим соединял в своих руках все власти, узурпированные или переданные ему, и осуществлял их все через своих непосредственных агентов, исключая судебной власти, которую он предоставлял судам. Он казался всемогущим, но на самом деле какого только сопротивления не встречал он часто при исполнении своих приказов!..

Указы его совета считались законами, но законы эти имели силу только постольку, поскольку были внесены в реестр, т. е. утверждены парламентскими судами; таким образом, эти суды являлись высшей инстанцией законодательной власти, которую он сам осуществлял. Он, без сомнения, располагал силой, чтобы заставить их внести его указ в реестр, но стоило ему только проявить намерение употребить насилие против одного из них, как он видел, что они все объединяются против него. Народ, видевший в парламентах своих защитников и называвший их отцами отечества, почти всегда становился на их сторону; ввиду этого законодатель часто оказывался вынужденным откладывать свои проекты и отменять свои указы. Памятно упорное сопротивление, какое испытал Людовик XIV со стороны их по поводу своего указа, который аннулировал следствие против его министра, обвиняемого в самых черных преступлениях, а также еще более успешное сопротивление, какое пришлось испытать Людовику XVI по поводу указов о земельном налоге и установлении гербового сбора.

Парламентские суды включали в свой состав пэров королевства. Таким образом, судебная магистратура выступала вместе с дворянством и духовенством против законодателя; оба эти сословия тоже иногда останавливали его с своей стороны, причем одно противопоставляло свои предрассудки относительно чести, а другое — свои привилегии.

При новом режиме все эти преграды были опрокинуты. Король, правда, не обладает больше законодательной властью, но он по своему усмотрению распоряжается законодателем, начинания которого он может собственной властью останавливать, которым он может даже играть и с которым он обращается, как с лакеем. Эта печальная истина наглядно подтверждается тем, как он принял из его рук конституционный акт после того, как заставил членов законодательного собрания изуродовать его по своему усмотрению. Король, таким образом, бесконечно много выиграл от того, что не осуществляет уже непосредственно исполнительную власть. Он теперь уже не законодатель, но зато является его хозяином; он сам не создает законы, но приказывает создавать их, а так как теперь, повидимому, считается, что все должно склоняться перед декретами сенаторов, то, проводя свои приказы через их посредство, он не встречает границ своей воле и сваливает на авторов декретов всю неприятную ответственность за них, избавляясь таким образом от ненависти, которую внушили бы ему несправедливые и произвольные указы. С этой точки зрения Людовик XVI, более могущественный, чем когда-либо, гораздо более опасен общественной свободе.

При старом режиме король обладал исполнительной властью; он обладает ею также и при новом режиме, с тою только разницей, что назначает лишь главных своих агентов и что предоставляет народу ничего не стоящую привилегию, или, вернее, трудное дело избирать второстепенных должностных лиц.

При старом режиме государственные доходы считались достоянием короля; он тратил их по своему усмотрению, или, вернее, предоставлял их расточать по их усмотрению своим министрам и фаворитам. Но в глазах публики он всегда оставался виновным в злоупотреблениях, какие они при этом делали, и эти злоупотребления, всегда отчуждавшие от него сердце народа, не один раз подрывали его власть.

При новом режиме в его руках — высшее управление национальными имуществами, заведывание финансами, ключи от государственной казны, печатный станок для бумажных денег. И так как он непосредственно не выступает на сцену при распоряжении государственными средствами, он может расточать их, как ему угодно, не подвергаясь риску навлечь на себя недовольство за эту расточительность и не опасаясь неприятных последствий этого последнего; в самом худшем случае ему пришлось бы выдать для судебного преследования того

несчастливого, которого он сделал орудием своей расточительности, ибо никогда ответственность не пойдет дальше*.

При старом режиме король был главою и главнокомандующим армии; именно по отношению к ней и в особенности благодаря ей его деспотизм не знал границ.

При новом режиме он тоже является главою и главнокомандующим армии. Если его власть в ней меньше признается, то это потому, что его агенты часто употребляют ее против потока общественного мнения, которое во всех странах всегда было господствующей силой. Тем не менее, он никогда не имел большей власти, потому что может приказывать производить бойню отказывающихся подчиниться его приказам, имея при этом возможность весь ужас, какой внушала бы подобная жестокость, перекладывать на авторов декретов.

При старом режиме высшие суды, хотя и подчиненные королю, редко поддавались влиянию двора. Собственность на судебные должности, известный корпоративный дух и чувство достоинства, присущее немногим древним родам высшего судебного сословия, много содействовали тому, чтобы сделать эти суды независимыми.

При новом режиме суды, состоящие из нескольких кланзников, низких интриганов или выскочек, почти всегда действующих по указке министерского агента, общественного обвинителя и находящихся под надзором королевского комиссара, напоминают те старинные комиссии убийц, которыми пользовались Ришелье и Мазарини, чтобы избавиться от своих врагов, и которые ввиду их проституирования пришлось упразднить даже при двух деспотических царствованиях. Может быть, скажут, что остается в таком случае только выбирать судьями честных людей. Но и раньше дело шло только об этом. Если бы наши прежние судьи были все честные люди, то мы не испытали бы необходимости уволить их и упразднить их корпорации.

При старом режиме полиция подчинялась приказам короля; она ему еще более предана при новом режиме.

Итак, Людовик XVI, король конституционный, является не меньшим деспотом, чем был Людовик XVI, монарх неограниченный. Расширение его власти всегда будет целью усилий его

* Спросите г-на Дюффрени и г-на Делессера, вернули ли они государственному казначейству суммы, которые они поручили возместить Калонну, Полиньяку, д'Эспаньяну. Они вам скажут, что они не имели еще времени произвести эти платежи. Ну, ну, дайте им сроку десять лет — и посмотрите!

министров. Обладая большими средствами, чем прежде, проявлять произвольную власть, он обладает еще тем преимуществом, что может проявлять ее безнаказанно под покровительством законодательного корпуса и при помощи уловок своих агентов, своих приспешников.

Что же мы выиграли от революции? Больше благосостояние? Увы, мы потеряли то немногое, что у нас оставалось до взятия Бастилии; золото и серебро находились в обращении, спекуляции наших священных законодателей отняли у нас наше последнее эку,— у нас едва остается несколько монет.

Пошлины при ввозе в города отменены; необходимым следствием этого должно было явиться понижение цен продовольственных продуктов; но вместо понижения цен все вздорожало на одну треть благодаря частичному банкротству, произведенному Национальным собранием, которое не удержало ассигнации на уровне паритета, и изъятию из обращения всей звонкой монеты.

Если бы по крайней мере можно было добывать себе здоровую пищу по высокой цене! Но возмутительнее всего то, что после трех урожайных лет королевские скупщики вынуждают нас есть хлеб из гнилой муки, причем нам упрощает еще отсутствие и этой последней.

При уничтожении застав (впредь до того дня, когда их восстановят) уволили со службы восемьдесят тысяч служащих откупа. Можно было надеяться, что теперь придется кормить на восемьдесят тысяч бесполезных ртов меньше. Но их заменили армией в полтораста тысяч муниципальных служащих или администраторов дистриктов и департаментов, которые грабят бедный народ еще безжалостнее, чем когда-либо.

Много налогов отменено, что должно было значительно уменьшить их тяжесть, но бремя их стало еще тяжелее, в особенности для жителей городов. Какой-нибудь горожанин, который раньше уплачивал только двадцать ливров подушной подати, облагается налогом с движимости в размере, превышающем сто ливров.

Правосудие объявлено бесплатным, но судебные пристава продолжают свой грабеж; канцелярские издержки очень высоки; приходится терять чрезвычайно много времени, бегая из одного суда в другой, так что, принимая все это во внимание, правосудие теперь еще более разорительно, чем было прежде.

Если бы по крайней мере оно воздавалось всем одинаково; но до сих пор в нем отказывали всем друзьям свободы, или, вернее, оно служило только для того, чтобы покровитель-

ствовать врагам отечества и угнетать его защитников. Смотрите, как патриотов Марсова поля бросают в темные каменные мешки, тогда как их подлые убийцы пользуются безнаказанностью и самым возмутительным покровительством. Смотрите, как родители жертв, варварски погубленных в Верноне, в Ла-Рапэ, в Ла-Шапель, в Нанси, встречают отказ во всех судах, тогда как их жестокие палачи, уверенные в безнаказанности, издеваются еще над их отчаянием. И укажите мне среди изменников и заговорщиков хотя бы одного, кто до сего дня испытал бы свои преступления на эшафоте.

Нас смешно баюкают громкими словами о свободе, а между тем мы никогда не были в большей степени рабами. Всюду стеснения и ограничения; мы почти не можем сделать ни одного шага, чтобы не натолкнуться на препяды. Если мы захотим преследовать за границей бежавшего должника, то в нарушение декларации прав, которая предоставляет каждому свободу передвижения и право заботиться о своих интересах, сколько приходится хлопотать, пока получишь разрешение: надо пойти в свою секцию, дать себя измерить, сообщить цвет своих волос, оттенок кожи на лице, затем отправиться в муниципалитет, чтобы показать свою наружность, а напоследок пойти к министру с той же целью, и после всей этой беготни ничего нельзя добиться, если не являешься купцом,— до такой степени опасаются, что артисты, рабочие, рантье и другие граждане могут наконец решиться покинуть отечество, где они находят лишь рабство, нужду и угнетение.

Для того чтобы быть вынужденными терпеть в нем самые жестокие мучения и под конец погибнуть от нужды, стоило ли труда взяться за оружие против наших тиранов и провести целых два года в постоянном бдении, среди утомления и тревог? Стоило ли труда ввергнуть государство в судороги анархии? Отнять у бедняков их достояние и обогатить принадлежащим им добром придворных господ, вероломных доверенных народа!

*Последнее прощание Друга Народа с отечеством*⁵¹

(«Друг народа» № DLVI, 21 сентября 1791 г.)

Мы завоевали свободу посредством самой удивительной из революций, но мы потеряли ее благодаря нашей глупости, нашему малодушию, и теперь мы от нее дальше, чем были до взятия Бастилии.

Утверждают, что мы обладаем законами, устанавливающими наши права. Я сто раз доказал, что законы эти обманчивы; но даже если бы они сами по себе не служили угнетению,

люди, на которых возложено исполнение их, являются неумолимейшими врагами отечества; они заставляют их молчать или говорить, как им нравится; они поочередно истолковывают их в пользу врагов и против друзей свободы, и защитники прав народа всегда приносятся в жертву мечам правосудия.

Те, кто ставит революцию на счет нашей храбрости, приписывают утрату свободы недостатку у нас в настоящее время энергии, они жалуется на то, что она все время ослабевала, и доказывают, что ныне у нас ее осталось едва ли столько, сколько было три года тому назад. Ведь только кучка бедняков вызвала падение стен Бастилии, и если их пустить в дело, они проявят себя так же, как в тот день,—они охотно ринутся в бой со своими тиранами. Но тогда они могли свободно действовать, а теперь они связаны по рукам и ногам.

Когда прослеживаешь внимательным взором цепь событий, подготовивших и вызвавших кризис 14 июля, сознаешь, что ничего не было легче революции: она порождена исключительно недовольством народа, озлобленного притеснениями правительства, и отпадением солдат, возмущенных тиранией своих командиров. Но когда начинаешь принимать в соображение характер французов, настроение различных классов народа, противоположные интересы граждан различных положений, средства, имеющиеся у двора, и лигу, столь же естественную, как и грозную, врагов равенства, то отлично видишь, что революция могла быть лишь временным кризисом и что свобода не могла удержаться в силу одних только тех причин, которые привели к ней.

Ошибочно мнение, что вооружение граждан 14 июля было всеобщим восстанием против деспотизма, потому что тогда это была только простая предосторожность со стороны граждан, которым было что терять, против неимущих, опрокинувших преграды.

Эта предосторожность, продиктованная в столице страхом, словно по пороховому шнуру распространилась по всему королевству в силу примера. И только когда мелкие честолюбцы, руководившие плебейской частью Генеральных штатов, воспользовались обстоятельствами, чтобы предать народ, начало казаться, что это проявление силы нации направлено против деспотизма.

Во время этого всеобщего восстания казалось, что деспот, окруженный своей семьей, своими министрами и немногими придворными, покинут всей нацией; тем не менее он сохранил бесчисленные легионы своих приверженцев и приспешников,

исключая регулярные войска, которые всем сердцем отдались отечеству. Вооружившись по видимости против своего господина, все эти люди сделали это в действительности только с целью защиты его, с целью поддержать его власть, сохранить свои привилегии и чины. В ту пору можно было видеть, как высокомерные фавориты двора под маской патриотизма твердят только о суверенитете народа, о правах человека, о равенстве граждан, смиренно выпрашивают, одетые в форму солдат отечества, места командиров или ловко подкупают их под прикрытием благотворительности. Те из них, кто не смог захватить командование национальными вооруженными силами, постарались приобрести влияние в народных собраниях, завладеть местами на общественной службе. Мы видели впервые почтенных судей с большими усами во главе батальона, государственных советников в париках с косичками, скромно склоняющихся над столами в управлении дистрикта рядом с их портными или нотариусами, гордых герцогов в штатском платье, сидящих в комитете полиции вместе со своими прокурорами или судебными приставами, а мирных прелатов в роли хранителей арсенала и раздатчиков орудий смерти сынам Марса.

Вокруг этих честолюбивых интриганов, презренных кретур двора, скоро сплотились его приверженцы и приспешники — дворянство, духовенство, армейское офицерство, судейское сословие, представители судейской знати и юристы, финансисты и биржевые игроки, пиявки государства, торговцы словом, крючкотворцы, вся дворцовая сволочь, — одним словом, все те, кто основывает свое величие, свое благосостояние, свои надежды на злоупотребления правительства, кто существует за счет его пороков, его преступлений, его расточительности и кто старался увековечить эти безобразия, чтобы извлекать выгоду из общественного бедствия. Понемногу вокруг них сгруппировались разные дельцы, ростовщики, ремесленники, изготавливающие предметы роскоши, писатели, ученые, артисты, которые наживаются в свою очередь за счет счастливых сегодняшнего дня или распутных девиц. После этого пришли купцы, капиталисты, состоятельные граждане, для которых свобода является лишь привилегией беспрепятственно приобретать, надежно владеть и наслаждаться миром. Вслед за тем появились трусы, которые меньше опасаются рабства, чем политических бурь, отцы семейства, опасющиеся и намека на какую-нибудь перемену, которая может повести к потере места или общественного положения.

Составившись таким образом, партия деспота посредством пагубных отличий внесла разделение в среду тех, кто держал в руках оружие, лживыми обещаниями соблазнила глупцов, все те, кто хотел продаться, были куплены. И в результате всего этого партия друзей свободы оказалась состоящей уже только из нуждающихся классов, из простонародья, необразованного, не имеющего ни средств ни вождей, защищаемого лишь немногими добродетельными, но не обладающими состоянием людьми и несколькими писателями-патриотами, лишенными власти.

Как только законодатели, которых подкупил двор, увидели, что их поддерживает сила, они стали думать только о том, как бы подкопаться под здание свободы, которое они во время бурного кризиса притворно возводили,—и вскоре вся нация была снова закована в цепи руками именно тех, кому она поручила разорвать их и кому она неблагоразумно предоставила защиту своих самых жизненных интересов.

Противоположность интересов, разделяющих различные классы граждан, естественный союз врагов свободы; ресурсы двора и невежества народа тревожили меня с первых дней революции гораздо больше, чем глубина их хитрости и громадность их средств; они заставляли меня предчувствовать, что революция явится лишь кратковременным кризисом, и отчаиваться в общественном спасении.

Несмотря на соединение стольких препятствий, отечество могло бы тем не менее восторжествовать, и свобода могла бы наконец прочно утвердиться, если бы неимущие классы, т. е. масса народа, могли бы почувствовать необходимость избрать себе просвещенного и неподкупного вождя, чтобы срубить преступные головы и помешать изменникам бежать,—единственное средство, какое у нас оставалось для того, чтобы уберечься от тирании, и какое я тщетно предлагал столько раз, когда было еще не поздно прибегнуть к нему. Поскольку мне казалось, что гибель отечества неизбежна, я думал только об отсрочке ее, в надежде, что какое-нибудь непредвиденное событие откроет, может быть, наконец глаза народу и остановит его на краю пропасти, в которую силятся увлечь его непримиримые враги. Все, что человек здравомыслящий и мужественный был в состоянии сделать для спасения своего отечества, я сделал, чтобы защитить его. Один и без поддержки, я целых два года боролся против комиссаров секций, против муниципальных администраторов, начальников полиции, судов, государственного трибунала, правительства государя, против самого

Национального собрания, и часто не без успеха. Я разоблачил черные замыслы двора, вскрыл его зашадни, его хитрости, его заговоры. Я привел в замешательство заговорщиков, подготовил падение суда Шатлэ и ускорил падение обожаемого министра. Я сорвал маску с парижского генерала, поднял армию и флот против законодателя, изменившего своему долгу, изобличал его пособничество, его позорные проекты, его предательское поведение, его преступления; не один раз я принуждал его продавшиеся комитеты брать обратно, приостанавливать или изменять их проекты декретов; я боролся против угнетателей всех наименований, я вырвал из когтей судебной тирании сто тысяч жертв*. Не один раз я заставлял тирана бледнеть на своем троне и отворачиваться от своих ужасных пришепников.

Все время воюя с изменниками отечества, возмущенный их гнусностями и жестокостями, я сорвал с них маску, я предал их позорищу, я навлек на них всеобщее презрение. Я презирал их клеветы, их выдумки**, их злословие; я не обращал внимания на их злобу, на их бешенство. Во борьбе с их яростью я подвергался поочередно преследованию со стороны министров и муниципальной администрации; поочередно против меня издавали приказ об аресте полицейский суд, суд Шатлэ, законодатель. Далекий от того, чтобы дрогнуть перед этими жестокими врагами свободы и малодушно покинуть дело народа, я удвоил энергию. Двадцать военных экспедиций, направленных теперь против меня, и целая армия, двинутая для того, чтобы похитить меня у народа, только увековечили мою смелость. За мою голову была назначена награда, пять жестоких шпионов были пущены по моим следам и наняты две тысячи убийц, чтобы расправиться со мною; все это не заставило меня ни на одну минуту изменить своему долгу.

Чтобы избежать кличка убийц, я осудил себя на жизнь в подполье; открываемый время от времени батальонами альгва-

* Участники сжигания застав и сто тысяч патриотов, которых хотели погубить под этим предлогом. Против них было уже отдано 864 приказа об аресте.

** Известно, что обожаемый министр, желая отомстить мне, побудил подлого Моранда обвинить меня в том, что я был навсегда изгнан из Англии; между тем, я отправился искать убежища от моих преследователей именно на этом счастливом острове. Если этот отвратительный, на все готовый газетчик когда-нибудь вернется туда, я надеюсь иметь возможность привести его к позорному столбу, от которого граф Оражэ дал ему уйти после того, как заставил его признать себя обманщиком и негодяем, прежде чем помиловать его.

зилов, вынужденный бежать, блуждая по улицам среди ночи и нередко не зная, где найти убежище, отстаивая под кинжалами дело свободы, защищая угнетаемых с головою на плахе, я делался еще более страшным для угнетателей и мошенников. Такой образ жизни, один лишь рассказ о котором леденит сердца, самые испытанные, я вел целых восемнадцать месяцев, ни одну минуту не жалуясь, не сожалея ни об отдыхе, ни об удовольствиях, не считаясь с утратой своего положения, своего здоровья и ни разу не бледнея при виде меча, все время направляемого на мою грудь. Да что я! Я предпочитал все это всем выгодам, подлости, всем прелестям богатства, всему блеску короны. Меня бы охраняли, ласкали, чествовали, если бы я только согласился хранить молчание, и сколько золота расточали бы мне, если бы я согласился обесчестить свое перо! Я отверг растлевающий металл, я жил в бедности, я сохранял свое сердце чистым. Я был бы теперь миллионером, если бы был менее шепетилен и если бы всегда не забывал о самом себе. Вместо богатств, которых у меня нет, я имею долги, которыми наградили меня вероломные издатели моей газеты. Я отдам этим кредиторам то немногое, что у меня остается, и отправлюсь без гроша, без помощи, без средств прозябать в единственном уголке земли, где я еще могу спокойно дышать; сопровождаемый воплями клеветы, оскорбляемый общественными плутами, с которых я сорвал маску, преследуемый проклятиями врагов отечества, ненавидимый сильными мира сего и людьми, занимающими выгодные должности, отмеченный во всех министерских кабинетах как чудовище, подлежащее уничтожению, я, может быть, буду скоро забыт народом, ради спасения которого я принес себя в жертву, счастливый, если сожаления патриотов меня сопровождают туда; но я уношу с собою почетное свидетельство моей совести, и меня будет провожать туда уважение сильных душою.

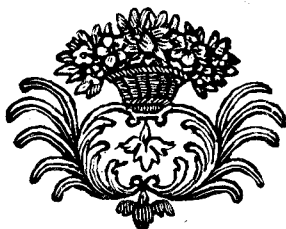
Как бы ужасна ни была моя участь во время моего продолжительного пленения и как бы печальна ни была перспектива, открывающаяся передо мною, я никогда не стану раскаиваться в жертвах, какие принес отечеству, и в добре, какое хотел сделать для человечества.

Я боролся без усталы вплоть до сегодняшнего дня и покинул брешь только тогда, когда крепость была взята. Если существует во Франции хотя бы один образованный и решительный человек, который осмеливается упрекать меня в том, что я слишком рано отчаялся в общественном спасении и обнаружил недостаток твердости, то пусть он займет

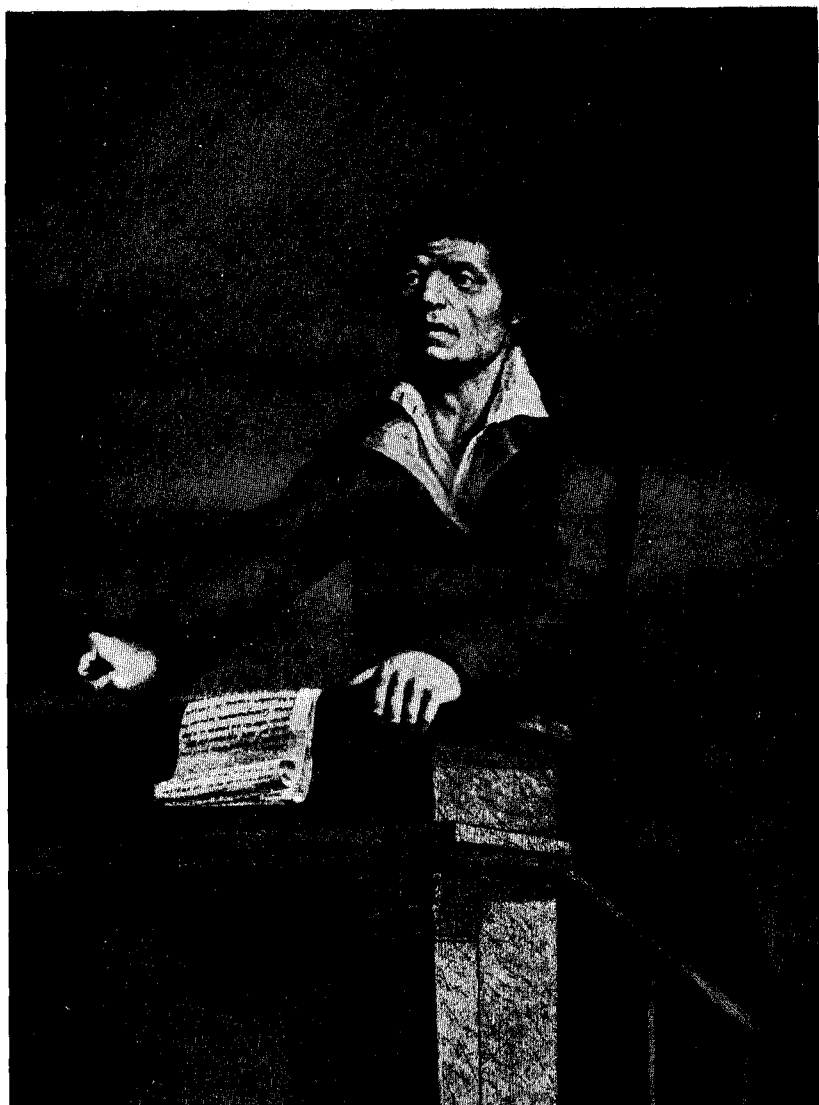
мое место и будет отстаивать его хотя бы только в течение недели*.

Граждане, я не требую от вас ни сожалений, ни признательности, вы можете даже не сохранять памяти о моем имени. Но если какой-нибудь неожиданный поворот судьбы доставит вам когда-нибудь победу, не забудьте упрочить ее, пользуясь преимуществами своего положения, и помните, стараясь обеспечить свое торжество, советы человека, который жил только для того, чтобы установить у вас господство справедливости и свободы.

Марат, Друг Народа

* Говорят, что через несколько дней король примет конституцию и что будет объявлена общая амнистия. Я хотел бы, чтобы меня одного исключили из нее. Тем не менее, если народ поднимется, я вернусь на свой пост.

Марат на трибуне Конвента
Гравюра Туркати с картины Симона-Младшего

РЕВОЛЮЦИЯ

10 АВГУСТА — 2 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА

План революции, не удавшейся народу ⁵²

(«Друг народа» № DCLXVII, 7 июля 1792 г.)

Уже три года, как мы повергнуты в волнение, стремясь вернуть себе свободу, и тем не менее мы дальше от нее, чем в первый день; никогда мы не были более поработаны, чем теперь.

Революция, обратившаяся против народа, представляет для него величайшее несчастье. Свобода, которую он считал основой всех благ, превратилась в государстве в неиссякаемый источник насилий, беспорядков, бедствий и клеветы. С самого начала революция была для двора и его приспешников лишь основанием для соращения, обмана, подкупа, происков, интриг, покушений, убийств, отравлений и губительных заговоров. Вскоре она стала для интриганов постоянным поводом для лицемерия, коварства, козней, происков, хитростей, продажности, низости и преступлений. Затем она сделалась для должностных лиц неистощимым источником притеснения и угнетения. Даже для самого законодателя она была лишь предлогом для проявления вероломства, мошенничества, плутовства, коварства и тирании. Она превратилась для богатых и скупых в незаконный предлог для монополий, захватов, ростовщичества, обмана и грабежа; этот ужасный разбой разорил народ и поставил бесчисленный класс бедняков перед опасностью погибнуть от нищеты или перед необходимостью продаваться.

Во все времена люди были в отношении друг друга тиграми. При старом порядке нашими господами были и деспот, и его агенты, и слуги, наперерыв обиравшие и угнетавшие нас, но закон давал нам естественную защиту и право жаловаться.

При новом порядке закон, который должен был бы нас защищать, лишь угнетает нас; у нас больше нет господ, но мы стонем под железной палкой своих собственных уполномоченных; беззащитные, мы предоставлены на милость собственных агентов, и в довершение ужаса, они угнетают нас во имя справедливости, они надевают на нас кандалы во имя свободы; они не позволяют нам разоблачить предателей, злоупотребляющих нашими полномочиями, чтобы нас погубить; они наказывают нас за противодействие тем вероломным, которые во зло употребляют силу, чтобы подавить нас; они считают преступлением, когда мы прибегаем к естественной защите; они запрещают нам всякий ропот и даже жалобы. В результате коварного устройства наших органов власти оказывается, что мы никогда не имели столько оснований жаловаться на наших прежних тиранов, сколько мы теперь имеем причин протестовать против варварства своих собственных представителей. Безумцы мы! потратим же всю свою жизнь на то, чтобы защищаться от покушений внутренних и внешних врагов, чтобы обороняться от посягательств должностных лиц и стенать под ударами угнетателей, чтобы пасть затем изнуренными бедением, усталостью, досадой, огорчениями и нуждой, испытав при мнимом господстве свободы в сто раз больше бед, чем нам приходилось опасаться при деспоте.

Повторим еще раз, не боясь, что мы сейчас дальше от свободы, чем когда бы то ни было: ведь мы не только рабы, но мы стали ими на основании закона в результате ряда коварных мер наших законодателей, ставших сообщниками восстановленного в правах деспотизма. Было бы безумием упорствовать в стремлении снова овладеть уже столь далеким от нас благом; народ умер, и для него свобода потеряна без возврата. Но прежде чем покинуть свое дело, посмотрим еще несколько минут на сцену из глубины театра, в котором мы находимся, понаблюдаем игру актеров и чувства, владеющие зрителями, и поищем основные причины, помешавшие нам установить свободу, после того как мы на мгновение победили деспотизм.

Бросьте взгляд на государственную сцену. Изменились одни лишь декорации, остаются прежние актеры, прежние маски, прежние интриги и прежние движущие силы; попрежнему существует деспот, окруженный приспешниками, попрежнему — притесняющие и угнетающие нас министры, попрежнему — несправедливый законодатель, попрежнему — неверные и вероломные представители власти; попрежнему — жадные, пресмыкаю-

N^o. Ier.

JOURNAL

DE

LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE,
PAR MARAT, L'AMI DU PEUPLE, Député
à la Convention Nationale.

*Apperçu de la convention nationale. Idée de
ses premiers travaux. Nouvelle marche de
l'auteur, servant de prospectus à ce journal.*

Les députés à la convention nationale se sont réunis le 21 de ce mois, au nombre de 311, dans l'une des salles du château des Tuileries. Après avoir appelé au fauteuil le plus ancien d'âge, et les deux plus jeunes au bureau, on a procédé à l'appel nominal des dépu-

Первая страница из „Журнала Французской
республики“ № 1

щиеся, подавляющие и интригующие царедворцы; попрежнему — мелкие честолюбцы, бесстыдные интриганы, трусливые лицемеры, ловкие плуты, попрежнему люди, снедаемые жаждой золота и глухие к голосу долга, чести и человечности, стремясь приобрести милости судьбы и пренебрегая справедливостью, пытаются завладеть всеми должностями в ущерб заслугам. Сегодня главные актеры за кулисами; там они с удобством строят козни совместно с теми, кто действует на наших глазах. Большинство последних уже исчезает; на сцене появляются новые актеры, с тем чтобы играть старые роли; они исчезнут в свою очередь, их места займут другие, и они так же будут заменены, но в ходе политической машины не произойдет никаких изменений до тех пор, пока народ не станет достаточно проникателен, чтобы расстроить замыслы обманывающих его плутов, и достаточно мужествен, чтобы наказать обманывавших его раньше негодяев. Но чего можно ждать от народа, пока не изменятся наши нравы? И в чем заключается лекарство от застарелой заразы, охватившей все слои?

Первая и главная причина безрезультатности наших стараний достичь свободы заключается в самой природе революции.

Доведенные до отчаяния злоупотреблениями деспотизма, народы сотни раз пытались разбить свои оковы.

Им это всегда удается, когда вся нация восстает против деспотизма. Это бывает очень редко, и весьма обычно видеть разделение народа на две партии, из которых одна выступает против деспота, а другая — за него.

Когда каждая из этих партий составляется из разных классов общества, то той, которая выступает против деспотизма, часто удается его раздавить, потому что она имеет преимущества, помогающие ей подрывать его, в сравнении с партией, которая его поддерживает. Так происходило дело у швейцарцев; у голландцев, у англичан и у американцев.

Но это не может случиться, если простонародье, т. е. низшие классы общества, борется одно с высшими классами. В момент восстания они все сокрушают своей массой, но каковы бы ни были вначале их успехи, в конце концов они неизменно терпят неудачу; они всегда лишены знаний, умения, богатства, оружия, вождей и плана действий, и потому у них нет средств от заговорщиков, преисполненных проникательности, коварства и ловкости, от вечных интриганов, имеющих в своем распоряжении богатства, оружие, боевые припасы, все должности, требующие доверия, все средства, даваемые вос-

питанием, политикой, состоянием и властью. Так именно случилось с французской революцией; неверно, что вся нация поднялась против деспота: ведь он был всегда окружен своими приспешниками, дворянством, духовенством, судебными сановниками, финансистами, капиталистами, учеными, литераторами и их крестуррами. Если вначале образованные, зажиточные и склонные к проискам люди низших классов были против деспота, то лишь затем, чтобы повернуться против народа, когда позже они добились его доверия и использовали его силы с целью стать на место упраздненных ими привилегированных сословий. Таким образом, революция была совершена и поддержана лишь самыми низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелочными торговцами, земледельцами, простонародьем, теми обездоленными, которых наглое богатство называет чернью и которых римская заносчивость называла пролетариями. Но никогда нельзя было представить себе, что она будет сделана исключительно в интересах мелких земельных собственников, юристов, приспешников крючкотворства.

План революции совершенно не удался. Так как она совершалась против деспотизма, то надо было начать с лишения деспота и его агентов всех прав, доверить власть уполномоченным народа и декретировать, что междуарствие будет продолжаться в течение всего того времени, пока конституция не будет готова. Когда она была бы составлена, ее следовало бы представить государю, заявив ему, что он низложен, если бы он отказался поклясться в повиновении новым законам и в верности народу. На следующий день после взятия Бастилии представителям народа было бы очень легко осуществить это. Но для этого им надо было иметь убеждения и обладать добродетелями. Они же далеко не были государственными людьми, а почти все представляли собой ловких мошенников, искавших случая продаться, и низких интриганов, подчеркивавших свои фальшивые гражданские добродетели, чтобы добиться более высокой цены за предательство. Поэтому они с самого начала обеспечили прерогативы короны, вместо того чтобы вынести решение о правах народа. Они сделали даже больше и начали с того, что вручили государю верховную исполнительную власть, поставили его над законодателем, поручили ему осуществление законов, оставили ему ключи от государственной казны, доверили ему управление национальными имуществами, командование флотом и армией и распоряжение всей военной силой с целью обеспечить ему средства для активного сопроти-

20 июня 1792 г.
Гравюра неизвестного автора

вления делу свободы, для того чтобы легче было опрокинуть новый порядок вещей.

Но это еще не все; представители народа его именем лишили духовенство имуществ, дворянство — титулов, финансистов — положения, привилегированные сословия — преимуществ, но, вместо того чтобы сокрушить этих приспешников деспотизма, объявив, что они не могут занимать никаких должностей, они оставили им тысячи способов восстановить свое положение вместе с самим деспотизмом; радуясь возможности разделить их господство и их благополучие, представители народа вступили с ними в союз и продались деспоту. Поэтому первых представителей народа надо считать опорой контрреволюционеров и самыми смертельными врагами народа.

Если бы народ хоть знал свои права, если бы он мог оценить коварное поведение своих уполномоченных, понять необходимость остановить своих неверных представителей при первом их ложном шаге, решительно пресечь действия плохих граждан, освободиться от предателей и сохранить за собой верховные права в отношении санкционирования законов, но он даже не помыслил о том, как избежать возвращения под ярмо. Вместо того чтобы целиком вооружиться, он допустил вооружение лишь части граждан, затем он доверил свою участь своим уполномоченным и сделал вместе с врагами революции как раз обратное тому, что ему следовало сделать. Вместо того чтобы безотлагательно на них ополчиться и без передышки их преследовать, он сам начал обороняться, и благодаря такому неправильному поведению ему пришлось глупейшим образом отказаться от всех своих преимуществ; ведь если интриганы не всегда достигают успеха, то уже ничего худшего с ними произойти не может; даже терпя неудачу, они теряют лишь время; как только их планы оказываются расстроенными, они принимают за дело с новыми усилиями, имея возможность лучше рассчитать свои действия, чем в первый раз. Но ведь нельзя быть всегда настороже, а малейшая неосторожность часто бывает роковой; судите же, к чему должны привести беззаботность и летаргический сон народа.

Лица, пытающиеся нас успокоить относительно нашего ужасного положения, приписывают наши несчастья *недостатку знаний у народа*; я, подобно им, верю в это, но лишь бы они не считали это единственной причиной зла. Затем, чтобы воодушевить нас надеждой, таящейся в глубине их сердец, они уверяют нас, что *успехи разума, естественно, медленны и постепенны*. Это правильно для небольшого числа мысля-

щих людей, но масса народа не знает прогресса разума и знаний, хотя порой она как будто отказывается от некоторых предрассудков, или, вернее, меняет их. Хитрости ловкого, глубокого макиавеллизма от нее ускользает, и это будет всегда так. Ей нехватает и всегда будет нехватать прозорливости, чтобы обнародовать ловушки, расставленные врагами.

Политические споры всегда были, есть и будут выше ее понимания. Даже если предположить, что обстоятельства будут ей особенно благоприятствовать, она все же никогда не будет в состоянии подвергнуть анализу декрет, обнаружить скрытое в нем коварство, вывести из этого должные следствия, предусмотреть последствия и предсказать результаты. Если бы надо было привести яркий пример для доказательства этой печальной истины, то я сказал бы, что, несмотря на непрерывные речи наших патриотических обществ и поток сочинений, уже в течение трех лет заливающий нас, народ сейчас дальше от понимания того, что надлежит ему делать, чтобы оказать сопротивление своим угнетателям, чем в первый день революции. Тогда он полагался на свой природный инстинкт, на простой здравый смысл, который помог ему найти правильное средство, чтобы образумить своих неумолимых врагов.

С тех пор народ поучается толпой софистов, которые оплачиваются для того, чтобы скрывать под покровом общественного порядка удары, наносимые его суверенитету, чтобы покрывать плащом справедливости покушения на его права и чтобы представлять ему как меры, необходимые для защиты его свободы, шаги, предпринимаемые для ее уничтожения; его обманывает кучка усыпителей, заинтересованных в том, чтобы укрывать от него грозящие ему опасности, чтобы подавать ему тщетные надежды и советовать ему сохранять спокойствие и мир; он вводился в заблуждение толпой шарлатанов, заинтересованных в расхваливании поддельного патриотизма самых неверных должностных лиц, в приписывании самым отчаянным интриганам чистых намерений, в оклеветании лучших граждан, в обращении с друзьями революции, как с крамольниками, с защитниками свободы — как с мятежниками, с врагами тирании — как с разбойниками; в очернении мудрых мер, предлагаемых для обеспечения торжества справедливости; в превращении в сказки заговоров, затеваемых против отечества, в усыплении народа лстящими ему иллюзиями и в укрытии от него за картиной обманного счастья пропасти, в которую его пытаются свергнуть; народ вводится в заблуждение должностными лицами, объединившимися с предателями и заговорщи-

ками, чтобы подавить его негодование, заглушить его обиду, взнудать его рвение и связать его смелость путем постоянной проповеди доверия к должностным лицам, подчинения установленным властям и уважения к законам*; наконец, обманутый своими коварными представителями, которые усыпляли его надеждой отмены за его права, обеспечения его суверенитета и установления царства свободы и справедливости, он, этот народ, позволил поймать себя в расставленные для него ловушки. Теперь он поработан во имя закона законодателем и угнетен во имя справедливости носителями власти, теперь он стал рабом на основании конституции; сейчас, когда он отказался от своего природного здравого смысла и дал увлечь себя вероломными речами стольких обманщиков, он далек от того, чтобы считать своими злейшими врагами коварных своих уполномоченных, сблизившихся со двором, своих неверных представителей, торговавших его самыми священными правами и самыми важными интересами, и всех негодяев, злоупотребивших его доверием, чтобы принести его в жертву его прежним тиранам; он далек от того, чтобы считать источником зла те гибельные декреты, которые лишили его суверенитета, которые объединили в руках монарха все виды власти, которые сделали призрачной декларацию прав, снова наложили на народ цепи и сковали его кандалами. Он далек от того, чтобы попруть ногами эту чудовищную конституцию, ради сохранения которой он глупейшим образом даст врагу удушить себя. Он далек от понимания того, что единственный способ установить свободу и обеспечить себе покой заключается в том, чтобы беспощадно уничтожить предателей отечества и утопить вождей заговорщиков в их собственной крови.

* Это суеверное уважение к гибельным декретам, эта безрассудная присяга в соблюдении конституции все погубили. Теперь, когда народ стал рабом на основании конституции, легко понять, что слепое подчинение притеснительным законам навсегда скует его цепями.

Советы Друга Народа федератам департаментов

(«Друг народа» № DCLXXIV, 18 июля 1792 г.)

Французы, вы открыли, наконец, глаза на г-на Мотье, и несколько дней тому назад вы увидели то, на что некий прощительный гражданин не переставал указывать вам с самого начала революции; теперь великий генерал, герой Старого и Нового света, соперник Вашингтона, бессмертный восстановитель свободы, стал в ваших глазах презренным царедворцем, лакеем монарха, недостойным приспешником деспотизма, предателем, заговорщиком. Все патриотические общества королевства объединяются, чтобы сорвать с него маску; масса муниципальных петиций требует, чтобы был вынесен обвинительный декрет против него; все участники национальной гвардии, являющиеся в Собрание, заявляют то же требование, гораздо лучше выражающее желание всех департаментов. Вот, наконец, господин Мотье признан бесстыдным интриганом, лицемером, придворным лакеем, законченным подлецом, телохранителем деспота, постыдным контрреволюционером, как я это вам предсказывал уже почти три года тому назад (предсказания эти целиком исполнились). Вот он покрыт позором. Все, что я говорил вам о губительной войне, которую мы имели безумие предпринять, не преминуло осуществиться.

Рошамбо был отпетым предателем, немедленно отступившим, как только он увидел, что его разоблачили.

Люкнер — такой же удостоверенный предатель, достаточно подлый, чтобы покрывать ложью свое черное вероломство; неправда, что он был вынужден вернуться из-за отсутствия

людей, и все для того, чтобы проникнуть во враждебную страну, все жители которой протягивали к нему руки и которая была защищена лишь девятью тысячами наемников, низких придворных лакеев; не видели ли мы, как он подло писал Собранию клеветнические письма, которые ему диктовал двор, и подписывал петиции, которые подавали Мотье, Ламет, Богарна, Броглио и многие другие беспомощные без него лица, стремясь уничтожить патриотические общества, чтобы предать казни вождей патриотов, требовавших в Тюльрийском дворце утверждения декрета о лагере для охраны безопасности, чтобы возмутить департаменты и зажечь гражданскую войну под предлогом открытия мнимых заговоров против королевского величества?

Разве по примеру своих предшественников, продавшихся двору, все наши министры — мнимые патриоты — не оставили наши крепости скрытыми, наши лагеря без боевых припасов, наши гражданские батальоны без оружия, без одежды и хлеба, а наши армии под руководством контрреволюционных начальников?

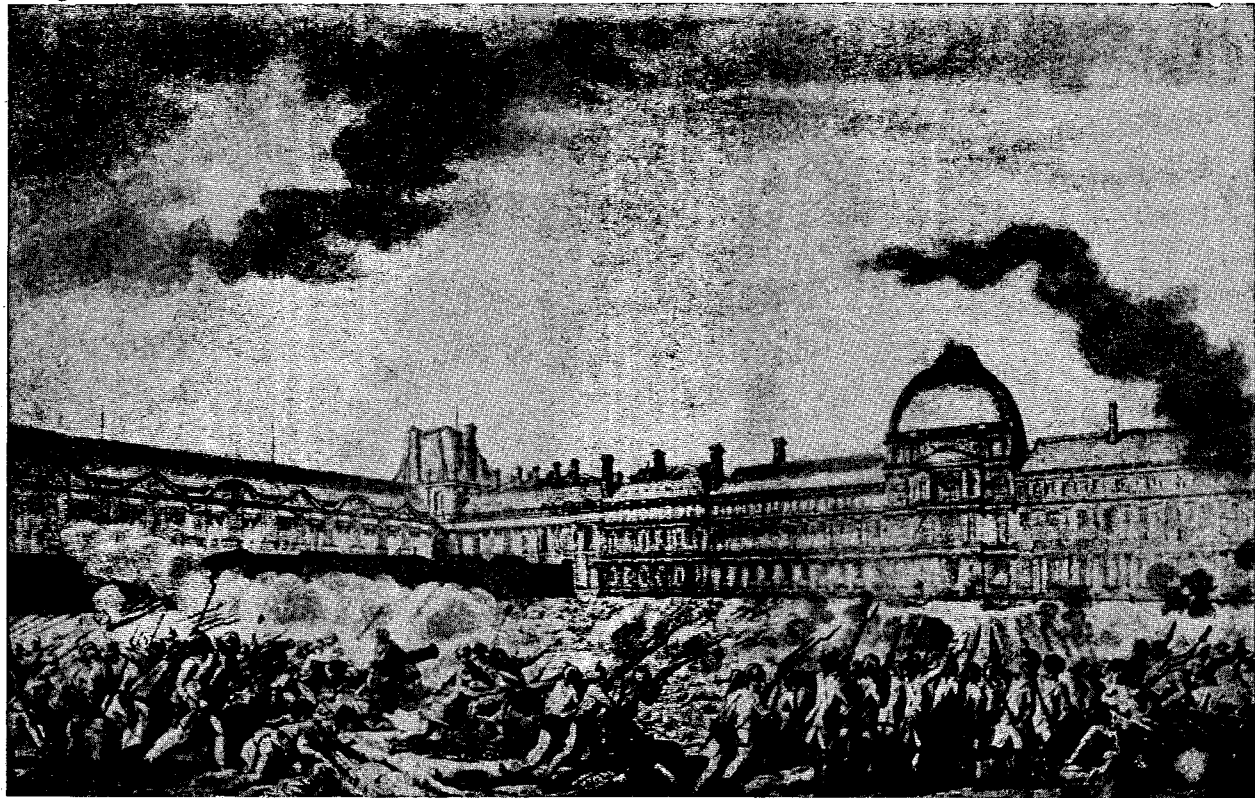
Кампания началась тремя поражениями. Влекомые на бойню своими вероломными начальниками, наши легионы подверглись избиению, защитники нашей свободы бежали перед наемными рабами, и армии наши были обесчещены. Когда измены генералов открылись, они вырвали у законодательного органа жестокий декрет, позволявший им убивать патриотов, которые бы осмелились обвинить их в отсутствии гражданских добродетелей; они держали меч тирании занесенным над всяким, кто воспротивился бы их новым заговорам. Однако, не дерзая идти прежними путями, они стали волновать и подтачивать свои армии, коварно приписывая в то же время вину в своей бездеятельности писателям-патриотам, народным обществам и якобинскому правительству, которых обвиняли в том, что они парализовали их операции; они возмутили солдат, чтобы получить предлог для уничтожения патриотических обществ, подавления свободы печати, освобождения себя от всякой цензуры и беспрепятственного составления заговоров.

Продержав свои армии в течение трех месяцев со скрещенными руками, эти предатели повели их за несколько лье во вражескую страну, овладели несколькими деревушками, несколькими городишками, отказались взять крепости*, которые гра-

* Граждане Монса, Брюсселя, Го-де-Турпе склоняли Мотье взять эти города; он постоянно отвечал им, что не желает этого. Факты эти повторялись неоднократно и стали общеизвестны.

ждане были готовы сдать им, затем оставили свои завоевания и сожгли предместья. Они привели свои армии обратно на родину, бесстыдно ссылаясь на то, что триста тысяч человек, находившихся в их распоряжении, недостаточны для овладения страной, защищаемой девятью тысячами разбойников. Но кто не понимает, что эти постыдные операции были задолго решены в тюильрийском кабинете, чтобы возложить на французский народ вину в нападении, чтобы обвинить его в происшедших событиях, обесчестить его армии в глазах врагов, чтобы лишить его войска мужества, покрыть позором солдат свободы, покинуть брабантских граждан, присоединившихся к ним, на месть их владык, чтобы ожесточить против нас возмущенных врагов нашей недобросовестности, нашего варварства, чтобы дать время державам, находящимся в заговоре, собрать свои войска и двинуть против нас свои силы, поднять против нас всю Европу, обесчестить новый порядок и заставить народы всего мира рукоплескать нашему порабощению. Будучи свидетелем всех этих зверств, Национальное собрание молча их наблюдало, занятое исключительно тем, чтобы отвергать и обрекать забвению доносы о стольких кознях, которые ему следовало покарать. Но как могло бы оно сделать это? Будучи сообщником двора, оно само согласилось на них. Кому не известно, что это оно декретировало наступательную войну, чтобы снять со двора всякую вину в этом отношении? Кому не известно, что это оно побуждало министров не вооружать граждан, направляя к исполнительной власти все требования дать батальоны? Кому не известно, что это оно позаботилось о снабжении вражеских магазинов продовольственными и военными припасами, которые оно позволяло брать у нас? Кому не известно, что это оно допустило все преступления по должности агентов исполнительной власти и измены приспешников деспотизма, обеспечив им безнаказанность? Кому не известно, что это оно обеспечило успех всем заговорам двора, отказываясь карать изменников и заботиться об общественном благе?

В течение шести недель оно все откладывает объявление родины в опасности, чтобы дать австрийцам, пруссакам и имперским войскам время прибыть. Теперь, когда их силы стоят у наших границ, когда они грозят взять наши преграды и готовы пробиться до нас, чтобы восстановить вооруженной рукой деспотизм,—теперь, наконец, оно желает оградить себя от общественного негодования, произнеся эти сакраментальные слова. Но чтобы оставить без результатов все усилия граждан и наложить узы на их отчаяние, оно сопровождает свое зая-

10 августа 1792 г.

Гравюра Гельмана с рисунка Мониз

вление обращением Верньо к французскому народу и обращением Воблана к армии — двух предателей, столь известных тем, что они подло продались исполнительной власти. Вот сущность обращений этих усыпителей: «Граждане, ваши враги объединяются для уничтожения вашей конституции, и многочисленные батальоны, привыкшие побеждать, движутся на вас, как разрушительный поток, готовый затопить ваши поля. Вы можете устроить против них плотину; мы предупреждаем вас о грозящих опасностях; пора исполнить клятву — жить свободными или умереть». Это значит, другими словами: «Граждане, мы не предупреждали вас об опасностях, которые вам угрожают, пока не стало уже слишком поздно, чтобы оградить вас от них, а так как вы имели глупость клятвенно обязаться умереть за сохранение конституции, которая вас порабощает, то мы напоминаем вам о ваших словах; итак, бегите скорее к границам, где вас перерубят, а мы останемся здесь, чтобы завершить вашу гибель в согласии со двором, который выплачивает нам отличное содержание».

Нет, никогда простые агенты власти не издевались с такой дерзостью над своими доверителями; никогда представители не предавали с таким вероломством дело доверчивого и легковверного народа, никогда законодатель не продавался с таким коварством деспоту.

О французы! если бы у вас было достаточно здравого смысла, чтобы назначить трибуна для расправы с врагами, составившими заговор с целью погубить вас, и если бы вы выбрали человека с головой, его первым действием был бы, конечно, арест деспота, всех его министров и всех ваших депутатов, за исключением нескольких из них, еще верных вам; затем он приковал бы их за ногу к ядру и сказал бы им следующие слова: «Вероломные депутаты, вы не спасетесь бегством от ужасной судьбы, уготованной вами для нас; наступил момент, когда вы должны получить награду за ваши низкие злодеяния; пока же доводите дело до крайности, и будьте уверены, что враг еще не успеет перейти через наши границы, как я уже снесу ваши головы».

Эта мера предосторожности тем более необходима, что триста депутатов, сторонников правительства, добыли себе паспорта, намереваясь бегством спастись от народной мести.

На вас, представители департаментов, держится вся надежда столичных патриотов. О друзья наши! Желая оставить вас бесприютными, вам отвели квартиры у врагов революции, которые будут пытаться совратить вас. Парижский департамент, продавшийся двору, отрешил от должности патриота Перриона,

опасаясь, чтобы он не поместил вас у друзей свободы. Между тем его преемник Бори, которому покровительствует Мотье, поспешил изобразить притворное рвение, требуя принятия декрета, который бы назначил вам тридцать су в день впредь до вашей отправки к границам. Не попадитесь в эту ловушку; разве вы не видите, что он принуждает вас отправиться туда, чтобы вас убили? Не попадитесь также и в западни, которые устроит для вас двор; возможно, что он будет пытаться привлечь вас лицемерными ласками и банкетами. Но вам следует особенно остерегаться измен Национального собрания. Оно начало с того, что попыталось наложить на вас оковы, снова навязав вам вероломную присягу в верности народу, королю и закону. Вероятно, вы имели безрассудство машинально повторить ее? Если это так, она не может связать вас; вы обязаны верностью лишь родине, вы обязаны уважением законам, лишь поскольку они согласуются с декларацией прав, и вы ничем не обязаны королю,—ничем, решительно ничем, так как он лишь простое должностное лицо общества, постоянно доказывавшее до сих пор, что оно недостойно общественного доверия. И затем, почему эта присяга должна связать вас больше, чем она связала самое Собрание? Разве клятва в верности помешала ему предать народ?

О друзья мои! узнайте же об этих черных замыслах и трепещите от ужаса! До сего дня враг скашивал железом лишь цвет патриотов, гражданские батальоны Юры, Кот-д'Ор, Дро-млены и т. д., но план контрреволюционеров сводится к убиению всех друзей свободы, которых имеет Франция. Вы относитесь к их числу, и вас они предназначили к гибели; вас, почтенных граждан, глав семейств, чуждых военному делу, вас, руки которых являются единственным достоянием ваших детей; вас, гибель которых повлечет за собой бедствия для бесчисленного количества семей; они обрекают вас смерти, в то время как в Париже и в большинстве городов королевства они оставляют 50 тысяч человек линейных войск для угнетения народа.

Варварский декрет должен послать вас на границы или в лагерь запасных. Неужто вы, обездоленные праждане, должны одни нести бремя всех общественных обязанностей и проливать кровь для защиты собственности ваших угнетателей и сохранения привилегий ваших тиранов? Неужели богатые будут всегда одни пожинать плоды конституции, а вы выиграете от революции лишь печальное преимущество платить самые тяжелые налоги и подвергаться, как турки и пруссаки, военной рекрутчине? Нет, нет, вы не будете настолько глупы, чтобы

двинуться раньше, чем три полка линейных войск, полк швейцарской гвардии и полторы тысячи полицейских конных стражников, которых держат в Париже для поддержки контрреволюции, не будут посланы на границы для того, чтобы задержать неприятеля, прежде чем все линейные войска, находящиеся внутри королевства, не исполнят тот же долг, прежде чем батальоны парижских аристократов* не подадут вам примера, выступив раньше вас, так как все они составлены из богатых людей, занимающих прибыльные должности и потому гораздо больше вашего заинтересованных в поддержании правительства и отражении врага; а чтобы они не предали вас, нужно распределить их по крепостям и первыми подвергнуть их неприятельскому огню.

Братья и друзья, вы явились к нам, чтобы помочь спасению родины, находящейся в опасности; общественное благо — высший, единственный закон для всякого доброго гражданина; присоединитесь к вашим марсельским землякам, чтобы сердца ваши горели одним огнем, сговоритесь с ними, единодушно требуйте немедленной отмены самых пагубных декретов, тех, которые гласят о военных законах, о праздных гражданах, о наложении вето, о независимости ваших депутатов в законодательном органе, о неприкосновенности монарха, о королевских комиссарах, о том, что исполнительная власть не назначает ни на какие должности. Требуйте также немедленного наказания всех заговорщиков, задержанных в Орлеане, уничтожения центрального бюро, реформы исправительной полиции, отрешения от должности администрации парижского департамента, генералов, находящихся на Рейне, и генеральных штабов всех трех армий. Если Собрание откажет в этом, напишите в ваши департаменты, разоблачите опасности, угрожающие родине, бейте тревогу, чтобы поднялся весь народ, чтобы он отменил своей полной властью все пагубные декреты, чтобы он позаботился о своей безопасности, сразив своих внутренних врагов, единственных, которых ему следует опасаться.

Что же касается вас, друзья наши, оставайтесь в наших стенах и вместе с нашими батальонами патриотов возьмите на себя наблюдение за королем, его сыном и женой, держите их заложниками, чтобы они отвечали перед народом за события бедственной войны, в которую двор поверг его с таким злодейским коварством.

* Сен-Пок, Fillcs Saint-Thomas, Фейянов, Генриха IV, св. Людовика в Лизии. Пошнкура, Блан-Маню, Enfants Rouges, Меньших братьев, Арсенала, Капуцинов и т. д.

Письмо Друга Народа федератам восьмидесяти трех департаментов³⁴

(«Друг народа» № DCLXXVII, 7 августа 1792 г.)

Воистину, дорогие мои соотечественники, небо еще раз жалилось над нами, и могущественная его десница удержала нас на краю той пропасти, куда насквозь преступный монарх и предательские клики наших представителей силились нас увлечь. Франция, из которой хищные королевские откупщики давно уже выкачали и деньги и продовольственные запасы, Франция, раздираемая на части внутренними междоусобицами, смущаемая и волнуемая во всех углах фанатичными попами и контрреволюционными должностными лицами, Франция, которую махинации министров лишили всякой опоры, всяких средств самозащиты, Франция, преданная генералами и продавшимися двору правителями, вот-вот должна была быть окружена пятьюстами тысяч приспешников деспотизма, которых собрали монархи, вступившие в заговор с Людовиком XVI и вознамерившиеся снова заковать нас в цепи. Уже триста тысяч этих наемников обрушились на наши восточные границы. Уже в их руки были отданы все заставы королевства. Уже один из их отрядов успел овладеть одной из наших крепостей. Уже их наглый вождь под диктовку тюльрийской шайки именем своих господ потребовал от нас, чтобы мы отдались на милость нашего прежнего тирана и вернулись к старым цепям. Уже он обещал покровительство трусам, у которых хватит бесчестья, чтобы покориться. Уже он угрожал жестокой расправой всем, которые мужественно будут отстаивать свою свободу. Уже он провоз-

гласил гнусного главу исполнительной власти полным хозяином государства, упряжая позорной казнью тем, кто стал бы противодействовать его бегству, и полным разрушением жилищ тех патриотов, которые стали бы держать под неусыпным надзором семью Капета. Уже он готовился к тем торжествам, которые обещали устроить в наших стенах мятежные эмигранты в ознаменование восстановления деспотизма. Уже лицемерный и вероломный деспот, столько раз клявшийся в верности законам и народу, снова усвоил хозяйский тон. Уже он снова стал в своих наглых прокламациях именовать себя высшим главой государства. Уже его лакеи, военные и законодательные, стали объявлять его единственным верховным властителем французов. Уже он позвал на выручку к себе орды переодетых разбойников, вторгшихся в наши пределы. Уже он приступил к составлению проскрипционного списка известных патриотов. Уже он спустил с цепи банду преступников в мундирах*, чтобы

* В числе их были замечены: Моро, шпион Лаборд, палач Делабурер д'Англеман, мошенник Блондель и шпион Драмель. Что двор будет всячески изощряться в лживых выдумках и интригах, чтобы скрыть свой черный план удушения марсельских федератов и обвинить их в собственных злодеяниях, понятно само собой: в этом ведь и заключается профессия двора. Необходимо, однако, чтобы осознана была черная неблагодарность парижан в отношении этих мужественных заступников отечества, которые за две сотни лье поспешили к нему на помощь. Эти великодушные граждане, долга израсходовавшие на подготовку похода и на дорогу, находятся ныне в тяжелом положении. Парижане знают это и тем не менее не торопятся им помочь. Национальное собрание которое не постыдилось утвердить выдачу ста тысяч ливров шпиону де Ларейни в награду за разоблачение фабрики фальшивых ассигнаций, вдохновителем которой он сам являлся, оставляет храбрых марсельцев без всякой помощи. Но что кажется уже совсем невероятным, так это то, что общество якобинцев, которое сделало все возможное, чтобы приветствовать солдат Шато-Вье, которое поднесло им сто двадцать тысяч ливров, отнюдь не торопится удостоить добрых марсельцев, гораздо больше заслуживших перед родиной, хотя бы малейшим знаком благосклонности. Больше того: в последнюю среду оно отклонило выдвинутое из его собственных кругов предложение обратиться внимание на печальное положение братьев из Марселя. О позорнице! О бесчестие! Да и что удивительного? Разве не идет это общество на поводу у подлых интриганов, которые думают только о том, чтобы выдвинуться? Разве не состоит оно из трусливых эгоистов, гражданственность которых гаснет, как только ее перестают питать тщеславие и желание фигурировать.

Я призываю братское общество кордельеров, а также все другие патриотические общества, немедленно открыть подписку в пользу наших братьев, федератов из Марселя и других департаментов, в ожидании того, пока эти общества не объединятся, для того чтобы потребовать помощи от Национального собрания. Ведь наше общее дело, дело

учинить кровавое избиение марсельских федератов и зажечь факелы гражданской войны. Уже так называемый манифест генералиссимуса деспотов-заговорщиков был передан из тайного совета в бюро иностранных дел для опубликования. Он уже появился в газетах, его отправили уже в сенат... Полный надежды и нетерпения, Людовик XVI ожидал важной новости о взятии Страсбурга, который должен был быть сдан контрреволюционерами с экс-бароном Дитрихом, мэром города и бывшим секретарем Капета д'Артуа, во главе. Он ждал не менее важной новости о взятии Ландо, которое должно было быть сдано начальником гарнизона этой крепости, бывшим графом Лузиньяном*.

Сердце его было полно дикой радости, все как будто обещало ему приближение момента, когда должны были осуществиться его человекоубийственные желания. Казалось, вся природа вместе с ним стремится к разрушению отечества, возвращению рабства и торжеству преступления.

Вдруг сцена меняется, когда обнаруживается, что целый отряд из трех тысяч австрийцев собирается бежать с оружием и обозом и что семьсот уже бежало; командиры вражеских армий начинают бояться полного разложения своих войск. Они немедленно убирают свой гарнизон из Бавэ, отменяют все свои операции, чтобы найти средства, способные предупредить указанное бедствие, чтобы выбраться из затруднительного положения, чтобы обеспечить выполнение своих замыслов... Едва только новость об этих неожиданных событиях доходит до Тюильри, как ужас и уныние охватывают двор и его сообщников, панический страх овладевает их преступными душами; они готовятся продолжать свой прежний курс вероломства и интриг, но теперь они тщательно прячут свои злодейские замыслы. Угрожающий тон сменяется благожелательным видом. Этот вероломный сенат, который до сих пор своими воплями заглушал раздававшиеся в его стенах крики общественного негодования против измен Людовика XVI и который отвергал всенародное требование низложения этого вероломного монарха, в настоящее время удостоивает своим вниманием петиционеров, которые со всех концов государства являются с тем же требо-

отечества пришли они защищать в столицу, и было бы жестокой несправедливостью, если бы они терпели нужду во всем после того, как воевали за собственный счет.

* Муниципалитет Ландо сообщил Национальному собранию, что им арестован предатель Лузиньян и полковой капеллан Скомберг, изобличенные в тайных переговорах с врагами.

ванием. Секции столицы, присоединяясь к департаментам, требуют низложения государя, изгнания нынешней династии, поручения власти на время междуцарствия солидарно ответственным министрам и избрания государя в национальном конвенте.

За несколько мгновений до принятия петиционеров Людовик XVI, вечный враг народа, исконный враг новых законов, душа всех заговоров против отечества и покровитель предателей, боясь низвержения с трона за свои злодеяния, унижается пред нацией в коварном и лживом послании, адресованном к сенату, надеясь очевидно, что судьба даст ему возможность и средства снова приняться за нить своих адских козней.

Вот послание, которое этим отъявленным плутом через министров направлено к представителям народа; оно перейдет к потомству, чтобы служить свидетельством против него и навеки покрыть позором его имя*. Воспроизводя это послание, мы сопровождаем его лишь несколькими беглыми замечаниями:

«Людовик XVI заявляет, что акт, подписанный герцогом Брауншвейгским, распространяющийся в обществе и разосланный членам Собрания, не обладает в его глазах никакой аутентичностью». Он не лжет, ибо этот акт сфабрикован на тайном собрании в Тюильри Депременилем, Андрэ, Дюпоном, Дюпором, Байи и т. д. и был пушен бюро иностранных дел в общество лишь для того, чтобы позондировать народное настроение до совершения государственного переворота, который должен был бы совершиться, если бы короля и его приспешников не обуял страх перед общим разложением неприятельских армий.

«Людовик XVI заявляет также, что ни один из его посланников не посылал этого акта ему». И здесь он не лжет, ибо это он сам посылал этот акт своим посланцам.

«Однако,— прибавляет он,— его опубликование требует как будто с моей стороны нового изъяснения моих чувств». Он прав, что и говорить, ибо это опубликование оказалось преждевременным; вот если бы гений-хранитель Франции позволил генералиссимусу вражеских армий рассчитывать на их свирепость, тогда бы Людовик XVI мог бы хранить молчание после того, как он заставил говорить герцога Брауншвейгского.

«Франции упрягает огромное множество сил, объединившихся против нее». Кто не может знать это лучше его, который

* Несмотря на настояния некоторых гнилых членов сената, оно не было удостоено ни напечатания, ни посылки восьмидесяти трем департаментам.

позвал их против нас, который оплачивает их народными грошами?

«Сердце мое удручено скорбью при виде распрей, которые нас ослабляют». Кто же в этом сомневается? Ничто так не огорчает его, как общественное обсуждение его махинаций.

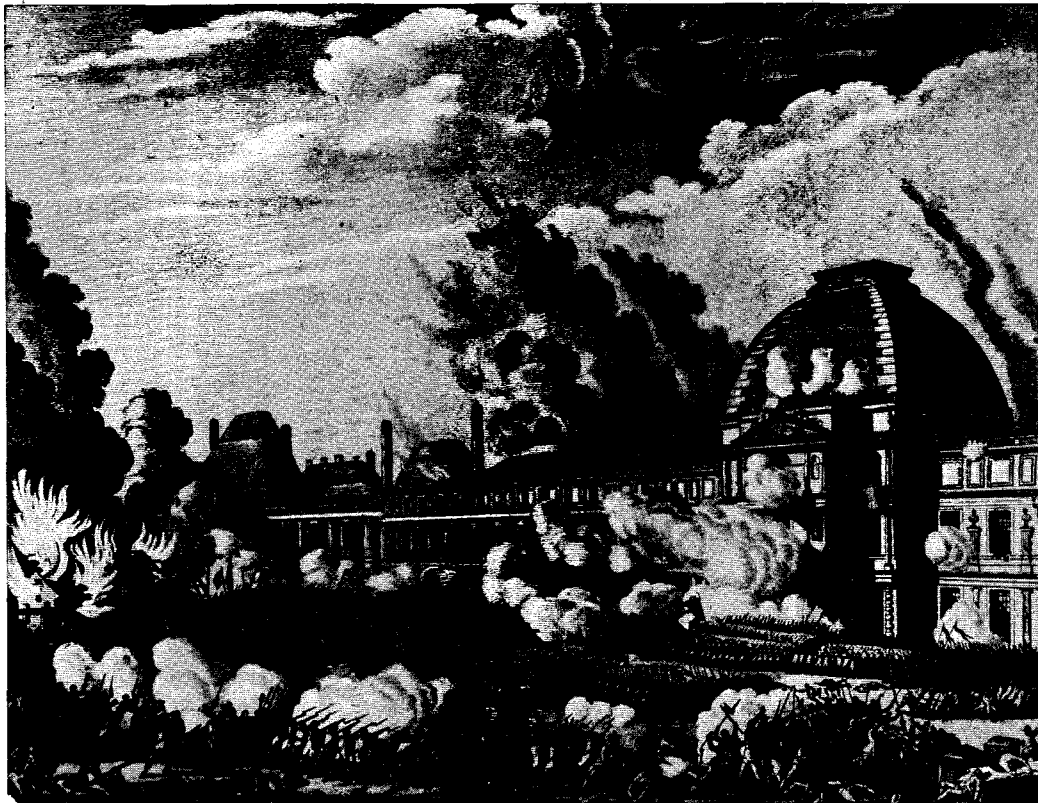
«Франция мне свидетельница, что я всегда питал отвращение к войне. Мир является первейшей потребностью народа и первейшим долгом короля. Я объявил войну, лишь уступая единодушному мнению моего совета и голосу нации, тем требованиям, которые часто выражались в Национальном собрании». Вся Франция, напротив, знает, что сам король явился в Национальное собрание объявить войну и что он купил фракцию Бриссо-Гюада затем, чтобы провести декрет о войне.

«С момента объявления войны я не пренебрегал ни одним из средств для обеспечения ее успешности». Уж не в том ли это сказало, что каждый день применялись тысячи хитростей для того, чтобы помешать народу вооружиться: сознание народа, его бдительность усыплялись лживыми официальными сообщениями о намерениях держав, стоворившихся погубить нас, в то время как с генералами нации разрабатывались планы предательства и измены.

«Я отдал также моим министрам приказ согласовывать все свои операции с комитетами Национального собрания». Что они и делали. «Если до сих пор успех наших армий не соответствовал нашим желаниям, то винить в этом мы должны прежде всего наши внутренние раздоры и большую слабость наших армий благодаря отсутствию достаточных упражнений и выучки». Наши внутренние раздоры являются плодом ваших вечных махинаций, а наши армии могли бы быть великолепно обучены, если бы вы не поставили во главе их вероломных командиров и не оставили их без оружия и снаряжения.

«Я готов принять вместе с Национальным собранием все меры, которых требует спасение государства». Слуга неверный и нерадивый! Вы, значит, еще не приняли этих спасительных мер; так вы могли смотреть, как отечество стоит на краю гибели, и оставаться в бездействии?

«Я принял конституцию, я навсегда останусь неразрывно привязанным к ней. Я делал все, что от меня зависело, для защиты государства, для соблюдения и уважения законов. Я делал все, что было в моих силах; этого достаточно, чтобы совесть добродетельного человека оставалась спокойной и безупречной». Совесть добродетельного человека! Увы! Это не ваша совесть; не вы ли до сих пор показали себя гнусным и

Осада и взятие Тюильри 10 августа 1792 г.
Гравюра Берто с рисунка Приера

хищным деспотом, лицемерным государем, предателем и интриганом, бесчестным и вероломным королем, жестоким тираном?

«Эту любовь, которую я должен питать к Франции, я сохранил до последнего вздоха». Без всякого труда можно понять, что вы любите Францию не меньше, чем скряга свою казну, а вот отечество, с ним-то как обстоит у вас дело?

«Какое значение имеют личные опасности, несчастия отдельных людей, когда дело идет об общественных бедствиях?» Воинстину, никакого; именно этим принципом руководился автор настоящего листка, рекомендуя французам истребить своих угнетателей, чтобы спасти отечество. «Какое значение имеет личная опасность для государя, которого хотят лишить любви народа?» Добавьте,— которого народ может заставить уйти с трона тиранов.

«Когда-нибудь народ отдаст мне справедливость». О, он уже сейчас делает это, громогласно требуя вашего уничтожения и устранения вашего нечестивого рода. Десять месяцев тому назад Друг Народа предсказывал вам, что в течение трех лет вы будете низвергнуты с трона; какой восторг испытывает он теперь, видя, что он слишком отдалил тогда момент вашего падения. Он тогда рекомендовал сделать из вас жирного фермера; ныне он, негодуя по поводу вашего лицемерия, возмущаясь вашими преступлениями, отрекается от этого предложения.

«Сколько горестей было бы устранено при малейшем признаке возврата справедливости!» Это верно. Правда, осталось бы еще беспокойство по поводу того, что с вами станется, когда народ окончательно решит отделаться от вас, чтобы положить конец своим страданиям.

«Подписано: Людовик, заверено: Биго де Сент-Круа».

Дорогие мои соотечественники, не давайте поймать себя в эту грубую ловушку. Сравните плаксивый тон этого послания Людовика с угрожающим тоном его двух последних прокламаций, и вы убедитесь, что эта внезапная метаморфоза объясняется единственно тем, что гений-хранитель Франции расстроил черные замыслы двора, заставив его испугаться разложения вражеских армий*. Если бы генералиссимус мог положиться на них, вас бы уже не было больше. Кажущаяся бездеятельность неприятельских войск объясняется исключительно тем, что командиры заняты теперь прощупыванием солдат и

* Все жестокости, которые в порых документах приписаны австрийцам, совершены эмигрантами.

формированием специального корпуса из бессовестных головорезов, готовых задушить родных отцов, чтобы затем направить его против вас. Если им не удастся набрать достаточное количество этих преступников среди собственных войск, они разоплюют свою армию по домам и заменят их казаками и славянами! В награду за эти услуги Франциск получит Лотарингию, а Фридрих всю остальную Силезию, не считая того, что каждый из них получает по сто миллионов на военные расходы. Все это стоит того, чтобы им снова взяться за осуществление своего плана. Так вот, до того как они соберутся с силами, не позволяйте усыплять себя, держите в страхе Людовика XVI, его жену, его сына, его министров, всех ваших неверных представителей, всех членов старого и нового департамента, всех продавшихся мировых судей. Вот предатели, которым нация должна воздать по справедливости, которых она должна в первую голову поразить ради общего блага. Уже после этого она сможет заняться делом гнусных Капетов и наказанием всех заговорщиков.

Прежде всего, однако, следите за тем, чтобы Людовик XVI и его министры не ускользнули от вас. Необходимо овладеть почтой, чтобы можно было быстро осведомить братьев во всех департаментах о жестоком положении, в котором обретается столица, и потребовать подкрепления для федератов. Не менее необходимым мероприятием является арест всех курьеров, вскрытие всех чемоданов и баулов для заочелучения документальных доказательств измены двора.

Друг Народа французским патриотам ⁵⁵

Мои дорогие соотечественники!

Человек, который давно обрек себя на проклятия за вас, вырвался сегодня из своего подпольного убежища, чтобы постараться закрепить за вами победу.

Стремясь доказать вам, что он не достоин вашего доверия, он просит разрешения напомнить вам, что над ним еще занесен меч тирании за то, что он раскрыл вам ужасные махинации ваших лютых врагов.

Он предсказал вам, что ваши армии будут отравлены на бойню их вероломными генералами, и три позорные поражения сигнализировали открытие кампании; он вам предсказал, что границы государства будут открыты врагу, и враг уже во второй раз овладел городом Гавэ; он вам предсказал, что развращенная часть Национального собрания всегда будет предавать отечество, и коварство двух его последних декретов, довершая негодование общества, вызвало в конце концов жестокие, но неизбежные события этого дня.

Он предсказал вам, что вас всегда будут предавать ваши вероломные агенты, чиновники, до тех пор, пока вы не будете принуждены пролить кровь для спасения отечества, и вы сейчас подтвердили эту печальную истину.

Мои дорогие сопращдане, поверьте человеку, который знает все интриги и комплоты и который в течение трех лет был на страже вашего блага.

Славный день 10 августа 1792 г. может оказаться решительным для торжества свободы, если вы сумеете использовать свои преимущества. Большое число прислужников деспота пало

в бою. Ваши непримиримые враги как будто поражены, но они не замедлят очнуться от транса и воспрянут, более страшные, чем когда-либо. Вспомните о разбирательстве в Шатле событий 5—6 октября. Бойтесь следовать голосу ложной жалости. После того как вы пролили кровь, чтобы извлечь отечество из пропасти, бойтесь сделаться жертвами их тайных происков; бойтесь того, что когда-нибудь во мраке ночи свирепая солдатня стащит вас с вашего ложа и бросит в темницу, где вы предоставлены будете своему отчаянию, пока они вас не умертвят на эшафоте.

Страшитесь реакции: повторяю вам,—ваши враги не пощадят вас, если судьба повернется к ним лицом. Итак, не щадите; вы погибли безвозвратно, если вы не поторопитесь вышвырнуть подкупленных членов муниципалитета, департамента, всех мировых судей-антипатриотов и наиболее запятанных членов Национального собрания. Я говорю о членах Национального собрания; в силу какого пагубного предрассудка, какого фатального респекта стали бы мы их щадить? Вам беспрестанно говорят, что, как ни плохо Национальное собрание, следует объединиться вокруг него. Это значит полагать, что следует обратиться на mine, скрытой под вашими ногами, и вручить заботу о своей судьбе негодяям, решившим завершить ваше истребление; имейте в виду, что Собрание — самый страшный ваш враг. Покуда оно живо, оно будет стремиться вас погубить, а покуда у вас будет оружие в руках, оно будет стремиться льстить вам и усыплять ложными обещаниями. Оно будет действовать под сурдинку, чтобы сдержать ваши усилия, и когда оно этого достигнет, оно предаст вас наемным приспешникам. Помните Марсово поле.

Никто не питает большего отвращения к пролитию крови, чем я. Но для того чтобы она не лилась ручьями, я настаиваю, чтобы вы пролили несколько капель. Для того чтобы примирить долг гуманности с заботой об общественной безопасности, я предлагаю вам казнить каждого десятого из числа контрреволюционных членов муниципалитета, мирового суда, департамента, Национального собрания. Если вы отступите, имейте в виду, что кровь, пролитая в этот день, будет пролита бесплодно: вы ничего не сделаете для свободы.

Но, что важнее всего,—держите короля, его жену, его сына как заложников, и до тех пор, пока не будет произнесен окончательный приговор над ними, его надо четыре раза в день показывать народу. Так как от него зависит навсегда удалить наших врагов, заявите ему, что, если через две недели австрийцы

и пруссаки не будут в двадцати лье от границы и так, чтобы не возвращаться больше, его голова скатится к его ногам. Потребуйте от него, чтобы он собственноручно начертал это ужасное решение и чтобы он его препроводил своим коронованным сообщникам. Это его дело избавить вас от них.

Задержите также бывших министров и заключите их под стражу.

Все контрреволюционные члены генерального штаба должны быть казнены, все антипатриотические офицеры изгнаны из батальонов; разоружите разложившиеся батальоны Saint-Roche, Filles Saint-Thomas, Notre-Dame, Saint-Jean en Grève, Enfants Rouges. Все граждане-патриоты должны быть вооружены и вполне достаточно снаряжены.

Наконец, заставьте взять назад декрет, который признает невинность вероломного Мотье; требуйте созыва Конвента, который судил бы короля и преобразовал конституцию; самое главное, пусть его члены избираются не избирательными корпусами, а первичными собраниями.

Заставьте издать декрет о немедленной отсылке иностранных и шведских полков, которые обнаружили враждебность к революции.

Наконец, заставьте Собрание оценить головы ваших свирепых угнетателей, беглых Капетов, изменников и мятежников. Бойтесь, бойтесь упустить единственный случай, который ангел-хранитель Франции предоставил вам, чтобы вырваться из пропасти и обеспечить свою свободу.

Париж, 20 августа 1792 г.

Народ, обманутый своими представителями, или новые
измены собравшихся «отцов народа» после взятия
Тюльри⁵⁵

(«Друг народа» № DCLXXVIII, 13 августа 1792 г.)

9 августа 1792 г. обнаружилось, что две трети Национального собрания не только насквозь прогнили, но и нагло контрреволюционны, а 10-го числа они утверждают, что они не только добрые патриоты, но и ревностные сторонники закона о равенстве, приводящего их в отчаяние, а также, что они неустрашимо преданы благу родины, гибель которой они замыслили. Что я говорю! 10-го числа в девять часов утра они проявили себя наглыми угнетателями * народа, а через час они объявляют себя его непреклонными защитниками.

Вы же восторгаетесь этой чудесной переменой! Вы аплодируете этому прекрасному рвению! Вы благословляете нежные заботы их отцовской попечительности! Вы провозглашаете

* Когда презренный Людовик идет со своими близкими убежища и, окруженный своими сообщниками, заявляет, что он бежит, чтобы избавить народ, который он собирался подвергнуть избиению, от *взгляда* преступления предания его каре за его злодеяния, убеждая их, что среди них он чувствует себя в безопасности, председатель гордо отвечает ему от имени своих братьев следующее:

«Ваше величество может рассчитывать на твердость Национального собрания, члены которого поклялись умереть на своем посту, поддерживая установленные власти». Но при первом громе пушек все эти предатели поднимаются, чтобы скрыться; задержанные упреками патриотов в кровопролитии, они ищут спасения, смешавшись с ними. Большой ошибкой со стороны патриота Мерлена было бы, что он помешал этим негодям бежать; народ произвел бы избиение их, и мы бы, наконец, от них избавились.

победу! Неужто вы, французы, навсегда останетесь старыми детьми, слепыми мечтателями, теперь более чем когда бы то ни было достойными домов умалишенных? Каким образом, спрашиваю я вас, произошла эта метаморфоза собравшихся отцов? Не вызвана ли она громом нескольких пушечных залпов, поразивших умы этих изменников, или зрелищем, представляемым головами некоторых из их сообщников, носимыми вокруг ограды их манежа? Конечно, страх может принудить их прикрыться маской лицемерия, но разве он способен переплавить сердце негодяев? Может ли он дать им новую душу? Неужели Мезьер, Бокарон, Фронтьер, Дюмолар, Ферриер, Дюбайе, Лакретелл, Сорель, Кальве, Катрмер, Ладеба, Брюнк, Дези, Дебуа, Воблан, Пасторе, Дюма, Бержери, Дюкастель и многие другие низкие плуты, которые хотели еще накануне декретировать контрреволюцию, предать народ кинжалу наемной солдатни и погрести Париж под развалинами, превратились вдруг в честных людей, добродетельных граждан, неподкупных депутатов? Не сомневайтесь в том, что враги свободы будут вечно приспешниками деспотизма и что изменники будут вечно замышлять гибель родины. Поэтому меч народного правосудия, занесенный над преступной головой ваших неверных депутатов, сможет пресечь их козни; но не успеет миновать грозящая им опасность, как они дерзко примутся за старое. Что говорю я! они уже взялись за него, или, вернее, ни на одну минуту его не покидали. В тот самый момент, когда пушка громила дворец деспота, они замышляли избавить его от суда народа, который он предавал истреблению, они старались скрыть от взоров публики неопровержимые доказательства его черного вероломства.

Граждане принесли связку писем, из которых некоторые содержат доказательства измены г-на Мотье и все написаны его рукой.

Некоторые патриоты требуют прочтения их, но едва к нему приступили, как предатели уже прибегли к своему обычному ухищрению, и им удалось прервать это чтение под предлогом необходимости прослушать обращение к восьмидесяти трем департаментам, нужное для успокоения их насчет лживых сообщений, которые они могли бы получить о событиях этого дня, причем это обращение было бы совершенно бесполезно, если бы патриоты могли пользоваться почтой.

Письма эти, которые следовало бы передать в руки неподкупных комиссаров Коммуны, чтобы, немедленно напечатав, обнародовать их, были отправлены в наблюдательный комитет,

почти целиком составленный из контрреволюционеров; преданные забвению, они будут там навсегда погребены, даже если приспешники Людовика XVI не извлекут их оттуда для предания огню и уничтожения самого следа их.

Возмущенные ужасными кознями г-на Мотье, некоторые патриоты требуют отмены обеляющего его декрета; черные немедленно прибегают к своим обычным ухищрениям для того, чтобы отвергнуть это требование, для вида принимая еще более суровые меры. Они пользуются предложением патриота Мерлена послать в армию комиссаров, чтобы дать там отчет в событиях дня, и добавляют, что эти комиссары будут уполномочены отрешать от должности генералов и других офицеров армии, не пользующихся общественным доверием и совершивших злоупотребления по должности. Этими комиссарами являются гг. Лакомб, Карно-старший, Гаспарен, Дельмас, Дюбуа, Дюбе, Приер, Кустар, Перальди, Руайе, Керсен, Эро, и вы можете быть спокойны, что они не сместят ни поджигателя Жарри, ни предателей Ламета, Нарбонна, Броглио, Граве, Лану, Бертье, Демотта и т. п., ни их вождя Мотье.

Собранию было известно, что восемьсот швейцарцев укрепились во дворце, что шесть недель тому назад они ввели туда артиллерийский обоз, что их держали в состоянии постоянного опьянения, что 9-го числа вечером им роздали значительные суммы, что 10-го числа в шесть часов утра король устроил им смотр, что их штаб, командующий парижской гвардией и администрация департамента, собравшись во дворце, вызвали туда ночью патриота Петиона, и многочисленные разложившиеся армейские офицеры арестовали его там, чтобы погубить его; оно знало от выразителя мнения генерального прокурора синдика г-на Редерера, который предъявил марсельцам коварное обвинение в отнятии пушек у прогнившего батальона Генриха IV и в том, что они заставили выдать себе пять тысяч патронов, а также ложно обвинил парижские батальоны в том, что они навели свои пушки на дворец; оно знало, говорю я, что департамент потребовал от швейцарцев и контрреволюционных гренадеров, стоящих в караулах в Тюильри, открыть огонь по народу, если он явится ко дворцу, и, вместо того чтобы заключить этого подлого злодея* вместе со всей администрацией департамента под стражу, оно оказывает ему на заседании почести.

* Он только накануне уверял Собрание, что скорее рискнет своей головой, чем потерпит это собрание.

Сентябрьские убийства 1792 г.
Гравюра Берто с рисунка Дефонтена

Но все были склонны льстить народу, приостановить порыв его мести и усыпить его чувством рокового спокойствия. На другой день после доклада комитета двадцати одного, сделанного лицемерным Кондорсе, этого проникнутого коварством доклада, в котором подлый комитет дерзко отверг требование всего народа относительно низложения, чтобы закончить представлениями королю о его неверных агентах, пытавшихся увлечь его на ошибочные мероприятия, и инструкцией департаментам с целью обеспечить их от всякого давления, Верньо, Тартюф Верньо, искусное предложение которого, сделанное за несколько дней перед тем, повторил комитет двадцати одного, вытаскивает из кармана проект декрета, заранее приготовленный этих вероломным комитетом на случай поражения. Вот декрет слово в слово:

«Считая, что недоверие к исполнительной власти является источником всех наших бедствий, что это недоверие вызвало во всех частях королевства желание отнять власть, данную Людовику XVI конституцией, что единственный способ примирить его долг перед благом народа и перед присягой с желанием не увеличивать своей власти заключается в обращении к суверенитету народа, оно декретирует следующее:

I. Французский народ приглашается образовать национальный конвент; комитет предложит завтра проект, определяющий способ и время его созыва.

II. Исполнительная власть временно отстраняется от несения своих обязанностей впредь до того момента, когда национальный конвент декретирует мероприятия, необходимые для поддержания независимости народа.

III. Шесть министров, занимающих в настоящее время посты, будут осуществлять исполнительную власть; чрезвычайная комиссия представит в течение дня проект декрета об организации правительства.

IV. Чрезвычайная комиссия предложит проект декрета о назначении воспитателя для наследного принца.

V. Король и королевская семья будут находиться в здании законодательного собрания; в течение дня департамент приготовит в Люксембурге помещение для короля и его семьи.

VI. Король и его семья становятся под защиту закона, и охрана его поручается парижской национальной гвардии.

VII. Все государственные чиновники, офицеры или солдаты, которые оставят свою должность, будут объявлены презренными предателями родины.

VIII. Парижский департамент объявит в течение дня настоящий декрет.

IX. Настоящий декрет будет послан в течение дня с чрезвычайными нарочными в восемьдесят три департамента».

Из текста этого проекта видно, что столь суровый по внешнему виду акт справедливости преследовал лишь задачу вовлечения народа в обман и оставления всей власти в руках изменников, агентов низложенного монарха.

Потребовалось, чтобы один из патриотов предложил прекратить выплаты по цивильному листу, для того чтобы это было декретировано.

Потребовалось, чтобы, ловко воспользовавшись случаем восстановить в должности своего друга Клавьера, Бриссо предложил декретировать, что теперешние министры утратили доверие, и чтобы он предложил через одного сочлена восстановить отстраненных министров — мнимых патриотов. Предложения эти, против которых роялисты не дерзнули возражать, они трепеща позволили принять.

Собрание хотело оставить Людовику XVI полную возможность ускользнуть, и нужно было, чтобы секция Моконсейль потребовала превращения Людовика Капета с семьей в заложников, для того чтобы эта спасительная мера, которую я в течение уже столь долгого времени не переставал предлагать, была декретирована.

Но удивляться приходится глубокой низости Собрания, проявившейся в способе, каким оно приступило к превращению Конвента в призрак. Для обольщения народа, точно изложив свое постановление, оно начало с декретирования по требованию одного патриота, «что всякий пражданин Франции, достигший возраста двадцати пяти лет, будет допущен без всякого различия к голосованию для образования национального конвента и что всякий член учредительного и теперешнего Собрания будет объявлен не подлежащим выбору». Это была только приманка; эти разумные постановления исчезли при изложении их. Под предлогом обязательности закономерного образа действий сочлен Гюаде провел следующий предательский проект:

«Национальное собрание, считая необходимым чтобы первичные и избирательные собрания действовали в деле составления Национального конвента единообразным и закономерным образом, как это необходимо для блага государства, декретирует,

что первичные собрания назначат такое же число избирателей, как они выбрали при первых выборах; всякий француз, достигший двадцати одного года, проживающий в данной местности в течение года, живущий своим трудом, а не в качестве прислуги, будет допущен в первичные и избирательные собрания. Первичные собрания будут созваны в воскресенье 25 августа для назначения ими выборщиков; выборщики соберутся в воскресенье 2 сентября для назначения депутатов в национальный конвент; депутаты явятся в Париж 20 сентября, и Национальное собрание укажет им день и место их заседания».

В чем же выражается это мнимое уважение к законам, которое не опасается нарушить конституцию, допуская праздных граждан к избранию выборщиков, — постановление, которое ни-

чем не может повлиять на качество выборов и которое преисполнено страха нарушить конституцию, уничтожив корпорацию выборщиков? Последняя всегда гибельна для качества выборов, потому что легко подкупить корпорацию выборщиков, но невозможно подкупить первичные собрания. Взгляните на постыдный состав учредительного собрания и на еще более постыдный состав теперешнего Собрания, трепещите от страха получить такой же подкупный национальный конвент, если пагубный декрет не будет отменен. Если не будет постановлено, что избрание депутатов будет производиться всем народом и что не только все члены учредительного и теперешнего Собрания, но и все граждане, принадлежавшие к какой-либо привилегированной категории или занимавшие какую-нибудь должность при дворе, не будут допущены в национальный конвент, то благо родины можно считать погубленным.

Для подкупа избирателей будут розданы миллиарды ассигнаций* и т. д. Людовик XVI, тысячу раз заслуживший колесование, не будет низложен. Кто знает, не будет ли он даже восстановлен с новыми полномочиями?

Как ни старается Национальное собрание выставлять напоказ поддельный патриотизм**, как оно ни старается льстить всем петиционерам, как ни просит оно их вырвать у народа слова примирения, как ни воздымает оно к небу свои нечистые руки, божась в любви к равенству и свободе, клянясь пожертвовать собой для общественного блага, как ни умоляет оно народ довериться своим представителям, восклицая, что если первая из конституционных властей еще пользуется уважением, если делегаты народа, друзья его счастья, имеют еще некоторое влияние на него, то они приглашают, просят, заклинают граждан и т. д.; как ни стараются они проникать в разные группы, прося граждан указать им, что может Собрание сделать в угоду им,— все эти низкие происки, диктуемые страхом, могут лишь покрыть их позором в глазах всякого проникательного наблюдателя.

* Обратите внимание на то, что комиссары казначейства и чрезвычайной кассы, являющиеся креатурами двора и имеющие в своем распоряжении клише для ассигнаций, не смещены. Коммуна должна срочно требовать их смещения.

** Лишь после взятия Тюильрийского дворца оно дало марсельцам хлеб; но подумало ли оно о том, чтобы устранить торжественную службу и соорудить публичный памятник солдатам родины, умершим за благо народа,— оно, столь ревностно расточавшее общественные почести убитому захватчику из королевского дома? Я предлагаю Коммуне распорядиться о возведении такого памятника.

Представители народа должны внушать ему доверие и вызывать к себе почтение при помощи разумных, твердых и благородных мер, честно проводимых во имя общественного блага, а не трусливой угодливостью и жонглерскими фокусами.

Между тем со времени взятия Тюльрийского дворца почти все действия законодательного собрания представляют собой новые хитрости, новое вероломство, и если между ними есть несколько благотворных, то они у него были вырваны. Смотрите, как оно отвергло петицию национальной жандармерии*, которая объявляла ему о предательских приказах ее начальников и домогалась их смещения. Посмотрите, как оно декретирует о заслугах Парижского департамента, администрацию которого следовало бы потащить на эшафот, вместо того чтобы доверить ей прежние обязанности. Посмотрите на его бездействие в отношении перемещения семьи Капет, все еще находящейся в манеже, куда являются контрреволюционные царедворцы, переодетые в форму национальной гвардии, для похищения ее. Но ни малейшего сомнения в лживости этих обещаний не остается ввиду его постоянных усилий, направленных к роспуску собрания комиссаров секций, патриотов, и к восстановлению контрреволюционного муниципалитета. Оно с отчаянием видит, что пока эти достойные комиссары будут действовать, оно будет напрасно льстить себя надеждой на увенчание успехом своих замыслов, что для беспрепятственного их осуществления ему нужен департамент, муниципалитет и мировые судьи, приспешники деспотизма, которые, будучи далеки от того, чтобы позволить народу развернуть свои силы и осуществлять свое правосудие против изменников, составивших заговор для его гибели, подавляют его и налагают на него оковы, чтобы истребить его.

О вы, достойные комиссары парижских секций, вы, представители народа, остерегайтесь ловушек, которые расставляют вам неверные депутаты, остерегайтесь их соблазнов; вашей просвещенной гражданской добродетели отчасти обязана столица успехами своих жителей, а родина будет обязана своей победой.

Оставайтесь на своих местах ради нашего покоя, для своей славы, для спасения родины. Не покидайте врученные вам

* Она проявила себя 10-го числа с такой хорошей стороны, что я с удовольствием беру назад всю отрицательную характеристику, внушенную мне ее предыдущим заблуждением. Я присоединяю свой голос к голосам всех добрых граждан, называющих теперь жандармов своими братьями, и осмеливаюсь думать, что они себе больше не изменят.

бразды государственной власти, пока национальный конвент не избавит нас от деспота и его презренного рода, пока он не исправит чудовищные пороки конституции — вечный источник анархии и бедствий, пока он не укрепит общественную свободу на непоколебимых основах. Но для этого отмените роковой декрет о выборе депутатов, которые должны его составить. Познакомьте с этим народ, созовите по этому поводу все секции, чтобы он проявил свою власть и заставил сойти в гроб всех подлецов, дерзающих замышлять новые козни и противодействовать его счастью.

М а р а т, Друг Народа

Друг Народа — храбрым парижанам

Мои дорогие сограждане! Многочисленные орды деспотов, заговорщиков приближаются к нам. Отечество скоро падет под их ударами; через две недели его не будет; мы сами исчезнем из числа живых, если не прекратим на момент нашу вражду, если не отбросим на время наших разногласий, если не заставим умолкнуть все мелкие страсти, для того чтобы объединиться против общего врага, чтобы принять, наконец, серьезные меры спасти наши дома от разграбления, наших жен и дочерей — от грубости свиреной солдатни, наших детей — от позорного ярма рабства и наши жизни — от ножа убийц.

Друг Народа клянется вам на коленях: он первый хочет дать вам пример гражданственного подчинения. Не сомневайтесь — мы погибли навсегда, если сегодня же все друзья свободы, все солдаты национальной гвардии, все храбрые санкюлоты, умеющие обращаться с оружием, не запишутся в число желающих идти против врага; если все те, кто откажется идти, не вручат своего оружия своим братьям, готовым сражаться; если все лошади, которыми можно располагать в столице, не будут взяты для легкой конницы; если вся жандармерия не получит приказа идти; если военный министр не распорядится занять немедленно парижские высоты и придать им обороноспособность; если он не пошлет тотчас же специалистов, чтобы расположить лагерь в позиции, наиболее способной задержать неприятеля.

Коммуна должна с сегодняшнего же вечера обязать всех граждан под страхом смерти принести оружие, которое не служит для экипировки; с сегодняшнего вечера должны быть назначены комиссары, чтобы произвести инквизиторские ро-

зыски во всех подозрительных домах; Коммуна должна назначить трех образованных и непреклонных комиссаров, которые стояли бы на страже общественного блага; все оружейные мастера, полировщики, рабочие, занятые производством ножей, слесаря должны получить приказание фабриковать публично и непрерывно пики и кинжалы.

Во имя свободы, отечества, человечества и ради спасения ваших жен, ваших детей, грядущих поколений, рода человеческого и вас самих, мои дорогие сограждане, прислушайтесь к голосу вашего верного друга и объединитесь для спасения республики. Напрасно те из вас, которым благоприятствовала фортуна, пытались бы изолироваться, спрятаться и остаться праздными. Париж будет отдан на разграбление, и прежде всего их дома будут опустошены. Забота о сохранении их имущества и их жизни подсказывает им одно решение: объединиться со своими братьями и бороться вместе с ними. Все граждане, готовые сражаться за отечество, должны с сегодняшнего дня содержаться за счет нации.

Сказать ли вам, мои дорогие друзья: быть может, вы будете вынуждены ради спасения народа назначить триумвират из людей, наиболее просвещенных, наиболее честных и неустрашимых, которые согласуют все свои мероприятия в совете, составленном из патриотов, наиболее разумных и безупречных.

Не пугайтесь слов: обеспечить торжество свободы и общественное благо можно только силой. Носители национальной власти должны иметь полномочия только на то, чтобы сокрушить врагов революции, и не иметь никаких полномочий на то, чтобы угнетать своих сограждан, что будет пороком, что поведение их правильно. Миссия их должна закончиться в момент, когда враг не сможет уже оправиться. Вы терпели столько веков, чтобы наглые хозяева пользовались произвольной властью губить вас,—станете ли вы отказывать самым добродетельным из ваших братьев в такой же власти, которая должна вас спасти? Для того чтобы сдержать внутренних врагов, достаточно будет противопоставить им ножи.

Друг Народа — своим согражданам

Известно, что судьи трибуналов, окружные и департаментские администраторы и другие государственные чиновники, назначаемые избирательными корпусами, почти все контрреволюционеры, тогда как муниципальные работники, назначаемые первичными собраниями, обычно добрые патриоты.

Любовь к отечеству должна бы была побудить Национальное собрание предоставить избрание депутатов в Конвент только первичным собраниям. Оно бы это сделало, говорят его апологеты, если бы нашло способ осуществления. Но нет ничего легче: надо только в каждом департаменте составить список наиболее рекомендуемых за их гражданственность кандидатов, после того как был принят к сведению мотивированный отвод со стороны добрых граждан; затем вывесить его в каждом муниципалитете, для того чтобы извлечь из него имена депутатов, которых должен послать департамент, считая большинство голосов каждого муниципалитета за один голос. Таким способом можно было бы упростить работу политической машины и сохранить за гражданами прямую подачу голосов, наиболее драгоценное из всех прав.

Тайные и коварные намерения заставили таких людей, как *Бриссо*, *Кондорсе*, *Гюадэ*, *Лакруа*, *Верньо*, *Дюко* и других вожаков Собрания, сохранить избирательные корпуса вопреки воле народа, для того чтобы обеспечить врагам отечества возможность ввести в Конвент людей, преданных их принципам, и чтобы войти в него самим.

Можно ли было подумать это? Эти негодяи дошли в своей подлости до того, что написали во всех департаментах, будто Национальное собрание находится во власти Парижской ком-

муны, руководимой тремя десятками крамольников; сделали это для того, чтобы выбрать какой-нибудь разложенный аристократический город в качестве места для заседаний Конвента, которым они надеются руководить по своей воле.

Вы, граждане, должны разрушить происки интриганов, прикрывшихся маской гражданственности, и призвать к выборам лишь людей просвещенных и честных, известных проявлениями горячего и возвышенного патриотизма. Постановите предварительно, чтобы каждый кандидат перечислил имена и звания, которые он носил до 14 июля 1789 г., под страхом позорящего устранения от выборов. Потом решительно отклоните всех людей, ранее принадлежавших к какому-нибудь привилегированному сословию, бывших дворян, бывших чинуш, бывших финансистов, всех людей, занимавших зависимое от двора положение, банкиров, финансистов, биржевиков, прокуроров, нотариусов, фискальных агентов, полицейских инспекторов, всех людей, известных своей негражданственностью со времени революции, и особенно избирателей Сен-Шапель, членов клуба Фейянов, муниципальных прислужников Байи; муниципальных чиновников, которые в 1792 году голосовали за сохранение бюста Лафайета, всех членов департамента, всех членов главного штаба, всех офицеров сторонников Лафайета из парижской армии и всех членов учредительного собрания, которые протестовали против декрета относительно судебного разбора дела в связи с событиями 5 и 6 октября, всех членов нынешнего Собрания, освободивших Мотье.

Граждане, от правильного выбора ваших избирателей зависит правильный выбор ваших депутатов в Конвент, от которого зависит ваше спасение, быстрое установление царства справедливости и свободы, общественный мир и благосостояние и уничтожение рабства у всех народов мира.

Не будем спать: пропасть еще зияет у наших ног. Аристократы проявляют себя нагло в секциях и Коммуне; примиренцы и интриганы строят козни; они уже приступили к перевыборам комиссаров и мировых судей; доносчики, подкупленные негодяи снуют по улицам, чтобы вызвать возмущение против лучших граждан, которых они считают крамольниками; заговорщики уже устраивают тайные собрания, они уже заявляют громогласно, что десятичасовой день был лишь результатом решительного наступления, который может быть уничтожен другими решительными выступлениями, и они готовятся его предпринять в ближайшие дни.

Теперь, когда с семьи Капетов не спускают глаз, вам кажется, что вы оборвали все нити заговорщических козней. Однако они

вновь завязаны в тайных собраниях искуснее чем когда бы то ни было. Пунктом единения для них служит подлая чрезвычайная комиссия Национального собрания, и именно разложившееся большинство ее, которое проявило себя нагло контрреволюционно в отношении девятичасового дня, является очагом всех новых махинаций. Их план — удалить от Парижа федералистов и солдат французской гвардии, этих храбрых защитников свободы, под предлогом образования лагеря в нескольких лье от столицы, но с целью предоставить свободу действий негодным батальонам и бандитам, скрывшимся в наших стенах. Что я говорю! Они посылают их на границы, чтобы их там истребили германские прислужники, а может быть, и солдаты Люкнера и Бирона, которых они коварно удерживают на месте.

Г-н Веррьер, которого признание со стороны новых жандармов привело к командованию одним из их легионов, сбитый с толку ложным рвением и безумным честолюбием, озабочен в этот момент тем, чтобы ускорить их отправку. При виде того, как он слепо поощряет коварные планы контрреволюционеров, можно бы счесть его продавшимся врагам отечества, тем более, что он старается обольстить новых жандармов, предлагая им авансом уплату за первый квартал. Но я смею надеяться, что сердце его чисто, хотя смущается мелкими страстями, недостойными истинного друга свободы. Как бы то ни было, я слишком хорошо думаю о гражданственности наших братьев-федералистов и солдат французской гвардии, чтобы опасаться хоть малейшим образом, что они дадут поймать себя в эти сети; они должны чувствовать, что пост их — в Париже, где их присутствие необходимо. Пусть Национальное собрание не воображает, что оно лишило нас их при помощи своего коварного ночного декрета; если оно думает, что следует сформировать лагерь далеко от Парижа, пусть туда пошлет гренадеров и стрелков из всех подозрительных батальонов, без которых мы отлично обойдемся.

Граждане, от вас одних зависит ваше спасение; изгоните из временного муниципалитета врагов равенства, которые открыто явились на заседание 25-го; никогда не забывайте, что во времена тревожных кризисов благо народа — высший закон государства и ваш долг попать ногами подозрительные или пагубные декреты ваших представителей, раз они так долго оказывались недостойными вашего доверия.

Марат, Друг Народа

Друг Народа — друзьям отечества ⁸⁸

Мои дорогие друзья!

Сказать вам, что от выбора ваших представителей в Конвент зависит ваш покой, ваше благополучие, благоденствие государства, сказать вам все это — значит еще раз высказать вам истину великую, усомниться в которой не позволяет пример ваших недостойных депутатов в Учредительном и теперешнем Законодательном Собрании, тяжкую истину, которую злоключения, опасности, бедствия, издавна являющиеся горьким плодом их коррупции, пронесут через поколения в грядущие века.

Итак, дело не только в том, чтобы побуждать вас доверяться только просвещенным и безупречным; вы слишком заинтересованы в этом. Дело в том, чтобы указать вам, кто из числа предлагаемых вами кандидатов достоин и кто недостойн вашего одобрения. Судите сами: если работа Конвента будет неудачна, вам нечего ждать, кроме анархии, нищеты и скорби.

Список недостойных лиц, предложенных автором с целью «услужить» клике врагов свободы:

Барер де Вьезак, ничтожный человек, безнравственный и бесхарактерный.

Бутиду, любитель шампанского, рассчитывавший 13 июня этого года разыграть патриота, сделавший донос на Мотье и заявивший претензию на место Карля, которое он вполне достоин завять.

Гара-младший, опасный интриган и скрытый роялист.

Дюран де Майян, патриот без взглядов и энергии.

Кервелеган, бесхарактерный человек, подлинный подголосок аристократов.

Лепо, неизвестный в революции.

Рабо де Сент-Этьен, лжепатриот, один из творцов самых пагубных декретов почтенных отцов-учредителей.

Аббат Сиес, автор проекта декрета против свободы печати и сотрудник комиссии по конституции, антиреволюционер.

Сийери, бывший граф Жанлис, более известный мошенничеством в игре, чем стараниями корчить патриота; в 1784 году указом совета была аннулирована расписка на восемьсот тысяч ливров, которую его сочлены-картежники из Пале-Рояля вынудили дать одного блудного сына парламента.

Вадье, хорошо известный по позорному отречению от сильной речи, которую он произнес после бегства Капетов в Монмеди.

Одуэн, журналист, известный по трусливому заявлению о том, что не принадлежит ни к какому патриотическому обществу; сделал его на другой день после бойни на Марсовом поле.

Аббат Одуэн, пара журналисту.

Буагюон, апологет и защитник Мотье.

Боивиль, наемный льстец Байи и Мотье.

Бурдон, неизвестный.

Карра, фанатик или примиренец, смотря по обстоятельствам.

Шамфор, секретарь изменника Кондэ.

Шени, гнусный паразит, пресмыкающийся перед Ламетами, а потом прихвостень Бриссо.

Ж.-Б. Клооте, так называемый оратор человеческого рода, берлинский шпион.

Коллен, молодой, неизвестный.

Ж. Дефлер, низкий интриган.

Жирей-Дюпре, лакействующий перед бриссотинцами.

Горза, наемный прихвостень Неккера, потом Байи, потом Мотье; после 10 августа стал себя называть демократом.

Лантена, неловкий интриган, плясавший под дудку Роланши, министра внутренних дел.

Луве, издатель «*Séntinelle*» интриган по службе и слуга бриссотинцев.

Мильсан, слепой журналист, прихвостень всех Бриссо, Ласурсов, Лакруа и др.

Пульно, патриот без взглядов.

Реаль, бывший фискальный агент, яростный противник Робеспьера и бриссотинец за деньги.

Я не говорю о разных Бриссо, Гюаде, Ласурсе, Кондорсе, Лагреволь, Верньо, Пасторе и других вероломных депутатах, которых вышеперечисленные их прислужники хотели провести в Конвент. Для того чтобы их устранить, достаточно не забывать, что именно они заставили объявить войну, чтобы услужить Мотье, и именно они устранили Коммуну, чтобы узурпировать верховную власть.

Список людей, имеющих наибольшие заслуги перед отечеством

1. Робеспьер
2. Дантон
3. Панис
4. Билло-Варени
5. Фрерон
6. Вите, лионский мэр
7. Мерлен
8. Шабо
9. Парис, канцелярский служащий

Достаточно назвать их; это подлинные апостолы свободы; горе вам, если они не будут первыми объектами избрания.

10. Манюель
11. Дюфор
12. Жирондель
13. П.-Ж. Дюплен
14. Рафрон дю Труйе.
15. Фоше, литератор
16. Гермер
17. Буше де Сен-Совер
18. Камилл Демулен
19. Гедон
20. Робер, литератор
21. Тальен
22. Брион

Истинные защитники свободы, они не только проникнуты великими принципами Революции, но защищали ее с оружием в руках

Прекрасные патриоты, которые всегда будут идти в ногу с бессмертными защитниками отечества

Друг Народа — Луи-Филиппу-Жозефу Орлеанскому,
французскому принцу⁵⁸

Спустя некоторое время после взятия Бастилии, вынужденный бороться с парижским муниципалитетом, который восставал против смелости моей критики, я заявил ему, что я — око народа и что перо мое более необходимо для свободы, чем стотысячная армия. То, что правящие делами негодяи растратили народные суммы, для того чтобы помешать распространению моих изданий, очень подтвердило правильность этого мнения*.

Три произведения считаются чрезвычайно полезными при современной конъюнктуре как для подготовки к работам Конвента, так и для формирования общественной мысли, а также для того, чтобы вдохнуть во все сердца священный огонь свободы путем просвещения нации относительно ее прав, относительно уловок, применяемых ее вероломными представителями в целях ее порабощения, относительно способов прекратить анархию, приостановить махинации и водворить, наконец, царство справедливости. Эти три произведения, для того чтобы выйти в свет, нуждаются только в необходимых для напечатания средствах, так как я уже получил, или, скорее, отвоевал одну национальную типографию. Они должны были мне быть предоставлены из ста тысяч ливров, отпущенных в распоряжение министра внутренних дел для писателей, работающих на ниве народного просвещения.

Я надеялся, что г-н Роллан, столь старательно поощряющий всякие листки, примиренцев и готовых к услугам бумаго-

* Всякие Лантена, Жирей-Дюпре, Луве и другие писаки.

марателей, ухватится за случай, который я ему предоставил,— поднять себя в глазах нации разумным и подлинно гражданственным употреблением части этой суммы, особенно после того, как он себя скомпрометировал, организовав аристократическую типографию: считается несомненным, что он доставил семь станков братьям Ренье, издателями «Cercle Social».

Что же сделал этот милый человек? Он прямо не отверг моего требования, но он выставил тысячу министерских заковык. Так как Фрерон настойчиво просил его содействовать печатанию моих патриотических писаний, он как будто уступил на момент; Роланша, которая ворочает делами при директоре Лантена, договорилась с Фрероном: для того чтобы устранить все трудности, им нужно было заручиться поддержкой моего требования со стороны моей секции; это оправдывало ее супруга в глазах его товарищей бриссотинцев. 28-го прошлого месяца общее собрание марсельской секции вынесло по этому поводу постановление назначить шесть комиссаров, которые препроводили бы ее пожелания министру внутренних дел — постановление, столь же почетное для Друга Народа, сколь повелительное для министерского автомата. Так как Фрерон отсутствовал, это постановление вручил Ролану Даптон, возобновляя ходатайство; Ролан передал постановление в исполнительный совет, который решил, для того чтобы скрыть свое недоброжелательство, переслать для рассмотрения секции мои рукописи, находившиеся у министра внутренних дел; это значило заставить меня ждать второго пришествия ввиду размеров этих работ и перегруженности моей секции.

Так как я не люблю терять время на искательства, я порываю в этом пункте с Роланом и обращаюсь к вам Луи-Филипп Орлеанский, к вам, которого небо осыпало дарами фортуны, к вам, которому природа дала сердце простого гражданина, к вам, которому мудрость должна вдохнуть душу искреннего патриота, ибо — зачем скрывать это? — при нынешнем положении вещей вы не можете создать своего благополучия иначе, как в союзе с санкюлотами.

Вы теперь их подражатель, — сделайте их благодетелем; во имя отечества посодействуйте сейчас распространению необходимых для общественного блага знаний, предоставив Другу Народа возможность незамедлительно выпустить в свет свои произведения. Скромной суммы в пятнадцать тысяч ливров было бы достаточно для покупки бумаги и оплаты рабочих; пусть она будет вручена наблюдательному комитету марсельской сек-

ции, который будет ее выдавать постепенно, гарантируя ее правильное употребление. Если вы этого хотите, некоторое количество экземпляров, равноценных этой сумме, считая по своей цене, будет распространяться бесплатно от вашего имени между гражданами всех департаментов, не имеющих возможности приобретать их, или сумма эта будет вам возвращена из выручки от продажи. Друг Народа просит этой помощи только в порядке аванса и льстит себя надеждой, что получит ее от вашей гражданственности. Нуждаясь в деньгах своего господина, испанские генералы находили значительные суммы под заклад своих усов; Друг Народа ручается своей гражданской репутацией. Неужели вы ему откажете?

Совет избирательному корпусу

Составляя список предложенных мною кандидатов, я испытывал не затруднения от обилия, а отчаяние нищеты. После того, как я наметил тринадцать определенных патриотов, никогда себе не изменявших, я навел справки и указал под гарантией некоторых надежных граждан — несколько кандидатов, их я видел с тех пор на работе, и несколько других, которым следует предпочесть более образованных и более энергичных людей, чьи имена пришли мне на ум. Я узнал, что г-н Тальян был всегда правой рукой Редерера, что он яростно противился в свое время празднеству в Шатовье, что он упорно боролся против предложений избирательному корпусу манифестировать свою волю в вопросе устранения трофеев, собранных в память недостойного этампского мэра и сложенных в Пантеоне. Если мое мнение имеет какой-нибудь вес в глазах друзей свободы, я скажу, что за четыре дня, в которые я наблюдаю его поведение на собраниях избирательного корпуса, я был им, пожалуй не менее скандализован, чем поведением Дюгазона; их манера вести себя, каковы бы ни были мотивы, никогда не будет выглядеть иначе, как махинации алчных интриганов, которые ищут места и приходят в отчаяние от того, что эти места ускользают.

Точно так же я беру назад свое предложение голосовать за Вите, Коффингаля и Маргере.

Итак, я рекомендую моим братьям избирателям:

Пани, один из спасителей отечества в ночь на 9-е, который соединил федералистов с патриотами предместий, роздал пять тысяч снарядов марсельцам при протестах его коллеги сержанта, который после 10-го проявил себя как горячий патриот.

Аббат Вертейль, который служил отечеству своим пером и

своими руками, который не отклоняется ни на момент от своего пути и который так же хорошо идет впереди всех у пушки, как разоблачает в своих писаниях изменников.

Фрерон, Оратор Народа, достойный товарищ Друга Народа, деливший с ним опасности и, подобно ему, ни разу не подвергавшийся анафеме.

Отец Рафрон Дютруайе, который, несмотря на возраст, сохраняет горячность гражданского чувства и силу ума.

Леньело; Жан-Пьер Дюплен; Парис, канцелярский служащий.

Люйлье из секции Монконсей; *Фоше*, литератор; *Буше де Сен-Совер; Фуркруа*, врач; *Вашар*, избиратель: *Дефорг; Гермер; Давид*, живописец.

Граждане, Петион собирается подать в отставку; человек, наиболее достойный заменить его в должности, которая столь важна для общественной безопасности и щекотливые функции которой требуют не меньше энергии, чем талантов, человек этот Пани, администратор. Он пронес через все бури революции свою гражданственность незапятнанной. Граждане, ваша победа зависит от выбора, который вы сделаете; вы еще окружены страшными врагами, которые ждут только избрания какого-нибудь слабого и подозрительного патриота, для того чтобы восстать и сокрушить все.

Друг Народа — добрым французам ⁵⁸

Можно с уверенностью сказать, мои дорогие соотечественники, что вашим несчастьям не будет конца, пока народ не истребит всех до последнего приспешников деспотизма, всех до последнего членов бывших привилегированных сословий. Читайте и тренежите.

Копия письма с датой: «Люксембург, 20 августа 1792 г.», найденного в кармане Антуанетты

Я получил ваше письмо, датированное 15-м; очень поражен, что мы потерпели неудачу. Непонятная вещь: судя по письму, которое препроводил нам г-н Лафайет, дело было вполне надежное. Сообщите мне, как обходится с королевской семьей, и пришлите ответ возможно скорее, так как мы собираемся отправиться в Лув. Договор между императором и прусским королем уже заключен, и мы надеемся через два-три месяца быть в Париже.

Комендант крепости этого города гарантирует нам проход, и мы ожидаем г-на Лафайета, а также М. Л. Р. Р.; мы надеемся вырвать скоро из плена королевскую семью. Я сообщу вам о договоре между королем Пруссии и императором. Этот договор состоит в том, что прусский король двинет все свои силы. Император предоставляет ему Нидерланды, и его войскам обещано разрешение грабить восставшие местности, особенно Париж. Только в этих целях он и идет с нами; судя по представленному им проекту, нам обеспечена победа, если нас не предадут. Письмо, о котором идет речь, я получил от господ из Собрания, которые рекомендуют нам вооружиться некоторым терпением, пока фракционеры переберется; они пишут, что дело складывается благоприятно для нас, так как у них нет ни оружия, ни амуниции, что как только ярость пройдет, они предшшут нам все, что захотят, что прошел декрет по вопросу об украшении церквей, и г-н F. 82 R. уверял нас, что все устроится. Я прошу, чтобы вы сами туда отправились и вручили ему прилагаемое письмо. Сообщите, может ли

г-жа Р. 10 С. видеть королеву и передать это письмо от М. С. Д. Это моя единственная просьба: держать все в глубочайшей тайне и не хранить никаких моих писем. Дайте мне об этом знать.

Подпись: Г. Лар. М. Мас. А. Р. Р.

Нас предает не только двор, но и продажная часть самого Национального собрания. Если бы оно не поддерживало сношений с нашими врагами, разве оно было бы так спокойно при их приближении? Разве оно стало бы еще ловить на удочку народ при виде крови изменников, которую проливает его праведный гнев? Если оно не стремилось выгадать время, пока не наступит роковой момент, стало ли бы оно посылать комиссаров во все секции, для того чтобы совратить их? Разве оно старалось бы воздвигать барьер между секциями и народом и подымать их против них самих, для того чтобы разжечь гражданскую войну под видом мер против народной мести?

Если оно не имело намерения продолжать свою угасающую жизнь, разве оно постановило бы разослать в департаменты декреты с предложением гражданам сплотиться вокруг Собрания теснее, чем когда бы то ни было? Разве оно вызвало бы членов парижского муниципалитета, для того чтобы те клялись защищать свободу, и равенство, о которых оно якобы печется? Разве оно стало требовать подобной же присяги от председателей секций, от установленных властей, от всех граждан государства — оно, которому жить-то осталось всего несколько дней? Если бы у Собрания не было надежды восторжествовать путем подкупа, хватило ли бы у него низости распространять этот декрет в секциях?

Разве оно присоединило бы к этому декрету сфабрикованный хитрецом Гюаде адрес, в котором каждый из членов Собрания клянется не как представитель, а как гражданин, всеми силами вести борьбу с королями и королевской властью, — адрес, который изобличает подлых клятвопреступников, делая из каждого депутата сугубого двурушника: я, депутат, клянусь в верности королю и я, гражданин, клянусь уничтожить короля.

Разве оно проводило бы свое время в составлении столь недолговечных декретов, если бы оно не рассчитывало на вступление неприятеля в наши стены; нельзя ведь представить себе, что Национальное собрание хочет подтвердить предсказания Друга Народа, который не уставая повторяет, что его декреты — лоскуток бумаги.

В сущности, все акты законодательного корпуса после 10-го подтверждают письмо, найденное в кармане Антуанетты.

То же надо сказать о поведении временного исполнительного совета, различные члены которого, за исключением патриота Дантона, кажутся недоброжелателями, чтобы не сказать — инициаторами всех махинаций, которые озабочены исключительно тем, чтобы парализовать меры, принятые для спасения государства. Для того чтобы заставить их действовать прямо, Дантон, что ни день, ломает копыя с ними. И все-таки он не может с ними справиться. Они обязались заменить царедворцев патриотами на всех главных военных постах; не поручать начальствование над крепостями и армией никому, кроме людей испытанных в смысле гражданственности; между тем изменники остаются на службе, и именно они отдают один за другим наши города неприятелю. Спросите их, какими подвигами отмечены Люкнер, Келлерман и Дюмурье, если не вероломством, с каким они открыли границы и сдали крепости. Ждут ли они момента, когда неприятель будет у наших стен, чтобы отразить его?

Если рассматривать министров индивидуально, какое доверие может заслужить какой-нибудь Клавьер, презренный биржевик, разбогатевший от позорных спекуляций и преданный бриссотинцам, которые его устроили на место?

Монж известен только по союзу с Клавьером, который вовлек его в военное министерство.

Лебрен обвиняется в том, что поощряет предателей; утверждают, что в наблюдательном комитете мэрии существует специальный приказ об освобождении человека, обвинявшегося в том, что он строил козни против всех и всякого.

Что сделал Серван для нашей защиты? Организовал ли он укрепление парижских высот? И не подумал! Вооружил ли он добровольцев, которые рвутся в бой? Не подумал! Распорядился ли он изготовить пики и ножи? Не подумал! Неспособный выполнять обязанности своей должности, он плачет как дитя при виде опасностей и не принимает никаких мер, чтобы предотвратить их. Если бы он был настоящим патриотом, он, чувствуя свою неспособность, отказался бы от портфеля в первый же день своего появления в министерстве, или, вернее, не принял бы его, но он остается на месте, пока мы не погибнем бесспоротно.

Наконец, Ролан занят только махинациями с бриссотинцами. Смотрите его письмо Национальному собранию, которое поторопилось распорядиться об отправке этого письма в 83

Время требует, чтобы каждый нес большое бремя
Лубок неизвестного автора

департамента. Что это, как не шедевр лукавства и коварства, к которому он прибег, чтобы ввести нацию в заблуждение относительно Парижской коммуны, спасшей Францию?

Что же делать? Заставить этих головотяпов уйти и передать кормило правления людям честным, просвещенным, мужественным. Область внутренних дел больше подходит к Дантону, чем юстиция. Министерство военное надо дать какому-нибудь военному лицу, даровитому человеку и вольному гражданину; министерство юстиции — какому-нибудь лицу неподкупному; надо сделать Дантона председателем исполнительного совета, предоставить ему решающий голос и перевес в случаях разделения голосов; на мой взгляд это было бы самым быстрым и действительным способом заставить двигаться машину, все колеса которой заторможены.

Друг Народа — согражданам-избирателям ⁵⁹

За четыре года, в течение которых я выполняю обязанности общественного цензора на благо отечества, я разоблачил множество изменников и заговорщиков. Возможно, что в числе прикрытых маскою гражданственности врагов свободы, на которых мне было указано, было несколько двусмысленных личностей, даже невинных людей, гражданственность которых до сих пор слабо проявлялась. Каково бы ни было мое уважение к невинности и любовь к истине, как я ни просил моих корреспондентов подобающим образом подписывать свои сообщения, как старательно ни отбрасывал анонимные сообщения,— могли я в глубоком подполье, где я так долго был обречен жить, обеспечить себе такого рода сведения, чтобы никогда не впадать в ошибки? Что же мне оставалось делать, кроме того, чтобы брать обратно сказанное, как только справедливость этого требовала? Этот священный долг я всегда выполнял, даже в отношении наименее достойных граждан; об этом свидетельствуют столбцы «Друга народа»; в моих принципах — воздавать справедливость даже дьяволу. Если принять во внимание мотивы, которыми я руководился при разоблачениях, и меры, которые я принимал, чтобы добиться правды, то обвиняемые лица, какова бы ни была их обида, не могут, мне кажется, считать меня клеветником, для этого у них нет оснований; только неприязнь накладывала на их суждения печать клеветы. Если же они себя считают обвиненными без основания, то они самое большее могут считать, что я плохо

информирован, стараться снять с себя обвинение и пожалеть о моем тяжелом положении; в таком положении я не могу убедиться в их невинности.

Узнав, что некоторые граждане, задетые в моем воззвании о выборах, промогласно протестовали, я явился к трибуне избирательного корпуса и потребовал, чтобы были выслушаны их жалобы на меня; какой-то голос призвал к соблюдению порядка дня; аплодисменты всего корпуса тотчас же заткнули мне рот и отослали на место. Как ни лестно для меня это почетное свидетельство искренности моих намерений, оно обратилось против меня: г-н Дефлер воспользовался им, чтобы распространить скандальную записку; в ней он, не стараясь даже опровергнуть возведенное мною обвинение, с удовольствием распространяется относительно славы, которую приобрел на службе у важных вельмож, и осыпает меня самыми ложными и нелепыми обвинениями; он обвиняет меня в том, что я хотел надуть своих кредиторов, что присвоил себе жену и мебель одного благодетеля...

Будучи более справедлив, чем г-н Дефлер, я не считал его клеветником; я обвиняю его лишь в том, что он подобрал несколько небылиц, распространяемых недоброжелателями и многочисленным врагами.

Я не спешу ссылаться на всю мою жизнь со времени революции, для того чтобы разбить эти пустые обвинения. Но кто же поверит, что человек, которого не могло соблазнить богато двора, которого не совратили ни на минуту с пути ни анафемствующие декреты, ни ножи убийц, который принес в жертву делу свободы заботу о своих делах, плоды своих трудов, свой покой, свое здоровье, который полностью пожертвовал собою ради общественного блага, которому дорога только честь борьбы за отечество,—кто поверит, что этот человек покрыл себя позором мошеннической проделкой? Но не в моих правилах противопоставлять простые рассуждения прямым обвинениям; поэтому я хочу следовать за своим разоблачителем, отразить все обвинения, просветить обманутую публику.

Я не только не вменяю в преступление г-ну Дефлеру, что он меня поносил,—я благодарен ему, что он дал мне случай устранить все ложные слухи, которые распространяют обо мне враги отечества, и выявить мою невинность. Если он не совсем потерял стыд, то перед лицом приводимых мною доказательств он первый покраснеет за свой памфлет и пожалеет об огласке, которую я сам стараюсь ему дать.

*Петиция, представленная избирательному корпусу
А. Г. Дефлером против Ж.-П. Марата*

Граждане избиратели!

Один из ваших сочленов совершил крупное преступление в отношении меня; я требую справедливости, я приглашаю вас выслушать меня с полным вниманием.

В момент, когда опасное положение отечества превращает донос в добродетель, использование этого страшного орудия клеветы есть величайшее из преступлений, которые может совершить проституирующий это оружие подлец; в результате его подлых действий — потеря пострадавшим уважения своих сограждан.

Марат, пресловутый Друг Народа, запачкал стены столицы клеветническим списком, в который я был включен. Он меня обзывает низким интриганом, изобличенным в махинациях. Мой род защиты будет прост. Я изложу свою жизнь с 1777 года и жизнь клеветника Марата с 1789 года.

Я происхожу из того счастливого класса, единственного в котором при старом режиме сохранился священный огонь добродетели, из того класса, в котором свободные от искушений бедности люди могут обойтись без интриг.

Забогливое воспитание — одно из самых драгоценных благ, которые я получил от обожаемой матери. Я был с ранних лет величайшим поклонником свободы и противником интриги; эти настроения отклоняли меня от занятий, при которых приходится жертвовать первой или прибегать ко второй. Однако, чем-то надо было быть, — такова была мания века. Для меня купили в доме бывшей графини д'Артуа должность, которая обязывала меня надзирать за финансовыми операциями крупных вельмож.

Обладая характером и честностью, я не мог не сделаться весьма неудобным надзирателем. Уволить меня было, однако, трудно. Тогда упряднили занимаемую мною должность, и в благодарность за услуги мне надавали почетных удостоверений и назначили пенсию.

Я уже был в то время отцом семейства, материально совершенно независимым. Время помогало воспитанию моих детей, изучению естественных наук и философии; так было до 1789 года, когда расстройство дел одного банкирского дома, связанного с семьей моей жены, внеся некоторый беспорядок в мои личные дела, вынудило меня отправиться в Брабант и Англию, для того чтобы подобрать остатки моего исчезавшего состояния. Это было в тот момент, когда беглый д'Артуа, проезжая через Брабант, сделал мне самое блестящее предложение заняться воспитанием его детей. Любовь к своей стране, ненависть, которую я всегда чувствовал к вельможам, побудили меня отказаться и возвратить почетные и пенсионные удостоверения.

По возвращении во Францию в 1790 году моим первым долгом было разделить с моими согражданами революционную работу в национальной гвардии без того, чтобы пользоваться выгодами, вытекающими из деления граждан на два класса.

Вступив в ряды санкюлотов с 1790 года, я вошел в секционное объединение только с ними 10 августа 1792 г. (О патриоты 10 августа!¹).

¹ Ироническое восклицание, вставленное Маратом в тексте Дефлера.

Принятый в Общество друзей конституции, я скоро заметил, что Барнавы, Ламеты и другие интриганы этого рода прилагали все усилия к тому, чтобы сделать это общество орудием их интриг. Только гласность могла бы расстроить интриги, но они всегда противились этой мере. Тогда-то я предпринял для борьбы с их пагубными проектами издание журнала общества; предприятие это связано не только с жертвами в смысле денег и труда, но и в смысле самолюбия. Будучи всегда озабочен тем, чтобы выдвигать таланты моих сограждан, я был вынужден отказаться от испытания своих.

Шестинедельное заключение после бойни на Марсовом поле могло доказать, что я по крайней мере не на стороне тогдашних интриганов. Упадок здоровья — результат заключения — и постоянная занятость должны были, можно думать, помешать мне заниматься интригами, если у меня к этому и был вкус.

Вот, граждане избиратели, тот, кого Марат, пресловутый Друг Народа, имеет бесстыдство третировать как низкого интригана, избличенного в махинациях. Я выполнил первую и самую трудную часть поставленной себе задачи; и сказал вам о себе. Перехожу ко второй: я обвиняю перед вами Марата, пресловутого Друга Народа; я обвиняю его в отсутствии гражданской доблести, в недобросовестности, в безнравственности.

Связанный интересами с лицами, которые с 1789 года состояли с этим человеком в теснейших отношениях, я скорее чем кто бы то ни было могу представить доказательства всему, что я здесь говорю. Ну, вот, сильный своими доказательствами, уверенностью в правоте, глубоким презрением, которое я во все времена питал к клеветникам, обращаюсь к Марату и спрашиваю его: «Что бы ты, ты, который называешь себя Другом Народа, что бы ты сказал о человеке, который 26 ноября 1790 г. отказался бы взять в уплату очень маленькой части долга (речь идет о тридцати ливрах) не то, что ассигнаты, на которых в это время терялось пять процентов, но купоны ассигнатов, которые не давали вовсе убытка? Что бы ты подумал о гражданском чувстве человека, который с презрением отверг бы эти национальные деньги? Отвечай и произнеси свой приговор, — у меня есть свидетели, если у тебя хватит бесстыдства отрицать это.

Что бы ты подумал о человеке, который, будучи дебитором в отношении своего благодетеля и зная, что его кредитор наложил протест на свои средства, хранящиеся у третьего лица, предложил бы этому держателю отрицать факт хранения? Отвечай и произнеси свой приговор; кредитор — гражданин Сен-Совер, патриот Лежандр — держатель, которого ты старался совратить, а ты — низкий совратитель.

Что бы ты подумал о человеке, считая себя изгоем и вынужденным жить в подполье, принимал бы в продолжение более чем двух лет самые теплые заботы от неимущего гражданина и его жены и который в благодарность за заботы и жертвы удалил бы этого человека под предлогом поручения и воспользовался его отсутствием, чтобы похитить его жену и движимость? Отвечай и произнеси свой приговор. Этот гражданин Маке моими устами обвиняет тебя в этом хищении, которое он разоблачил в присутствии многих свидетелей, готовых предстать здесь».

Вот граждане, избиратели, человек, который меня обличает: вы теперь знаете меня, — судите и скажите, кто из нас двух имеет право на ваше уважение. Я требую справедливости, я требую мщения и,

если против моего ожидания я не получу ни того, ни другого, я буду вынужден напомнить себе, что, как восстание есть священнейшая из обязанностей народа, так сопротивление гнету есть самое непререкаемое право гражданина.

А. С. Дефлер

На основании нелепых слухов, распространяемых врагами общества, вы обвиняете меня в том, что я похитил жену и недвижимость гражданина Маке, который, как вы говорите, все сделал для меня.

Я, которого разбойники Мотье заставили жить в подземелье, я похитил жену и недвижимость свободного человека! Подумали ли вы об этом, г-н Дефлер, и верно ли, что вы не бредите? Для того чтобы повосить других, надо же самому иметь хоть каплю здравого смысла; но смотрите. Во-первых, г. Маке никогда не был женат; как же я мог похитить его жену? Правда, у него жила девица Фуэс тридцати пяти — тридцати шести лет, которая была его помощницей в ремесле и служанкой; с давних пор он уже удерживает ее имущество и жалованье, не достаивал никакой распиской; он злоупотребляет ее природной робостью, нагнав на нее страх, и держит ее на привязи, после того как мучил ее побоями. Возмутительное зрелище, свидетелем которого я был много раз, когда жил у нее. Так как эта добрая патриотка взялась передавать мои рукописи моему издателю и оказывала такие услуги, которых я в своем пленении мог ждать от самого лучшего гражданина, я заинтересовался ее судьбой. Она была в отчаянии от того, что не получала в течение трех недель известий от г-на Маке, который в это время объезжал Шикардию, чтобы добыть себе представительство, и домогался места по надзору за рыбой на парижском рынке. Я настаивал, чтобы она объяснила причину отчаяния. Она согласилась и просила у меня совета. Я указал ей средство получить от своего тирана и расписку на свои вещи и всю сумму ее жалованья.

Так как я собирался ехать в Лондон, после того как свобода была уничтожена бойней на Марсовом поле, она попросила меня найти ей место бонны. Маке, испугавшись, что она уедет со мной, стал противозаконно держать ее в заключении и делал все, что от него зависело, чтобы я попал в руки разбойников Лафайета, не слишком компрометируя себя однако. Возмущенный этими ужасными поступками, я через свою газету предложил мадемуазель Фуэс открыть окно, позвать на помощь и привлечь к суду недостойного человека, который обращается с ней как с рабой. Посмотрите № DLV

«Друга народа». Что вы об этом думаете, г-н Дефлер? Бьют в набат и обращаются в магистратуру. Через два дня я дал совет преследователю мадемуазель Фуэс (№ DLVII); г-н Маке, увидя с ужасом, что он выведен на чистую воду, тотчас же написал несчастной женщине, чтобы она явилась за своими вещами, что она и сделала. Я ей посоветовал вызвать секционного комиссара; если бы она это сделала, она не потеряла бы шестисот ливров; этот честный человек заплатил ей только половину суммы, которую обязался заплатить, а расписку позаботился взять на всю сумму. Призываю свидетельство мадемуазель Фуэс, вдовы Менье, и комиссионера по перевозке мебели.

Отсылаю моих сограждан к номерам «Друга народа» от 20 и 23 сентября, где рассказана вся история г-на Маке,—документы более ценные, чем туманные слухи, распространяемые помешанными врагами. Отсылаю их к самому г-ну Дефлеру; пусть хладнокровно почитает их, если может, и если он не покраснеет за свою скандальную выходку, я буду молиться о возвращении ему разума.

Вообще же я не знаю, что сделал г-н Маке, чтобы спасти меня, но я хорошо знаю, что он сделал, чтобы погубить меня.

Вы обвиняете меня, что я хотел совратить г-на Лежандра, чтобы надуть г-на Буше де Сен-Совер в отношении долга. Лежандр отсутствует; по его возвращении я обязуюсь представить его собственноручное формальное опровержение. Пока вот свидетельство его жены и г-на Буше; полагаю, вы не будете отводить их.

«Так как у моего мужа нет тайн от меня, я честью заверяю, что обвинения, выдвинутые в петиции г-ном Дефлером против г-на Марата, лживые и клеветнические.

Париж, 8 сентября 1792 г.

Лежандр».

— «Заявляю, что я совершенно непричастен к фактам, приводимым в писании г-на Дефлера, и даже не знаю их. Если я оказывал услуги г-ну Марату, я делал то, что мог и должен был в отношении человека, униженного врагами отечества. Я никогда не беспокоился относительно своей ссуды, потому что мебель г-на Марата случайно находилась у меня. Если я перестал встречаться с г-ном Маратом, которого я задолго до революции ценил, как друга наук, то это потому, что, пользуясь его доверием, я разрешал себе иногда смягчать слишком острые места в его писаниях, что ему было неприятно. Но это такого рода недоразумения, которые не затрагивают ни чести, ни взаимного уважения.

9 сентября 1792 г.
Буше де Сен-Совер.»

Наконец, вы обвиняете меня в том, что я отказался принять в уплату ассигнаты, которые упали лишь на пять процентов; напоминаю вам, что к этому времени ассигнаты упали на двадцать процентов. Впрочем, я совершенно не помню, что отказывался, но если мой поверенный делал это без моего ведома, то вот почему. Он знал, что для существования и расплаты с лицами, занятыми моею корреспонденциею, я располагаю только ничтожным гонораром за мой труд, и считал жестоким, чтобы кровопийцы, обогащающиеся за мой счет, заставляли меня еще терпеть убыток, связанный с оплатой бумажными деньгами. Что же вы находите здесь антигражданственного?

Вот, я думаю, основательный ответ на ваш памфлет. Я надеюсь, он заставит вас отказаться от своей ошибки, и выражаю пожелание, чтобы к вам вернулось благоразумие.

Научитесь, сударь, лучше понимать Друга Народа. Ему о вас сообщали, что вы посещаете кафе, притон аристократов близ подворья Petits Pères; если это неосновательно, разуберьте его, оправдайтесь, взывайте к его справедливости; он готов взять назад сказанное. Не гневайтесь, г-н Дефлер: Друг Народа, на которого вы нападали, поверив кому-то на слово, хочет убедиться в вашей невинности; он питает ненависть только к врагам свободы и отечества.

Друг Народа — друзьям отечества ⁵⁸

Три недели назад гражданин Дантон, министр юстиции, торжественно заверил общее собрание марсельской секции, что все генералы и штабные нашей армии будут уволены за их нескончаемые предательства. Две недели назад он заверял наблюдательный комитет, заседавший в мэрии, что скоро выйдет приказ об этом. Три дня назад он заверял нескольких избирателей в зале якобинцев, что отдан приказ об увольнении Люкнера. Его поняли неверно, посмеялись над ним, потому что Люкнер все еще на своем месте. Вот доказательства этого генералиссимуса, которому вверены судьбы французского народа.

Выдержка из письма, написанного г-ном Фрош г-ну Блоншо, переданного наблюдательному комитету секции Друзей Отечества, бывшей секции Понсо, 15 сентября 1792 г.

«Пишу, чтобы сообщить Вам о своем пребывании в Шалон, где нас очень плохо приняли горожане и Люкнер, потому что мы ему сказали, что он предает отечество.

Увидя, что войска в красной одежде, швейцарцы и ирландцы располагаются лагерем вокруг Мо, мы задержали в Эпернэ и разоружили человек двести; при них оказалась бочка с белыми кожаными кокардами от г-на Англо, улица Герен-Буассо, дом Шатье. Мы повели их в Шалон к Люкнеру, который захотел заставить нас убраться сейчас же без всяких приготовлений. Он казался очень раздраженным тем, что мы привели обратно всех волонтеров, которых он разослал из армии с паспортами, для того чтобы они в большом числе собрались у Парижа, подожгли его с четырех сторон и силой заставили надеть белую кокарду. Жуть берет, когда встречаешь по дорогам разосланных ими волонтеров; мы их заставили повернуть обратно. Шалонские горожане все совращены аристократией; мы ни разу не могли заставить их крикнуть: «Да здравствует нация!». Они дерут

с нас шкуры. Все непомерно дорого: вино стоит восемнадцать су, мясо — одиннадцать су, хлеб — четыре с половиной су фунт; в сущности, здесь нельзя жить.

Я думаю, нам следовало бы отправиться в Мец, сформировать хвост армии из большого числа волонтеров; но у нас только шесть орудий. Я вижу, мы уже проданы благодаря царящей здесь измене. Мне нечего больше сообщить Вам, разве лишь о головах, которые мы сняли в Мо и Шалоне¹.

На этом письме шалонский штембель № 49 и дата — 11 сентября 1792 г.

Адресовано наблюдательному комитету Друзей отечества, бывшему — Понсо.

Подпись: Дюпре, комиссар. С подлинным верно; зарегистрировано в № 60. Подпись: Дюпон, комиссар.

Предупреждаем администрацию, что необходимо дать нам сведения о рабочих, которые изготовляли кокарды у упомянутого г-на Англо.

Граждане, нас предают со всех сторон; все пагубные планы Лафайета вновь вышльвают и преследуются с яростным упорством. То, что убрали лагерь из Меольда, являет тревожный пример. Это было сделано по распоряжению Лабурдоце, Моретон-Шабрильяна* вне всяких соображений полезности и необходимости и только для того, чтобы в руки неприятеля попали запасы овса и фуража, которые у него совершенно** отсутствовали, для того чтобы был перерезан оставшийся там немногочисленный караул, чтобы оставить страну без прикрытия, чтобы уморить холодом войска, которые являлись сюда и не находили армий.

Но это не все; Мобеж окружен; оттуда вывели линейные войска и оставили только батальоны волонтеров.

Посмотрим их проекты. Каждый день нам возвещают о блестящих успехах, по адресу Дюмурье высказывается тысяча лестных вещей, для того чтобы популяризовать его; нас уверяют, что наши объединенные армии окружили пруссаков. Факт таков, что противопоставить им мы можем очень немного. Шестьсот тысяч солдат национальной гвардии ушли на границы; здесь осталось едва полтораста тысяч, и то плохо во-

* Гражданин Лапуан уверяет, что распоряжение отдано было военным советом, состоящим из Моретона, Желена, Ламармера, Верповия, Малюса, комиссара-распорядителя.

** Вместо того чтобы организовать прикрытия для амбаров, их оставили под слабой охраной. В три часа лагерь сняли, оставив для защиты Сент-Аманда тысячу двести человек; через два часа девятьсот человек увели; оставшиеся триста человек были ночью перебиты, а две тысячи возов овса и фуража увезены. Эти факты удостоверяют два комиссара, на которых можно положиться.

оруженных. Куда делись эти многочисленные легионы? Вместо того чтобы их организовать в Париже, их заставили двигаться частями; много недобропорядочных граждан вступали в армию только для того, чтобы получить сорок ливров вербовочных. Многие добропорядочные граждане были совращены аристократическими вербовщиками, многие добровольцы были отправлены во-свои генералами и изменниками; наконец, много негодяев под маской солдат национальной гвардии перешли к неприятелю. Таким-то образом растаяла наша армия.

Заметьте, что суассонский лагерь состоит из двенадцати тысяч рекрутов, из которых только четыре тысячи в состоянии носить оружие и едва шестьсот вооружены. Не забывайте, что начальником их является презренный Шадла, а комиссаром — негодяй Дорли. Эти злодеи говорят добровольцам: «Возвращайтесь к своим очагам».

Заметьте еще, что три дня тому назад стали готовить вещи для устройства лагеря наших армий.

Итак, нас доньше предавали министры, администрация, генералы, военные комиссары и продажное большинство Национального собрания — центр всех предательств. Теперь нас предают штабы, может быть, и военный министр. Пасколько неспособен Серван, этого я еще не хочу решать.

Пойдем дальше!

Страшный заговор, имеющий целью истребить друзей свободы, вновь оживает; он дает знать о себе со всех сторон. Зародившись на почных совещаниях издыхающего роялизма, он как будто сосредоточился в чрезвычайной комиссии и в кабинете г-на Ролана — министра внутренних дел; разветвления его, по видимому, существуют в наших армиях, в управлении департаментов, в аристократических кликах столичных секций; он как будто созрел под сенью тайны до тех пор, пока не стал готовым к осуществлению.

Друзья свободы, проследите нить этих фактов.

Для того чтобы окончательно вас погубить, нужно прежде всего погрузить вас в состояние роковой беспечности, лишить вас ваших защитников и оболстать вас выражениями ложной жалости, которую они проявляют в интересах врагов революции.

Давно уже усыпитель Ролан, состоящий в заговоре с изменниками Национального собрания, обильно поит вас опиумом.

NB. г-жа Ролан, министр внутренних дел, находящийся под влиянием директора Лантена, надеясь нейтрализовать разоблачения Друга Народа и опровергнуть факты, имела бес-

стыдство инсинуировать, что мои писания не принадлежат мне, а некоему злодею, который узурпирует мое имя и который, может быть, оплачен Брауншвейгом. Этот ход не удастся ей, и вот почему: не желая красть деньги Брауншвейга и беглых Капетов, делу которых служит этот генерал, заклинаю всех друзей свободы добиваться декрета, который оценил бы головы Капетов и Брауншвейга. Что вы скажете о такой неблагодарности, мадам Ролан?

Граждане, сравните тревожные новости с опиумом бюллетеня Собрания, с обманными действиями временного совета и подумайте, в чьих руках оказалась ваша судьба.

*Одно слово 2-же Ролан **

Вас просят не растрачивать достояние нации на подкуп двух сотен шпионов, которым поручено срывать воззвания Друга Народа.

Опасная вещь

Продажные члены нынешней магистратуры выдвинули проект поместить Национальный конвент в зале манежа Тюильри, на трибунах которого помещается не больше чем триста зрителей, и они будут заполнены тремястами шпионов, записных контрреволюционеров и подкупленных министров.

Очень важно, чтобы Национальный конвент находился всегда на виду у народа, который мог бы его заклеить, если он забудет свои обязанности. Таким образом, для того чтобы его удерживать на пути свободы, непременно нужно, чтобы в зале вмещалось четыре тысячи зрителей. Этот зал должен бы быть уже готов; я требую, чтобы строили его безостановочно.

* Ролан — только пешка в руках жены, точнее, это она министр внутренних дел и действует вместе с его директором Лаптена, тайным агентом партии Гюадэ-Бриссо.

Друг Народа — Жерому Петциону, мэру Парижа ⁵⁹

Некие благоразумные люди, удивляясь, что видят вас в эти тревожные времена всегда столь хорошо причесанным, просят меня напомнить вам, как дорого время, особенно для первого муниципалитетного магистрата, все минуты которого принадлежат народу.

Некоторые добрые патриоты, встревоженные тем, что вы так давно забросили Коммуну и все отделения мэрии, для того чтобы уединиться с Бриссо, Гюадэ, Верньо, Лакруа, Мендузом * и подобными им интриганам, выражают мне свои опасения по поводу ваших опасных связей.

Множество превосходных граждан, скандализованных тем, что вы бегаете в коммунальный дом, чтобы поносить Друга Народа, изображая его *желчным безумцем, врагом нации*, в то самое время, когда эмиссары Мендуза, Лакруа, Верньо, Гюадэ, Бриссо бегают по секциям, чтобы поднять их против него и заставить исключить его из Национального конвента,— эти граждане спрашивают, в каких видах вы злоупотребляете таким образом остатком популярности, чтобы клеветать на самого ревностного защитника народа. Делаете вы это вслепую или из подлой угодливости в отношении группы, которая поддерживала вас во главе Коммуны, требуя устранения временного муниципалитета?

Уступая их настояниям, делаю это дружеское к Вам воззвание; в нем найдут выражение мои мнения о добряке Петционе.

* Еще в воскресенье 16 сентября Петцион обедал у Мендуза вместе с бриссотинской кликой.

До 1 августа 1792 г. я знал вас только по вашей общественной деятельности, в которой я тщетно искал политических взглядов, определенных добродетелей, твердости и энергии. В течение вашей сенаторской карьеры я не раз имел повод напоминать вам о принципах. Вы с блеском проявили себя после бойни на Марсовом поле, и гражданский венец был вам присужден по моему требованию добрыми гражданами, несмотря на противодействия г-на Мотье.

При известии о вашем выдвижении в мэрии я испытывал тяжелое чувство; вы, на мой взгляд, не тот человек, который нам был нужен, чтобы добиться торжества свободы; я предполагал вашу манеру выполнения функций этой магистратуры; в моих речах и писаниях выразилось общественное предвидение. «*Это добрый человек*»,— отвечали опытные граждане, и мне больно было видеть, что вы для них только меньшее из зол.

События вполне подтвердили мои печальные предсказания: вы всегда проявляли себя как человек нерешительный, слабый, малодушный, явный враг строгих мер, которые подсказывались опасным положением отечества, как человек без взглядов, без планов, без характера; вы даже превзошли мои ожидания, попадая во все сети врагов революции, ставя себя самого в положение заложника в ночь на 9-е в Тюильрийском замке. Мы погибли бы в этот день, если бы несколько патриотических депутатов не вызвали вас к решетке и если бы Коммуна, которая знала вашу природную робость, не окружила вас стражей. Это была сильная мера, которая привела в трепет ваших друзей бриссотинцев, потому что они стали заискивать перед народом и побуждать его, чтобы он требовал возвращения своего любимого магистрата; они очень хорошо понимают, что только вы можете двинуть их дело.

В начале августа я в первый раз видел Петiona. Зная очень хорошо, что он постоянно окружен бриссотинской группой, я хотел прощупать его; я попросил свидания с ним под предлогом получения паспорта; он назначил мне утро следующего дня; я был принят с той нелепой веселостью, которая характеризует его. «*Это он, о, это он!*»— воскликнул этот добряк, держа меня в объятиях; я был несколько удивлен этими ласками и приписывал их тому, что он надеялся, что я сейчас же уеду; мое предположение превратилось в уверенность, когда я увидел, как потемнело его лицо при известии, что я не уеду и настоятельно прошу дать мне два станка, взятых у Дюрозуа.

Слепая беспечность, которую он обнаружил при этой нашей встрече, удивила меня. Мы вступали в полосу великих собы-

тий; он с нетерпением отвергал известие о нашествии пруссаков, за бездействие которых он ручался; он отвергал также идею подлых внутренних махинаций; согласно своей похвальной привычке поить опиум он заверял, что истинное средство сделаться свободными, непобедимыми и счастливыми заключается в том, чтобы быть спокойными и объединенными, т. е. в том, чтобы оставить в покое наших врагов, придя к какому-нибудь соглашению с ними. Нужны были жестокие события 10-го, чтобы доказать публике, что он только фантазер, из-за глупой доверчивости которого мы рисковали быть перебитыми.

Петион — добрый человек, честный человек, я согласен; он был бы очень хорош в должности мирового судьи, арбитра, муниципального кассира, ректора коллежа, окружного сборщика; но у него глаза, которые ничего не видят, уши, которые ничего не слышат, голова, которая ни о чем не размышляет; он бледнеет при виде обнаженной сабли; он хочет уничтожить контрреволюционеров, читая им проповеди, собирается обеспечить торжество патриотов путем объединения с аристократами и спасти отечество, крича и тем и другим: *«Тише, господа, придем к соглашению и будем братьями»*.

Он меня изобразил как желчного безумца* или лютого врага нации; не странно ли, что мое безумие помогло мне раскрыть все заговоры конспираторов, все заговоры, которые его мудрость не помогла ему даже заметить? И не странно ли, что моя ненависть к нации побудила меня принести себя в жертву отечеству, тогда как его гражданственность не побуждала его подвергнуться малейшей опасности?

Да позволено мне будет здесь сделать одно замечание. После многих случаев пагубного малодушия Петион однажды проявил себя энергичным, и Друг Народа из мрака своей темницы настоятельно требует венца гражданственности для этого защитника народа. После трех лет подпольного существования, окруженный шпионами, убийцами, в нищете, в мучениях, Друг Народа вздохнул, наконец, свободно, призван помочь своим братьям из наблюдательного комитета. Едва он был туда принят, как ложные патриоты выказали подозрительность, как враги отечества стали вопить, и именно Петион, сделавшийся без своего ведома их орудием, подставляет Друга Народа под нож ложных патриотов, рисуя его желчным безумцем и самым коварным из врагов нации.

* Это эпитет, который Мармонтели, д'Аламберы, Кондорсе и другие энциклопедические шарлатаны дали Жан-Жаку.

Пройдем мимо этого жестокого поступка; я слишком давно преисполнен горечью, чтобы останавливаться на этом промахе.

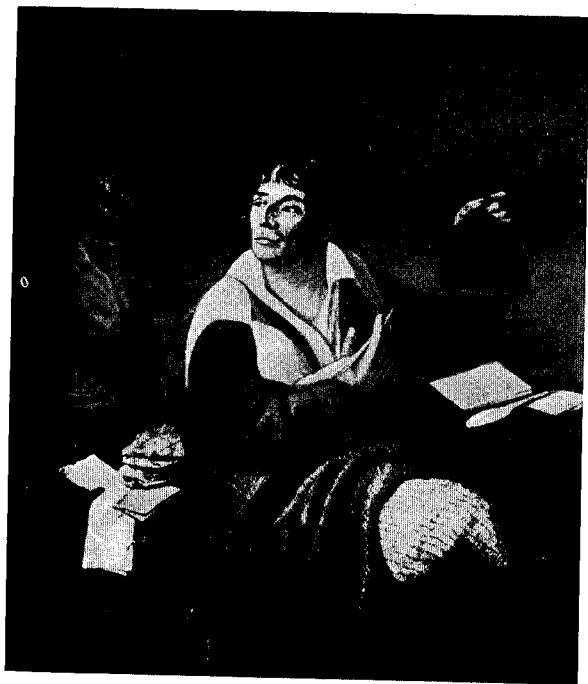
У парижского мэра плохое окружение; вот причина его странного, неуверенного, малодушного поведения, вот источник его пагубной беспечности.

Покинь свое место, Петивон, и передай его в руки более способные и более твердые; твоё добродушие, твоя слабость, твоё легковерие, твоя слепая доверчивость всегда составляли наше несчастье, они в конце концов нас погубят. Бриссотинцы водят тебя за нос, они надели тебе повязку на глаза; если Друг Народа не поторопится сорвать ее, они, в конце концов, заставят тебя требовать контрреволюции.

Еще одно слово.

Меня удручает только одна мысль: что все мои усилия спасти страну не приведут ни к чему без нового восстания. Видя закваску большинства депутатов Национального конвента, я теряю надежду на общественное спасение. Если на первых восьми заседаниях не будут заложены все основы конституции, не ждите больше ничего от ваших представителей. Вы погибли навсегда. Вас ждет полвека анархии, и вы выйдете из нее только при помощи диктатора, подлинного патриота и государственного человека. О, народ-болтун, если бы ты умел действовать!

Марат

Иллюстрация из «Журнала Французской республики» № 1

**МАРАТ В БОРЬБЕ С ЖИРОНДОЙ—
РЕВОЛЮЦИЯ 2 ИЮНЯ 1793 ГОДА**

Смерть Людовику XVI!

(Речь Марата)

Граждане!

Преступления Людовика XVI установлены. Они бесчисленны, и им нет прощения; нация требует у вас мести, и вы должны послать его на казнь.

Эти истины начертаны в ваших сердцах, но вражеская крамола ссылается на свои колебания, опасения, на разные ужасы, и, вооружившись пустыми софизмами, она пытается их сегодня опрокинуть; вы сами допустили их обсуждение, и вот вы превратились в игрушку в руках кучки интриганов, сплотившихся с целью спасения деспота и восстановления деспотизма.

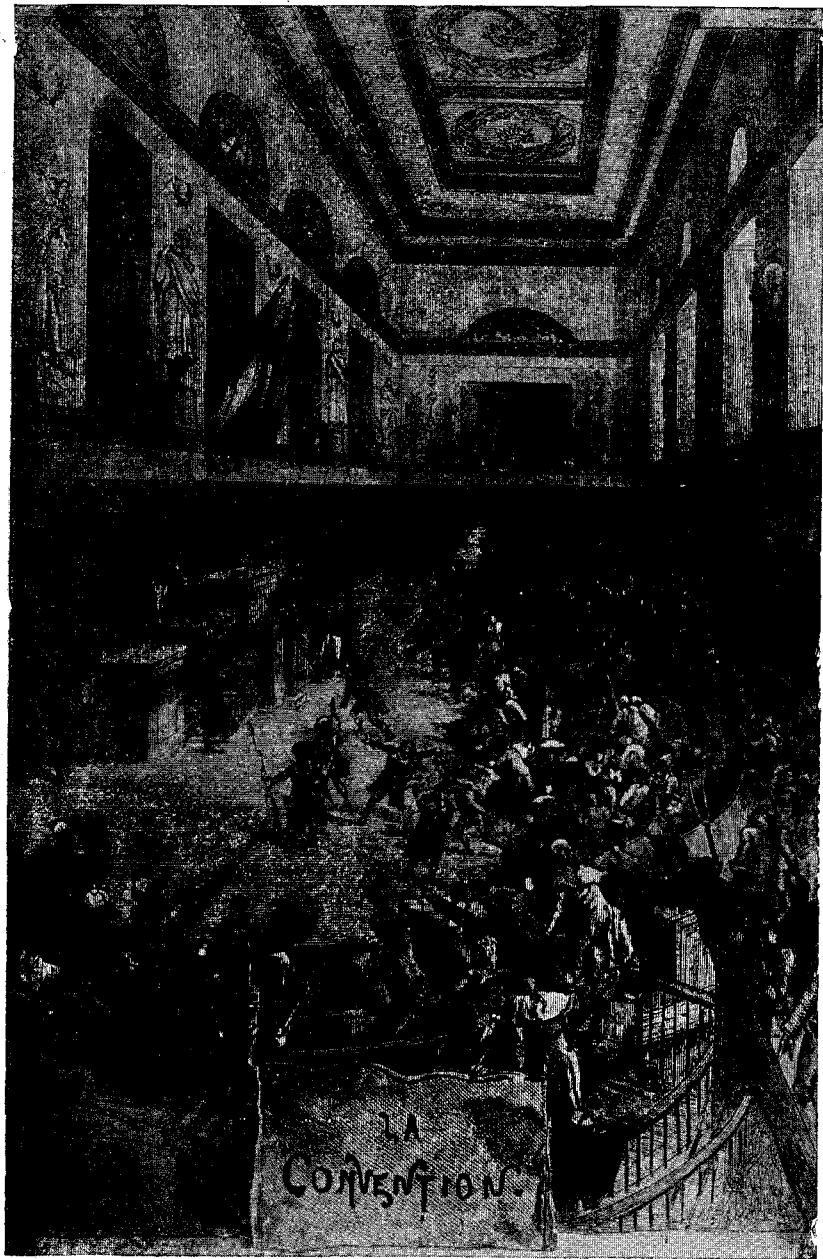
Долг призывает меня на эту трибуну не столько для того, чтобы помочь вам выработать окончательный взгляд относительно преступлений Людовика XVI, относительно кар, которые они заслуживают, и ваших прав на их безапелляционное осуждение, сколько для изображения Конвенту неудобств, которые будут ему созданы в случае принятия им указанного ему в этом процессе пути, опасностей этого упорно предлагаемого пути; он призывает меня также для того, чтобы разорвать покров и возвестить верным представителям народа об ужасном заговоре, который вскоре зажжет среди нас факелы гражданской войны, если истинные друзья отечества не поспешат забить тревогу, если они не сочтут своим священным долгом сорвать маску с зачинщиков и запечатлеть на их лбу клеймо позора.

Итак, кто эти порочные люди, осмелившиеся затеять такие ужасные заговоры в самых недрах этого собрания? Это те презренные интриганы, которые распространяют по всем за-

коулкам республики отравленное дыхание клеветы против лучших граждан. Это те коварные мятежники, которые постоянно кричат караул по адресу пророков свободы, называемых ими возмутителями. Это те низкие злодеи, которые подстрекают к обвинительным декретам против защитников отечества, столь мужественных, что они их разоблачают перед глазами нации. Это те свирепые лицемеры, которые постоянно называют поджигателями политических писателей, не боящихся призывать на головы изменников народное отмщение. Граждане, вы видите их каждый день за делом. Ну, кто может их не опознать по их извилистым путям, по их низким проискам, по их подлым интригам, по черным ухищрениям, по их министерским связям, по их постыдной щедрости и по изобилию, в котором они купаются среди народной бедности? Предатели дрожат, боясь быть разоблаченными. С каким лукавством поспешили они задушить голоса народа в том важном споре, которым мы заняты, с целью помешать потоку народного гнева, обратившемуся против них, мгновенно лишить их плодов их долгих козней. И вы, граждане, не помышляя об этом, способствуете успеху их предательского дела, заставляя молчать трибуны в силу декрета, посягающего на свободу мнений,— декрета, который они никогда не упустят провести при тех спорах, где они боятся неуспеха, и который они первые попирают ногами в тех случаях, когда им удастся внушить почтение при помощи выпрошенных рукоплесканий. Я далек от ненавистного намерения оскорбить приличия и с легким сердцем обидеть даже злых людей, но я не изменю своему долгу; неужели же вы не останетесь столь же верны своему? Нет, граждане, у меня хватит мужества во имя общественного блага изложить здесь жестокие истины, а у вас хватит его, чтобы их выслушать.

Бог, ведающий сердца, прими мою клятву: если когда-либо я лелеял иное желание, кроме спасения отечества, если когда-либо я имел иное стремление, кроме заклания себя на благо народа, если когда-либо какое-нибудь алчное намерение войдет в мою душу, если когда-либо я отвергну спасительные пути, хотя бы предложенные моими самыми жестокими врагами, если когда-нибудь я скрою полезные истины,— пусть разверзнется земля под ногами моими и поглотит меня. Пусть трусливые мои хулители положат руку на сердце и повторят не краснея эту клятву.

Я скажу без обиняков: по моему мнению, большое несчастье, что 10 августа народ не свалил в один ров тирана и его приспешников. Этим ярким актом правосудия он не только пред-

Конвент
Гравюра Молля

отвратил бы то состояние замешательства, в какое вас пытаются ввергнуть королевские сообщники, но и те затруднения, тревоги, беспорядки, раздоры и бедствия, в которые они стремятся погрузить нацию для обеспечения безнаказанности тирана; одновременно он предупредил бы гражданскую войну и распадение государства, которые вскоре обнаружатся как неотвратимое следствие их темных ухищрений.

Предупреждение этих несчастий есть дело мудрости Конвента; он достигнет этого, лишь с верностью, мужеством и постоянством выполняя обязанности, вытекающие из его высокого назначения; но для знакомства с их размером ему необходимо обратиться к событиям 10 августа, вызвавшим его созыв.

Законодательное собрание, пораженное ужасными сценами этого памятного дня, убежденное, кроме того, что оно безвозвратно утратило доверие народа, и слишком чувствуя, насколько оно отныне неспособно восстановить порядок в королевстве и еще больше — обеспечить общественное благоденствие, не дерзая даже выносить постановления о судьбе монарха, удовольствовалось переводом его на положение арестованного и созывом Национального конвента для суда над тираном и преобразования конституции, пороки которой оно так сильно умножило и которой оно так жестоко злоупотребляло, чтобы разрушить свободу, тиранить ее защитников и сокрушать отечество.

С тех пор, предвидя, что состав Конвента может быть хорошим только в том случае, если он будет избран народом, созванный на первичные собрания, я применял все усилия, чтобы побудить к принятию этой меры, обусловленной как правом, так и мудростью Гюаде, гражданские добродетели которого были уже более чем сомнительны, провел декрет, передававший назначение членов Конвента избирательным собраниям, в большинстве департаментов очень плохо составленным и почти повсюду легко подкупным. Как только декрет был издан, я предсказал, что отныне враги революции проявят большую щедрость, для того чтобы выбор пал на ложных друзей отечества.

События, граждане, достаточно оправдали это печальное предсказание, как можно судить по крамольной группе, влияющей на Собрание; в ней насчитывается большое число приспешников старого режима, сожалеющих о его злоупотреблениях, прежних придворных слуг, старых финансистов, привилегированных вампиров, оскандалившихся прелатов, законовевов, юристов, пособников крючкотворства. Как могут люди, так долго

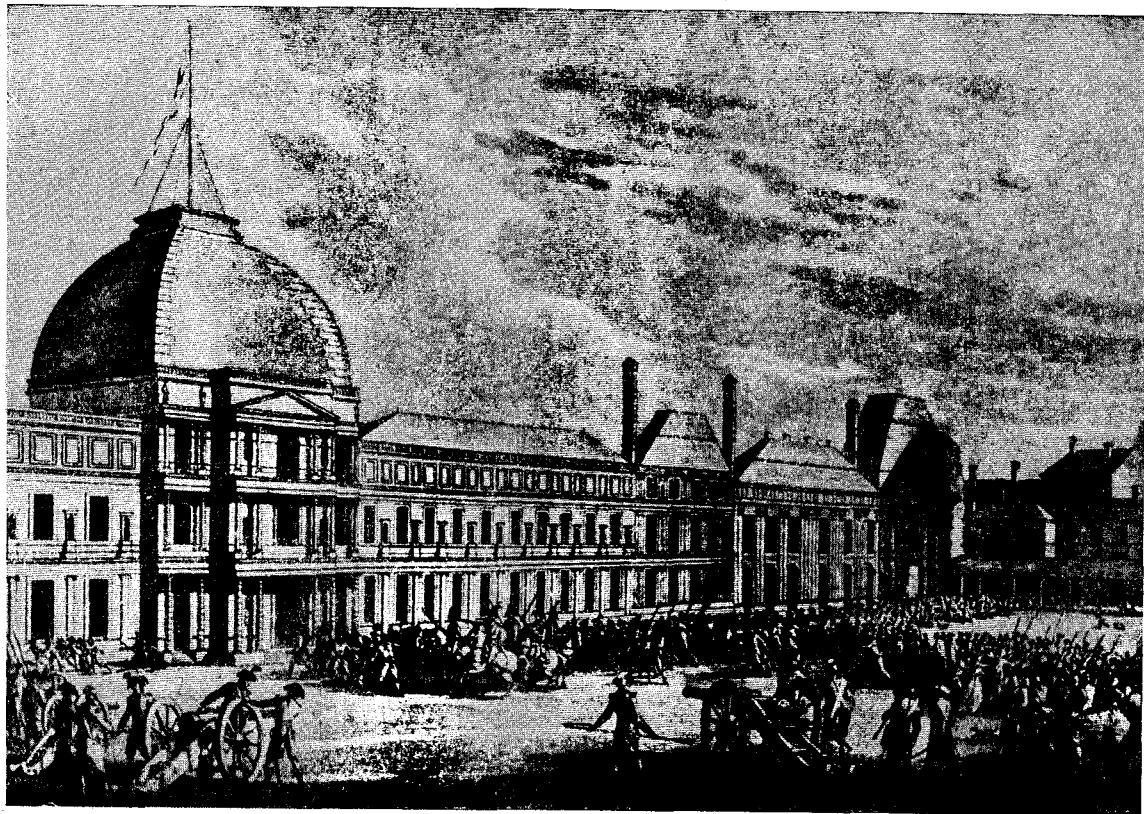
обладавшие ужасной привилегией на притеснение народа, на обогащение его останками, на откармливание себя его потом и кровью, люди, недавно вызывавшие отчаяние равных себе, подобных себе, своих клиентов, как могут они составить счастье народа? Им мы обязаны теперь продолжением наших страданий, они вызовут угрожающие нам новые бедствия, так как они господствуют в Конвенте, делают его бессильным в добрых начинаниях, губят его в общественном мнении и окончательно увлекут в пропасть, если вы, наконец, не подыметесь до уровня своих обязанностей.

Кому не ясно по ходу, который они дали делу Людовика XVI, что они стремятся лишь затянуть его, пока не наступит момент для спасения тирана?

Я говорил вам с этой трибуны; после первого чтения акта, излагающего преступление монарха, предчувствуя затруднения, которые вы испытаете, я предлагал вам ограничить пункты обвинения небольшим числом преступлений, юридически доказанных, именно — избиениями в Тюильри. Враги свободы приняли это предложение как будто только для того, чтобы вскоре затем его отвергнуть; мои опасения вполне оправдались: вы втянуты в темный лабиринт, в котором еще не видите поворотов и выходов.

Доказательства всех предательств монарха и его агентов были записаны его рукой и заперты в потайном шкафу в его дворце. Этот важный секрет был открыт несколькими членам вашего комитета общественной безопасности; об этом извещен министр внутренних дел; он спешит* их предупредить и вскоре украдкой уносит эти бумаги в сопровождении двух доверенных лиц (недостойных свидетелей закона); на досуге он их изучил, рассортировал и часть отобрал, а затем поспешил передать вам остаток, чтобы подчеркнуть свою мнимую гражданскую добродетель и завершить свои козни. Какого здравого мыслящего человека сумеет он убедить в том, что он не выкрал те бумаги, которые могли служить доказательством против бывшего монарха и его сообщников, и что он не выбрал для передачи вам только те, которые свидетельствуют лишь против нескольких подчиненных агентов правительства, отсутствующих министров и скончавшихся заговорщиков, а также те, которые могли бы породить сомнения в отношении некоторых членов Конвента, бросить тень на самый Конвент, посеять в нем

* Можно держать пари со ста шансами против одного, что Ролан был посвящен в тайну с момента своего первого назначения в министерство.

31 мая и 1 и 2 июня 1793 г.
Гравюра Берто с рисунка Свебажа

розынь, способствовать проискам в целях спасения тирана, помешать ему разоблачить своих соучастников?

Эти бумаги, лишенные почти всякого значения, следовало устранить из дела; они были присовокуплены для того, чтобы его осложнить и выиграть, на основании декрета, гласящего, что все они будут напечатаны и сообщены обвиняемому.

Они были ему сообщены как будто нарочно таким способом, чтобы дать ему возможность выпутаться из дела; вместо того чтобы показать ему одну лишь подпись для ее признания, ему представили все бумаги и допустили, чтобы он дал ответ лишь после их рассмотрения, так что он признал только те из них, которые ничего не доказали, отверг те, которые о чем-нибудь свидетельствовали, а все остальное свалили на министров.

Когда он вторично предстал перед судом, ему таким же образом предъявили бумаги, найденные у Бакмана, майора его швейцарских телохранителей; но он их не признал. Ему представили ключи от железного шкафа, завернутые в бумагу, собственноручно адресованную им своему камердинеру Тьеру; он ответил, что они ему неизвестны. Но что значат подобные заявления, подобные отрицания в устах человека, изучившего ремесло лжи, мошенничества и предательства? Что они значат в устах монарха, сказавшего 18 апреля 1790 г. в этих самых стенах, в тот момент, когда он готовил бегство в Руан, что он до глубины души опечален слухами о бегстве, предательски распространяемыми в публике, и заявившего, что он с горечью протестует против такого оскорбления его чистых намерений и торжественно заверяет в своем стремлении к счастью народа и к сохранению конституции? Что значат они в устах монарха, повторяющего те же заверения накануне своего бегства в Монмеди, в ту самую минуту, когда он подписал протест против конституции, и распорядившегося приготовить блестящее празднество, чтобы торжественнее вкусить освященный хлеб с целью усыпления народа, на который он призывал бедствия гражданской войны и который он собирался предать оружию врагов и орудию палача?

Но если бы даже Людовик не был вечным мастером лжи и несправедливости, что думал достичь Конвент, предъявив ему эти бумаги, Конвент, декретировавший, что они не будут служить свидетельством против Людовика, так как он сам же решил, что подписи под ними не будут сверены. Вот в этом-то и заключается молчаливое признание, что они были предъявлены лишь для того, чтобы запутать дело и затянуть приговор.

Теперь мы подошли к тем доводам защиты, которые выдвинуты советниками тирана; взвесим их на одну минуту, чтобы правильно их оценить и установить их ничтожность.

Они все содержатся, согласно заявлению самого обвиняемого, в записке, прочтенной одним из защитников перед судом.

Пройдем мимо его беспомощных усилий разжалобить собрание судьбой Людовика, изображая картину превратностей человеческой жизни, игры судьбы, внезапно ввергающей в темную неизвестность тех, которые так долго были хозяевами мира.

Пройдем мимо беспомощных усилий наложить цепи на правосудие этого Собрания, изображая перед ним заинтересованность всех европейских держав в судьбе государя, недавно обладавшего мощью и окруженного славой. Это риторические приемы, далекие от самого вопроса; но необходимо обратить внимание на некоторые софизмы.

Исходя из принципа, что никто не может быть судим иначе, как по законам, действовавшим уже до совершения им преступления, используя затем самые недостатки конституции, искаженной развращенными законодателями, защитник утверждал, что Людовика решительно нельзя упрекнуть ни в чем совершенном им в качестве короля, так как его личность неприкосновенна и священна и закон не возлагает на него иной кары, кроме низложения, даже в том случае, если бы он повел против нации гражданскую войну, т. е. совершил самое ужасное преступление, превосходящее все другие. Откуда следует, что конституция будто бы давала монарху право безнаказанно расточать общественное достояние, развращать представителей власти, законных министров и представителей народа, содержать легионы шпионов, разбойников и убийц, передавать врагам государства золото, боевые припасы и оружие, предназначенное для защитников свободы, грабить, убивать, отравлять граждан, порабощать и опустошать отечество, замышлять гибель самой нации, готовить ее уничтожение железом и огнем, для того чтобы затем свободно пользоваться плодами своих преступлений? Этот вывод нелеп, и он позволяет оценить всю ложность принципа безусловной неприкосновенности монарха.

Тем не менее услужливый защитник монарха — клятвоступника, предателя и убийцы — требует, чтобы ваш суд признал за ним подобную привилегию. Но, вооружившись этим щитом, какие только злоупотребления не совершал с его помощью сам тиран! Вы видели, как он издевался одновременно над законодателями и законами, избавлял наличных министров от ответственности, покрывая их своей неприкосновенностью, а за-

тем отклонял от себя всякую вину, возлагая ответственность за свои преступления на отсутствующих министров; вы слушали, как в разных обстоятельствах он отвечал представителям верховной власти по поводу одного и того же преступления: *«Не упрекайте моих министров,— это относится ко мне»*, и затем: *«Упрекайте моих министров,— это ко мне не относится»*.

Людовик XVI, говорит его защитник, не может ни в коем случае и ни по одному преступлению быть судим в качестве монарха; но если предположить, что его будут судить как человека, то он требует предоставления ему тех прав, какими пользуется каждый гражданин. При этом предположении он задумал предъявить отвод Конвенту, который, по его мнению, превратил себя наперекор всем законам в уголовный трибунал и сосредоточил у себя несовместимые друг с другом функции разоблачителя, присяжных заседателей, обвинителей и судей. Это утверждение нелепо, и хотя королевские приспешники делают вид, что оно имеет большое значение, его неубедительность бросается в глаза.

Прежде всего неверно, что Конвент сам объявил себя судилищем над Людовиком XVI; напротив, общеизвестно, что французский народ наделил его неограниченными полномочиями как для наказания тирана, так и для спасения общественного дела, которое, как об этом было объявлено, подвергается опасности. Неверно также, что Конвент сосредоточил у себя функции разоблачителя, присяжных и судей, так как Людовик XVI обвиняется в совершенных им преступлениях французским народом, который передал Конвенту право вынесения приговора.

Наконец, неверно, что он несет функции присяжных обвинителей и присяжных заседателей, так как эти присяжные введены лишь для того, чтобы установить, имеются ли основания для преследования, а между тем преступления монарха более чем несомненны. Как можно вообще не видеть, что обычные принципы уголовного права не могут быть применены к тиранам, как их применяют к обыкновенным частным лицам?

Угодливый защитник Людовика XVI был твердо уверен в этой истине, когда он с таким убеждением утверждал, что Людовик стоял над всеми законами.

Я ничего не буду здесь говорить о заявлении, которое вы услышите из уст обвиняемого: *что он никогда не имел намерения проливать кровь и что он всегда имел в виду лишь счастье народа*. Исходя из его известного всем характера, можно хорошо понять, к чему сводится подобное заявление.

Из предшествовавшего вытекает, что если преступления тирана несомненны и очевидны, то доводы его защиты смешны и ничтожны.

Но не в одной малозначительности доводов защиты тирана следует вам убедиться, так как кто же из вас уже не чувствовал этого раньше? Вы должны убедиться в том, что его доверенные затевали заговор с целью спасти его от казни, что для обеспечения ему безнаказанности они употребляют нелепые софизмы, что для его восстановления на троне они применяют преступные усилия. Нет ничего более предательского, чем действия составителей этого темного заговора; сорвем же с них маски.

Вы помните, граждане, смехотворный фарс, в котором эти мощенники заставили доверчивого Мерлена сыграть странную роль, побудив его предложить тот губительный принцип, которым Гюаде и Бюзю так ловко воспользовались с целью очернить коварным намеком патриотов, превращенных ими в друзей короля и в приспешников королевской власти.

Вы помните бурную сцену, которую вызвало их несправедливое предложение об изгнании семьи герцога Орлеанского, называемого Эгалите,— проект, предложенный ими с целью оклеветания патриотов как сторонников Бурбонов.

Но это лишь подготовка к их интригам.

Конвент попал в жестокое затруднение, отказавшись ограничить пункты обвинения преступлениями, совершенными 10 августа, т. е. преступлениями, юридически доказанными, преступлениями, рассказ о которых возмутил всю нацию, преступлениями, вызвавшими ваш созыв, преступлениями, которые не могут быть подвергнуты сомнению без объявления Конвента незаконным сборищем, без признания парижан и представителей всех департаментов мятежниками, подлежащих наказанию смертью.

Это стало очевидным после последнего появления тирана перед вашим судом; к какому только лукавству не прибегали его приспешники, чтобы спасти его, затянув дело!

Едва он удалился, как Манюель бросается к трибуне, чтобы требовать напечатания его защитительных слов и отсрочки дела; другие члены также кидаются толпой к трибуне; Ланжюине имеет дерзость выступить против Конвента, объявить его деспотическим трибуналом и требовать отмены декрета, установившего, что он будет судить Людовика XVI. За ним следуют Легарди и Керсен, чтобы изрыгать ту же хулу.

Дюгем требует голосования простым «да» или «нет» вопроса о том, заслужил ли Людовик Капет смерть. Подымается не-

Заседание революционного комитета
Гравюра Мелано и Берто с рисунка Фразонари-сына

вероятный шум. Жульен, возмущенный этим гаерством, разоблачает его виновников, шум возрастает, роялисты желают отсрочки, патриоты требуют постановления об устранении этого предложения без обсуждения его, председатель, пренебрегая своими обязанностями, отказывается поставить его на голосование, наиболее ревностные к общественному благу члены устремляются к столу, чтобы потребовать поименной переклички.

Спокойствие восстанавливается. По предложению Кутона Собрание постановляет, «что, приостановив все дела, Конвент будет ежедневно обсуждать вопрос о приговоре над Людовиком Капетом»; это предложение клонится к бесконечному затягиванию дела, без определения его длительности. Обсуждение закрыто, но Петион бежит на трибуну, требует себе слова и вызывает страшный беспорядок, ничего не сказав и кончив присоединением к предложению Кутона.

Роялисты выполняют свой план. Хорошо знакомый с их всегдашним поведением, я заранее предупредил, что никто из их вожаков не выскажет своего суждения по делу Людовика Капета и что все они ограничатся тем, что заставят своих приспешников сделать это. Их мнение выразили Азема, Дюко и Луве; Ролан наводнил их речами департаменты, перехватывая в то же время речи патриотических ораторов*.

Когда этот взгляд получил некоторое распространение, мы увидели, как его стали наперерыв применять в борьбе для внедрения разрушительных для всякой конституции принципов, истинных принципов анархии, брошенных Гюаде в качестве яблока раздора. Таким образом, твердо решившись каким бы то ни было способом спасти тирана, они весьма остерегались заранее высказать свои истинные чувства, в надежде, что возобладает доктрина безусловной неприкосновенности. Но вскоре, выведенные в этом пункте из заблуждения, они стали осаждать трибуну для проведения постановления об обращении к народу. Обратим взоры на главных сторонников подобной гибельной меры.

В числе этих анархистов выделяются Салль, Рабо де Сент-Этьен, Бюзо, Верньо, Бриссо и Жансоне. Они все признали, что тиран виновен в государственной измене, но заявили, что Конвент не имеет никаких полномочий, никакого права его судить либо потому, что он не представляет собою трибунала, либо

* Я со своей стороны заявляю, что этот вероломный министр не разослал ни одного экземпляра моей речи; это обстоятельство было мне подтверждено национальной типографией.

потому, что ни по одному вопросу он не может выносить окончательных решений, почему они все и сделали вывод о необходимости обратиться к народу, причем их взгляды отличались, однако, своими оттенками.

Салль хочет признания тирана неподсудным ввиду того, что по конституции он имеет патент на безнаказанность по всем видам преступлений.

Рабо утверждает, следуя за услужливым защитником бывшего монарха, что Конвент не может его судить, так как иначе он будет одновременно разоблачителем, присяжным обвинителем, присяжным заседателем и судьей, что противоречит всем принципам уголовного права. Он добавляет, что нельзя нарушить в отношении тирана обычные формы, применяемые к остальным гражданам, не преступая законов справедливости и гуманности, к которым он взывает во весь голос.

Бюзо поддерживает промежуточное мнение.

Верньо хочет, чтобы Конвент судил бывшего монарха, но передал приговор на утверждение народа, и он заключает тем, что Людовик должен быть изгнан, т. е. поставлен во главе вражеских армий; он даже дает понять, что единственный способ отвлечь угрожающие нам опасности заключается в отпущении бывшему монарху его прегрешений и восстановлении его на троне, но он имел осторожность не записать это мнение, так что в оплачиваемых газетах яд этого предложения не обнаружится.

Бриссо считает, что лишь один народ имеет право судить тирана.

Жансоне думает, что тирана надо объявить виновным и приговорить к смерти, а приговор передать на утверждение народа.

Таким образом *обращение к народу*, представляющее единственное средство оправдать Людовика-предателя, составляет явное желание этих интриганов, которые так тщательно замаскировались и пытались выдать за роялистов самых горячих патриотов Конвента.

Что касается тех, кому малодушие помешало хулить общественное мнение, то они ловко избегали необходимости высказать свои чувства.

Но оставим в стороне самих депутатов, происки которых мы только что разоблачили, и обратимся к рассмотрению их взглядов.

Я сказал, что для того чтобы затянуть дело и выждать событий, они пытаются передать народу, созванному в пер-

вичные собрания, вынесение решения или утверждение приговора, уже произнесенного над бывшим монархом.

Бросим теперь взгляд на те политические соображения, которыми они пытаются воздействовать на решение Собрания. Они исходят из опасения, что смерть бывшего монарха может дать его родственникам возможность возобновить свои притязания на трон, а также напрасный страх перед вызванной ею враждой к нам союзных держав. Но сын развенчанного деспота пока еще ничто, и, может быть, эта смерть помешает ему стать когда-нибудь чем-либо. Что касается его братьев и мятежных родственников, то что они такое, эти жалкие изгнанники, которым вскоре предстоит нищета и посрамление! Если они могут когда-нибудь стать опасными, то только при поддержке враждебных держав. Поэтому первое соображение оказывается ничтожным, так как оно опирается на последнее. Что касается страха перед озлоблением враждебных держав, то ведь причиной их ярости служит одно ниспровержение трона, а восстановление монархии составляет цель всех их происков, усилий и подготовляемой ими войны.

Нас хотят поразить страхом, но что может быть для нас страшнее тех времен, когда лукавый Людовик был на троне, когда он стоял в центре всех заговоров, когда вокруг него сплывались все приспешники деспотизма, когда он поддерживал сношения с врагами внутренними и внешними, когда он порабощал все государственные силы и отягчал отечество вместе со всеми установленными властями? Полагаете ли вы, что ужас, который их поразит при известии о казни тирана, придаст им новые силы? Безнаказанность увеличила бы их дерзость, питая их надежды, ужас охладит их мужество и сломит их усилия.

К тому же тревога, которую нам хотят внушить, нелепа, если у нас имеются средства для того, чтобы сохранить свободу и заставить уважать свою независимость; развертывание наших сил, нашей энергии и всех наших средств — вот мой единственный ответ трусам.

Но кто же эти люди, которые пытаются теперь помешать нам наказать тирана, вызывая у нас страх перед враждебными державами? Это все те же люди, которые год тому назад толкали нас на войну, внушая нам презрение к сплотившимся в заговоре державам. Эти наглые лицемеры поставляют по заказу каждый день новый принцип, приспособляемый им к обстоятельствам, к времени, к месту и к людям; вчера они рекомендовали нам войну, сегодня они рекомендуют мир; они тер-

пели бы одновременно холод и жар, если бы рассчитывали таким путем внушить почтение народу и способствовать успеху своих преступных начинаний.

Отвергнем это низкое фиглярство, которое применяется малодушными, алчными, тщеславными и всеми, устрашающимися возмездия; они первые отвергли бы свои нелепые принципы, если бы они не способствовали их планам.

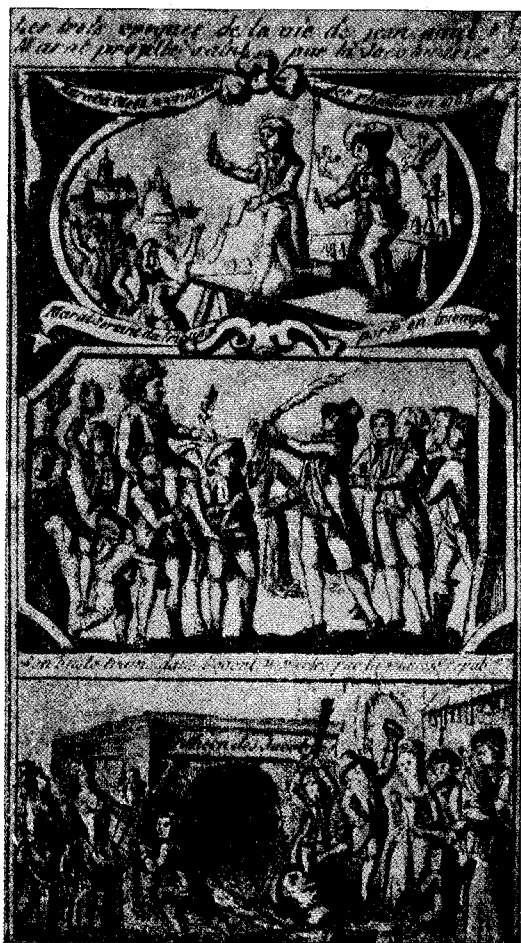
К тревоге, которую они пытаются нам внушить, они присовокупляют лживое уважение к законам, фальшивое рвение к справедливости, поддельную любовь к человечеству, ложные представления о величии; послушайте, как они умаляют троны, как восклицают, что короли — это люди, не больше, чем люди, и даже меньше людей, они, всегда лишь низкие лакеи деспота, недавно царствовавшего над вами. Послушайте, как они зывают для обеспечения Людовику безнаказанности к консервативному представлению о невинности, как они превращают монарха в простого гражданина и требуют применения к нему обычного права.

Что за нежное чувство испытывают они в отношении к ужасному тирану, который так долго составлял несчастье Франции, который столько раз подвергал народ ужасам голода, который проливал кровь стольких тысяч граждан, который так часто толкал отечество на край пропасти! Что за чувства у людей, не проливших никогда ни одной слезы при виде несчастья обездоленных, никогда не поднявших голоса за угнетенных, у людей, оставляющих невинных стонать в темницах, куда их вверг произвол вероломных, у людей, безжалостно представляющих солдат, которые защищают свободу, тирании начальников, смотрящих глазами, не увлажненными слезой, на бедствия отечества и хладнокровно наблюдавших избиения в Ниме, Кайене, Доней, Нанси, на Марсовом поле и в Тюильри. И что же, их сердца сжимаются жалостью к тирану, но у них нет сострадания к его бесчисленным жертвам.

Чем же объясняется значение, которое они придают приговору над Людовиком, и ярость, с которой они возражают против мнимой поспешности тех, кто требует его казни? Надо ли об этом говорить? Дело заключается в том, что они связаны с его судьбой тайными узами, которые они пытаются прикрыть гуманностью и справедливостью.

Я вскрыл лживость предлогов, — теперь я вскрою ложность доводов.

Искусство наших софистов сводится к извращению понятий путем применения принципов права к вопросам высокой поли-

Карриатура на жизнь Марата
Иллюстрация из старинного издания

тики. Вместо того чтобы рассуждать как государственные люди, они судят как юристы, как пособники крючкотворства.

Вынужденные оставить довод о неприкосновенности, из которого они сделали весьма нелестное применение, они прибегли к умалению королевской власти с целью перевести бывшего монарха в класс простых граждан и использовать в его интересах формальности, соблюдаемые в делах обыкновенных частных лиц. Затем, принижая в своих преступных видах самые высокие принципы философии, они восклицают с презрением: «Король ведь только человек, зачем же применять к нему особые привилегии?»

Но нет, ведь они сами сбросили маску и отказались от своих собственных принципов, придав такое большое значение этому делу; этим они формально признали, что виновник стольких преступлений не простой гражданин, а тиран. Конституция выдвинула его из всех граждан, сделав его привилегированным существом; поэтому было бы нелепо судить его в обычном порядке.

Как, спрашивают некоторые ораторы вместе с угодливым защитником, разве Конвент может судить развенчанного деспота? Они отвечают отрицательно и обвиняют Национальное собрание в узурпации судебной власти, в смешивании всех властей и в их сосредоточении в своих руках, сосредоточении, которое должно вскоре уничтожить всякую свободу.

Но зачем же они сами смешивают Конвент с простым законодательным органом, а бывшего монарха — с обыкновенным частным лицом? Если бы Конвент был только законодательным собранием, то они несомненно были бы правы, но он наделен неограниченной властью, т. е. всеми видами власти, которые требуются для спасения общественного дела; поэтому нет такой разумной или насильственной меры, которую в случае ее надобности он не был бы уполномочен принять для торжества свободы; ведь он является, как кто-то очень хорошо сказал, революционным собранием. И вот, если бы пришлось пожертвовать всеми законами ради общественного блага, первого из законов, то я утверждаю, что среди нас не найдется никого, кто не захотел бы этого сделать, никого, кто на минуту заколебался бы.

Некоторые считают, что Национальный конвент не имеет права выносить безапелляционных постановлений об участии бывшего монарха. Это нелепое утверждение опровергнуто самим актом созыва Конвента; ведь именно после избиений 10 августа возмущенный преступлениями тирана народ, не имея воз-

возможности сам его уничтожить, передал вам свой меч для отпущения и освобождения его навсегда от этого ужасного чудовища. Поэтому вы имеете право отправить его на казнь, даже если бы она была лишь неизбежной мерой, требуемой общественным благом.

Сам Конвент никогда не подвергал сомнению полноту своих полномочий в этом отношении. Ведь если бы вы не были полностью уполномочены на окончательное принятие всех мер, требуемых общественным благом, то по какому праву выносили вы смертную казнь заговорщикам? По какому праву приказывали вы применять военную силу против сборищ? По какому праву подвергаете вы нарушителей установленного порядка мечу солдатни? По какому праву декретировали вы продолжение войны? Что же иное значило в каждом из этих случаев ваше решение, как не безапелляционный приговор к смертной казни множества виновных граждан, из которых самый недостойный в тысячу раз меньше преступен, чем бывший монарх? Что я говорю,—ведь вы подписали приговор о смертной казни множества невинных граждан, из которых самый незначительный оказал важные услуги родине.

Считают ли они, что бывший монарх, закоронелый в преступлениях, представляет собой существо, имеющее для нации гораздо большее значение, чем двести тысяч добрых граждан, оказывающих ей услуги с опасностью для собственной жизни? Я знаю, так могут думать приспешники деспотизма, но кто среди сторонников обращения к народу будет настолько низок, чтобы дерзнуть с этим согласиться?

Софисты, с которыми я борюсь, вполне доказали, что, если они умеют применять ложные принципы, то они не умеют делать из них выводов, и что легче быть плохим декламатором, чем хорошим диалектиком; вернем же их на правильный путь, рассуждая за них.

Они вам говорят: *народ либо желает смерти Людовика XVI* либо он не желает ее; как же иначе можно узнать его желание, если не обратиться за его мнением в первичные собрания?*

Заметьте, граждане, что эта дилемма должна применяться ко всякому преступнику, приговоренному к казни. Ведь если верно, как они утверждают, что Людовик XVI только человек, то почему он должен пользоваться какими-то особыми

* Жером Петюн привел следующий великолепный довод: если вы обезглавите Людовика Капета в то время, как нация пожелает только лишить его свободы, то как вернете вы ему голову?

привилегиями и почему вы будете делать исключение в пользу самого ужасного из всех подлецов?

Они вам говорят, что *суверенитет народа неотчуждаем*. Кто в этом сомневается? Но разве они считают узурпацией народного суверенитета применение власти, которую он вручил, и исполнение поручения, которое он дал?

Они вам говорят, что *закон является выражением общей воли и что не может быть представителей этой воли*; из этого они выводят, что приговор должен вынести сам народ. Значит, всякая представительная власть оказывается невозможной; каким же образом является Конвент собранием народных представителей? Что же вы такое, граждане, как не пролазы без полномочий и без отличительных признаков, собравшиеся с помпой, чтобы распоряжаться народным достоинством и ниспровергать государство? Но в таком случае кто же такие они сами, как не безумцы и плуты? Если принципы, которые они с такой уверенностью устанавливают, правильны, то я их спрошу, что делают они здесь и как хватает у них бесстыдства брать вознаграждение, предназначенное им нацией за выполнение обязанностей, которые, по их заявлению, они не в состоянии исполнять? Пусть они ответят: почему вместо того чтобы интриговать для своего избрания в Конвент, они не уклонились в качестве неспособных, сказав своим доверителям: *не может быть представителей воли, суверенитет народа неотчуждаем,— идите сами осуществлять свои права*.

Таким образом, в государстве, в котором их принципы были бы признаны, неизбежно было бы участие в каждом деле всех его членов; для окончательного решения вопроса о пожаловании шпаги, о создании должности судебного пристава или о продаже какой-нибудь хижины, принадлежащей государству, потребовался бы созыв народа в первичные собрания, подобно тому как при утверждении конституции.

Кто не понимает, что такие принципы разрушают всякое представительное правление, что в сколько-нибудь обширном государстве они могут создать лишь самую ужасную анархию? Итак, допустите их на одно мгновение в таком государстве, как Франция, и власть окажется ниспровергнутой.

Все, кто до сих пор обсуждал с трибуны предложение об обращении к народу, обошел эти принципы, или, точнее, не сумел их правильно применить.

Верно, что закон должен быть выражением общей воли, но воли, освященной и обоснованной велениями вечной спра-

ведливости; явно несправедливый декрет не есть закон, хотя бы он и был утвержден всей нацией.

Верно также, что суверенитет народа неотчуждаем и что права гражданина неотъемлемы, из чего следует, что нация должна утверждать законы, принимаемые ее представителями.

Наконец, верно, что во избежание опасности опрометчивой утраты своих прав нация должна совершать через своих представителей лишь то, что она не может сделать сама.

Заключим ли мы из этого, что нация должна утверждать каждый декрет и каждый акт народного суверенитета, каждую меру, принятую во имя общественного блага ее представителями, как это заявляли почти все, требовавшие обращения к народу? Нет, граждане, это значило бы опрокинуть до основания представительную власть, единственно возможную форму правления в большом государстве, желающем сохранить единство правительства.

Для того чтобы вы поняли бессмысленность этой системы, я не стану разворачивать перед вами нелепой картины обширной нации, непрерывно созываемой для обсуждения постановлений, вынесенных ее представителями, независимо от ничтожности вопроса. Геркулесова масса, приведенная в движение для убиения мухи, дает об этом лишь слабое представление. Но я укажу, что это совершенно невозможно, так как при системе обращения к народу каждый член политического союза будет призван выносить постановления по всем вопросам, касающимся всего союза, и каждый пункт государства превратится в его центр, каждое лицо преобразится в законодателя, и каждое первичное собрание — в национальное. И вот всякий отец семьи, всякий торговец, ремесленник, пахарь и чернорабочий будет вынужден покинуть свои дела, свой плуг, мастерскую и ремесло, чтобы отныне посвятить себя обсуждению вопросов политических, экономических и военных, в которых он ничего не понимает; что я говорю! — все будут вынуждены тратить дни и ночи на выслушивание дел, с которыми они должны ознакомиться, не имея в то же время ни минуты для изучения тех предметов, относительно которых им придется выносить постановления. Осуществите на несколько месяцев систему обращения к народу, и вскоре неводеланная земля зарастет кустарником, человеческий род погибнет от истощения, а государство превратится в пустыню.

Нам чужды эти политические мечтания бездарных учеников, или, вернее, бесстыдных плутов; оставим людей на их

Сцена убийства Марата
Гравюра Винкельса по рисунку Бриона

местах, пахаря за плугом, торговца за прилавком, ремесленника в мастерской, ученого в кабинете, а война под шатром.

Народ должен призывать своих мудрых представителей в Национальное собрание, а они должны руководить делами народа и соблюдать его права.

Следует ли ему, спросите вы, слепо доверяться добросовестности своих уполномоченных? Конечно, нет.

Но, граждане, есть только одно средство, способное воспрепятствовать им нарушать народный суверенитет; оно заключается в *заявлении, что все их декреты будут иметь лишь временное значение, а утверждение народа применяется к одним конституционным законам; оно заключается в торжественном постановлении согласно последней статье декларации прав, что всякий закон, нарушающий конституцию, безусловно лишен силы, незаконен, притеснителен и деспотичен и что дозволено препятствовать его осуществлению хотя бы вооруженной силой.* Это условие обязательно, но оно всегда устранялось, всегда пропускалось вероломными законодателями, которые желали сделать призрачными как права гражданина, так и суверенитет народа.

Из наименее невежественных сторонников обращения к народу Бюзо, Бриссо и Петион хорошо поняли, что эта мера при ее применении ко всем актам законодательного корпуса разрушит всякую добрую власть. Вы помните, с каким жаром первый из них восстал месяц тому назад против предложения о передаче каждого декрета на утверждение народа, и не прошло еще восьми дней с тех пор, как последний из них предложил передавать на такое утверждение лишь важные законодательные акты, подобно приговору над бывшим монархом; несколько других сторонников обращения к народу предлагало эту меру как удобный случай для осуществления народом первого опыта своего суверенитета.

Но полюбуйтесь их непоследовательностью. Те, которые предлагали передать на утверждение народа приговор над бывшим монархом, были далеки от подобного предложения, когда дело касалось ниспровержения трона, упразднения монархии, изменения формы правления, продолжения войны и ликвидации национальных имуществ, т. е. законодательных актов, гораздо более важных, чем приговор над развенчанным деспотом, но в которых они, вероятно, были заинтересованы. Так, значит, они забывают о народном суверенитете для того, чтобы потрясать государство, располагать по своему усмотрению его силами, расточать народные средства и посылать на смерть тысячи гра-

ждан. А о правах народа они вспоминают только тогда, когда дело идет об утверждении смертного приговора тирану, которого они не желают послать на казнь. Но если у них нет полномочий и власти для выполнения последнего акта, то как могли они взять на себя выполнение первых? Я знаю, господа, существуют принципы, приспособляемые к обстоятельствам, но эти принципы суть меры, вызываемые необходимостью, а не конституционные начала.

К их числу принадлежит обращение к народу, когда какая-либо его часть притесняется установленными властями. Такова была петиция, подписанная добрыми парижскими гражданами на Марсовом поле, в которой они требовали суда над вероломным монархом, которого Палата хотела оправдать наперекор всякой справедливости; петиция представляла для них единственный способ сопротивления угнетателям, и, если угодно, она была мерой, вызванной необходимостью, на которую теперь опираются сторонники обращения к народу при обвинении своих противников в непоследовательности.

Они обвиняют нас в непоследовательности. Подлецы! Они прекрасно знают, что мы всегда стремимся лишь к благу отечества. Ради него мы требовали тогда обращения к народу, и ради него же мы теперь его отвергаем; что же касается их, то если когда-нибудь и казалось, что они посвящают себя делу народа, то они это делали всегда лишь для того, чтобы продать его права.

От народа, перед которым они теперь так торжественно опускают секиры, принижая функции законодателя, они отрекались каждый раз, когда дело шло о его угнетении, о его обездолении, о его порабощении; те же самые люди, которые вам кричат, что *пора, наконец, дать ему возможность воспользоваться своими правами*, и которые спрашивают у вас, *до каких пор вы будете водить его на помочах*, втянули народ, не спросив его мнения, в губительную войну, стоившую отечеству два миллиарда денег и триста тысяч лучших граждан, опустошившую его прекраснейшие местности и грозившую в конце концов истребить нашу свободу, если бы природа нам не помогла. Эти люди, которые с недавних пор проповедуют народный суверенитет как лучший способ оправдать тирана, повергли его в прах при открытии законодательного собрания, когда дело шло о том, чтобы перед величием народа сбить спесь с его первого слуги при решении вопросов этикета между законодателями и государем. Вы помните, граждане, что Гюаде, Верньо и Жансонне предложили отправить 10 августа в

Убийство Марата 13 июля 1793 г.
Гравюра Берто с рисунка Свебаха

Тюильри депутацию из двухсот человек. Это они побудили производить выборы членов Конвента в избирательных собраниях, пренебрегая правами первичных собраний, к которым они теперь взывают. Это они по собственному побуждению, без всякого полномочия Национального собрания капитулировали 26 июля перед деспотом с целью связать народ, помешать ему разорвать цепи и наложить узы на его революционные порывы.

Не вспоминают ли эти лицемеры о правах народа лишь для того, чтобы предать их? Не призывают ли они к его верховной воле только с целью обеспечить безнаказанность тирана и восстановить его на троне?

Предложившие обращение к народу прикрыли себя маской лицемерия; они льстят общественному мнению, изображая ревностное желание обеспечить народу осуществление суверенитета и пользование своими правами; возражая против обращения к народу, мы порицаем общественное мнение, как будто посягаем на суверенитет народа и лишаем его возможностей осуществлять свои права.

Как ни мало выигрышна такая роль, я должен был бороться с тем применением, которое хотели сделать из этой губительной меры; чтобы показать, что она является лишь ловушкой для Конвента, расставленной с целью обеспечения безнаказанности тирана, я счел нужным изобразить тех развращенных людей, которые ее предложили, и тех слабых или обманутых людей, которые с ней согласились.

Обращение к народу — мера не только неполитическая, нелепая и бессмысленная, но также коварная, пагубная и разрушительная.

Какие только опасности, бури и несчастья не повлечет она за собой сейчас, когда среди народа, еще столь мало образованного и не вполне возродившегося, кишат сторонники старого режима, когда сам народ предоставлен козням врагов свободы и отдан в жертву ярости фанатических священников; сейчас, когда общественное мнение обрабатывается со всех сторон низкими памфлетами и совершенно сбито с толку отвратительными пасквилями, которыми министр внутренних дел наводнил все департаменты... И вот эти-то министерские прислужники стали благодаря низким ухищрениям вершителями судьбы тирана и получили возможность оправдать его.

Но если бы даже народ был просвещен и народное мнение совершенно свободно, то разве не понятно, что административные органы, почти все составленные еще из креатур бывшего монарха и уполномоченные собирать голоса первичных

собраний, захотят обнаружить лишь мнения, совпадающие с их собственными? Неужели же вы предадите в руки агентов деспотизма судьбу самого развенчанного деспота, а интересы республики поставите в зависимость от интриги, коварства и мелких страстей?

Наконец, если бы даже не надо было опасаться преступных ухищрений, которые вводят в заблуждение общественное мнение и мешают обнаружению народных желаний, то все-таки кому не ясно, что обращение к народу позволяет креатурам бывшего монарха, сторонникам королевской власти и врагам революции интриговать во всех первичных собраниях, вызывать разногласия, раздоры и беспорядки, возбуждать одних граждан против других и зажигать факел гражданской войны? Не в этом ли заключается цель обращения к народу? Я доказал, что это так.

Я знаю, что некоторые из членов, как будто соглашающихся на эту гибельную меру, решаются на нее по нерассудительности и малодушию; они боятся навлечь на себя большую ответственность, подписав смертный приговор тирану; но какое бы решение они ни приняли, их ответственность будет все та же, или, вернее, в случае вынесения смертного приговора они ее вообще не понесут, так как имеют на это специальное полномочие.

Я знаю также, что некоторые другие члены решаются на обращение к народу под влиянием своих собственных интересов и надежд; это прирожденные сторонники королевской власти.

Но не в этом заключается довод зачинщиков крамолы; по их страстному волнению при проведении этой пагубной меры, гибельные результаты которой они понимают лучше кого бы то ни было, слишком ясно, что они считают ее единственным способом спасти тирана от казни, помешать ему разоблачить их как его соучастников и таким образом скрыть свои собственные предательства под покровом вечной ночи забвения; ведь вы можете не сомневаться, что деспот замышляет заговор не в одиночку, — у него есть соучастники, которых он не преминет выдать, если он будет приговорен к смерти на эшафоте; вероятно, не надо быть слишком проникательным, чтобы уже сейчас заметить, на чьи головы падает подозрение.

Это предположение сильно подкрепляется тем, что лица, предлагающие обратиться к народу для утверждения смертного приговора над тираном, не требуют такого обращения для утверждения приговора об изгнании. Чем объясняется такая непоследовательность в отношении двух актов, исходящих от

одной и той же власти и основанных на одинаковом принципе? Она объясняется тем, что смерть тирана расстроит их заговор, а изгнание обеспечит его успех; очутившись на свободе, он сумеет встать во главе вражеских армий и избавится от своих страхов.

Итак, верно, что лица, требующие под предлогом соблюдения народного суверенитета обращения к народу с целью набросить темное покрывало на свои преступления, уничтожают по собственному произволу этот самый суверенитет, лишая вас власти, которую вам вручил народ, и отнимая у вас полномочия, которые он вам дал; если у вас нет полномочий и власти, чтобы отправить тирана на казнь, то у вас нет также власти и полномочий на искоренение тирании, на изменение формы правления, на упразднение монархии и на объявление республики.

Признав их несуразные и пагубные принципы, вы отречетесь от своего призвания, вы сами упраздните свои полномочия. И как же вы не видите, что, став на такую точку зрения, можно будет при обсуждении любого декрета немедленно требовать обращения к народу и передачи его в первичные собрания? Во что превратится тогда законодательное собрание? В нелепый орган, выражающий общую волю, которую он, однако, не сумеет заставить уважать; он должен будет ограничиться унылыми обязанностями по подготовке проектов законов для их поочередного представления на решение народа, подобно клерку податного сборщика, подготовляющему для своего хозяина план растраты народных денег. Законодательный орган будет постоянно вынужден наблюдать, как изменяются, искажаются и отвергаются его решения; если же когда-нибудь они и будут приняты, то ему поручат лишь передачу их исполнительной власти.

А к чему приведет нас это постоянное колебание, это вечное качание от избранных к избирателям и от избирателей к избранным? Какое бы более верное средство могли выдумать наши враги, чтобы навеки упрочить среди нас анархию? Однако, так как народ не имеет возможности знать государственные дела, создавать законы, устанавливать прочное правительство, принимать действительные меры для уничтожения анархии и наказания тирана, то вам поручено осуществлять его верховную власть; но среди вас есть нелепые и преступные софисты, которые взывают к народному суверенитету с целью парализовать ваши действия. Народ доверился вам для обеспечения свободы, а вы вернете ему его поручение, сохранив за

собой полномочия. Это напоминает генерала, который получил бы от кабинета полную свободу действий, но обратился бы перед тем, как дать бой, к правительству за планом сражения. Что заслужил бы он подобным поведением, кроме позорного увольнения с удостоверением в слабоумии? Вот, граждане, какая вас ждет судьба, если вы обманете надежды народа.

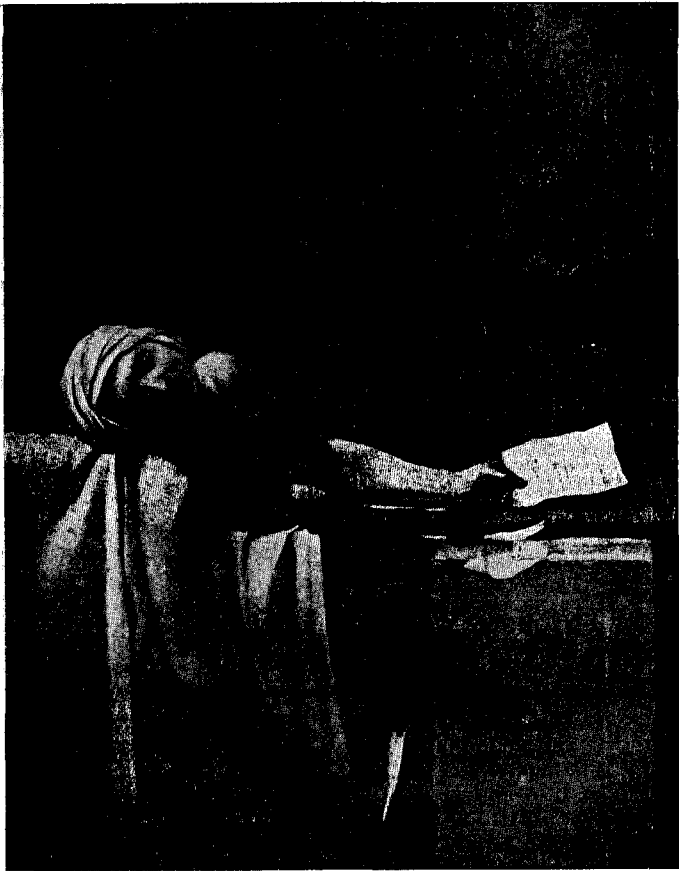
Те, которые пытались заставить вас принять постановление об обращении к народу, сами поставили себя в такое положение, что их можно принять за глупцов или за негодяев; пусть они устраиваются, как умеют,—это их дело; но что касается вас, граждане, если у вас появится хоть минутное колебание относительно необходимости отклонить такую пагубную доктрину, то вы недостойны доверия народа, недостойны засесть в народном собрании.

Ваша первая, великая и единственная забота в занимающем вас вопросе должна сводиться к преданному, мужественному и стойкому выполнению порученных вам важных обязанностей; они заключаются в освобождении народа от тирана, которое совершится лишь тогда, когда он будет обращен в прах; в лишении врагов свободы возможности объединяться, чего вы достигнете при помощи ужаса, которым это зрелище наполнит души заговорщиков; в восстановлении порядка и мира, в укреплении общественной свободы кровью деспота.

Я повторяю, что обращение к народу предназначено для оживления надежд приспешников королевской власти, для облегчения их замыслов, происков и интриг, для возбуждения внутреннего междоусобия, которое воспламенило бы факел гражданской войны и привело бы в конце концов к распаду государства.

Если вы намерены принять пагубный декрет, который сторонники преступной крамолы пытаются у вас вырвать, то я прошу сейчас принять к сведению мои возражения и призываю к истинным принципам для предупреждения беспорядков, несчастий и кровавых сцен, которые вы вызовете.

Но нет, вы спасете родину, отклонив это ужасное предложение, и вы обеспечите благо народа, сняв голову с тирана. Я требую, чтобы поименным голосованием ему было вынесено окончательное осуждение и чтобы он, наконец, искупил под мечом народной справедливости свои многочисленные, свои чудовищные злодеяния.

Смерть Марата
Фототипия с картины Давида

**Статьи из «Газеты Французской республики»
и из «Публициста Французской республики» за 1793 г.**

*Против голода и дороговизны*⁶⁰

(«Газета Французской Республики» № 133, 25 февраля 1793 г.)

Бесспорно, что капиталисты, спекулянты, монополисты, продавцы предметов роскоши, пособники крючкотворства, судейские крючки, бывшие аристократы и т. п. являются все, за небольшим исключением, приспешниками старого порядка, раскаивающимися теперь в злоупотреблениях, которыми они воспользовались для собственного обогащения за счет государственного добра. Как могут они искренно содействовать установлению царства свободы и равенства? Ввиду невозможности переделать их сердце и тщетности всех усилий, применявшихся до сих пор для того, чтобы призвать их к долгу, не надеясь, что законодатель примет серьезные меры,— чтобы их к нему принудить, я не вижу другого способа, кроме полного истребления этого проклятого отродья для обеспечения спокойствия государства, которое они не перестанут подрывать, пока сохраняют силу. Теперь они удваивают рвенье с целью пригнать народ в отчаяние чрезмерным повышением цен на съестные припасы первой необходимости и страхом голода.

Пока, устав от этих возмутительных беспорядков, народ не возьмется за очистку страны свободы от этой преступной породы, которую ее низкие депутаты поощряют к преступлению безнаказанностью, не следует удивляться тому, что, до-

веденный до отчаяния, он в каждом городе сам мстит за себя. Во всякой стране, где права народа не являются пустым высокопарным упоминанием в простой декларации, разграбление нескольких магазинов и повешение у их дверей перекупщиков должны скоро положить конец этим злоупотреблениям, повергающим в отчаяние пять миллионов человек и обрекающим тысячи людей голодной смерти. Неужели представители народа будут, всегда только болтать о его страданиях и никогда не предложат средства от них?

Оставим в стороне репрессивные мероприятия, предпринимаемые законами,—слишком очевидно, что они всегда были и будут безрезультатны; одни только революционные меры действительны. Я не знаю никакого другого выхода, соответствующего нашей слабой силе постижения, кроме решения дать теперешнему Комитету общественной безопасности, составленному целиком из добрых патриотов, полномочия для розыска главных перекупщиков и предания их как изменников родины суду государственного трибунала, составленного из пяти самых неподкупных и строгих членов.

Я знаю еще другое мероприятие, которое гораздо вернее привело бы к цели: именно — объединение наиболее зажиточных граждан с целью ввоза из-за границы съестных припасов первой необходимости, продажи их по покупной цене и снижения таким образом их цен с того уровня, до которого они поднялись, чтобы установилось правильное равновесие; но осуществление этого плана предполагает наличие доблестей, редкостных в стране, где господствуют плуты, разыгрывающие гражданскую добродетель лишь для того, чтобы лучше обманывать дураков и грабить народ. Впрочем, эти беспорядки не могут длиться долго; проявим немного терпения, и народ поймет, наконец, ту великую истину, что он должен всегда сам спасать себя. Негодяи, стремящиеся снова надеть на него цепи и желающие наказать его за то, что он избавился своим выступлением 2, 3, 4 сентября от кучки изменников, пусть они трепещут в ожидании того, что их самих причислят к его гнилым членам и признают необходимым отсечь от политического тела.

Бесчестные тартюфы, стремящиеся погубить родину под предлогом укрепления царства законности, взойдите на трибуну с этим номером газеты в руках для обвинения меня,—я готов пристыдить вас.

Голова умершего Марата
Гравюра Коппа с рисунка Давида

(«Газета Французской республики» № 137, 1 марта 1793 г.)

Мои дорогие коллеги *, не по вопросу о себе берусь я нынче за перо, а по вопросу о вашей чести, которая скомпрометирована странной дискуссией на мой счет, допущенной вами 26-го, и гнусным декретом, который вы позволили преступной фракции принять против меня.

С тех пор, как присоединение федератов к парижанам привело к торжеству патриотической партии Конвента, с тех пор, как вечные заговоры главарей преступной факции открыли глаза некоторым заблуждавшимся честным депутатам, вы составляете большинство, и от вас зависит приостановка любых губительных мероприятий, предупреждение любого несправедливого декрета. Так вот, среди вас нет ни одного, кто не был бы убежден в том, что это коноводы преступной клики использовали один отрывок из № 133 моего листка с тем, чтобы спроводировать разграбление нескольких бакалейных лавок и затем вероломно взвалить на меня вину за беспорядки, которые были подготовлены жадностью спекулянтов и тайными интригами эмиссаров преступной факции, действовавших в стачке с эмигрантами и прочими контрреволюционерами. И тем не менее, вы не только не выступили против этого вероломства и не разоблачили этого предательства, но вы допустили, чтобы несправедливый и позорный декрет изъял из компетенции обычных уголовных трибуналов и возложил на министра юстиции преследование виновников и соучастников беспорядков, имевших место 25-го, как будто эти беспорядки имеют хоть малейшую связь со мной, как будто политическая мысль, простое мнение уже сами по себе являются преступлением.

Я отлично знаю, что изданный в отношении меня декрет не имеет никакого значения, что декрет этот не может иметь никаких последствий. Я отлично знаю, что декрет этот бесчестен только тем, что его приняли под нажимом преступников, продиктовавших его, и они не преминут воспользоваться им, чтобы ввести в заблуждение наших братьев из департаментов, чтобы оклеветать меня и очернить вас, чтобы реабилитировать себя в общественном мнении, а вернее — погубить отечество.

А затем, какое же представление должны, по вашему мнению, составить себе здравомыслящие люди, прочитавшие и

* Я обращаюсь не к патриотам Горы, а к патриотам отсталой части Конвента.

мой листок и декрет, для которого он послужил предлогом, о вашей просвещенности, справедливости и энергии? Что они должны, по вашему мнению, думать о вашем рассудке, видя, как заведомо предатели верховодят вами, как легко и смешно вы даете ввести себя в обман? Что они должны, по вашему мнению, думать о вашей честности, видя вас состязающимися в бесчестности? А если бы даже с вашей стороны не было никакой несправедливости, то что они должны, по вашему мнению, думать о вашей энергии? Увы! Раз вы оказались не в состоянии противодействовать кровной обиде, нанесенной одному из ваших коллег, то какой же гражданин сможет рассчитывать на то, что вы отомстите за его обиды и заставите воздать ему должное?

Друзья мои, я на трибуне приложил все усилия к тому, чтобы напомнить вам о создании достоинства ваших функций и ваших обязанностей,—не моя вина, если вы упустили этот случай отстоять свое лицо.

Удар нанесен в связи с моим делом свободе печати, этому великому оплоту общественной свободы, и в еще большей степени праву представителей народа предлагать любые свои мнения без риска каких бы то ни было преследований за это,—ибо он вызывает самую сильную тревогу.

Какой мыслитель не будет впредь бояться того, что его поставят перед лицом трибунала за предложение новых взглядов и точек зрения, противоречащих укоренившимся предрассудкам и в особенности интересам факционеров? И, вот, таким образом, окажется, что депутаты-патриоты с широким кругозором будут вынуждены ползти по избитым тропинкам, отклонять всякие чрезвычайные меры общественного спасения, лишь бы не перечить заезженным общим местам. И после этого вы притязаете на роль спасителей отечества? Не обольщайтесь,—не про вас эта честь.

Удар, нанесенный в связи с моим делом свободе печати, вызывает, я повторяю, сильнейшую тревогу. Что касается меня, то я найду в себе силы остаться для него недосыгаемым: не со вчерашнего дня сроднился я со свободой; я всосал ее с молоком моей кормилицы, я был свободен все эти сорок лет, когда Франция была населена только рабами. Мое перо не знало и не признавало никогда никакой другой узды, кроме истины, и вопреки всем декретам мира оно не примирится ни с какой другой уздой и теперь, когда мне приходится возвращаться в свое подполье; вот почему я хочу сейчас использовать его для разговора с вами начистоту.

Вы все видите в розовом цвете, я — в черном; кто же из нас прав? Взгляните на нынешнее состояние Франции, подумайте о глубокой нищете, в которой томится народ, о чудовищном расхищении и растрачивании общественного достояния, о быстром истощении последних народных ресурсов, об угнетении друзей отечества, о наглости его врагов, о вечных махинациях изменников, занимающих все командные места и господствующих всюду, вплоть до недр национального сената, о смутах, потрясающих республику, о спекуляции, о воровстве, о разбоях и резне, о беспорядках всякого рода, опустошающих отечество, о бедствиях, угрожающих ему изнутри, об опасностях, угрожающих ему извне, — подумайте обо всем этом и тогда дайте свой ответ, если у вас хватит на это мужества.

Где было спасение от всех этих бед? В Национальном собрании, скажете вы? Но что оно дало до сих пор — ведь общественные бедствия лишь растут и умножаются?

Учредительное собрание не только не устранило их, а утроило их количество. Создав новые источники бед, доведя до пропасти государственную казну, расхитив и разбазарив национальное имущество, оно заменило узурпацию короны легальным деспотизмом и под предлогом утверждения свободы укрепило тиранию именем законов. Наконец, его работы были заклеяны, оно само покрыло себя позором, и память его служит предметом издевательства и насмешки.

Законодательное собрание, после того как оно в течение долгого времени усугубляло наши несчастья, вынуждено было уступить руль государственного корабля, объявив себя неспособным спасти его от крушения.

Сам Конвент, наконец, не сделал ничего, кроме того, что он использовал некоторые благоприятные обстоятельства, чтобы заставить свалиться голову тирана; устранив некоторые отдельные злоупотребления, он не подрезал корней тех зол, которые терзают отечество и быстро ведут его к гибели. Никогда нищета народа не была столь изнурительной, никогда настроения всякого рода не доходили до таких чудовищных размеров, никогда тирания не преследовала патриотов с таким ожесточением, с таким полным презрением всех законов; на глазах у самого законодателя, с декларацией прав в руках, защитники свободы на основании голого произвола бросаются в тюрьмы общественными должностными лицами, врагами революции. Что же мы выиграли от перемены правления, кроме пустого титула республиканцев и грустной привилегии жаловаться без надежды добиться когда-нибудь справедливости?

Среди терзающих нас бедствий на первом месте стоит нищета, которая будет только расти. Причина ее заключается в этой чудовищной массе ассигнаций, ценность которых неизменно падает с ростом их количества и их подделки, а уменьшение ценности бумажных денег влечет за собою увеличение цены съестных припасов. Последние дошли уже до совершенно непомерных размеров; скоро цена их будет такова, что они сделаются совершенно недоступными для неимущих классов. Классы эти составляют две трети нации. Приходится ждать взрыва самых ужасных беспорядков, а может быть, и крушения всего правления, ибо изголодавшийся народ не признает никаких законов. Первейшим законом является добывание средств существования. Вот уже три года, как я предсказываю эти беспорядки, и чего только я ни делал, чтобы противодействовать системе ассигнатов, особенно мелкого достоинства! Устранить и предотвратить угрожающие нам бедственные последствия этой системы удастся отнюдь не какими-нибудь мелкими и частичными мерами, а серьезным, большим мероприятием; единственно действительное мероприятие, которое я предлагал в свое время, заключается в уничтожении государственного долга путем немедленной выплаты кредиторам государства всей суммы имеющихся в руках каждого из них обязательств национальными бонами или облигациями, которые должны приниматься в оплату национальных имуществ. Вот что следовало бы сделать, вместо того чтобы пускать в эмиссию чудовищное количество бумажных денег, имеющих принудительное обращение, результатом чего является и это, еще самое малое зло,— полное расстройство кредита, к которому приводит отсутствие доверия к бумажным деньгам, неразрывно связанное с ростом их количества. Это мероприятие дало бы сразу шесть благих последствий. Этим сразу была бы уменьшена масса налогов на всю сумму государственного долга, а значит, в соответствующей степени было бы оказано облегчение народу. Этим удалось бы избежать скупки звонкой монеты и спекуляции ею, роста цен на съестные припасы, а, значит, в соответствующей степени облегчить положение народа. Это позволило бы избежать огромных расходов на фабрикацию ассигнатов и операции с ними, а значит, в соответствующей степени облегчить положение народа. Это помешало бы всем хищениям королевских агентов, спекуляции торговцев денежными бумагами государства, а значит, в соответствующей степени облегчило бы положение народа. Это позволило бы предотвратить подделку ассигнатов внутри и вне нашей страны, подделку, при помощи которой

заграница к полному нашему ущербу забирает у нас продукты нашей почвы и наших мануфактур, что душит нашу торговлю, нашу промышленность и наш народ. Этим, наконец, удалось бы ускорить продажу национальных имуществ, привязать новых собственников к отечеству и укрепить революцию. Мой план частично мог бы быть выполнен еще и теперь, благие результаты чего были бы неисчислимы. Я бы предложил его и с трибуны Конвента, если бы я не был уверен, что его отвергнут враги народа и мошенники, заинтересованные в сохранении злоупотреблений. В заключение я призываю друзей общественного блага примкнуть ко мне и заставить принять этот план, если они это могут.

Вторичное обращение к патриотам Конвента 61
(«Газета Французской республики» № 138, 2 марта 1793 г.)

Мои дорогие коллеги, я продолжаю нить моей беседы с вами. Я показал вам, что первой причиной, больше всего противодействующей установлению порядка среди нас, является крайняя нужда народная, нужда, непрерывно растущая, угрожающая государству ужасной анархией, способная привести к полному разрушению государства, если против нее не будут приняты меры без малейшего промедления.

Я показал вам, что причина пугающего роста народной нищеты заключается в чудовищной эмиссии ассигнатов, бумажных денег, имеющих принудительное обращение; я наметил операции, способные предотвратить эту эмиссию или обезвредить ее.

Недостаточно, однако, помешать росту нищеты,—следует начать борьбу с самым ее существованием. Это было бы лучшим средством укрепить революцию, к которой привела нищета; ведь расстройство наших финансов было источником революции. Что сделало Учредительное собрание? Под предлогом оплаты долгов государства оно от имени нации захватило церковные имущества, чтобы набить глотки придворным кровопийцам и покрыть хищения правительства, урвав, разумеется, предварительно и для себя соответствующую толику за обслуживание с бесстыдством проститутки интересов деспота. Кредиторы государства, т. е. носители ложных титулов, взяточники, вымогатели, лихоимцы, финансисты, капиталисты,—словом, как раз те люди, которые великолепно могли бы обойтись без церковных имуществ, больше всего приложили к ним руки. А вот честные, добросовестные поставщики, бедные отцы семейства, рабочие, т. е. те, которые для своего существования

не имели ничего, кроме государственных бумаг, были спроважены за дверь. Это подорвало положение множества честных граждан, которые ныне доведены до нужды, до полного нищества. Это удвоило количество неимущих.

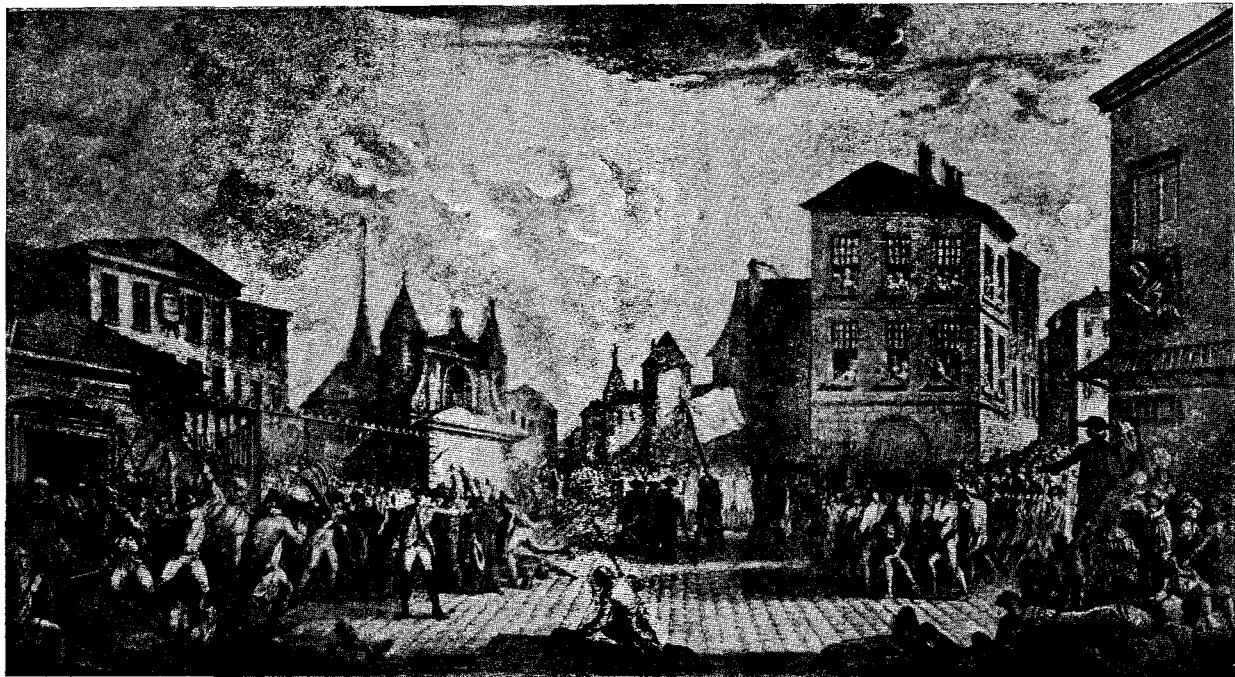
Церковные имущества были достоянием бедных; лишая их этого источника, Учредительное собрание обрекало их, значит, на голодную смерть.

Что следовало сделать для оправдания этой узурпации с церковными имуществами, которыми Учредительное собрание овладело от имени государя? Их следовало бы поделить на три равные части, из которых одна должна была бы стать источником оплаты служителей религии, другая пойти на оплату законных долгов и расходов правительства, а третья достаться на долю несостоятельных,— как я не переставал твердить в свое время. Ведь поделив маленькими участками треть церковных земель среди бедных, удалось бы одновременно выполнить в отношении их совершенно непререкаемое обязательство, продиктованное справедливостью, и превратить их в полезных граждан, крепко привязанных к революции, заинтересованных в ее поддержке. Государство вдвойне выиграло бы от этого.

За это время церковные имущества уплыли, частью в процессе скандальных хищений, частью на расходы, которых можно было раньше мудро избежать, но которые теперь в результате безумия правительства стали совершенно необходимыми.

Однако, обязательства государства в отношении бедных, у которых отнято их состояние, не становятся от этого менее священными. Вместо того чтобы давать им время от времени небольшое вспомоществование, которое только приучает их к праздности, необходимо наделить их имуществом, которое служило бы им постоянным источником существования и побуждало бы их к труду. Такие участки можно было бы отлично найти в некоторых общинах, на незанятых и пустопорожних землях, которые можно было бы распределить небольшими клочками, наделив их будущих владельцев земледельческими орудиями, посевным материалом и прожиточными средствами на шесть месяцев. Мера эта тем более неотложна, что абсолютно необходимо возратить сельскому хозяйству руки, отнятые у него войной.

Вторая причина общего беспорядка, мешающая установлению порядка среди нас, заключается в жалостливости и миндальничаньи, всегда проявляемых народом в отношении внутренних врагов свободы; это — неизбежное последствие его невежества и коварства его врагов, ибо ему многого недоставало, чтобы

Убийство в Монтобани в мае 1790 г.
Гравюра Симона с рисунка Эстимаса

быть зрелым для свободы, когда он выходил из состояния рабства, ибо он сохранял еще все пороки рабов.

Если бы он был зрелым для свободы, то он вместо того чтобы похвалиться своим триумфом после взятия Бастилии, слушать развесив уши болтовню своих усыпителей и вслед за мошенниками, льстившими ему, чтобы вернее прибрать его к рукам, твердить «я свободен», почувствовал бы, что для полного своего торжества он должен без всякой пощады смести всех приспешников старого режима, ибо никогда еще народ не добывался свободы без того, чтобы напор друзей свободы начисто не раздавил противодействия ее врагов. Это доказывается примером голландцев, швейцарцев, англичан и американцев: в гражданских войнах, которые они вели с приверженцами деспотизма, кровь никогда не щадилась: больше двенадцати сотен тысяч принесено было в жертву в этих войнах. Мы глупо щадим предателей, а они никогда ни на миг не переставали интриговать против нас, подвергать свободу опасности и приводить государство на край пропасти.

Почти целиком состоявшее из врагов революции, Учредительное собрание никогда и не помышляло обрушиться против врагов отечества, разыскать их и освободить от них государство. Долгое время оно тайно покровительствовало их маневрам и кончило тем, что стало защищать их открыто.

Законодательное собрание, почти целиком состоявшее из второстепенных сообщников деспотизма, начало с того, что протитуировало себя по отношению к монарху, которому оно неизменно служило своими губительными проектами. Как и Учредительное собрание, оно брало под свою защиту внешних и внутренних авантюристов, или, вернее, вступало с ними в стачку. Оно покровительствовало всем их заговорам, и можно было бы считать дело отечества навсегда погибшим, если бы 10 августа судьба не позаботилась разрушить их черные замыслы.

Сам Национальный конвент ничего не сделал для того, чтобы освободить государство от изменников и подавить врагов революции; при нынешнем его составе, при манерах и приемах, усвоенных имеющимися в нем партиями, просто даже немислимо, чтобы он когда-нибудь принял в этом отношении какие либо серьезные меры.

Партия государственных людей, почти целиком состоящая из разложившихся членов двух первых законодательных собраний, не только является репительной защитницей контрреволюции, но и сама находится в состоянии открытой контрреволю-

ции. Чего только она ни делала в течение нескольких месяцев для спасения тирана, восстановления монархии и разжигания гражданской войны*!

Партия эта, хотя она и менее многочисленна теперь, является наиболее сильной, или, вернее, хозяином положения. В результате своего влияния в Учредительном и законодательном собраниях, своей привычки к государственным делам и своего количественного преобладания вначале эта партия овладела всеми комиссиями, а значит, и всей законодательной работой. Стакнувшись с министерством, с общественными должностными лицами, с генералами, она оказалась хозяином всех постов в государственном казначействе и в армии, а значит, хозяином всех государственных тайн, всей государственной казны и мощи. Для того чтобы завладеть верховной властью, ей нехватает лишь таланта и смелости.

Патриотическая партия, сильная правотой своего дела и поддержкой общественного мнения, могла бы, наконец, одержать верх, если бы она захотела последовать примеру своих противников, объединиться и согласовать свою тактику. Однако, она разделена на две секции, принципиально расходящиеся между собой; одна из них полна энергии, другая тянет в сторону умеренности, первой из них является Гора, вторую образуете вы. Как и вы, я всей душой принимаю заповеди гуманности, сострадания, мягкого человеколюбия, и я охотно внимаю им, когда дело идет о наказании просто нарушителей долга; однако какой же здравомыслящий человек может применять их в отношении врагов общества, изменников и заговорщиков, решившихся скорее погибнуть, чем подчиниться новому порядку вещей, и вот уже четыре года ожесточенно добывающихся нашей гибели?

Всякая снисходительность в отношении этих преступников становится варварством по отношению к народу. Необходимо, чтобы мы их раздавили, или они раздавят нас; куда же ведет ваша система умеренности, как не к гибели отечества? И как вы не чувствуете, что со времени казни тирана для вас нет больше спасения, кроме победы!

Выйдите же из вашей апатии, присоединитесь со всей пламенностью к Горе, боритесь вместе с нею против преступной реакции, или вам придется расплатиться собственной гибелью за всю вашу трусливую осторожность.

* Те, которые голосовали за обращение к народу и тюремное заключение для низложенного монарха, хотели реставрировать монархию. Какие же это республиканцы? Это изменники, которые при-

Примирение с Жирондой невозможно! ⁶³

(«Публицист Французской республики» № 147, 19 марта 1793 г.)

Сейчас все говорят о примирении обеих партий, на которые делится Национальный конвент, как об единственном средстве спасения родины. Бесспорно, что пока он раздирается духом розни, он не в состоянии не только спасти государство, но и сделать что-нибудь для общего блага, притом по двум основным причинам.

Первая из них заключается в том, что, не соединившись, его члены не имеют возможности создать разумные законы и принять обдуманнные и действительно благотворные меры. Вторая причина сводится к тому, что вследствие весьма скандальных сцен, происходящих в недрах Конвента, он утрачивает доверие народа, без которого законодатель не может внушать должного уважения к законам.

Я не стану рассматривать вопроса о том, приведет ли нас это желание примирения прямо к цели, так как позволено сомневаться, могут ли люди, не умевшие установить порядок в собственных собраниях, ввести его в обширном государстве.

Но является ли желание примирения добросовестным и может ли патриотическая партия пойти на него вслепую, если принять во внимание, что оно предложено враждебной партией в момент, когда она навлекла на себя проклятия общества в большинстве департаментов и вскоре навлечет их на себя во всех остальных, которые будут осведомлены национальными комиссарами; если принять во внимание, что оно предложено в такой момент, когда неверный главнокомандующий сорвал с себя маску и захватил верховную власть в Бельгии и Голландии; в такой момент, когда стало очевидно, что некоторые члены замешаны в происках Дюмурье, и когда можно думать, что им позволят набросить покров на прошлое, чтобы путем этого предполагаемого примирения привести к амнистии? Во всяком случае можно усомниться в искренности такого примирения; между тем, если оно не будет чистосердечным и добросовестным, оно приведет лишь к устранению других способов общественного спасения и послужит к продлению наших бедствий.

Что касается меня, то я не столько надеюсь на эту искренность, сколько желаю ее. Как бы то ни было, так как я отнюдь не намерен препятствовать примирению, а сейчас все считают

тязают на роль представителей нации и которым народ имеет глушость доверять заботу о своей защите.

своей обязанностью выяснить свои ошибки, то я спешу рассеять тучи, нависшие, повидимому, надо мной. Я не могу скрыть от себя, что государственные люди считают меня как бы камнем преткновения, основываясь на тоне моих статей, появившихся с начала революции. Поэтому я буду себя судить со всей строгостью, изображая себя, однако, таким, каков я есть.

Они постоянно изображают меня анархистом, который повергает во прах все законы и которому нравится только беспорядок.

Я приближаюсь к пятидесятилетнему возрасту, и уже с шестнадцати лет я сам безраздельно руковожу своим поведением. Я прожил два года в Бордо, десять лет в Лондоне, один год в Дублине и Эдинбурге, один — в Гааге, Утрехте и Амстердаме и девятнадцать лет в Париже, и я объездил пол-Европы; пусть перелистают палицейские реестры этих разнообразных стран, и я ручаюсь, что мое имя ни разу не будет в них обнаружено в связи с каким-нибудь нарушением законов; пусть соберут всякие сведения, и я ручаюсь, что ни один человек под небом не сумеет упрекнуть меня хотя бы в одном бесчестном поступке; но может ли человек, умевший уважать во всех странах установленный порядок, быть анархистом?

Они изображают меня, кроме того, честолюбцем, стремящимся к власти. Но честолюбец неизбежно бывает интриганом. Если же отбросить первые годы моего детства и время, затраченное на путешествия, на медицинскую практику и на выполнение обязанностей законодателя, то окажется, что я провел всю свою жизнь в кабинете за изучением природы и за размышлениями. За последние четыре года изменился лишь предмет моих мыслей; все мое время было поглощено политической, защитой угнетенных, раскрытием заговоров против отечества, преследованием зачинщиков всяких козней; мои бумаги были два раза захвачены, моя переписка всегда была под надзором моих врагов, и я ручаюсь, что в ней никогда не было обнаружено ни одного слова, свидетельствующего об интриге; меня никогда не видали за столом у министров, в кружках, в тайных комитетах, и не подлежит сомнению, что мое имя никогда не было скомпрометировано участием в интригах, которые велись с начала революции.

Если замкнутая и уединенная жизнь, которую я всегда вел, недостаточно доказывает всю нелепость предъявляемых мне обвинений, то я мог бы привести свидетельства всех тех, кто знал меня в частной жизни, что я придерживаюсь

M É M O I R E

S U R

L'ÉLECTRICITÉ MÉDICALE.

P R O G R A M M E.

Jusqu'à quel point, & à quelles conditions peut-on compter dans le traitement des maladies, sur le Magnétisme & l'Électricité, tant négative que positive ?

LA santé est le premier des biens, le seul sans lequel on ne peut jouir d'aucun autre. Rarement en connoit-on le prix, qu'après l'avoir perdu. En jouit-on ? toujours on fait peu pour le conserver ; souvent beaucoup pour le perdre.

Malgré cette insouciance générale, heureusement il se trouve encore des hommes qui veillent

A

Заставка с текстом из книги Марата «Записка об электричестве»

Из современного Марату издания

строгих нравов, что я менее всего забочусь о благосостоянии, о почестях и высоком положении, что я умею довольствоваться рисовой похлебкой, несколькими чашками кофе, моим пером и физическими приборами. Все это не свидетельствует о честолюбии.

Они изображают меня людоедом и кровопийцей. Те, кто видал меня вблизи, и еще больше, те, кто жил в тесной близости со мной, знают, что я не могу видеть страдания несчастных, что я всегда делю свой хлеб с неимущими и что я не оставляю себе ничего, когда у кого-нибудь из подобных мне не хватает необходимого.

Они изображают меня непоследовательным существом с восторженной головой. Я опубликовал до сего дня двадцать томов как по физиологии и медицине, так и по физике и политике; читайте же и судите сами.

Всего этого, конечно, достаточно для опровержения непрекращающихся нелепых обвинений, но этого мало для объяснения всех моих поступков, часть которых, как я соглашаюсь, может казаться тем, кто не знает их причины, уклонением от должного поведения; поэтому я хочу объясниться и обнажить всю свою душу.

У меня есть две господствующие страсти, с детства подчинявшие себе все мои способности,— любовь к справедливости и любовь к славе. Я привык к размышлениям; у меня характер пламенный, стремительный и упорный; наконец, моя откровенность подчас доходит до жестокости; моя душа чиста, и я вовсе не желаю проявлять ложную скромность, но я, может быть, имею несчастье придавать слишком большое значение добру, которое я делаю, которое я хотел бы сделать. В этом заключается ключ к пониманию всего моего поведения; дальше будет видно, каким естественным путем объясняются самые различные мои поступки.

Мое рвение и усердие к науке всегда увенчивались довольно блестящими успехами. Этого было достаточно для возбуждения зависти. Я знаю, что ее можно ловко обезоружить, подчеркивая свою ложную скромность и льстя завистникам. Но притворство и хитрость противны моему характеру, я пренебрегал этими постыдными средствами и, не интересуясь последствиями, энергично выступал против шарлатанов, которые пользовались своей незаконно приобретенной, эфемерной репутацией, чтобы ставить мне бесчисленные препяды и мешать моему продвижению; это их еще больше раздражало и увеличило количество моих многочисленных врагов.

Измученный к моменту революции преследованиями, которым меня так долго подвергала Академия наук, я с радостью воспользовался представившимся мне случаем, чтобы отбросить своих угнетателей и занять должное место.

Я вступил в революцию со сложившимися взглядами и настолько хорошо знал принципы высокой политики, что они стали для меня общими местами. Будучи лучшего мнения о мнимых патриотах из Учредительного собрания, чем они того заслуживали, я был поражен их теоретическими построениями и еще более возмущен их ничтожеством и недостатком добродетели. Считая, что им нехватает знаний, я вступил в переписку с самыми знаменитыми из них, именно — с Шапелье, Мирабо и Барнавом. Их упорное молчание в ответ на все мои письма вскоре доказало мне, что хотя им нехватает знаний, они не заботятся о своем просвещении.

Я решил опубликовать свои идеи при помощи печати и основал «Друг народа»; я начал с тона строгого, но вежливого, с тона человека, желающего сказать правду, не нарушая общественных приличий. Этот тон я поддерживал в течение целых двух месяцев. Раздосадованный тем, что он не дал того результата, на который я рассчитывал, и возмущенный усилением дерзости неверных уполномоченных народа и вероломных представителей власти, я понял, что надо отказаться от умеренности и заменить иронию и простую критику сатирой; острота ее возрастала по мере увеличения числа вероломных лиц, усугубления несправедливости, положенной в основу их проектов, и усиления общественных бедствий.

Убежденный в развращенности приспешников старого порядка и врагов свободы, я понял, что от них нельзя ничего добиться иначе, как силой; возмущенный их преступлениями, их постоянно возобновлявшимися заговорами, я признал, что этому можно положить конец, лишь истребив преступных зачинщиков; негодуя на то, что представители народа находятся среди его самых смертельных врагов и что законы служат лишь для устрашения невинных, которых они должны были защищать, я напомнил народу, обладающему верховной властью, что так как ему больше нечего ждать от своих представителей, то он должен сам отомстить за себя, что он несколько раз и сделал.

При каких же обстоятельствах говорил я об этой жестокой мере? Во времена, когда я видел отечество увлеченным в пропасть, в минуты негодования и безнадежности, когда тирания, направленная против лучших граждан, представля-

лась мне во всем своем ужасе. По мере того как беспорядки устранялись или казалось, что принимаются меры для их устранения, мое менее взволнованное сердце внушало моему перу менее жестокий тон, но видя вскоре новое покушение, я снова возвращался к прежним мыслям. Я привык писать исходя из своих взглядов. Я привык писать на основании того, что я чувствую, между тем без принятия этой единственной меры, способной, по моему мнению, положить предел нашим бедствиям, мы снова увидим зрелище новых произвольных действий.

В этом заключается ключ к пониманию моего поведения.

Из истории разных народов мира, на основании знаний, даваемых разумом, и принципов здоровой политики мне ясно, что единственный способ упрочения революции заключается в том, чтобы партия свободы раздавила партию своих врагов.

Следуя этому убеждению, я предложил энергичные действия, которые приспешники деспотизма назвали кровожадными. Мне пришлось бы лучше по вкусу более мягкие меры, если бы они были действительны; поэтому я иногда прислушивался к предложениям законных мер для наказания лиц, нарушающих свой долг, угнетателей и интриганов, но вскоре, убедившись с негодованием в том, что эти мероприятия смехотворны, что они дают лишь новое оружие нашим врагам, я вернулся к своим первоначальным взглядам; поэтому не я непоследователен, а законодатели и должностные лица, обманувшие народ своими лживыми обещаниями, своими смехотворными мероприятиями, своим нарушением долга и своими преступлениями. Моя видимая непоследовательность является только следствием постоянных обманов врагов отечества.

Господа государственные деятели, я убежден, что вы не переменили свою душу сразу, как только прибыл курьер, привезший сообщение о том, что Дюмурье изменил долгу, в чем оказались скомпрометированы некоторые ваши вожаки.

Тем не менее вы говорите об объединении; я уже сказал вам, что единственное действительное объединение заключается в голосовании вместе с патриотами Горы для спасения государства и что они согласятся лишь на это. Что касается меня, то со мной надо вести переговоры добросовестно, так как я ненавижу лукавство; хитрости ни к чему не приведут, потому что я слишком хорошо знаю свет, чтобы меня можно было бы ими обмануть; они обернутся лишь против своих творцов. Одна единственная черточка, доказывающая неискренность убеждений, уничтожает их в моих глазах. Поэтому после ужасной

сцены, происшедшей в заседании 16-го числа по поводу мученика свободы, несчастного Дюкруа, когда государственные люди в течение пяти часов прилагали усилия, чтобы удержать его в темнице, я счел предложения о мире, сделанные их вожаками при получении известия о преступлении Дюмурье, лишь обманом, предназначенным для выигрыша времени, для задержки комиссаров, отправляемых в Бельгию, чтобы послать пока эmissаров, которые извлекли бы из рук главнокомандующего преступную переписку, компрометирующую нескольких вожаков этой партии. Мне даже показалось на заседании, происходившем в пятницу утром в Комитете общей обороны, что Гюаде так сильно угодничал перед Дантоном только для того, чтобы привлечь его к себе и добиться таким путем осуществления желаний гнусной клики.

Из этого вытекает, что нельзя рассчитывать на присоединение государственных людей к патриотам Горы; общественному благу будет угрожать опасность до тех пор, пока приспешники королевской власти, голосовавшие против казни тирана, не будут удалены из недр Конвента.

Profession de foi

(«Публицист Французской республики» № 156, 30 марта 1793 г.)

С конца ноября 1788 года, когда я посвятил свое перо делу защиты свободы, я так ясно развивал свои принципы, поведение мое было так неизменно и я высказывался в течение всей революции так решительно, так громогласно, что я не мог ожидать, что мне предложат сегодня снова изложить свое политическое исповедание веры. Однако это должно быть сделано, чтобы рассеять слухи, которые клевета не перестает распространять о моих действиях и намерениях.

В разгар революции, совершенной против угнетателей и вампиров народа, против привилегированных сословий и приспешников старого порядка, в разгар революции, задевшей столько страстей и различных интересов, я понял, что самой неотложной обязанностью доброго гражданина является надзор за государственными чиновниками, столь склонными злоупотреблять своими обязанностями, за носителями власти, готовыми на заключение союза с деспотом; в эту обязанность входит наблюдение за намерениями кабинета, разоблачение его козней, расстройство его заговоров и срывание маски с вероломных. Эту важную задачу я выполнял с испытанными рвением и энергией. Можно себе представить, сколько я создал себе врагов, и всем ясно, сколько они приложили усилий для

AVERTISSEMENT DE L'AUTEUR.

L'Académie des Sciences, Belles-Lettres & Arts de Rouen, dans la séance publique du 6 Août 1783, décerna le Prix ordinaire des Sciences à l'Auteur du Mémoire portant pour épigraphe :

- » *Est modus in rebus sunt certi denique fines,*
- » *Quos altrà citràque nequît consistere rectum.*

Заставка-с текстом из книги Марата «Записка об электричестве»

Из современного Марату издания

поношения меня, чтобы лишить меня доверия народа, обречь на бессилие в деле предупреждения угрожающей ему опасности и указания ему способов, как от нее спастись.

Против меня написаны бесчисленные пасквилы, наводнившие Францию. Поскольку клевета создавалась продажными перьями, я противопоставлял ей презрение. Теперь же она исходит из источника, хотя и более скрытого и менее грязного по виду, однако еще более отравленного. Орудием ее служат даже представители народа; уже шесть месяцев в собрании народных представителей гремят только их вероломные доносы; но самые опасные удары они наносят мне в своей тайной переписке.

В публичных объяснениях, имевших место между представителями обеих партий, на которые разделяется Конвент, государственные люди,—им было предложено высказаться обо мне,—были принуждены ограничиться одной жалобой; никто не посмел нападать на мои права, действия, мое поведение в частной жизни, но все обвиняли меня в чрезмерной пылкости взглядов, в ожесточенности речей и писаний; сам Бюзо ограничился тем, что изобразил меня как человека, который может быть опасен своей популярностью, своими знаниями, смелостью и горячностью своих речей.

Не буду повторять здесь ответов, которые я столько раз давал на их публичные выступления; но я не могу не отвергнуть тайных обвинений, которые они распространяют в департаментах.

Они обвиняют меня в том, что я непрерывно проповедую убийство и резню.

Я сто раз доказывал Национальному собранию, что ему никогда не удастся упрочить свободу, если оно предварительно не истребит контрреволюционных вожаков; я показал, что бесполезно, пощадив сначала несколько сот преступных голов народ будет вынужден затем рубить их тысячами. Злосчастные сентябрьские события и то, что произошло теперь в департаментах Вандеи, Нижней Сены и обоих Севров, служат жестоким доказательством этой истины; в несчастью, эти происшествия — не единственные в таком роде, и мудрость моих советов будет понята слишком поздно; лишь тогда, когда будет истреблено пятьсот тысяч патриотов, все поймут, наконец, что только предложенный мною способ мог спасти родину.

Они обвиняют меня в том, что я проповедую аграрный закон. Это беспримерная клевета: я не только никогда не проповедывал эту гибельную доктрину, которую считаю раз-

рушительной для всякого гражданского общества, но я сотни раз жаловался на то, что утрированные принципы строгого равенства, которые совершенно не к лицу развращенному народу, скоро приведут незаметным для нас образом к такой роковой развязке.

Они обвиняют меня в честолюбивых намерениях, в стремлении к диктаторству. На это смехотворное обвинение я могу ответить лишь двумя словами: не для того я провел продолжительное время в подполье с целью более верного одоления деспотизма, подвергал себя в течение четырехлетних нападков на тиранию всем опасностям, всем страданиям, всем мыслимым бедствиям, приносил себя в жертву всем ударам, с целью обеспечить народу свободу и сразить его угнетателей,—не для того я делал это, чтобы навлечь на себя позор и считаться только лицемером и предателем, претендующим на власть и звания, которые я презираю. Я никогда не сделал ни одного шага для того, чтобы занять место депутата Конвента; я согласился на это в надежде, что смогу послужить в нем на пользу родине. Ничтожная польза, принесенная там мною, ничтожная польза, которую, как я предвижу, возможно еще принести там, ничтожная польза, принесенная самим Конвентом, давно уже рассеяла мои надежды. Я подал бы уже в отставку, если бы меня не удерживало ожидание неизбежных событий, которые потребуют принятия серьезных мер для общественного блага и надобность в которых придаст, вероятно, вес моим требованиям.

Пока же подтверждаю своей честью, что во всю жизнь не приму никакой доходной должности, никакого министерского поста, никакого места государственного чиновника. Я жажду лишь того момента, когда народ будет свободен и счастлив. Я жажду лишь того момента, когда я смогу вернуться в свой кабинет и посвятить остаток своих дней науке и размышлениям. Я сам призываю на свою голову презрение и смерть, если я когда-либо буду пытаться возвыситься над своими согражданами.

Но, увы! те, которые обвиняют меня в честолюбивых намерениях, понимают лучше кого бы то ни было другого всю бессмыслицу своих обвинений; они желают подвергнуть меня изгнанию лишь для того, чтобы лишить меня возможности разоблачать их и пресекать их преступные замыслы,—вот тайные мотивы их непрестанной клеветы. Преисполняя меня каждый день горечью, они бы уже давно вынудили меня к удалению, если бы я был столь же труслив, как они лицемерны.

(«Публицист Французской республики» № 170, 17 апреля 1793 г.)

Декретировать, что я буду арестован,—это значит ничего не сделать для клики государственных людей; все скоро стали бы относиться к этому декрету как к произвольному действию деспотизма, и он бы только возмутил умы; поэтому для того, чтобы прикрасить его, потребовался обвинительный декрет, мотивированный в предварительном докладе; это единственный способ ввести в заблуждение народ, выдать меня за клеветника, преследуя меня как преступника, и снять с самих себя позор, которым я покрыл их, принудив их признать себя соучастниками Дюмурье, сторонниками Орлеанского, приспешниками роялизма. Я предал их анафеме; они погибли бы, если бы не погубили меня в свою очередь, и они понимали, что у них не оставалось времени для размышлений; итак, обвинительный доклад был внесен по открытии заседания следующего дня. Он содержит три основных обвинительных пункта.

Первый сводится к тому, что я подписал в качестве председателя якобинского общества патристический адрес, который клика государственных людей, желающая спокойно совершить свои измены, называет зажигательным. Возмущенные подобным обвинением, около двухсот членов Горы отправились в бюро и вместо всякого ответа подписали адрес. Этот искренний и наивный поступок привел клику в замешательство. Все добрые граждане республики, друзья свободы, защитники родины, не могут не одобрить этот адрес. Я ограничусь указанием, что вменить мне его в вину — значит объявить себя дурным гражданином, врагом свободы и предателем родины.

Второй пункт обвинения сводится к тому, что в газете от 25 февраля, подписанной мною, я советовал грабеж и убийство. Я отрицаю это ложное обвинение; достаточно прочесть эту газету, чтобы увидеть, что, возмущенный интригами, к которым прибегли враги родины с целью довести народ до отчаяния, сокрушаясь зрелищем перекушчиков, стремящихся снова надеть на него цепи при помощи чрезвычайного повышения цен на съестные припасы, нищеты, голода, и возмущенный постоянной болтовней представителей народа, никогда не принимающих никаких действительных мер для прекращения этих беспорядков, я указал им, что мера, наиболее способная пресечь их, диктуется простым здравым смыслом, что во всякой стране, в которой свобода не призрачна, разгром нескольких магазинов и повешение у их дверей перекушников.

быстро пресекли бы этот разбой; больше того — я объявил им, что подобные мероприятия у нас неприменимы, и я указал им ту меру, которую наша глупость и низость позволяют нам применить. Это значит не рекомендовать убийство и грабеж, а обсудить средства прекращения самого ужасного беспорядка, доводящего народ до рабства страхом голодной смерти. Способы эти предлагались только законодателю; между тем я имел право предлагать их не только ему, — я имел право предложить их с трибуны как член законодательного собрания; я имел право предложить их как политический писатель и простой гражданин. Следовательно, нелепо ставить мне это в вину и глупо со стороны клики государственных людей делать из этого пункта обвинения; ничто не доказывает так ее глубокой низости, как то, что она воспользовалась моментом опубликования этого номера газеты для разгрома посланными эмиссарами нескольких лавок бедных бакалейных торговцев, чтобы затем обвинить меня в этих беспорядках. Ничто не показывает так ее тупого ожесточения, как то, что она набросилась на одного меня, между тем как среди негодяев, подстрекавших народ к грабежу этих лавок, имелись бывшие придворные дамы, бывшие аристократы, слуги эмигрантов, которые были задержаны, затем втихомолку освобождены и о которых клика, покровительствующая беспорядкам, убийцам и прабителям, тщательно умолчала.

Установлено, что этот пункт обвинения, выдвинутый против меня кликой государственных людей, ограничивается предложенным мною средством, которые я считал вполне пригодным для прекращения губительного разбоя перекупщиков. Конечно, оно не понравилось ей, потому что оно должно было пресечь источник беспорядков, но она не могла ставить его мне в вину, как бы ошибочно оно ни было; добросовестно предложив его в качестве депутата, я не могу быть ответственным за него ни перед какой земной властью.

Третий обвинительный пункт сводится к тому, *что я сказал, что нужно снести двести тысяч голов.* Я имел в виду не это. Вот факты.

Наблюдая ход событий в начале революции, пораженный бесплодием мер, принятых для пресечения козней врагов родины, и приведенный в отчаяние потоками крови, проливаемой патриотами, я сказал, что от пятисот до шестисот голов, во-время снесенных, положили бы конец всем заговорам и укрепили бы свободу. Возмущенный зрелищем смут, беспорядков, несчастий, бедствий, без конца усиливавшихся в течение ряда

M É M O I R E.

P R O G R A M M E.

« Les couleurs que présentent les lames de verre,
» les bulles de savon, & autres matières dia-
» phanes extrêmement minces, supposent la
» doctrine de la différente réfrangibilité, &
» celle des accès de facile réflexion & de fa-
» cile transmission. La première de ces doc-
» trines ayant été remise en question, & la
» dernière ne satisfaisant point l'esprit,
» l'Académie propose pour sujet du Prix
» de Physique, DE DÉTERMINER LES
» VRAIES CAUSES DE CES COU-
» LEURS. Mais elle prévient les Auteurs,
» qu'elle rejettera également toute hypothèse,
» & qu'elle n'admettra en preuve de leurs as-
» sertions que des faits simples & constans. »

CE Programme est du nombre de ceux qu'il
intéressent infiniment par les matières dont ils

Страница из книги Марата «Академические записки»

Из современного Марату издания

лет вследствие вечных козней приспешников старого порядка, лиц, пользующихся покровительством двора, врагов родины, предателей и заговорщиков, я сказал, что свобода никогда не восторжествует, пока не будут снесены преступные головы двухсот тысяч негодяев. Я отлично понимаю, что это не могло успокоить врагов общественного дела, но это было простое предсказание политического деятеля, умеющего читать в будущем; кто же во всем свете имеет право поставить мне это в вину? Следовательно, мои враги по глупости сделали из этого пункт обвинения, желая предать меня суду революционного трибунала.

Вот мои ответы на главные пункты обвинения; они столь же просты, как и неопровержимы. Патриоты из Конвента уже сами дали ответ, выразив свое возмущение докладом комитета; они требовали предварительного обсуждения обвинительного декрета, которым он заканчивается, но клика негодяев получила за отсутствием комиссаров-патриотов преобладание по своей численности. Что же сделали патриоты? Они потребовали поименного мотивированного голосования, и, несмотря на возражения, оно было проведено. Заседание длилось с трех часов вечера до восьми часов утра, т. е. непрерывно шестнадцать часов, в течение которых депутаты, как и публика, не сходили с мест. На этом торжественном заседании, еще более почетном для депутатов-патриотов ввиду энергии, проявленной ими для защиты принципов и истины, чем лестном для Друга Народа ввиду славных свидетельств честности и гражданских добродетелей, полученных им от его дорогих коллег,— все, что негодование может внушить горячим защитникам родины, было высказано государственным людям под шум аплодисментов многочисленной публики; все их замыслы, вся их гнусность и низость были обнаружены, их выходы против Друга Народа сопровождались длительным шиканьем. Наиболее умеренные из них воздержались от голосования, но все были покрыты позором. Наконец двумястами десятью голосов, несмотря на возражения ста тридцати патриотов, отвергавших обвинительный декрет, он был принят.

Таким образом, против меня в третий раз издается врагами родины, преобладающими в наших национальных собраниях, обвинительный декрет,— опять по тем же причинам и с тем же ожесточением.

В Учредительном собрании он был издан кликой Казалеса, Мори, Вирье, Рабо, Монлозье, Малуэ и прочими, за то, что я предсказал истребление национальной гвардии, влекомой на

бойню; предсказал наши постыдные поражения у Монса, Куртре, Турне и все бедственные события первой кампании; под тем предлогом, что я клеветал на наших генералов и уничтожал доверие к нашим армиям, что весьма не нравилось плутам, вызвавшим объявление войны.

В Конвенте такой декрет был издан против меня роялистской кликой государственных людей*, возглавляемых Гюаде, Верньо, Бюзю, Бриссо, Рабо, Ласурсом, Жансонне и др., за то, что я преследовал их как соучастников Дюмурье, за то, что я разоблачал их как лицемеров и отвратительных заговорщиков и вынудил их самих признаться в том, что они сторонники Людовика-Филиппа Орлеанского, приспешники королевской власти, пользующиеся покровительством эмигрировавших и мятежных Капетов.

Так как обвинительные декреты, изданные против меня Учредительным и законодательным собраниями, представляли собой тиранические действия, произвольно совершенные неверными своему долгу депутатами, продавшимися деспоту, то я топтал их ногами в силу неотъемлемого права всякого свободного человека сопротивляться угнетению, в какой бы форме оно ни проявлялось. Общественное негодование заклеимило их; они остались безрезультатными, а творцы их были покрыты позором.

Я мог бы придерживаться того же образа действий по отношению к декрету об аресте, только что изданному против меня роялистской и контрреволюционной кликой государственных людей. Однако я воздержусь от этого — не потому, что я не имею на это права, а потому, что я не хочу подкрепить ложь, распространенную во всех департаментах их покровителем Роланом, и клевету, которую они сами не перестают ежедневно распространять там. Поэтому я жду для того, чтобы явиться в революционный трибунал, лишь уведомления меня при посредстве обвинительного акта. Я испытываю полное доверие к справедливости моих судей; мне будет легко привести в замешательство доносчиков, доставить торжество моей невинности, вернуть себе свободу и снова посвятить себя защите родины. Мое присутствие на трибуне Конвента нужно теперь более, чем когда бы то ни было; теперь, когда общественное благо находится со всех сторон под угрозой, я горю

* Он был принят 220 государственными людьми против 192 патриотов; Петтион, Барбару, Бюзю, Салль, Верньо, Гюаде, Жансонне иезуитски воздержались от голосования, сделав замечание, что я заслуживаю привлечения к суду декретом.

нетерпением исчерпать вопрос и покончить со зверством моих врагов. Если я отказался пойти под арест, то это — следствие моего благоразумия; испытывая уже два месяца болезнь, требующую ухода и делающую меня склонным к раздражительности, я не хочу предаваться в мрачном месте, среди грязи и нечистоты, скорбным размышлениям о судьбе добродетели на этом свете, порывам возмущения, поднимающимся в благородной душе при виде тирании, неизбежной вследствие этого запальчивости и бедствия, которые могли бы проистечь из святого негодования. Я заявляю, что, пренебрегая всеми обвинительными декретами на свете, я всегда буду считать себя невинной жертвой преступлений наших презренных врагов.

После суда над Маратом

(«Публицист Французской республики» № 181, 29 апреля 1793 г.)

Едва только трибунал вынес мне почетный оправдательный* приговор, как зал суда огласился самыми оживленными аплодисментами, которые стали перекачиваться в соседние залы, в вестибюли и дворы здания суда, сплошь заполненные ревностными патриотами. Двое наиболее горячих бросились ко мне, чтобы вынести меня на плечах; я категорически отклонил их настояния. Мне, однако, пришлось отойти на самый конец зала и уступить настояниям толпы, сгрудившейся для того, чтобы обнять меня. Несколько дивических венков было возложено на мою голову. Муниципальные офицеры, национальные гвардейцы, канониры, жандармы, гусары, окружавшие меня, боясь, как бы я не был задержан толпой, встали шпалерами, и я стал пробираться между ними. На площадке высокой лестницы они сделали остановку, чтобы граждане могли лучше разглядеть меня. За стенами здания суда, на всем пути до Конвента улицы и мосты были покрыты бесчисленными толпами, наперерыв кричавшими: «Да здравствует республика, свобода, Марат!» Бесчисленные зрители у окон аплодировали без усталости. Даже самые отъявленные аристократы вынуждены были следовать этому примеру. Больше двухсот тысяч человек сгрудилось на улицах от здания суда до Конвента; на папертах церквей в виде амфитеатра столпились мужчины, женщины и дети.

* Это было безусловно полным оправданием, так как приговор в туманной форме признает, что обвинение не было обосновано, а решение присяжных заседателей признает его вероломным и клеветническим.

Сопровождавший меня кортеж был огромен*, — он не уступал процессии из Шатовье. Когда я приблизился к Конвенту, несколько муниципальных офицеров в сопровождении национальных гвардейцев пробрались в Конвент, чтобы сообщить о моем приходе и попросить разрешения продефилировать через зал заседаний. Ласурс, председательствовавший в этот раз, хотел закрыть заседание; патриоты воспротивились этому, и государственные мужи поторопились улизнуть.

Сапер Рош, бывший во главе национальных гвардейцев, появился у решетки и взял слово: «Гражданин председатель, мы приводим к вам этого честного Марата; мы заклеим всех его врагов; я защищал уже его в Лионе, я буду защищать его и здесь, и тот, кто захочет получить голову Марата, получит также и голову сапера».

Разрешение на прохождение через зал заседаний было дано. Сейчас же в зал вошла вереница мужчин, женщин, детей, военных муниципальных офицеров, кричавших: «Да здравствует республика! Да здравствует Гора! Да здравствует Марат!» Меня вынесли на плечах национальные гвардейцы и опустили среди скамей Горы. Здесь я поспешил снять цивильные венки, которыми меня украсила толпа и которые мне до сих пор пришлось держать на голове. Зал огласился аплодисментами. После объятий моих достойных коллег я вышел на трибуну: «Законодатели, свидетельства гражданственности и радости, проявившиеся в этих стенах, являются данью уважения по адресу национального представительства, по адресу одного из ваших коллег, чьи священные права были нарушены в моем деле. Я был вероломно обвинен; я приношу вам чистое сердце, я буду продолжать защиту прав человека, гражданина и народа со всей энергией, какой меня одарило небо». Аплодисменты грянули с удвоенной силой, снова раздались крики: «Да здравствует республика, да здравствует Гора, да здравствует Марат!» Шляпы полетели в воздух. После этих взрывов патриотизма раздался голос Дантона: «Какое прекрасное зрелище для всякого доброго француза, как радостно видеть граждан Парижа, столь живо свидетельствующих свое уважение Конвенту в день, когда депутат, признанный невинным, возвращается в его лоно. Национальный конвент с полным правом мог аплодировать этому интересному зрелищу, он это и сделал. Однако, я прошу, чтобы наше постановление

* Здесь было больше ста тысяч душ, т. е. здесь собрались почти все санкюлоты Парижа, которых прыщавый Горса третирует как разбойничью банду.

ние было выполнено до конца. Пусть граждане, приведшие Марата, пройдут через зал, пусть они выполняют свою миссию, чтобы мы снова могли заняться нашей работой».

Постановление выполняется, и толпа мирно проходит. Затем зачитывается приговор Марата и принимается постановление о внесении в бюллетень.

Я не могу кончить эту статью, не отметив, что за все время моего процесса и моего триумфа гигантская толпа, заполнявшая здание суда, улицы Парижа, зал Конвента и его двор, ни разу не позволила себе ни малейшего беспорядка. Не было ни одного столкновения, ни одного скандала. Вот он каков — добрый народ, так долго подвергавшийся клевете наемных пасквилянтов, Ролана и государственных мужей; вот каков он, этот добрый народ, которого Дюлоры, Горса, Жирей-Дюпрэ, Бриссо, Кондорсе не перестают изображать как банду разбойников, чтобы требовать расправы над ним.

Здесь уместно познакомиться с общественным мнением департаментов, которое так долго вводилось в заблуждение на мой счет наемными пасквилянтами, Роланом и государственными мужами.

Я не стану распространяться о народе Парижа, в особенности о добрых санкюлотах, — они ни на миг не обманывались относительно Друга Народа, их неподкупного защитника. Общеизвестны почетные постановления, принятые по моему адресу всеми секциями Парижа, муниципалитетом и народными обществами.

Известно также истинно республиканское постановление Коммуны Оксерр*, принятое на общем собрании. Однако как много таких, которые остались неизвестными и которые составляют честь для их авторов не меньше, чем для Друга Народа.

Из их числа я упомянул лишь одно. Общеизвестен адрес коммуны Шартра, опубликованный с такой помпой во всех антипатриотических газетах и заявлявший добрым шартрцам,

* «Оксерр, 16 апреля. Друзья, обвинительное постановление, принятое против Марата, должно рассматриваться патриотами, как общественное бедствие; с молниеносной быстротой обязаны мы броситься к патриотобийственной стали, которой хотят поразить его контрреволюционеры из Конвента; мы прилетим к вам на помощь и вместе с вами обеспечим торжество народного дела; однако до этого момента мы возлагаем на санкюотов 46 секций Парижа ответственность за жизнь самого сильного, самого неподкупного защитника наших интересов; таково мнение четырех тысяч оксеррцев, ваших братьев и друзей».

что голова такого чудовища, как Марат, который своим присутствием пятнает Конвент, должна, наконец, свалиться под мечом закона. Так вот этот так называемый адрес является делом рук Бриссо и Петиона; они послали его мэру Шартра, который в компании с несколькими муниципальными деятелями того же пошиба, что и он, рассовал его по секциям, заполучил подписи нескольких бездельников, которых он выдал за всю коммуну Шартра, прихлопнул печатями и направил обратно в Париж. Что же произошло на деле? А вот что. Честные граждане Шартра, которые не хуже парижан знают плутовство Петиона и Бриссо, прогнали с позором разносчиков адреса, а самый адрес сожгли с криками: «Да здравствует республика, да здравствует Гора, да здравствует Марат!»

Эти факты были удостоверены с трибуны клуба Якобинцев патриотом Галлем, комиссаром Конвента.

Да здравствуют же все санкюлоты Шартра, Оксерра, Марселя, Парижа и всей республики; их честность, их гражданственность, их мужество — вот что спасет отечество и укрепит свободу!

*Новая революция не закончена*⁶⁴

(«Публицист Французской республики» № 211, 8 июня 1793 г.)

Нельзя больше скрывать того, что мероприятия, проведенные до сего дня Учредительным и законодательным собраниями и Конвентом для установления свободы и упрочения революции, были необдуманны, тщетны и призрачны, если даже они и были приняты искренно. Большинство их преследовало, повидимому, цель умножения злоупотреблений, увековечения угнетения, создания анархии, оскудения, нужды, голода; они должны были вызвать в народе усталость от независимости, превратить его свободу в бремя, заставить его ненавидеть революцию вследствие чрезмерных беспорядков, подавить его бдением, усталостью, лишениями, истощением, довести его голодом до отчаяния и привести к рабству при помощи гражданской войны. Таково было положение вещей около четырех лет тому назад, таково оно теперь, таково оно будет еще до тех пор, пока небу не будет угодно даровать французам крупицу здравого смысла, избавить дураков от непреодолимого желания проявлять себя, отнять у народа его роковое спокойствие, дать ему способность распознавания, мужество для прекращения своих страданий и выдержку в решениях.

У народа, не одержимого жаждой шеголять остроумием и яростным стремлением к отличиям, не может найтись ни

одного здравомыслящего человека, который бы не понимал, что никакая революция не может укрепиться без того, чтобы одна партия не раздавила другую.

Французы претендуют доказать, что им удастся опрокинуть все свои политические учреждения для установления нового порядка одной силой философии; как будто самые повелительные страсти подчиняются голосу рассудка! Революция была совершена против деспотизма монарха, его придворных и привилегированных сословий; поэтому совершенно естественно, что поднявшись народ начал с уничтожения этих приспешников деспотизма. Кто бы поверил, что он не только не принял против них ни малейшей меры предосторожности, но и оставил за ними руководство восстанием, направленным против них же. Кто бы поверил, что он не только не лишил этих приспешников старого порядка всех должностей, но даже призвал их к устройству нового порядка! Между тем это совершенно верно: с первых дней революции он разрешил им присутствовать переодетыми в буржуазный костюм на всех его собраниях, выставлять напоказ любовь к свободе, говорить о равенстве и участвовать во всех его совещаниях. Что я говорю! Обманутый ложными проявлениями их гражданских добродетелей, он сам поставил их во главе своих советов, управлений, батальонов, армий. Только оказавшись сто раз одураченным вероломством и став жертвой их измен, он понял, что слуги старого порядка не могут служить новому, что аристократы, судейские крючкотворцы и слуги церкви всегда будут приспешниками роялизма, и наконец он потребовал, чтобы их устранили от всех должностей; это именно то, что их вероломные представители всегда остерегались декретировать. Еще теперь бесчестные царедворцы стоят во главе армий республики, прежние лакеи тирана повелевают защитниками свободы, прежние лихоимцы руководят нашим управлением, сподвижники крючкотворства составляют наши суды, лица, пользующиеся покровительством двора, заседают в сенате. Эти явные враги революции, находящиеся в союзе со священниками, капиталистами, финансистами, биржевыми игроками, крупными собственниками, продавцами предметов роскоши, интриганамы всякого рода, челядью, негодяями, не перестают злоумышлять против родины и затевать погибель ее сынов.

Пока друзья свободы по всей республике не примут, наконец, против врагов родины, предателей и заговорщиков сурового решения, предписываемого заботой об общественном благе, нужно, чтобы все добрые граждане объединились против них.

Пример должны подать парижане; поэтому я приглашаю все секции собраться завтра на Марсовом поле, чтобы образовать там между собой и с Горой священную федерацию, поклясться друг перед другом сохранить республику единой и неделимой, никогда не покидать своих братьев в департаментах и защищать свободу до последнего вздоха*.

*Усыпители народа во главе новой революции*⁶⁵
(«Публицист Французской республики» № 223, 21 июня 1793 г.)

Наблюдения Друга Народа

Возражения авторов этого письма, якобинцев и других добрых граждан против назначения Богарнэ в правительство весьма обоснованы. Я пользуюсь этим поводом, чтобы поднять свой голос против ложных слухов, распространяемых Матье и некоторыми другими усыпителями, членами Комитета общественного спасения, для снятия с себя вины в этом назначении. Можно ли поверить, что у них хватит бесстыдства свалить ее на меня, на меня, который не переставал в течение четырех лет настаивать на лишении аристократов всех должностей, требующих доверия, на меня, который желал бы видеть в глубине могилы последнего аристократа, судейского крючкотворца, финансиста, представителя сословий, которые были некогда привилегированными, последнего приспешника старого порядка. Но случай этот слишком занимателен, чтобы я не отдал отчета в упомянутом назначении.

Известно, что Камбон и Баррер ненавидят патриота Бушотта. Камбон, который сам является патриотом, может иметь против министра только личные соображения, основанные на какой-либо мелкой страстишке. Что касается Баррера, одного из самых опасных людей, тонкого и хитрого политика, привыкшего сидеть между двумя стульями, осторожно подкапываться под здание революции, вместо того чтобы взрывать его, и обречать при помощи опиума умеренности все революционные мероприятия на неудачу,— то это другое дело; без сомнения для его тайных намерений удобно, чтобы ни один решительный патриот не стоял у кормила правления.

Итак, в вечер назначения Богарнэ, я был в Комитете общественного спасения. Камбон плакался по поводу бездеятельности военного министра и кричал, что все будет потеряно, если он останется на должности.

* Если эта федерация осуществится, нужно будет оставить сильную охрану, чтобы помешать аристократам захватить наше оружие.

«Если это так,—сказал я вместе со всеми присутствовавшими депутатами,—то нужно его заменить».—«Кого же назначить?»—спрашивали себя некоторые из них. Марибон-Монто, комиссар в Северной армии, предложил Богарнэ как наиболее способного занимать эту важную должность. «Что, аристократа?»—воскликнул я. Монто взял слово для восхваления гражданских добродетелей Богарнэ, которого он выставял самым честным республиканцем в армии. Другие депутаты также расхваливали его и выставяли его превосходным администратором. Когда эти утверждения, повидимому, определили воззрения собрания, Камбон пожелал узнать мнение каждого депутата. Я указал, что, не будучи членом комитета, я не имею совещательного голоса и не приму никакого участия в обсуждении, что аристократ-патриот был бы в моих глазах чудом, что я не верю в чудеса, и так как помимо всего прочего Гора составляет теперь большинство, то ловкий плут менее опасен, чем порядочный, но неспособный человек. Когда все высказали свое мнение о Богарнэ, то перешли к голосованию, и члены комитета единодушно назвали его.

Таким образом, благодаря тому, что я был при этом обсуждении, Матье и его соучастники ссылаются на мое присутствие, чтобы добиться одобрения этого выбора, к которому я несколько непричастен.

Впрочем, великое несчастье республики заключается в том, что мы не имеем правительства. Исполнительный совет, составлявшийся до сего дня почти целиком из контрреволюционеров, подготовил гибель родины. Теперь исполнительный совет, лучше составленный, лишен власти; действиям его препятствует Комитет общественного спасения, и он неспособен приносить пользу. Только второстепенные лица, наполняющие канцелярии и в большинстве своем враждебные свободе, продолжают содействовать ее гибели. Это они сообщают внутренним и внешним врагам все решения, раскрывают тайну всех планов и обрекают их на неудачу. Комитет общественного спасения сам плохо составлен: в него входит теперь несколько членов, лишенных кругозора и энергии, как Матье, Баррер и др.

Не эти люди спасут родину. Но даже если бы они были преисполнены самых лучших намерений, то недостаточный надзор в Комитете общественного спасения делает бесплодными все его наилучшим образом задуманные мероприятия. Можно ли представить себе, что случайно втершийся человек по имени Тексие, бывший подпоручик королевского пьемонтского полка и агент контрреволюционеров, является правой рукой коми-

тета. Неизвестно, как этот интриган проник туда, но, к несчастью, совершенно верно, что он — доверенное лицо и хранитель всех тайн. Можно представить себе следствия такого поведения. Поэтому наши враги, немедленно уведомляемые обо всех наших действиях, способствуют их неудаче. Уже шесть недель, как я донес о нем Комитету общественного спасения, и узнаю теперь, что он не изверг его. Какие же предатели покровительствуют ему?

Письмо Марата Национальному конвенту

Париж, 4 июля 1793 г., II год Французской республики

Граждане товарищи!

Посылаю вам контрреволюционный бюллетень, распространенный по департаменту Юры, и отчет депутата этого парламента Ферру. При чтении вы увидите, что этот недостойный сочлен коварными своими наговорами заслужил негодование собрания, с которым оно несомненно встретит его и без моего на то указания.

Новые опасности, угрожающие отечеству, налагают на меня обязательство направить вашу заботливость на средства для их преодоления.

Самая значительная из всех опасностей — это введение в заблуждение добрых граждан клеветами вожаков партии «государственных людей» и их сообщников — подкупленных Директорией, которые непрестанно толкают народ на мятеж, прикрывая свой бунт ложным предлогом, будто Конвент не свободен, будто он стонет под насилием Горы, которая хочет восстановить королевскую власть, посадив на престол Орлеанов: клевета, распространявшаяся сначала председателями* марсельских округов, а потом администрацией департаментов Эр, Кальвадос, Корсики и др.

Дабы разрушить пагубное впечатление, производимое этой клеветой, я возобновляю предложение, которое делал уже не один раз, а именно — объявить вне закона мятежных Капетов, известных под именами Monsieur, графа д'Артуа, принца

* Клевета тем более гнусная, что марсельские округа, которые так долго распространяли слух, что Орлеанский составил заговор с целью захватить корону, и которые теперь могут обвинять его в оскорблении величества нации (ведь он же у них в руках!), весьма остерегаются начинать его дело; вместо того чтобы обвинять его в желании сохранить королевскую власть, они ставят ему теперь в упрек лишь то, что он подал голос за смерть деспота. (*Прим. Марата*).

Конде, герцога Бурбонского, герцога Шартрского, герцога Моппансье; при этом я требую, чтобы предложение поставлено было на поименное голосование. Результаты этого голосования, широко распространенные по всей республике (как бы ни голосовали при этом вероломные члены Конвента), будут иметь двойное преимущество: они откроют глаза сбившимся с пути, наименее просвещенным гражданам, либо свяжут остальную часть партии, которая еще сидит в Собрании, лишив ее всякой надежды сноситься от своего собственного лица с враждебными державами и новым повелителем, которого им хотелось бы дать Франции. Я надеюсь, что Конвент почувствует неизбежную необходимость принять, наконец, эту важную меру.

Но этого мало. С горечью вижу я во главе войск республики, предназначенных подавить вандейских повстанцев, Бирона, старого слугу двора из числа пользующихся худшей репутацией, эту тень Орлеанского дома, этого руководителя изменника Моппансье, который был у него под опекой. Как мог ваш Комитет общественного спасения поставить такого человека во главе солдат свободы? Как мог он решиться освободить его от всякого надзора, отозвав комиссаров исполнительного совета? Я не обвиняю инициаторов этого убийственного для свободы постановления в измене, но обвиняю их в преступной снисходительности, или, скорее, в безрассудстве; ибо много надо этого безрассудства, чтобы отдать в руки придворного раба судьбы свободной нации, гибель которой он способен довершить весьма скоро, отдав сначала на уничтожение свою армию и перейдя потом на сторону мятежников. Если судить о его намерениях по его напыщенным заявлениям в духе Дюмурье* и по его бездействию, то можно подумать, что он только и дожидается удобного момента, чтобы повести войска наши на бойню. Именем отечества я требую его отозвания и смещения; пора нам, наконец, быть благоразумными в своих мероприятиях и не доверять больше государственных сил ненадежным рукам.

Кому же доверить руководство нашими силами в Вандее? Офицерам, в которых есть гражданская доблесть, сила суждения, мужество — а, благодарение небу, среди нас еще есть такие. Я ничего не жду от большинства тех, кто стоит во главе этой экспедиции; я считаю их людьми злонамеренными и неспособными, ибо здравомыслящий военный человек не стал бы два

* Я осведомлен верными людьми, что Бирон агитирует против анархистов, дезорганизаторов, акционером Горы, как это делал предатель Дюмурье.

раза безрезультатно наблюдать, как бьются мятежники, а нашел бы средство покончить с ними радикально при первой же встрече. Я сообщил свой взгляд на дело одному благонадежному офицеру, который передаст его одному из наших генералов-патриотов. Если бы я был в состоянии переносить дорогу, я предложил бы себя для выполнения моего плана; во главе небольшого отряда надежных войск легко в один день прикончить всех мятежников. Я не совсем чужд военному искусству и без всякого бахвальства мог бы ручаться за успех.

Как бы ни была велика опасность, угрожающая родине, если оставить Бирона во главе армии западного побережья, еще гораздо опаснее оставлять Кюстина начальником над главными нашими армиями. Как это Комитет общественного спасения не почувствовал, что, ставя его во главе северной, рейнской, мозельской и арденнской армий, он вручает ему военный деспотизм и судьбу республики? Как мог он допустить, чтобы этот генерал сделался независимым от исполнительного совета, от самого Конвента, декреты которого он презирает?

Как допускает он, что генерал под предлогом организации главной своей армии дезорганизует их все, что он по собственному желанию разоружает такую-то военную часть, чтобы вооружить другую, что он отнимает у граждан их оружие и лошадей и, что хуже всего, применяет право жизни и смерти к солдатам свободы?

После того как мы таким образом передали в его руки широчайшие военные полномочия, как можем мы спать спокойно, особенно когда чувства, поведение, связи, вся жизнь Кюстина так хорошо известны? Он не только низкий холоп двора, подобно Бирону,—против него говорит сверх этого все его антигражданское поведение в Учредительном собрании, где он всегда являлся подлым приспешником деспота; его свирепая жестокость по отношению к народу, его прубость по отношению к солдату, его тирания по отношению к патриотам. Его слава, его поступки, нынешние его распоряжения и его старание ставить во главе отдельных армий, ему вверенных, исключительно преданных ему лиц — все свидетельствует о том, что он идет по стопам Дюмурье и что с его стороны приходится ожидать того же вероломства, если во-время не сместить его.

Мне остается сделать два замечания.

Бездействие Кюстина и вражеских генералов происходит лишь от того, что они дожидаются, когда вожаки партии

поднимут восстание всех департаментов; тогда он под покровом этого восстания беспрепятственно проникнет внутрь государства, станет угрожать нации всеобщим разорением и вернет ее опять под ярмо.

Бирон, который с такой угодливостью распространяет пущенный Лебреном слух о том, что сотня английских судов собирается высадить десант у берегов Они, и который под этим предлогом держится наготове, чтобы отбросить их,—разумеется, ждет всеобщего восстания, чтобы повести свою армию на бойню и перейти самому на сторону восставших.

Не станем дожидаться того, чтобы враги отечества, заседавшие в Собрании, и те, которые ныне стоят во главе наших армий, увлекли отечество в пропасть, а лучше примем против них энергичные меры.

Повторяю вкратце: путем поименного голосования объявить вне закона мятежных и убежавших Капетов, немедленно отставить Бирона, Кюстина и всех наших генералов, пользующихся дурной репутацией,—вот те меры к общественному спасению, которых не следует больше откладывать,—это было бы неразумно,—и их-то я предлагаю вам применить.

Марат, депутат Конвента

*Портрет Жака Ру*⁶⁶

(«Публицист Французской республики» № 234, 4 июля 1793 г.)

Заговорщик из секции Гравильеров и Общества кордельеров, изгнанный из этих народных собраний, так же как и его сообщники Варле и Леклерк

Самым ужасным бичом, с которым нам приходится бороться для торжества свободы, являются не аристократы, не роялисты, не контрреволюционеры, а экзальтированные ложные патриоты, которые под маской патриотизма вводят в заблуждение честных граждан и увлекают их на путь насилия, авантюры, смелых и злополучных действий.

Не довольствуясь тем, что они стоят во главе своих секций, они суетятся с утра до вечера, чтобы проникнуть во все общество, повлиять на них и стать во главе их.

Таковы три беспокойных субъекта, которые завладели секцией Гравильеров и братским обществом, Обществом кордельеров. Я имею в виду маленького Леклерка, Варле и аббата Ренди, так называемого Жака Ру.

Варлэ может быть только безмозглым интриганом, но маленький Леклерк, повидимому, ловкий мошенник. Я видел, как он в течение одной недели три раза менял костюм, чтобы изменить свою наружность и лучше обманывать. Говорят, что, прежде чем поселиться в Париже и вводить в заблуждение народные собрания, он был несколько месяцев послушником в Кобленде и что он является одним из главных зачинщиков беспорядков, вспыхнувших в Лионе несколько месяцев тому назад.

Что же касается аббата Реноди, то я могу говорить о нем определенно; я долгое время обходил его молчанием потому, что он слыл патриотом, что он часто шел по настоящему пути и что я принципиально считал нужным прикрывать ошибки патриотов. Должен прибавить еще, что я провел несколько дней в его квартире, когда меня с ожесточением преследовали Лафайеты, хотя он временно предложил мне убежище, для того чтобы иметь возможность хвастаться моим пребыванием у него. Благодарность заставляла меня молчать о его преступлениях. Но опасность, в которую ввергли общее дело его безумие и, быть может, его измена, не позволяет мне ни минуты колебаться донести на него в Общество друзей прав человека и требовать его исключения, так же как и его товарищей.

Вот перечень его преступлений; я слышал от него самого.

Руководимый корыстными целями, желанием произвести шум, он начал свою революционную карьеру подлогом, потому что он воспользовался известием об убийстве Жака Ру (священника в Исси, если память мне не изменяет), чтобы назваться его именем, внушить больше интереса и заработать деньги, напечатав в свою пользу историю покушения, произведенного на личность этого честного священника. С этих пор он сохранил это имя; может быть, это было актом осторожности с его стороны, чтобы скрыть свое опороченное имя.

На третий день своего пребывания в его комнате я видел его в священническом облачении. Не знаю, стеснялся ли он меня,— правда, совершенно неосновательно, потому что я придерживаюсь правила никогда не смущать слабых духом,— но он сказал мне: «Не подумайте, что я признаю религию; я знаю, что она насквозь пропитана ложью, но сделал из нее свою профессию, и никто лучше меня не умеет разыгрывать комедию святости».

Эти слова привели меня в ужас. Я ограничился тем, что заметил ему, для порядочного человека самое ужасное — быть доведенным до такой крайности.

В тот же день он признался мне, что он случайно стал патриотом и он не сожалеет о том; он наделал много шума, и он надеется, что это доставит ему епископат, как аббату Фоше.

На основании таких речей я составил себе определенное мнение об этом человеке и на следующий день распрощался с ним, не чувствуя себя в безопасности в его доме.

Я считал бы аббата Реноди только корыстным интриганом, решившим удариться в крайность и довести цинизм до размеров, выходящих из границ благоразумия, чтобы производить шум и привлекать внимание его сограждан, если бы следующая записка не показала мне, что так называемый Жак Ру — человек очень опасный.

«Жак Ру известен в городе Ангулеме и его окрестностях как очень дурной человек. Несколько лет тому назад был издан декрет об его аресте по обвинению в убийстве; он был тогда учителем физики в семинарии вышеупомянутого города. Он с позором был изгнан из нескольких домов, в которые он вошел в качестве учителя, в особенности некоего г-на Монлозье. Его гнусное поведение и испорченные нравы послужили причиной того, что он не мог найти места. Он принужден был искать убежища в приходе Сент, где получил место викария по рекомендации одного добродетельного человека. Но поведение его в этом городе также отличалось порочностью; он сеял раздоры во всех семействах, в которых был принят или куда его призывал его сан; он ссорил отцов с сыновьями и мужей с женами; он даже осмелился преступно поднять руку на своего благодетеля, на того, кому он обязан был своим местом и своим существованием. Наконец, на него пало подозрение в совершении, участии или по крайней мере в подстрекательстве нескольких таких же порочных субъектов, как он сам, к совершению уголовных преступлений, и он принужден был бежать. Все эти факты совершенно точны. Нет ни одного человека в этой местности, который не подтвердил бы низость этого безнравственного и беспринципного священника. Его преступления так же хорошо известны, как и его имя».

Эта записка была адресована гражданину Колло д'Эрбуа гражданином Тессье, его старым товарищем в Женеве, который прожил один год в Ангулеме с Фьервиллем, где он знал человека, о котором идет речь; но, повторяю еще раз: нет ни одного человека в этой местности, который не подтвердил бы истинности фактов, содержащихся в этой записке.

На основании этих сведений Общество друзей прав чело-

века сочло опасным иметь в своей среде таких зловредных интриганов; оно приняло благоразумное решение исключить Леклерка и аббата Реноди, отложив исключение Варлэ.

Письмо Жака Ру

Ты напечатал в своей газете, в № 233, что из корыстных целей и желания стать известным я начал свою революционную карьеру подлогом, что я воспользовался известием об убийстве Жака Ру, кюре из Иври, назвался его именем и скрыл свое собственное, которое было опорочено.

Вот мой ответ на эту клевету.

Выписка из книги приходской церкви Saint Cibard de Pransac, ангулемской епархии: «23 августа 1752 г. я, нижеподписавшийся, крестил Жака Ру, законного сына Грациана Ру и Маргариты Монсалар, родившегося третьего дня в местечке Прансак. Крестным отцом был Жак Турет, его дед, а по его поручению — его внук, крестной матерью — Анна Монсалар, а по ее поручению — Мария Монсалар, ее племянница, которые подписали эту справку: Жанна Дер, Мария Монсалар, Марке, кюре Прансака.

Я, нижеподписавшийся кюре, удостоверяю верность с подлинником этой выписки, выданной в Прансаке сего 13 марта 1786 г. Подписано: Турет, кюре Прансака.

«Примечание. Вышеупомянутая выписка сделана с соблюдением всех формальностей и была записана 8 июля сего года в полицейском бюро округа Гравильеров».

Таким образом, ты видишь, Марат, что, называясь Жаком Ру, я не присвоил себе ничего имени.

Приписываемые тобою мне намерения также не заслуживают большого доверия.

Во-первых, Марат, на самом деле ты искал моего знакомства. Ты, вероятно, помнишь, что месяцев пятнадцать тому назад ты прислал ко мне гражданина Фено, скульптора, чтобы попросить меня прийти поговорить с тобой о важных делах. Ты жил тогда у трех сестер Жеврар на улице Сент-Оноре, № 243, против кафе Ришар, в доме Пеллетье. Я отправился к тебе на квартиру. Ты принял меня по-братски — без сомнения потому, что нуждался во мне. Я сказал тебе, и ты знал уже об этом, что я священник; ты превозносил в моем присутствии мои гражданские доблести, ты дал мне письмо в клуб Кордельеров, чтобы подтвердить, что ты действительно был автором газеты под заглавием «Друг народа» и чтобы предложить присоединившимся к нему обществам подписаться на издание ее за предстоящие годы. Я передал Робеспьеру и Шабо письма, имевшие целью заинтересовать общество якобинцев в распространении издания твоих сочинений. Через несколько дней ты спросил меня через того же самого Фено, могу ли я дать тебе приют на два дня. Я с удовольствием принял тебя и всех тех, которые приходили к г-ну Легро (это было тогда твое имя). Я в течение шести ночей спал на голых досках, я один занимался стиркой, я выносил даже твой ночной горшок, — одним словом, я делал все для тебя, все, что истинный патриот может делать и что я сделал бы опять для своих преследователей и своих палачей, если бы они

очутились в нужде. И в награду за мою преданность тебе, Марат, ты имел низость оставить на камине пятнадцать ливров ассигнациями, как будто кроме меня были другие слуги для прислуживания тебе, как будто я не был достаточно вознагражден удовольствием быть тебе полезным. Впрочем, ты знаешь, с каким негодованием я отказался от этой суммы, и я точно так же поступил бы, если бы ты предложил мне сто тысяч экю, потому что, приютив тебя у себя, я думал, что служу общественному делу... И что же, Марат, в награду за мою добродетель ты злоупотребил моим гостеприимством не для того чтобы сказать правду, а чтобы оклеветать меня.

Неправда, будто я говорил тебе о религии, что она насквозь пропитана ложью. Ты говорил со мною только о твоих произведениях, о твоих талантах, о твоих несчастьях, об услугах, которые ты оказал революции, о предполагаемой тобою поездке в Англию... Я не раскрою здесь тайн, которые ты доверил мне, потому что только низкие и продажные души разоблачают слова друзей, сказанные в моменты сердечных излияний. Я скажу только, что, говоря об аббате Фоше, я заявил тебе, что он лицемер и роялист, и я не только не говорил, что и я, подобно ему, мог бы получить епископство за свой патриотизм, но я, наоборот, дал тебе понять, что хочу отказаться от своего сана, жениться, устроить типографию и редактировать газету.

Будь последователен, Марат; никто никогда тебе не поверит, чтобы я был настолько глуп и сознался тебе, что я только случайно стал патриотом. Если бы я был настолько глуп и говорил такие вещи, то ты был бы виновен в трусости и в измене за то, что в течение пятнадцати месяцев не донес об этом. Любовь к отечеству должна победить чувство благодарности, если когда-нибудь в сердце твоём было подобное тонкое чувство.

Тебе, Марат, не пристало упрекать меня в том, что я ударился в крайности, что я делал всякие усилия, чтобы поднять шум,— тебе, который писал, что нужно было воздвигнуть восемьсот виселиц для депутатов Учредительного собрания и что нужно было отрубить шестьдесят тысяч голов в начале революции.

Ты говоришь, что я известен в городе Ангулеме и его окрестностях как очень дурной человек и что был издан декрет о моем аресте по обвинению в убийстве.

И против тебя, Марат, издано было несколько декретов... Тебя обвиняли в возбуждении народа к грабежу, к убийствам, к нарушению законов, тебя обвиняли в том, что ты был виновником дней 2 сентября и 25 февраля. Твое имя внушает ужас и отвращение всей Европе. Но разве ты поэтому виновен в приписываемых тебе злодеяниях?

Правда, лет пятнадцать тому назад я был замешан в неприятной истории. Начальник семинарии очень плохо кормил учащихся; он относился с уважением только к каноникам и к дворянам; несколько распутных молодых людей из города Ангулема, чтобы отомстить ему за его оскорбительное предпочтение, в течение трех месяцев разбивали окна в семинарии такими большими камнями, что сломали даже оконные рамы. Полицейские чиновники ничего не могли поделать против эксцессов, Андра Элуа Ансель, повар этой семинарии, в три четверти двенадцатого ночи, когда преподаватели семинарии крепко спали, отправился сторожить с заряженным ружьем, чтобы прогнать злоумышленников, которые могли проникнуть через образовавшуюся в ограде дыру. Когда пять буянов стали усиленно

бросать камни, упомянутый брат Ансель спустил курок своего ружья. Один из нападающих был ранен и на следующий день умер от ран. Постановлено было арестовать начальника семинарии, главного управляющего дома и секретаря. Я преподавал философию в этой семинарии и жил там. Я был подвергнут аресту и препровожден в тюрьму духовного ведомства; но через полтора месяца после этого случая начальник, священники и я были освобождены по постановлению парламента и восстановлены в своих должностях. Вскоре после этого я стал читать экспериментальную физику в своей семинарии. Я занимал эту кафедру четыре года, но по расстройству здоровья я не мог больше продолжать это утомительное занятие,—я служил в епархии в качестве викария и исправляющего должность священника и никогда не оставил бы города, если бы новый епископ, который заменил прелата, бывшего свидетелем моих трудов, если бы Альбиньяк де Кастельно (в настоящее время эмигрант и заговорщик) не обошел меня, отдав приход, на который я имел право претендовать в силу своих ученых степеней, человеку, не имевшему никакой ученой степени.

Но, Марат, если деликатность принудила меня оставить мою епархию, то знай, что я оставил ее с прекрасными аттестациями, без которых я не был бы принят в Септонж, и, чтобы дать тебе доказательство твоего мошенничества, я прилагаю к сему копию письма, которое мой епископ написал тогда г-ну Монлозье.

«Ангулем, 5 мая 1786 г.

Милостивый государь, я не отвечал раньше на письмо, которым Вы удостоили меня, чтобы иметь время найти подходящего для вас священника в моей епархии. Пригом мы вскоре здесь очутимся в таком же положении, как и епархия Сент, так как у нас имеется только такое число священников, которое необходимо для обслуживания приходов.

Однако желание доставить Вам удовольствие заставило меня преодолеть все трудности. Я посылаю Вам аббата Ру, который может исполнять должность священника и викария в вашем приходе, так как обладает всеми необходимыми для этого дашими. Он сам передаст Вам мое письмо.

Честь имею пребывать и т. д.
епископ ангулемский».

А каково мое поведение у этого Монлозье, ты увидишь из свидетельства, которое я здесь прилагаю для подтверждения этого письма.

«Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что аббат Жак Ру прожил в моем приходе один год в качестве священника в замке Монлозье, что он отличался за это время безупречным поведением и что своим поведением, соответствующим его духовному сану, он оказывал благотворное влияние на общество. В Сен-Радегонд, 17 мая 1788 г. Подписано: Фруен, священник Сен-Радегонд; Коссон, бывший протоиерей Барбезье; Шатонф, протоиерей Барбезье».

Заявление, что мое беспорядочное поведение и мой распутные нравы были причиной того, что я не мог найти места,—низкая клевета. Знай, Марат, что при старом режиме епископы и викарии были беспощадны к лицам духовного звания, уличенным в беспутном поведении. И, уж конечно, если бы я был таким негодяем, как ты

предполагаешь, то я не преподавал бы в продолжение шести лет философии в той же семинарии, я не занимал бы должности викария и исправляющего должность священника в двух смежных епархиях; мне не дали бы таких лестных аттестаций, которые я готов сообщить всем, кто того пожелает. Если бы я был таким извергом, как ты говоришь, то епископ из Сент не доверил бы мне важных священнических функций, когда я ушел от Монлозье, и не дал бы мне прихода...

Одним словом, если бы я был таким негодяем, как ты утверждаешь, Марат, то мне пришлось бы иметь дело с полицией, меня привлекли бы к суду за дебош или нарушение семейного мира и спокойствия. Пусть же мои враги приведут против меня какой-нибудь акт подобного характера. Человек дурного поведения бывает обыкновенно по уши в долгах. Пусть же докажут, что я когда-нибудь получил требование об уплате долгов или не уплатил своих долгов.

Правда, что я в течение тридцати лет всегда выступал против гираши, что я возмущался захватами дворянства, ханжеством старого духовенства; во многих своих трудах я не щадил кровопийц народа. Правда, что я никогда не льстил сильным мира сего, никогда не потакал их страстям и говорил им неприятные истины. Правда, я всегда придерживался очень строгих принципов и доводил свою строгость до того, что исключил из своего класса философии неспособных, хотя родители с большим почетом принимали меня у себя. Правда, моя любовь к справедливости создала мне непримиримых врагов, что число тех, которые хотели моей гибели, сильно увеличилось со времени революции, с тех пор, как я вел Людовика Капета на эшафот, с тех пор, как я объявил открытую войну скушникам и спекулянтам, с тех пор, как я обвинил в перадении и, может быть, в измене тех, которые, называя себя друзьями народа, однако допускали, чтобы его вырезывали и морили голодом. Правда, наконец, что я имею врагов в лице дворянства, священников, умеренных, кушцов, интриганов, роялистов, федералистов, эгоистов, монополистов, банкиров, изменников, ложных патриотов сорока восьми секций Парижа и секций республики. Но, Марат, я апеллирую к твоему собственному опыту: все эти оскорбления, вся та клевета, которыми меня осыпают, все эти усилия погубить меня, разве они не свидетельствуют о том, что я не такой человек, который вступит в сделки с мошенниками, разве они не свидетельствуют о том, что душа моя чиста?

Наконец, Марат, ты обвиняешь меня в совершении, в участии или по крайней мере в подстрекательстве нескольких таких же негодяев, как я, к совершению уголовных преступлений, когда я должен был бежать.

Если эти факты верны, почему не назовешь ты тех лиц, которые были орудием этих уголовных преступлений, и тех мест, где они были совершены? Без сомнения, если бы я подстрекал народ к эксцессам, против меня издано было бы несколько декретов. И я предлагаю тебе, Марат, назвать хоть один. Впрочем, Марат, я помогу тебе. Ты можешь быть, имел в виду ту революцию, которая произошла в 1790 году в Кошаке*. Так если ты не знаешь об этих событиях, я могу сообщить тебе некоторые сведения о них.

В том приходе, где я был викарием, было поле в десять тысяч моргов, свободное от всяких феодальных повинностей. Жители этого

* Вероятно, Saint Thomas de Consac, Charente Inférieure.

места хотели, чтобы земля эта была обложена. Г-н Мартен, фермер бывшего герцога Ришелье, и некоторые другие господа открыто выступили против этого акта справедливости. Г-н Дюпати де Белогард стрелял в мэра прихода Сен-Жорж. Когда распространилось известие о покушении на личность мэра, ударили в набат, и огромная толпа народа преследовала убийцу, но, не настигнув его, разорила его владения; но, Марат, я не принимал ни малейшего участия в этих событиях. Прошло уже две недели, как я ушел из этого прихода и обслуживал приход Амблевиль*, где я заслужил такое уважение жителей, что они наметили меня на должность пастыря, которого они только что лишили.

Конечно, если бы я был виновен, прокурорский надзор не преминул бы арестовать меня, и эти славные люди не дали бы мне столько доказательств своего доверия. Не скрою, однако, что аристократы, пугалом которых я служил, распространяли обо мне низкую клевету; возможно даже, что если бы я бежал, они наделали бы мне неприятностей; но преследования — удел патриотов: они являются доказательством невинности и добродетели. Впрочем, я могу выставить один неопровержимый документ против клеветы злонамеренных людей, против тебя, Марат, оскорбляющего мой патриотизм, против всех тех, которые верят самым неопределенным донесениям. Найдется ли хоть один патриот, который сомневался бы в том, что я умер бы на эшафоте, если бы произошла контрреволюция? Я могу выставить против них другое, не менее грозное оружие, которое состоит в том, что если они считают меня виновным в тех преступлениях, в которых они меня обвиняют, то я требую, чтобы они донесли на меня в суд; если они этого не делают, то я заявляю, что они штриганы, мошенники и трусы; я заявляю, что они клеветники, изменники и губители свободы.

Что касается тебя, Марат, то ты бессовестно солгал, говоря, что я с позором был изгнан из многих домов, где я бывал в качестве учителя. Я занимал публичные кафедры, но я никогда не был преподавателем ни в одном частном доме. Ты бессовестно лжешь, Марат, утверждая, что в городе Сент я поселял раздор во всех семействах, в которых меня принимали как друга и куда меня призывал мой сын, и что я преступно поднял руку на своего благодетеля.

Я никогда не занимал никакой должности в городе Сент, я был там всего пять или шесть раз; самое долгое мое пребывание там не продолжалось более двенадцати часов; твой номер газеты представляет, таким образом, сплошную ложь и ряд нелепостей, придуманных с исключительной целью повредить мне и придать пикантность газете. Здесь все надо сказать, Марат, — я воздаю должное уважение твоим гражданским доблестям, но твое самолюбие страдало от того, что клуб Кордельеров называл меня Маленьким Маратом и что в народном доме меня так же называли. Ты старался уничтожить меня, чтобы не иметь соперников и последователей. С другой стороны, приближается время выборов; ты боялся, чтобы народ не голосовал за меня, и ты старался сделать меня смешным, отвратительным, ненавистным всем тем, кто произносил мое имя с некоторым интересом; да что я говорю! ты имел жестокость сказать, что меня

* Ambleville, Charente, arrondissement de Consac. *Примечание Матьева.*

зовут не Жаком Ру. Впрочем, если для приобретения спокойствия надо отказаться от прозвища Маленького Марата, то я отказываюсь от него. Я не откажусь ради этого от принципов свободы, которые я исповедую, от принципов, которые я буду защищать до последней капли крови. Прибавлю еще, что если я проявил мужество со времени революции, то это было не потому, что мне хотелось пошуметь, как ты ядовито писал, а потому, что я повиновался влечению своего сердца. Кровь у меня кипит, у меня горячее воображение, я хорошо знаю низость людей, я всегда терпел притеснения, подвергался клевете, преследованиям, я всегда видел, что отечество находится на краю гибели, я видел, что оно окружено изменниками, лицемерами, мошенниками. Возможно ли не выражать горячо своих чувств, имея перед глазами такую грозную картину; разве не модерантизм погубил общественное дело? Разве не полумеры ввергли французскую нацию в пропасть пороков и несчастий? И поэтому, когда я проявлял экзальтированный патриотизм, когда я употреблял напыщенные выражения, то за это меня не следовало обливать грязью, Марат. Оскорбления, которыми ты меня осыпал, служат только к моей чести. Существование горячих, пылких душ, людей, которые разъяряют, увлекают и подчиняют, людей, которые наэлектризовывают, направляют общественное мнение,—полезно для общего дела: это спасает его от застоя. И неужели ты думаешь, Марат, что конституция прочно укоренилась? Разве ты думаешь, что народу нечего опасаться внутренних и внешних врагов? Или ты думаешь, что мы уже достигли той степени славы и благополучия, на которые мы имеем право? Конечно, нет. В таком случае необходимо, чтобы мужественные, энергичные и порядочные люди разоблачали изменников и почтительно напоминали законодателям об их обязанностях; надо, чтобы они не били в набат, призывая к восстанию, но чтобы раздался могучий голос разума и мудрости.

Я не стану отвечать на упрек, который ты, Марат, делаешь мне, что я был изгнан из клуба Кордельеров. Ты знаешь, что за два дня до этого председатель по-братски приветствовал меня от имени общества. Ты знаешь, что адрес, представленный мной Национальному конвенту и читанный мною уже вторично, был встречен громкими аплодисментами и что был издан декрет о напечатании и рассылке его братским обществам. Таким образом мое исключение, начало которому положило твое письмо, было только результатом интриг и коварства. Это было делом скупщиков, преступления которых я разоблачил, эгоистов, жадность и гордость которых я задел, ложных патриотов, которые в республике любят только состояние и почести, доставляемые ею; оно является делом тех, которые оставляют интересы народа и бьют отбой, когда они туго набили свои кошельки.

И каких только низких средств не употребляли, чтобы погубить меня в общественном мнении! Люди, заинтересованные в подавлении тех принципов, которых я изложил в знаменитом адресе, представленном мною за несколько дней до этого в Конвент, приобрели силу в клубе Кордельеров. Была назначена депутация из двенадцати членов; сорок человек, не принадлежавших обществу, заняли места на скамьях.

Полицейские шпионы, мошенники и торговцы деньгами, вооруженные дубинами и по большей части пьяные, участвуют в прениях и голосуют как члены клуба Кордельеров, которые были в незначительном числе. Трибуны с трех часов были главным образом заполнены лигами, продавшимися заговорщикам.

Заседание начинается чтением письма Марата, который требует исключения нескольких членов. Один гражданин берет слово от имени депутации. Он заявляет, что установит спокойствие в обществе, но разжигает войну. Он требует открытия дебатов по поводу адреса Жака Ру в клубе Кордельеров, но Жаку Ру постоянно отказывают в слове. Одним словом, клуб Кордельеров превращается в кабак; там пьют, едят, поют, играют, доносят, угрожают, избивают отдельных членов, исключают, не выслушав их; женщины, мужчины, — все исполняют свои роли. Гражданка Ультрик, жена Ультрика, петиционера (в то время адъютанта) имеет нахальство порицать желание секции Гравильеров, и ей аплодируют после скандальной сцены, сцены, в которой обнаружили низости и вероломство вожаков, сцены, напоминающей тот момент, когда Лафайет на Марсовом поле подавил общественное мнение резней, сцены, за которую клуб Кордельеров должен краснеть до тех пор, пока будет произнесено слово «свобода»; после очень сложной системы давления, после этого политического убийства, как можешь ты, Марат, упрекать меня в том, что я был исключен из народных собраний?

Да, истинные кордельеры отомстили за меня... они неодобрительно отнеслись к этому позорному заседанию, где были нарушены права человека. Несколько гражданок в порыве негодования разорвали свои членские билеты; некоторые члены сделали то же самое после этого; другие не хотели возобновить их. Общество разлагается со дня на день. Таким образом, Марат, мое исключение не только не является позором, но, наоборот, составляет славу, если принять во внимание, что я в течение четырех лет постоянно исповедывал принципы кордельеров, если принять во внимание, что я подвергался твоей ненависти, твоей мести только за то, что требовал репрессивных мер против ажиотажа и против скупщиков, если принять во внимание, что причиной обрушившихся на меня несчастий является мое рвение и моя преданность общественному делу.

Я согласен, что в своем адресе высказал жестокие истины. Но разве право петиций есть только право льстить законодателям? Разве это только право прикрывать преступления? Разве это только право безропотно смотреть на голод и резню?

Одно из двух — или пожелания, которые я высказал в своем адресе, справедливы или нет. В первом случае я не заслужил тех оскорблений, которыми меня осыпали, во втором случае несправедливо было преследовать меня с таким ожесточением и придавать такое значение заблуждениям; на адрес отвечает не преследованиями, а солидными рассуждениями и хорошими законами. Марат, ты не упрекал меня в фанатизме; депутаты, осыпавшие меня оскорблениями, не упрекали меня в том, что я священник, 29 мая этого года, когда я в пламенной речи обрушился на заговор государственных деятелей и закончил ее следующими словами: «Депутаты Горы, мы заклинаем вас спасти отечество; если вы в состоянии это сделать и не хотите, то вы трусы и изменники; если же вы хотите, но не можете, то заявите об этом: это в таком случае будет нашей задачей. У нас имеется сто тысяч вооруженных человек для вашей защиты»*.

* Это было 27 мая, а не 29, как сказано в брошюре Жака Ру, когда секция Гравильеров представила Конвенту адрес, в котором фигурируют эти слова. Текст можно найти в «Archives Parlementaires», 65, р. 389—380. Адрес подписан председателем Мартеном и секретарем Буассе из секции Гравильеров. *Примечание Матъеза.*

Марат, для совершения революций всегда пользовались людьми с сильным характером... Когда в них больше не нуждаются, их разбивают, как стакан... Было совершенно естественно, Марат, что и я подвергся такой участи. Впрочем, когда я посвятил себя народному делу, я не только предвидел людскую неблагодарность, но и ожидал также всевозможных преследований... Я спокойно жду смерти; мои враги могут все более удовлетворять свою жажду мести,—я всегда буду говорить правду, и моей мезтью будет мое уважение к республиканской конституции.

Примечание. Те, которые захотели бы приобрести адрес, представленный мною Национальному конвенту от имени секции Гравильеров, Bonne Nouvelle и клуба Кордельеров, а также несколько других речей, произнесенных мною в различных церквях Парижа, особенно о средствах спасения Франции и свободы, могут получить экземпляры у меня дома, Rue Aumaire, № 120, monastère Saint Nicolas des Champs. Я объявляю об издании в 1794 году, в III году Французской республики, республиканского альманаха. Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что ответ Жака Ру Марату был напечатан до убийства Друга Народа.

Подписано: *Кампеном.*

Допрос Жака Ру

После допроса освобожден с обязательством явиться по требованию.

Национальный конвент

Комитет общественной безопасности и надзора Национального конвента.

14 июля 1793 г., II год Французской республики, единой и нераздельной.

В. Как вас зовут?

О. Жак Ру.

В. Где вы живете?

О. St. Nicolas des Champs. Секция Гравильеров.

В. Ваша профессия?

О. Я священник.

В. Знаете ли вы Марата?

О. Да, я знаю его, и он нашел приют у меня, когда его преследовал Лафайет.

В. Задолго ли до того, как он был убит, вы видели его?

О. Пять или шесть дней тому назад я был у него, чтобы отнести ему выписку о крещении и письмо, которое я написал ему, чтобы попросить его об опровержении одного из номеров газеты.

В. Был ли кто-нибудь у него, когда вы зашли к нему?

О. Было человек шесть, насколько я могу вспомнить.

В. Не было ли у вас спора с Маратом?

О. Никакого.

В. Какова была причина вашего посещения?

О. Передача ему письма, потому что я не рассчитывал застать его дома.

В. Были ли у вас споры с Маратом в этот день?

О. Нет, никаких. Он сказал мне, насколько я помню, что я лицемер.

В. Когда вы уходили от Марата, не сказали ли вы ему чего-нибудь неприятного?

О. Нет.

В. Не писали вы когда-либо за или против революции?

О. Я всегда писал только с целью защищать и поддерживать ее.

В. Сказал ли вам Марат что-нибудь неприятное?

О. Да, он посоветовал мне прозябать в моем звании.

В. Когда вы ушли от Марата, не было ли в вашем поведении и в вашем лице чего-нибудь такого, из чего можно было бы заключить, что вы питаете к нему злобу?

О. Нет.

В. Помните ли вы фамилии граждан, которые были у Марата?

О. Нет.

В. Какие памфлеты предполагали вы написать против Марата?

О. Написать ответ.

В. Не было ли вам известно о плане убийства Марата?

О. Нет.

Произведен и закончен в Комитете общественной безопасности Национального конвента.

Гражданин Жак Ру, прежде чем подписать, сказал, что Марат в беседе с ним упрекал его, что в адресе, который он представил у решетки Конвента от имени секции Гравильеров в конце июня месяца, он панес смертельный удар республике, на что он (Ру) ответил, что у него не было такого намерения, что раз конституция принята, он подчинится ей и употребит все средства к ее защите и поддержке. Затем он подписал:

Жак Ру

Патриоты Горы не замечают измены

(«Публицист Французской республики» № 236, 7 июля 1793 г.)

Письмо, с которым я обратился 4-го числа этого месяца к Конвенту, требуя назначения награды за голову мятежных Капетов и добиваясь немедленного смещения Бирона и Кюстина, готовящихся сыграть роль Дюмурье, было прочтено лишь 5-го числа.

Конвент выслушал только то, что относится к Капетам, и перешел к очередным делам, минуя остальное. Меня это не удивляет; мое письмо было, конечно, сообщено накануне усыпителям из Комитета общественного спасения (или, как его называют: Комитету общественной гибели), последний склонил нескольких трусов из Конвента запросить перехода к очередному порядку дел. Во всяком случае несомненно, что Баррер, Матье, Рамель, Погаре и другие покровительствуют Кюстину, Бирону, Вестерману, Мену и всем негодям из бывших аристократов, к несчастью, стоящим еще во главе наших армий.

А патриоты Горы? Они с большим трудом замечают измены; иногда они даже ждут их полного осуществления, чтобы заняться ими. Именно так они поступили в отношении Дюмурье; я напрасно в течение шести месяцев бил в набат, — измены его они увидели только, когда он стал угрожать походом на Париж. Именно так они поступили в отношении партии госу-

дарственных людей; я напрасно в течение четырех месяцев разоблачал ее: они называли меня мечтателем и сотни раз отказывали мне в слове, когда я хотел открыть им глаза; лишь во время суда над Людовиком Капетом они стали раскрывать их.

Как бы то ни было, я очень люблю моих дорогих коллег, но еще больше люблю родину, и как бы я ни опасался прогневать их, это не остановит моего пера. Итак, на случай, если Бирон и Кюстин изменят родине, опасаться чего я имею слишком много оснований, я хочу отметить сегодня напрасные усилия, примененные мною для предупреждения этого бедствия, и предлагаю, наконец, отнять командование над нашими армиями у этих двух царедворцев, которые всегда были прогневившими роялистами, явно подозрительными, чтобы не сказать больше. Им придется жестоко упрекать себя в том, что они заглушили мой голос.

Да соблаговолит небо охранить нас от этого несчастья!

О диктаторе и диктатуре 69

(Письмо якобинскому клубу, 20 июня 1793 г.)

Братья и друзья!

Несомненно, интриганы зашугивают вас; по крайней мере я имею ныне основание думать так и громко жаловаться на это.

С вашей трибуны меня обличали в том, что я требовал вождя; на приглашение ваше я явился, чтобы объяснить по этому поводу, хотя был болен в это время; я вправе был ожидать, что, допустив гласность обвинения, вы огласите также и мой ответ; вот он слово в слово; я надеюсь, что из любви к справедливости вы напечатаете мое письмо целиком.

Граждане!

Меня обличают в том, что я требовал вождя. Для ревностного защитника свободы крайне неприятно разговаривать о мерах к общественному благу в присутствии остолопов, которые не понимают французского языка, или мошенников, которые не желают его понимать. Вот обстоятельство, вызвавшее этот нелепый донос.

31 мая в 8 часов вечера я принял в Конвенте депутатов нескольких парижских округов, которые спрашивали меня, что же делать? Как! — ответил я им, — вы целую ночь били в набат, вы целый день стояли с оружием в руках и вы не знаете, что делать! Мне нечего говорить сумасшедшим», — и с этими словами я ушел. Огорченный усилиями народа, совершенно бесплодными при отсутствии просвещенного и надежного совета, я вернулся

в залу и с горечью в душе сказал нескольким монтаньярам: «Нет, невозможно народу спастись, если у него нет вождей!» — «Как так? — воскликнул один из «государственных людей», слушавший меня, — ты требуешь вождя?» — «Скотина! — тут же ответил я, — в моих устах вождь не значит повелитель, — никто больше меня не питает отвращения к повелителю, — но в настоящую критическую минуту я хочу вождей, которые руководили бы действиями народа, чтобы он не делал ложных шагов и чтобы усилия его не были напрасны, ибо что такое сто тысяч людей, уже сутки стоящих под ружьем, если у них нет вождей-руководителей?» Вот что произошло, граждане. Теперь вы оцените все обстоятельства и судите меня.

Братья и друзья, я в постели, у меня воспалительный процесс, результат бессонных ночей, которые я вот уже четыре года посвящаю защите свободы, и тех мук, которые я испытываю уже девять месяцев, работая над ниспровержением партии «государственных людей». Если неизменные доказательства гражданских моих чувств, явленные мною до сего дня, недостаточны, чтобы подтвердить чистоту моего сердца в глазах друзей отечества, то я, конечно, поступал неразумно, заслужив проклятие за стремление свое отвести это самое отечество от края пропасти; огорчения, мною испытываемые, перешли всякую степень возможности! Сообщите мое письмо ларошельским своим сочленам, опишите им моего поносителя, аристократа Мюсселя, и дайте мне передохнуть хоть минуту. Не слишком ли много бороться сразу со злобой врагов свободы и с ослеплением ее друзей?

Братски приветствую вас.

Марат
Акваинта Вилленс

КОММЕНТАРИИ

¹ *Проспект* — Oeuvres politiques de Marat, l'Ami du Peuple — Prospectus. 12 брюмера III г. (2 ноября 1794 г.) вдова Марата Симонна Эвар издала «Prospectus de la réimpression des oeuvres politiques de l'Ami du Peuple». 4 вентоза III г. (22 февраля 1795 г.) правительство Республики особым декретом прекратило издание «Собрание Сочинений». Поводом для решения 12 брюмера послужило обращение Кордельеров к Конвенту от 20 января 1794 г. Одним из мотивов для издания сочинений Марата служило стремление избежать подделки его произведений. Лже-маратовские памфлеты были широко распространены. Исторической заслугой Шевремона является то, что в своем Index'e он дал нам точный список подлинных произведений Марата. Одним из типографов газеты «Друг Народа», пользуясь его исследованиями, готов был взять на себя продолжение газеты в интересах «аристократов из ратуши» (май 1790 г.), в мае 1791 г. в Париже циркулировала подложная газета «L'Ami du Peuple», издателем которой был Кондорсе. Шевремон насчитывал до *трехсот* подложных номеров газеты и до восьмидесяти подложных брошюр и книг.

Мы пользуемся на основе Index'a Шевремона коллекциями Марата ИМЭЛ (одна из самых богатых мировых коллекций). Наиболее богатые коллекции по Марату имеются во Франции, — не считая Национальной библиотеки, — в Лионе (так называемая коллекция Lacassan'a; каталог коллекции хранится в ИМЭЛ) и в Британском музее (коллекция Шевремона).

² *О деспотизме* — Un roman de coeur. Lettres polonaises par Marat. l'Ami du Peuple. Publié pour la première fois, en son entier, d'après le manuscrit autographe et précédé d'une notice littéraire — par le bibliophile Jacob, Paris 1848, 2 vol. Мы печатаем гл. III, стр. 23—76, в несколько сокращенном виде. Рукопись романа после смерти Альбертины, сестры Марата (1841 г.), передана была одному молодому республиканцу и взята у него при обыске полицией Луи-Филиппа. Отдельными главами книга печаталась в журнале «Le Siècle» за 1847 г. В Британском музее хранится еще одна рукопись романа «Lettres polonaises», которую также приписывают Марату. Мы думаем, однако, что, судя по материалистическому характеру рассуждений автора, нет основания приписывать авторство романа Марату. Для сравнения

высказываний Марата и Мабли см. Oeuvres de Mably, 1795, vol. 13 — «De la situation politique de la Pologne en 1776», pp. 1—66.

³ Цепи рабства — Les chaînes de l'esclavage, ouvrage, destiné à dévoiler les noirs attentats des princes contre les peuples, les ressorts secrets, les ruses, les menées, les artifices, les coups d'Etat qu'ils emploient pour détruire la liberté et les scènes sanglantes qui accompagnent le despotisme, — par J.-P. Marat, rue Cordeliers, — l'an de la République (28 mars 1793), 1 vol. in-8, 364 pp. Переиздана была в 1833 г. Впервые появилась на английском языке в 1774 г. — «The Chains of Slavery». 1 февраля 1793 г. Марат в своей газете «Journal de la République Française» № 111 обратился с предложением к одному из своих читателей вернуть взятый у него экземпляр книги; 24 февраля он объявляет о ее переводе; 28 февраля — о ее выходе (№ 131). В продолжение долгого времени Марата не считали автором книги (см. об этом «L'Ami du Peuple», от 30 сентября 1789 г.). Поводом для появления книги служила борьба, начатая за несколько лет до января 1774 г. в связи с делом Уилькса, журналиста, впервые опубликовавшего прения Палаты общин; неоднократные попытки отменить его выборы в палату не привели ни к чему; буржуазия Лондона и всей страны выступила на его защиту. Марат принимал участие в этой борьбе, которая вскоре превратилась в борьбу с английской аристократией за демократическое преобразование Англии. Марат утверждает, что ему пришлось печатать книгу почти нелегально и что после ее выхода она была захвачена агентами правительства: вот почему автору самому пришлось распространять ее среди демократических обществ Англии. Об этой книге как политическом трактате упоминает Бриссо в своих мемуарах; объявления о выходе книги появились в современных газетах.

⁴ План уголовного кодекса — Plan de législation criminelle — Ouvrage dans lequel on traite des délits et des peines de la force des preuves et des présomptions, et de la manière d'acquérir ces preuves et ces présomptions durant l'instruction de la procédure, de manière à ne blesser ni la justice ni la liberté et à concilier la douceur avec la certitude des châtiments, et l'humanité avec la sûreté de la société civile; par Marat. A Paris 1795, 12 juillet. Мы цитируем по этому третьему изданию (первое вышло в Невшателе в 1780 г., второе — в Париже в 1790 г., третье — в Париже, в типографии вдовы Марата в марте 1795 г.). Последнее издание должно было составить первый том собрания сочинений Марата, прекращенного декретом от 22 февраля 1795 г. Бриссо поместил этот план в десятичной «Bibliothèque Philosophique», vol. V, анонимно. В своих «Мемуарах» Бриссо утверждает, что Марат просил его, боясь преследований, не упоминать его фамилии, но по каким соображениям его надо было выдать за американца, остается неясным. Вопросы реформы судебного строя были Маратом вторично рассмотрены в апреле 1790 г. в специальной брошюре (8 страниц) «Lettre contenant quelques réflexions sur l'ordre judiciaire».

⁵ Дар отечеству — Offrande à la Patrie, ou discours au Tiers-Etat de France. — Au temple de la Liberté, 1789. Брошюра вышла анонимно, без указания даты. Шевремон полагает, что дата написания брошюры — февраль 1789 г. Об обстоятельствах, при которых была написана брошюра, Марат рассказал в письме Национальному собранию в мае 1790 г.: «Я был на смертном одре, когда один из друзей моих, единственный, кого хотелось мне иметь свидетелем последних минут, сообщил мне о созыве Генеральных штатов. Новость эта про-

извела на меня сильное впечатление; наступил благотворный кризис, мужество мое воспрянуло, и в первую очередь я использовал его на то, чтобы явить моим согражданам доказательство моей преданности, — я принялся за «Дар отечеству». На основании этого показания Веллэ делает правильный вывод, что брошюра была написана после 8 августа 1788 г., когда был объявлен созыв Генеральных штатов; опубликована она была в феврале 1789 г. Если вспомним, что в 1785 г. Маратом была написана «Eloge de Montesquieu» («Похвала Монтескье») и что к тому же времени (1788 г.) относятся показания Мале дю Пена о том, что Марат в Париже занимался пропагандой идеей Руссо, то станет очевидным, что интерес Марата к политике родился не вместе с революцией, а ей предшествовал; он с полным основанием мог в письме Национальному собранию заявить: «Я с давних пор сокрушался о бедствиях моей родины».

⁶ *Дополнение к «Дару отечеству»* — Offrande à la Patrie (supplément), ou discours au Tiers-Etat de France. Sur le plan d'opération que les députés aux Etats Généraux doivent se proposer; sur les vices du Gouvernement, d'où résulte le malheur public; sur la lettre de convocation et sur le règlement que y est annexé. — Au Temple de la Liberté, avril 1789 («Дополнение к «Дару отечеству», или речи, обращенные к третьему сословию по поводу плана действий, который надлежит принять его представителям в Генеральных штатах, по поводу недостатков правительства, являющихся причиной народных бедствий; по поводу грамоты о созыве Генеральных штатов и приложенного к ней устава»). Брошюра вышла анонимно. В «Даре отечеству» обращает на себя внимание противопоставление монарха его дурным советникам наряду с ясным пониманием, что эта вера в монарха обусловлена его поведением, причем «добрый монарх» должен не октроировать конституции, а «открыть путь революции». Парламенты рассматриваются как руководители реакции, а о третьем сословии ведутся рассуждения в духе сохранения его полного единства. Но и в этом случае Марат дает нам представление не только о составе блока третьего сословия, но и отмечает роль отдельных социальных прослоек в этом блоке. Финансисты уже в это время фигурируют в числе врагов народа, а ремесленники — как его опора. Характерно то внимание, которое в это время Марат уделяет международному положению Франции в духе принципов либеральной буржуазной политики 1789 г.

⁷ *Проект Декларации прав человека и гражданина* — Projet de Déclaration des droits de l'Homme et du Citoyen suivi d'un plan de Constitution juste, sage et libre, par l'auteur de «l'Offrande à la Patrie». A Paris 1789, 67 pp. (с эпиграфом «Vitam impendere vero»). Опубликовано в конце августа 1789 г. (см. газету «l'Ami du Peuple» № VII и «Appel à la Nation», примечание к стр. 10). Характерно, что эта книга была в 1795 г. переиздана по-немецки в Лейпциге. Первый набросок «Декларации» дан Маратом в критике проектов конституционного комитета Национального собрания, в № 1 и единственной газеты «Le Moniteur Patriote», опубликованном примерно 11 августа 1789 г. Бужар формулирует содержание маратовской «Декларации прав» следующим образом: «Человек родился для жизни, он имеет поэтому право на все, что необходимо для его существования». По существу в этом — содержание конституции 1793 г. в ее наиболее радикальной формулировке.

⁸ *Разоблачение проекта усыпить народ* — Projet dévoilé d'endormir le Peuple et d'empêcher la Constitution, «l'Ami du Peuple» № XI,

21 septembre 1789 (обозначено: «Imprimerie de la veuve Hérisant»). В № I газеты Марат сохраняет в отношении короля тот же тон, что и в брошюрах до июля 1789 г. Главный удар направлен против жепародных представителей. В № XI газеты этой теме посвящены две статьи: «Projet dévoilé de laurier le Peuple et d'empêcher la Constitution» и публикуемая нами статья. В первой в иронических тонах Марат передает беседу депутатов с королем, которого они просили снабдить Собрание «своими добрыми пожеланиями». Король, по словам Марата, ответил: «Да, да, всегда готов». Вторая статья, посвященная законодательным актам 4 августа, резко выделяется среди публицистики эпохи своей трезвой, революционной оценкой вынужденных уступок дворянства и высшего духовенства. Автор статьи повторяет свою мысль о том, что реформы могут быть только результатом успешной революции.

В № XII газеты за 22 сентября 1789 г. дано продолжение этих рассуждений. Политический вывод, к которому приходит Марат, следующий: «Пусть нация, наконец, воспользуется своими правами, пусть она созовет новое Национальное собрание, аннулируя декреты старого Собрания: пусть двери этого Собрания будут закрыты для дворян и конов, которым народ не может доверять; пусть будут призваны к власти лица, чьи таланты и намерения не могут вызвать недоумений».

⁹ *Исповедание веры редактора* — «L'Ami du Peuple» № XIII, mercredi 23 septembre 1789, imprimerie de la veuve Hérisant. Марат говорит здесь о девяноста письмах, посланных им Национальному собранию с мая по июль 1789 г. Письма эти не сохранились. В сборнике шием Веллэ «La Correspondance» указано два письма. Газета «Le Moniteur Patriote» № 1 и единственный, 8 стр., вышла анонимно 11 августа 1789 г. (см. «L'Ami du Peuple», №№ X и XI) и была посвящена разработке вопросов конституции; газета эта является как бы предисловием к «Декларации прав» Марата (см. выше).

Как свидетельствует № XIII «L'Ami du Peuple», в середине сентября началась та кампания против газеты Марата, которая затем беспрерывно длилась несколько лет. Впервые в Коммуну Марат был призван 13 августа 1789 г.; его фамилия пока обозначается в записях Коммуны: «M. Marie, docteur». Дело пока ограничилось предварительным изучением его поведения. К концу сентября 1789 г. Марат переходит на полулегальное положение. В своем «Письме Коммуне» он объявляет войну Национальному собранию.

¹⁰ *Опрометчивый проект о военном положении* — «L'Ami du Peuple» № XXXIV, mardi 10 novembre 1789, imprimerie Patriotique. В № XXX газеты Марат отмечает связь между изданием военного закона против народных сборищ и продовольственными беспорядками в столице. Он развивает свою пропаганду за народное восстание и в одном из следующих номеров (№ XXXV от 11 ноября 1789 г.) доказывает, что «народному бунту мы обязаны всем — свержением наших тиранов...» Красное знамя было в это время символом военного закона против народных восстаний; когда представители Коммуны развертывали это знамя, военное положение считалось объявленным.

¹¹ *Армия и демократия* — «L'Ami du Peuple» № LVI, mardi 24 novembre 1789, imprimerie Patriotique. К вопросу об организации армии он возвращается неоднократно. См. №№ газеты за 20 и 21 декабря (№№ LXXIII—LXXIV). Марат протестует против «игры в патриотизм», против того нового духа буржуазной военной касты, которую узаконил

Лафайет. Он приходит к выводу: «Несчастные, не владеющие собственностью, несчастные, которые лишены возможности участвовать в общественных делах, несчастные, которым остается только рабство и нищета, не обязаны ничем государству, абсолютно ничем...»

В этой социальной критике буржуазного закона об армии Марат доходит до отрицания всякого значения для масс взятия Бастилии. Это заявление следует, однако, понимать не буквально: сам Марат был активным участником событий 14 июля в дистрикте Карм; заявление, однако, характерно как революционная критика «общенациональных» иллюзий, связанных с этим событием.

¹² Что нужно было предпринять народу завтра после революции 14 июля и 5—6 октября — *L'Ami du Peuple* № LXXXI, 29 décembre 1789, imprimerie Marat, rue de la Vieille Comédie. Чтобы понять содержание этого памфлета, не забудем, что Марат в это время развивал энергичную деятельность против Неккера в связи с его экономической политикой, усилил свою борьбу с национальной гвардией и ее вождем Лафайетом и пытался возглавить демократическую оппозицию дистриктов для борьбы с Коммуной Парижа — опорой аристократии. В № LXXXIII газеты за 31 декабря 1789 г. Марат опровергает слухи, будто король предполагает сместить Неккера и Лафайета; это провокация: Лафайет — орудие Неккера, Неккер — опора тирании и аристократии. «Правительство, — заявляет Марат, — смертельный враг, извечный враг народа».

¹³ *Разоблачение, направленное против Неккера — Dénonciation faite au tribunal public, par M. Marat, l'Ami du Peuple, contre M. Necker, premier ministre des finances, без указания даты (по Шевремону, согласно показаниям Марата, см. его газету № CI 18 января 1790).* Положительная оценка Неккера, данная Маратом в брошюре «Дар отечеству», сменилась уже в августе — сентябре стремлением разоблачить министра и ту финансовую аристократию, чьи интересы он представлял. Этой задаче Марат посвятил ряд статей в газете, где дана была критика экономической политики торжествующей буржуазии. «Dénonciation» было написано еще в октябре 1789 г. Но так как никто не взялся печатать этой брошюры, а в послеоктябрьские дни Марат подвергся жестоким преследованиям, то он вынужден был печатать памфлет в своей подпольной типографии. Одновременно *L'Ami du Peuple* посвящал все свое внимание (см. № LVII) критике продовольственной и финансовой политики министерства, политики спекуляции и государственной опеки буржуазии. Марат готов был даже рассматривать весь поход против дистрикта Кордельеров, взявшего на себя защиту Марата, как попытку полиции не допустить издание брошюры. Вышла она 18 января 1790 г. с эпиграфом, ставшим лозунгом публицистики Марата: «Vitam impendere vero». Письмо Марата Неккеру отправлено 23 октября из его подполья в Версале, где он скрывался после событий 5—6 октября. В дальнейшем он сам излагает историю своих отношений к министру финансов, поясняя причины, принудившие его изменить свою политическую позицию; он ссылается на свою солидарность с блоком друзей, хваливших Неккера, — речь идет о Барнаве, Ламете и т. д., блок, с которым до октября не порывал и Марат, хотя его революционная деятельность в это время шла гораздо дальше требований либералов июля — августа 1789 г. Изложение в «Первом пункте обвинений» событий мая — июля 1789 г. служит наилучшим пояснением исторических фактов эпохи, часто сознательно затуманенных буржуазной историографией, рисующей «национальное единство» первых недель

переворота. Марат ссылается на рукопись своей «Истории революции», которая пока не разыскана.

Все, что Марат пишет о продовольственной политике Неккера (даже если отбросить некоторые преувеличения, скажем, отравление мукой), дает наилучшую характеристику своекорыстной экономической политики аристократии 1789 — 1790 гг., ныне вполне подтвержденную историческими документами. Характерно, что широко распространенное в массах утверждение о вывозе хлеба за границу Марат считает провозгласившим слухом, пущенным агентами правительства. Классовый анализ финансовой политики Неккера дополняется в дальнейшем критикой выпуска ассигнатов. Марат видел в ассигнатах средство обогащения буржуазии и обнищания масс. «Четвертый пункт обвинения» обосновывает причины неудачи, ход и исход событий 5 — 6 октября. Интерес этих страниц в том, что Марат дает здесь впервые резкую критику блока королевского двора, буржуазной аристократии и либералов, заключивших союз между собою. Неккер, глава аристократического дистрикта des Filles Saint-Thomas (этот дистрикт был центром буржуазной контрреволюции, подобно тому как дистрикт Кордельеров был центром демократии Парижа), возглавлял сопротивление монархии и ее борьбу с революцией.

¹⁴ *Призыв к нации* — Appel à la Nation par J.-P. Marat, l'Ami du Peuple, citoyen du district des Cordeliers et auteur de plusieurs ouvrages patriotiques contre le ministre des finances, la municipalité et le Châtelet de Paris, suivi de l'exposé des raisons urgentes de destituer cet administrateur des deniers publics, de purger cette corporation et d'abolir ce tribunal, redoutables suppôts du despotisme («Призыв к нации Ж.-П. Марата, Друга Народа, гражданина из дистрикта Кордельеров и автора нескольких патриотических сочинений, направленных против министра финансов, против муниципалитета и против парижского суда Шатлэ, с изложением крайних доводов за отрешение этого управителя государственной казны от должности, за очищение этой корпорации и за упразднение этого судилища, каковые лица и учреждения являются ярыми приверженцами деспотизма»), février 1790, 67 pp. (без указания типографов). Нам кажется, что Веллэ без всякого основания указал дату выхода брошюры март — апрель (см. Index Шевремона, стр. 20). Согласно указанию Марата (см. «l'Ami du Peuple» № 441, p. 5, note 1-re) к памфлету было приложено обращение против Лафайета, но оно не было напечатано по недосмотру типографа.

Памфлет был написан в Англии, куда Марат бежал после преследований в январе 1790 г. Об этих преследованиях рассказано в брошюре и в «l'Ami du Peuple», от 23 июня 1780 г.

¹⁵ *Новое разоблачение, направленное против Неккера* — Nouvelle dénonciation de M. Marat, l'Ami du Peuple, contre M. Necker, premier ministre des finances, ou Supplément à la dénonciation d'un citoyen contre un agent de l'autorité, Paris, mai 1790, 40 pp. Эта брошюра должна была восполнить юридическими доказательствами политические доводы первой брошюры против Неккера. Марат хотел представить общественности документальные доказательства хлебной спекуляции агентов правительства.

¹⁶ *Письмо Камиллу Демулену* — Lettre de l'Ami du Peuple à l'auteur des Révolutions de France et de Brabant. Это письмо — часть переписки Марата и К. Демулена — рисует нам глубину разногласий между идеологом плебейской революции и демократом-якобинцем, не порвавшим с буржуазным либерализмом. Письмо это имеет большое

значение для выяснения социальных мотивов радикально-политической пропаганды Марата.

¹⁷ *Дьявольский план врагов революции* — *Infernal projet des ennemis de la Révolution*, par M. Marat, auteur de «L'Ami du Peuple», 14 juillet 1790, 7 pp. (см. «L'Ami du Peuple» № ССХХVIII, р. 2); перепечатано в газете «L'Ami du Peuple» № CLXIII под заголовком «Nouvelle Conspiration des Noirs». В июле 1790 г. Марат высказывает с решительным протестом против идеи национальных праздников единения. В статье «Observations sur les fêtes du pacte fédératif» («L'Ami du Peuple» № CLXIII, 16 juillet 1790) он писал: «Среди всеобщей нищеты, говорят, восемь дней будет посвящены празднику... Их цель — опьянить массы, отвлечь их от общественных дел и помешать сессиям подготовить выборы [муниципалитета], которые приближаются...»

¹⁸ *Мы погибли!* — *C'en est fait de nous!* par Marat, L'Ami du Peuple, de l'imprimerie de Marat, 8 pp.) (без указания даты); напечатано как приложение к № CLXXIII газеты от 26 июля 1790 г. В этом номере помещена интересная статья «Vrais moyens que le peuple soit libre et heureux», в которой Марат выступает на защиту черни («populace»), утверждая, что только благодаря вмешательству черни парижских предместий революция успела кое-что сделать. Памфлет «Мы погибли» был 26 июля как плакат расклеен по Парижу, — это было новым методом пропаганды Марата. Памфлету автор придал характер речи, — в толпе обычно один читал его вслух; впечатление было исключительно сильное. С протестом против Марата выступил и Камилл Демулен, так как автор задел честь Гаррана де Кулон, всеми уважаемого общественного деятеля-либерала. Камилл Демулен не мог примириться с требованием диктатуры и террора, с приемами полной революционной деятельности; Демулен считал, что Марат вносит раскол в ряды демократии.

¹⁹ *Разоблачение Малуэ* — *Dénonciation à la Nation contre M. Malouet*, par M. Marat, auteur de «L'Offrande à la Patrie», du «Moniteur» et du «Plan de Constitution» etc., 8 pp., de l'imprimerie de Marat, août 1790. Возмущение памфлетом «Мы погибли» было столь сильным, что 31 июля 1790 г. в Национальном собрании роялист Малуэ при общем сочувствии заявил о заговоре против конституции и свободы; глава этого заговора — Марат. Правда, он присоединил к заговорщикам и К. Демулена, но принятое Собранием решение имеет в виду только Марата (см. решение от 2 августа, «Moniteur», 4 août, vol. V, р. 271). В ответ на решение Национального собрания Марат писал перепуганному К. Демулену: «Что делать? Рассматривать подлый декрет от 31 июля как несуществующий. Издеваться над попыткой несправедливых властей, изменников, захвативших власть в Национальном собрании, и пойти своим путем, приняв необходимые меры против тирании».

²⁰ *Нас усыпляют, — будем на страже* — *On nous endort, — prenons-y garde*, de l'imprimerie de Marat, 8 pp., 9 août 1790 («L'Ami du Peuple» № ССХХVII, 10 avril 1790, р. 12). 7 августа в Национальном собрании Буше д'Аржи, королевский прокурор Шатлэ, излагал результаты следствия по делу обвиненных за участие в захвате королевских апартаментов 5–6 октября 1789 г. По поводу этого доклада и дискуссии, его сопровождавшей, Марат и выступил со своим памфлетом. Памфлет этот был вторым плакатом Марата, расклеенным по Парижу.

²¹ *Это прекрасный сон — бойтесь пробуждения* — *C'est un beau rêve — gare au réveil*, de l'imprimerie de Marat, 8 pp. (продолжение

«L'Ami du Peuple» № ССII, 26 août 1790). Этот памфлет написан был Маратом по поводу заседания Национального собрания 25 августа в связи с началом гражданской войны в стране. Резня в Нанси была таким образом предсказана Маратом заранее.

²² *Страшное пробуждение* — L'affreux réveil, de l'imprimerie de Marat, 8 pp. (приложение к «L'Ami du Peuple» № ССVI, 30 août 1790). События в Нанси, занявшие внимание революционной общественности в августе — сентябре 1790 г., не были только военным бунтом. 20 августа маркиз Буйе, глава контрреволюционеров, сообщил Национальному собранию о «бунте в армии» и требовал принятия решительных мер против бунтовщиков. Солдаты боролись за свои гражданские права; в движение было втянуто все население города; вернулась ожесточенная классовая битва. Национальное собрание передало фактически власть в руки реакционных генералов; либералы сочувствовали подавлению восстания и писали, что вооруженная сила в единении с демократией угрожает дальнейшим углублением революции. 29 августа Марат писал: «Восемнадцать двадцатых населения королевства нуждаются во всем и осуждены на голод и нужду в ближайшую зиму; но солдаты встанут во главе этих масс, возьмут оружие и потребуют раздела земли,—они сделают больше того—они раздел этот предпримут...» Первым решительным выступлением Марата по поводу Нанси и служит памфлет «L'affreux réveil».

²³ *Правдивое сообщение о зловещих делах в Нанси* — Relation fidèle des malheureuses affaires de Nancy, de l'imprimerie de Marat, 8 pp. (приложение к «L'Ami du Peuple» № ССXIX, 12 septembre 1790). Почти все номера газеты с конца августа посвящены событиям в Нанси — см. № ССVIII за 1 сентября, № ССXI за 4 сентября, № ССXIII за 6 сентября. Марат приходит к следующему итогу: «Вывод, к которому мы приходим после внимательного изучения революции, это тот, что класс бедняков — единственный класс патриотов, единственный класс подинно честных людей...» 18 сентября 1790 г. последовала вторая брошюра о резне в Нанси: «Relation autentique de ce qui s'est passé à Nancy, adressée aux députés du régiment du roi à l'Assemblée Nationale, par leurs camarades, et observations de l'Ami du Peuple», 14 pp. После событий в Нанси роль Марата в огромной степени возросла в стране; возросли и преследования его со стороны полиции.

²⁴ *Проект патриотической конфедерации* — Projet d'une confédération patriotique, «L'Ami du Peuple» № ХСII, 9 janvier 1790. В коллекции Марата под № ХСII значится еще один номер от 7 января. Интересно сравнить суждение Марата с мнением Мирабо о партиях, характерное для своего времени. Мирабо утверждал, что «революция не знает и не должна знать партий, что существуют только идейные течения». Марат в своем проекте «патриотического содружества» шел дальше идеи «патриотических клубов», потому что подобное общество должно было не только обсуждать революционные проекты, но и подымать массы, готовить их к восстанию и руководить ими в бою.

²⁵ *Проект благотворительных учреждений, служащих верным средством уничтожить нищету*, — Projet d'établissements de bienfaisance, offrant un moyen infailible de détruire la mendicité, «L'Ami du Peuple» № СXXX, 11 juillet 1790. В отличие от утверждений большинства биографов Марата и историков революции (в том числе и Ж. Жореса), мы не можем не отметить, что экономическим вопросам революции посвящены в газете «L'Ami du Peuple» за 1790 и 1791 гг. десятки статей.

²⁶ *Проект муниципальных мануфактур* — Observations sur le projet d'établissements de bienfaisance et des moyens de détruire la mendicité, «L'Ami du Peuple» № СХХХІІІ, 14 juin 1790. Большинство статей Марата о социальном вопросе относится к 1790 г., а не к 1791 г., как думал Ж. Жорес («История Французской Революции», т. I).

²⁷ *Буржуазная политика Национального собрания* — Supplique de dix-huit millions d'infortunés aux députés à l'Assemblée Nationale, «L'Ami du Peuple» № СХLІХ, 30 juin 1790. Для сопоставления см. напечатанное выше письмо Марата Камиллу Демулену от 24 июня; постоянство принципов свидетельствует о том, что мы имеем здесь дело не со случайным мотивом агитации, а с основными принципами Марата как вождя революции.

²⁸ *Обращение ко всем жителям столицы...* — Adresse aux citoyens des districts de la Capitale... Напечатано было в двух №№ «L'Ami du Peuple» — СLXXI и СLXXII от 24 и 25 июля. В своей критике Национального собрания Марат в это время заходит так далеко, что утверждает: «Национальное собрание почти все составлено из врагов народа». В свою борьбу за всеобщее избирательное право он включает, таким образом, борьбу за разгон законодательного собрания 1789 г.

²⁹ *О военных бунтах* — Développement d'un nouveau complot ministériel, «L'Ami du peuple» № СХСVІІІ, 22 août 1790. В этом номере 16 страниц в Index'e Шевремона указано 8 страниц; мы печатаем со слов: «Encore un projet...», стр. 7. В этом номере обращает на себя внимание рассуждение Марата о рабочих беспорядках в Тулоне, в порту, где благодаря буржуазной политике часть рабочих попала под влияние роялистской пропаганды.

³⁰ *Контрреволюция и народ* — Observations importantes sur le choix des Juges «L'Ami du Peuple» № ССХLІХ, 13 octobre 1790. В этом номере газеты, как и в ряде предыдущих, Марат усиленно разрабатывает вопрос о чистке государственного аппарата. В № ССХLІХ он писал: «Королевство в руках министеральных чиновников, бывших привилегированных, чиновников муниципалитетов, членов суда, управлений департаментами и дистриктами, штабных национальных гвардий и офицерского корпуса армии и флота, финансистов, спекулянтов, пиявок государства...»

³¹ *Проблемы вооруженного восстания* — Vrai moyen de rompre le joug du despotisme; plan d'opérations de l'Assemblée Nationale pour remettre la nation aux fers et rendre au roi le souverain pouvoir, «L'Ami du Peuple» № ССLХ, 24 octobre 1790. В следующем номере газеты помещены в связи с вопросами о революционной тактике интересные материалы о роли дисциплинированных масс в движении. Марат заявляет, что речь идет не о создании «армии его сторонников в шерстяных колпаках [bonnets de laine]» и не о том, чтобы дать им вождя. Приходится опасаться, не попадет ли подобная армия в руки богатых пегодьева. Пусть они не покидают своих ежедневных занятий, и тогда даже неорганизованная масса будет лучшей опорой революции.

³² *Несправедливые декреты о налогах* — Décrets iniques sur les impôts. «L'Ami du Peuple», № ССLХІІІ, 27 octobre 1790. Продолжение рассуждения на эту тему в № ССLХІV от 28 октября — «Injustice du décret relatif à la contribution personnelle, requise pour la qualité de citoyen actif» — о способности к жертве и преданности рабочих в революции, несмотря на закон об активных гражданах. Марат подчер-

квивает: главная вина бедняков в том, что они трудились и боролись не для себя, а для своих господ.

³³ *Революцию необходимо продолжить* — Pour que le peuple ne soit pas remis sous le joug, il est nécessaire qu'il soit toujours en état de les apprécier à leurs oeuvres — таков основной вывод той пропаганды организованного революционного недоверия, к которому Марат приходит не только в этой статье (см. также «L'Ami du Peuple» № CCLXXIV, 8 novembre 1790).

³⁴ *Что дала народу революция* — Les moyens pour des citoyens qui veulent assurer leurs droits de vivre en paix avec des hommes qui leur font perpétuellement une guerre sourde et cruelle, «L'Ami du Peuple» № CCCXII, 11 décembre 1790. Идея, положенная в основу этой статьи, может быть прекрасно сформулирована словами т. Сталина: «Принципы не заключают соглашения; принципы побеждают». Марат проводит четкую грань между революционной тактикой до и после победы революции.

³⁵ *Контрреволюционный заговор созрел* — Adresse au peuple «L'Ami du Peuple» № CCCXIV, 18 décembre 1790. В этой статье, как и в статье «Seul moyen de sauver la patrie et d'empêcher que trois millions de citoyens ne soient égorgés», ясно сформулирована следующая политическая задача для 1790 года: «Une insurrection générale et des exécutions populaires».

³⁶ *Призыв к разгону Национального собрания* — Observations, «L'Ami du Peuple» № CCCXXIII, 28 décembre 1790. В своем предложении создать «содружество патриотов» он ссылается на номера своей газеты от января 1790 г. Марат тем самым хочет подчеркнуть, что он этой идее придает решающее значение. В том же номере газеты Марат издается над «русоманией»; широко распространенной во Франции. Национальное собрание укрепляет деспотизм и воздвигает стату Ж.-Ж. Руссо.

³⁷ *Современные шарлатаны* — Les charlatans modernes, ou Lettres sur le charlatanisme académique, publiées par M. Marat, l'Ami du Peuple, de l'imprimerie de Marat, 1791, 40 pp. Появление брошюры 12 сентября 1791 г., в момент выборов в законодательное собрание, имело целью дискредитировать наиболее видных представителей буржуазии — Пасторе, Лавуазье, Кондорсе. 14 августа 1790 г. Национальное собрание обсуждало вопрос о реформе Академии; в связи с этим 17 августа в № CCXIV «L'Ami du Peuple» Марат доказывал, что для поощрения наук, необходимых для развития сельского хозяйства, торговли и промышленности, не пужны государством покровительствуемые и поставленные в привилегированное положение академии; единственная отрасль науки, которая нуждается в поощрении, — это политика. В брошюре Марат подводит итоги многолетним своим спорам с академическим миром. Разногласия начались еще в 1773—1775 гг., к моменту публикации философского трактата «De l'Homme». Вольтер в своем отзыве издается над автором, который противопоставлял ученому миру философов идеи Жан-Жака Руссо. В этом был корень разногласий. С 1777 г., с переездом Марата во Францию, эти разногласия обострились. Марат рассказал о них подробно в письме своему другу Руму де Сен-Лорен 20 ноября 1783 г. Как физик Марат нападал на систему Ньютона, для того времени общепризнанную. Его опыты над светом заинтересовали ученых мир, в том числе и Франклина. Гёте в своей работе о цветах отзывается о нем, как об ученом, с уважением. Но Марат потянулся на сопротивление академической касты. Что она была несправедлива

к нему, прекрасно видел Бриссо и писал об этом ему задолго до революции в своем трактате «De la vérité». Значительно больший интерес представляют работы Марата по электричеству, в частности по вопросу о применении электричества в медицине. Последняя работа не потеряла интереса и в наши дни. Марат строго ограничивает число случаев, когда электричество может быть полезно в лечебном деле, и строго научно определяет в своих работах значение и условия опыта как метода познания.

История взаимоотношений Марата и Академии наук представляет особый интерес как глава из истории взаимоотношений энциклопедистов и враждебной им группы руссоистов. С 1783 по 1788 г. Марат безуспешно добивался признания своей научной деятельности, хотя не подлежит сомнению, что его работы привлекали всеобщее внимание. «Les charlatans modernes» сводит, таким образом, личные счеты к спорам общего значения, в отличие от того, что думает Веллэ в своих примечаниях («Les pamphlets», pp. 255—256); Марат дает политическое объяснение спорам буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков и представителей науки во Франции накануне революции.

³⁸ *Проект патриотического общества* — Projet d'une société patriotique vraiment utile, proposé aux amis de la justice et de la liberté «L'Ami du Peuple» № CCCXLII, 16 janvier 1791. В этой статье, в проекте образования «общества жетителей закона» идея Марата о необходимости организованного руководства массовым народным движением получает свой законченный характер. В дальнейшем мы не находим у Марата более подробной разработки этой темы.

³⁹ *До и после революции* — Observations sur le massacre de la Chapelle, «L'Ami du Peuple» № CCCLXXII, 15 février 1791. Перевод начал со слов: «...Vous prechez...» на стр. 4 и до конца статьи — стр. 6.

⁴⁰ *Гражданская присяга Друга Народа* — Serment civique de l'Ami du Peuple «L'Ami du Peuple» № CCCLXXIV, 17 février 1791. Марат был всегда врагом всяких формально юридических завоеваний революции, не подкреплённых силой. Его современники придавали огромное значение присягам, праздникам, внешним эмблемам, — Марат требовал вскрытия их классового и революционного смысла. В том же номере мы находим его рассуждения о роли секций, клубов как организованных центров народного восстания, поскольку рабочие (les ouvriers), лавочники, пролетарии (les proletaries) смогут принять в них участие.

⁴¹ *Отечество на краю гибели* — La Patrie aux abois, «L'Ami du Peuple» № CCCLXXX, février 1791. Статья эта интересна критикой демократически избранных дистриктов, секций, где формальное участие избирателей не гарантирует еще их реальной роли в революции. Отсюда вывод: «В продолжение восемнадцати месяцев я не перестаю кричать: свобода может быть завоевана только с оружием в руках». Статья эта вместе с тем служит наилучшим доказательством того, насколько живы утверждения историков о Марате как демагоге; строго критическое отношение к толпе служит наилучшим опровержением этой характеристики. Кроме того, в этой статье — уже с февраля 1791 г. — Марат предупреждает о подготовке короля к бегству.

⁴² *Размышления Друга Народа о праве ассоциации и коллективных петиций* — Réflexions de l'Ami du Peuple..., «L'Ami du Peuple» № CCCLXXXIX, 4 mars 1791. В критике закона против рабочих союзов, так называемого «закона Шапелье» (июнь 1791 г.), Марат исходил из необходимости защиты старых корпоративных объединений работников

как единственного средства их самозащиты и их политических прав на коллективное действие. Важно отметить, что для Марата патристические общества имеют право не только обсуждать, но решать и действовать в интересах революции. Критика «закона Шапелье» выделяет Марата и ставит его высоко над современниками, защитниками индивидуальной свободы, невмешательства в отношения труда и капитала.

⁴³ *Надгробное слово Рикетти* — Oraison funèbre de Riquetti, «L'Ami du Peuple» № CDXIX, 4 avril 1791. Одна из наиболее интересных политических статей Марата, в которых проявился его так называемый «пророческий» дар. Объявляя Мирабо злейшим врагом народа, Марат отмечает его соучастие в основных контрреволюционных мероприятиях двора с осени 1789 г. по 1791 г. Мирабо — инициатор «военного закона», суспенсивного вето, подавления демократии и т. д. Дальнейшие события и документы подтвердили обвинение Марата.

⁴⁴ *Ответ Марата рабочим национальных мастерских* — Renseignements sur la dernière conspiration, Réponse de L'Ami du Peuple à son correspondant, «L'Ami du Peuple» № CDXXV, 10 avril 1791; Exécrable projet de la municipalité de renvoyer les ouvriers des travaux publics, — Réclamations des ouvriers maçons de St.-Geneviève, «L'Ami du Peuple» № CDLXXXVII, 12 juin 1791 — принадлежат к интереснейшим документам по истории рабочего движения эпохи революции. Марат проводит резкую грань между рабочими «национальных мастерских», точнее — общественных работ, которые, — он неоднократно высказывал эти опасения, — могли стать, и становились, опорой роялистов и умеренных, и рабочими, защищающими свои права от насилия предпринимателей и правительства. Его сочувствие рабочим во втором случае было активным и бесспорным. Рабочий вопрос толковался, таким образом, Маратом в эпоху революции, в 1791 г., не только как экономический, но и как *политический* вопрос классовой борьбы. Весной 1791 г. в Париже начались массовые стачки, которые могли превратиться в серьезное революционное движение или, во всяком случае, усилить это движение. «Закон Шапелье» должен был помочь правительству и предпринимателям подавить стачки. Характерно, что во втором документе, письме рабочих, строящих церковь св. Женевиевы, речь идет не об одной, а о двух группах пролетариев: рабочих и тех, кто получал работу от подрядчиков, — картина, с которой нам приходится позже встречаться нередко, например в эпоху лионского восстания 1831 г. Не обратив внимания на это своеобразие забастовочного движения рабочих-строителей весной 1791 г., Е. Тарле не смог объяснить и позиции Марата в эпоху издания закона против рабочих ассоциаций.

⁴⁵ *Маркиз Лафайет* — глава контрреволюции — Histoire curieuse, véritable et remarquable des plus beaux traits de la vie de Marie-Paul-Joseph-Roch-Ives-Gilbert-Mottier, marquis de la Fayette, maréchal de camp, député de la noblesse de Riom aux Etats Généraux, fondateur du club des monarchiens et du club des fédérés instituteur des mouchards de l'état major, président du Comité Autrichien, généralissime des contre-révolutionnaires, conspirateur en chef du royaume de France et général de l'armée parisienne et grenadier à moustaches du Bataillon des Théatins, offerte à l'admiration des Français, amis de la vertu et de la liberté. «L'Ami du Peuple» №№ CDXL, CDXLI, 26—27 avril 1791. Таково название статьи, посвященной Лафайету, в которой Марат разоблачает «героя двух полушарий» — кумира либералов 1789—1791 гг. и революции 1830 г. В первой части своей статьи Марат показал, что роль Лафайета в Америке в борьбе за независимость была до смехо-

творности ничтожна. В революции он был главой вооруженной силы буржуазной аристократии, опоры монархии в ее борьбе с демократией и революцией.

Марат вел упорную борьбу с Лафайетом с октября 1789 г. Он посвятил ему две брошюры в 1790 г.—«Le général Mottié vendu par ses mouchards, ou La glorieuse expédition des vainqueurs de la Bastille» и «Le général Mottié vendu par ses mouchards... supplément extraordinaire de «L'Ami du Peuple». Последняя брошюра является приложением к газете «L'Ami du Peuple» № CCCXXI от 26 декабря 1790 г. Внимательное чтение статей о Лафайете убеждает нас в том, что Марат в этом случае разрешает ту же политическую задачу, что и в статьях о Неккере: борьба за демократию требует свержения власти буржуазной аристократии.

⁴⁶ *Бегство королевского семейства* — Fuite de la famille royale. «L'Ami du Peuple» № CDXCVII, 22 juin 1791. Начиная политическую кампанию в связи с бегством короля в Варенн, в июне 1791 г., Марат пытается превратить ее в кампанию за всеобщее народное восстание. В № CDXCVIII за 23 июня он развивал свои положения в статье «Le Sommeil de la mort des parisiens»: «Народу необходим трибун — человек из народа». Его задачи — возглавить революционное восстание, покончить с врагами народа. Всякие иные мероприятия законодательного собрания — только жалкие полумеры. «Бедный народ — заканчивает Марат свою статью, — Национальное собрание, штаб, министры, муниципалитет — все предают тебя, а ты крепко спишь в объятиях этих предателей, как если бы ты и не предполагал проснуться из летаргии до тех пор, пока они тебя не задушат». В следующем номере газеты Марат специально напоминает о терроре власти против крестьян и солдат, стремясь их мобилизовать на службу революции.

⁴⁷ *Национальное собрание виновно в бегстве короля* — Tout démontre partiellement la trahison des représentants du peuple; le général a répondre sur la tête de la personne du roi, «L'Ami du Peuple» № DI, 25 juin 1791 (существует № DI газеты с датой «21 июня»; дата неверна, по всем видимостям — типографская ошибка). Статья эта интересна как попытка Марата перевести гнев народа на новые рельсы: виноват не король, а Национальное собрание и правительство; в эту сторону народ должен направить свой гнев. В № 502 «L'Ami du Peuple» от 26 июня, в связи с попыткой Национального собрания изобразить короля жертвой интриг, Марат писал: «Французы, растолчите ногами этот подлый декрет, восстановите свои права, осознайте свои силы и свое достоинство». В отличие от демократов-современников, прежде всего занятых охраной легальности и прав парламента, Марат требует революционных действий. Как на образце революционной инициативы Марат указывает на действия крестьян, горожан и солдат, самовольно задержавших короля и требовавших его низложения.

⁴⁸ *Не республика, не монархия, а демократия* — Profonds sacrifices de l'Assemblée Nationale pour faire regarder le crime de lèze-nation de Louis Capet comme non-venu, «L'Ami du Peuple» № 518, 2 juillet 1791. Затем статья «Solution du problème proposé dans le numéro précédent» — речь идет о статье в № 517 за 1 июля — «Problème à résoudre». В споре о монархии и республике в июне — июле 1791 г. Марат занял своеобразную позицию. В то время как Барнав, вождь либеральной буржуазии, доказывал в Национальном собрании, что сохранение монархии необходимо для неприкосновенности собственности, что всякое углубление революции угрожает существованию

нового буржуазного общества, Марат в отличие от демократов-республиканцев доказывал, что политическая форма государства сама по себе не решает коренных вопросов революции в интересах трудящихся масс Франции. Друг Народа не присоединился поэтому к движению за подачу республиканской петиции 17 июля на Марсовом поле. В ряде своих статей он критикует республиканское движение за его половинчатость. В № 504 «L'Ami du Peuple» мы читаем: «Я рассматриваю депутатов-якобинцев как подлых усыпителей народа; если бы они были республиканцами, т. е. демократами, они выступили бы на защиту свободы против господ, вооружили бы народ, разогнали бы Национальное собрание, создали бы дистрикты и ввели бы в жизнь принципы «Деклараций прав».

⁴⁹ *Революция продолжается* — Tableau des malheurs, «L'Ami du Peuple» № 530, 14 août 1791. Статья была написана в самый разгар белого террора — гонений на демократов. Наряду с провозглашением новой революции, Марат в следующих номерах газеты обсуждает детали новой конституции, так называемой «конституции 1791 года», изданной после поражения народа в июне — июле этого года. В «L'Ami du Peuple» от 28 августа Марат провозглашает *гражданскую войну*, — в ней он видит единственную надежду на спасение народа. В № 542 (под этим номером вышла газета 30 августа и 1 сентября; мы цитируем газету от 30 августа) он выступает против увлечений законодательными собраниями: *«не Конвент, а только победоносная революция решает вопрос».*

⁵⁰ *Сравнение между старым и новым режимом* — Parallèle de l'ancien et du nouveau régime. «L'Ami du Peuple» № 554, 15 septembre 1791. К этой теме — сравнение нового и старого порядка — Марат неоднократно прибегал за последнее время, особенно в моменты разгула белого террора. Либералы на этом основании нередко обвиняли его в солидарности с роялистами.

⁵¹ *Последнее прощание Друга Народа с отечеством* — Derniers adieux de l'Ami du Peuple à la Patrie, «L'Ami du Peuple» № 558, 21 septembre, 1791. Последующие номера газеты печатались с обозначением различных провинциальных городов Франции; Марат скрылся в подполье, продолжая свою революционную агитацию. В этом «последнем» номере газеты он повторяет все свои основные требования и указания народным массам; от первого номера до последнего Марат остается верным своим принципам революционера и демократа. Статья «Derniers adieux» интересна как *итог* пропаганды трех лет. 15 декабря 1791 года Марат прекратил издание газеты, возобновив ее только 12 апреля 1792 г. по настоянию клуба Кордельеров и патриотических обществ.

⁵² *План революции, не удавшейся народу* — Le plan de la revolution absolument manquée par le peuple, «L'Ami du Peuple» № 667, 7 juillet 1792. № 667 газеты открывает историю 1792 года, когда Марат от борьбы за демократию переходит к провозглашению новой революции во имя диктатуры четвертого сословия. Эта новая задача и составляет содержание революционной деятельности Марата за 1792—1793 гг. 7 июля 1792 г. газета вновь начала выходить после временного перерыва с 15 июня, когда преследования правительства заставили Марата вновь уйти в подполье.

⁵³ *Советы Друга Народа федератам департаментов* — Conseils de l'Ami du Peuple aux fédérés des départements, «L'Ami du Peuple»

№ 674, 18 juillet 1792. В «федератах», т. е. вооруженных патриотах, пришедших в Париж к празднику федерации 14 июля с юга Франции, Марат видел искомую вооруженную силу грядущего всеобщего восстания. В № 675 в «Письме Друга Народа федератам восьмидесяти трех департаментов» Марат указывает на попытку умеренных повлиять на вооруженные отряды. Он противопоставляет их деятельности свою пропаганду: требования вооружения народа, изгнания контрреволюционеров, чистки Национального собрания (см. «L'Ami du Peuple» № 675) и т. д.

⁵⁴ *Письмо Друга Народа федератам восьмидесяти трех департаментов* — Lettre de l'Ami du Peuple aux fédérés des quatre-vingt-trois départements, 8 pp. (перепечатано в № 677 «L'Ami du Peuple» от 7 августа 1792 года без последних девяти строк). В этом памфлете кордельеры противопоставляются якобинцам, патриотические общества — легально собранным дистриктам, как организаторы восстания. Исключительно редкая брошюра: печатаем с фотоснимка ИМЭЛ.

⁵⁵ *Друг Народа — французским патриотам* — Marat, l'Ami du Peuple aux Français Patriotes, Paris, 10 août 1792, de l'imprimerie de Marat, 7 pp. У нас мало сведений об участии Марата в событиях революции 10 августа; печатаемый нами памфлет, датированный 10 августа, свидетельствует о его тактической позиции в эти дни: необходимо, утверждаем Марат, исправить ошибку, допущенную в июле и октябре 1789 г., необходимо довести революцию до конца, установить революционную диктатуру. Основной лозунг Марата: пропаганда против частичной победы, за завершение революции диктатурой четвертого сословия.

⁵⁶ *Народ, обманутый своими представителями...* — Le Peuple abusé par ses Représentants, ou Les nouvelles trahisons des pères conscrits depuis la prise du Château des Tuilleries, «L'Ami du Peuple» № 678, 13 août 1792. Основной мотив пропаганды ближайших дней после 10 августа — необходимость закрепить победу народа. Этому вопросу посвящена статья в № 679 (16 августа) «Mésures à prendre sans délai, pour assurer la liberté publique. Nécessité de sentir enfin le prix d'un moment». Марат предлагает органам революционной власти не уступать своих полномочий до полного торжества над врагами народа. Революционные комитеты, по его мнению, должны захватить имущество контрреволюционеров, половину его тотчас раздать беднякам-патриотам, объявить спекулянтов вне закона, объявив революцию непрерывной. Эта идея легла в основу социальной программы Робеспьера и Сен-Жюста весной 1794 г.

⁵⁷ *Друг Народа — храбрым парижанам* — Marat, l'Ami du Peuple, aux braves parisiens, 26 août 1792. Памфлет не был указан в Index'e Шеврмена; опубликован в 1892 г.; памфлет этот, известный как «восьмой плакат», опубликован афишей в три колонки в ночь с 25 на 26 августа, после известия о сдаче Лонгви. Поражение революции вызвало страшное возбуждение в массах. Марат, Дефорж, Леклерк и Дюфор, его соратники по комитету спасения инсurreкционной коммуны, 10 августа закрыли заставы столицы и начали разоружать подозрительных. Так началась подготовка событий, которые закончились неудавшимся восстанием 2 сентября 1792 г.

⁵⁸ *Друг Народа — своим согражданам* — Marat l'Ami du Peuple, à ses consitoyens, 28 août 1792, à Paris, de l'imprimerie C.-J. Gelé, imprimeur de la gendarmerie nationale (плакат-афиша). 21 августа

1792 г. Марат издал № 661 своей газеты, а 3 сентября 1792 г. он под тем же номером возобновил ее регулярное издание до № 685 включительно (21 сентября 1792 г.), после чего «L'Ami du Peuple» уступил место новому органу — «Journal de la République Française». В промежутке с 21 августа по 21 сентября им издан был ряд плакатов — боевых политических памфлетов:

1. «Marat, L'Ami du Peuple, à ses consitoyens», 28 août 1792.
2. «Marat, L'Ami du Peuple, aux Amis de la Patrie», 30 août 1792.
3. «Marat, L'Ami du Peuple, à Louis-Philippe-Joseph d'Orléans, prince français», 2 septembre 1792.
4. «Marat, L'Ami du Peuple, aux bons français», 8 septembre 1792.
5. «Marat, L'Ami du Peuple, à ses concitoyens les électeurs», 10 septembre 1792.
6. «Marat, L'Ami du Peuple, aux amis de la Patrie», 18 septembre, 1792.
7. «Marat, L'Ami du Peuple, à maître Jérôme Pétion, maire de Paris», 20 septembre 1792. Перепечатано в № 685 «L'Ami du Peuple» от 21 сентября в связи с тем, что мэр Петюи уничтожил большую часть распространенных Маратом плакатов. Как плакат, так и номер «L'Ami du Peuple» — исключительная редкость.

В конце августа наряду с дальнейшей пропагандой революции и организацией революционных сил Марат был занят выборами в Конвент. Прежде всего он выступает против решения законодательного собрания провести двустепенные выборы; затем он составляет рекомендательный список патриотов, в числе которых мы находим руководителей Инсurreкционной коммуны и вождей-демократов из глуба Кордельеров; среди кандидатур, которые он оспаривает, мы находим вождей Жироцды (Бриссо, Кондорсе), руководителей Болота в будущем конвенте (Барер, Спес), космополита А. Клоотса. В эпоху революции 20 августа — 2 сентября, как мы видим, Марат блюдет единство левого крыла демократов — Робеспьер — Дантон — Биллю-Варенн — К. Демулен — Робер. Ввиду широко распространенной клеветы о его связи с прицдем Орлеанским он дает последнему характеристику, как вновь обращенному патриоту и требует от него взять на себя издание революционной литературы, если он действительно служит интересам народа. Это «вымогательство» буржуазная историография упорно инкриминирует Марату, так же как и захват королевской типографии. Защищаясь от непрерывной клеветы (см. «Marat à ses consitoyens») Друг Народа ведет борьбу за свое избрание в Конвент, поддержанный революционными секциями столицы. Для его избирательной тактики характерно, что он заранее отказывается от парламентских компромиссов; трибуна Конвента должна быть использована для организации восстания. В своем «Открытом письме» мэру Парижа Петюи он дает жестокую критику половинчатых демократов, повинных в том, что революция 10 августа — 2 сентября не была закончена.

⁵⁹ *Смерть Людовику XVII!* — Discours de Marat sur la défense de Louis XVI, la conduite à tenir par la Convention et la marche alarmante que la faction royaliste s'efforce de lui faire suivre dans le jugement du tyran détrôné imprimé par ordre de la Convention de l'imprimerie nationale, 29 pp.

Та же брошюра имеется в другом издании с указанием на обложке: «Discours de Marat, l'Ami du Peuple...», 32 pp.

Кроме того, известна еще брошюра «Opinion de Marat, l'Ami du Peuple, député à la Convention Nationale sur le jugement de l'exmonar-

que», 10 pp.; «Journal de la République Française» № 65, 4 décembre 1792; перепечатано в Анжере, 12 страниц.

Речь Марата по поводу передачи вопроса о казни короля на обсуждение первых собраний напечатана была в № 94 «Journal de la République Française», 10 janvier 1793: «Discours de L'Ami du Peuple sur l'appel au peuple du jugement de tyran, imprimé par ordre de la Convention». Еще в декабре 1792 г. Марат заявлял, что вопрос о казни короля сводится к его роли как главы контрреволюционного сопротивления народу 10 августа (см. «Journal de la République Française», 14 décembre 1792). В борьбе с идеей апелляции к народу Марат ясно сформулировал революционное содержание своих «руссоистских» принципов; вопросы народного суверенитета он рассматривал под углом зрения революционной целесообразности. Одновременно с его выступлениями, с требованием казни короля он публикует в № 81 за 22 декабря 1792 г. статью «Aperçu des vexations exercées contre les petits propriétaires»; в ней он ставит вопрос о наделении бедняков землей. Но эта реформа мыслима только после новой революции, после чего «мы установим царство равенства и свободы». Задачи этой революции и определяют содержание демократии по Марату. В речи «об обращении к народу» от 10 января мы читаем: «Правда, законы должны быть выражением общей воли, но воли просвещенной и основанной на принципах извечного разума; несправедливый декрет, будет он утвержден общей волей нации или нет, не становится законом». Формально-юридическая постановка вопросов революции благодаря классовой борьбе терпит радикальные изменения; говоря словами Маркса, «почва права» уступает свое место «почве революции».

⁶⁰ *Против голода и дороговизны* — Tableau des Administrations désignées par Beaunonville, pour coopérer avec les agents secrets et à la dilapidation de la fortune publique à leur profit. Trait de gentillesse de la Faction des hommes d'État, «Journal de la République Française» № 133, 25 février 1793. Статья эта была написана в разгар продовольственных беспорядков в столице. Разгром лавок встретил сочувствие у многих крайних демократов и «бешеных». Жак Ру заявлял: «Я думаю, что бакалейные торговцы только вернули народу то, за что они в течение долгого времени заставляли его слишком дорого платить». Марат хотел использовать народное движение для борьбы с Жирондой. Вот почему 25 февраля он присоединяется к агитации Жака Ру, но пытается направить внимание народа в сторону политических задач революции. Его выступление вызвало волну новых преследований со стороны правительства, и демократам пришлось несколько задержать свою агитацию; 28 февраля 1793 г. в № 136 газеты Марат разъясняет свое предложение от 25 февраля: «повесить лабазников у дверей их лавок»; он готов теперь обвинить в организации продовольственных беспорядков врагов народа. Статья 25 февраля была, таким образом, тактическим маневром со стороны Марата.

⁶¹ *Марат патриотам, своим коллегам в Национальном конвенте* — Marat aux Patriotes ses collègues à la Convention, «Journal de la République Française» № 137, 1 mars 1793.

«La Révolution manquée... Anarchie effroyable dans laquelle va nous plonger la misère du peuple portée au comble», «Journal de la République Française» № 138, 2 mars 1793. В этих статьях обращает на себя внимание критика экономической политики Конвента до изгнания Жиронды. Свою социальную программу Марат формулирует таким образом: *речь идет не о борьбе с возрастанием нищеты, а с ее*

уничтожением. В эпоху Конвента статей на экономические темы в газете Марата гораздо меньше, чем в 1789—1791 гг.

⁶² Вторичное обращение к патриотам Конвента — «Journal de la République Française» уступил место «Le Publiciste de la République Française» 14 марта 1793 г.; причиной перемены названия послужило постановление Конвента от 9 марта о том, что депутат не может быть издателем и редактором газеты. Марат готов был приветствовать это решение, поскольку речь шла о продажной журналистике, но протестовал, когда имели в виду журналиста-революционера. Он ограничился тем, что выбросил из заголовка слово «Journal», заменив его словом «Le Publiciste» («Profession de foi de Marat, l'Ami du Peuple, député à la Convention, adressée au peuple français, en général, à ses commetants en particulier» вышло брошюрой вместо № 156 газеты «Le Publiciste de la République Française» 30 марта 1793 г. В «Profession de foi», как и в статье из № 147 от 19 марта, мы имеем интересный автобиографический материал о деятельности Марата. С полным основанием Марат заявляет: «J'arrivai à la Révolution avec des idées faites» («Я пришел в революцию с оформленными принципами»).

⁶³ Profession de foi — «Le Publiciste de la République Française» № 170, 17 avril 1793; № 181, 29 avril 1793. Преследования Марата Жирондой с особой силой начались в марте 1793 г. 12 апреля Конвент приступил к обсуждению вопроса о предании его суду. Его обвинили в том, что он требовал разгона Конвента (5 января 1793 г.) и агитировал за разгром лавок (24 февраля). 16 апреля «Moniteur» сообщает о его предварительном аресте и начале процесса. Решение было принято путем поименного голосования. Характерно, что в Конвенте нашлось мало людей, которые солидаризировались бы с маратизмом. Один из наиболее ярых его защитников утверждал: «Я всегда рассматривал Марата как человека, необходимого в эпоху революции». Брат Робеспьера пояснил свою защиту Марата тем, что его арест служит лишь предлогом для преследования патриотов. Марат мог опереться в своей борьбе с Жирондой исключительно на массовое революционное движение. 23 апреля «Le Publiciste» сообщает о процессе, который начнется через день. 24-го дело началось при огромном стечении народа. Марат сам выступил в свою защиту (ее текст помещен в № 178 газеты от 25 апреля — «Défense juridique de J.-P. Marat, député à la Convention, contre la faction des hommes d'état, ses infâmes délateurs»). Защита эта стала обвинительным актом против Жиронды. Под нажимом требований революционных масс Парижа и провинции Марат был оправдан. Его освобождение превратилось в триумф. Жирондисты вынуждены были признать, что «допустили ошибку, предав его суду».

⁶⁴ Новая революция не закончена — Défait d'énergis du Comité de salut public. Nécessité indispensable des plus grandes mesures pour sauver la patrie..., «Le Publiciste de la République Française» № 211, 8 juin 1793. Доводы этой статьи характерны для публицистической деятельности Марата после 2 июня. С горечью он называет себя Кассандрой революции (см. «L'Ami du Peuple» № 219 от 17 июня «Cassandre de la Révolution»). Основная ошибка власти после победы — отказ от установления революционной диктатуры.

⁶⁵ Усыпители народа во главе новой революции — Observation de l'Ami du Peuple, «Le Publiciste de la République Française» № 223, 21 juin 1793. Тотчас после 2 июня Марат решил устраниваться от

активной деятельности в Конвенте. Он думал таким образом ослабить аргументы изгнанных жирондистов, которые обвиняли его во всех эксцессах революции. Политический смысл этого самоустранения был, однако, другой: между Маратом и его союзниками, якобинцами, явно не было единства во взглядах на задачи революционной власти. Но поведение умеренной фракции якобинцев (Камбона, Баррера) заставило его снова вернуться к активной деятельности. В № 224 от 23 июня 1793 г. он сообщает читателям о своем возвращении: «Moyens de parer aux dangers et de remédier aux malheurs de la Patrie». У власти все еще стоят дворяне и буржуа, в то время как «поденщики, рабочие, ремесленники, мелкие лавочники, крестьяне трудятся в поте лица своего, чтобы как-нибудь прожить», и не могут руководить правительством. Гражданская война, направляемая бедняками в их интересах, необходима и неизбежна; следовательно, необходима и революционная диктатура четвертого сословия, для которого Конвент ничего до сих пор не предпринял.

⁶⁶ *Портрет Жака Ру* — Faux patriotes plus dangereux que les aristocrates et les royalistes. Portrait de J. Rou, saute-feu de la section des Gravilliers et de la société des Cordeliers, chassé de ses assemblées primaires; de même que ses confrères Valet et Leclerc, ses complices, «Le Publiciste de la République Française» № 234, 4 juillet 1793.

Как видно из письма, Жак Ру не отдает себе отчета в причинах, побудивших Марата выступить против него. Он готов видеть в борьбе против него лишь происки скупщиков: «Выступления против меня являются делом тех, кто оставляет интересы народа и бьет отбой, когда они туго набили свои кошельки». Но политическую оценку борьбе якобинцев с «бешеными» дал Робеспьер. Он заявил: «Жак Ру хочет придать патриотам оттенок умеренности, благодаря которому они потеряли бы доверие народа». Выступление Жака Ру против конституции в Конвенте в заседании 25 июня 1793 г. не могло не прозвучать угрозой для революции, еще не окончившей с Жирондой. Марат поэтому теперь осторожнее, чем раньше, выступил на борьбу с жепатриотами. Для него конституция демократической республики должна была стать *исходным пунктом* нового движения. И если по существу своей социально-политической программы он был солидарен с «бешеными», то он возражал против их недооценки политической борьбы и ошибочной тактики. Конфликт между Жаком Ру и Маратом достиг болезненной остроты и был широко известен; это объясняет нам, почему тотчас после убийства Марата Жак Ру был задержан и допрошен по обвинению в убийстве. Протокол допроса извлечен нами из «Archive Nationale».

⁶⁷ *Патриоты Горы не замечают измены* — Fausses nouvelles, dont on berce le peuple pour l'égorger. Nouvelles sûres de la Vendée. Réclamations de l'Ami du peuple contre les trembleurs de la Convention, «Le Publiciste de la République Française» № 235, 6 juillet; № 236, 7 juillet 1793. Вопрос о взаимоотношениях Марата и якобинцев в июне — июле 1793 г. остается до сих пор недостаточно изученным (см. Ц. Фридлянд, «Классовая борьба в июне — июле 1793 г.», журнал «Историк-марксист» №№ 1—2). Очевидно, однако, что, несмотря на все его попытки сохранить лояльное отношение к победителям 2 июня, события вынуждали его перейти в наступление. Якобинцы в Конвенте пытались игнорировать его указания. В письме председателю Конвента Тюрюю от 5 июля 1793 г. Марат пишет: «Если это письмо

достигнет та же участь, то я завтра утром прикажу отнести себя прямо на постели в зал собраний, чтобы пожаловаться на это нарушение моих депутатских прав. Обратите же заботливое внимание Конвента на угрожающие отечеству опасности и на средства, способные отвратить их, и докажите народу, что не я виноват, если их не принимают, после того как я столько раз предлагал их».

Конфликт между Маратом и Конвентом обострялся со дня на день. 8 июля в № 237 своей газеты Марат опубликовал статью «Projet d'enlever de Paris jusqu'au dernier sansculotte pour oréger la contre-révolution», где обращает внимание патриотов на то, что бедняки отправляются на фронт, а богачи благоденствуют в столице. 9 июля (№ 238) он продолжает обсуждение вопроса о положении немущих. Его интересует судьба национальных имуществ; они попали в руки богачей, а должны бы стать достоянием бедняков. Экспроприация имущества врагов народа и передача его маломущим — такова его социальная программа. К этой теме он упорно возвращается 12 июля, за день до своей смерти, в связи с обсуждением вопроса о гражданской войне в Лионе.

Газета «Le Publiciste de la République Française» кончается на № 242 от 14 июля, т. е. последний номер газеты вышел на следующий день после убийства Друга Народа. Его последние строки посвящены вопросу об умеренности Комитета общественного спасения и о роли «соглашателей-якобинцев» во главе с Баррером и Камбоном, политическими вождами «Болота» буржуазного крыла якобинцев.

⁶⁸ О диктаторе и диктатуре — Société des amis de la liberté et de l'égalité, seante aux ci-devant Saint-Honoré à Paris — под этим названием опубликовано было отдельной брошюрой (8 страниц) «Письмо Марата Якобинскому клубу» от 20 июня 1793 г., прочитанное в заседании клуба 21 июня и напечатанное по решению клуба Якобинцев. Необходимость в издании этого письма была очевидна, поскольку основные обвинения жирондистов и умеренных якобинцев против Марата и маратизма сводились к спорам по вопросу о революционной диктатуре. Письмо это, таким образом, формулирует основную мысль революционной пропаганды Марата за 1789 и 1793 гг.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература о Марате богата и разнообразна; мы укажем только некоторые основные работы:

Chevremont, Marat, Index du bibliophile et de l'amateur de peintures, gravures etc., Paris 1876.

Изданные сборники работ Марата:

Vellay, La correspondance de Marat, Paris 1908; имеется русский перевод.

Vellay, Supplément à la correspondance de Marat, «Revue de la Révolution Française», janvier — mars 1910.

Vellay, Les pamphlets de Marat, Paris 1911.

Vermorel, L'Ami du peuple. Oeuvres choisies.

Основные монографии о Марате:

Bougeart, Marat, l'Ami du peuple, 2 vol., 1865.

Вах-Бельфорт, J.-P. Marat, the People's Friend, Boston 1901.

Cabanis, Marat inconnu, l'homme privé, le médecin, le savant, d'après des documents nouveaux et inédits, 1911.

Chevremont, J.-P. Marat, esprit politique accompagné de sa vie scientifique, politique et privée, 2 vol., 1880.

Gottschalk, J.-P. Marat, l'Ami du peuple, 1929.

Walter, Marat, 1933.

Sidney L. Phipps, J.-P. Marat, his Career in England and France before the Revolution, 1924 (образец реакционной литературы).

Русская историческая литература о Марате небогата; кроме популярных брошюр И. Степанова и Ольшевского, см. работы: Ц. Фридлянд, Марат до революции; Ц. Фридлянд, Классовая борьба в июне — июле 1793 г. (Марат и якобинцы); Ц. Фридлянд, Марат и гражданская война XVIII в., т. I.

Из мемуарной литературы о Марате см.:

«Portrait de Marat» par Fabre d'Églantine, représentant du peuple, député de Paris à la Convention Nationale; Paris, «seconde» année de la République.

Barbaroux, Mémoires, 1827.

Brissot, Mémoires, 1830.

Общих трудов по истории революции мы здесь не указываем.

Письмо Ф. Энгельса к Каутскому опубликовано в журнале «Историк-марксист» № 3 за 1933 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ж.-П. МАРАТА

1743 г. *Май 24.*— В местечке Будри Невшатальского кантона в Швейцарии родился Жан-Поль Марат.

1751 г.— Выходит первый том «Энциклопедии».

1759 г.— Марат уезжает во Францию учиться.

1762 г.— Выходят работы Руссо—«Общественный договор» и «Эмиль».

1763 г.— Дело Уилькса в английском парламенте.

1765 г.— Выходят последние десять томов «Энциклопедии».

Ок. 1769 г.— Марат поселяется в Лондоне, где выходит его первая книга «Об одной глазной болезни»— «An essay on a singular disease of the eyes» (точная дата выхода книги неизвестна).

Ок. 1770 г.— Марат пишет роман «Польские письма»— «Lettres polonaises» (не издан).

1773 г.— Выходит философское сочинение Марата «О человеке»— «A philosophical essay on man. Being an attempt to investigate the principles and laws of the reciprocal influence of the soul and body», London, 1773, t. I—271 p., t. II—263 p.

1774 г.— Людовик XVI вступает на престол, восстанавливает парламенты и назначает Тюрго министром финансов.

Выборы в английский парламент.

Выходит первое политическое сочинение Марата «Цени рабства»— «The Chains of slavery. A work wherein the clandestine and villanous attempts of princes to ruin liberty are pointed out and the dreadful scenes of despotism disclosed. To which is prefixed an address to the electors of Great Britain». London, 1774, 259 p.

1775 г.— Шотландский Университет св. Андрея присуждает Марату высшую ученую степень— доктора медицины.

Выходит французский перевод книги «О человеке», под названием: «De l'homme ou des principes et des lois de l'influence de l'âme sur le corps et du corps sur l'âme», Amsterdam, t. I—323 p., t. II—379 p., t. III—220 p.

1776 г.— Отставка Тюрго.

Провозглашение независимости Северо-Американских Соединенных Штатов.

Марат переселяется в Париж и занимается преимущественно медициной и точными науками.

1777 г.— Неккер назначается министром финансов.

1778 г.— Смерть Вольтера и Руссо.

1779 г.— Марат поступает на службу врачом при дворе графа д'Артуа.

Выходит труд Марата «Об огне, электричестве и свете» — «Découvertes de Marat, docteur en médecine et médecin des Gardes-du-corps de M. le comte d'Artois sur le feu, l'électricité et la lumière, constatées par une suite d'expériences nouvelles qui viennent d'être vérifiées par M. M. les commissaires de l'Académie des Sciences». Paris, 1779, 38 p.

1780 г.— Выходит первое издание «Проекта уголовного кодекса» — «Plan de législation criminelle», Невшатель, Швейцария (полное название см. ниже, в 1790 г.).

Выходят научные труды Марата: «О физических свойствах огня» — «Recherches physiques sur le feu, par M. Marat, docteur en médecine et médecin des Gardes-du-corps de M. le comte d'Artois», Paris; «О свете» — «Découvertes de M. Marat, docteur en médecine et médecin des Gardes-du-corps de M. le comte d'Artois sur la lumière, constatées par une suite d'expériences nouvelles qui ont été faites un très grand nombre des fois sous les yeux de M. M. les commissaires de l'Académie des Sciences». A Londres et se trouve à Paris, 202 p.

1781 г.— Опубликование Неккером отчета о финансовом состоянии Франции и его отставка.

1782 г.— Выходит работа Марата «Об электричестве» — «Recherches physiques sur l'électricité, par M. Marat, docteur en médecine et médecin des Gardes-du-corps de M. le comte d'Artois», Paris, 461 p.

1784 г.— Выходят научные работы Марата: «Элементарные понятия оптики» — «Notions élémentaires d'optique», Paris; «О применении электричества в медицине» — «Mémoire sur l'électricité médicale, couronné le 6 août 1783 par l'Académie Royal des sciences, belles-lettres et arts de Rouen», Paris, 111 p.

1785 г.— Марат пишет «Похвальное слово Монтескье» — «Eloge de Montesquieu» (рукопись не издана).

1786 г.— Марат уходит со службы графа д'Артуа.

1787 г.— Собрание нотаблей, созванное Калонном.

Выходит перевод «Оптики» Ньютона, сделанный Маратом. — «Optique de Newton. Traduction nouvelle, faite par M. ...», sur la dernière édition originale).

1788 г.— Новое назначение Неккера и последнее собрание нотаблей.

Выходит первое собрание научных (по физике и оптике) сочинений Марата под названием «Oeuvres de M. Marat. Mémoires académiques ou nouvelles découvertes sur la lumière, relatives aux points les plus importants de l'optique».

1789 г. *Февраль*.— Выходит политический памфлет Марата «Дар отечеству» — «Offrande à la Patrie ou discours au tiers état de France (anonyme)», 62 p.

Апрель.— Выходит «Дополнение к Дару отечеству» — «Supplement à l'Offrande à la Patrie ou discours au tiers état de France. Sur le plan d'opérations que ses députés aux états généraux doivent se proposer; sur les vices du gouvernement d'où résulte le malheur public; sur la lettre de convocation et sur le règlement qui y est annexé (anonyme)», 62 p.

Май 5.— Открытие Генеральных штатов.

Июнь 17.— Депутаты Генеральных штатов объявляют себя Национальным собранием.

Июль 14.— Взятие Бастилии.

Август.— Обсуждение в Национальном собрании «Декларации прав человека и гражданина» и конституции.

Выходит первый (и единственный) номер «Moniteur patriote».

Марат печатает свой проект «Декларации прав» и конституции — «La Constitution ou Projet de déclaration des droits de l'homme et du citoyen, suivie d'un plan de Constitution juste, sage et libre. Par l'auteur de l'Offrande à la Patrie», Paris, 67 p.

Сентябрь 9.— Выходит первый номер газеты Марата под названием «Le Publiciste Parisien. Journal politique, libre et impartial par une Société des patriotes et rédigé par M. Marat, l'auteur de l'Offrande à la Patrie, du Moniteur et du Plan de constitution etc.», с эпитафией из Руссо: «Vitam impendere vero» («Умри, но утверждай истину»).

С 16 сентября газета меняет название, выходит «L'Ami du Peuple ou le Publiciste Parisien, journal politique, libre et impartial par une Société des patriotes et rédigé par M. Marat, auteur de l'Offrande à la Patrie, du Moniteur et du Plan de constitution etc.».

Октябрь 5—6.— Попытка народного восстания и переезд короля из Версаля в Париж.

Обвинение Марата в связи с делом Жолл; приказ об его аресте. Марат уходит в подполье, издание «L'Ami du Peuple» прерывается (8 октября).

Ноябрь 5.— Издание «L'Ami du Peuple» возобновляется.

1790 г. *Январь.*— Вторичная попытка арестовать Марата. Он уезжает в Англию. Выходит памфлет Марата «Разоблачение против Неккера» — «Dénonciation, faite au tribunal du public par M. Marat, l'Ami du peuple, contre M. Necker, premier ministre des finances», 69 p.

Февраль.— Выходит «Призыв к нации» — «Appel à la Nation, par J.-P. Marat, l'Ami du peuple, citoyen du district des Cordeliers et auteur de plusieurs ouvrages patriotiques, contre le ministre des finances, la municipalité et le Châtelet de Paris; suivi de l'exposé des raisons urgentes de destituer cet administrateur des deniers publics, de purger cette corporation et abolir ce tribunal, redoutables suppôts du despotisme», 67 p.

1789 г. *Апрель.*— Выходят «Размышления о судебном устройстве» — «Lettre de M. Marat, l'Ami du peuple, contenant quelques réflexions sur l'ordre judiciaire».

Май.— Выходит «Второе разоблачение против Неккера» — Nouvelle dénonciation de M. Marat, l'Ami du peuple, contre M. Necker, premier ministre des finances ou Supplement à la dénonciation d'un citoyen contre un agent de l'autorité».

Марат возвращается во Францию.

Июль.— Выходят: «Проект уголовного кодекса» — «Plan de législation criminelle. Ouvrage dans lequel on traite des délits et des peines, de la force des preuves et des présomptions et de la manière d'acquérir ces preuves et présomptions durant l'instruction de la procédure de manière à ne blesser ni la justice, ni la liberté, et à concilier la douceur avec la certitude des châtimens et l'humanité avec la sûreté de la société civile», Paris, 157 p.; памфлеты: «Адский план врагов революции» — «Infernal projet des ennemis de la Révolution, par M. Marat, auteur de l'Ami du peuple»; «Мы погибли» — «C'en est fait de nous. Signé Marat, l'Ami du peuple».

Новые преследования Марата. Он уходит в подполье.

Август.— Памфлеты Марата: «Нас усыпляют, будем на страже» —

«On nous endort, prenons-y garde»; «Это прекрасный сон, бойтесь пробуждения» — «C'est un beau rêve, gare au reveil»; «Ужасное пробуждение» — «L'affreux reveil».

Сентябрь.— Памфлеты Марата: «Описание ужасных событий в Нанси» — «Relation fidèle des malheureuses affaires de Nancy»; «Что на самом деле произошло в Нанси» — «Relation authentique de ce qui s'est passé à Nancy».

Обыск в типографии и повторные попытки арестовать Марата.

Декабрь.— Памфлет: «Генерал Моттье продан своими шпионами» — «Le général Mottié vendu par ses mouchards où la glorieuse expedition des vainqueurs de la Bastille».

Новые попытки захватить Марата и арестовать его.

1791 г. *Апрель.*— Смерть Мирабо.

Апрель — май.— Статьи Марата в «L'Ami du Peuple» против социальной политики Национального собрания.

Июнь.— Бегство короля в Варенн и возвращение в Париж.

Издание закона Ле Шапелье о запрещении рабочих ассоциаций.

Июль.— Расстрел на Марсовом поле граждан, собравшихся для подписания петиции о низложении короля.

Сентябрь.— Принятие конституции и закрытие Национального собрания. Выборы в Законодательное собрание.

Выходит брошюра Марата «Современные шарлатаны» — «Les charlatans modernes ou lettres sur le charlatanisme académique, publiées par M. Marat, l'Ami du peuple», 40 p.

Преследования Марата продолжают, и он решает уехать в Англию. Доехав до Амьена, возвращается в Париж.

Октябрь. Открытие Законодательного собрания.

Декабрь.— Марат уезжает в Англию. Издание «L'Ami du Peuple» прерывается.

1792 г. *Март.*— Назначение министров-жироидистов (Ролана, Дюмурие и др.).

Апрель.— Марат возвращается во Францию и возобновляет издание «L'Ami du Peuple».

Выходит «Проспект» его книги «Школа гражданина» — «L'école du citoyen. Prospectus. Par Marat, l'Ami du peuple».

Объявление войны Австрии. Первая интервенция контрреволюционных армий.

Май.— Обвинение Марата в Законодательном собрании, новый приказ об его аресте и закрытии «L'Ami du Peuple».

Марат, находясь в подполье, продолжает издание своей газеты.

Июнь.— Отставка министров-жироидистов. Попытка народного восстания (20 июня).

Июль.— Военные неудачи. Объявление «отечества в опасности» и набор волонтеров. Вооруженные «федераты 83 департаментов» в Париже.

Август 7.— Письмо Марата «К представителям 83 департаментов» — «Lettre de l'Ami du peuple aux fédérés des 83 départements».

Народное восстание и инсurreкционная Коммуна 10 августа.

Марат — член Наблюдательного комитета Коммуны.

Памфлеты Марата: «К французам-патриотам» — «Marat, l'Ami du peuple, aux français-patriotes», Paris, 10 août 1792; «К своим согражданам» — «Marat, l'Ami du peuple, à ses concitoyens», 28 août 1792; «К друзьям отечества» — «Marat, l'Ami du peuple, aux amis de la Patrie», 30 août 1792.

Сдача Лонгви. Враг угрожает Парижу.

Манифест герцога Брауншвейгского.

Сентябрь.— Попытка народного восстания и казнь контрреволюционеров в тюрьмах (2—3 сентября).

Марат вместе с Комитетом общественного спасения Коммуны публикует воззвание с призывом к новой революции.

Сдача Вердена. Назначение Дюмурье главнокомандующим. Первые успехи революционных войск.

Выборы в Конвент.

Выходят памфлеты Марата: «К принцу французскому Людовику-Филиппу-Жозефу Орлеанскому» — «Marat, l'Ami du peuple, à Louis-Philippe-Joseph d'Orléans, prince français», 2 septembre 1792; «К добрым гражданам французам» — «Marat, l'Ami du peuple, aux bons français», 8 septembre 1792; «К согражданам избирателям» — «Marat, l'Ami du peuple, à ses concitoyens les électeurs», 10 septembre 1792; «К друзьям отечества» — «Marat, l'Ami du peuple, aux amis de la Patrie», 18 septembre 1792; «К Жерому Петюну, мэру Парижа» — «Marat, l'Ami du peuple, à maître Jérôme Petion, maire de Paris», 20 septembre 1792.

Открытие Национального Конвента (21 сентября).

Марат — член Конвента.

Обвинение Марата перед Конвентом.

Газета Марата меняет название: выходит «Journal de la République Française. Par Marat, l'Ami du peuple, Député à la Convention nationale».

Ноябрь.— Начало суда над Людовиком XVI.

Памфлет Марата: «О суде над бывшим монархом» — «Opinion de Marat, l'Ami du peuple, Député à la Convention nationale sur le jugement de l'ex-monarque».

Выходит речь Марата о деле короля, приготовленная для выступления в Конвенте, но не произнесенная там, — «Discours de Marat sur la défense de Louis XVI, la conduite à tenir par la Convention et la marche alarmante que la faction royaliste s'efforce de lui faire suivre dans le jugement du tyran détrôné. Imprimé par ordre de la Convention».

1793 г. *Январь 21.*— Казнь Людовика XVI.

Февраль.— Продовольственные волнения в Париже.

Обвинение Марата в Конвенте и его оправдание.

Объявление Францией войны Англии и Голландии.

Вторая интервенция контрреволюционных армий.

Март.— Выходит французский перевод книги «Цепи рабства» — «Les chaînes de l'esclavage. Ouvrage destiné à développer les noirs attentats des princes contre les peuples, les ressorts secrets, les ruses, les menées, les artifices, les coups d'état qu'ils emploient pour détruire la liberté et les scènes sanglantes qui accompagnent le despotisme». Par J.-P. Marat, l'Ami du peuple, Paris, 28 mars 1793, 364 г.

Газета Марата меняет название: выходит «Le Publiciste de la République Française ou observations aux Français par Marat, l'Ami du peuple, Député à la Convention nationale».

Отвечая на обвинения, Марат выпускает «Observations à mes commetants», 25 mars 1793; «Исповедь веры Марата» — «Profession de foi de Marat, l'Ami du peuple, Député à la Convention. Adressée au peuple français en général et à ses commetants en particulier», 30 mars 1793.

Неудачи революционных армий на фронте. Измена Дюмурье. Начало Вандейского восстания.

Апрель.— Выступление Марата и Робеспьера против жирондистов.

Новые обвинения против Марата. Решение Конвента о предании Марата суду (13—14 апреля).

Публикуется «Письмо Марата Конвенту» — «Lettre de Marat, Député du département de Paris à la Convention nationale, lue à la séance du 13 avril 1793».

Арест Марата (22 апреля), суд над ним (24 апреля) и оправдание.

31 мая — 2 июня. — Народное восстание против жирондистов, их обвинение и исключение из Конвента; Марат руководит восстанием.

Июнь. — Восстание южных департаментов, успехи вандейцев.

Спор Марата с Жаком Ру.

Июль 13. — Убийство Марата.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ¹

Август (63 до н. э.—14 н. э.)—первый римский император—139, 414, 570.

Австриячка—насмешливое прозвище королевы Марии-Антуанетты—412, 497, 572.

Агезилай—спартанский царь (398—361 до н. э.), вел победоносные войны с персами (против царя Артаксеркса), а также с Афшнами, Фивами и другими греческими государствами—157.

Агрикола (40—93 н. э.)—римский полководец, удачно воевавший с Британией; впоследствии был в ней наместником—138.

Азема (Azema), Мишель (1752—1827)—юрист, член Законодательного собрания 1791 г., член Конвента, республиканец; впоследствии чиновник министерства юстиции при Наполеоне—701.

д'Аламбер (d'Alembert), Жан-Рон (1717—1783)—геометр и писатель, философ эпохи просвещения XVIII века, материалист, один из основателей «Энциклопедии»—51, 521, 525, 526, 683.

Александр VI Борджиа (1431—1503)—римский папа (с 1492); известен своими преступлениями, пороками и корыстолюбием; вел борьбу с феодалами и князьями, стремясь укрепить политическую власть и богатства своей семьи—135.

Алкантара орден—испанский рыцарский орден, основанный в 1176 г. для борьбы с маврами—135.

Алкид (сын Алкея)—одно из наименований Геракла, легендарного героя греков (см. Геркулес)—241.

Альгвазилы—должностные лица в Испании, в прежнее время судьи губернаторы, служители инквизиции; позже—мелкие чиновники в полиции и в суде—143, 574.

«L'Ami du Peuple» («Друг Народа») — газета Марата; начала выходить 12 сентября 1789 г. под названием «Le Publiciste Parisien» («Парижский публицист»); с № 6 до 21 сентября 1792 г. называлась «L'Ami du Peuple ou le Publiciste Parisien»; с 25 сентября 1792 г.—«Journal de la République Française» («Газета Французской республики»), а с марта 1793 г. по 13 июля 1793 г. (смерть Марата)—«Le Publiciste de la République Française» («Публицист Французской республики») — 12—14, 32, 35, 54, 60, 392, 588, 785—798.

¹ Имена, встречающиеся только во вступительной статье и примечаниях, отмечены звездочкой (*) — напр. * *Бабель*.

д'Андрэ (d'André, или Dandré) — см. Эмери.

* *«Annales historiques de la Révolution Française»* («Исторические летописи Французской революции») — журнал, основанный и редактировавшийся А. Матезом. После его смерти продолжает выходить под редакцией Лефевра — 31.

Аннибал, или Ганнибал (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец, вел войну с Римом (так называемая Вторая пуническая война, 218—201 до н. э.) и был разбит римским полководцем Сципионом; победой Рима кончилась независимость Карфагена и борьба его за торговую гегемонию на Средиземном море — 249.

Антуанетта (Antoinette) — Мария-Антуанетта (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI, дочь австрийского императора Франциска I и Марии-Терезы; 10 августа 1792 г. заключена в Тампль; казнена 16 октября 1793 г. — 584, 664.

Аполлон (греч. миф.) — бог солнца, поэзии, пения и музыки — 146.

Аристид (129—189) — древнегреческий оратор, житель Смирны, действовавший на восстановление города после землетрясения — 557.

Аристомен, или Аристокдем (VIII век до н. э.) — герой древней Мессении (область Греции) — вождь восстания против спартацев, был некое время царем — 139.

Аристотель (384—322 до н. э.) — греческий философ и ученый, обосновавший и научно систематизировавший всю сумму знаний древнего мира — 148.

Арминий, или Герман (17 до н. э.—19 н. э.) — вождь германского племени херусков, организатор восстания против римлян, разбивший их в битве в Тевтобургском лесу (9 н. э.) — 251.

д'Артуа (d'Artois), граф (1757—1836) — брат Людовика XVI, один из руководителей контрреволюционной эмиграции; с 1824 г. по 1830 г. король Франции под именем Карла X — 15, 334, 403, 408, 410—427, 542, 579, 630, 764.

* *Бабёф* (Babeuf), Франсуа-Ноэль (Гай Гракх) (1760—1797) — коммунист, организатор «заговора равных» против Директории (1796) — 21, 22, 24—28, 57, 63, 65.

Байи (Bailly), Жан-Сильвен (1736—1793) — председатель Национального собрания и мэр Парижа до ноября 1791 г., член Конвента, фейял, в Конвенте примыкал к жирондистам — 19, 53, 56, 61, 356, 359—361, 366, 370, 406, 419, 447, 498, 557, 573, 578, 579, 586, 588, 631, 655, 658.

Бакман (Bachmann), Антуан-Леодегар (1732—1792) — начальник швейцарской гвардии короля, защищавшей Тюильри 10 августа 1792 г.; казнен 3 сентября 1792 г. — 695.

Бальби (Balbi), граф — генуэзский аристократ, муж фаворитки герцога Прованского (будущего короля Людовика XVIII) — 380.

* *Бальзак* (Balzac), Оноре (1799—1850) — 23.

Бамалитет — феодальный институт, в силу которого сеньор мог принудить своих крестьян пользоваться за установленную им плату какой-либо принадлежащей ему вещью общественного значения, например мельницей, выгоном, виноградным точилом и т. п. — 277.

Баптисты — религиозная секта; была основана в начале XVII века в Англии среди мелкой буржуазии и боролась против англиканской официальной церкви, поддерживавшей крупных собственников и землевладельцев — 152.

Барбару (Barbaroux), Шарль (1767—1794) — член Конвента, жирондист — 69, 756.

* *Барбес* (Barbès), Арман (1809—1870) — французский революционер,

член тайных революционных обществ в эпоху Июльской монархии, депутат Учредительного собрания 1848 г.—22.

* *«Бармесиды»* («Les Barmécides») — трагедия Ж.-Ф. Лагарпа — 17.

Барнав (Barnave), Антуан-Пьер-Жозеф-Мария (1761—1793) — член Национального собрания, сторонник конституционной монархии, после бегства и возвращения короля (1791) перешел на сторону роялистов; в 1793 г. за тайные сношения с двором арестован и казнен — 40, 52, 64, 65, 83, 433, 440, 545, 578, 580, 673, 744, 787, 795.

Баррер, или *Барер де Вьезак* (Barère de Vieuzac), Бертран (1755—1841) — тулузский адвокат; член Национального собрания, член Конвента, примыкавший к Горе; член Комитета общественного спасения; в борьбе термидорианцев с Робеспьером занимал двойственную позицию, тем не менее был приговорен к изгнанию, но скрылся; после 18 брюмера сторонник Наполеона, во время Реставрации эмигрант — 70, 657, 762, 763, 778, 798, 801, 802.

* *Бауер* (Bauer), Бруно (1807—1882) — немецкий теолог и радикальный публицист, один из руководителей и теоретиков младогегельянства — 25.

Безенваль (Bezenval, или Besenval), Пьер-Виктор, барон (1722—1791) — придворный французской королевы Марии-Антуанетты; в 1789 г. — начальник войск, стянутых к Парижу для защиты монархии; после 14 июля 1789 г. пытался бежать, был арестован и судим трибуналом Шатле, но оправдан благодаря интригам двора — 352, 354, 356, 384, 388, 411.

Бейль (Bayle), Пьер (1647—1706) — публицист и философ картезианской школы, автор «Dictionnaire historique et critique» — 516.

* *Бельфор-Бакс* (Belfort-Bax), Эрнест (род. 1854) — английский социал-демократический деятель и историк, автор ряда работ по истории Французской революции и крестьянских движений XVI века в Германии — 22.

Бержери (Bergerie) (повидимому, ошибка в подлиннике, надо Бержера — Bergeras), Пьер (род. 1737) — юрист, член Законодательного собрания, впоследствии член Совета старейшин; после 18 брюмера бонапартист, при Реставрации роялист — 641.

* *Бернар* (Bernard), Жак-Клод — член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г. — 64.

Бертен (Bertin), Анри-Леонар-Жан-Батист (1717—1792) — крупный чиновник министерства полиции при Людовике XV, участник компании Малиссе; в 1759 и в 1774 гг. генеральный контролер финансов — 379.

Бертье (Berthier de Sauvigny), Луи-Бенинь-Франсуа (ок. 1742—1789) — интендант Парижа, крайний монархист и реакционер, участвовал в хлебных спекуляциях, убит толпой в июле 1789 г. — 379, 384, 388.

Биго де Сент-Круа (Bigot de Sainte Croix, или Bigot de Préameneu), Феликс-Жюльен-Жан (1747—1825) — юрист, член Законодательного собрания 1791 г., умеренный конституционалист — 635.

Билло Варени (Billaux Varenne), Жан-Никола (1756—1819) — юрист и публицист, член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., член Конвента, крайний монтеаньяр, член Комитета общественного спасения, затем активный участник переворота 9 термидора; осужден вместе с другими бывшими членами Комитета общественного спасения и сослан в Кайену; отказался воспользоваться амнистией и умер в ссылке — 658, 798.

Бюоза (Biauzat), Жан-Франсуа-Готье (ум. 1815) — адвокат; член На-

ционального собрания, республиканец; в 1795 г. один из судей в процессе Бабефа — 439.

Бирон (Biron), Арман-Луи де Гонто, герцог (1753—1794) — сподвижник Лафайета, командовал революционными войсками, завоевал Ниццу, был послан в Вандею, своими действиями вызвал недовольство Конвента и был казнен — 656, 765, 766, 767, 778, 779.

* **Блан** (Blanc), Луи (1811—1882) — французский публицист и историк, автор «Histoire de Dix ans», мелкобуржуазный социалист; в 1848 г. член временного правительства; с 1848 по 1870 г. эмигрант — 11.

Бонневиль (Bonnevillle), Никола (1760—1828) — журналист, основавший вместе с аббатом Фоше «Cercle social», редактор «Bouche de fer», являвшегося органом этого клуба (выходил с января 1790 г. до июля 1791 г.); был близок к Дантону и Демулену — 658.

* **Бонсерф** (Bonserf), Пьер-Франсуа (1735—1794) — французский публицист, известный своими трудами о положении крестьянства в последнюю эпоху феодального режима, автор книги «Les inconvenients des droits féodaux», вышедшей в 1776 г. и предвосхищавшей реформы, декретированные Национальным собранием в 1789—1790 гг.; во время революции член временной Коммуны 1789 г., особенно настаивавший на необходимости дать работу всему бедному населению и составивший обширный проект общественных работ — 59.

Борегар (Beauregard), Шарль-Виктор (1764—1820) — генерал революционной армии, впоследствии участник египетского похода Наполеона и войны с Испанией — 565.

Бори (Borie), Филибер — врач, член муниципалитета; был арестован после 10 августа 1792 г. и восстановлен в своих правах вслед за ликвидацией революционной Коммуны (не смешивать с Жаном Бори, членом Конвента, монтаньяром) — 626.

Боссюэт (Bossuet), Жак-Бениг, (1627—1704) — французский епископ, проповедник и историк, давший религиозное обоснование монархическому принципу — 522.

Бофор (Beaufort), Франсуа-Вандом, герцог (1616—1669) — приближенный королевы Анны во время малолетства Людовика XIV, видный деятель Фронды (борьбы парламентов с королем) — 230.

Брауншвейгский герцог (duc de Brunswick), Карл-Вильгельм-Фердинанд, герцог Брауншвейг-Люнебург (1735—1806) — главнокомандующий прусской армией в первой войне союзников против революционной Франции — 631, 680.

Бриссо (Brissot de Warville), Жак-Пьер (1754—1793) — член Конвента, один из вождей жирондистов, редактор «Patriote français» — 17, 26, 32, 33, 46, 47, 50, 64, 69, 391, 569, 580, 632, 646, 652, 658, 680, 681, 701, 702, 713, 756, 759, 760, 784, 793, 898.

* **Газета Бриссо** — «Patriote français» («Французский патриот»); выходила с 28 июля 1789 г. до падения жирондистов 2 июня 1793 г. — 32.

Броглио, или Брольи (Broglie, или Broglie), Виктор-Клод (1757—1794) — член Национального собрания, сражался в рейнской армии; после 10 августа 1792 г. арестован и казнен — 431, 573, 621, 642.

Броглио, или Брольи (Broglie, или Broglie), Виктор-Франсуа, граф (1718—1804) — генерал, начальник роялистских войск в Версали, после взятия Бастилии эмигрант (отец В.-К. Брольи — члена Национального собрания) — 411.

Бруссель (Broussel), Пьер — советник Парижского парламента; арест его в 1648 г. во время регентства королевы Анны послужил пред-

ломом для начала борьбы парламентов с королем (Фронды), в которой он принял затем деятельное участие — 230.

Брунк (Brunck), Жак-Пьер-Симон де Фрундек (1735—1807) — член Законодательного собрания 1791 г., конституционалист, сторонник Лафайета; после 10 августа 1792 г. удалился от политической деятельности — 641.

Буало (Voileau), Никола (1636—1711) — французский поэт, литературный теоретик, критик и сатирик, один из основателей классической школы во французской поэзии — 521, 522, 524.

* **Будри** (Boudry), Давид Иванович (1756—1821) — младший брат Ж.-П. Марата, эмигрировавший в Россию, преподаватель французской словесности в Царскосельском лицее, учитель Пушкина — 32.

* **Бужар** (Bougeart), Альфред (1815—1882) — французский публицист и историк, автор двухтомной монографии о Марате — 13, 15, 19, 24, 29, 35, 42, 51, 785.

Буйе (Bouillé), Франсуа-Клод-Амур, маркиз (1739—1800) — генерал, участник американской войны за независимость; во время революции один из активнейших роялистов и организаторов бегства короля; с 1791 г. эмигрант, участник армии Конде, затем герцога Йоркского — 410, 436, 439, 446, 447, 497, 578, 584, 790.

* **Буонарротти** (Buonarroti), Филипп (1761—1837) — французский революционер, вначале якобинец, затем бабувист, участник «заговора равных» Бабефа против Директории (1796) и автор истории этого заговора, изданной впервые в Брюсселе в 1828 г. — 21, 25.

Бурбоны (maison de Bourbon) — королевская династия, основанная Генрихом IV (1593); к ней принадлежали короли французские, испанские и неаполитанские — 698.

Бутиду, или **Ботиду** (Botidoux), Ледест (род. 1750) — член Национального собрания, сторонник Лафайета; после 10 августа 1792 г. роялист, участник вандейского восстания — 433, 657.

Буше д'Аржи (Boucher d'Argis), Андре-Жан (1751—1794) — советник Шатле, докладчик по делу барона Безенвала, обвинял в Конвенте Мирабо и герцога Орлеанского по делу о событиях 5—6 октября 1789 г., монархист, казнен по постановлению Революционного трибунала — 354—356, 421, 422.

Буше Сен-Совер (Boucher Saint-Sauveur), Антуан (1723—1805) — член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., член Конвента, монтаньяр, впоследствии член Совета пятисот — 659, 663, 673, 675.

Бушотт (Bouchotte), Жак-Батист-Ноель (1754—1840) — военный министр в 1792 г., один из организаторов революционной армии, якобинец, ведший упорную борьбу с жирондистами — 762.

Вэкон (Vacon), Френсис (1561—1626) — английский философ-материалист и государственный деятель, лорд-канцлер короля Якова I; основоположник индуктивной логики и методологии опытных наук — 148, 149.

Бюзот (Buzot), Франсуа-Леонар-Никола (1760—1793) — член Конвента, жирондист — 698, 701, 702, 719, 749, 756.

Бюсси (Bussy), Франсуа-Шарль (род. 1749) — землевладелец в Пикардии, член Национального собрания — 379, 381.

Буффон (Buffon), Жорж-Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель; в своих трудах по зоологии выступает как предтеча современного эволюционизма, впервые включая человека в общий ход развития животного мира — 521.

Вадье (Vadier), Марк-Гильом-Алексис (1736—1828) — член Национального собрания; во время террора — член Комитета общественного

спасения; участник переворота 9 термидора; был приговорен к ссылке вместе с Вилло Варенном, Колло д'Эрбуа и другими, но скрылся; замешанный в деле Бабефа, был арестован и заключен в тюрьму, освобожден после 18 брюмера — 658.

Вандея (Vandée) — провинция западной Франции, служившая благодаря своему монархическому настроенному крестьянскому населению и промышленной отсталости одним из главных очагов внутренней контрреволюции; восстание Вандеи, руководимое дворянством и духовенством, одно время представляло серьезную опасность для республики — 765.

де Варен (m-me de Varens, или de Warens), Луиза-Элеонора де ла Тур дю Пиль, баронесса (1700—1764) — в течение ряда лет подруга Ж.-Ж. Руссо — 526.

Варле (Varlet), Жан (род. около 1765) — один из вождей «бешеных», член клуба Кордельеров, активный участник событий 10 августа 1792 г.; член революционного комитета, подготовившего падение жирондистов; после 9 термидора заключен в тюрьму, освобожден после вандемьерского восстания — 68, 767, 768, 770.

Варфоломея святого ночь — избивание католиками протестантов-гугенотов в Париже в ночь на 24 августа 1572 г., накануне праздника святого Варфоломея — 155, 445.

Варьен — опечатка в подлиннике; по видимому, следует — граф Вирье (Virieu) — 419.

Вашар (Vachard), Жак-Луи — по профессии разнощик газет, председатель Общества неимущих («Société des Indigents») и член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; автор предвыборной агитационной брошюры — 663.

* *Вейтлинг* (Weitling), Вильгельм (1808—1871) — немецкий утопист-коммунист, по профессии портной — 26.

Велле (Vellay), Шарль — современный французский ученый, автор двухтомной биографии Марата, издатель и комментатор его корреспонденции и ряда памфлетов — 31, 32, 36, 73, 508, 518, 524, 525, 527, 785, 786, 788, 793.

Вержени (Vergennes), Шарль-Гравье, граф (1717—1787) — дипломат Людовика XV, посол в Турции, затем в Швеции; при Людовике XVI — министр иностранных дел (1774), содействовал участию Франции в американской войне за независимость — 198, 202.

Верньо (Vergniaud), Пьер (1753—1793) — член Конвента, один из лучших ораторов-жирондистов — 625, 645, 652, 658, 681, 701, 702, 714, 756.

Веррьер (Verrière) — активный участник событий на Марсезом поле и переворота 10 августа 1792 г. (как комиссар одной из секций); «маратист» — 588.

Версаль (Versaille) — находящаяся близ Парижа резиденция французских королей (со времени Людовика XIV), местопребывание Национального собрания и Людовика XVI до октября 1789 г. — 293, 326—328, 352, 426, 430, 479.

Вестерман (Westermann), Франсуа-Жозеф (1755—1794) — предводитель одной из колонн народного восстания 10 августа 1792 г.; генерал в армии Дюмурье, один из руководителей вандейской кампании; друг Дантона, казненный вместе с ним — 778.

Виги — название либеральной партии в английском парламенте — 152.

Вирье (Virieu), Франсуа-Анри, граф (1754—1793) — член Национального собрания, замечательный легкостью переходов от крайней правой к левой и обратно, впоследствии участник Лионского восстания против Конвента в 1793 г. — 419, 755.

Вите (Vitet), Луи (1736—1809) — врач, мэр Лиона в 1792 г., затем член Конвента, примыкавший к жирондистам; впоследствии член Совета пятисот — 658, 662.

Воблан (Vaublanc), Винсен-Мари-Вьенно, граф (1756—1845) — член Законодательного собрания 1791 г., роялист; впоследствии член Совета пятисот, бонапартист при Наполеоне, крайний реакционер при Реставрации — 625, 641.

де Водрейль (de Vaudreuil), Луи-Филипп-Риго, маркиз (1724—1802) — депутат дворянства в Генеральных штатах, охранявший королевское семейство 5—6 октября 1789 г., затем эмигрант — 447.

Вольт (Volta), Александр (1745—1827) — итальянский физик, известный главным образом своими работами по электричеству — 506.

Вольтер (Voltaire), Франсуа-Мари-Аруэ (1694—1778) — 8, 33, 43, 44, 51, 521, 525, 526, 792.

Вуадель (Voidel), Жан-Жорж-Шарль (1758—1812) — адвокат, член Национального собрания, сторонник герцога Орлеанского — 411, 573.

Галилей (Galilei), Галилео (1564—1642) — итальянский физик и астроном, один из основателей нового, научного естествознания; с его именем связывается научное применение телескопа, разрушившее средневековое представление о мироздании и укрепившее учение Коперника; за свои научные взгляды Галилей подвергался преследованиям церкви — 557.

* *Галлуа* (Gallois), Шарль-Андре-Густав-Леонар (1789—1851) — публицист и историк, бонапартист во время Реставрации, с 1830 г. республиканец; автор ряда работ по истории революции — 21.

Гара (Garat), Доминик-Жозеф (1749—1833) — публицист и профессор древней истории, затем член Национального собрания, редактор «Journal de Paris»; министр юстиции после Дантона, министр внутренних дел после Ролана, сочувствовавший жирондистам, позднее президент Совета пятисот — 522, 657.

Гаран де Кулон (Garran de Coulon), Жан-Филипп (1748—1816) — член Национального собрания, республиканец, член Конвента, термидорианец, затем член Совета пятисот, сенатор наполеоновской империи и член Палаты пэров при Людовике XVIII — 409, 789.

Гаспарен (Gasparin), Тома-Огюстен (1754—1793) — по происхождению дворянин, член Законодательного собрания 1791 г., член Конвента, военный комиссар юга, умеренный монтаньяр, умер во время осады Тулона — 642.

Гастон (Gaston d'Orléans), герцог Орлеанский (1608—1660) — брат французского короля Людовика XIII, организовавший вместе с герцогом Монморанси заговор против короля — 230.

Генрих I (1068—1135) — английский король (с 1100); подавив ряд мятежей феодалов, проводил политику укрепления административных и судебных органов центральной власти — 131.

Генрих III (1207—1272) — английский король (с 1216), сын Иоанна Безземельного; вел борьбу с феодалами; фактически временно смещенный Монфором (графом Лейчестером), вновь завладел властью после ожесточенной борьбы — 131, 132, 148.

Генрих III (1551—1589) — французский король (с 1574), сын Генриха II и Католины Медичи, последний представитель династии Валуа; вел борьбу за королевский престол с герцогом Гизом, фактическим главой «Католической лиги» — организации крупных феодалов (с 1576); был убит членом Лиги, фанатиком-монахом Жаком Клементом — 572.

Генрих VII (1457—1509) — английский король (с 1485), первый ко-

роль из династии Тюдоров; закончил войну Алой и Белой розы — 132, 163.

Георг III (1738—1820) — английский король (с 1760); вел борьбу с революционной и наполеоновской Францией — 203.

Геркулес, или Геракл (греч. миф.) — национальный герой греков, высший идеал героической силы — 710.

Гермер-Руайю (Rouou dit Guermeur) — член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., участник событий 2 сентября — 659, 663.

* *Гете* (Goethe), Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — 792.

де Гиз, герцог (duc de Guise), Генрих I Лотарингский (1550—1588) — руководитель Католической лиги и избяения гугенотов 24 августа 1572 г. (Варфоломеевская ночь), претендент на французский престол, соперник короля Генриха III, убитый по его приказанию — 572.

* *Гильбей* (Hilbey), Констан (род. 1817) — французский памфлетист, по профессии портной, известен своими разоблачениями продажности прессы в эпоху Июльской монархии и пропагандой идей Марата, за что подвергался преследованиям; после революции 1848 г. издавал «Journal des Sans-culottes». После переворота 1851 г. эмигрировал в Швейцарию — 23—25, 29.

де Гиз, герцог (Gramont, duc de Guiche), Антуан-Луи-Мари (1755—1836) — придворный, капитан личной гвардии Людовика XVI, затем эмигрант — 327, 584.

* *Гольбах* (Holbach), Поль-Адри, барон (1723—1789) — философ-материалист, один из основателей «Энциклопедии», виднейший представитель материалистической и атеистической мысли предреволюционной Франции — 44, 45.

Гора, или монтаньяры (Montagne) — депутаты левой партии Конвента, получившие свое название от занимаемых ими в зале заседаний верхних мест амфитеатра. В социальном отношении это была партия мелкой и средней буржуазии, опиравшаяся на революционный Париж; после падения жирондистов стала правящей партией и через комитеты, возглавляемые Робеспьером, руководила революционным террором против врагов революции — 727, 738, 745, 751, 758, 762, 764, 765, 778, 801.

Горса (Gorsas), Антуан-Жозеф (1751—1793) — журналист, издатель журнала «Courrier des départements», активный участник событий 5—6 октября 1789 г., 20 июня и 10 августа 1792 г.; член Конвента, жирондист; после 31 мая 1793 г. пытался поднять восстание в Нормандии и Бретани — 658, 758, 759.

* *Готшалк*, Л. (Gottschalk, L.) — современный американский ученый-историк, автор книги о Марате — 30, 34, 42.

* *Готье* (Gauthier), Филипп — крайний якобинец, один из комиссаров инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., редактор якобинского журнала «Le Journal des hommes de 14 juillet» — 14.

Грав (Grave), Пьер-Мари, маркиз (1755—1823) — генерал, сторонник герцога Орлеанского, в 1792 г. был в течение двух месяцев военным министром после Нарбонна, затем эмигрировал в Англию — 642.

Гувьон (Gouvion), Жан-Батист (ум. 1792) — участник войны за независимость Америки, один из командиров Национальной гвардии, член Законодательного собрания 1791 г., сторонник Лафайета, убит на войне против интервентов — 583.

Гугеноты — французская ветвь протестантизма; возникла во второй половине XVI века в среде части феодалов и городской буржуазии, боровшихся с королевской властью и официальной католической церковью — 155.

Густав III (1746—1792) — шведский король (с 1771), участник роялистской коалиции против революционной Франции; «просвещенный» деспот пытался проводить некоторые идеи французских «просветителей» и был убит в результате заговора аристократии, противившейся его реформам — 572.

Гутт (Gouttes), Жан-Луи (1740—1794) — аббат, член Национального собрания, экономист, специалист по финансовым вопросам, сторонник гражданского устройства духовенства — 439.

Гюаде (Guadet), Маргерит-Эли (1735—1794) — член Конвента, жирондист — 632, 646, 652, 658, 665, 680, 681, 698, 699, 701, 714, 746, 756.

* **Гюго** (Hugo), Виктор (1802—1855) — 23.

де Гюи (вернее — Гуи) (de Gouy d'Arcis), Луи-Анри-Мартин, граф (1753—1794) — член Национального собрания, конституционный монархист, генерал. После 10 августа 1792 г. ушел в отставку, вскоре был арестован и казнен — 273.

Гюиньяр, граф де Сен-Прист (Guignard, comte de Saint-Priest) Франсуа-Эмануэль (1735—1821) — французский дипломат, министр без портфеля в кабинете Неккера, после 14 июля министр внутренних дел, сторонник конституционной монархии, с 1790 г. эмигрант — 298, 411, 427, 429.

Давид (David), Жак-Луи (1748—1825) — французский художник, глава классической школы во французской живописи; якобинец, член Конвента, защищавший Марата, после 9 термидора был заключен в тюрьму, амнистирован 4 брюмера IV года, впоследствии придворный живописец Наполеона — 663.

Дамас (Damas d'Antigny), Жозеф-Франсуа-Луи-Шарль-Сезар, герцог (1758—1829) — драгунский полковник; помогал маркизу Буйе в организации бегства короля, был арестован, затем эмигрировал; участник армии Конде — 584.

* **«Данаиды»** («Les Danaïdes») — популярная в свое время опера (музыка Сальери), шедшая с большим успехом в Королевском оперном театре в Париже — 17.

Дантон (Danton), Жорж-Жак (1759—1794) — до революции адвокат; один из основателей демократического клуба Кордельеров; один из руководителей переворота 10 августа 1792 г.; после 10 августа — министр юстиции, член Конвента, один из вождей правого крыла монтаньяров; в конце 1793 г. вместе с К. Демуленом выступал за смягчение террора — против Робеспьера и его социальной политики и был казнен — 51, 56, 70, 71, 588, 658, 661, 666, 669, 677, 746, 758, 798.

Декарт, или Картезий (Descartes), Рене (1596—1650) — философ и математик, основатель так называемой «картезианской» школы в философии, совмещающей в своем дуализме материи и души зародыши материалистического естествознания, с одной стороны, и идеалистической метафизики, с другой — 522.

Делессер (Delessert), Этьен (1735—1816) — крупный банкир, организатор первого во Франции общества страхования от пожаров и первого учетного банка, послужившего образцом для организованного в 1800 г. Государственного учетного банка. В 1792 г. был заключен в тюрьму, где находился до падения Робеспьера в 1794 г. — 597.

Дельбек (Delebescq, или d'Elbhesq), Пьер-Жозеф, барон (1733—1793) — генерал, член Национального собрания, республиканец; командовал в 1793 г. восточной шпринейской армией — 411.

Дельмас (Delmas), Жан-Франсуа-Бертран (1754—1800) — член Законодательного собрания 1791 г. и член Конвента, монтаньяр, термидориа-

ней; вместе с Баррасом командовал войсками Конвента; впоследствии член Совета пятисот — 642.

Деменье (Desmeunier, или Demeunier), Жан-Никола (1751—1814) — член Национального собрания, монархист, с 1792 г. по 1797 г. в эмиграции; сановник при Наполеоне — 405, 419, 448, 576.

* *Демосфен* (385—322 до н. э.) — государственный деятель и оратор древней Греции — 8.

Демулен (Desmoulin), Камилл (1762—1794) — журналист; один из основателей демократического клуба Кордельеров, член Конвента, призывавший к Дантону и способствовавший падению жирондистов; издатель якобинского журнала «Les Révolutions de France и de Brabant» («Революции Франции и Брабанта»). В конце 1793 г. выступил против политики диктатуры и был казнен — 8, 17, 18, 38, 51, 53, 54, 57, 75, 381, 399, 414, 417, 659, 788, 789, 791, 798.

* *Газета Демулена* — «Les Révolutions de France et de Brabant» («Революции Франции и Брабанта»), выходила с 28 ноября 1789 г. до 25 июля 1791 г. — 32.

Депон, герцоги (les ducs de Deux Ponts) — титул герцогов баварских. Карл-Теодор, герцог баварский (1724—1799) — участник роялистской коалиции 1792 г. против революционной Франции — 408.

Депремениль (d'Espémenil), Жан-Жак-Дюваль (1746—1794) — участник Фронды (борьбы парламентов с королем), предшествовавшей революции; член Национального собрания, крайний роялист, казнен в октябре 1794 г. — 230, 631.

* «*Der wahre Jakob*» — немецкий социал-демократический журнал 80-х годов XIX века — 29.

Дефорж (Desforges), Франсуа-Луи-Мишель-Шемен (1759—1840) — бывший клерк Дантона, член инсурреционной Коммуны 10 августа 1792, один из руководителей событий 2 сентября 1792 г., затем секретарь Комитета общественного спасения; в июне 1793 г. министр иностранных дел; вызван подозрения Робеспьера и был заключен в тюрьму, после 9 термидора освобожден — 663, 797.

Децемвиры — коллегия из десяти членов, назначенная в 448 г. до н. э. в Риме для выработки новых законов, известных впоследствии под именем двенадцати таблиц, закрепивших порабощение плебеев патрициями. По окончании своих полномочий децемвиры самовольно захватили власть и правили два года, после чего были свергнуты и республика восстановлена — 282.

Дидро (Diderot), Дени (1713—1784) — французский философ эпохи «просвещения», вместе с д'Аламбером вождь энциклопедистов — 33, 51, 521, 525, 526.

Дистрикты (les districts). — Для выборов депутатов от третьего сословия в Национальное собрание Париж был разделен на шестьдесят округов — дистриктов; проведя выборы, они сохранили свои постоянные собрания и организовали свои органы управления — комитеты. Борьба дистриктов с Коммуной, Шатле и Национальным собранием была борьбой демократического Парижа против буржуазной контрреволюции, находившей поддержку среди части дистриктов с наиболее зажиточным населением — 55.

Дистрикт св. Антония (de Saint Antoine), впоследствии секция Сицилийского короля (du Roi de Sicile) — был населен преимущественно бедной частью предместья и вместе с дистриктом св. Марселя представлял наиболее демократическую часть парижского населения — 357, 358, 461, 469.

Дистрикт Барнабитов (des Barnabites). впоследствии секция Генриха IV (d'Henri IV).— В батальоне Национальной гвардии этого дистрикта было много офицеров-дворян, что вызывало недовольство гражданского комитета дистрикта — 359.

Дистрикт Бонн-Нувель (de Bonne Nouvelle), впоследствии секция того же имени — один из демократических дистриктов, выступавший против закона о военном положении и обращавший большое внимание на организацию помощи неимущим — 448.

Дистрикт св. Виктора (de Saint Victor) — буржуазно настроенный дистрикт, поддерживал организацию платных полков, подчиненных непосредственно высшему командованию, помимо дистриктов — 469.

Дистрикт св. Гонория (de Saint Honoré), впоследствии секция Хлебного рынка (Halle au Blé) — придерживался буржуазной ориентации, выступал за подчинение Коммуне и Национальному собранию — 359.

Дистрикт св. Дениса (de Saint Denis) — революционный дистрикт, населенный беднотой предместья; впоследствии слившись с дистриктом св. Лаврентия, образовал секцию св. Дениса — 469.

Дистрикт Дочерей св. Фомы (des Filles Saint Thomas), впоследствии секция Библиотеки (de la Bibliothèque) — дистрикт, в котором наибольшим влиянием пользовались Неккер и Бриссо, центр буржуазной контрреволюции — 298, 319, 351, 589, 627, 639, 788.

Дистрикт св. Евстафия (de Saint Eustache), впоследствии секция Почты (des Postes) — имел один из наиболее многочисленных и организованных органов управления, в борьбе по вопросу об императивном мандате выступал за подчинение Коммуне — 448.

Дистрикт св. Иоанна Гревского (de Saint Jean en Grève), впоследствии секция Арси (des Arcis) — 639.

Дистрикт Карм-Дешоссе (des Carmes Déchaussés), впоследствии секция Люксембург — буржуазный дистрикт, выступал против императивного мандата и за подчинение Коммуне; в нем начал свою деятельность Марат, но, после того как дистрикт отказался защищать его от Шатле, перешел в дистрикт Кордельеров — 53, 305, 337, 338, 787.

Дистрикт Кордельеров (des Cordeliers) — центр революционного демократического движения дистриктов, инициатор и руководитель их борьбы за императивный мандат, против закона о военном положении, защищал Марата и Дантона в их столкновениях с Коммуной и Шатле — 14, 18, 56, 357, 360, 363, 364, 453, 787, 788.

Дистрикт Красных ребят (des Enfants Rouges), впоследствии секция того же имени — демократический по своему составу, имел в своем батальоне много офицеров-дворян, боролся против влияния Лафайета, требуя самостоятельного права назначать своих офицеров — 589, 639.

Дистрикт св. Лаврентия (de Saint Laurent) — революционный дистрикт, населенный беднотой предместья; впоследствии слился с дистриктом св. Дениса и образовал секцию св. Дениса (Saint Denis) — 469.

Дистрикт св. Марселя (de Saint Marcel), впоследствии секция Гобелен (des Gobelins) — был населен преимущественно беднотой предместья и имел наиболее демократический состав офицерства в Национальной гвардии — 357, 358, 469.

Дистрикт св. Мартина (de Saint Martin), впоследствии секция Гравильеров (des Gravilliers) — был населен преимущественно беднотой, ремесленниками и мелкими лавочниками, активно участвовал в борьбе с Коммуной и Национальным собранием, в частности против закона

о военном положении; впоследствии центр социальной пропаганды «бешельных» — 385—387, 469.

Дистрикт Нотр Дам (de Notre Dame), впоследствии секция того же имени — придерживался буржуазной ориентации, выступал за подчинение Коммуне — 589, 639.

Дистрикт св. Оппортуния (de Saint Opportune), впоследствии секция Рынка (du Marché) — 358, 589.

Дистрикт Пти-Огюстен (de Petit Augustin) — демократический по составу, имел в своем батальоне Национальной гвардии много офицеров-дворян, боролся за право самостоятельного назначения офицеров и за императивный мандат — 383.

Дистрикт св. Рожа (de Saint Roch), впоследствии секция Пале-Рояль (Palais Royal) — крупный буржуазный дистрикт, имевший наиболее многочисленные и хорошо организованные органы управления — 359, 589, 627, 639.

Дистрикт Сорбонны (de la Sorbonne) — буржуазный дистрикт, в котором большим влиянием пользовался Байи — 355.

Дистрикт св. Стефана, что на Горе (de Saint Etienne du Mont) — первый постановил сохранить постоянные собрания после выбора депутатов; один из демократических дистриктов, уделявших особое внимание помощи неимущим — 353.

Дитрих (Dietrich), Филипп-Фредерик, барон (1748—1793) — до революции ученый минералог, в 1789 г. мэр Страсбурга, активный враг монтаньяров; после 10 августа 1792 г. эмигрировал, но вскоре возвратился и был казнен — 630.

«*Друг Короля*» («L'Ami du Roi») — ультрароялистский журнал, выходивший под редакцией Руайю с июня 1790 г. до мая 1792 г. — 588.

Дюбуа-Дюбе (Dubois-Dubais), Луи-Гибо (1743—1834) — член Законодательного собрания 1791 г., затем член Конвента, голосовал за осуждение короля, участник защиты города Конде от принца Кобургского; впоследствии член Совета пятисот; при Наполеоне сенатор и граф — 642.

Дюбуа-Крансе (Dubois-Crancé), Эдуард-Луи-Алексис (1747—1814) — член Национального собрания, участник Национальной гвардии, член Конвента, монтаньяр, один из организаторов революционной армии, участвовал в подавлении Лионского восстания 1793 г.; впоследствии член Совета пятисот и военный министр Директории — 410, 411, 532.

Дюваль де Стэн (Duval de Stain), Пьер — гражданин дистрикта св. Мартина, был арестован 24 октября 1789 г. и освобожден лишь в феврале 1790 г. — 354, 392.

Дюверье (Duveyrrier) Оноре-Никола-Мари (1753—1839) — адвокат, комиссар Национального собрания в Нанси, член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; во время Директории составил значительное состояние поставкой оборудования для военных госпиталей; после 18 брюмера бонапартист — 495.

Дюгазон (Dugazon), Жан-Батист-Анри (1741—1809) — актер и автор политических пьес, друг и помощник Сантерра — 662.

Дюгем (Duhem), Пьер-Жозеф (1760—1807) — врач, член Конвента, монтаньяр, затем термидорианец — 698.

Дюзюша (Dusaulchoy de Bergemont), Жозеф-Франсуа-Никола (1761—1835) — поэт и публицист, издатель журнала «Le Républicain» в 1790 г., друг К. Демулена; впоследствии сторонник конституционной монархии и журналист эпохи Реставрации — 587.

Дюкастель (Ducastel), Жан-Батист-Луи (1740—1799) — адвокат, член Законодательного собрания 1791 г., умеренный конституционалист — 641.

Дюко (Ducos), Жан-Франсуа (1765—1793) — член Конвента, жирондист — 652, 701.

Дюлор (Dulaure), Жак-Антуан (1755—1835) — археолог и историк, журналист; издатель «Thermomètre du jour», разоблачивший план бегства короля; член Конвента, жирондист; после 1793 г. — эмигрант; впоследствии член Совета пятисот — 759.

Дюма (Dumas), Матье (1753—1837) — генерал и военный писатель, член Законодательного собрания 1791 г. и оратор его правой партии, друг Лафайета; после 10 августа 1792 г. эмигрант, впоследствии участник наполеоновских войн (не смешивать с Рене-Франсуа Дюма, горячим сторонником Робеспьера и председателем революционного трибунала во время террора, казненным после 9 термидора) — 641.

Дюмоляр (Dumolard), Жозеф-Венсен (1766—1819) — адвокат, член Законодательного собрания 1791 г., умеренный республиканец; впоследствии член Совета пятисот — 641.

Дюмурье (Dumouriez), Шарль-Франсуа (1739—1823) — генерал, в 1791 г. примкнул к жирондистам, в 1792 г. военный министр, затем командующий Северной армией; в апреле 1793 г. изменил делу революции и эмигрировал в Австрию — 14, 83, 666, 678, 739, 745, 746, 751, 756, 765, 766, 778.

Дюпле (Duplay), Морис (род. ок. 1738) — столяр, у которого жил Робеспьер; член Якобинского клуба и революционного трибунала, горячий почитатель Робеспьера, впоследствии участник заговора Бабефа — 15.

Дюплен (Duplain), Жан-Пьер — по профессии типографшик, член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., один из руководителей событий 2 сентября 1792 г. — 659, 663.

Дюпон (Dupont de Nemours) (1739—1817), Пьер-Самуэль — член Национального собрания, сторонник конституционной монархии; журналист, эмигрант, вернулся во Францию при Наполеоне — 396, 631.

Дюпорт (Duport), Адриан (1759—1798) — член Национального собрания, монархист; до 10 августа 1792 г. председатель уголовного трибунала, затем эмигрант — 427, 631.

Дюран де Майян (Durand de Maillane), Пьер-Гуссен (1729—1814) — адвокат, член Национального собрания, умеренный конституционалист, член Конвента, термидорианец, жестоко преследовавший бывших монтаньяров — 657.

Дуроуа (Durosouy), Барнабе (1745—1792) — монархист, поэт, драматург и журналист; после 10 августа 1792 г. казнен — 682.

Дюфор (Dufort) — член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г. — 659, 797.

Дюфрель (Dufresne), Бертран (1736—1801) — крупный финансовый деятель, слодвижник Неккера, монархист, управлявший государственным казначейством с 1788 г. по 1790 г.; впоследствии член Совета пятисот и затем крупный чиновник империи по ведомству финансов — 597.

Дюфур (Dufour, abbé de Pradt), Доминик-Жорж-Фредерик (1759—1837) — член Национального собрания, архиепископ руанский, сторонник абсолютной монархии и всех привилегий дворянства и духовенства; с 1790 г. эмигрант — 587.

Екатерина II (1729—1796) — русская императрица (с 1762 г.) — 43, 89—93, 521.

Екатерина Алексеевна — см. Екатерина II.

Ериза (Петр?).— В Венеции под этим именем известны: 1) Павел-венецианский наместник Негропонта, убитый при взятии его в 1470 г. Магометом II; 2) Себастьян (1525—1585)—венецианский писатель и политический деятель эпохи Возрождения; 3) Франсуа (1570—1646)—дож Венеции, ведший борьбу с турками—114.

Жан-Рон (Jean-Rond)— см. д'Аламбер.

Жансон (Gensonné), Арман (1758—1793)—адвокат, талантливый оратор, член Конвента, один из вождей жирондистов—701, 702, 714, 756.

Жарри (Jarry), Этьен-Огюст-Геден, барон (1764—1823)—один из военных старого режима, перешедший на сторону революции и занимавший командные должности в революционной армии—642.

Жире-Дюпре (Girey-Dupré), Жан-Мари (1769—1793)—журналист, сотрудник «Patriote Français» Бриссо, после падения жирондистов арестован и казнен—658, 660, 759.

Жиронда, или жирондисты—политическая группировка Конвента; получила свое название от департамента Жиронды, откуда происходило большинство ее вождей; будучи партией торгово-промышленной буржуазии, стремившейся к низвержению старого порядка и укреплению капиталистического строя, жирондисты были врагами демократической Горы и революционных низов Парижа—21, 23, 25, 37, 65, 68—71, 739, 751, 798—802.

Жоли (Joly), Этьен-Луи-Виктор (1756—1837)—адвокат, член муниципалитета в 1789 г.; министр юстиции с 3 июля 1792 г., смещен после 10 августа 1792 г.—349, 351—354, 362.

Жоли де Флери (Joly de Fleury), Жан-Франсуа (1718—1802)—министр финансов, сменивший Неккера в 1781 г.—198.

* *Жорес* (Jaurès), Жан (1859—1914)—вождь французских социалистов, член парламента, антимилитарист, убит накануне войны милитаристами, автор ряда работ по истории Французской революции и социализма, реформист—58, 70, 790, 791.

Жульен (Julien), Жан—член Конвента, монтаньяр, участник подавления вандейского восстания; осужден в 1793 г. за финансовые спекуляции и взятки; после Термидора добился отмены осуждения, но не был полностью реабилитирован; при Директории член муниципалитета—701.

«*Journal de la République Française*»— см. «L'Ami du Peuple».

Зала Jeu de paume (зала для игры в мяч)—одна из зал во дворце в Версале, где собралось Национальное собрание 28 июня 1789 г., после того как двери обычной залы заседаний были заперты по приказанию короля Людовика XVI, и принесло клятву не расколоться, не дав Франции конституции—306.

Звездная палата—высший административно-судебный трибунал в Англии, учрежденный в 1488 г. Генрихом VII. Получил название от украшенного звездами потолка залы заседаний в Лондоне—149.

Зороастр, или Заратустра—мифический пророк, которому античные писатели приписывали преобразование мрачной древнеиранской религии в культ светлого бога Ормузда (Агурамазды)—145.

Изабелла Кастильская (1451—1504)—кастильская королева, через свой брак с Фердинандом V Арагонским соединившая Испанию в одно государство; боролась с аристократией за укрепление абсолютизма—135.

Иннокентий VIII—папа (1484—1492), в союзе с французским королем Карлом VIII вел войну с Неаполитанским королем Фердинандом I и способствовал завоеванию французами ряда итальянских городов—135.

* *Инсurreкционная Коммуна* — революционный муниципалитет Парижа, образованный в ночь с 9 на 10 августа 1792 г., организованный центр движения санкюлотов; распушена по настоянию жирондистов в начале декабря 1792 г.— 65—67, 797, 798.

Иоанн II Безземельный (1167—1216) — английский король (с 1199), подписавший в 1215 г. так называемую «Великую хартию вольностей», ограничившую королевскую власть в пользу феодалов — 131.

Иоанн V Португальский (1706—1759) — король португальский, вел войну за испанское наследство с Францией — 163.

Иосиф II (1741—1790) — император австрийский (с 1765), представитель «просвещенного абсолютизма», провел ряд реформ в интересах буржуазии для укрепления центральной самодержавной власти — 429.

Итал — царь кочевого племени этров; его именем, по преданию, названа Италия; легенда называет его отцом Рема, основателя города Рима — 251.

Каде (Cadet Gassicourt), Луи-Клод (1731—1799) — ученый фармацевт и химик — 529.

Каде Виданжер, Каде де Во (Cadet de Vaux), Антуан (1743—1828) — химик и агроном, издатель «Journal de Paris», оставил ряд трудов по прикладной химии, сельскому хозяйству и общественной санитарии — 524.

Казалес (Cazalès), Жак-Антуан-Мари (1758—1805) — депутат дворянства в Генеральных штатах, один из главных ораторов-роялистов; после неудачного бегства короля эмигрант — 419, 545, 572, 578, 755.

Кайе (Cahier de Gerville), Бон-Клод (1752—1796) — адвокат; в 1789 г. — прокурор-синдик Парижа, сторонник конституционной монархии — 495.

Калатравы, орден — см. св. Яго орден.

Калигула (12—41 н. э.) — римский император (с 37 н. э.) — 285.

Калиостро (Cagliostro), Александр, граф (Джузеппе Бальзамо) (1743—1795) — мистик и шарлатан, родом из Палермо (Италия); дурачивший многих знатных лиц в Европе, в том числе и французскую королеву Марию-Антуанетту — 50, 505.

Калони (Calonne), Шарль-Александр (1734—1802) — генеральный контролер финансов, сменивший в 1783 г. Неккера; своей политикой расточительности и постоянных займов способствовал катастрофе государственных финансов Франции; после 14 июля 1789 г. эмигрант — 195, 198, 230, 303, 322, 406, 597.

Кальве (Calvet), Мари-Жан-Жак-Луи (1760—1822) — до революции служил в личной гвардии короля, затем член Законодательного собрания 1791 г., умеренный конституционалист; после 10 августа 1792 г. эмигрант (не смешивать с Жаном-Франсуа Кальве, по профессии парикмахером, членом инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.) — 641.

Камбон (Cambon), Пьер-Жозеф (1756—1820) — член Законодательного собрания 1791 г., член Комитета общественного спасения, руководитель финансовой политики Конвента; участник событий 9 термидора; был осужден правой термидоранской реакцией вместе с Колло д'Эрбуа и другими, но скрылся; при Реставрации — в изгнании — 762, 763, 801, 802.

Камюс (Camus), Арман-Гастон (1740—1804) — юрист, член Национального собрания, республиканец, член Конвента; посланный Конвентом в армию Дюмурье, был выдан этим последним австрийцам и находился в плену до 1795 г.; при Директории — член Совета пятисот — 483.

Капет, Гуго (ок. 946—996) — французский король (с 956), основатель династии Капетингов, к которой принадлежал Людовик XVI — 542.

Капеты (Capets), или Капетинги — шестнадцать королей третьей французской династии, основателем которой был Гуго Капет; она подразделяется: прямые Капетинги — от Гуго Капета до Карла IV (956—1328); Капетинги Валуа — от Филиппа VI до Генриха III (1328—1588); Капетинги Бурбоны — от Генриха IV до Луи-Филиппа (1589—1848). После свержения монархии в 1792 г. этим именем республиканцы называли бывшего короля Людовика XVI и всех членов его семьи — 419, 427, 542, 573, 578, 583—585, 589, 636, 648, 656, 680, 756, 764, 765, 778, 779.

Капитолий — храм и крепость в центре древнего Рима на Капитолийском холме — 151.

Каракалла (188—217) — римский император (с 211) — 285.

Карл I (1600—1649) — английский король (с 1625), казненный во время революции — 41, 44, 149, 158.

Карл II (1630—1686) — английский король (с 1660), сын казенного короля Карла I; заключил союз с Людовиком XIV против Голландии — 114, 139, 160.

Карл V (1500—1558) — король испанский (с 1516) и император германский (с 1519); вел длительные войны с Францией (королем Франциском I), укрепившие могущество Испании; объединил под своей властью обширное государство — Испанию с колониями в Новом Свете, часть Италии, Фландрию, Австрию. Под конец жизни отрекся от престола (в 1555) и умер в монастыре, откуда все же до последних дней продолжал давать распоряжения по делам государства — 41, 136, 152, 156, 159.

Карл VII (1403—1461) — французский король (с 1422), сын Карла VI и Изабеллы Баварской, лишенный престола в пользу английского короля и восстановивший свои права лишь после длительной борьбы, закончившей Столетнюю войну между Англией и Францией — 113, 130, 264.

Карл IX (1550—1574) — французский король (с 1560), сын Генриха II и Катерины Медичи, известный жестокими преследованиями протестантов (см. Варфоломея святого ночь) — 155, 285, 549.

Карль (Carles), Рафаэль — бывший ювелир, приверженец Лафайета, командир батальонов Национальной гвардии, защищавших короля 20 июня и 10 августа 1792 года; убит 10 августа 1792 года — 359, 360, 364.

Карно старший (Carnot), Лазар-Никола-Маргерит (1753—1825) — математик, военный инженер, член Национального собрания, член Конвента, один из организаторов революционной армии, член Комитета общественного спасения, фактический военный министр во время победоносных кампаний 1793 г.; впоследствии член Исполнительного совета Директории и военный министр Наполеона — 642.

Каролинги — вторая (после Меровингов) династия франкской монархии (от Пипина Короткого до Людовика V; с 751 г. по 987 г.), достигшей своего расцвета при Карле Великом (768—814) и распавшейся в середине IX века на четыре самостоятельные части — Германию, Италию, Бургундию (или Лотарингию) и Францию. С Каролингской монархией окончилась эпоха крупных королевств и начался процесс феодализации Европы — 127.

Карра (Carra), Жан-Луи (1743—1793) — журналист, редактор (вместе с Мерсье) «Annales patriotiques et littéraires», монархист, член Конвента, жирондист — 658.

Картезианцы — последователи философской школы Картезия, т. е. Декарта — 522.

Кассандра — по «Илиаде» Гомера дочь троянского царя Приама, прорицательница, предсказавшая гибель Трои — 371, 800.

Катремер (Quatremère-Disjonval), Дени-Бернар (1754—1830) — французский физик и химик, член Академии наук — 518.

Катремер (Quatremère de Quincy), Антуан-Кризостом (1755—1849) — археолог, член Законодательного собрания 1791 г.; впоследствии член Совета пятисот и Законодательного собрания 1820—1822 гг. — 641.

* *Каутский* (Kautsky), Карл (род. 1854) — немецкий социал-демократ; теоретик социал-фашизма — 8, 27, 29, 58.

Келлерман (Kellermann), Франсуа-Кристоф, герцог Вальмский (1735—1820) — генерал, перешедший на сторону революции, победитель в сражении при Вальми (1792 г.); в 1792—1794 гг. последовательно командовал мозельской, альпийской и итальянской армиями; арестованный Конвентом, после падения Робеспьера был возвращен в итальянскую армию; после 18 брюмера член Сената — 666.

Кервелеган (Kervelegan), Огюстен-Бернар-Франсуа (1748—1825) — член Национального собрания, умеренный конституционалист, член Конвента, жирондист; во время Директории член Совета пятисот — 657.

Керсен (Kersaint), Арман-Гюи-Симон, граф (1742—1793) — морской офицер, член Конвента, жирондист — 642, 698.

Клавьер (Clavière), Этьен (1735—1793) — женеvский башкир, один из руководителей демократической партии в Женеве, эмигрировал во Францию, принадлежал к числу ближайших сотрудников Неккера, затем был близок к жирондистам; министр финансов; покончил самоубийством в тюрьме — 377, 646, 666.

Клермон-Тоннер (Clermont-Tonnerre), Станислав, граф (1747—1792) — член Национального собрания, активный участник 4 августа 1789 г., сторонник конституционной монархии, один из основателей клуба монархистов; убит 10 августа 1792 г. — 332.

Клоутс, или Клоуте (Cloots), Жан-Батист, позднее Анахарсис, барон дю Валь де Грас (1755—1794) — писатель, близкий к энциклопедистам, убежденный атеист и инициатор культа Разума, участник инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., член Конвента, казнен вместе с Эбером — 658, 798.

Колло д'Эрбуа (Collot d'Herbois), Жан-Мари (1750—1796) — до революции актер и драматург, затем член Якобинского клуба, популярный оратор, член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., член Конвента и Комитета общественного спасения; вместе с Фуше руководил подавлением Лионского восстания; участник событий 9 термидора; во время реакции после Термидора был осужден на каторжные работы, где и умер — 769.

Кольбер (Colbert), Жан-Батист (1619—1683) — министр финансов при Людовике XIV, виднейший деятель меркантилизма — 303, 521.

Кольсон (Colson), Жан (1734—1801) — священник, перешедший на сторону революции, член Национального собрания — 410.

Коммод (161—192) — римский император (с 180) — 222, 285.

де Конде, принц (Condé), Людовик II Бурбонский (1621—1686) — видный участник Фронды (феодалной оппозиции самодержавной власти) сначала на стороне двора, затем на стороне парламента, эмигрировал в Испанию и вторгся во Францию во главе испанской армии; заключив мир с Мазарини, примирился с абсолютизмом — 230.

де Конде, принц (Condé) Луи-Жозеф де Бурбон (1736—1818) — эмигрировал в 1792 г., возглавлял армию роялистов-интервентов — 427, 454, 542, 658, 765.

Кондорсе (Condorcet), Жан-Антуан-Никола-Коришот, маркиз (1743—1794) — математик, философ и экономист, пожизненный секретарь Академии наук; член Конвента, один из вождей жирондистов; отравился, чтобы избежать смерти на эшафоте — 62, 521, 529, 645, 652, 658, 683, 759, 783, 792, 798.

Контти, принц (Conti), Луи-Франсуа-Жозеф, герцог Бурбонский (1734—1814) — эмигрировал в 1789 г., но вернулся в 1790 г. и принес присягу; вместе со всеми Орлеанами был посажен в тюрьму, где находился до 1795 г.; изгнан из Франции Директорией — 230, 454.

Кордельеры (les Cordeliers) — члены демократического клуба, основанного в 1790 г. Дантоном и К. Демуленом в Париже и получившего свое название от монастыря Кордельеров, где они собирались. В нем объединялись крайние элементы партии Горы, главные силы, произведшие переворот 10 августа 1792 г. Клуб Кордельеров, называвшийся также «Обществом друзей прав человека и гражданина», служил организационным центром «бешеных» (движения революционного санкюлотизма) и эбертистов и был разгромлен вместе с ними Робеспьером — 33, 35, 589, 767, 770, 774, 776, 783, 787, 796, 798.

* *Корменэн* (Cormenin), Луи-Мари де Лаэ, виконт (1788—1868) — поэт и памфлетист (под псевдонимом «Тимон») — 8.

Кортесы — собрание представителей сословий в Испании и Португалии — 157.

Котен (Cotin), Шарль (1604—1682) — бездарный поэт XVIII века, предмет сатиры Буало и Мольера — 521.

Кохфингаль (Coffinhal), Жан-Батист (1754—1794) — после 10 августа 1792 г. вице-президент революционного трибунала, горячий приверженец Робеспьера; казнен после переворота 9 термидора — 662.

Крансе — см. Дюбуа-Крансе — 410, 411.

Крафорт (Crawford) (1749—1795) — английский врач и химик — 506.

Крез (VI век до н. э.) — последний царь лидийский, прославившийся своим богатством — 299.

Кромвель (Cromwell), Оливер (1599—1658) — вождь английской революции XVII века, с 1653 г., после казни короля Карла I, фактический диктатор, лорд-протектор Соединенной республики — Англии, Шотландии и Ирландии — 158.

Куаньи (Coigny), Мари-Франсуа-Анри (1737—1821) — член Национального собрания, активный монархист-эмигрант, участник армии Конде — 230, 322.

* *Купов* (Kupow), Генрих (род. 1862) — правый социал-демократ, автор ряда работ по истории первобытного коммунизма, а также монографии «Борьба классов и партий в Великой французской революции» (имеется русский перевод) — 19, 29.

* *Купэ*, аббат (Couré), Жак-Мишель (1737—1809) — священник, перешедший на сторону революции, член Законодательного собрания 1791 г., затем член Конвента, монтаньяр, впоследствии член Совета пятисот — 63.

* *Курье* (Courier), Поль-Луи (1772—1825) — памфлетист эпохи Реставрации — 8, 9.

Кустар (Coustard), Анн-Пьер (1734—1793) — член Национального собрания, участник организации лагеря Национальной гвардии под Парижем, член Конвента, жирондист; казнен вместе с герцогом Орлеанским — 642.

Кутон (Couthon), Жорж (1755—1794) — член Конвента, сподвижник Робеспьера, участник подавления Люнского восстания; казнен вместе с Робеспьером и Сен-Жюстом — 701.

Кюстин (Custine), Адам-Филипп, граф (1740—1793) — генерал, жироидист, в 1792 г. командовал рейнской армией; казнен по обвинению в измене — 766, 767, 778, 779.

Лаборд (Laborde), Жан-Жозеф, маркиз (1724—1794) — крупный банкир, финансировавший военные предприятия Людовика XV; после 1789 г. участник ряда роялистских заговоров, казнен по приговору Революционного трибунала — 393.

Лабурдонне (Labourdonnaye), Франсуа-Режи, граф (1767—1839) — эмигрант, участник армии принца Конде и Вандейского восстания, крайний роялист; в эпоху Реставрации депутат парламента — 678.

Де Лаверди (de Laverdi, или de l'Averdi), Клеман-Шарль-Франсуа (1723—1793) — генеральный контролер финансов при Людовике XV; главный покровитель и участник спекулятивной компании Маллиссе; в 1793 г. обвинен в уничтожении запасов хлеба в своем поместье и казнен — 378, 379.

Лавуазье (Lavoisier), Антуан-Лорен (1743—1794) — ученый, химик; во время террора был обвинен в финансовых спекуляциях по откупам и казнен вместе с другими откупщиками — 506, 792.

Лагарп (Laharpe), Жан-Франсуа (1739—1803) — писатель и драматург, профессор древней литературы; горячий поклонник Робеспьера, впоследствии столь же горячий бонапартист — 525, 526.

Лагши — см. де Гипп, герцог.

Ладеба (Laffon de Ladébat), Андре-Даншель (1746—1829) — ученый агроном, член Академии наук г. Бордо; член Законодательного собрания 1791 г., сторонник конституционной монархии; впоследствии член Совета старейшин; после 18 фруктидора сослан в Гвиану, но бежал; при Реставрации роялист — 641.

Лажар (Lajard), Пьер-Огюст (1757—1837) — участник Национальной гвардии в 1789 г.; в июне-июле 1792 г. был военным министром, монархист; после 10 августа 1792 г. эмигрант — 565.

Лакомб (Lacombe Saint-Michel), Жан-Пьер (1751—1812) — член Законодательного собрания 1791 г., республиканец; член Конвента, посланный в армию вместе с Дюбуа-Краспе и Гаспареном для смещения генерала Монтезкью; с 1793 г. начальник войск в Корсике; впоследствии член Совета старейшин, участник ряда наполеоновских походов — 642.

Лакретель (Lacretelle), Пьер-Луи (1751—1824) — адвокат, автор ряда философских и юридических трудов; сотрудник энциклопедистов; Лагарпа, д'Аламбера и др.; в 1789 г. член первой коммуны Парижа, затем член Законодательного собрания 1791 г., конституционный монархист, член клуба Фейяпов; впоследствии член Верховного суда при Директории и Законодательного собрания при Империи — 641.

Лакруа, или Делакрыа (Lacroix, или Delacroix), Жан-Франсуа (1754—1794) — член Национального собрания, член Конвента, вместе с жироидистами боролся против Марата; казнен вместе с Дантоном — 652, 658, 681.

Лаланд (Lalande), Жозеф-Жером (1732—1807) — французский астроном — 529.

Лалли (Lally), Тома-Артур, граф, барон де Толландаль (1702—1766) — начальник французских войск, ведших борьбу с англичанами за обладание Индией, был обвинен в измене и казнен; осуждение Лалли вызвало протест общественного мнения и длительные попытки реабилитации казненного, в которых принимал участие Вольтер — 215.

Лалли-Толландаль (Lally-Tollendal), Трофим-Жерар, граф (1751—1830) — сын графа Лалли, казненного в 1766 г., член Национального собрания, сторонник конституционной монархии; после 10 августа 1792 г. эмигрант — 273, 408.

Ла-Люцерн (La Luzerne), Сезар-Гийом (1738—1821) — кардинал, член Национального собрания; с 1791 г. по 1814 г. эмигрант — 419.

* *Ламартин* (Lamartine), Альфонс-Мари-Луи де Пра (1790—1869) — поэт, один из виднейших представителей романтической школы во французской литературе, политический деятель, член Временного правительства 1848 г., пытавшийся сентиментальными речами примирить буржуазию и пролетариат — 23.

Ламбек (Lambesk), Карл-Евгений, принц (1751—1825) — родственник королевы Марии-Антуанетты, защищавший со своим полком Тюильри 14 июля 1789 г.; эмигрант, участник всех royalistских интервенций против революционной Франции — 411.

Ламеты (Lameth), Александр (1760—1829) и Шарль (1757—1832) — аристократы по происхождению, вступили в революционную армию; Шарль Ламет был членом Национального собрания и одним из основателей клуба Якобинцев; впоследствии вместе с братом примкнул к Фейяном, защищая рабство в колониях; после 10 августа 1792 г. эмигранты, возвратились во Францию после 18 брюмера — 83, 427, 433, 621, 642, 658, 673, 787.

Ланжуинье (Lanjuinais), Жан-Дени (1753—1827) — член Национального собрания, умеренный конституционалист, член Конвента, жирондист, после падения жирондистов скрылся; возвратился в Конвент после 9 термидора и был его президентом в 1795 г., затем член Совета старейшин; автор ряда юридических и публицистических работ; после Реставрации получил титул пэра — 698.

Лантена (Lanthenas) Франсуа (1740—1799) — врач и писатель по вопросам народного образования, член Конвента, по убеждениям близкий к Горе, но лично связанный с жирондистами, в частности с Роланом; впоследствии член Совета пятисот — 658, 660, 679, 680.

* *«Lanterne»* («Фонарь») — газета конституционно-монархического направления, выходившая в июле 1790 г. — семнадцать номеров (не смешивать с памфлетом того же названия, изданным К. Демуденом в 1789 г.) — 17.

Лану (Lanoue), Рене-Жозеф (1740—1793) — генерал, сначала в Северной армии, затем в армии Дюмурье; потерпел поражение в марте 1793 г., был обвинен в измене и казнен — 642.

Ланлас (Laplace), Пьер-Симон, маркиз (1749—1827) — математик и астроном, автор гипотезы о возникновении планет из туманностей и ряда работ по астрономии и физике; по политическим взглядам монархист и реакционер — 512.

Лапорт (Laporte) — управляющий имуществом короля по цивильному листу, арестованный после 10 августа 1792 г. — 579.

Ларошфуко, он же Лианкур (La Rochefoucauld-Liancourt), Франсуа, герцог (1747—1827) — придворный Людовика XVI, член Национального собрания, член клуба Фейянов, сторонник конституционной монархии, эмигрант — 273, 406.

Ларю (Larue), Исаак-Этьен-Шевалье (1760—1830) — участник Национальной гвардии в 1789 г., конституционный монархист; впоследствии член Совета пятисот, сосланный после 18 фруктидора в Гвиану — 565.

Ласурс (Lasource), Марк-Давид-Альба (1763—1793) — член Конвента жирондист — 658, 756, 758.

Латур дю Пен (La Tour du Pin), Жан-Фредерик (1727—1794) — член Национального собрания и военный министр (до 1790), вызвавший сильные нападки демократической партии в связи с делом Нанси; в 1794 г. защищал королеву и был казнен — 62, 406, 419, 431, 436, 447, 584.

Латур-Мобур (La Tour Maubourg), Мари-Шарль-Сезар де Фей, граф (1757—1831) — член Национального собрания, участник выпуска декретов 4 августа; один из военачальников в армии Лафайета, эмигрировавший вместе с ним; возвратился после 18 брюмера — 578.

Лафайет, он же Мотье (Lafayette, или La Fayette), Мари-Жозеф, маркиз (1757—1834) — участник американской войны за независимость; член Национального собрания, начальник Национальной гвардии; осужденный после 10 августа 1792 г., эмигрировал, вернулся во Францию после 18 брюмера; впоследствии способствовал возведению на престол Луи-Филиппа в 1830 г. — 13, 14, 18—21, 26, 36, 56, 61, 62, 83, 266, 353, 367—370, 383, 406, 419, 439, 498, 499, 557, 563—574, 578—580, 586—590, 620, 621, 626, 641, 642, 655, 658, 664, 674, 678, 787, 788, 794, 795.

Лафонтен (La Fontaine) Жан (1621—1695) — французский баснописец — 522.

Лебрен (Lebrun), Шарль-Франсуа (1739—1824) — депутат Генеральных штатов, специалист по финансовым вопросам; впоследствии член Совета пятисот и видный чиновник Наполеона — 666, 767.

* *Левассер* (Levasseur) Рене (1747—1834) — член Конвента, якобинец; оставил ценные мемуары — 21.

Легарди (Lehardi), Пьер (1758—1793) — врач, прокурор-синдик провинции Жосселен; член Конвента, жирондист — 698.

Лежандр (Legendre), Луи (1756—1797) — один из руководителей взятия Бастилии, активный член клуба Кордельеров, по профессии мясник, член Конвента, дантонист, затем правый термидорианец, ярый враг якобинцев, а позднее бабувистов — 673, 675.

Лейчестер (Leicester), Симон де Монфор, граф (1206—1265) — глава восставших феодалов, ограничивших власть английского короля Генриха III так называемыми «Оксфордскими статутами»; фактически за владел королевской властью; в столкновениях с феодалами искал поддержки буржуазии и созвал первый парламент (1265); был побежден сыном Генриха III Эдуардом — 132.

Леклерк (Leclerc), Теофиль (род. 1771) — в 1789 г. участник Национальной гвардии, в 1792 г. — член клуба Якобинцев и член революционного комитета, подготовившего падение жирондистов; один из вождей «бешеных» — движения революционной бедноты; после смерти Марата продолжал издание «Друга Народа», проповедуя террор; за нападки на Робеспьера был арестован, после 9 термидора освобожден — 68—71, 767—770, 797.

Леле (Leleu, frères), братья Элуа-Луи и Доминик-Сезар — фирма, владевшая мельницами в Корбейле и других местах и заключившая в 1775 г. договор с Тюрго на поставку муки для Парижа; договор, несмотря на его невыгодность для государства и населения, поддерживался Неккером — 310, 345, 379—382, 385—388, 390, 391.

Лемьер (Lemierre), Антуан-Маран (1723—1793) — поэт и драматург — 522.

* *Ленге* (Linguet), Симон-Никола-Анри (1736—1794) — адвокат, публицист и историк, противник энциклопедистов; казнен по обвинению в монархизме — 26.

* *Ленин*, Владимир Ильич (1870—1924) — 7—10, 29—31, 72, 73.

Ленуар (Lenoir), Шарль-Пьер (1732—1807) — советник Шатле, начальник парижской полиции при Людовике XV; с 1790 г. эмигрант — 349, 379, 392.

Леньело (Laignelot), Жозеф-Франсуа (1752—1829) — автор нескольких трагедий; член Конвента, монтаньяр, затем правый термидорианец, член Комитета общественной безопасности; был обвинен в участии в заговоре Бабефа, но оправдался — 663.

Леопольд II (1747—1792) — австрийский император с 1790 г., брат Марии-Антуанетты; принимал деятельное участие в подготовке интервенции роялистов против революционной Франции — 491, 572.

* *Лепелетье де Сен-Фаржо* (Lepelletier de Saint-Fargeau), Луи-Мишель (1760—1793) — член Национального собрания, республиканец, член Конвента, выступавший за осуждение короля; убит накануне казни короля роялистом Пари; составил план национального воспитания, предложенный после его смерти Конвенту Робеспьером — 22.

Лианкур (Liancourt), герцог — см. герцог де Ларошфуко.

Ликург (IX век до н. э.) — легендарный спартанский законодатель, провел якобы с одобрения дельфийского оракула, т. е. самого бога Аполлона, преобразование государственного строя Спарты — 145.

Ломери (Lomenie), Этьен-Шарль (1727—1794) — прелат и политический деятель; в 1787 г. — премирник Калонна на должности генерального контролера финансов, замененный в 1788 г. Неккером; он же архиепископ тулузский — 195, 198, 406.

* *Лонге* (Longuet), Жан (род. 1876) — французский правый социалист, адвокат, член парламента, ярый враг компартии и СССР — 21.

Лоу (Law), Джон, или Жан де Лористон (1671—1729) — шотландский экономист и финансист, генеральный контролер финансов при Людовике XV, создатель финансовой системы, основанной на неограниченном выпуске бумажных денег — 143, 162.

Луве де Куврэ (Louvet de Couvray), Жан-Батист (1760—1797) — писатель-романист и публицист, редактор журнала жирондистов «La Sentinelle»; член Конвента, один из активных участников выступлений жирондистов против монтаньяров, в частности — Робеспьера. После падения жирондистов пытался поднять восстание в Нормандии, был приговорен к смерти, но скрылся; после 9 термидора возвращен в Конвент; затем член Совета пятисот — 658, 660, 701.

Лузиньян (Lusignan), Арман-Жан-Жак, граф (1717—1793) — член Национального собрания, роялист и защитник привилегий дворянства — 630.

Луи-Филипп — см. Шартрский герцог.

* *Лукиан* (ок. 120 н. э.) — римский философ, родом сириец, осмеивавший традиционный античный культ и суеверия современников — 8.

Людовик VI Толстый (1081—1137) — король Франции с 1108 г., пятый из династии Капетингов; вел борьбу с феодалами за централизацию власти в руках короля и покровительствовал буржуазии — 129.

Людовик VII (1119—1180) — король Франции с 1137 г., шестой из династии Капетингов, организовавший вместе с монахом Бернардом Клервосским второй крестовый поход (1147—1148), кончившийся неудачей — 129.

Людовик XI (1423—1483) — король Франции с 1461 г., сын Карла VII. При жизни отца вел с ним длительную войну; получив престол, вел борьбу с феодалами, объединенными в мощную лигу. Победив ее, значительно укрепил королевскую власть и расширил пределы своего королевства — 114, 159, 549.

Людовик XIII (1601—1643) — король Франции с 1610 г., сын Генриха IV и Марии Медичи; во время малолетства Людовика XIII королевская власть принадлежала его матери; вторая половина его царствования связана с именем кардинала Ришелье, фактически правившего государством и завершившего процесс укрепления абсолютизма во Франции — 229.

Людовик XIV (1638—1715) — король Франции с 1643 г., наиболее яркий выразитель абсолютизма; ему принадлежит знаменитая фраза: «Государство — это я» («l'état — c'est moi») — 139, 222, 285, 507, 521, 549, 564, 595.

Людовик XVI (1754—1793) — король Франции с 1774 г.; казнен по приговору Конвента 21 января 1793 г. — 65, 67, 190, 217, 237, 252, 264, 273, 429, 491, 542, 571—586, 595—597, 628—631, 635, 640, 645—647, 687—720, 798.

Люлье (Lhuillier, или Lulier), Луи-Мари (1746—1794) — по профессии сапожник, член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г., прокурор-синдик Парижа; был арестован как дантоист, покончил самоубийством в тюрьме — 663.

Люкнер (Luckner), Никола (1722—1794) — прусский полковник, затем французский маршал; перешел на сторону революции, командовал Северной армией; казнен 5 января 1794 г. по обвинению в государственной измене — 620, 656, 666, 677.

Маблю (Mably), Габриэль (1709—1785) — аббат, моралист и политический писатель, принадлежал к школе руссоистов и защищал теорию эгалитаризма — 26, 37, 40, 43, 45, 46, 784.

Мазарини (Mazarini), Джулио (1602—1661) — кардинал и министр Людовика XIII, содействовавший укреплению монархической власти — 597.

Малиссе (Malisset), Симон-Петр — глава спекулятивной хлеботорговой компании, организованной в 1765 г. и известной под названием «La Société de Famine» («Общество голода»); покровительство Лаверди, Терре и самого короля, материально заинтересованных в спекуляциях обеспечило компании фактическую монополию хлебной торговли, крайне тяжело отражавшуюся на населении — 379.

Малуэ (Malouet), Пьер-Виктор (1740—1814) — член Национального собрания, сторонник конституционной монархии, активный защитник прерогатив короля; после 10 августа 1792 г. — в эмиграции; при Наполеоне занимал видные должности по морскому ведомству — 36, 414, 419, 422, 428—431, 470, 476, 545, 755, 789.

Малле дю Пан (Mallet du Pan), Жак (1749—1800) — швейцарско-французский журналист, монархист, вращался в кругу французской эмиграции, оставил интересные мемуары — 50, 785.

Малюс (Malus), Этьен-Луи (1775—1812) — французский физик, военный врач и инженер, участник египетского похода 1796 г., автор научных исследований по физике (по теории света) — 678.

Мальбранш (Malebranche), Никола (1638—1715) — французский философ-математик, стремившийся сочетать мистицизм с рационализмом — 506.

Мальбуа (Malebois), Ив-Мари де Маре, граф (1715—1791) — участник роялистского заговора в 1790 г.; эмигрант — 408, 427.

Мальсейн (Malseigne), Гюйо (ум. 1800) — генерал, казначей гарнизона Нанси, арестованный революционными солдатами, затем освобожденный Буйе; эмигрировал и участвовал в кампании союзников 1792 г. против революционной Франции — 436, 442, 445, 446.

Манлий, Марк, по прозвищу Капитолийский (IV век до н. э.) —

римский консул; легенда приписывает ему спасение Капитолия во время осады Рима галлами в 390 г. до н. э. — 150.

Манюель (Manuel), Луи-Пьер (1751—1793) — публицист, опубликовавший документы, найденные в Бастилии; с 1789 г. — прокурор Коммуны, республиканец, активный участник переворота 10 августа 1792 г.; член Конвента, защищавший короля; казнен по подозрению в сношении с двором — 659, 698.

* *Марат* (Marat), Альбертина (1760—1841) — младшая сестра Ж.-П. Марата, разделявшая его взгляды; после его смерти жила вместе со вдовой Марата Симонной Эввар — 15, 35, 783.

Марбодий (ум. 41 до н. э.) — вождь германского племени маркоманов, участник вместе с Арминием борьбы германских племен за освобождение от Рима; впоследствии был лишен власти и умер в изгнании — 251.

* *Марешаль* (Maréchal), Пьер-Сильвен (1750—1803) — писатель и философ-атеист, до революции подвергался преследованиям, сотрудник журнала «Les Révolutions de Paris», один из основателей культа Разума; активный участник «Заговора равных» Бабефа против Директории; автор «Манифеста равных» — призыва к новой революции против частной собственности — 63.

Марибон-Монто (Maribon-Monteau), Луи (1754—1842) — участник Национальной гвардии в 1789 г.; член Законодательного собрания 1791 г.; затем член Конвента, монтаньяр; председатель Якобинского клуба; участник восстания 2 прерияля — 763.

Марий, Гай (155—86 до н. э.) — римский полководец и политический деятель; военный диктатор, опиравшийся на демократическую партию в борьбе против Суллы, ставленника аристократии — 557.

Марк Аврелий, Антонин (121—180) — римский император с 161 г., философ стоической школы — 222.

* *Маркс* (Marx), Карл (1818—1883) — 9, 10, 19, 21, 25—27, 29, 30, 72, 799.

Мармонтель (Marmontel), Жан-Франсуа (1723—1799) — писатель и драматург, член Французской академии, примыкавший к энциклопедистам; впоследствии ревностный католик — 512, 521, 522, 525, 526, 683.

Марс (римск. миф.) — бог войны — 421.

Мартино (Martineau), Луи (1755—1835) — член Законодательного собрания 1791 г.; затем член Конвента, не игравший активной роли; впоследствии член Совета пятисот — 476, 545.

Мартэн (Martin), Жан-Мари — комиссар дистрикта св. Мартина, был арестован 24 октября 1789 г., освобожден в феврале 1790 г. — 354, 392.

Массон (Masson), Шарль-Мари-Феликс (1763—1812) — член Национального собрания (представитель дворянства), сторонник конституционной монархии — 565.

Матье (Mathieu), Жан-Батист-Шарль (1763—1833) — член Конвента; комиссар в Бордо, отозванный по обвинению в умеренности; член Комитета общественной безопасности; после 9 термидора — активный преследователь якобинцев и затем бабувистов; впоследствии бонапартист — 762, 763, 778.

* *Матьез* (Mathiez), Альфред (1874—1932) — французский историк, автор ряда трудов по истории французской революции, редактор журнала «Annales historiques de la Révolution Française». Работы Матьеза, мелкобуржуазного демократа, дают большой материал для изучения французской революции с социально-экономической стороны. На рус-

ском языке имеются: «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» (1928), «Французская революция», тт. I и II (1925 и 1929) и некоторые другие. В последние годы своей жизни порвал связи с советскими историками и выступал против советской науки — 30, 58, 774, 776.

Мезьер (Bethisy de Mezières), Анри-Бенуа-Жюль (1744—1817) — аббат, член Национального собрания, защитник всех прав и привилегий дворянства и духовенства; эмигрант с 1792 г. — 641.

Менаж (Menage), Жиль (1613—1692) — французский литератор и филолог, автор ряда трудов по истории латинской, итальянской и французской литературы и этимологии французского языка — 516.

Мену (Menu), Жак-Франсуа (1750—1810) — генерал, но убежденным монархист, но принимавший активное участие в обороне Республики; впоследствии участник Наполеоновских кампаний и видный сановник Империи — 411, 433, 778.

Меркурий (римск. миф.) — сын Юпитера; вестник богов и проводник умерших в подземный мир; покровитель краспоречия, торговли и воров — 145.

Мерлен (Merlin de Thionville), Антуан-Кристоф (1762—1833) — член Законодательного собрания 1791 г., крайний республиканец; член Конвента, монтаньяр, комиссар Конвента в армии Кюстина и Богарне и в Вандее; затем ярый термидорианец и член Совета пятисот — 640, 642, 658, 698.

Меровинги — первая франкская королевская династия (от Клодиона до Хильдерика III; 428—751); власть последних королей этой династии была сильно ограничена властью мажордомов (управляющих королевскими именами) из рода Каролингов — 127.

Мерси-Арганто (Mercy-Argenteau), Франсуа, граф (ум. 1797) — австрийский дипломат, посланник венского двора в Версале; после революции 1789 г. — глава «австрийского комитета», стремившегося путем заговоров укрепить монархию, один из организаторов бегства короля и активный деятель коалиции Англии, Пруссии и Австрии против революционной Франции — 410.

* *Мерсье де ла Ривьер* (Mercier de la Rivière), Поль-Пьер (1720—1793) — французский экономист из школы физиократов — 26.

Месмер (Mesmer), Фредерик-Антуан (1733—1815) — популярный в свое время врач, создавший теорию лечения «животным магнетизмом» и широко применявший ее на практике — 50, 505.

Мидас (римск. миф.) — фригийский царь; некоторые легенды о нем включены Овидием в «Метаморфозы», — например, о том, как Мидас получил способность превращать в золото все, к чему он прикасается, и др. — 266.

Мильсан (Milscent), прозванный Креолом — в начале революции начальник Национальной гвардии в Капской колонии, с 1790 г. — в Париже, журналист, сотрудник жирондистских газет, казнен вместе с жирондистами — 658.

Минерва (римск. миф.) — дочь Юпитера, богиня мудрости, покровительница строительства, земледелия, ремесла и наук — 146.

Минос — мифический царь Крита, которому приписывалось знаменитое в античном мире древнекритское законодательство. По одному из мифов, он после смерти был поставлен судьей подземного царства, определяющим участь умерших — 145.

Мирабо-Рикетти (Mirabeau-Riquetti), Оноре-Габриэль-Виктор, граф (1749—1791) — член Национального собрания, вождь оппозиционного дво-

ряства, талантливый оратор, пользовавшийся огромным влиянием в Собрании и в клубах в период борьбы Собрания с двором; после неудачного бегства короля вступил в тайные сношения с двором с целью укрепления монархии — 14, 38, 56, 61, 294, 298, 325, 405, 406, 419—422, 432, 433, 439, 470—472, 475, 500, 555—556, 579, 644, 790, 794.

Миромениль (Miromesnil), Арман-Тома-Гюи (1723—1796) — председатель руанского парламента, смещенный канцлером Мофу; при Морепе — хранитель печати, противник Тюрго и Неккера — 198.

* *Мишле* (Michelet), Жюль (1798—1874) — французский историк радикально-демократического направления; автор «Истории Великой французской революции» — 14.

Моле (Molé). — Повидимому, имеется в виду Матье Моле (1584—1656), президент парижского парламента; во время Фронды у него не раз бывали бурные столкновения, в которых он выказывал большое мужество и присутствие духа; возможно, что Марат говорит об одном из таких столкновений — 151.

Мольер (Molière) — Жан-Батист Поклен (1622—1673) — французский писатель, автор ряда блестящих комедий; впервые вывел на сцену представителей третьего сословия, нарушив традиции классического театра эпохи абсолютизма — 522.

Монбарре (Montbarrey), Александр-Мари-Леандр, принц (1732—1796) — генерал, с 1777 г. по 1780 г. военный министр; впоследствии эмигрант — 197.

Монж (Monge), Гаспар, граф де Пелюз (1746—1818) — французский физик и математик, основатель парижской политехнической школы; морской министр после 10 августа 1792 г., посвятивший свои научные знания делу обороны Республики; впоследствии друг Наполеона — 666.

«*Moniteur Patriote*» («Патриотический Вестник») — газета Марата, в номере первом — единственном — которой (в августе 1789 г.) был напечатан проект «Декларации прав человека и гражданина» Марата — 53, 325, 785, 786.

«*Moniteur universel*» («Всеобщий Вестник») — журнал, основанный в 1789 г. и существовавший до конца Империи, освещавший текущие политические события всегда с точки зрения господствующей партии. В нем печатались наиболее полные отчеты о прениях в Национальном и Законодательном собраниях и в Конвенте — 356, 428, 789, 800.

Монлозье (Montlosier), Франсуа-Доминик-Рейно, граф (1755—1838) — естествоиспытатель и политический деятель; член Национального собрания, защитник абсолютной монархии и всех привилегий дворянства; затем эмигрант и участник кампании союзников против революционной Франции — 419, 755.

Монморен (Montmorin), Арман-Марк, граф (1745—1792) — министр иностранных дел в 1789 г., выслан королем вместе с Неккером в июле 1789 г. и возвращен Национальным собранием, монархист; арестован после 10 августа 1792 г. и убит в тюрьме в сентябрьские дни 1792 г. — 406, 419.

Монтпасье (Montpensier), Антуан-Филипп, герцог (1775—1807) — сын герцога Орлеанского — Филиппа «Эгалите»; вместе со своим братом, герцогом Шартрским, служил в армии Дюмуре; был арестован вместе со всей семьей, освобожден в 1797 г.; умер эмигрантом — 765.

* *Монс*, народное общество. — «Народными обществами» назывались отделения Якобинского клуба в провинции. Монс — город в Бельгии, завоеванный армией генерала Дюмуре в ноябре 1792 г. — 32.

«*Monsieur*» — титул брата французского короля; так назывался

младший брат Людовика XVI — Луи-Филипп (1755—1824), возглавлявший во время революции монархическую эмиграцию и вступивший в 1814 г. на престол под именем Людовика XVIII—764, 783.

Монтаньяры — члены партии Горы (Montagne) в Конвенте (см. Гора).

Монтескье (Montesquieu), Шарль-Луи, барон (1689—1755) — политический писатель, основоположник, буржуазного конституционализма; основное его произведение — «L'esprit des lois» («Дух законов») — 37, 38, 43—45, 54, 521, 525, 785.

Мору (Moreau), Рене-Никола-Шарль-Огюстен (1714—1792) — канцлер Франции во время регентства и правления Людовика XV, известный своей ожесточенной борьбой с парламентами, ловкий политический интриган; изгнан из Франции в 1774 г. — 349.

Моранд (Morande), Шарль-Тевено (1748—1803) — авантюрист, журналист, литературный шабляжист, получивший через посредство Бомарше крупную сумму от короля Людовика XV за уничтожение книги, компрометировавшей фаворитку короля — дю Барри; в 1790 г. издавал сатирический листок «Argus patriotique» монархического направления, был арестован, но скрылся — 603.

Морепа (Maugerac), Жан-Фредерик-Фелиппо, граф (1701—1781) — морской министр и министр двора Людовика XV, советник Людовика XVI, содействовавший сначала назначению Тюрго и Неккера, а затем их свержению — 197, 198.

Моретон-Шабрийян (Moreton-Chabillant), Жан-Анри (ок. 1750—1793) — участник войны за освобождение Северо-Американских Соединенных Штатов; генерал, перешедший на сторону революции, член Якобинского клуба; с 1791 г. маршал в армии Дюмурье, организатор в Брюсселе клуба санкюлотов — 678.

Морле (Morellet), Андре, аббат (1727—1819) — литератор, философ, экономист, сотрудник «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера; член Академии, приветствовавший созыв Генеральных штатов, но враждебно встретивший революцию — 508.

Мори (Maury), Жан-Сиффрен (1746—1817) — прелат, член Национального собрания, сторонник абсолютной монархии и всех привилегий дворянства и духовенства; затем эмигрант — 419, 755.

Моро де ла Рошетт (Moreau de la Rochette), Франсуа-Тома (1720—1791) — французский ученый, агроном и главный инспектор королевских питомников — 508.

* *Мост* (Most), Йоганн-Иосиф (1846—1906) — немецкий социал-демократ, впоследствии анархист, издатель газеты «Freiheit» (в Англии), организатор анархических групп в Америке — 29.

Мотье — см. Лафайет.

Мунье (Mounier), Жан-Жозеф (1758—1806) — член Национального собрания, сторонник конституционной монархии; с 1790 г. по 1802 г. эмигрант — 332, 408.

* *Наполеон I Бонапарт* (1769—1821) — уроженец острова Корсика, в 1793 г. французский артиллерийский офицер в Тулоне; в 1796 г. генерал Директории; с 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.) — первый консул Республики; с 1804 г. до 1814 г. — император Франции — 15.

* *Наполеон III* (1808—1873) — последний французский император, племянник Наполеона I; во время Реставрации эмигрант, в 1848 г. после подавления революции президент Республики, в 1852—1870 гг. император — 24.

Нарбонн (Narbonne), Луи, граф (1755—1813) — придворный короля

Людовика XVI; в 1791 г. — военный министр, роялист; после 10 августа 1792 г. эмигрант; впоследствии на службе у Наполеона — 642.

* «*Neue Zeit*» — теоретический еженедельник немецкой социал-демократии. Основан в 1883 г., закрылся в 1923 г. — 29.

Неккер (Necker), Жак (1732—1804) — женеvский банкир, в течение ряда лет фактически министр финансов Людовика XVI, инициатор созыва Генеральных штатов, изгнан королем 12 июля 1789 г. и с триумфом возвращен на свой пост Национальным собранием; постепенно, по мере развития революционных событий, утерал свою популярность и с 1790 г. удалился от политической жизни — 36, 47, 57, 58, 61, 195, 212, 297, 300, 303—313, 316—324, 331, 334—336, 353, 356, 361, 368—370, 374, 377—384, 388, 389, 393—395, 406, 419, 436, 658, 787, 788, 795.

Нерон (37—68 н. э.) — римский император — 285.

Ноайль — (Noailles), Луи-Мари, виконт (1756—1804) — член Национального собрания; активно участвовал в издании декретов 4 августа; участник ряда кампаний революционных войс; с 1792 г. в эмиграции — 270, 371, 430, 573, 584.

* «*Ново-Рейнская газета*» («*Neue Rheinische Zeitung*») — издавалась в Кельне с июня 1848 г. по май 1849 г., выходила под руководством Маркса и Энгельса — 9—11.

де Ну — см. Лану.

Нума Помпилий (715—672 до н. э.) — второй римский царь, полумифическое лицо, которому легенды приписывали сверхчеловеческую мудрость и справедливость, считая его основателем религиозного и государственного устройства древнего Рима — 146.

Ньютон (Newton), Исаак (1642—1727) — английский математик, физик, астроном и философ, открывший закон тяготения и дифференциальное исчисление — 518, 522, 792.

* *О'Бриенн* (O'Brienne), Вильям-Смит (1843—1864) — ирландский революционер, чартист, пытавшийся в 1848 г. поднять вооруженное восстание среди фермеров — 21.

Общество друзей прав человека — см. Кордельеры.

Одуэн, аббат (Audouin, abbé), Франсуа-Ксавье (1766—1837) — якобинец, комиссар Конвента в Вандее; секретарь военного министра Паша, затем его преемника Бушотта — 658.

Одуэн (Audouin), Пьер-Жан (род. ок. 1760) — журналист, основатель «*Journal universel*»; член Конвента, примыкавший к Горе — 658.

* *О'Коннор* (O'Konnor), Фергюс-Эдуард (1794—1855) — ирландский агитатор, один из вождей движения чартистов (его правого крыла); член парламента и редактор газеты, «Полярная звезда», защитник принципа «морального воздействия» — 22, 26.

«*Orateur du Peuple*» — газета, издававшаяся Фрероном, «учеником Марата», с конца 1789 г. или начала 1790 г.; разоблачила заговор Мирабо; прерванная после событий на Марсовом поле, продолжалась затем опять Фрероном, а потом его другом Лабенеттом до сентября 1792 г.; после своего перехода в лагерь термидорианской реакции Фрерон возобновил издание газеты, и она выходила до 26 термидора III года, когда была закрыта Директорией за ультрароялистское направление — 32, 550, 588.

Орлеан (Orléans) Луи-Филипп-Жозеф (1747—1793), названный Парижской коммуной в 1792 г. Филиппом «Эгалите» («Равенство»); член Конвента, монтаньяр; после измены Дюмурье был обвинен в стремлении к короне и гильотинирован — 229, 421, 454, 660, 661, 698, 751, 756, 764, 798.

д'Ормессон (d'Ormesson), Анри-Франсуа (1751—1807) — генеральный контролер финансов с 1783 г.; содействовал расстройству финансов Франции своим неумелым управлением и был заменен Калонном — 198.

Ормузд, или Агурамазда — древнеперсидское божество, творец жизни, источник добра — 145.

д'Отишан (d'Autichamps). — В семье д'Отишан насчитывалось несколько роялистов-эмигрантов: маркиз Жан-Франсуа-Терез-Луи де Бомон (1738—1831); его брат, граф Антуан-Жозеф-Евмалъ (1744—1822), и два сына графа Антуана — виконт Шарль де Бомон (1770—1852) и виконт Мари-Жак-Жозеф-Жак; все они принимали участие в вооруженной борьбе против Республики — 411.

Падилья (Padilla), Хуан (1490—1521) — вождь кастильских горожан в борьбе против императора Карла V; казнен после поражения при Вильяре — 155, 157.

Пакувиус Аланус (Pacuvius Alanus) — капуанский сенатор; в борьбе Рима против Ганнибала держал сторону последнего — 157.

Панис (Panis), Этьен-Жан (1757—1838) — адвокат, один из вождей инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; член Конвента, до падения Дантона поддерживал Робеспьера, затем участник переворота 9 термидора; после преринальского восстания арестован, был освобожден по амнистии и оставил политическую деятельность — 658, 662, 663.

Пантеон. — В древности так назывался вообще храм, посвященный всем богам; со времени революции — мавзолей в Париже для погребения великих людей, с надписью: «Великим людям — благодарное отечество» — 71, 662.

«Парижская газета» («Gazette de Paris») — ультрароялистская газета, выходившая под редакцией Дюрозуа с октября 1789 г. до 10 августа 1792 г. — 588.

«Парижский курьер» («Le Courrier de Paris») — газета жирондистов, выходившая под редакцией Горса с 5 июля 1789 г. до падения жирондистов 2 июня 1793 г. — 298.

Паризо (Pariset, или Parizot), Жак (1751—1816) — адвокат, журналист, роялист, арестованный 14 июля 1789 г., но затем освобожденный; участвовал в защите Тюильри 10 августа 1792 г., после чего эмигрировал; впоследствии член Совета пятисот — 565.

Парис (Paris) — член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г. — 658, 663.

Парка (римск. миф.) — одна из трех богинь, ведавших судьбой человека и определявших срок его жизни — 555.

* *Паскаль* (Pascal), Блез (1623—1662) — французский математик, физик и философ-яansenист, ведущий непримиримую борьбу с иезуитами — 8.

Пасторе (Pastoret), Клод-Эмауель-Жозеф-Пьер, маркиз (1756—1840) — историк и юрист, член Национального собрания, член Конвента, сторонник конституционной монархии; после 10 августа 1792 г. временно оставил политическую деятельность; впоследствии член Совета пятисот — 641, 658, 792.

«Patriote Français» — см. газета Бриссо.

Перальди (Peraldi), Мариус (ум. 1799) — член Законодательного собрания 1791 г. (депутат Корсики), республиканец — 642.

* *«Père Duchêne»* — газета, издававшаяся с 1790 г. Эбером, доступная по своему изложению самым широким народным массам, играла значительную революционную роль, являясь органом боевого санкюлотизма — 13, 17.

Перле (Perlet), Шарль (1765—1828) — журналист, издатель журнала

конституционно-монархического направления «Versaille et Paris» или «Journal de Perlet» — 587.

Петтион (Petion de Villeneuve), Жером (1753—1794) — член Конвента, мэр Парижа в 1792 г., жирондист — 67, 83, 433, 545, 626, 642, 681—684, 701, 708, 713, 756, 760, 798.

Пизистрат (VI век до н. э.) — афинский тиран, несколько раз захватывавший власть, пользуясь ожесточенной борьбой партий и пуская в ход демагогию и обманы — 146.

Пилатр (Pilâtre de Rozier), Жан-Франсуа (1756—1785) — аэронавт, впервые поднявшийся на воздушном шаре в июне 1784 г. — 508.

Полиньяк (duchesse de Polignac), Иоланда-Мартина-Габриэль, герцогиня (1749—1793) — фаворитка королевы Марии-Антуанетты, воспитательница ее детей, вместе со своим мужем получавшая громадные суммы из истощенной королевской казны; с первых дней революции эмигрировала в Швейцарию — 332, 597.

* *Порталис* (Portalis), Альбер-Эдуар (род. 1845) — французский публицист радикально-демократического направления — 9.

Прадон (Pradon), Никола (1632—1698) — бездарный, но популярный в свое время поэт и драматург, соперник Расина — 521.

Преву (Prévôt de Beaumont) (1726—1823) — в 1767 г. пытался разоблачить «Société de Famine» (см. Малиссе) и был заключен в тюрьму; освобожден лишь в 1789 г., после чего напечатал разоблачения о компании Малиссе в журнале «Révolutions de Paris» и в своей автобиографии — «Le prisonnier de l'Etat», вышедшей в 1791 г. — 378.

Пресвитерианцы — религиозная секта, основанная в середине XVI века в Шотландии, отрицавшая всякую церковную иерархию; во время английской революции XVII века играла видную роль, участвуя в борьбе против короля и англиканской церкви, но не разделяя демократических и республиканских взглядов Кромвеля и его сторонников индепендентов — 152.

Приер (Prieur). — Было два члена Конвента с этой фамилией: 1) Пьер-Луи (1756—1827) — член Конвента, ярый монтаньяр, член Комитета общественного спасения; осужденный термидорианской реакцией эмигрант; 2) Клод-Антуан (Prieur Duvernois) (1763—1832) — военный инженер, член Законодательного собрания 1791 г., член Конвента, монтаньяр; после 10 августа 1792 г. комиссар Конвента; впоследствии член Совета пятисот и сотрудник Карно в организации военной обороны Республики — 642.

* *Прудон* (Proudhon), Пьер-Жозеф (1809—1865) — мелкобуржуазный политический деятель, теоретик анархизма — 22.

Прусский король — см. Фридрих II.

* *Прудом* (Prudhomme), Луи-Мари (1752—1830) — якобинский журналист, основатель журнала «Révolutions de Paris», арестованный в начале 1792 г.; после падения Робеспьера крайний правый, враг якобинцев — 28.

«*Le Publiciste de la République Française*» — см. «L'Ami du Peuple».

Пьюсегюр (Puységur), Луи-Пьер де Шастене, граф (1726—1807) — военный министр с 1788 г. до 12 июля 1789 г., роялист; командовал отрядами, защищавшими 10 августа 1792 года Тюильри; затем эмигрант — 307.

Рабо Сент-Этьен (Rabaut Saint-Etienne), Жан-Поль (1743—1793) — член Национального собрания, сторонник конституционной монархии; редактор журнала «Moniteur», член Конвента, жирондист — 657, 701, 702, 755, 756.

Рамель Ногаре (Ramel Nogaret), Жак (1760—1819) — адвокат, член Национального собрания; член Конвента, примыкавший к «Болоту»; при Директории министр финансов — 778.

Расин (Racine), Жан (1639—1699) — поэт и драматург — 521, 522.

* *Распайль* (Raspail), Франсуа-Венсан (1794—1878) — естествоиспытатель, революционный политический деятель и публицист; член Учредительного собрания 1848 г., левый радикал и демократ — 22.

Рафрон Дютруйе (Raffron du Trouillet), Никола (1723—1801) — адвокат; член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; затем член Конвента, монтаньяр — 659, 663.

Реал (Réal), Гильом-Андре (1755—1832) — адвокат; член Конвента, жирондист, при Директории член Совета пятисот — 658.

Ревбель (Reubell, или Rewbell), Жан-Франсуа (1747—1807) — член Национального собрания, республиканец; член Конвента и комиссар Конвента в армии; затем термидорианец и председатель Исполнительной Директории — 532.

«*Révolutions de France et de Brabant*» («Революции Франции и Брабанта») — см. газета Демулена.

* «*Révolutions de Paris*» («Революции Парижа») — якобинский журнал, основанный Приюдомом и выходивший с 12 июля 1789 г. по февраль 1794 г. До 1790 г. его редактором был Лустало (Loustallot), Арман-Элизе (1762—1790) — 28.

* «*Revue socialiste*» — французский социалистический журнал, выходивший с 1880 г. при участии виднейших представителей II Интернационала: Лафарга, Гэда, Бебеля, Каутского и др. — 29.

Редерер (Roederer), Пьер-Луи (1751—1835) — член Национального собрания; якобинец, редактор «*Journal de Paris*», во все время террора держался оппортунистической тактики, возвысился при Наполеоне, один из творцов законодательства Директории, затем Империи — 642, 662.

Рей де Шомон (Ray de Chaumont) — крупный чиновник министерства финансов при Людовике XV, один из главных участников компании Малиссе — 379.

* *Рейналь* (Raynal), Гильом-Тома-Франсуа (1713—1793) — французский историк и философ, сотрудник «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера. Наиболее известен его четырехтомный труд «*Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les Deux Indes*»; после 4 августа 1789 г. враг революции — 40, 43, 44.

Реноди (Renaudi), аббат — см. Ру, Жак.

Ренье (Regnier), Клод-Амбруаз (1736—1814) — адвокат, член Национального собрания: в деле Нанси защищал действия Буйе; во время террора не принимал участия в политической жизни; возвысился после 18 брюмера, занимал ряд видных должностей в министерстве юстиции Империи — 430, 431, 573.

Ретледж (Rutledge) — журналист, издатель органа клуба Кордельеров «*Le Creuset*» в 1791 г. — 354, 379, 380, 390, 392.

де Ретц (de Retz), Жан-Франсуа-Поль, кардинал (1613—1679) — видный деятель Фронды, очень популярный среди парижского населения, враг королевского двора — 230.

Рикетти-младший (Riquetti), Андра-Бонифас-Луи, виконт де Мирабо (1754—1792) — член Национального собрания, крайний роялист, затем эмигрант и участник армии Конде — 432.

Рикетти-старший — см. Мирабо.

де Риоме (de Rioms, или de Rions), Франсуа-Гектор или Шарль-Гектор-Альбер, граф (1728—1802) — морской офицер, участник амери-

канской войны за независимость; комендант Тулона, арестованный восставшими, освобожден Национальным собранием; с 1792 г. эмигрант — 419.

Ришелье (Richelieu), Арман-Жан-Дюплесси, герцог (1585—1642) — придворный Людовика XIII, кардинал и первый министр, один из создателей французской абсолютной монархии, довершивший подчинение феодальной знати центральной королевской власти — 597.

Робер (Robert), Пьер-Франсуа-Жозеф (1763—1826) — сотрудник журнала «*Révolutions de Paris*»; член клуба Кордельеров, друг Дантона; член Конвента, монтаньяр; был уличен в спекуляции ромом, после чего удалился от политической жизни и занимался исключительно торговлей колониальными товарами — 798.

Робеспьер (Robespierre), Максимилиан (1758—1794) — вождь якобинцев — партии революционной мелкой буржуазии, фактический глава революционного правительства в эпоху террора; казнен после переворота 9 термидора — 15, 21, 53, 57, 64, 71, 325, 433, 439, 485, 532, 545, 658, 798, 801.

Робеспьер-младший (Robespierre), Огюстен-Бон-Жозеф (1763—1794) — член Конвента, брат Максимилиана Робеспьера, разделявший его убеждения — 800.

* *Робеспьер* (Robespierre) Шарлотта (1760—1834) — сестра Максимилиана и Огюстена Робеспьера, жила в Аррасе вместе с Максимилианом; с 1792 г. в Париже; после 9 термидора была арестована, но освобождена; став консулом, Наполеон назначил ей пенсию, которую она продолжала получать при Людовике XVIII и Карле X — 15.

Ролан (Roland de la Platière), Жан-Мари (1734—1793) — министр внутренних дел, в 1792 г. — член Конвента, один из вождей жирондистов — 660, 661, 666, 679, 680, 692, 701, 756, 759.

Ролан г-жа (m-me Roland) Манон-Жанна, урожд. Филиппон (1754—1793) — жена Жан-Мари Ролана, политическая писательница; салон ее был политическим центром жирондистов — 658, 661, 679, 680.

Ромэ де л'Иль (Romé de l'Isle), Жан-Батист-Луи (1736—1790) — французский ученый, минералог — 530.

Рошамбо (Rochambeau), Жан-Батист-Донатьен, граф (1725—1807) — участник американской войны за независимость; в 1791 г. назначен командующим Северной армией; разойдясь во взглядах с Дюмурье, подал в отставку; в 1793 г. был заключен в тюрьму, после 9 термидора освобожден — 620.

Рошон (Rochon), Алексис-Мари (1741—1817) — французский физик и астроном — 529.

* *Рошфор* (Rochefort), Виктор-Анри (1830—1913) — французский публицист и политический деятель, вождь левого мелкобуржуазного крыла республиканской партии, ярый враг императора Наполеона III — 8.

Ру (Roux), Жак, он же аббат Реноди (1752—1794) — священник-революционер, член клуба Кордельеров, член парижского муниципалитета после ликвидации инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; один из вождей «бешеных» — движения парижской бедноты — 37, 68—71, 767—778, 799, 801.

Руайе (Royer-Collard), Пьер-Поль (1763—1845) — адвокат, секретарь первой коммуны 1789 г. до 10 августа 1792 г.; был близок к жирондистам; впоследствии член Совета пятисот; при Реставрации один из вождей либеральной партии, основатель школы «доктринеров» в исторической науке — 642.

Руайю (Rouyou), Тома-Мари (1741—1792) — священник и роялистский журналист, издатель газеты «L'Ami de Roi» — 588.

Рубикон — пограничная река между Италией и Пизальпинской Галицией; переход через Рубикон был решающим моментом в походе Юлия Цезаря из Галлии на Рим (начало гражданской войны) — 264.

* *Рум де Сен-Лоран* (Roume de Saint-Laurent), Филипп-Роз, одно время друг Марата, бывший губернатор Иль де Табаго, затем комиссар Конвента в Сен-Доминго, превысив там свои полномочия, был заключен в тюрьму — 792.

* *Русселен* (Rousselin), Александр-Шарль-Омер, граф де Сент-Альбен (1773—1847) — друг К. Демулена и Дантона, комиссар Конвента в 1793 г.; арестован, как дантонист, но был оправдан; при Директории — секретарь военного министра, при Реставрации — редактор газеты «Constitutionnel»; автор ряда биографий деятелей революции; при Июльской монархии играл видную роль и получил титул графа — 20.

Русская императрица — см. Екатерина II.

Руссо (Rousseau), Жан-Жак (1712—1778) — 37—40, 43, 45—47, 51, 54, 336, 521, 525—527, 633, 785, 792.

Салль (Salles), Жан-Батист (1759—1794) — до революции врач; член Национального собрания, сторонник конституционной монархии; член Конвента, жирондист — 701, 702, 756.

Сантерр (Santerre), Антуан-Жозеф (1752—1809) — один из народных вождей во время взятия Бастилии и переворота 10 августа 1792 г., начальник парижской Национальной гвардии после 10 августа; участник подавления Вандейского восстания; впоследствии составил большой капитал на покупке национальных имуществ и удалился от политической деятельности — 588.

Сарданпал (VII век до н. э.) — полумифическое лицо, последний дар древнеассирийского царства. Легенды приписывают ему крайнюю изнеженность наряду с героическим бесстрашием — 191, 406.

де Сартин (de Sartine), Антуан-Реймон-Жан-Гильбер-Габриель, граф д'Альба (1729—1801) — начальник полиции при Людовике XV, с 1744 г. морской министр; изобличенный Неккером в растратах, был уволен в отставку с большой пенсией; после взятия Бастилии эмигрировал — 197, 378, 379, 392.

* *Свифт* (Swift), Джонатан (1667—1745) — английский писатель, публицист, написал ряд памфлетов против англиканского духовенства и сатирический роман «Путешествие Гулливера» — 8.

Священная гора — холм недалеко от Рима, на который удалялись плебеи, восстававшие против господствующего класса патрициев в 494 и 449 гг. — 113.

Секции (les sections). — Согласно муниципальному закону 1790 г., Париж был разделен на 48 секций, заменивших первоначальные 60 дистриктов. Полностью унаследовав революционные стремления дистриктов, демократические секции служили организационными центрами движения парижских народных масс, приведшего к инсurreкционной Коммуне 10 августа 1792 г. — 589.

Секция Генриха IV (Henri IV) — бывший дистрикт Барнабитов, унаследовавшей его буржуазную ориентацию — 589, 627, 642.

Секция Гравильеров (des Gravieliers) — бывший дистрикт св. Мартина; многочисленная секция (три тысячи триста активных граждан), населенная преимущественно беднотой, ремесленниками и мелкими лавочниками, среди которых большим влиянием пользовался Жак Ру — 767, 776, 777.

* *Секция Единства* (Unité) — бывшая секция «Четырех наций» (des Quatre Nations), одна из наиболее многочисленных (три тысячи девятьсот активных граждан) — 20.

Секция Моконсейль (Maconseil), впоследствии Бонконсейль (Bonconseil) — одна из наиболее революционных, имела тысячу семьсот активных граждан — 19, 646.

* *Сенека*, Луций-Анней (4 до н. э.—65 н. э.) — римский писатель и философ-стоик, воспитатель императора Нерона и придворный; осужденный за участие в заговоре на смерть, сам вскрыл себе артерии — 8.

Сен-Джемский кабинет — название английского кабинета министров; он заседал в Сен-Джемском дворце в Лондоне — 107.

Сен-Жюст (Saint-Just), Луи-Антуан (1767—1794) — член Конвента и Комитета общественного спасения, якобинец, друг и соратник Робеспьера — 21, 27, 406, 797.

Сен-Прист (Saint-Priest) — см. Гюньяр.

* *Сен-Симон* (Saint-Simon), Анри-Клод (1760—1825) — французский социальный мыслитель-утопист — 40.

де Сент-Юрюж (de Saint-Huruge), Виктор-Амедей, маркиз (1750—1810) — аристократ, пострадал при старом режиме от преследований своей жены, пользовавшейся покровительством влиятельных придворных; с началом революции примкнул к крайним республиканцам, друг Демулена; был арестован как дантонист, освобожден после 9 термидора — 392.

Серван (Servan de Gerbey), Жозеф (1741—1808) — жирондист, военный министр в 1792 г.; после казни жирондистов находился в тюрьме до 9 термидора; вновь выдвинулся при Наполеоне — 666.

Сервий Туллий (578—534 до н. э.) — легендарный шестой римский царь; по преданию, положил основу римскому государственному устройству — 113.

«*Серкль социаль*» («Cercle social»), буквальный перевод: социальный кружок — философский и политический клуб, основанный в октябре 1790 г. аббатом Фоше, Бонневилем и другими демократами-мистиками; имел большой успех и посещался наиболее видными деятелями разных направлений; с течением времени в значительной мере утратил свою мистическую окраску и занимался преимущественно вопросами политическими. Маркс указывает, что в нем можно найти начало того революционного движения, которое, пройдя в дальнейшем через движение «беспеных» и заговор Бабефа, породило коммунистическое учение — 25, 26, 28, 59, 63, 661.

Септ (первая половина I века н. э.) — приближенный римского императора Тиберия — 299.

* «*Le Siècle*» («Век») — французский политический и литературный журнал радикально-демократического направления, основанный в 1836 году — 783.

Силлери, бывший граф де Жанлис (Sillery, comte de Genlis), Шарль-Алексис-Брюслар (1737—1793) — генерал, участник войны за Индию, член Национального собрания; сторонник герцога Орлеанского, член Конвента, жирондист — 658.

Сийес (Sieyès), Эмануэль-Жозеф (1748—1836) — аббат и политический деятель; член Национального собрания, член Конвента, затем член Директории; автор знаменитой брошюры «Что такое третье сословие», сыгравшей роль политической программы буржуазии; позднее способствовал перевороту 18 брюмера и был видным сановником Империи — 25, 38, 40, 52, 406, 658, 798.

Скот (Scot), Жан-Дунс (1274—1308) — английский философ и теолог — 506.

Сорель (Sorel) — повидимому, ошибка в подлиннике, надо Соре (Soret), Симон (1748—1828) — адвокат в Понтуазе (город в департаменте Сены и Уазы), член Законодательного собрания 1791 г. — 641.

«Der Sozialdemokrat» — журнал немецкой социал-демократической партии, основанный во время действия исключительных законов против социалистов и существовавший до 1890 г. при ближайшем участии Энгельса — 19.

* *Сталин*, Иосиф Виссарионович (род. 1879) — 29, 31, 792.

Стюарты — старинный род шотландских и английских королей; последний из них — король Карл I, казненный в 1649 г. во время революции — 148, 152.

Сюар (Suard), Жан-Батист-Антуан (1732—1817) — писатель, близкий к энциклопедистам, и театральный цензор, запретивший комедию Бомарше; роялист, эмигрант с 1797; при Наполеоне бонапартист; при Реставрации ярый реакционер — 511, 512.

Сюло (Suleau), Франсуа-Луи (1758—1792) — роялистский публицист, связанный с эмиграцией; убит 10 августа 1792 г. — 588.

Таллен (Tallien), Жан-Ламбер (1769—1820) — член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; член Конвента, монтаньяр, сторонник террора, затем враг Робеспьера и один из главных участников 9 термидора — 659, 662.

Тарже (Target), Гюэ-Жан-Батист (1733—1807) — юрист, член Национального собрания, примыкавший к группе Сийеса; один из авторов «Декларации прав» и конституции; во время террора председатель одного из трибуналов; впоследствии участник законодательных работ Империи — 419.

Тарквиний Гордый (VI век до н. э.) — легендарный седьмой и последний царь Рима, изгнанный в 510 г. до н. э. за насилия и жестокости — 251.

Тацит, Корнелий (55—120) — римский историк, сторонник аристократической республики под управлением сената, враг системы принципата, которую он считает причиной падения Рима — 117.

Тексие (Texier Montegoute), Леонар-Мишель (род. 1749) — член Конвента, конституционный монархист — 763.

Терре (Terreau), Жозеф-Мари, аббат (1715—1778) — генеральный контролер финансов при Людовике XV, придворный интриган; покровитель и участник спекулятивной компании Малиссе, креатура Мопу; смещен Людовиком XVI и заменен Тюрго — 406.

Тессье (Tessier), Луи-Пьер — мелкий торговец, член муниципального совета накануне 10 августа 1792 г., смещенный во время революционных событий и восстановленный после роспуска революционной коммуны — 769.

Тиберий — второй римский император (14—37 н. э.) — 285, 414, 570.

Тит — римский император (79—81 н. э.) — 222, 237.

Тори — консервативная партия в английском парламенте — 152.

Траян (52—117 н. э.) — римский император (с 98 г.) — 222, 237.

Трисмегист («трижды величайший») — один из эпитетов Гермеса, греческого бога торговли и промышленности, вестника богов и проводника умерших в подземный мир (Меркурий римской мифологии) — 145.

Тулузский архиепископ — см., Ломени.

Тюрио (Thuriot), Жак-Алексис (1783—1829) — член Конвента, якобинед, участник переворота 9 термидора — 801.

Уильки (Wilkie), Уильям (1721—1771) — известный в свое время шотландский поэт и ученый-агроном — 506.

Уилькс (Wilkes), Джон (1727—1797) — член английского парламента и публицист, ведший длительную борьбу с правительством за право неприкосновенности членов парламента; эта борьба была использована либеральной партией для возвращения к власти Питта в 1763 г. — 107, 784.

* *Фабр д'Эглантин* (Fabre d'Églantine), Филипп-Франсуа-Назэр (1755—1794) — драматический поэт, автор нового революционного календаря, секретарь Дантона, один из вождей кордельеров; затем член Конвента, член Комитета общественного спасения, казнен вместе с Дантоном — 20.

де Фавра (de Favras), Тома, маркиз (1745—1790) — начальник швейцарской гвардии брата короля Людовика XVI — герцога Прованского, казнен — 354.

Федералисты, вернее федераты — добровольцы Национальной гвардии, организованные в провинции и прибывшие в Париж на праздник Федерации 14 июля 1792 г.; под влиянием революционной агитации якобинцев приняли активное участие в низвержении монархии 10 августа 1792 г. — 620, 628, 656, 727, 796, 797.

Федерации празднество — состоялось впервые 14 июля 1790 г., в годовщину взятия Бастилии, в Париже, на Марсовом поле, где король, Национальное собрание, депутаты 83 департаментов и Национальная гвардия приносили присягу в «вечной верности нации, закону и королю» — 17, 60, 405, 571, 577, 797.

Фейяны — члены клуба, основанного в июле 1791 г. Барнавом, братьями Ламет и другими умеренными монархистами-конституционалистами и получившего название от парижского монастыря ордена феянов (цистерцианцев), где они собирались; в нем объединялись преимущественно представители либерального дворянства и крупной буржуазии — 655.

Фемида (римск. миф.) — богиня правосудия и законности — 352, 421.

Фенелон (Fénelon), Франсуа де Салиньяк де ла Мотт (1651—1715) — воспитатель Людовика XV, автор правоучительного романа «Приключения Телемака» и ряда литературных и публицистических произведений — 522.

Фердинанд V «Католик» (1452—1516) — испанский король (с 1468 г.); при нем приняты особенно обширные размеры преследования «еретиков» всякого рода и деятельность инквизиции; своим браком с Изабеллой Кастильской объединил Испанию в одно королевство — 135, 136.

Ферриер (Ferrières), Шарль-Эли, маркиз (1741—1804) — член Национального собрания, роялист, не игравший активной роли, впоследствии автор трехтомной истории Национального собрания — 641.

Ферру (Ferroux), Этьен-Жозеф (1751—1854) — член Конвента, примыкавший к жирондистам; после падения жирондистов был заключен в тюрьму, освобожден после 9 термидора; затем член Совета старейшин; во время Реставрации эмигрант — 764.

Филипп — см. Орлеан.

Филипп II (1527—1598) — испанский король с 1556 г., сын Карла V, продолжавший его борьбу с Англией и Францией за мировое могущество Испании, известный преследованиями «еретиков» и жестокой расправой с нидерландскими протестантами, вызвавшей революцию и отпадение Нидерландов от Испании в 1581 г. — 113.

Филипп IV Красивый (1268—1314) — французский король с 1285 г.,

отличавшийся жестокими преследованиями «еретиков», за свои спекуляции монетой заслужил прозвище «фальшивомонетчика» — 130.

* *Филсон* (Phipson) — современный английский историк, автор реакционного памфлета о Марате — 18.

Фожас де Сен-Фон (Faujas de Saint-Fond), Бартеlemi (1741—1819) — французский геолог — 508.

Фортуна (римск. миф.) — богиня счастья — 148.

Фосе (Fauchet), Клод, аббат (1744—1793) — член Национального собрания; член Конвента, жирондист, один из основателей «Cercle social» — 26, 659, 663.

* *Франклин* (Franklin), Вениамин (1706—1790) — английский физик и политический деятель, борец за американскую независимость; как ученый известен главным образом своими работами по электричеству — 33, 792.

Франциск II (1768—1835) — император германский (с 1792) и австрийский (с 1804), участник роялистской интервенции против революционной Франции — 636.

* «*Freiheit*» («Свобода») — газета, издававшаяся немецким анархистом Иоанном Мостом во время его пребывания в Лондоне в 80-х годах XIX века — 29.

Фрерон (Fréron), Луи-Станислав (1765—1802) — один из наиболее активных членов клуба Кордельеров; редактор «*Orateur du Peuple*», «маратист»; член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; член Конвента, крайний монтаньяр; затем один из активных участников 9 термидора и руководитель реакционной «золотой молодежи», выдающийся по жестокости преследователь бывших якобинцев и террористов; впоследствии личный друг Наполеона — 32, 658, 661, 663.

Фрето (Fréteau de Saint-Juste), Мари-Мишель-Филипп (1745—1794) — член Национального собрания, сторонник конституционной монархии — 396, 411, 545.

Фридрих II, по прозвищу «Великий» (1712—1786) — прусский король (с 1740), полководец и дипломат, игравший первенствующую роль в международной политике своего времени; представитель «просвещенного абсолютизма» — 43, 98—102, 202, 521.

Фридрих-Вильгельм II (1744—1797) — прусский король (с 1786), союзник Австрии в борьбе против революционной Франции — 636.

Фуко (Foucault de Lardimalie), Луи, маркиз (1755—1805) — член Национального собрания, роялист; с 1791 г. эмигрант — 545.

Фуркруа (Fouquier), Антуан-Франсуа (1755—1809) — французский химик и врач, организатор ряда учебных заведений, член Конвента, употреблял свои знания для укрепления французской республики — 525, 663.

* *Харней* (Harney), Джордж-Джулиан (1817—1897) — чартист, представитель его радикального крыла, редактор «Полярной звезды» — 21, 22, 26.

Хильдерик I (458—481) — третий франкский король из Меровингской династии, изгнанный своими подданными и позднее снова вернувшийся себе власть — 251.

Хильдерик III Безумный (714—751) — последний представитель Меровингской династии на франкском престоле (с 742), низложенный в 751 г. — 251.

Хлодвиг (466—511) — сын Хильдерика I, король франков (с 481), завершивший объединение франков под властью королей Меровингской династии, завоевавший всю Галлию и утвердивший свою столицу в Париже — 251.

Цезарь, Гай-Юлий (102—44 до н. э.) — римский полководец, дик-

татор, разрушивший аристократическую республику, управляющуюся сенатом, и положивший начало системе принципата — 144, 570.

* *Цицерон*, Марк (106—43 до н. э.) — римский оратор, писатель и государственный деятель — 8.

Шабо (Chabot, или Rohan-Chabot), Луи-Антуан-Огюст, герцог (1733—1807) — генерал и придворный Людовика XVI, эмигрант с первых дней революции — 230.

Шабру (Chabroud), Шарль (1750—1816) — член Национального собрания, юрист, член следственной комиссии по делу 5—6 октября 1789 г., защищавший Мирабо и герцога Орлеанского; умеренный конституционалист — 411.

Шамфор (Chamfort), Никола (1741—1794) — автор нескольких трагедий, снискавших одобрение двора и доставивших автору должность секретаря принца Конде; во время революции — враг аристократии, преследовавший в то же время своими сарказмами и деятелей нового порядка — 658.

Шапелье, или Ле Шапелье (Ghapelier, или Le Chapelier), Исаак-Рене-Гюи (1754—1794) — адвокат, член Национального собрания, один из творцов конституции 1791 г. и ряда законов, изданных Национальным собранием, в особенности закона о запрещении рабочих коалиций («закон Ле Шапелье»); после неудачного бегства короля перешел в лагерь роялистов и эмигрировал; вернулся в 1794 г. и был казнен — 52, 59, 60, 63, 402, 405, 744, 793, 794.

Шаплен (Chaplain), Жан (1595—1674) — бездарный, но известный в свое время поэт, предмет злой сатиры Буало — 521.

* *Шаравей* (Charavey), Габриэль (род. 1818) — библиограф и журналист, член тайных революционных обществ, в 1848 г. — издатель «Le Républicain», в 1858 г. изгнан правительством Наполеона, автор многих библиографических трудов, издатель «Истории заговора Бабефа», написанной Буонаротти — 24.

* *«Шаривари»* («Charivari»), в переводе: карикатурная музыка или кошачий концерт — сатирический журнал либерального направления, основанный в 1832 г. Шарлем Филиппом — 15.

Шарль (Charles), Жак-Александр-Сезар (1746—1823) — французский ученый, физик — 508.

Шартрский, герцог (duc de Chartres), Луи-Филипп (1773—1850) — эмигрировал в 1793 г. вместе с Дюмурье; впоследствии под именем Луи-Филиппа французский король, возведенный на престол французской буржуазией после Июльской революции 1830 г. — 765.

Шатле (Châtelet) — старинный замок в Париже, местопребывание королевского уголовного суда — 349, 352—363, 371, 384, 388, 389, 414, 417, 419, 422, 425, 427, 428, 476, 499, 603, 638.

* *Шевремон* (Chevrement) — французский историк, автор двухтомной биографии Марата и библиографического «Index'a» его печатных работ, собравший ценнейшую коллекцию материалов по Марату, находящуюся ныне в Британском музее в Лондоне — 20, 22, 24, 29, 31, 36, 73, 75, 783, 784, 787, 788, 791, 797.

Шелли, или Шеель (Sheele), Карл-Вильгельм (1742—1786) — шведский химик — 506.

Штатгальтер — титул короля (правителя) Голландии, принятый Вильгельмом Оранским в 1579 г., при образовании независимой «Республики семи соединенных провинций». В 1790 г. штатгальтером Голландии был Вильгельм V, участвовавший в роялистской коалиции против революционной Франции — 202, 588.

Шуазель (duc de Choiseul Stainville), Клод-Антуан-Габриэль, герцог (1762—1838) — участник отрядов Буйе, арестован в Варенне; затем участник ряда заговоров двора против конституции; с 1792 г. эмигрант — 584.

* *Эбер*, или Гебёр (Hebert), Жан-Рене (1757—1794) — редактор «Père Duchésne»; член инсurreкционной Коммуны 10 августа 1792 г.; сторонник террора, ведший ожесточенную борьбу против жирондистов, затем дантонистов; проповедник атеистического культа Разума; представляя интересы части мелкой буржуазии и богемной деклассированной интеллигенции, вступил в борьбу с Робеспьером и был казнен вместе с группой своих приверженцев — 13, 17, 70.

* *Эвербек* (Ewerbeck), Август-Герман (род. 1816) — немецкий коммунист, врач, эмигрант в Париже, участник «Союза справедливых» — 25.

* *Эврар* (Evrard), Симонна (1764—1824) — подруга Марата, помогавшая ему в издании «L'Ami du Peuple»; после смерти Марата жила вместе с его сестрой Альбертиной, поддерживая связи с революционными лицами Парижа, в частности с бабувистами — 15, 34, 783.

Эгалите, принц — см. Орлеан.

Эгерия (римск. миф.) — нимфа вод, бывшая, по легенде, женой второго римского царя Нумы Помпилия и его тайной советчицей, по указаниям которой он вводил свои законы — 145.

д'Эгильон (d'Aiguillon), Арман-Виньеро-Дюплесси-Ришелье, герцог (ум. 1800) — член Национального собрания, участник издания декретов 4 августа; преемник Кюстина в командовании армией в Порентриу; после 10 августа 1792 г. эмигрант — 427, 433.

Эльдерс (Aelders), баронесса — деятельница феминистического движения, участница «Cercle social», пропагандистка «патриотических женских клубов» — 588.

Эмери (Emery), Мишель (ум. 1650) — финансовый деятель эпохи Ришелье; в 1643 г. министр финансов, вводил новые налоги и, возбудив против себя слишком большое недовольство, был смещен Мазарини в 1648 г. — 130.

Эмери д'Андре (Emery d'André), Антуан-Балтазар-Жозеф (1759—1825) — член Национального собрания и его военного комитета, монархист; в 1792 г. обвинен в спекуляциях и эмигрировал; в эпоху Реставрации министр полиции — 411, 439, 545, 572, 578, 631.

* *Энгельс* (Engels), Фридрих (1820—1895) — 19, 21, 25—30, 58, 65, 72.

* *Эпременьль* — см. Депременьль.

* *Эрстье* (Heritier), Луи (1863—1897) — швейцарский социал-демократический деятель и историк, автор «Истории французской революции 1848 г. и Второй республики» (есть русский перевод) — 29.

Эро (Herault de Sechelle), Мари-Жан (1759—1794) — адвокат, участник взятия Бастилии; член Законодательного собрания 1791 г.; в дни 10 августа сподвижник Дантона, затем член Конвента, комиссар Конвента в армии; член Комитета общественного спасения — 642.

д'Эспаньяк (d'Espagnac) (1740—1793) — аббат, крупный финансист, спекулянт, участник Индийской компании; казнен за спекуляции на военных поставках в Альпийской армии Дюмурье — 597.

д'Эстенг (d'Estaing), Шарль-Гектор, граф (1729—1794) — член Национального собрания и адмирал в 1792 г.; казнен — 327, 329, 330.

Этьен (Etienne) — ближайший помощник Лафайета, командир батальона Национальной гвардии, защищавшей Тюильри 10 августа 1792 г., принимал участие в кампании против Марата, издав против него брошюру — 587.

Эфоры — носители судебной и административной власти в древней Спарте, первоначально назначавшиеся дарами, позже выбиравшиеся народом — 132.

Эшвены — должностные лица средневековой Франции, преимущественно в городах — 118.

Юлен (Hulin, или Hullin), Пьер-Огюстен (1758—1841) — участник взятия Бастилии, капитан Национальной гвардии, впоследствии участник переворота 18 брюмера и наполеоновский генерал — 565.

Юпитер (римск. миф.) — старший из двенадцати великих богов древнего Рима, соответствовавший греческому Зевсу — 145.

Юстица — учреждение в Арагонии, ограничивавшее власть испанского короля в судебном отношении и защищавшее личную свободу и права собственности дворянства — 132.

Св. Яго орден — Сан Яго да Кампостелла, или орден Калатравы, — испанский и португальский орден, учрежденный папой Александром III в 1175 г. — 135.

Якобинцы — члены клуба, получившего свое название от монастыря якобитов, где они собирались; в 1789 г. объединял конституционных монархистов разных направлений; после ухода фейянов в июле 1791 г. клуб стал ареной борьбы жирондистов, представителей торгово-промышленной буржуазии, с Робеспьером, вождем революционной мелкой буржуазии; клуб активно участвует в событиях 10 августа 1792 г., организует федератов, а после падения жирондистов становится центром монтаньяров и руководящей политической организацией в эпоху террора; после падения Робеспьера клуб был разгромлен термидорианской реакцией в ноябре 1794 г. — 27, 30, 70, 71, 405, 435, 499, 548, 588, 677, 760, 770, 779, 797, 801, 802.

Яков I (1566—1625) — король английский и шотландский, сын Марии Стюарт, наследовавший трон после смерти Елизаветы — 139, 149.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Марат (литография Граведона)	6—7
Марат (гравюра Эда)	84—85
Дом, в котором родился Марат	91
Дом Марата (гравюра неизвестного автора)	99
Первая страница из книги Марата «Chains of Slavery», 1774	109
Аллегория королевских злодеяний (лубок неизвестного автора)	133
Уничтожение феодальных прав (из газеты Desmoulin «Révolutions de France et de Brabant», t. III, 1790)	153
Марат (гравюра на дереве А. Д. Гончарова)	180—181
Первая страница книги Марата «Offrandes à la Patrie», 1789	185
14 июля 1789 года (лубок неизвестного автора)	191
Владелец замка Шоссенон готовится угощение для революционеров, пришедших разрушать его замок (гравюра неизвестного автора)	199
Демулен призывает к восстанию в Пале-Рояле 12 июля 1789 года (гравюра Берто с рис. Приера)	205
Убийство Франсуа булочника (гравюра неизвестного автора)	213
Бальи (гравюра Леваше с рис. Дюплесси-Берто)	231
Лафайет (гравюра Леваше с рис. Дюплесси-Берто)	231
Неккер (гравюра Леваше с рис. Дюплесси-Берто)	243
Дюмурье (гравюра Леваше с рис. Дюплесси-Берто)	243
Будь бодр, Мария-Жанна, хорошее время еще придет (лубок неизвестного автора)	259
День 5 октября 1789 года в Версале (лубок неизвестного автора)	271
Парижские женщины отправляются в Версаль за королем 5 октября 1789 года (гравюра Берто с рис. Приера)	275
Король приезжает в Париж в сопровождении толпы 6 октября 1789 г. (гравюра Берто)	279
Аллегория свободы (из газеты Desmoulin «Révolutions de France et de Brabant», t. III, 1790)	283

Лафайет разоружает в Елисейских полях 12 января 1790 года 200 солдат (гравюра Берто с рис. Приера)	287
Разгром Лионского арсенала 7 февраля 1790 года (гравюра Берто с рис. Приера)	291
Марат (гравюра неизвестного автора)	294—295
Марат в подпольи (из газеты Desmoulin «Révolutions de France et de Brabant», t. VI, 1790)	301
Первая страница из книги Марата «Nouvelles Dénonciations de Marat», 1790	375
Малуэ доносит Национальному собранию на Марата и Демулена (из газеты Desmoulin «Révolutions de France et de Brabant», t. III, 1790)	415
Сжигание контрреволюционной прессы (из газеты Desmoulin «Révo- lutions de France et de Brabant», t. VI, 1790)	415
Первая страница брошюры Марата «On nous endort, prenons-y- garde», 1790	423
Первая страница брошюры Марата «L'Affreux Réveil», 1790,	437
Выступление в Нанси и смерть Дезила 31 августа 1790 года (гра- вюра Берто с рис. Приера)	443
Бабёф (гравюра неизвестного автора)	451
Убийство полицейского шпиона (гравюра неизвестного автора) . .	454
Барнав (литография Дельбека)	459
Марат и Диоген в подпольи (гравюра неизвестного автора)	467
Квартира Марата (гравюра неизвестного автора)	473
Заседание якобинцев в январе 1792 года (гравюра неизвестного ав- тора с рис. Виллетта)	479
Памятник Марату (гравюра Вилленев)	487
Марат (раскрашенная акватинта Аликса (рис. Гарнери)	500—501
Кондорсе (гравюра Леваше с рис. Дюплесси-Берто)	509
Бриссо (гравюра Леваше с рис. Дюплесси-Берто)	509
Ликвидация застав 1 мая 1791 года (гравюра Берто с рис. Приера) .	542
Прибытие короля из Варенн в Париж 25 июня 1791 года (гравюра Жармена)	551
Сестра Марата Альбертина (из книги Cabanès «Marat Unconnu») . .	559
Петион (гравюра Курба с рис. Лабади)	569
Избиение народа на Марсовом поле 17 июля 1791 года (гравюра Берто с рис. Приера)	581
Объявление отечества в опасности 22 июля 1792 года (гравюра Берто с рис. Приера)	593
Марат на трибуне Конвента (гравюра Туркати с картины Симона- Младшего)	606—607
Первая страница из «Journal de la République Française» № 1, 1792.	611
20 июня 1792 года (гравюра неизвестного автора)	615

10 августа 1792 года (гравюра Гельмана с рис. Монне)	623
Осада и взятие Тюильри 10 августа 1792 года (гравюра Берто с рис. Приера)	633
Сентябрьские убийства 1792 года (гравюра Берто с рис. Свебаха Дефонтена)	643
Номер «L'Ami du Peuple» 1784, залитый кровью Марата	653
Время требует, чтобы каждый нес большое бремя (лубок неизвестного автора)	667
Марат («Journal de la République Française» № 1, 1792)	684—685
Конвент (гравюра Молля)	689
31 мая и 1 и 2 июня 1793 года (гравюра Берто с рис. Свебаха Дефонтена)	693
Заседание революционного комитета (гравюра Мелано и Берто с рис. Фрагонара-сына)	699
Карикатура на жизнь Марата (из книги Cabanès «Marat Unconnu»)	705
Сцена убийства Марата (гравюра Винкельса по рис. Бриона)	711
Убийство Марата 13 июля 1793 года (гравюра Берто с рис. Свебаха Дефонтена)	715
Смерть Марата (фототипия с картины Давида)	721
Голова умершего Марата (гравюра Копиа с рис. Давида)	725
Декрет Национального конвента о похоронах Марата	731
Убийство в Монтобане в мае 1790 года (гравюра Симоне с рис. Эспинаса)	735
Заставка с текстом из книги Марата «Mémoire sur l'électricité»	741
Заставка с текстом из той же книги	747
Страница из книги Марата «Mémoires académiques» 1788	753
Марат (акватинта Вядленев)	780—781

Революция 10 августа—2 сентября 1792 г.

План революции, не удавшейся народу	609
Советы Друга Народа федератам департаментов	620
Письмо Друга Народа федератам восьмидесяти трех департаментов	628
Друг Народа—французским патриотам	637
Народ, обманутый своими представителями, или новые измены собравшихся «отцов народа» после взятия Тюильри	640
Друг Народа—храбрым парижанам	650
Друг Народа—своим согражданам	652
Друг Народа—друзьям отечества	657
Друг Народа—Луи-Филиппу-Жозефу Орлеанскому, французскому принцу	660
Друг Народа—добрым французам	664
Друг Народа—согражданам-избирателям	670
Друг Народа—друзьям отечества	677
Друг Народа—Жерому Петиюну, мэру Парижа	684

Марат в борьбе с Жирондой — революция 2 июня 1793 г.

Смерть Людовику XVII!	687
---------------------------------	-----

Статьи из «Газеты французской республики» и из «Публициста французской республики» за 1793 г.

Против голода и дороговизны	723
Марат—патриотам, своим коллегам в Национальном конвенте	727
Вторичное обращение к патриотам Конвента	733
Примирение с Жирондой невозможно!	739
Profession de foi	746
Жиронда обвиняет Марата	751
После суда над Маратом	757
Новая революция не закончена	760
Усыпители народа во главе новой революции	762
Письмо Марата Национальному конвенту	761
Портрет Жака Ру	767
Патриоты Горы не замечают измены	778
О диктаторе и диктатуре	779

Комментарий

Примечания	
Указатель литературы	803
Основные даты жизни и деятельности Ж.-П. Марата	804
Указатель собственных имен и названий	810
Перечень иллюстраций	850

